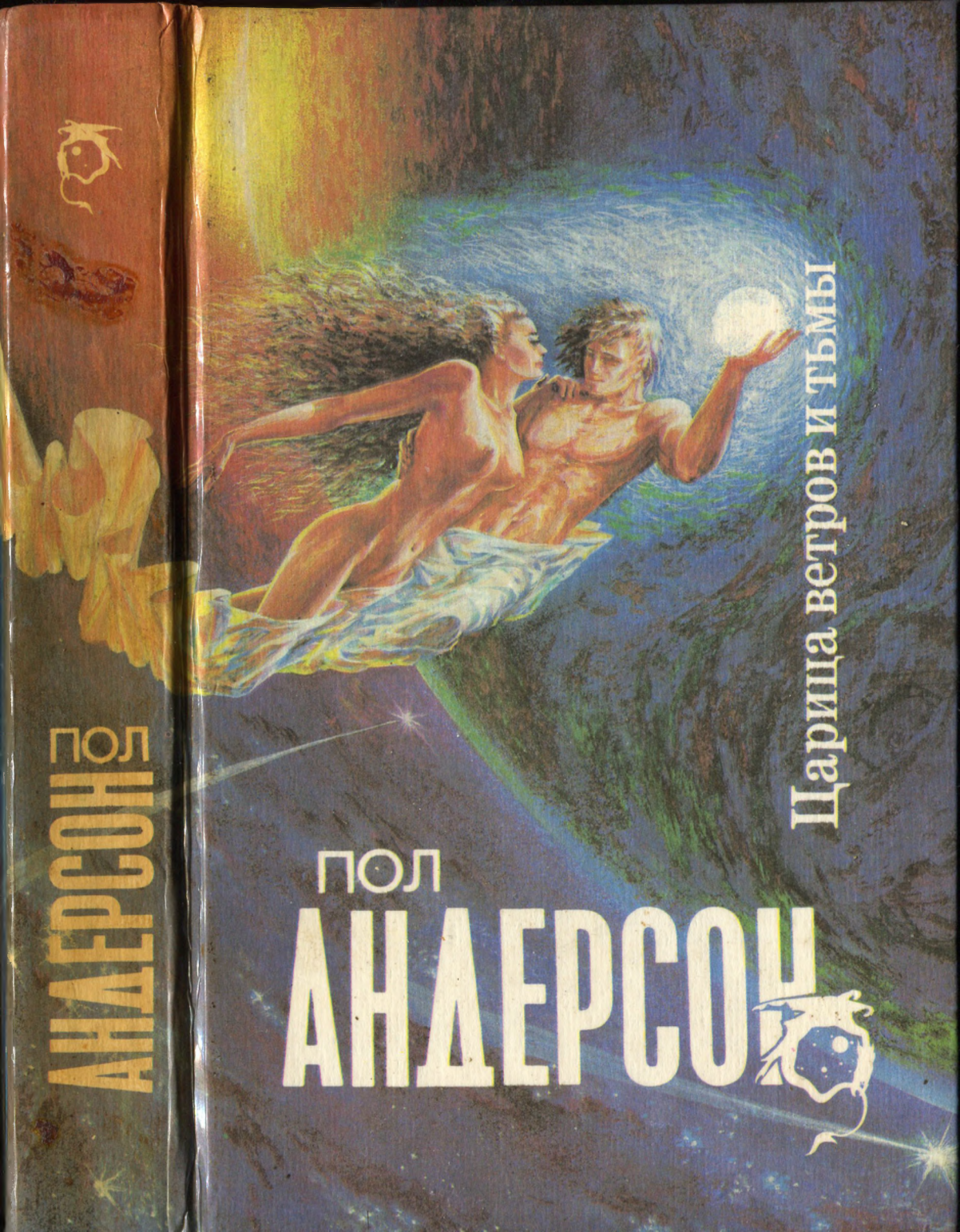

ПОЛ
АНДЕРСОН
ПОЛ
АНДЕРСОН
Царица ветров и тьмы

·Северо-Запад·®

ПОЛ АНДЕРСОН

Царица ветров и тьмы

ПОЛ

АНДЕРСОН

Царица ветров и тьмы

РАССКАЗЫ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

ББК 84.7 США
А 65

Андерсон П.
А65 Царица ветров и тьмы: Рассказы/ Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 575 с.
ISBN 5-8352-0206-7

Издательство «Северо-Запад» продолжает знакомить читателя с творчеством знаменитого американского фантаста Пола Андерсона.

В данный сборник вошли рассказы разных лет. Приключения, опасности, тайны и загадки — все это на страницах сборника «Царица ветров и тьмы».

© Б. Миловидов, составление, 1993
© Оформление. Издательство «Северо-Запад», 1993
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-8352-0206-7

ЦЕЛЬ ВЫСШАЯ МОЯ — ЧТОБ НАКАЗАНЬЕ ПРЕСТУПЛЕНЬЮ СТАЛО РАВНЫМ...*

Познакомились мы на деловой почве. Фирме Майклса, которая решила открыть свой филиал на окраине Ивенстоуна, стало известно, что в моем владении находится самый многообещающий земельный участок. Они предложили мне за него большие деньги, но я заупрямился; они увеличили сумму — я не сдавался. Тогда меня посетил сам босс. Он оказался несколько иным, чем мне представлялось. Настроен он был воинственно, но вел себя настолько корректно, что это не оскорбляло, а манеры его были так изысканны, что почти не замечались пробелы в образовании. Этот свой недостаток он весьма успешно изживал, посещая вечернюю школу, публичные лекции и поглощая уйму книг.

Не прерывая беседы, мы с ним отправились промочить горло. Он привел меня в какой-то бар совершенно не в стиле Чикаго: тихий, скромно обставленный, без музыкального автомата, без телевизора, только полка с книгами да несколько шахматных досок. И никаких подонков и жуликов, которыми обычно кишат подобные заведения. Кроме нас, в баре было еще с полдюжины посетителей: какой-то пожилой мужчина с лицом и осанкой профессора, группа людей, со знанием дела споривших на политические темы, юноша, обсуждавший с барменом вопрос о том, чье творчество оригинальнее — Бартока или Шенбер-

* Уильям Гилберт. Микадо (*прим. пер.*).

га. Нам с Майклсом достался столик в углу и датское пиво.

Я заверил его, что меня не интересуют деньги, просто мне претит, когда ради возведения очередного хромированного сарая уродуют бульдозерами живописную местность. Выслушав меня, Майклс молча набил свою трубку. Это был худощавый стройный мужчина с удлиненным подбородком и римским носом, седеющими волосами и темными сверкающими глазами.

— А разве представители моей фирмы ничего вам не объяснили? — спросил он. — Мы вовсе не собираемся строить стандартные бараки, которые калечат пейзаж. У нас имеется шесть проектов, не считая вариантов; на чертеже это выглядит... вот так.

Он достал карандаш, лист бумаги и принялся набрасывать план. Когда он разговорился, стал заметнее его иностранный акцент, но на беглости речи это не отразилось. А дело свое он знал лучше, чем те, кто ранее беседовал со мной от его имени.

— Нравится вам это или нет, — сказал он, — а сейчас середина двадцатого века, и никуда не денешься от массового производства. Но из этого не следует, что человечество непременно станет менее привлекательным. Пользуясь стандартной продукцией, оно может достичь даже определенного художественного единства.

И он принялся объяснять мне, как этого добиться.

Он не слишком торопил меня, и мы то и дело отклонялись от главной темы.

— Уютное это местечко, — заметил я. — Как вы его нашли?

Он пожал плечами.

— Я иногда брожу в ночное время по улицам. Изучаю город.

— А это не опасно?

— Смотря с чем сравнивать, — внезапно помрачнев, ответил он.

— О... видно, вы не здешний?

— Вы угадали. Я приехал в Соединенные Штаты только в 1946 году. Таких, как я, называли «переме-

щенными лицами». Тэдом Майклсом я стал потому, что мне надоело писать длинное «Тадеуш Михайловский». Мне ни к чему травить душу воспоминаниями о Старом Свете; я стремлюсь к полной ассимиляции.

При других обстоятельствах он говорил о себе мало и сдержанно. Позже от восхищавшихся им завистливых конкурентов я узнал некоторые подробности его стремительной деловой карьеры. Кое-кто из них до сих пор не верил, что можно выгодно продать дом со скрытой системой отопления не меньше чем за двадцать тысяч долларов. Майклс же нашел способ успешно проворачивать подобные сделки. Не так уж плохо для иммигранта без гроша за душой.

Я копнул глубже и узнал, что, приняв во внимание услуги, оказанные им армии Соединенных Штатов на последнем этапе второй мировой войны, ему дали специальную визу на въезд. А услуги такого рода требовали значительной выдержки и сообразительности.

Между тем наше знакомство крепло. Я продал ему землю, в которой он нуждался, но мы с ним по-прежнему продолжали встречаться — иногда в каком-нибудь баре, иногда в моей холостяцкой квартире, но чаще всего в его особняке на крыше дома, что стоял на холме у озера. У него была поразительно красивая блондинка жена и двое смышленых, хорошо воспитанных сыновей. Но несмотря на все это его томило одиночество, и он дорожил нашей дружбой.

Примерно через год после нашей первой встречи он рассказал мне одну историю.

Я был приглашен к ним на обед в День Благодарения. После обеда завязался разговор. Мы сидели и беседовали, беседовали, беседовали. Когда же, покончив с обсуждением вероятности возникновения беспорядков во время приближающихся городских выборов, мы перешли к вопросу о том, насколько вероятно, что другие планеты в своем развитии в основных чертах проходят тот же путь, что и наша собственная, Эмили извинилась и ушла спать. Уже давно перевалило за полночь, а мы с Майклсом все говорили и говорили. Никогда раньше я не видел его таким возбужденным. Словно что-то в нашем разговоре за-

дело его за живое. Наконец он встал, нетвердой рукой наполнил наши стаканы виски и, бесшумно ступая по пушистому зеленому ковру, направился через всю гостиную к огромному окну.

Стояла светлая морозная ночь. Под нами внизу раскинулся город — причудливое сплетение сверкающих красок, прожилки и завитки из рубинов, аметистов, сапфиров, топазов — и темное полотно поверхности озера Мичиган; казалось, наши взоры вот-вот выхватят из мрака простиравшиеся вдали бескрайние заснеженные равнины. А над нами изгибался кристально-черный свод неба, где стояла на хвосте Большая Медведица и по Млечному Пути шагал Орион. Мне не часто приходилось видеть такое величественное и суровое зрелище.

— Но я же знаю, о чем говорю, — произнес он.

Я чуть шевельнулся в глубине своего кресла. В камине плясали крохотные голубые язычки пламени. Кроме них комнату освещала только одна затененная абажуром лампа, и, проходя незадолго до этого мимо окна, я без труда разглядел в вышине россыпи звезд.

— По собственному опыту? — немного помедля, спросил я.

Он бросил быстрый взгляд в мою сторону. Лицо его окаменело.

— А если бы я ответил утвердительно?

Я не спеша потягивал виски. «Кингс ренсом» — благородный и умиротворяющий напиток — особенно в те часы, когда вся земля точно звенит в унисон с умирающим холодом.

— У вас, видно, есть на то свои причины. Хотел бы я знать, какие.

Он криво усмехнулся.

— О, я тоже с этой планеты, — сказал он. — Однако... однако небо так необъятно и чуждо... Вы думаете, это не повлияло на людей, которые побывали в Космосе? Не пропитало их до мозга костей настолько, что после их возвращения все на Земле переменилось?

— Продолжайте. Вы же знаете, что я люблю фантастику.

Он посмотрел в окно, снова взглянул на меня и внезапно залпом выпил свое виски. Столь резкое движение было ему несвойственно. Как, впрочем, и неуверенность.

— Что ж, я расскажу вам одну фантастическую историю, — жестко, с усилившимся акцентом произнес он. — Хоть в ней и мало веселого, ее хорошо рассказывать в зимнюю пору; кстати, не советую вам принимать ее слишком всерьез.

Я затянулся великолепной сигарой, которой он угостил меня, и приготовился слушать, не нарушая необходимой ему сейчас тишины.

Глядя себе под ноги, он несколько раз прошелся мимо окна, потом снова наполнил свой стакан и сел рядом со мной. Однако смотрел он не на меня, а на висевшую на стене картину, сумрачную и непонятную, которая никому, кроме него, не нравилась. Эта картина словно вдохнула в него силы, и он заговорил, быстро и тихо:

— Однажды в далеком-предалеком будущем жила-была цивилизация... Я не стану вам ее описывать, ибо описать ее невозможно. Сумели бы вы, перенесясь в эпоху строителей египетских пирамид, рассказать им вот об этом городе у подножия холма? И дело вовсе не в том, что они бы вам не поверили, — это само собой разумеется. Я имею в виду, что они бы просто-напросто вас не поняли. Что бы вы ни говорили, для них это была бы полная бессмыслица. А то, как наши современники работают, о чем думают и во что верят, было бы для них еще непонятнее, чем огни, небоскребы и механизмы там, за окном. Разве не так? Если бы я рассказал вам о людях будущего, живущих в мире невероятных слепящих энергий, о генетических мутациях, воображаемых войнах, о говорящих камнях и неком безглазом охотнике, какие бы вы при этом ни испытали чувства, вы б ровным счетом ничего не поняли.

Поэтому я только прошу вас попытаться представить себе, сколько тысяч оборотов совершила к тому времени эта планета вокруг Солнца, как глубоко мы погребены и как прочно забыты. И еще постарайтесь

понять, что мышление людей той цивилизации настолько отличается от нашего, что они вопреки всем законам логики и природы изобрели способ путешествия во времени.

Однако заурядный представитель той эпохи — едва ли я могу назвать его «гражданином» или употребить какое-либо другое слово из нашего современного лексикона, ибо это собьет вас с толку, — такой относительно образованный человек имеет довольно смутное представление о том, что тысячелетия назад какие-то полудикари первыми расщепили атом, и только один или двое избранных побывали в нашем времени, жили среди нас, изучали нас и вернулись обратно с информацией для Центрального Мозга, если тут уместен такой термин. Остальные интересуются нами не больше, чем, скажем, вы интересуетесь археологией раннего периода Месопотамии. Вам понятно?

Он опустил взгляд на свой стакан, который все еще держал в руке, и впился в него глазами, словно виски загипнотизировало его, и он погрузился в транс. Молчание затянулось. Немного подождав, я произнес:

— Ладно. Ради того чтобы услышать вашу историю, я принимаю эту предпосылку. Однако мне кажется, что тем, кто путешествует во времени, не следовало бы привлекать к себе внимание. У них наверняка должны быть разработаны какие-то методы маскировки. Едва ли им хочется изменить свое собственное прошлое.

— О, такая опасность исключается, — возразил он. — Единственная причина их маскировки в том, что им не удалось бы собрать необходимую информацию, сообщай они на каждом шагу, что явились из будущего. Вы только вообразите, к чему бы это привело!

Я усмехнулся.

Майклс угрюмо взглянул на меня.

— Как, по-вашему, в каких еще целях, кроме научных, можно использовать путешествие во времени? — спросил он.

— Ну, для приобретения произведений искусства и разработки природных богатств, — предположил я. — К примеру, можно отправиться в эпоху динозавров добывать железо, чтобы до появления человека снять сливки с богатейших месторождений.

Он отрицательно покачал головой.

— Подумайте еще. Людей той цивилизации удовлетворило бы весьма ограниченное количество статуэток и ваз династии Мин и миниатюр Третьей Мировой гегемонии. К тому же большая часть их разошлась бы по музеям — если только можно употребить в этом случае слово «музей». Я повторяю, что они не похожи на нас. А что касается природных богатств, то они в них не нуждаются: все необходимое они синтезируют.

Он умолк, словно готовясь к последнему прыжку.

— Как называлась та колония для преступников, которую покинули французы?

— Чертов Остров?

— Правильно. Можете ли вы придумать более страшное возмездие, чем высылка преступника в прошлое?

— А мне и в голову не пришло бы, что в будущем сохранится концепция возмездия, а тем более необходимость держать в страхе одних, подвергая ужасным наказаниям других. Даже мы, в нашем веке, сознаем, что это ничего не дает.

— Вы в этом уверены? — спокойно спросил он. — Кстати, вас однажды удивило, что я без страха брожу один по ночным улицам. Так вот: наказание очищает общество. Попади вы в будущее, вам бы объяснили, что публичное повешение снизило процент преступности, который без этого был бы гораздо выше. А еще важней то, что в восемнадцатом веке эти «спектакли» создали условия для рождения истинного гуманизма.

Он сардонически поднял бровь.

— Во всяком случае, так утверждают в будущем. Правы ли они или просто стараются оправдать некоторый упадок своей собственой цивилизации — это не имеет значения. Вам лишь следует принять на

веру тот факт, что они действительно отправляют самых опасных преступников в прошлое.

— Довольно неосторожно по отношению к прошлому, — заметил я.

— Ошибаетесь. На самом деле все обстоит иначе. Хотя бы потому, что то, в связи с чем это происходит, уже произошло... Проклятье! Английский язык не создан для таких парадоксов. И учтите еще одно немаловажное обстоятельство — они не разменива-ются на рядовых негодяев. Чтобы заслужить высылку в прошлое, нужно совершить особо тяжкое преступ-ление. А степень тяжести преступления зависит от того, в какой период мировой истории оно совершае-тся. Убийство, разбой, измена родине, ересь, торговля наркотиками — все это сурово каралось в одну эпо-ху, легко сходило с рук в другую и положительно оценивалось в третью.

Некоторое время я молча разглядывал его, отметив про себя, как глубоки бороздившие его лицо морщи-ны, и пришел к выводу, что для своего возраста он слишком сед.

— Хорошо, — произнес я. — Пусть так, не стану спорить. Но неужели человек из будущего, вооружен-ный такими знаниями...

Он со стуком поставил стакан на стол.

— Какими знаниями? — выкрикнул он. — Да вы пошевелите мозгами! Представьте, что вас, нагого, оставляют в Вавилоне. Много вы знаете об истории и языке Вавилона? Какой там в этот период царь, долго ли он еще будет царствовать, кто после него вступит на престол? Каким законам и обычаям вы должны подчиняться? Вы только помните, что со временем Вавилон будет захвачен ассирийцами, пер-сами или еще кем-то, и тогда не оберешься непри-ятностей. Но когда и как это произойдет? А битва, свидетелем которой вы можете стать, что это — пограничная перестрелка или настоящая война? Если последнее, то победит ли Вавилон? Если же он по-терпит поражение, то каковы будут условия мирного договора? Едва ли сегодня найдется хотя бы два-дцать человек, которые ответили бы на эти вопросы,

не заглянув предварительно в книгу по истории. А вы к ним не относитесь, да у вас и не будет с собой этой книги.

— Мне кажется, — медленно произнес я, — что, достаточно ознакомившись с языком, я пошел бы в расположенный поблизости храм и сказал бы жрецу, что могу устроить... мм... фейерверк...

Он невесело рассмеялся.

— А как? Не забывайте, что вы находитесь в Вавилоне. Где вы возьмете серу и селитру? Если даже вам удастся растолковать жрецу, что именно вам нужно, и умолить его достать для вас эти компоненты, сумеете ли вы приготовить порошок, который взорвется, а не будет только тихо шипеть? К вашему сведению, это своего рода искусство. Ведь вы, черт возьми, даже не сможете наняться простым матросом. Вам очень повезет, если вас кто-нибудь возьмет в уборщики. А скорее всего, на вашу долю достанется рабский труд на полях. Разве не так?

Огонь в камине медленно угасал.

— Да, пожалуй, — сдался я.

— Как вы понимаете, они тщательно все взвешивают, прежде чем выбрать место и время.

Он оглянулся на окно. Оттуда, где мы сидели, был виден лишь ночной мрак — блики на стекле мешали нам разглядеть звезды.

— Когда человека приговаривают к изгнанию, — продолжал он, — все специалисты-эпоховеды собираются на совещание и высказывают свои соображения по поводу того, какой исторический период наиболее подходит для данного конкретного индивида. Вам, разумеется, понятно, что если человека с высокоразвитым интеллектом, да еще и брезгливого, отправить в Грецию времен Гомера, жизнь покажется ему сплошным кошмаром, а какой-нибудь головорез может там отлично прижиться и даже стать уважаемым воином. Если этот головорез не совершил самого тяжкого преступления, они и вправду могут оставить его вблизи дворца Агамемнона, обрекая всего лишь на некоторые неудобства и тоску по родине. О, господи, — прошептал он. — На тоску по родине!

Под конец своей речи он впал в такое уныние, что я счел нужным как-то подбодрить его и сухо заметил:

— Это же усложненная смертная казнь.

Его глаза вновь остановились на мне.

— Правильно, — проговорил он. — И в его организме, конечно, продолжает действовать сыворотка долголетия. Но это все. С наступлением темноты его высаживают в каком-нибудь безлюдном месте, доставивший его туда аппарат исчезает, и этот человек до конца жизни отрезан от своего времени. Он знает только то, что для него выбрали эпоху... с такими особенностями... благодаря которым, по мнению тех, кто его выслал, наказание будет соответствовать характеру совершенного им преступления.

На нас снова обрушилась тишина, и мало-помалу тиканье каминных часов превратилось в самый громкий звук на свете, словно вне дома навсегда умолкли скованные морозом все остальные голоса мира. Я взглянул на циферблат. Была глубокая ночь; близился час, когда начнет светлеть на востоке небо.

Посмотрев на Майклса, я увидел, что он не спускает с меня пристального смущенного взгляда.

— Какое вы совершили преступление? — спросил я.

Видно, этот вопрос не застиг его врасплох. Он устало сказал:

— Не все ли равно? Ведь я уже говорил вам, что одни и те же поступки в одну эпоху оцениваются как преступление, а в другую — как героические подвиги. Если б моя попытка увенчалась успехом, грядущие поколения преклонялись бы перед моим именем. Но я потерпел неудачу.

— Должно быть, пострадало множество людей, — сказал я, — и все человечество возненавидело вас.

— Да, так оно и было, — согласился он.

И через минуту добавил:

— Разумеется, я все это выдумал. Чтобы скоротать время.

— А я вам подыгрываю, — улыбнулся я.

Он несколько расслабился и, откинувшись в кресло, вытянул ноги на своем роскошном ковре.

— Так... Однако каким образом, выслушав эту фантастическую историю, вы угадали степень моей предполагаемой вины?

— Я вспомнил ваше недавнее прошлое. Где и когда вас оставили?

И тоном, холоднее которого мне до этого в жизни не приходилось слышать, он произнес:

— Под Варшавой, в августе 1939 года.

— Вам, верно, не очень хочется говорить о годах войны.

— Вы правы.

Однако, сделав над собой усилие, он с вызовом продолжал:

— Мои враги просчитались. Из-за всеобщей неразберихи, которая возникла сразу же после нападения Германии, меня посадили в концентрационный лагерь без предварительного расследования. Постепенно обстановка для меня прояснялась. Конечно, я не мог тогда ничего предсказать, как не могу этого сделать сейчас. О том, что происходило в двадцатом веке, знают только специалисты. Но когда меня мобилизовали в немецкую армию, я уже понимал, что Германия потерпит поражение. Поэтому я перешел к американцам, рассказал им все, что мне удалось узнать, и стал их разведчиком. Это было рискованно. Впрочем, если б даже я наткнулся на пулю, что с того. Однако эта участь меня миновала, и к концу войны у меня оказалось множество покровителей, которые помогли мне приехать сюда. Последовавшие за этим события ничем не примечательны.

Моя сигара погасла. Я ее зажег снова, ведь сигары Майклса требовали особого к себе уважения. Их по специальному заказу доставляли ему самолетом из Амстердама.

— Чужое семя, — промолвил я.

— Что вы сказали?

— Да вы же знаете, о чем я. Руфь в изгнании. К ней относились неплохо, но она выплакала глаза от тоски по родине.

— Нет, я о ней слышу впервые.

— Это из Библии.

— Ах, да. Надо обязательно как-нибудь прочесть Библию.

Его настроение постепенно улучшалось, и он обретал свое привычное спокойствие. Жестом, почти беспечным, он поднес ко рту стакан с виски и залпом выпил его. Сейчас в выражении лица Майклса настороженность начала сменяться самоуверенностью.

— Да, — сказал он, — это было мучительно. И главное тут не в перемене обстановки. Вам, конечно, случалось выезжать за город и жить в палатке, и вы не могли не заметить, как быстро отвыкаешь от крана с горячей водой, электрического освещения, от всех тех бытовых приборов, которые, как уверяют нас владельцы выпускающих их предприятий, являются предметами первой необходимости. Я был бы не прочь иметь гравитационный индуктор или клеточный стимулятор, но я прекрасно обхожусь без них. Тоска по родине — вот что вас пожирает. Мелочи, которых вы раньше даже не замечали: какая-нибудь определенная пища, то, как люди ходят, в какие играют игры, на какие темы разговаривают. Даже созвездия и те в будущем выглядят по-иному. Такой длинный путь прошло к тому времени солнце по своей галактической орбите.

Но всегда были и есть люди, которые добровольно или вынужденно покидают родные края. Все мы — потомки тех, кто сумел пережить это. Я приспособился.

Он угрюмо насупил брови.

— Я не вернулся бы обратно, даже если бы меня помиловали, — произнес он. — Из-за того, что там творится по милости этих предателей.

Я допил свое виски, смакуя языком и нёбом каждую каплю этого восхитительного напитка и лишь краем уха прислушиваясь к его словам.

— Вам здесь нравится?

— Да, — ответил он. — Теперь да. Я уже преодолел эмоциональный барьер. Мне помогло, что первые несколько лет все мои усилия были направлены только на то, чтобы выжить, а потом, приехав сюда, я был слишком занят устройством на новом месте. Не хватало у меня времени на самооплакивание. Теперь

же меня все больше увлекает мой бизнес — игра захватывающая и особенно приятная тем, что ошибочные ходы в ней не влекут за собой высшую меру наказания. Я открыл в этой эпохе качества, которые утратило будущее... Держу пари, что вы не имеете ни малейшего представления о том, насколько экзотичен этот город. Ведь в эту самую минуту в каких-нибудь пяти милях от нас стоит у атомной лаборатории солдат-охранник, мерзнет в подворотне бродяга, идет оргия в особняке миллионера, готовится к ранней службе священник, спит купец из Аравии, стоит в порту корабль из Индии...

Его возбуждение несколько улеглось. Он отвел взгляд от темного окна и посмотрел в сторону спален.

— И здесь моя жена и дети, — с какой-то особенной теплотой добавил он. — Нет, что бы ни произошло, я не вернулся бы обратно.

Я в последний раз затянулся сигарой.

— Да, вы и впрямь неплохо устроились.

Окончательно стряхнув с себя грусть, он улыбнулся мне.

— А знаете, мне кажется, вы поверили этой сказке.

— О, безусловно, — я погасил сигару, встал и потянулся. — Час поздний. Нам, пожалуй, пора идти.

Он понял не сразу. А когда до него наконец дошло, он медленно, точно огромный кот, поднялся с кресла.

— Нам?!

Я вытащил из кармана пистолет-парализатор. Он замер.

— Дела такого рода не оставляют на волю случая. Мы всегда проверяем. А теперь — в путь.

Кровь отхлынула от его лица.

— Нет, — беззвучно, одними губами, произнес он, — нет, нет, нет, вы этого не сделаете, это ужасно... А Эмели, дети...

— Это, — сказал я ему, — входит в наказание.

Я оставил его в Дамаске за год до того, как город был разграблен Тамерланом.

ЕУТОПИЯ

— Гиф выт нафнк?

Данские слова, вырвавшиеся из динамика, застали Язона врасплох, хотя он предвидел, что услышит их именно сейчас, пока не успел еще стихнуть рев геликоптера, пронесшегося над самыми верхушками деревьев.

— Кто ты? — спросил голос.

Язон Филипп посмотрел сквозь прозрачный верх кузова автомобиля. Над его головой меж двух неровных стен елового леса, растущего по обе стороны дороги, тянулась голубая полоса неба. На корпусе военного геликоптера играло солнце.

Язон почувствовал, как холодный пот проступает под мышками и стекает по ребрам. Только не впадать в панику! Господи, помоги мне! Призыв о помощи к Богу был всего лишь кодовой фразой, освященной многолетними тренировками. Обычная психосоматика: подчини себе рефлексы, дыши равномерно, прикажи пульсу замедлиться — и избавься от страха смерти. Он молод, значит, может потерять многое. Но философы Еутопии правильно воспитывали детей, порученных их опеке. Ты станешь мужчиной, то есть приобретешь опыт, говорили они. Сущность же человеческая основывается на независимости от инстинктов и рефлексов. Наш принцип жизни: свобода через умение владеть собой.

Язон не мог выдать себя за моотмана — жителя Норландии; слишком заметен был его эллинский выговор. Но он мог попытаться обмануть пилота гели-

коптера и выиграть время, прикинувшись приезжим из другой страны этого мира. Он понизил голос, чтобы хоть как-то замаскировать акцент, и спросил с нарочитым высокомерием:

— А ты кто такой? И чего хочешь?

— Я — Рунольф Эйнарссон, капитан армии Оттара Торкелссона, Владетеля Норландии. Ищу человека, который накликал месть на свою голову. Назови свое имя.

Язон вспомнил Рунольфа. Смуглое лицо, темные волосы — признак туркерской крови. И голубые глаза; видимо, кто-то из его предков родился в Туле... Нет, в этом мире совсем иная история, и юг Европы называется Данарик...

— Меня зовут Ксипек. Я — купец из Мейако, — не раздумывая, ответил Язон. Сейчас, после бегства из замка Владетеля и бешеной гонки сквозь ночь, лишь несколько стадий отделяло его от границы. Он и надеяться не смел, что удастся так далеко уйти; обидно, если его схватят теперь...

— Надеюсь, ты говоришь правду. Но я исполняю приказ, и я должен задержать тебя, — протрещал в динамике голос Рунольфа. — Обратись к Владетелю, и ты сразу же получишь компенсацию за ущемление своих личных прав. Но сейчас остановись и выйди из машины, чтобы я мог разглядеть твое лицо.

— А что, собственно, произошло?

Еще несколько секунд отсрочки.

— У нас в Эрнвике гостил человек со Старой Земли (из Европы — привычно перевел Язон). Оттар Торкелссон необычайно сердечно принял его, но этот негодяй отважился на поступок, который можно искупить только смертью. И вместо того, чтобы принять вызов Оттара, он украл автомобиль — такой же марки, как твой, — и удрал.

— По-твоему, Оттар мог бы публично назвать его негодяем?.. (Однако кое-что из их варварских обычаев я запомнил!)

— Странные слова для мейаканца! Немедленно остановись и выйди из машины! Или я открываю огонь!

Ошибка, понял Язон и до боли сжал челюсти. Гадес милосердный! Неужели кто-нибудь способен запомнить и не перепутать обычаи сотен крошечных государств, на которые разделен континент? Вестфалия представляла собой куда более пеструю мозаику, чем Земля в варианте истории, где этот материк называется Америкой. Ладно, подумал он. Вот и представился случай проверить, какие у него шансы вернуться — и в Америку, и в Еутопию...

— Хорошо, — сказал Язон. — У меня нет выбора. Но можешь не сомневаться, я потребую компенсацию за оскорбление.

Он тормозил максимально плавно — граница приближалась с каждым оборотом колеса... Дорога вытягивалась вдаль твердой черной лентой, расталкивая гигантские стены деревьев. Он понятия не имел, таксировали ли их когда-нибудь. Может быть, еще в те времена, когда белые люди впервые перебрались через Пенталимни (или Пять Озер), чтобы основать город Эрнвик, расположенный в том же месте, где Далат в Америке и Лукополис в Еутопии. Некогда Норландия простиралась далеко за страну озер, но после войн с дакотами и мадьярами ее территория уменьшилась. Постепенно расширение торговых связей позволило жителям освоить глубинные районы, богатые дичью (охота являлась национальной страстью Норландии). Таким образом, за триста лет древний лес полностью вернул себе утраченные права.

Перед глазами Язона возник пейзаж этих мест, существовавший в его варианте истории. Сады и огороды, усадьбы, выстроенные с любовью к гармонии, гибкие бронзовые тела в гимнасиумах, музыка при лунном свете... Даже пугающая Америка вспоминалась более человечной, чем эта мрачная чаща.

Но образ Еутопии лишь отголосок реальности, затерянной в многоликих измерениях пространства—времени. Сейчас и здесь он один, а над головой его кружит смерть. Перестань оплакивать себя, ты, идиот! Береги энергию, если хочешь выжить...

Язон остановил машину, приткнув ее к краю дороги. Потом он напряг мышцы, резко распахнул дверцу и выскочил.

Динамик за его спиной разразился длинной тирадой проклятий. Описав петлю, геликоптер ястребом ринулся вниз. Пули посыпались градом, но Язон уже спрятался под деревьями. Ветви заслонили его, словно крыша, которую то тут, то там пробивали солнечные лучи. Стволы сосен стояли во всей своей мужской красоте, и женщины могли позавидовать их аромату. Опавшие иглы покрывали землю, заглушая звук его шагов; сверху доносилось пение невидимого дрозда, легкий ветерок овевал лицо. Язон бросился на землю, в тень ближайшего дерева, и лежал, тяжело дыша, а частое биение сердца почти заглушало зловещий рев геликоптера.

Минуту спустя геликоптер улетел: Рунольф спешил доложить своему господину, что обнаружил «негодяя». Как же поступит Оттар? Он отправит в погоню всадников с собаками, иначе ему не выследить беглеца. Если так, Язон выиграл пару часов передышки.

А потом... он призвал на помощь все свои навыки, сел, прислонившись к дереву, и принялся думать. Если Сократ, чувствуя холод цикуты, подступающий к сердцу, продолжал учить афинскую молодежь мудрости, то и Язон Филипп в эту трудную минуту сможет, по крайней мере, оценить собственные шансы.

Он бежал из Эрнвика не с пустыми руками, прихватив пистолет местного производства, компас и наполнив карман золотыми и серебряными монетами. Одежда тоже была добротной: плащ, который можно использовать как одеяло, куртка, брюки, ботинки. Примерно так же одевались в средневековой Вестфалии.

Но самым мощным оружием был он сам — Язон Филипп. Высокого роста, крепкого сложения, светловолосый и с небольшим носом, доставшимся в наследство от галльских предков. А тренировали его специалисты, снискавшие себе лавры на Олимпиадах.

К прекрасно развитой мускулатуре прилагался блестящий ум. Принципы логики и семантики, заложенные педагогами Еутопии, были в его сознании

столь же естественны, как дыхание для жизнедеятельности.

Он намеревался выжить во что бы то ни стало, хотя мог рассчитывать только на самого себя. И он рассчитывал. У него была цель. Он знал, ради чего должен жить. И ради кого. Ради человека, которого он любил и к которому хотел вернуться. Вернуться на родину, в Еутопию, Счастливую Землю, созданную его народом за две тысячи лет жизни на новом континенте. Понадобилось отринуть ненависть и мерзость Европы, чтобы прийти к выводу: «Целью нации является достижение всеобщей гармонии».

Язон Филипп должен вернуться на родину.

Он встал и двинулся на север. Он начал свой путь в тетраду, день, который его преследователи называли онсдаг.

Спустя полтора суток, в день, именуемый торсдаг, он все еще продирался сквозь лес, шатаясь от усталости; на зубах скрипел песок, а желудок, казалось, прилип к позвоночнику. Язон шел на дрожащих ногах и отмахивался от мух, роями круживших вокруг его потного тела. Неожиданно, хотя и далеко позади, послышался лай гончих псов.

Звук рога, словно протяжный хриплый зов, донесся сквозь аркаду листьев. Они напали на след, а он уже не мог двигаться быстрее настигающих всадников. Значит, больше ему не суждено увидеть звезды.

Его рука инстинктивно потянулась за оружием. По крайней мере нескольких он заберет с собой... Нет. Ведь он — эллин, не убивающий даже варваров, жаждущих лишить его жизни только за то, что он нарушил одно из их табу. Он выйдет им навстречу, остановится под куполом голубого неба и примет в себя их пули. И уйдет во тьму, унеся с собой память об Еутопии, о друзьях и прежде всего о Ники... Ники! Любовь моя...

С большим трудом Язон вдруг сообразил, что вышел из соснового леса и пробирается сквозь березовую рощицу. Свет золотил листья деревьев, лаская их стройные белые стволы... Из-за деревьев послышалось мерное ворчание мотора.

Он замер, чувствуя, как близок к полному изнеможению. Однако резервы еще остались; он выбросил из сознания далекий собачий лай и боль собственного тела. Задышал ритмично, сосредоточившись на чистоте и свежести воздуха, представляя атомы кислорода, проникающие в каждую клетку тела. Успокоил бешено бьющееся сердце, снял усталость, напрягая и расслабляя мышцы, и с радостью ощутил, как отчаяние, иссушавшее душу, уступает место холодному рассудку.

Язон огляделся. Впереди на север раскинулись возделанные земли: волны ветра скользили по молодым посевам, золотисто поблескивающим в лучах заходящего солнца. Неподалеку виднелась постройка одинокой фермы — длинные и низкие деревянные здания со шпилеобразными крышами. Дым от печей поднимался к небу.

В поле работал трактор, и взгляд Язона остановился на сидящем за рулем мужчине.

Хотя в этом мире уже изобрели диэлектрический мотор, на севере он еще не вошел в употребление; поэтому Язон не удивился, учуяв резкий запах выхлопных газов. Подумать только! В Америке грязный выхлоп считается одной из главных мерзостей. Табу. (В том свинарнике, который они называют Лос-Анджелес!)

Но здесь и сейчас этот запах защипал его ноздри — словно запах надежды.

Мужчина заметил его, остановил трактор и потянулся за винтовкой. Язон пошел к нему, подняв руки и демонстрируя пустые ладони в знак мирных намерений. Водитель воспринял жест с явным облегчением. Он был типичным венгром: коренастый и крепкий, с выступающими скулами, вьющейся бородой, в цветастой, расшитой одежде. «Значит, я уже перешел границу, — с облегчением подумал Язон. — Это уже не Норландия, это воеводство Дакота!»

Прежде чем послать его в этот мир, антропологи из Института Парахронных Исследований снабдили Язона — используя электрохимический метод — знанием основных языков Вестфалии. (Жаль только,

что плохо позаботились о знании местных обычаев...) Кто-то решил, что опыт, полученный в Америке, позволит ему квалифицированно работать именно в этой версии истории, относящейся к неалександрийскому варианту. Конечно, цель его миссии — ознакомление и определение степени различия обществ, существующих на разных Землях, но...

Урало-алтайские слова легко слетели с его губ:

— Благословенен будь! Я пришел к тебе как проситель...

Фермер сидел спокойно, но напряжение не сходило с его лица. Он посматривал вниз на Язона и прислушивался к доносящемуся издали лаю собак, держа оружие наготове.

— Я не из той страны, испани. (Еще одно определение «гражданина».) Я мирный купец из Старой Земли, прибыл к Владетелю Оттару Торкелссону, в Эрнвик. Но — не знаю, по какой причине, — его гнев упал на меня, и гнев столь сильный, что Оттар нарушил закон гостеприимства и покусился на мою жизнь, жизнь своего гостя. Это его палачи идут по моему следу. Ты слышишь лай их собак.

— Норландцы? Но ведь здесь же Дакота!

Язон согласно кивнул и улыбнулся, показывая зубы, которые блеснули неестественной белизной на грязном заросшем лице

— Они вторглись в твою землю, не спросив позволения. Если ты останешься в бездействии, они скоро будут здесь и убьют меня, отдавшегося под твою защиту!

Фермер поднял винтовку.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

— Доставь меня к Воеводе, — сказал Язон. — Ты защитишь и закон, и свою честь. — Очень осторожно он извлек из кобуры пистолет и протянул фермеру. — Я навек буду твоим должником.

Недоверие, страх и гнев поочередно оживали на лице венгра. Он не принял протянутого оружия. «Если я хорошо в нем разобрался, — решил Язон, — то выиграю еще несколько часов жизни. Возможно, что больше, но насколько — будет зависеть от Воеводы.

Мой единственный шанс — использовать их варварство, их разделение на крохотные государства, гипертрофированные понятия о чести, фетишизацию права собственности и самостоятельности.

А если я ошибусь, то умру, как цивилизованный человек. Этого у меня никто не отнимет».

— Собаки совсем близко. Они будут здесь прежде, чем мы успеем убежать, — сказал венгр с тревогой.

Язон чуть не упал в обморок от облегчения. Он не ошибся. Великим усилием он справился с собой и сказал:

— Мы устроим им сюрприз... Дай мне немного бензина.

— Ага! Таким образом! — фермер рассмеялся и соскочил с трактора. — Хорошая мысль, чужеземец. И кстати — я тебе благодарен. Последнее время у нас не жизнь, а скукотища.

На тракторе стояла запасная канистра с бензином. Вдвоем они прошли до леса по следам Язона, обильно поливая землю, а затем и деревья бензином. «Если и это не остановит свору, — подумал Язон, — то ее ничто не остановит».

— А теперь — быстро домой! — И венгр первый побежал вперед.

Постройки фермы с трех сторон окружали открытый двор. Из стойл доносился сладковатый запах навоза. Язон видел, как из дома выбежали несколько детей и, раскрыв рты, уставились на него. Жена фермера загнала их назад в помещение, взяла винтовку мужа и встала на посту у дверей, не меняя выражения лица.

Дом оказался крепким и просторным. Он мог бы понравиться Язону, но стены и колонны были обтянуты тканью с невероятно сложным и богатым узором. Над камином, в нише, располагался семейный алтарь. Хотя большинство обитателей Вестфалии уже давно избавились от веры в мифы своих предков, земледельцы все еще продолжали чтить Триединого Бога — Одина-Аттилу-Маниту. Фермер подошел к радиофону новейшей конструкции.

— У меня нет своего геликоптера, — сказал он, — но я попрошу, чтоб прислали...

Язон сел и стал ждать. Молоденькая девушка подошла к нему и несмело протянула полную кружку пива и ломоть ржаного хлеба с сыром.

— Будь нашим священным гостем, — сказала она.

— Отдам за вас мою кровь, — без запинки ответил Язон. Он с трудом заставил себя не торопиться, подавив желание рвать пищу огромными кусками, словно зверь.

— Ждать недолго, — сказал фермер, когда Язон расправился с едой. — Я — Арпад, сын Коломона.

— Язон Филипп. — Представляться фальшивым именем показалось ему бестактным. Рука фермера оказалась сильной и теплой.

— Из-за чего ты поспорил со старым Оттаром? — спросил Арпад.

— Меня заманили в ловушку, — с горечью ответил Язон. — Я обратил внимание, как свободно чувствуют себя их женщины...

— Это точно. Все данскарки развратны, как кошки. И бесстыдны, как туркерки. — Арпад достал с полки трубки и кисет с табаком. — Закуришь?

— Нет, благодарю. (Мы в Еутопии не унижаем себя наркотиками.)

Язон прислушался. Лай псов стал ближе, но через минуту перешел в жалобный вой. Собаки потеряли след. Еще через минуту раздался звук рога. Арпад набивал трубку с таким спокойствием, словно присутствовал на представлении.

— Вот матерятся-то! — оскалил он зубы в усмешке. — Должен признать, что касается проклятий — данскарцы сущие поэты. Но люди деловые. Я был в их краю лет десять назад, когда они здорово пострадали от наводнения, и Воевода Бела послал нас им в помощь. Они попросту хохотали над потерями и развалинами. А во времена давних войн, если честно, не раз давали нам прикурить!

— Ты думаешь, в Вестфалии возможны войны? — спросил Язон. Прежде всего он стремился избежать вопросов о себе самом, не зная, что сделает его

хозяин, если узнает о причинах, которые вынудили его искать убежище в Дакоте.

— Нет. Не в Вестфалии. У нас тут работы невпроворот. Но если молодую кровь не остужают дуэли, то всегда можно стать наемником у варваров, воюющих за морями. Или полететь на другие планеты. Мой старший сын собирается лететь в космос.

Язон припомнил, что несколько державок, расположенных ближе к северу, объединили свои усилия и уже предприняли первые экспедиции за пределы Земли. Их технология достигла того же уровня, что и американская, а поскольку они не финансировали огромную военную машину и развернутую сеть общественных услуг, то без труда основали базу на Луне и послали несколько экспедиций на Аркес. «Со временем, — подумал Язон, — они добьются того, чего эллины достигли тысячелетия назад, превратив Афродиту в Новую Землю. Но возникнет ли у них истинная цивилизация? Станут ли они рациональными людьми, живущими в рационально спланированном обществе? Очень сомнительно».

Арпад встал, услышав рев мотора за окном.

— Твой геликоптер, — сказал он. — Поторопись. Красный Конь заберет тебя в Варади.

— Данскарцы скоро будут здесь, — отозвался Язон с беспокойством в голосе.

— Пусть их! — Арпад пожал плечами. — Оповещу соседей, а данскарцы не настолько глупы, чтобы не догадаться, что я так и сделаю. Взаимно поприветствуем друг друга — предвижу этот турнир оскорблений, — а потом прикажу им убираться с моей земли. Прощай, гость!

— Я бы хотел... хотел тебя как-нибудь отблагодарить...

— Фи! Не о чем говорить. Я немного развлекся... А кроме того, я показал сыновьям, как должен поступать настоящий мужчина.

Язон вышел наружу. Геликоптер — гравитики здесь еще не знали — пилотировал малоразговорчивый молодой автохтон. Он представился местным торговцем скотом и добавил, что доставку чужеземца

в столицу рассматривает не только как услугу Арпаду, но как ответ на бесцеремонность норландцев, вторгнувшихся на территорию Дакоты. Больше он не издал ни звука, и Язон вздохнул с облегчением, когда понял, что ему не нужно поддерживать беседу.

Машина взмыла вверх. По пути (летели на север) он видел фермы, расположенные возле перекрестков дорог; то тут, то там мелькали усадьбы местных магнатов, а вокруг — огромные пространства равнин. Естественный прирост населения в Вестфалии — так же как и в Еутопии — строго контролировался. Но наверняка, подумал Язон, здесь контролируют его не для того, чтобы сохранить для людей природу и чистый воздух. Контроль над рождаемостью служит орудием клановой экономической политики, то есть — бережливости. Отцы не хотят делить собственность между многочисленными детьми.

Солнце скрылось, и почти полная луна, огромная, цвета дыни, взошла на восточной части небосвода. Язон уселся поудобнее, ощущая всем телом вибрацию машины, почти смакуя свою усталость, и принялся разглядывать спутник Земли. Ничто не указывало на то, что на нем находится населенная база. Он успеет вернуться домой прежде, чем засияют на Луне огни городов. В этой истории...

Но дом находился бесконечно далеко. Их разделяли целые измерения и судьбы. Только силовые линии парахрониона могли перевезти его через реку времени и доставить к родным берегам.

Почему мир таков, какой он есть? Почему Бог захотел, чтобы время разделилось на множество ветвей, словно огромное тенистое древо Вселенных, Йиггдрасилл данскарских легенд? Для того, может быть, чтобы человек мог реализовать каждую из своих потенциальных возможностей? Вечные вопросы... Они, наверное, навечно останутся риторическими. Но сейчас ему доставляло удовольствие перекатывать их в утомленном сознании.

Допустим, например, что Александр Завоеватель не оправился от лихорадки, которая прихватила его в Вавилоне. Допустим, что он умер именно тогда.

Но так действительно произошло, и не в одной из историй. Войны за наследство развалили империю. Развитие Эллады и Востока пошло разными путями. Наука выродилась в метафизику, а затем — в мистицизм. Ослабленную цивилизацию Средиземноморья постепенно подмяли римляне — холодный, нетворческий народ, даже после уничтожения Коринфа цинично называвший себя наследником Эллады. Позже один еврейский пророк-еретик основал мистический культ, легко найдя последователей во всем остальном мире, поскольку печаль переполняла человеческую жизнь. Возник культ, не знавший слова «терпимость». Его жрецы отрицали любые пути, которыми можно прийти к Господу, кроме собственного; вырубали священные рощи, вышвыривали из храмов статуи древних богов и убивали последних людей со здравым рассудком.

«Да, — думал Язон, — со временем они утратили свое влияние и значение. Благодаря этому смогла воскреснуть наука — почти на две тысячи лет позднее, чем у нас. Но яд остался: слишком много людей убеждены, что человек должен приспосабливаться не только к господствующим формам поведения, но также к господствующей идеологии. В Америке это называется тоталитаризмом, и именно он породил омерзительнейшее изобретение — атомное оружие.

Ненавижу ту историю — ее грязь, ее расточительство, ее предрассудки, ее лицемерие, ее безумие. Никогда у меня не будет более трудного задания, чем тогда, когда я был вынужден выдавать себя за американца, чтобы изнутри узнать, что эти люди думают сами о себе. Мне жаль тебя, бедный, обесчещенный мир. И я не знаю, что лучше, — пожелать ли тебе скорейшего самоуничтожения или же надеяться, что когда-нибудь твои потомки поймут, как надо правильно жить, и узнают, что есть люди, которые счастливы уже многие сотни лет.

Миру Вестфалии, надо сказать, повезло больше. Христианство скончалось под напором арабов, викингов и венгров; возникшая затем Мусульманская Империя рухнула, подточенная гражданскими войнами,

и когда европейские варвары тысячу лет назад пересекли Атлантику, они не принялись за уничожение туземцев, а стали с ними договариваться. Именно поэтому они врастали в этот край не спеша, беря его во владения так, как мужчина берет свою возлюбленную.

Но эти огромные темные леса, печальные равнины, необитаемые горы и пустоши, непуганые стада животных... Атмосфера новой земли проникла в их душу. В глубине сердец они всегда останутся дикарями».

Язон вздохнул, устроился поудобнее и заставил себя заснуть. И каждый сон носил имя Ники.

На могучей реке, носящей имена Зевса, Миссисипи, Великой Реки, в том месте, где водопад подводил черту навигации, земледельцы основали город. Сейчас (переписи никогда не проводились) в Варади насчитывалось около ста тысяч жителей, чьи дома с окнами, выходящими только во внутренние дворики, окружали башни замка Воеводы.

Сразу же после пробуждения Язон вышел на балкон и прислушался к отдаленным звукам уличной жизни. Куполообразные крыши домов напоминали бункеры защитных фортов. Вопрос, подумал он, сможет ли мир, основанный на равновесии сил между этими крохотными державами, продержаться долго?

Но утро было слишком чистым и солнечным, чтобы предаваться размышлениям. Он был в безопасности, уже успел вымыться и отдохнуть. Сразу после прибытия, видя, в каком состоянии находится беглец, попросивший убежища, сын Белы Жолта приказал накормить его и отправить спать.

«Аудиенция близко, — подумал Язон, — и мне понадобится вся моя осторожность, если я хочу жить». Но он чувствовал себя таким сильным и свежим, что выбросил тревогу из головы.

За спиной послышался звонок. Язон вернулся в комнату — просторное помещение с хорошей вентиляцией, но разукрашенное сверх всякого разумения. Он вспомнил, что местный обычай не одобряет наготу,

и потому накинул одеяние, слегка содрогнувшись при виде покрывавших его узоров.

— Войдите, — произнес он по-венгерски.

Дверь раскрылась, и в комнату вошла молодая женщина, толкая перед собой столик с завтраком.

— Доброго тебе дня, гость. — В ее голосе звучал туркерский акцент, на ней был надет национальный туркерский костюм, обшитый бусинками и большим количеством бахромы. — Хорошо ли ты спал?

— Как койот после охоты, — ответил он со смехом.

Она улыбнулась — сравнение ей понравилось — и принялась накрывать на стол. Завтракать они сели вместе — гость не должен был есть в одиночестве. Дичь показалась Язону слишком тяжелым блюдом для такой ранней поры, но кофе был необычайно вкусен, а девушка оказалась очаровательной компаньонкой. Она работала горничной во дворце, часть заработанных денег откладывала на приданое, которое собиралась преподнести своему будущему мужу из страны черокезов.

— Захочет ли Воевода принять меня? — спросил Язон, когда завтрак приближался к концу.

— Он ждет тебя, и не сомневаюсь, что беседа с тобой доставит ему удовольствие. — Девушка затрепетала ресницами. — Но торопиться некуда... — И она принялась развязывать пояс своего платья.

Щедрое гостеприимство... На мгновение Язону показалось, что он вернулся на родину, в Еутопию, в мир, где люди искали и получали удовольствие совершенно свободно... Какие у нее широкие и гладкие брови, совсем как у Ники... Усилием воли он превозмог искушение. У него не было времени. Если он не успеет укрепить свои позиции до того, как Оттар сообразит позвонить Беле, — он в ловушке.

Язон перегнулся через стол и утешающе погладил маленькую ладонь девушки.

— Благодарю тебя, милая, — сказал он. — Но я поклялся хранить верность.

Его отказ она приняла так же спокойно, как сделала свое предложение. Провожая ее взглядом до двери, Язон почувствовал, как возвращается ощуще-

ние инородности. Ему стало жаль эту туркерку... Пожалуй, она была единственным свободным человеком из всех, кого он встречал в Вестфалии. А в остальном жизнь в этом мире оставалась лабиринтом законов, обычаев, традиций и бесчисленных табу. «Однажды ты уже чуть не поплатился жизнью за их незнание, — сказал он себе. — И, кстати, игра еще не кончена. Так что поспеши. Незнание закона не освобождает от ответственности».

Язон накинул приготовленную одежду и выбежал из комнаты. Спустившись по лестнице, он оказался в большом каменном зале, откуда один из дворцовых слуг направил его к покоям воеводы. Там была очередь — несколько человек, принесших на суд владыки свои жалобы и просьбы. Однако, как только Язон попросил доложить о себе, его впустили немедленно.

Зал, в который он попал, относился к старейшей части здания. Потрескавшиеся от времени деревянные колонны, покрытые гротескными изображениями богов и героев, поддерживали низкие своды. Дым от разведенного на полу костра поднимался к отверстию в потолке; увы, часть его оставалась в помещении, и у Язона почти сразу защипало глаза. «Могли бы выкроить для своего владыки более современное помещение, — подумал он с досадой. — Но, конечно, это им и в голову не пришло. Раз уж цари когда-то правили с этого места, значит, иначе быть не может».

Сквозь узкие окна свет падал на морщинистое лицо Белы. Воевода был коренастым и седоволосым старцем. Черты его лица выдавали значительную примесь туркерских генов. Он сидел на деревянном троне, закутавшись в плащ, голову украшал шлем с рогами и перьями. В левой руке держал скипетр, украшенный конским хвостом, на коленях лежала обнаженная сабля.

— Привет тебе, Язон Филипп, — сказал он с важностью, указывая Язону на кресло. — Садись, прошу тебя.

— Благодарю тебя, господин мой. — Эллин с трудом заставил себя произнести унижающее его обращение. В Еутопии не титуловали никого.

— Ты готов говорить правду?

— Да.

— Хорошо. — Воевода неожиданно отбросил официальность, закинул ногу на ногу и достал из складок плаща сигару. — Куришь? Нет? Ну а я закурю. — Улыбка пробежала по его морщинам. — Ты чужеземец, так что нет нужды соблюдать этот чертов церемониал.

Язон отважился на такой же тон.

— Мне тоже так будет легче. Мы в Пелопонесской республике не признаем церемоний.

— Это твоя родина, да? Я слышал, что вам там не очень-то хорошо живется.

— Согласен. Мое государство переживает упадок. Мы понимаем, что будущее принадлежит Вестфалии, поэтому и направляем сюда свои взоры.

— Ты сказал вчера, что прибыл в Норландию как купец.

— Да. Приплыл, чтобы заключить торговый договор. — Язон старался не лгать, насколько это было возможно. В иных историях нельзя разглашать, что эллины изобрели парахронион. Это не только изменило бы исторические структуры, являющиеся предметом исследований, но, что гораздо серьезнее, люди этих миров увидели бы, что другие уже достигли совершенства, в то время как они сами бесконечно далеки от него. Слишком сильный шок. — Моя страна нуждается в импорте древесины и мехов.

— Ага. За этим Оттар и пригласил тебя. Понимаю. Нечасто нам приходится видеть людей со Старой Родины. Но потом он возжелал твоей крови? Почему?

Язон мог уклониться от ответа, пользуясь правом сохранить тайну личных поступков. Но такая скрытность произвела бы плохое впечатление. А ложь была небезопасна: перед троном Воеводы следует отвечать как под присягой.

— Без сомнения, здесь есть и моя вина, — сказал он. — Некая особа из семьи Оттара, впрочем почти взрослая, привязалась ко мне, и... Ну, моя жена осталась в Пелопонессе... А кроме того, все меня убеждали, что отношения в Данскаре весьма свободные, ну и так далее. Я не хотел никого обидеть!

Оказал этой особе несколько больше сердечности. А Оттар, узнав обо всем, вызвал меня на поединок.

— Почему ты не принял вызов?

Бессмысленно объяснять, почему цивилизованный человек избегает крайних мер, если в его распоряжении есть другие возможности. Варвар — он варвар и есть.

— Сам подумай, господин мой, — сказал Язон. — Если бы я проиграл — то погиб. Если бы выиграл — это означало бы конец нашей торговли с Норландией. Сыновья Оттара никогда бы не приняли выкупа, ведь правда? В лучшем случае просто выгнали бы нас из страны. А Пелопонесс нуждается в дереве. И я решил, что лучшим выходом для меня будет побег. Потом мои соотечественники извинились бы за меня перед Норландией.

— Хм... Странное предположение. Но в любом случае — ты честен. Чего ты желаешь от меня?

— Единственное, о чем я прошу, это — доставить меня в безопасности в Стейнвик. — Язон с трудом удержался, чтобы не произнести название «Несафины». Он заставил себя умерить воодушевление. — Там меня ждет агент и корабль.

Бела выпустил клуб дыма и с печальным видом посмотрел на быстро уменьшающуюся сигару.

— Хотел бы я знать, отчего Оттар впал в такой гнев. На него не похоже. Но с другой стороны, если той особой была его дочка, он вполне мог быть несдержан... — Он наклонился к Язону. — Для меня, — заявил он резко, — самое важное то, что вооруженные норландцы пересекли границу моего государства, не спросив меня о согласии.

— Это серьезное посягательство на твои права, Воевода.

Бела выругался, как старый кавалерист.

— Ты не понимаешь! Границы священны не потому, что того хочет Аттила. Это жрецы порют подобную чушь. Границы священны потому, что благодаря их святости сохраняется мир. Если я официально не выражу своего недовольства и не заявлю протест Оттару, то очень скоро какой-нибудь авантюрист

может повторить его попытку. А сейчас у каждого есть ядерное оружие!

— Но я вовсе не хочу, чтобы из-за меня началась война! — взволнованно воскликнул Язон. — Уж лучше вышли меня в Норландию!

— Не говори глупостей. Я накажу Оттара тем, что не дам отомстить тебе, независимо от того, что правда на его стороне. И ему придется это проглотить. — Бела отложил сигару в пепельницу, встал и поднял саблю. Казалось, говорит не человек, а какой-то варварский бог. — С этого мгновения, Язон Филипп, никто в Дакоте не смеет коснуться тебя! Ты находишься под защитой моего щита, и зло, причиненное тебе, будет злом, причиненным также мне, моему дому и моему народу. Клянусь в том Троицей!

Язон, потеряв над собой контроль, упал на колени и забормотал слова благодарности.

— Перестань! — буркнул Бела. — Лучше будет, если мы как можно быстрее начнем готовиться к твоему неблизкому пути. Полетишь самолетом, с воинским эскортом. Но, разумеется, сперва я должен буду получить разрешение от властей тех стран, над которыми тебе придется пролетать. На это у меня уйдет немного времени. А теперь возвращайся к себе, отдохни, я вызову тебя, когда все будет готово.

Язон удалился, все еще чувствуя нервную дрожь.

Он провел несколько приятных часов, прогуливаясь по замку и его дворам. Молодые люди из свиты Белы сделали все, чтобы доставить удовольствие человеку со Старой Родины. Он не мог не подивиться их красивой технике верховой езды, стрельбе и изощренности в разгадывании загадок. Неясные чувства возбудили в нем рассказы и песни о странствиях по огромным равнинам, в глубь лесов и через бурные реки, к стенам сказочной столицы Уинборг.

Но именно от этих искушений мы отказались в Еутопии. Мы отреклись от звериного прошлого. Мы — люди, наделенные разумом, в котором заключена суть нашей человечности.

Возвращаюсь на родину. Возвращаюсь домой. Возвращаюсь домой.

Слуга коснулся плеча Язона:

— Воевода хочет видеть тебя.

В его голосе слышался страх. Язон вздрогнул. Что могло случиться?

На этот раз его не отвели в тронный зал. Бела ждал на стене замка. Рядом стояли на страже два рыцаря, их ничего не выражающие лица скрывались в тени шлемов, отделанных султанами из перьев.

Взгляд Белы не предвещал ничего хорошего. Воевода плюнул Язону под ноги.

— Оттар позвонил мне, — сказал он.

— Я... Что он сказал?..

— А я-то думал, что ты просто хотел переспать с девчонкой. А ты же просто обесчестил семью, оказавшую тебе гостеприимство!

— Господин!

— Можешь не бояться. Ты заставил меня присягнуть на Троице... Пройдет немало лет, прежде чем мне удастся загладить перед Оттаром твою вину, которая пала на меня.

— Но... — Спокойно! Спокойно! Ты же был к этому готов.

— Ты не полетишь на военном самолете. Но эскорт у тебя будет. Машину, на которой тебя доставят, потом придется сжечь. А теперь марш туда, вон к той куче навоза. Будешь ждать там.

— Я не хотел никому повредить! — закричал Язон. — Я не знал, что...

— Уберите его отсюда, а то я его убью, — распорядился Бела.

Стейнвик был старым городом. Узкие, мощенные камнем улочки и унылые дома видели еще корабли, украшенные мордами драконов. С Атлантики дул ветер, соленый и свежий, и именно он разогнал в душе Язона остатки печали и сожаления об утраченной дружбе людей из Эрнвика и Варади, дружбе, которую он, может быть, хотел сохранить... В конце концов, на ошибках учатся! И нечего переживать: слишком много есть вариантов историй, где этих самых людей не существует вовсе.

Насвистывая, Язон пробирался сквозь толпу прохожих.

Вывеску мотало на ветру. Братья Хинаиди и Ивор. Судовладельцы. Превосходная маскировка в городе, где чуть ли не любая фирма имеет отношение к морю. Он взбежал по ступенькам на второй этаж.

Прижал ладонь к морской карте, развешенной на стене. Скрытый аппарат идентифицировал формулу его дактилоскопических линий, и дверь, перед которой он стоял, распахнулась. Комната была обставлена согласно царящему в Стейнвике стилю, но пропорции ее наводили на мысль об Еутопии, а на полке распростерла крылья Ники.

Ники... Ники... Я возвращаюсь к тебе! Его сердце забилось сильнее.

Даймонакс Аристидес поднял взгляд от своего рабочего стола. Язон не раз задавал себе вопрос — есть ли на свете хоть что-нибудь, способное нарушить спокойствие этого человека.

— Хайре! — услышал он глубокий бас Даймонакса. — Радуйся! Что привело тебя?

— Мне жаль, но я принес плохие вести.

— Да? По тебе этого не заметно! — Даймонакс поднялся с кресла, подошел к шкафчику с вином, наполнил два изящных и красивых бокала, после чего расположился на ложе. — Ну, теперь рассказывай.

— Нечаянно я нарушил то, что, по-видимому, является здесь табу первостепенного значения. И мне сильно повезло, раз уж я выпутался живым.

— Ну, ну... — Даймонакс погладил начинающую седеть бороду. — Не первый такой случай — и не последний. Мы получаем знания на ощупь, и действительность всегда поражает нас... В любом случае я рад, что ты смог унести ноги. Я с искренним сожалением оплакивал бы твою смерть.

Прежде, чем пригубить вино, они торжественно отплеснули по нескольку капель из своих бокалов — в дар богам. Рациональный человек способен оценить очарование ритуала, а пол был пятноустойчив.

— Ты уже готов составить рапорт?

— Да. По дороге сюда я все упорядочил в памяти.

Даймонакс включил регистрирующий аппарат, произнес несколько каталогизирующих формул и сказал:

— Начинай.

Язон мог гордиться собой, его отчет был подготовлен отлично: ясный, честный и полный. Но когда он говорил, его память невольно возвращалась к пережитому... Он снова видел пляску волн на самом большом из озер Пенталимни, снова прогуливался по внутренней галерее замка в Эрнвике с полным любопытства и восхищения молодым Лейфом; бежал из тюрьмы, оглушив стражника, дрожащими пальцами заводил машину, мчался по шоссе, а потом пробирался сквозь лес из последних сил; вздрагивал, когда Бела плевал ему под ноги, и чувствовал, как радость от близкой свободы оборачивалась горечью. Под конец он не смог сдержаться:

— Почему мне ничего не сказали? Я бы был осторожней! Ведь меня убеждали, что в Вестфалии люди свободны от предрассудков и половых табу. Откуда я мог знать?

— Да, это упущение, — кивнул Даймонакс. — Но согласись, мы слишком недавно стали заниматься парахронией...

— Зачем мы вообще тут? Чему мы можем научиться от этих варваров? У нас в распоряжении бесконечное число миров, почему мы тратим время, занимаясь именно этим? Одним из двух наиболее отвратительных из всех, какие мы знаем...

Даймонакс выключил регистрационную аппаратуру. Какое-то время оба молчали. Снаружи доносился шорох шин проезжающих автомобилей, чей-то смех смешивался с распеваемой песней. За окном раскинулся блестящий в солнечном свете океан.

— Ты разве не знаешь — зачем? — заговорил наконец Даймонакс. Голос его звучал глуховато.

— Ну да... Научные интересы, разумеется. — Язон проглотил слюну. — Прости меня. Разумеется, деятельность Института опирается на рациональную ос-

нову. В американской истории мы наблюдаем тупик в развитии человека. Допускаю, что и в этой тоже.

Даймонакс покачал головой:

— Нет, дело не в этом.

— А в чем?

— Мы учимся здесь кое-чему слишком ценному, чтобы от него отрекаться, — ответил Даймонакс. — Этот урок унижает нас, но немного унижения не повредит нашей самодовольной Еутопии. Ты, конечно, не в курсе, так как до последнего времени мы, не располагая доказательствами, не публиковали свое заключение... Кроме того, ты недавно работаешь у нас, и первое задание выполнял в другой истории. Но теперь мы можем утверждать, что Вестфалия — тоже своеобразная Еутопия, Счастливая Страна.

— Это невозможно, — прошептал Язон.

Даймонакс улыбнулся и отпил глоток вина.

— Подумай сам, — сказал он. — Что нужно человеку? Прежде всего он должен удовлетворять свои биологические потребности: должен иметь пищу, крышу над головой, лекарства, возможность вести половую жизнь и, наконец, жить в безопасности, чтобы растить детей. Во-вторых, человеческий разум постоянно испытывает неистребимую жажду нового, тягу к знаниям и творчеству. А теперь присмотрись повнимательнее, и ты увидишь, что в этой истории люди удовлетворяют все свои потребности.

— То же самое можно сказать о любом племени каменного века. Нельзя ставить знак равенства между удовлетворением потребностей и счастьем.

— Разумеется, нет. Просто этот мир не похож на упорядоченную, унифицированную Еутопию, страну ласковых коров, в которой все распланировано. Мы разрешили конфликты: и между людьми, и те, которые раздирали душу каждого человека; освоили всю Солнечную систему, хотя звезды по-прежнему нам недоступны. И если бы Господь в милосердии своем не позволил нам выдумать парахронион, чем бы мы тогда занимались?

— Ты хочешь сказать, что... — Язону не хватало слов. Он вдруг вспомнил, что только умственно боль-

ной человек обижается, если слышит что-то противоречащее его взглядам. — Значит, человек, избавленный от агрессивности, лжи, предрассудков, ритуалов и табу, ничего не имеет впереди?

— Почти так. Общество должно обладать структурой и целями. Природа же не диктует ему ни того, ни другого. Наш рационализм является нерациональным выбором. То, что мы подавляем зверя в себе, — попросту еще одно табу. Нам можно любить кого угодно, но нельзя ненавидеть. Так разве мы обладаем большей свободой, чем жители Вестфалии?

— Но ведь есть культуры, которые лучше остальных!

— Не спорю, — сказал Даймонакс. — Я лишь обращаю твое внимание на то, что каждая культура за свое существование платит определенную цену. Мы дорого платим за все, чем наслаждаемся в Еутопии. Мы не позволяем себе ни одного бессмысленного, эгоистического поступка. Ликвидировав все опасности и трудности, уничтожив различия между людьми, мы не оставили себе никаких шансов на победу. А быть может, худшее здесь то, что мы становимся законченными индивидуалистами. У нас нет ощущения сопричастности. Наши обязанности носят чисто негативный характер: мы обязаны не принуждать к чему бы то ни было никого другого. Государство — безличный, великолепно организованный, непринуждающий механизм — заботится об удовлетворении любой нашей потребности, об избавлении от любой неприятности, которая может с нами случиться. А где наше уважение к смерти? Где интимность, которую можно испытывать, лишь проведя вдвоем с любимым человеком целую жизнь? Мы частенько балуемся разными торжествами и церемониями, но зная, что все они сводятся к отработанным жестам, я не могу не спросить: чего же они стоят? Мы сделали однообразным наш мир, мы потеряли его цвет и контрасты, мы растеряли собственное своеобразие...

А вот жители Вестфалии — несмотря на их варварство — знают, кто они, какие они и что им принадлежит. Их традиции не вычитаны из книг, они

неотъемлемая часть их жизни. И их мертвые остаются в памяти живых. Перед ними стоят реальные проблемы, потому и дела их реальны. Они верят в свои ритуалы. Верят, что стоит жить и умирать ради семьи, короля, народа. Быть может, хотя я в этом и не уверен, они меньше нас размышляют о вечном, но зато в большей степени используют свои нервы, железы и мышцы. И если они создали при этом науку и технику, то не стоит ли нам кое-чему у них поучиться?

Язон молчал.

Даймонакс снова нарушил тишину.

— Теперь ты можешь вернуться в Еутопию. А когда отдохнешь, получишь новое задание. В той истории, которая тебе более симпатична. Расстанемся друзьями.

Зашелестел парахронион. Тетива времени натянулась между Вселенными... Распахнулась дверь, и Язон вышел наружу.

Он оказался в лесу блестящих колонн. Белые Неафины — вечный, родной город террасами спускался к морю. Откуда-то доносился звук лиры.

Радость звенела в Язоне. Он уже не помнил о Лейфе. Мимолетное увлечение, спасательный круг от одиночества и тоски... А теперь он был дома. И здесь его ждал Ники, Никиас Демосфенос, самый красивый и самый очаровательный из мальчиков.

БЕСКОНЕЧНАЯ ИГРА

Первый звук трубы разнесся далеко, ясно, он прозвенел холодной бронзой, и епископ Рогард зашевелился, просыпаясь с этим звуком. Подняв глаза, он взглянул сквозь неожиданно зашумевший, забормотавший строй солдат, через широкую равнину Киновари, через границу на королевство Белизию.

Там, далеко, за какой-то нереальной черно-белой степью он уловил отблеск солнечного света и увидел буйное трепетание поднятых знамен. «Значит, война, — подумал он. — Значит, мы должны сражаться снова».

«Снова»? Он заставил себя не думать о пугающей мрачности этого слова. Разве они когда-нибудь сражались раньше?

Слева от него громко рассмеялся сэр Окер и с резким металлическим стуком опустил забрало на свое веселое юное лицо. Забрало придало ему странный нечеловеческий вид, он внезапно превратился в лишенную характерных черт вещь, состоящую из блестящего металла и колышущихся перьев плюмажа; и сталь прозвучала в его голосе:

— А, сражение! Слава богу, епископ, а то я начал побаиваться, что мне придется ржаветь тут вечно.

Он так поднял на дыбы своего коня, что огромные металлические крылья загрохотали.

Справа от Рогарда высокий в своей мантии и короне стоял король Флэмбард. Одной рукой он прикрыл глаза от слепящего солнечного света.

— Первым они посылают Даймоса, королевского гвардейца, — пробормотал он. — Хороший боец.

Спокойствие тона не вязалось с тем, как другая рука короля нервно пощипывала бороду.

Рогард повернулся, взглянув через линии Киновари на границу. Даймос, солдат белизского короля, бежал вперед. Длинное копье сверкало в его руке, щит и шлем ослепительным блеском отражали безжалостный свет, и Рогарду показалось, что он сумел расслышать лязг железа. Потом этот лязг потонул в звуках труб, барабанов и пронзительных криках со стороны шеренг Киновари, и ему оставалось только наблюдать.

Даймос перепрыгнул два квадрата и стал у границы. Здесь он задержался, топчась и наталкиваясь на Барьер, который неожиданно остановил его, и начал выкрикивать вызов. Среди закованных в панцири солдат Киновари усилилось ворчание, и копья поднялись перед развевающимися штандартами.

Голос короля Флэмбарда был резок, когда он наклонился вперед и дотронулся скипетром до своего личного гвардейца.

— Вперед, Карлон! Вперед — и останови его!

— Слушаюсь, сир! — приземистая фигура Карлона склонилась, потом он повернулся и, подняв копье, побежал вперед, пока не достиг границы. Теперь он и Даймос стояли лицом к лицу, огрызаясь друг на друга через Барьер, и на какое-то неприятное мгновение поразился — что же такое сделали друг другу эти два человека в те страшные и забытые годы, что между ними должна была возникнуть такая ненависть?

— Позвольте мне, сир! — голос Окера прозвучал мрачно из-под забрала шлема, разрезанного узкой щелью для глаз. Крылатый конь рыл копытами жесткую белую почву, и длинная пика отбрасывала сияющую радугу.

— Нет, нет, сэр Окер, — это был женский голос. — Еще нет. Сегодня нам с тобой предстоит сделать многое, но попозже.

Взглянув на Флэмбарда, епископ увидел королеву, Эвиану Прекрасную, и что-то внутри у него оборвалось и вспыхнуло. Необыкновенно высокой и красивой была сероглазая королева Киновари, когда стояла она в своих доспехах и глядела на разгорающуюся битву. Ее загорелое юное лицо было забрано в сталь, и только один непослушный локон выбился на ветру, но она пригладила его рукой в латной перчатке, а другой взялась за меч, вытаскивая его из ножен.

Рогард испытывал горькую зависть к Колумбарду, епископу королевы Киновари.

Барабаны тяжело пророкотали в рядах белизцев, и еще один солдат бросился вперед. Рогард со свистом втянул воздух, когда солдат подбежал и встал справа от Даймоса. И лицо солдата заострилось и побледнело от страха. Между ним и Карлоном не было никакого Барьера.

— На смерть, — пробормотал сквозь зубы Флэмбард. — Они послали этого парня на смерть.

Карлон огрызнулся и кинулся на белизца. У него почти не было выбора — если бы он промедлил, он сам был бы убит, и король приказал ему не медлить. Он кинулся; его копье блеснуло, и белизский солдат рухнул и лег неподвижно, раскинувшись на черном квадрате.

— Первая кровь! — крикнула Эвиана, подняв свой меч и отражая им солнечные лучи. — Первая кровь в нашу пользу!

«Да, это так — мрачно думал Рогард. — Но король Майкиллейти имел основания пожертвовать этим человеком. Может быть, нам следовало бы дать Карлону погибнуть. Карлон — смельчак, Карлон — силач, Карлон — любитель посмеяться. Может быть, нам следовало бы дать ему погибнуть».

И теперь не было Барьера перед Эсейтором, епископом белизским, и он, высокий и спокойный, в сверкающей белой рясе, плавно прошел по белым квадратам и остановился у границы. Рогарду показалось, что он сумел поймать взгляд епископа, устремленный на королевство Киновари. Белизский епископ изготовился, чтобы броситься вперед со своей

тяжелой булавой, если Флэмбард, стремясь избежать риска, попытается обменяться местами с графом Ферриком, как это разрешал Закон.

Закон?

Но не было времени раздумывать, что это был за Закон, и почему ему следовало повиноваться, и что происходило до того, как началась битва. Королева Эвиана обернулась и крикнула солдату Рэддику, гвардейцу ее собственного рыцаря сэра Капрэна:

— Вперед! Останови его!

Рэддик бросил на нее влюбленный взгляд и побежал вперед, к границе, тяжеловесный в своей броне. Там стали они — он и Эсейтор, и не было между ними Барьера, если кто-нибудь из двоих использует фланговый маневр.

Железо загрохотало, когда булава Эсейтора пробила шлем и череп и сбила гвардейца Рэддика с ног.

Только раз вскрикнула Эвиана:

— И я послала его! Я послала его!

И она бросилась вперед.

По прямой, подобно летящему дротику, неслась вперед королева Киновари. Поворачиваясь, весь подавшись за ней, Рогард видел ее прыжок через границу и остановку у Барьера, отмечавшего левую границу королевства, за которой лежал только туман, простиравшийся до ужасного края этого мира. Там она повернулась лицом к охваченным ужасом шеренгам белизцев, и ветер донес ее крик, подобный крику нападающего ястреба:

— Майкиллейти! Защищайся!

Король Майкиллейти поспешно сошел с той линии, по которой атаковала королева, и отступил в цитадель епископа Эсейтора. «Теперь, — злорадно подумал Рогард, — теперь этот одетый в белую мантию повелитель не сможет найти убежище ни у одного из своих графов. Эвиана лишила его величайшей защиты».

— О-ля, моя королева! — взорвавшись смехом, Окер вонзил шпоры в своего коня.

Крылья бились, развевая ризу Рогарда, когда рыцарь перескакивал через своего гвардейца, чтобы

встать в двух квадратах от епископа. Рогард сдержал свой гнев: именно он хотел быть тем, кто последует за Эвианой. Но Окер был лучшим выбором.

О, значительно лучшим! Рогард дышал с трудом, пока его стремительный взор обегал поле боя. На следующем скачке Окер сумеет поразить Даймоса, и потом он и Эвиана смогут захватить Майкиллейти в ловушку!

Неожиданно замешательство овладело епископом. Почему люди должны погибать, для того чтобы захватить какого-то чужого короля? В чем суть Закона, который говорит, что король должен бороться за власть над миром и...

— Защищайся, королева! — сэр Меркон, королевский рыцарь Белизии, выскочил, подобно Океру.

Рогард хрипло передохнул и подумал, что, наверное, в ясных глазах Эвианы стоят слезы. Потом медленно королева отошла по краю на два квадрата и остановилась перед гвардейцем графа Феррика. Это было достаточно хорошее место для начала атаки, но уже не такое удобное, как прежде.

Боон, гвардеец белизской королевы Долоры, вышел на квадрат вперед и встал, надежно защищая Даймоса от угрозы Окера. Окер сердито заворчал и прыгнул, встав перед Эвианой, между ней и границей, очищая для нее путь и прикрывая Карлона.

Меркон тоже прыгнул, приземлился перед Окером, и между ними лежала граница. Рогард стиснул булаву, и глаза его застлало: белизцы наступали на Эвиану.

— Алфар! — крикнул королевский епископ. — Ты сумеешь ей помочь?

Отважный старый йомен, гвардеец епископа королевы, безмолвно кивнул и двинулся на квадрат вперед. Его копье нацелилось на епископа Эсейтора, и тот зарычал на гвардейца — между этими двумя теперь не было никакого Барьера!

Меркон белизский совершил еще один парящий скачок и остановился в трех квадратах перед Рогардом.

— Защищайся! — проревел его голос из-под безликого шлема. — Защищайся, о королева!

Теперь у Алфара уже не было времени сразить Эсейтора. Большие глаза Эвианы тревожно забегали; затем, приняв быстрое решение, она встала между Мерконом и Окером.

Гвардеец белизского королевского рыцаря шагнул на два квадрата вперед, направив свое копье на Окера. Надо было обладать смелостью, чтобы встать перед самой Эвианой, но королева Киновари понимала, что если она убьет его, то королева Белизии сможет нанести удар ей самой.

— Отойди, Окер! — крикнула она. — Отойди!

Окер выругался и выскочил из опасной зоны, остановившись перед гвардейцем Рогарда.

Королевский епископ закусил губу и попытался унять дрожь. Как солнце сверкало! Его свет иссушающим белым пламенем лился на бесплодные белые и черные квардаты. Огромное солнце неподвижно висело в мутном небе, и люди задыхались в своих доспехах. Грохот труб и железа, копыт, крыльев и топающих ног звучал под легким ветерком, который веял над миром. Никогда ничего не было, кроме этой бессмысленной войны, никогда ничего больше не будет, и когда Рогард пытался думать о том, что было до того момента, как началась битва, или о том, когда она кончится, то перед ним вставал только хаос темноты.

Граф Рафеон белизский — огромная, готовая к битве фигура из железа — тяжело шагнул к своему королю. Эвиана крикнула.

— Алфар! — крикнула она. — Алфар, твой час!

Гвардеец Колумбарда громко рассмеялся. Взмахнув копьем, он ступил на квадрат, занятый Эсейтором. Одетый в белую рясу, епископ поднял ненужную и слабую булаву и тут же рухнул в пыль под ноги Алфара. Воины Киновари завыли и ударили мечами о щиты.

Рогард не участвовал в торжестве. «Эсейтор, — подумал он мрачно, — так или иначе был обречен. У короля Майкиллейти что-то другое на уме».

Он был потрясен, когда увидел, что гвардеец графа Рафеона бросился вперед на два квадрата и крикнул Эвиане, чтобы она защищалась. В ярости королева Киновари отступила на квадрат в тыл. С болью понял Рогард, каким беззащитным оказался теперь король Флэмбард, чьи солдаты рассеялись по полю, в то время как белизцы выстраивались в ряды. «Но королева Долора, — подумал он, хватаясь за соломинку надежды, — королева Долора, ее невероятно холодная красота была как раз открыта для мощного удара».

Солдат, который заставил отступить Эвиану, перешел границу.

— Защищайся, о королева! — крикнул он опять.

Это был невысокий грубый неопрятный вояка в запыленном шлеме и латах. Эвиана ответила крепким солдатским проклятием и двинулась на квадрат вперед, чтобы поставить Барьер между ним и собой. Он дерзко ухмыльнулся в бороду.

«Плохо нам, неудачный и несчастный день». Рогард еще раз попытался вырваться из своего квадрата и кинулся на помощь Эвиане, но он не волен был сделать это. Барьер держал, невидимый и непреодолимый, и Закон сдерживал, жестокий и бессмысленный Закон, который гласил, что человек должен стоять и смотреть, как будут убивать его леди, и он с горечью выругался и бессильно замер в тяжком ожидании.

Трубы подняли свои бронзовые шеи, ударили барабаны, и королева Белизии Долора гордо вступила в битву. Она прошла — высокая, одетая в белое, холодно-прекрасная, с точеным и неподвижным в своей надменности лицом под увенчанным короной шлемом — и встала в двух квадратах перед своим супругом, возвышаясь над Карлоном.

Карлон киноварский плюнул под ноги Долоры, она взглянула на него своими холодными голубыми глазами и отвернулась. Горячий сухой ветер не растрепал ее длинные светлые волосы; она была похожа на стоящую и ожидающую статую.

— Окер, — сказала Эвиана, — сойди с моей дороги.

— Я бы не хотел отступать, миледи, — неуверенно ответил он.

— Я бы тоже не хотела, — сказала Эвиана, — но у меня должен быть свободный путь к спасению. Мы начнем биться сначала.

Медленно отъехал Окер назад, к своему дому. Эвиана усмехнулась, и кривая улыбка исказила ее юное лицо.

Рогард следил за ней так пристально, что не заметил, что происходило вокруг, пока грохот железа не оглушил его. Тогда он увидел епископа Соркаса с окровавленной булавой в руке в квадрате Карлона, а Карлон лежал мертвым у его ног.

«Карлон, твои руки бессильны, жизнь ушла из них, и есть только бесконечная темнота, охватывающая тебя, тебя, который так любил этот мир! Спокойной ночи, мой Карлон».

— Мадам... — епископ Соркас говорил тихо, слегка кланяясь, и улыбка бродила на его хитром лице. — Я сожалею, мадам, что... э...

— Да. Я должна отойти от тебя. — Эвиана тряхнула головой, словно ее ударили, и отступила на квадрат назад и в сторону. Затем, повернувшись, она бросила орлиный взгляд на черный квадрат белизского графа Эрейклеса. Он нервно оглянулся, будто хотел спрятаться за спинами трех солдат, которые охраняли его. Эвиана вздохнула глубоко, со всхлипом.

Сэр Сиетас, рыцарь Долоры, выскочил из своей цитадели, встав между Эвианой и графом. «Уж не собирается ли он убить солдата Алфара? — вяло подумал Рогард. — Теперь он мог бы сделать это». Алфар взглянул на рыцаря, который сидел пригнувшись, поднял свое копье и стал ждать решения судьбы.

— Рогард!

Епископ рванулся, и на секунду глаза его застлала тьма, прорезаемая молниями.

— Рогард, ко мне! Ко мне, и помоги мне очистить от них этот мир!

Она стояла в своих покрытых вмятинами и рубцами доспехах, подняв меч, и над этим разбитым полем она смеялась с возрождающейся надеждой. Рогард не смог крикнуть в ответ. Не было слов. Но он поднял свою булаву и бросился вперед.

Черные квадраты бежали под его ногами, грохотали шаги, стучали зубы, с нарастающей силой напрягались мускулы, и весь этот мир пел. На границе он остановился, зная, что такова была воля Эвианы, хотя он и не мог сказать, откуда он узнал об этом. Перед ним реяли гордые знамена Белизии — сейчас повергнем их в прах!

— Вперед, сэр! — прогрохотал Алфар, стоя справа от епископа и смело глядя на белого рыцаря, который мог сразить его. — Гоните их к черту отсюда!

Крылья ударили в небе, и Сиетас спланировал на землю слева от Рогарда. В горячем воздухе голубой металл его доспехов был похож на струящуюся воду. Его конь храпел, взмахивая крыльями; он легко осадил его, покачивалась зажатая в руке пика, белый шлем повернулся к Флэмбарду.

— Берегись, королева! — надменный голос белизца глухо прогремел из-под стального шлема.

— Конечно, сэр рыцарь, я поберегусь! — только смех звучал в голосе Эвианы.

Затем она легко устремилась по ряду черных квадратов. Она проскользнула мимо Рогарда, улыбнувшись ему на бегу, и он попытался улыбнуться ей в ответ, но лицо его было жестким. Эвиана, Эвиана, она в одиночестве летела во вражеский лагерь!

Железо зазвенело и загрохотало. Белый гвардеец, стоявший на ее пути, опрокинулся и рухнул к ее ногам. Одна рука бессильно поднялась, и крик умирающего послышался в пыли:

— Проклинаю тебя, проклинаю тебя, Майкиллейти, проклинаю тебя за твою глупую ошибку, — оставил меня погибать... нет, нет, нет...

Эвиана встала над поверженным телом и вновь рассмеялась прямо в лицо графу Эрейклесу. Тот съежился от страха, облизывая губы, — он не имел права напасть на нее, а она могла уничтожить его

следующим ударом. Рядом с Рогардом гикал Алфар, и трубы Киновари завывали в тылу.

Итак, великое наступление началось! Рогард бросил быстрый взгляд на епископа Соркаса. Тощая фигура в белой рясе двинулась вперед, одной рукой легко размахивая булавой, и на его бледном лице была чуть сонная улыбка. Никакого страха?.. Соркас остановился лицом к лицу с Рогардом и улыбнулся несколько шире, безрадостно оскалив зубы.

— Ты можешь меня убить, если хочешь, — коротко сказал он. — Но хочешь ли ты?

На секунду Рогард заколебался. Раздробить эту голову!..

— Рогард, Рогард, ко мне!

Крик Эвианы заставил королевского епископа обернуться. Он понял теперь, каков был ее план, и это так поразило его, что он забыл обо всем. «Белизия наша!»

Он быстро побежал. Даймос и Боон, бессильно тычась копьями в Барьеры, завыли на него, когда он пробегал мимо. Он миновал королеву Долору, ее прекрасное лицо казалось вылитым из стали, она следила за ним, когда он проходил по полю Белизии. А потом не осталось времени для размышлений. Граф Рафеон замаячил перед ним, и епископ перешел последнюю границу, вступив на вражескую территорию.

Граф поднял топор. Закон приговорил его к смерти, Рогард отмахнулся от слабого удара. Удар его собственной булавы потряс тело графа, челюсти лязгнули. Рафеон согнулся, медленно падая, его доспехи загрохотали, когда он рухнул на землю. Пальцы царапнули покрытую железом почву, и потом он затих.

«Эвиана, Эвиана, королева-воительница, это твоя победа!»

Даймос белизский заорал и перешел границу. Тщетно, тщетно, он был обречен на тьму. Гибкая фигура Эвианы двинулась к Эрейклесу, ее меч блеснул, и граф упал к ее ногам. Ее голос был подобен разящему мечу:

— Защищайся, король!

Оглянувшись, Рогард увидел, что справа от него стоял сам Майкиллейти. Между двумя мужчинами лежал Барьер, но Майкиллейти вынужден был отступить перед Эвианой, и он шагнул наискось вперед. Вглядевшись в его лицо, Рогард неожиданно почувствовал холод. В лице его он не увидел признаков поражения, там было искусство и знание и несгибаемая железная воля — что же замыслила Белизия?

Эвиана вскинула голову, ветер развевал локоны ее волос, как мятежное знамя.

— Мы побеждаем их, Рогард! — воскликнула она.

Далекие и слабые из-за шума и неразберихи битвы трубы Киновари донесли приказ короля. Вглядываясь в легкий туман, Рогард понял, что королем овладело беспокойство. Сэр Сиетас все еще представлял опасность, стоя близ Соркаса. Сэр Капрэн киноварский тяжело перескочил на квадрат перед гвардейцем графа королевы, перекрыв дорогу, по которой Сиетас должен был идти, чтобы напасть на Флэмбарда.

Мудро, но... Рогард вновь взглянул в спокойное бледное лицо Майкиллейти, и словно дуновение холода прошло по нему. Неожиданно он удивился: за что они сражаются? За победу, да, за господство над миром... но когда битва будет выиграна — что же дальше?

Он не был в состоянии думать о том, что будет дальше. Его сознание охватил ужас, которому он не мог отыскать названия. В это мгновение он ясно понял, что это была не первая в мире война, что были и другие войны до нее и снова будут войны. «Победа — это смерть».

Но Эвиана, чудесная Эвиана, она не могла погибнуть. Она должна править всем миром и...

Сталь сверкнула в Киновари. Бросился вперед Меркон белизский и одним тигриным прыжком сбил с ног личного гвардейца Окера. Солдат пронзительно вскрикнул, упав под неистово топчущие его копыта, и его крик потерялся в вопле белизского рыцаря:

— Защищайся, Флэмбард! Защищайся!

Рогард задохнулся. Это было подобно удару в живот. Только что король торжествующе стоял над

миром, и теперь все было разрушено одним ударом, и все грозили ему нападением.

— Нет, нет, — взглянув вдоль длинного пустого ряда квадратов, Рогард увидел, что Эвиана плакала. Он хотел бежать к ней, крепко прижать ее к себе и защитить от этого рушащегося мира, но вокруг него были Барьеры. Он не мог сойти со своего квадрата, он мог только наблюдать.

Мертвенно-бледный Флэмбард выругался и отступил к дому королевы. Его люди издали вопль и загрохотали своим оружием — еще оставался какой-то шанс на спасение!

«Нет, ничего не оставалось, пока Закон связывал людей, — думал Рогард, — ничего не оставалось, пока держали Барьеры. Победа была смертью, и победа, и поражение оборачивались одной и той же темнотой».

Стоявшая по другую сторону от своего худого улыбающегося супруга, Долора двинулась вперед. Эвиана вскрикнула, когда эта высокая белая женщина остановилась перед испуганным гвардейцем Рогарда, повернулась к Флэмбарду, туда, где он укрылся, и бросила ему вызов:

— Защищайся, король!

— Нет, нет, ты, глупец! — Рогард бросился вперед, пытаясь разбить Барьер и прорваться к Майкиллейти. — Разве ты не понимаешь, что никто из нас не может победить, это же смерть для всех, если война кончится! Позови ее обратно!

Майкиллейти не обратил на него внимания. Казалось, он ждал.

И Окер киноварский разразился громким хохотом. Его смех прозвучал над равниной, разнося счастливую радость, и люди подняли усталые головы и повернулись к юному рыцарю, который стоял в своей цитадели, ибо и юность, и торжество, и слава были в этом смехе. Затем быстрый блеск стали, Окер прыгнул, и его крылатый конь обрушился с неба на саму Долору. Она повернулась, чтобы встретить его, подняв меч, но он выбил его из рук Долоры и пронзил ее своей пикой. Слишком надменная для того, чтобы

кричать, белая королева медленно упала под копыта коня.

И Майкиллейти улыбнулся.

— Я понимаю, — кивнул гость. — Отдельные электронно-вычислительные машины, и каждая из них контролирует свою собственную шахматную фигуру-робота с помощью направленного луча, а все машины, действующие на одной стороне, связаны своего рода общим сознанием, которое заставляет их соблюдать правила шахматной игры и выбирать лучший из возможных ходов. Блестяще. И совершенно великолепна ваша идея оформить роботов в виде солдат средневековой армии.

Его взгляд следил за маленькими фигурками, которые передвигались по увеличенной доске под ярким светом.

— О, это просто внешние украшения, — сказал ученый. — А вообще это серьезный проект исследования на сложных самонастраивающихся электронно-вычислительных машинах. Давая им возможность играть партию за партией, я получаю некоторые ценные данные.

— Восхитительная вещь, — любуясь, сказал гость. — Вы поняли, что в этом сражении обе стороны воспроизвели одну из знаменитых классических партий?

— Нет, я не заметил. Неужели это так?

— Да. Это был матч между Андерссеном и Кизеритским, тому лет... Я забыл год, но это было довольно давно. Книги по шахматам часто ссылаются на эту игру как на Бессмертную Партию*... Значит, ваши электронные машины должны обладать многими свойствами человеческого мозга.

— Да, правильно, это сложные устройства, — согласился ученый. — Еще не все их характеристики ясны. Порой мои шахматисты удивляют даже меня.

— Гм-м, — гость остановился у доски. — Замечаете, как они мечутся внутри своих клеток, размахи-

* Здесь и в названии рассказа — игра слов: immortal game может означать «вечную игру», «бессмертную партию».

вая руками, колотят друг друга своим оружием? — Он помолчал, потом медленно пробормотал: — Интересно... интересно, может быть, у ваших машин есть сознание. Может быть, они обладают... разумом.

— Не фантазируйте, — фыркнул ученый.

— А откуда вы знаете? — настаивал гость. — Ваша система обратной связи аналогична нервной системе человека. Откуда вы знаете, что ваши отдельные вычислительные машины, даже если они и сдерживаются групповой связью, не имеют индивидуальных характеров? Откуда вы знаете, что их электронные ощущения не рассматривают игру как... о!.. как взаимоотношение свободной воли и необходимости; откуда вы знаете, что они не воспринимают данные об этих ходах как их собственный эквивалент данных о крови, поте и слезах?

Он помолчал немного.

— Нонсенс, — проворчал ученый. — Они просто роботы. Сейчас... Эй! Посмотрите туда! Следите за этим ходом!

Епископ Соркас сделал шаг вперед, на черный квадрат, граничащий с квадратом Флэмбарда. Он поклонился и улыбнулся.

— Война окончена, — сказал он.

Медленно, очень медленно Флэмбард взглянул на него. Соркас, Меркон, Сиетас — все они пригнулись, чтобы броситься на него, куда бы он ни повернулся; его собственные солдаты бессильно бушевали в Барьерах; не было ни одного места, где бы он мог укрыться.

Он склонил голову.

— Я сдаюсь, — прошептал он.

Через черное и белое Рогард взглянул на Эвиану. Их взгляды встретились, и они протянули друг другу руки.

— Шах и мат, — сказал ученый. — Партия окончена.

Он прошел по комнате к пульту управления и выключил электронно-вычислительные машины.

НЕТ МИРА С КОРОЛЯМИ

— Песню! «Чарли» спой! Давай «Чарли»!

Все были пьяны, и младшие офицеры за дальним концом стола орали немногим громче, чем старшие, — рядом с полковником. Ковер и оконные драпировки слегка приглушали возгласы, топот сапог, дробь кулаков по столешнице и звон стаканов. Из плясавших под потолком теней свешивались полковые знамена; игра их складок словно добавляла что-то к царившему здесь хаосу. Светильники на прикрепленных к стене кронштейнах и камин озаряли бликами спортивные трофеи и оружие.

Осень приходит рано в эти края. За окнами, путаясь между сторожевыми вышками, барабанил дождь, ревел ветер, и этот тоскливый музыкальный фон проникал повсюду, будто в подтверждение легенды: каждый раз в ночь на 19 сентября павшие на поле брани покидают свои могилы и пытаются присоединиться к празднеству — вот только не знают как. Но никого эта музыка не беспокоила — ни в зале, ни в казармах, за исключением, быть может, дежурного майора. Третья дивизия — «Рыси» — славилась как самая буйная часть в армии Тихоокеанских Штатов Америки, а полк «Бродяги», охранявший форт Накамура, считался самым необузданным.

— Давайте, ребята! Поехали! Если у кого-то есть что-то похожее на голос в этой проклятой Сьерре, так только у вас, — крикнул полковник Маккензи. Он сидел, откинувшись в кресле, с расстегнутым воротником черной форменной рубашки, расставив

ноги, держа в одной руке трубку, а в другой — стакан с виски. Тяжелое тело, помятое лицо, голубые глаза в лучиках морщин, покрытые налетом седины стриженые волосы и вызывающие рыжие усы.

— «Чарли, мой милый, мой милый, мой милый», — затянул капитан Халс.

— Прошу прощения, полковник.

Маккензи резко повернулся и увидел склонившегося к нему сержанта Ирвина. Что-то в его лице заставило полковника насторожиться.

— Да?

— Только что пришла шифровка. Майор Спейер просит вас срочно прийти.

Вспомнив последние новости из Сан-Франциско, Маккензи похолодел. Спейер был равнодушен к выпивке и сам вызвался дежурить в праздничную ночь. Впрочем, любой из «Рысей» полагал, что, даже залив в себя виски до барабанных перепонок, он более пригоден к службе, чем любой трезвенник. Маккензи выбил трубку, встал и, наметив себе прямую линию, направился к двери, взяв по дороге с вешалки портупею и пистолет.

В пустом мрачном переходе шаги звучали преувеличенно громко. У основания лестницы полковник миновал две пушки, захваченные в бою у Рок-Спрингс в войне за Вайоминг поколение назад, и двинулся наверх. Шаг ступеней был слишком крут для его лет, но здесь все было массивным, десятилетиями строилось из гранита Сьерры, да и должно было быть таким: часть охраняла ключ к сердцу страны. Не одна армия разбилась об эти одетые камнем брустверы, прежде чем была умиротворена Невада, и немало молодых ребят ушли с этой базы, чтобы уже не вернуться.

«Но никогда еще форт не подвергался нападению с Запада. Боже, если ты существуешь, не дай этому случиться и впредь...»

В штабе было пусто — ни привычной суеты вестовых, ни старательных писарей, ни галдящих офицерских жен, поджидающих полковника. В безлюдье

еще громче слышались свист ветра за стеной и стук дождя в окно.

— Полковник пришел, сэр, — доложил Ирвин неровным голосом. Сержант сглотнул и закрыл за собой дверь.

Спейер стоял у стола командира — девственно чистого, за исключением чернильницы, аппарата внутренней связи и портрета Норы, сильно выцветшего за десятилетие после ее смерти.

Маккензи перевел взгляд на майора, высокого худого мужчину с обозначившейся лысиной и кривым боксерским носом. Форма на нем казалась вечно неглаженой. Но он обладал самым острым умом среди офицеров «Рысей», а книг прочитал на своем веку больше, чем все остальные вместе взятые. Официально Спейер считался адъютантом командира; на самом деле он был старшим советником.

— Ну? — спросил Маккензи. Казалось, алкоголь не только не оглушил его, но сделал чувства обостренными: он улавливал тепло, идущее от светильников (когда же они получат нормальный генератор, чтобы жить с электричеством?), ощущал массивность пола под ногами, видел трещину на обоях, знал, что печь остыла. Желая выглядеть спокойным, он засунул большие пальцы за ремень, покачался на каблуках. — Ну, Фил, что стряслось?

— Телеграмма из Сан-Франциско, — ответил Спейер, протягивая ему листок бумаги, который нервно комкал в руках.

— Угу. Почему они не передали по радио?

— Телеграмму труднее перехватить. Это шифровка. Ирвин расшифровал ее для меня.

— Ну и что в этой писульке?

— Посмотрите. Тем более, это вам. От командования.

Маккензи начал вчитываться в каракули Ирвина.

«Настоящим уведомляем вас, что Сенат Тихоокеанских Штатов принял закон об импичменте Оуэну Бродскому, бывшему Судье Тихоокеанских Штатов Америки, и отстранил его от должности. С 20.00 сего дня в соответствии с законом о преемственности

Судьей ТША является Хэмфри Фэллон, бывший вице-судья. Угроза общественному порядку со стороны подрывных элементов заставляет ввести военное положение по всей стране, начиная с 21.00 сего дня. В связи с этим вам направляются к исполнению следующие инструкции:

1. Переданная информация является строго секретной, пока не будет сделано официального сообщения. Нарушители, а также лица, получившие эту информацию, подлежат полной изоляции.

2. Все оружие и боеприпасы, кроме десяти процентов наличного количества, должно быть изъято и тщательно охраняться.

3. Командование гарнизоном форта Накамура примет полковник Саймон Холлис, который выступает утром из Сан-Франциско с одним батальоном. Он должен прибыть в форт Накамура через пять дней. Вы возглавите группу возвращающихся в Сан-Франциско (ее состав назовет полковник Холлис) и доложите о своем прибытии бригадному генералу Мендоса в форте Бейкер. Во избежание провокаций возвращающиеся должны быть разоружены; только офицерам разрешается оставить личное оружие.

4. Для вашего личного сведения: старшим помощником полковника Холлиса назначен капитан Томас Даниэлис.

5. Еще раз напоминаем: по соображениям национальной безопасности в стране объявлено военное положение. Требуем абсолютной верности законному правительству. Любые мятежные акции будут беспощадно пресечены. Каждый, кто предоставляет помощь или сочувствует фракции Бродского, виновен в государственной измене.

Генерал Джералд О'Доннелл, Главное Командование».

Гром прокатился в горах, словно артиллерийский залп. Прошла минута, прежде чем Маккензи скомкал и бросил лист на стол. Он медленно собирался с мыслями, ощущая странную пустоту.

— Они решились, — сказал Спейер негромко. — Они это сделали.

— И что же?

Маккензи уставился майору в лицо. Спейер отвел взгляд, тщательно скручивая сигарету, но заговорил быстро и резко, будто все давно обдумал:

— Я догадываюсь, что там произошло. «Ястребы» носились с идеей импичмента с тех пор, как Бродский согласился на компромисс в пограничном споре с Западной Канадой. У Фэллона собственные амбиции. Но его сторонники в меньшинстве, и он знает это. Когда Фэллона избрали вице-судьей, «ястребы» немного успокоились. Но ненадолго — потому что Бродский еще не так стар и едва ли мог умереть, открыв дорогу Фэллону, а более половины Сената — это трезвомыслящие, умеренные вожди кланов, которые вовсе не считают, что ТША получили свыше мандат на объединение континента. Я не понимаю, как импичмент мог пройти через Сенат, если он был собран в полном составе. Скорее, они проголосовали бы против Фэллона.

— И все же Сенат был созван, — заметил Маккензи. Его собственные слова казались ему сказанными кем-то посторонним.

— Конечно. Вчера. Чтобы «обсудить ратификацию договора с Западной Канадой». Но вожди разбросаны по всей стране, каждый сидит в своем центре. Им нужно было еще добраться до Сан-Франциско. Несколько подстроенных задержек, — к примеру, рухнул мост, — и десяток самых верных сторонников Бродского не смогли попасть вовремя. Кворум есть, все сторонники Фэллона на месте — и у «ястребов» чистое большинство. К тому же они собрались в праздник, когда горожане забывают о политике. И сразу — импичмент и новый Судья.

Спейер свернул, наконец, сигарету и сжал ее зубами, нервно роясь в карманах в поисках спичек. Его щека слегка подрагивала.

— Думаете? — чувствуя огромную усталость, пробормотал Маккензи.

— Конечно, до конца я не уверен, — рявкнул Спейер. — Да и никто не может быть уверен — пока не будет слишком поздно.

Коробок хрустнул в его ладони.

— Они сменили верховное командование, как я заметил?

— Да. Хотят быстро заменить всех, кому не доверяют, а де Баррос был человеком Бродского. — Спичка вспыхнула, осветив ввалившиеся в затяжке щеки. — Мы тоже входим в число подозрительных. Полку оставлен минимум оружия, чтобы никто не вздумал сопротивляться, пока не прибудет новый полковник. Обратите внимание, он двигается с батальоном. Так, на всякий случай. Иначе мог бы вылететь самолетом и быть здесь завтра.

— Почему не поездом? — Маккензи втянул дымок сигареты и полез за трубкой. Она еще хранила тепло в кармане рубашки.

— Может быть, все, что движется по рельсам, отправили на север: доставить войска поближе к вождям кланов, чтобы предупредить восстания. В долинах, в общем, спокойно. Там мирные фермеры и колонии Ордена Эспер. Они не будут стрелять по солдатам Фэллона.

— Так что нам делать?

— Полагаю, Фэллон совершил переворот в каких-то законных формах, — ответил Спейер. — Был кворум. Теперь никто не докажет нарушения Конституции. Я перечитал эту проклятую телеграмму несколько раз. Тут многое скрыто между строк. Например, я думаю, что Бродский на свободе. Если бы он был под арестом, они так не беспокоились бы о сопротивлении. Очевидно, охрана вовремя его укрыла. Конечно, теперь за ним начнется охота.

Маккензи давно достал трубку, но забыл о ней.

— Вместе с нашей заменой идет Том.

— Да, ваш зять. Ловко придумано, разве нет? Что-то вроде заложника, отвечающего за ваше поведение. А с другой стороны, скрытое обещание, что ваша родня не пострадает, если вы явитесь, как приказано. Том хороший парень. Он не даст своих в обиду.

— Это ведь и его полк. — Маккензи пожал плечами. — Я знаю, он хотел бы воевать с Западной

Канадой. Он молод и... и много наших погибло в стычках в Айдахо. Детей, женщин...

— Да, — сказал Спейер. — Но решать вам, Джимбо. Что вы будете делать?

— О, господи, не знаю! Я только солдат. — Мундштук трубки треснул в его пальцах. — Мы ведь не личная милиция одного из вождей. Мы поклялись защищать Конституцию.

— Я не считаю, что уступки Бродского по поводу наших требований в Айдахо могут быть основанием для импичмента. По-моему, он прав.

— Ну...

— Это настоящий переворот. Быть может, вы не следили за последними событиями, Джимбо, но не хуже меня знаете, что означает захват Фэллоном поста Судьи. Самое малое — это война с Западной Канадой. Фэллон выступает также за сильное центральное правительство. Он сумеет сломить старые кланы, их вожди и молодежь погибнут в боях. Эта политика восходит к библейским временам. Других обвинят в сговоре с людьми Бродского и разорят их штрафами. Общины Ордена Эспер получат новые земельные владения, так что орденская конкуренция разорит еще немало поместий. Начнется межклановая вражда. Вот так мы и двинемся к славной цели воссоединения.

— Если руководство Ордена Эспер стоит за Фэллона, что мы можем сделать? Я немало слышал о пси-взрывах. И не могу требовать от моих солдат испытать их на себе.

— Джимбо, даже если вы попросите ваших людей вынести взрыв бомбы Дьявола — для вас они сделают и это. Маккензи командуют «Бродягами» уже пятьдесят лет.

— Да, честно говоря, я надеялся, что когда-нибудь Том...

— Мы с вами предчувствовали, что что-то варится. Помните наш разговор неделю назад?

— Угу.

— Я тогда напомнил вам, что Конституция и написана для того, чтобы «подтвердить исконные свободы отдельных регионов».

— Оставьте меня в покое! — крикнул Маккензи. — Я не знаю, кто теперь прав и кто виноват!

Спейер замолчал, разглядывая командира сквозь пелену дыма. Маккензи прошелся по комнате, ставя каблуки с глухим барабанным звуком. Внезапно он с силой швырнул на пол сломанную трубку.

— Хорошо. Ирвин славный парень и будет держать рот на замке. Отправьте его перерезать телеграфную линию в нескольких милях от форта. Пусть это выглядит, как будто ее порвал ветер. Видит Бог, провода рвутся довольно часто. Официально мы не получали шифровки из главного штаба. Это даст нам несколько дней, чтобы связаться с командованием Сьерры. Я не хочу идти против генерала Крукшанка. Завтра мы приготовимся к действиям. Отбросить батальон Холлиса будет нетрудно, да им еще нужно время, чтобы собраться с силами. Потом выпадет снег, и мы будем отрезаны на всю зиму. Только наш полк умеет ходить на лыжах. До весны мы установим связь с другими частями и организуем какую-то оборону. Ну а к весне... видно будет. Пойду расскажу все Лауре.

— Да.

Спейер стиснул плечо Маккензи. В глазах полковника были слезы.

Маккензи спустился по парадной лестнице, машинально ответил на приветствие часового и направился к южному крылу здания, где была его квартира.

Дочь уже легла. Он взял фонарь с крюка в тесной маленькой прихожей и вошел в ее комнату. Она всегда спала здесь, когда ее мужу приходилось по службе уезжать в Сан-Франциско.

Секунду Маккензи не мог вспомнить, зачем отправил туда Тома. Он потер свой шишковатый затылок, как будто надеялся обнаружить там что-то. Ах, да, предположительно — он послал его за новым комплектом обмундирования для полка. На самом деле — чтобы убрать его отсюда, пока не кончится политический кризис. Том человек искренний и открытый, поклонник Фэллона и Ордена Эспер. Это вело к трениям с другими офицерами. Последние были, как правило,

отпрысками вождей кланов или выходцами из благополучных семей, которым вожди покровительствовали. Этих офицеров вполне устраивал нынешний порядок вещей. Но Том Даниэлис начинал рыбаком в нищей деревушке на побережье у Мендочино. Когда лова не было, Том ходил в школу местной общины Эсперов. Научившись читать и писать, он вступил в армию и добился офицерского звания только благодаря своим способностям и упорству. С тех пор он никогда не забывал, что Эсперы помогают бедным и что Фэллон обещал помогать Эсперам... Ну, и битвы, слава, воссоединение, федеральная демократия — эти лозунги недешево стоят, когда вы молоды...

Комната Лауры почти не изменилась за год ее супружеской жизни. Тогда ей было всего семнадцать, и здесь все еще обитали существа, которые принадлежали девочке, собиравшей волосы в хвостик и носившей крахмальную юбку: плюшевый медведь, заласканный до полной бесформенности, кукольный домик, сделанный отцом, портрет матери, написанный капралом, погибшим позже у Солт-Лейк-Сити. Как похожа Лаура на мать!

Тяжелые волосы, струившиеся по подушке, в бликах фонаря отливали золотом. Маккензи коснулся дочери со всей нежностью, на какую только был способен. Она проснулась мгновенно.

— Папа! Что-нибудь с Томом?

— Все в порядке.

— С ним беда, — сказала Лаура. — Я слишком хорошо тебя знаю.

— Нет, он жив и здоров. И надеюсь, будет впредь.

Маккензи взял себя в руки и в нескольких словах рассказал ей все, но пока он говорил, у него не было сил смотреть ей в лицо. Закончив, он сидел неподвижно, слушая шум дождя.

— Ты намерен бунтовать, — прошептала она.

— Я намерен запросить командование района Сьерра и поступить так, как мне прикажет мой командир, — сказал Маккензи.

— Ты знаешь, что он тебе скажет. Особенно, если уверен в твоей поддержке.

Маккензи передернул плечами. Начинала болеть голова. Раннее похмелье? Чтобы заснуть, надо еще немало выпить. Впрочем, спать не придется — сейчас не время. Завтра он соберет полк во дворе и обратится к солдатам, как всегда делали Маккензи перед «Бродягами».

Лаура сидела, обдумывая услышанное, затем произнесла безучастно:

— Тебя ведь не отговорить... — Маккензи покачал головой. — Ладно. Тогда завтра утром я выезжаю.

— Хорошо. Дать тебе коляску?

— Не нужно. Я езжу верхом лучше тебя.

— Как хочешь. Но возьми двух солдат для охраны. — Маккензи вздохнул. — Может быть, ты убедишь Тома...

— Нет, не могу. Не проси меня об этом, папа.

На прощанье он дал ей последний дар:

— Я не хочу, чтобы ты здесь оставалась. У тебя свой долг. Скажи Тому, что я по-прежнему думаю: ты верно выбрала его. Спокойной ночи, утенок.

Слова вылились скороговоркой, но он не смел задерживаться. Когда она заплакала, он развел ее руки и вышел из комнаты.

— Не думаю, что будет много убитых.

— Я тоже... по крайней мере, на этом этапе. Хотя, конечно, без жертв не обойтись.

— Ты говорил мне...

— Я говорил тебе об ожиданиях, Мюир. Ты не хуже меня знаешь, что Великая Наука оказывается точной только на широкой шкале истории. А индивидуальные события подвержены статистическим отклонениям.

— Не слишком ли все это просто для описания гибели в грязи существа, наделенного чувствами?

— Ты новичок на этой планете. Теория — это одно, а ее приспособление к потребностям практики — совсем другое. Думаешь, мне не бывает больно, когда я пытаюсь реализовать наш план?

— Верю, верю. Но жить с чувством вины от этого не легче.

— С чувством ответственности, ты хочешь сказать. Различие вполне реально. Ты читал отчеты и смотрел фильмы. А я прилетел с первой экспедицией. И пробыл здесь два столетия. Их страдания — для меня не абстракция.

— Но когда мы их обнаружили, все было совсем по-другому. Последствия междоусобной ядерной войны были тогда ужасающе свежи. Тогда эти несчастные, погибающие от истощения и безвластия, нуждались в нас — а мы ничего для них не сделали! Мы наблюдали.

— Ты впадаешь в истерику. Могли ли мы, явившись сюда впервые, мало что понимая, вмешаться и стать еще одним деструктивным элементом? Элементом, воздействие которого мы сами не могли предсказать? Это было бы преступным, как преступно хирургу приступать к операции, даже не прочитав историю болезни пациента. Нам приходилось скрытно изучать их, работать не покладая рук, раздобывать информацию. И только семьдесят лет назад мы почувствовали себя достаточно уверенными, чтобы ввести первый новый фактор в это избранное нами для эксперимента общество. Мы обретаем все новые знания, и наш план будет соответственно скорректирован. Может быть, потребуется тысяча лет, чтобы завершить нашу миссию.

— А тем временем они самостоятельно выбрались из-под обломков разрушенного ими мира. Они находят собственные решения для своих проблем. Так какое право имеем мы...

— Я начинаю удивляться, Мюир, какое право имеешь ты причислять себя хотя бы к ученикам психодинамики. Подумай, что такое на самом деле их «решения». Большая часть планеты остается в состоянии варварства. Этот континент восстанавливается быстрее, потому что до катастрофы именно здесь были сконцентрированы технология, знания, опыт. Но посмотри, какие социальные структуры у них возрождаются? Чересполосица враждующих между собой государств, унаследовавших былую территорию. Возродился

феодализм, политическая, экономическая и военная власть вновь, как в архаичные времена, принадлежит земельной аристократии. Наречия и субкультуры развиваются собственными несовместимыми путями. Слепое поклонение технологии, унаследованное от прошлого, может в конце концов вновь привести их к машинной цивилизации столь же аморальной, как та, что рухнула три столетия назад. Неужели ты подавлен, потому что революция, инспирированная нашими агентами, идет не так гладко, как нам хотелось бы? Знаешь ведь формулу Великой Науки: либо пять тысячелетий жалкого прозябания, на которое обречена эта раса при самостоятельном развитии, либо три мощных рывка, пусть даже они причинят им страдания и мы будем тому виной.

— Да, конечно, я понимаю, я поддался эмоциям. Но поначалу это трудно выдержать.

— Скажи спасибо, что твой первый опыт реализации нашего плана оказался относительно мягким. Худшее впереди.

— Мне говорили.

— Абстрактно. Но подумай о том, что нас окружает. Правительство, которое вознамерилось восстановить страну в былых границах, неизбежно втянется в войны с сильными соседями. В ходе этих войн непосредственно и под воздействием экономических законов, которых они не понимают, земельная аристократия и свободные землевладельцы будут уничтожены. Им на смену придет уродливая демократия, в которой будет преобладать сначала коррумпированный капитализм, а затем грубая сила тех, кто сумеет захватить аппарат управления. В этой системе не будет места для обнищавшего пролетариата, бывших земельных собственников и иностранцев, ставших подданными страны в результате завоеваний. Эта публика послужит плодородной почвой для всякого рода демагогов. Империя будет проходить через бесконечный ряд восстаний, гражданских беспорядков, периодов деспотизма, упадка, внешних

вторжений. О, у нас должно быть множество «решений», прежде чем мы закончим работу.

— Скажи... Ты думаешь, когда мы увидим конечный результат... мы сможем смыть с себя их кровь?

— Нет. Как раз мы и заплатим самую высокую цену.

Весна приходит в Сьерру холодной и влажной. Снег медленно тает в лесах и предгорьях, вздувшиеся реки ревут в каньонах. Первая зелень на осине кажется несравнимо более нежной, чем у елей и сосен, рвущихся к ослепительному небу. Но вот вы поднимаетесь выше линии лесов, и мир открывается в мертвой беспредельности. В нем только камень, снег и свист ветра. Да ворон парит низко над скалами, опасаясь жестокого ястреба.

Томас Даниэлис, капитан полевой артиллерии лоялистской армии Тихоокеанских Штатов, свел лошадь на обочину. За его спиной десяток солдат, с ног до головы покрытых грязью, пытались вытащить из глинистого месива орудийный тягач. Его мотор, работающий на спирте, едва вращал колеса. Пехота выглядела измученной, на такой высоте вообще было трудно дышать, особенно после ночевок на холоде и маршей с пудом грязи на каждом сапоге.

Цепь людей извивалась вверх по дороге от скалы, похожей на бушприт корабля, к видневшемуся вдали перевалу. Порыв ветра донес запах пота.

«Но они отличные солдаты», — подумал он. Его рота получит сегодня горячий обед, даже если придется зажарить ротного сержанта-квартирмейстера.

За этой горной цепью лежали земли в основном пустынные, на которые притязали Святые. Сейчас они не были опасны, с ними велась даже кое-какая торговля. Поэтому никто не заботился о том, чтобы чинить горные дороги, а железнодорожный путь заканчивался у Хэнгтауна. Так что экспедиционному отряду в район Тахо предстояло пробираться по необитаемым лесам и плато, покрытому льдом. Да поможет им Бог!

«И да поможет Бог тем, кто остался в форте Накамура», — подумал Даниэлис. У него пересохло во рту. Натянув поводья, он без нужды сильно пришпорил лошадь. Искры брызнули из-под копыт, сабля ударила по ноге Даниэлиса, и бедное животное вынесло его на гребень перевала.

Бросив повод, он достал полевой бинокль. Отсюда ему был виден горный ландшафт с беспорядочным нагромождением скал и долинами внизу, по которым плыли тени облаков. Даниэлис все еще не мог отыскать окулярами крепость. Естественно, рано еще. Он знал эти места. Хорошо знал!

Даниэлис пытался разглядеть хоть какой-нибудь след противника. Жутко было продвинуться так далеко и не увидеть ни одного врага, раз за разом посылать разведку на поиски отрядов повстанцев и не находить их, сидеть напряженно в седле в ожидании снайперской стрелы — и ни одной стрелы не увидеть. Но старый Джимбо Маккензи не такой человек, чтобы прятаться за стенами, да и «Бродяги» не зря заслужили свою славу. Если Джимбо жив...

Даниэлис закусил губу и заставил себя сосредоточиться на том, что показывали ему линзы бинокля. Не думай о Маккензи, не вспоминай, как легко он мог перепить тебя, перекричать, переспорить. Как он хмурил брови над шахматной доской, где попадал в десять ловушек из десяти и никогда не обижался, как горд и счастлив был он на свадьбе... Не думай о Лауре, скрывающей от тебя частые слезы по ночам. Она носит под сердцем твоего ребенка и просыпается в одиночестве в пустом доме в Сан-Франциско от страшных снов беременности. И у каждого из этих пехотинцев, бредущих к крепости, где нашли свой конец несколько посланных против нее армий, есть кто-то дома. И кто-то — на стороне повстанцев. Не думай об этом. Лучше высматривай вражеский след.

Вот оно! Даниэлис напрягся. Всадник. Нет, свой: в армии Фэллона добавили к униформе одну голубую полоску. Вернувшийся разведчик. Даниэлис хотел сам выслушать доклад. Но всадник был пока на расстоянии мили, с трудом преодолевая заболоченное пространство, и капитан продолжал изучать местность.

Появился разведывательный самолет — неуклюжий биплан. Солнце сверкало в круге пропеллера. Рокот мотора рождал эхо в скалах. Наверняка корректировщик-разведчик. Бомбардировщиком он быть не мог: форт Накамура неуязвим для того, что эта стрекоза могла на него сбросить.

Сзади о камень звякнуло копыто. Даниэлис выхватил пистолет, однако, увидев всадника, сразу же опустил оружие.

— Прошу прощения, Философ.

Человек в синей накидке дружески кивнул. Улыбка смягчила его суровое лицо. Ему было около шестидесяти, волосы седые, морщинистая кожа, но двигался он среди этих камней с ловкостью дикого козла. Золотой символ Янь и Инь поблескивал на груди.

— Сын мой, твои нервы напряжены до предела без всякой нужды, — сказал он. Слова его выдали чуть заметный техасский акцент. Члены Ордена Эспер повиновались законам тех мест, где они жили, но сами не претендовали ни на какую территорию. Для них было своим все человечество, быть может, все живое во Вселенной во все времена. Когда глава ордена предложил, чтобы Философ Вудворт сопровождал экспедицию в качестве наблюдателя, это не вызвало возражений даже у капелланов: все церкви сошлись на том, что учение Эсперов нейтрально по отношению к религии.

Даниэлис усмехнулся:

— Вы меня осуждаете? — Он вспомнил, как некий апостол посетил — по приглашению — его дом в Сан-Франциско, чтобы хоть немного успокоить Лауру. Утешение оказалось предельно простым: «Тебе придется мыть только одну тарелку после еды», — сказал апостол.

— Мне станет легче, если вы скажете, пользуясь данным вам даром, что ждет нас всех впереди.

— Я не посвящен в эти таинства, сын мой. Боюсь, я слишком погряз в материальном мире. Но кто-то должен заниматься практическими делами Ордена.

Вудворт задумчиво смотрел на вершины гор, как бы сливаясь с ними в одиночестве. Даниэлис не смел прервать его размышления. Он думал о том, какую

практическую цель преследовало участие Философа в этом походе. Написать отчет, более глубокий и точный, чем могли подготовить простые смертные, не умеющие обуздывать свои впечатления и чувства? Может быть. А может, Эсперы решили принять одну из сторон в этой войне? С многими оговорками, но руководство Ордена все-таки разрешило использовать ужасающие пси-взрывы там, где Ордену возникала серьезная угроза. Они были более расположены к судье Фэллону, чем к Бродскому или прежним Сенату вождей кланов и Палате народных депутатов.

— И все же, — продолжил Вудворт, — я не думаю, что вы встретите здесь серьезное сопротивление. Когда-то, до того как я узрел истинный путь, я служил в рейнджерах у себя дома. Эта местность выглядит совсем пустынной.

— Если бы знать точно! — взорвался Даниэлис. — Всю зиму, пока нас сковывал снег, они могли делать здесь все, что хотят. Разведчики сообщали, что еще две недели назад здесь было оживленно, как в улье. Что они готовили?

Вудворт промолчал.

Слова рвались из Даниэлиса. Он не мог сдержать себя, он хотел избавиться от воспоминания о том, как Лаура прощалась с ним накануне второй экспедиции против ее отца, спустя шесть месяцев после того, как первая была разбита и только немногие вернулись домой.

— Если бы были резервы! У нас всего кучка грузовиков и несколько аэропланов. Снабжение армии идет с караванами мулов. Какой мобильности можно от нас ожидать! Но вот что действительно приводит меня в бешенство. Мы знаем, как делаются вещи, которые существовали раньше. У нас есть старые книги, есть информация. Я знаком с электромехаником из форта Накамура, который делал транзисторные телевизоры размером с кулак. Я видел научные журналы, исследовательские лаборатории в области биологии, химии, астрономии. И все напрасно!

— Это не так, — мягко заметил Вудворт. — Как и мой Орден, научное сообщество становится межна-

циональным. Печатающие устройства, радиофоны, телепередачи...

— Я говорю, что это все напрасно. Напрасно в том смысле, что это не может остановить нас. Мы продолжаем убивать друг друга, и нет власти достаточно сильной, чтобы положить этому конец. Мы не в силах переложить руки фермера с рукоятей сохи на рычаги трактора. У нас есть знание, но мы не в состоянии им воспользоваться!

— Сын мой, вы пользуетесь им там, где не нужна концентрация промышленной мощи. Не забывай, что мир теперь намного беднее естественными ресурсами, чем был до бомбы Дьявола. Я видел Черные земли в Техасе, где огненная буря прошла по разработкам нефти.

Безмятежность Вудворта, казалось, дала трещину. Он отвел глаза и вновь устремил взгляд на горные пики.

— Нефть еще есть, — настаивал Даниэлис. — Есть уголь, железо, уран — все, что нам нужно. Но у нашего мира нет организации, чтобы взять все это. Вот почему мы собираем зерновые в центральной долине, получаем из них алкоголь, который движет немногие оставшиеся у нас моторы. Мы импортируем крохи того, что нам нужно, через чудовищно неэффективную цепь посредников. И все это пожирают армии.

Он сделал движение головой к той части неба, где стрекотал кустарно собранный самолет.

— В этом основная причина необходимости объединения. Только после него мы сможем все восстановить.

— А другая? — мягко спросил Вудворт.

— Демократия — универсальный выбор. — Даниэлис сглотнул. — Тогда отцам и сыновьям не придется сражаться друг с другом вновь.

— Это более серьезная цель, — сказал Вудворт. — Достаточно серьезная, чтобы Эсперы ее поддержали. Но вот то, что ты говоришь о машинах...

Он покачал головой:

— Машинный мир — не для людей.

— Возможно. Хотя если бы у моего отца были кое-какие машины в помощь, он не надорвался бы на работе... Не знаю. Однако все по порядку. Сперва нужно победить в войне, а потом — вести дискуссии. Прошу прощения, Философ, я должен ехать.

Эспер поднял руку в знамении мира. Даниэлис послал лошадь в галоп.

Пробираясь по обочине, он увидел разведчика, которого остановил майор Якобсен, индейца из племени Клама, с луком через плечо. Многие солдаты из северных районов предпочитали стрелы ружьям. Луки были дешевле, бесшумны, дальность, конечно, меньше, но с небольших расстояний убойная сила почти та же.

— Капитан Даниэлис, — козырнул ему Якобсен, — вы прибыли вовремя. Лейтенант Смит как раз начал докладывать, что обнаружила его разведка.

— И самолет, — добавил Смит невозмутимо. — Пилот рассказал нам по радио, что он видит, а мы проверили и убедились.

— И что же?

— Никого вокруг.

— Как это?

— Форт эвакуирован. И поселок. Ни души вокруг. Мы тщательно проверили все следы. Похоже, гражданские лица оставили форт раньше. Думаю, на санях и лыжах, в северном направлении, до какого-нибудь укрепленного пункта. Что касается полка, то солдаты начали отход в то же время, но постепенно. Весь полк, части обеспечения и полевая артиллерия покинули форт три-четыре дня назад.

Якобсен прищелкнул языком.

— И куда же они двинулись?

Порыв ветра заставил Даниэлиса придержать дыхание и взъерошил гриву лошади. За спиной он слышал медленный шаг, чавканье сапог, стон колес, вой моторов, крики погонщиков мулов. Но все это как бы в отдалении. Заменяя реальный мир, перед глазами Даниэлиса разворачивалась карта.

Лоялистская армия всю зиму вела тяжелые бои. Бродский сумел добраться до Маунт-Ренье, где была

достаточно мощная радиостанция в крепости, взять которую штурмом не удалось. Вожди кланов и племена вооружились и восстали, полагая, что Фэллон угрожает их паршивым маленьким привилегиям. Вся деревенщина присоединилась к ним, будто не зная другой верности, кроме преданности хозяину. Западная Канада, также опасаясь Фэллона, предоставляла повстанцам помощь, которую даже трудно было назвать тайной.

И все-таки национальная армия была сильнее. Лучше снабжение, четче организация, а главное — ее объединяла идея, видение будущего. Командующий Макдоннелл выработал стратегию: сосредоточить верные силы в нескольких пунктах, преодолеть сопротивление вокруг, создать базы и восстановить порядок в окрестных районах, а затем двигаться дальше. Стратегия оправдалась. Правительство теперь контролировало все побережье, флот наблюдал за канадцами в Ванкувере и охранял важный торговый путь на Гавайи, под контролем была северная часть бывшего штата Вашингтон почти до Айдахо и центральная Калифорния до самого Реддинга на севере. Оставшиеся непокоренными поселки и городки были изолированы в горах, лесах и пустынях. Клан за кланом, отрезанные от снабжения и лишенные надежды, прекращали сопротивление под усиливающимся напором правительственных войск. По-настоящему серьезным противником оставалось только командование Сьерры во главе с генералом Крукшанком: настоящая армия, а не ополчение горожан, достаточно большая, хорошо обученная и под профессиональным командованием. Эта экспедиция против форта Накамура была только малой частью трудной кампании.

Но теперь, как выяснилось, «Бродяги» ушли. Не оказав сопротивления. Это означало, что должны отступить и их братья «Рыси». Нельзя рубить один якорь в цепи, которую вы хотите удержать. Значит?

— Вниз, в долину, — сказал Даниэлис и будто услышал, как наваждение, нежный голос Лауры,

напевающей «Внизу в долине, долине тенистой...» — Они там.

— Боже мой! Невозможно! Мы бы знали об этом! — выкрикнул майор. Даже у индейца вырвалось восклицание, словно его ударили в живот.

— Здесь множество лесных дорог и троп. Пехота по ним пройдет, если знать эти места. А наш противник их знает отлично. Труднее с повозками, большими орудиями, но им только нужно было вывести их нам во фланги. Теперь, если мы будем продолжать преследование, они разрежут нас на части.

— А восточный склон? — безнадежно спросил Якобсен.

— Чем он лучше? Полыни побольше?.. Нет, мы в ловушке, — Даниэлис стиснул луку седла так, что побелели пальцы. — Готов поспорить, что это идея Маккензи! Его стиль.

— Но значит, они между нами и Сан-Франциско! А наши основные силы далеко на севере...

«Между мной и Лаурой», — подумал Даниэлис.

Вслух он сказал:

— Я полагаю, майор, нам нужно немедленно связаться с командованием по радио. — Он заставил себя поднять голову, хотя ветер сек глаза. — Это не значит, что мы обречены. На открытом пространстве их даже легче будет разбить, нужно только суметь войти в соприкосновение.

Сезон дождей, ливших всю зиму на равнинах Калифорнии, заканчивался. Дорога, по которой вместе с другими двигался в громе копыт Маккензи, тянулась среди яркой зелени. На эвкалиптах и дубах только что пошла в рост свежая листва. За деревьями по обеим сторонам тянулись квадраты полей и виноградников, каждая клетка чуть другого оттенка, чем соседняя, а по бокам пространство на горизонте замыкали еле видные отсюда холмы. Фермерские дома больше не попадались. Эта часть долины Напа принадлежала общине Ордена Эспер с центром в Сент-Хелен.

За спиной Маккензи стоял неумолчный грохот: «Бродяги» на марше. Три тысячи сапог, орудия и повозки создавали шум, подобный землетрясению. Видимой опасности нападения не было. И все-таки с флангов колонну охраняла кавалерия. Солнце блестело на касках всадников и наконечниках пик.

Маккензи внимательно разглядывал показавшийся впереди поселок. Янтарного цвета стены и красные черепичные крыши прятались среди сливовых деревьев, покрытых сейчас морем белых и розовых цветов. Община была большой — несколько тысяч человек. Маккензи невольно напрягся.

— Думаете, мы можем доверять им? — спросил он не в первый раз. — Ведь у нас всего лишь договоренность по радио на право свободного прохода.

Спейер, ехавший сзади, кивнул.

— Полагаю, они не обманут. Особенно увидев наших ребят. Да и вообще Эсперы отвергают насилие.

— Однако если уж дело доходит до драки... Здесь не так уж много посвященных — Орден недавно обосновался в этих краях. Но когда так много Эсперов собираются вместе, все равно среди них есть несколько знакомых с техникой пси-взрывов. А я не хочу, чтобы моих ребят разорвало на части или чтобы они взлетели на воздух.

Спейер посмотрел на него искоса.

— Вы боитесь их, Джимбо?

— Клянусь, нет! — Маккензи сам не знал, правду он говорит или лжет. — Я их не люблю.

— Они делают много доброго. Особенно бедным.

— Не спорю. Хотя вожди кланов тоже заботятся о своих людях, и у нас тоже есть церкви и больницы. Я только не уверен, что благотворительность дает им право воспитывать сирот и обделенных таким образом, что они не могут жить нигде, кроме как в общинах Ордена. К тому же доходы от земельных владений делают их благотворительность необременительной.

— Цель такого воспитания, как вы знаете, Джимбо, ориентировать учеников на так называемый внутренний мир — чем американская цивилизация ни-

когда особенно не интересовалась. Честно говоря, я зачастую завидую Эсперам — и не только из-за поразительных способностей, которые они в себе развивают.

— Вы, Фил? — Маккензи удивленно посмотрел на своего друга...

Морщины четче обозначились на лице Спейера.

— Этой зимой я застрелил немало моих сограждан, — сказал он глухо. — Моя мать, жена и дети живут теперь в тесноте в форте Маунт-Лассен, и когда мы прощались, то понимали, что, возможно, расстаемся навсегда... Да и в прошлом я отправил на тот свет множество людей, которые лично мне не сделали ничего плохого.

Он вздохнул:

— Я часто думаю, каково это — обрести мир внутри себя.

Маккензи старался не думать о Лауре и Томе.

— Конечно, — продолжал Спейер, — основная причина, почему мы с вами не доверяем Эсперам, заключается в том, что они представляют нечто нам враждебное. Нечто, способное взорвать саму концепцию жизни, с которой мы воспитаны и выросли. Знаете, пару недель назад в Сакраменто я зашел в университетскую лабораторию. Люди работают с химикалиями, электроникой, вирусами. Все это вполне совпадает с представлением образованного американца о нормальном ходе вещей. Но размышлять о мистическом единстве мироздания... Нет, Джимбо, редкий человек готов отринуть свою предшествующую жизнь и начать сначала.

— Пожалуй, — Маккензи потерял интерес к разговору. Поселение было теперь совсем рядом. Полковник обернулся к скакавшему сзади капитану Халсу:

— Мы отправимся туда. Передайте подполковнику Ямагучи, что до нашего возвращения он остается за старшего. Пусть действует по своему усмотрению.

— Да, сэр.

Халс откозырял. Маккензи не было надобности повторять то, о чем давно договорились заранее, но он знал цену ритуалу.

Спейер держался рядом. Маккензи настоял, что на беседу они явятся вдвоем. Его интеллект, может быть, уступал мышлению высокопоставленного члена Ордена. Но с Филом он чувствовал себя спокойно.

Офицеры свернули с дороги и двинулись улицей поселка между украшенных колоннами зданий. Все поселение было небольшим и состояло из групп жилищ, объединявших родственные сообщества или сверхсемьи — их называли по-разному. Такая манера жить и селиться вызывала у некоторых враждебность к Ордену и множество грязных шуток. Но Спейер, который знал обычаи Эсперов, говорил, что сексуальных вольностей у них не больше, чем в окружающем их мире. Идея заключалась в попытке преодолеть в какой-то мере соблазн обладания вещами и воспитывать детей всем обществом, а не в одной семье.

На улицу, с любопытством разглядывая всадников, высыпала ребятня. Дети выглядели здоровыми и, если не считать естественного страха перед пришельцами, вполне счастливыми. Однако слишком серьезными, отметил Маккензи, и все одеты в одинаковые синие туники. Были на улицах и взрослые, не выказывавшие к чужакам никакого интереса, — при приближении полка они пришли в поселок с окрестных полей. Их молчание окружало всадников стеной. Маккензи почувствовал, как по ребрам потек пот. Доехав до центральной площади, он с трудом перевел дыхание.

Посреди площади был фонтан с бассейном в форме цветка лотоса, вокруг стояли цветущие деревья. С трех сторон площадь обрамляли массивные здания, напоминавшие склады, а с четвертой возвышалось храмоподобное строение с изящным куполом — очевидно, место собраний или резиденция власти. На ступенях стояло шесть человек в синих одеяниях: пятеро сравнительно молодых людей и один постарше со знаком Янь и Инь на груди. Его ничем не примечательное лицо выражало величайшее спокойствие.

— Философ Гейнс? Меня зовут Маккензи, это майор Спейер, — он злился на себя за собственную

неловкость и робость. Молодых людей он понимал — они смотрели на него с плохо скрытой враждебностью. Но ему не удавалось встретиться со взглядом Гейнса.

Глава поселения согнулся в поклоне.

— Добро пожаловать, господа. Зайдемте в дом.

Маккензи спешился, привязал поводья к балясине и снял каску. Заношенная коричнево-бурая униформа казалась ему особенно грязной и не соответствующей обстановке.

— Благодарю. Мы ненадолго.

Молодые люди следовали за ними через холл. Спейер кивнул на мозаику на стенах.

— Красиво, — заметил он.

— Благодарю вас, — ответил Гейнс. — Вот мой кабинет.

Он открыл прекрасно отполированную дверь орехового дерева и жестом пригласил посетителей войти, оставив сопровождавших снаружи. В строгой комнате с выбеленными стенами стоял стол, несколько табуретов, на стене — полка с книгами. Распахнутое окно смотрело в сад.

Гейнс сел. Маккензи и Спейер последовали его примеру, неловко ерзая на жестких стульях без спинок.

— Перейдем прямо к делу, — начал полковник.

Гейнс не ответил. Маккензи был вынужден продолжать:

— Ситуация такова. Наши силы должны занять Калистогу, чтобы контролировать долины Напа и Лунную, во всяком случае, с северного направления. Именно здесь лучше всего разместить наш восточный фланг. Мы планируем устроить в поле укрепленный лагерь. Конечно, ваш урожай пострадает, но как только будет восстановлено законное правительство, вы получите компенсацию. Нам придется реквизировать необходимые продовольственные припасы и кое-какие медикаменты, однако без ущерба для людей; кроме того, все получат квитанции на оплату.

— Хартия Ордена освобождает нас от любых требований военного времени, — ровным голосом произ-

нес Гейнс. — Ни один вооруженный человек не должен вступать на территорию поселений Эсперов. Я не могу участвовать в нарушении закона, полковник.

— Если вы хотите остаться в строгих рамках закона, то позвольте напомнить вам, что и Фэллон, и судья Бродский объявили в стране военное положение. Обычные нормы отменены, — заметил Спейер.

Гейнс улыбнулся.

— Поскольку только одно правительство может быть законным, — сказал он, — притязания другого ничего не значат. Для беспристрастного наблюдателя представляется, что позиции судьи Фэллона сильнее, тем более, его сторонники контролируют сплошные территории, а не разбросанные земли кланов.

— Теперь это уже не так, — парировал Маккензи.

Спейер остановил его жестом.

— Возможно, вы не следили за событиями последних недель, Философ. Позвольте мне напомнить, что командование Сьерры организовало наступление на сторонников Фэллона, и наши войска спустились с гор на равнину. Взяв Сакраменто, мы контролируем теперь реку и железную дорогу. Мы продвинулись на юг ниже Бейкерсфилда, и наши позиции на этом направлении выглядят очень сильными. Теперь, когда мы закрепили успехи на севере, войска Фэллона будут зажаты между нашей армией и отрядами могущественных кланов, которые удерживают районы Тринити, Шаста и Лассен. Факт нашего появления здесь заставил противника эвакуировать долину Колумбия, чтобы сохранить возможность защиты Сан-Франциско. Так что кто сейчас удерживает большую территорию — это вопрос.

— А что с армией, которая направлена против вас в Сьерру? — поинтересовался Гейнс с очевидным знанием дела.

Маккензи нахмурился.

— Они обошли нас и дислоцированы теперь у Лос-Анджелеса и Сан-Диего.

— Потрясающе. Вы надеетесь устоять?

— Постараемся, — ответил Маккензи. — Местное население информирует нас о передвижениях против-

ника. Мы всегда в состоянии сосредоточить силы на направлении атаки врага.

— Жаль, что такие богатые земли будут изуродованы войной.

— Жаль, — согласился Маккензи.

— Наша стратегия очевидна, — заговорил Спейер. — Мы нарушили все коммуникации противника, за исключением морских, что не очень-то удобно для армии, действующей вдали от побережья. Им трудно получать оружие, боеприпасы и особенно алкоголь для моторов. Мы опираемся на кланы, которые почти независимы от внешнего мира. Очень скоро наше преимущество над армией, лишенной корней, выявится в полной мере. Я думаю, что судья Бродский вернется в Сан-Франциско к осени.

— Если ваши планы осуществятся, — заметил Гейнс.

— Это наши заботы, — Маккензи наклонился вперед, опустив кулак на колено. — Хорошо, Философ. Я знаю, вы предпочли бы видеть на высшем посту Фэллона, но у вас достаточно здравого смысла, чтобы не подписываться под проигранным делом. Будете сотрудничать с нами?

— Орден не вмешивается в политику, полковник, за исключением разве что случаев, когда нашему существованию угрожает опасность.

— Сказав «сотрудничать», я имел в виду лишь «не мешать».

— Увы, на нашей земле не должно быть военных сооружений.

Маккензи поднял взгляд на окаменевшее лицо Гейнса — уж не ослышался ли он?

— Иными словами, мы должны убраться?

— Да, — ответил Философ.

— Учтите, наша артиллерия нацелена на поселок.

— А вы будете стрелять по женщинам и детям, полковник?

— Нам это не понадобится. Мои люди просто войдут сюда.

— Через пси-взрывы? Умоляю, не обрекайте несчастных людей на гибель, — Гейнс помолчал мину-

ту. — Позвольте также заметить, что, потеряв полк, вы поставите под угрозу все ваше дело. Вы можете обойти наши владения и двигаться дальше к Калистоге.

«Оставив это гнездо фэллонитов у себя за спиной», — подумал Маккензи, стиснув зубы.

Гейнс поднялся.

— Дискуссия закончена, джентльмены. У вас есть час времени, чтобы покинуть наши земли.

Маккензи и Спейер тоже поднялись.

— Мы еще не закончили, — сказал Спейер. Пот выступил у него на лбу. — Я хотел бы сделать несколько разъяснений.

Гейнс пересек комнату и открыл дверь.

— Проводите этих господ, — приказал он пяти помощникам.

— Ну нет, клянусь Богом! — прорычал Маккензи, нащупывая кобуру.

— Дайте знать посвященным! — крикнул Философ.

Один из молодых Эсперов бросился к двери, и его сандалии застучали по каменному полу холла.

Маккензи заметил, что черты Гейнса слегка смягчились, но удивляться этому не было времени. Руки сами знали, что делать. Одновременно со Спейером он выхватил из кобуры пистолет.

— Займись посланцем, Джимбо, — крикнул Спейер, — а я прикрою этих четверых.

Рванувшись в дверь, Маккензи успел подумать о чести полка: правильно ли начинать враждебные действия, явившись парламентариями? Впрочем, Гейнс прервал переговоры первым...

— Задержать его! — скомандовал Философ.

Четверо Эсперов бросились выполнять приказ, забаррикадировав собой двери. Маккензи не мог заставить себя выстрелить в безоружных. Он ударил рукояткой пистолета в лицо стоявшего к нему ближе молодого парня. Ослепленный брызнувшей кровью, тот попятился. Маккензи достал еще одного, шагнувшего в дверной проем слева, и ударил ногой по колену третьего. Путь был свободен. Маккензи пере-

сек холл, выглянул на площадь. В боку кололо. «Стар становлюсь», — мелькнула мысль. Куда делся этот проклятый гонец? Сзади все было тихо, видимо, Фил овладел положением.

С улицы на площадь вбежали люди в синих одеяниях; в переднем Маккензи узнал посланца, показывавшего рукой на здание. С ним было семь или восемь мужчин постарше. Гонец отбежал в сторону, а группа быстро направилась вперед.

На мгновение ужас сковал Маккензи, но он быстро его подавил. «Рыси» не бегают ни перед кем, пусть это будут даже люди, способные взглядом вывернуть тебя наизнанку. «Если меня убьют — тем лучше, не придется не спать ночами, думая о Лауре».

Посвященные были почти у ступеней. Маккензи шагнул вперед и поднял оружие.

— Стойте! Поселок оккупирован на основании законов военного времени. Всем разойтись по домам!

— Что с нашим наставником? — негромко спросил один из них.

— Угадайте!.. С ним все в порядке. Вас тоже никто не тронет, если сами не попросите. Зарубите это себе на носу.

— Мы не хотим использовать психонику для насилия. Не вынуждайте нас.

— Ваш шеф послал за вами, хотя мы ровным счетом ничего не сделали, — возразил Маккензи. — Он думал о насилии, а не мы.

Эсперы обменялись взглядами. Самый высокий из них, тот, что задавал вопросы, кивнул головой. Остальные отошли в сторону.

— Я хотел бы видеть Философа Гейнса, — сказал высокий.

— Скоро увидите.

— Это надо понимать так, что он взят под стражу?

— Понимайте как хотите. — Маккензи заметил, что множество Эсперов собираются за углом здания. — Я не хочу в вас стрелять. Убирайтесь, иначе у меня не будет иного выхода.

— Тупик в своем роде, — заметил высокий. — Каждый из нас не желает нанести вред тому, кого

он считает беззащитным. Позвольте мне проводить вас отсюда.

Маккензи облизнул потрескавшиеся губы.

— Если расчлененным на части — проводи. Нет — катись отсюда сам.

— Вы можете вернуться к вашим людям. Но я самым серьезным образом предупреждаю вас, что любой вооруженный отряд, который попробует сюда вступить, будет уничтожен. — Высокий подошел к лошадям. — Какая из двух ваша?

Маккензи крутанулся на каблуках, бросился к двери и побежал вверх по лестнице, преследуемый по пятам людьми в синих одеяниях.

— Стойте, — снова крикнул Маккензи. — Стойте, или буду стрелять!

Он тщательно прицелился — чтобы остановить, а не убить. Холл наполнился грохотом выстрелов. Эсперы падали друг на друга с пулями в плече, ноге или бедре. В спешке Маккензи несколько раз промахнулся. Когда высокий человек, последний из преследователей, потянулся к нему, ударник пистолета щелкнул вхолостую.

Маккензи выхватил саблю и ударил ей высокого плашмя по голове. Эспер скорчился. Маккензи вновь устремился по лестнице. Все происходящее казалось ему каким-то нескончаемым кошмаром. Сердце яростно било в груди, будто готовое разорваться на части.

В конце лестничной площадки человек в голубом возился с замком железной двери. Другой топтался рядом.

— Вон отсюда! — Маккензи со свистом рубил воздух саблей. — Теперь я буду вас убивать!

— Давай скорее за помощью, Дейв, — сказал тот, кто пытался открыть дверь, и Дейв бросился вниз по лестнице.

— Ты хочешь быть уничтоженным? — спросил оставшийся.

Маккензи подергал дверь. Она была заперта.

— Сомневаюсь, чтобы ты мог это сделать, — процедил полковник. — Во всяком случае, без того, что там у вас внутри.

На миг повисла тишина, затем внизу послышался шум, и Эспер сказал:

— У нас ничего нет, кроме грабель и вил. Но и у тебя только этот клинок. Сдаешься?

Маккензи сплюнул на пол. Эспер неуверенно двинулся по лестнице вниз. И сразу показались атакующие. Судя по крикам, их было около сотни, но из-за поворота лестницы Маккензи видел не более пятнадцати крестьян с косами, вилами и прочим сельским инвентарем. Площадка образовала слишком широкий фронт для защиты, и Маккензи встал на лестницу. Здесь его могли атаковать не больше двух за раз.

Время застыло. Маккензи парировал и делал выпады. Клинок вошел в плоть и остановился у кости. Хлынула кровь. До бока полковника дотянулись вилы. Он перехватил их за рукоять и ударил по державшим ее пальцам. Теперь он увидел чужую кровь одновременно со своей. «Царапина. Но колени становятся резиновыми. Мне не продержаться больше пяти минут».

Раздался звук трубы. Дробь ружейного огня. Кто-то вскрикнул. По полу первого этажа залязгали подковы. Шум перекрыла зычная команда:

— Не двигаться! Всем сойти вниз и сложить оружие. Стреляем при малейшем неповиновении.

Опираясь на саблю, Маккензи старался отдышаться. Когда ему стало чуть лучше, он выглянул в небольшое окно и увидел, что площадь заполнена конницей, а по звукам, доносившимся из-за домов, он понял, что и пехота уже недалеко.

По лестнице взбежал Спейер в сопровождении сержанта инженерных войск и нескольких рядовых.

— Все в порядке, Джимбо? Вы не ранены?

— Пустяки. Царапина... Действительно, царапина. Не стоит говорить.

— Да, похоже, вы живы. Ладно, ребята, попробуйте открыть эту дверь.

Солдаты принесли саперные инструменты и занялись замком со рвением, порожденным, очевидно, в значительной мере страхом.

— Как это вы появились здесь так быстро? — спросил Маккензи.

— Я чувствовал, что без неприятностей не обойдется, — ответил Спейер. — Услышав выстрелы, я выпрыгнул в окно и бросился к коню — примерно за минуту до того, как на вас напали эти косцы. Я видел толпу, когда поскакал с площади. Наша кавалерия сразу же двинулась за мной, а следом и пехота.

— Кто-нибудь сопротивлялся?

— Нет, но мы сделали для острастки несколько выстрелов в воздух. — Спейер выглянул из окна. — Все тихо.

Наконец замок сдался и сержант распахнул дверь. Офицеры вошли в большую комнату под куполом. Они молча двигались вдоль стен, рассматривая странной формы металлические предметы, назначение которых даже не угадывалось — настолько все было странным. Маккензи остановился перед спиралью, выходившей из прозрачного куба, в глубине которого переливалось нечто бесформенное, вспыхивавшее иногда яркими искрами.

— Я-то думал, что, может быть, Эсперы нашли склад древнего оружия, сохранившегося со времен до бомбы Дьявола, — негромко заметил полковник. — Сверхсекретного оружия, которое так никогда и не было использовано. Но что-то не похоже, а?

— По-моему, — медленно проговорил Спейер, — все это выглядит так, словно вообще сделано не человеческими руками.

— Неужели ты не понимаешь? Они заняли поселение! Это покажет всему миру, что Эсперы уязвимы! И в довершение катастрофы захвачен арсенал.

— Из-за этого не беспокойся. Ни один непосвященный не сможет активировать наши инструменты. Обмотки предохранителей пропустят ток только в присутствии индивидуума с определенным ритмом энцефалограмм. Кстати, именно поэтому посвященные не могут передать секрет даже под пытками.

— Дело не в этом. Меня пугает разоблачение. Все узнают, что посвященные Эсперы вовсе не достигли непостижимых глубин психики, а про-

сто получили доступ к передовым научным знаниям. Это не только воодушевит повстанцев, но возможно, подтолкнет многих разочарованных членов Ордена выйти из него.

— Не сразу. В их обществе новости распространяются медленно. А потом, Мюир, ты недооцениваешь способность человеческого разума пренебрегать любыми фактами, если они противоречат привычным верованиям.

— Однако...

— Давай предположим худшее. Допустим, вера утрачена и Орден распался. Это большая неудача для нашего плана — но не фатальная. Псионика, пси-взрывы — только малая частица фольклора, которую мы сочли полезной для мотивации перехода на новые ценности. Есть ведь и другие, например, глубоко укоренившаяся вера в таинственное среди плохо образованных слоев населения. Если нужно, мы начнем сначала, только на какой-то другой основе. Точная форма вероучения несущественна, это всего лишь каркас для реальной структуры. В конечном счете будущая культура изживет все предрассудки, которые дали ей первоначальный импульс.

— Мы опоздали на столетие.

— Верно. Внедрить радикальный посторонний элемент теперь, когда общество уже развило собственные институты, намного труднее. Но я хочу убедить тебя, что задача в принципе осуществима. Кроме того, Эсперы могут быть спасены.

— Как?

— Нашим непосредственным вмешательством.

— Компьютер просчитал, что это неизбежно?

— Да, ответ получен недвусмысленный. Он нравится мне не более чем тебе, но прямое действие вообще приходится применять чаще, чем нам хотелось бы... Конечно, было бы лучше создать такие естественные условия, чтобы искомый результат пришел дорогой эволюции. Это избавило бы нас от неизбежного комплекса вины из-за пролитой крови. Но, к сожалению, Великая Наука не снисходит до каждодневных подробностей прак-

тической жизни. Сейчас нам предстоит убрать с дороги реакционные силы. Укрепившаяся власть будет действовать против побежденных с такой жестокостью, что немногие из тех, кто знает, что произошло в Сент-Хелен, выживут, чтобы рассказать об этом. Остальные... доверие к ним будет подорвано их поражением. Предположим, эта история просуществует в течение жизни одного поколения, предположим, ее будут шепотом рассказывать здесь и там... И что? Те, кто верят в Развитие, только укрепятся в своей вере, отметая такие мерзкие слухи. По мере того как все больше простых граждан и Эсперов будут принимать материализм, легенда станет казаться все более и более фантастической: так, придумали предки сказочку, чтобы объяснить себе вещи, бывшие недоступными их пониманию.

— Вот оно что...

— Ты несчастлив здесь, Мюир?

— Сам не пойму. Все так искажено.

— Скажи спасибо, что тебя не послали на одну из действительно враждебных планет.

— Я предпочел бы именно такую. Можно было бы забыть, как далеко я от дома.

— Три корабельных года.

— Ты так легко говоришь об этом! Словно три года в корабле не равны пятидесяти годам космического времени. Словно мы можем ожидать смену каждый день, а не раз в столетие. И словно исследованный нами район — не малая песчинка мироздания.

— Эта песчинка будет расти, пока не займет всю галактику.

— Знаю, знаю. Почему, по-твоему, я стал психодинамиком? Почему я пытаюсь вмешиваться в судьбу мира, к которому не принадлежу? «Создать союз разумных существ, который стремится к овладению тайны жизни Вселенной». Смелый лозунг! Но на практике, похоже, лишь немногие избранные виды смогут воспользоваться свободой в этой вселенной.

— Ты не прав, Мюир. Подумай о тех, в чьи дела мы, по твоим словам, вмешиваемся. Подумай, какое применение они нашли ядерной энергии, когда овладели ей. При нынешнем темпе развития они вновь придут к ней через столетие или два. А вскоре после этого смогут строить космические корабли. Хотел бы ты, чтобы такая стая хищников оказалась на просторах галактики? Нет, пусть они внутренне цивилизуют себя, тогда мы увидим, можно ли им доверять. Если нет — они, по крайней мере, смогут оставаться счастливыми на своей планете, в рамках образа жизни, установленного для них Великой Наукой. Вспомни, с незапамятных времен они мечтали о мире на земле; однако им никогда не обрести его в одиночку. Я не превозношу себя до небес, Мюир. Но работа, которую мы здесь делаем, дает мне право чувствовать себя небесполезным в космосе.

Повышения быстро следовали в этом году — потери были велики. Капитана Томаса Даниэлиса произвели в майоры за участие в подавлении восстания жителей Лос-Анджелеса. После битвы у Марикопы, где лоялисты, несмотря на пугающие жертвы, не сумели взять опорный пункт повстанцев в долине Сан-Иоахим, он стал подполковником. Армии было приказано двигаться на север вдоль прибрежных холмов, что она и делала, не особенно опасаясь нападения с востока. Сторонники Бродского, казалось, были заняты закреплением своих последних успехов. Больше всего лоялистов пока беспокоили партизанские стычки с отрядами кланов. После одного такого боя армия остановилась для передышки.

Даниэлис шел по лагерю. Среди тесных рядов палаток отдыхали солдаты: дремали, болтали, играли в карты. В душном воздухе царили запахи пота, лошадей, готовящейся на кострах еды. Зелень окрестных холмов уже потеряла свежесть и обрела летний темно-зеленый цвет.

Даниэлис был свободен от дел вплоть до совещания, назначенного генералом, но одна мысль не давала ему покоя. «Я стал отцом, — неотступно думал

он, — и еще не видел своего ребенка. А может, так лучше?» Он вспомнил майора Якобсена, умершего у него на руках под Марикопой. Трудно было поверить, что в человеке столько крови. Если, конечно, можно назвать человеком существо, дрожавшее от боли и страха накатывающейся темноты.

«Война казалась мне делом чести и славы. Нет, это голод, жажда, усталость, страх, смерть. Я сыт этим по горло. Когда все закончится, займусь бизнесом. Неизбежная экономическая интеграция даст простор для людей с деловой жилкой — можно будет продвинуться и без оружия в руках». Эти мысли приходили к Даниэлису уже не первый месяц.

На его пути стояла палатка, где обычно допрашивали пленных. Два конвоира как раз ввели в нее молодого, плотно сложенного угрюмого парня. На рубашке у него были сержантские нашивки и знак Уордена Эчеварри, главы клана, доминировавшего в этой части прибрежных гор.

Повинуясь внезапному импульсу, Даниэлис вошел следом. За походным раздвижным столом горбился капитан Ламберт, готовивший необходимые в подобных случаях бумаги.

Увидев перед собой Даниэлиса, офицер разведки встал.

— Да, сэр?

— Вольно. Я просто решил послушать.

— Хорошо. Постараюсь, чтобы вам было интересно. — Ламберт снова уселся и посмотрел на пленного, стоявшего с опущенной головой между конвойных. — Мы хотели бы, сержант, узнать кое-что.

— Я не скажу ничего, кроме имени, звания и места жительства, — глухо произнес пленный.

— Это мы еще посмотрим. Ты не иностранный солдат. Ты бунтовщик против правительства собственной страны.

— Ничуть! Я человек Эчеварри.

— И что из того?

— А то, что для меня Судья тот, кого назовет Эчеварри. Он сказал — Бродский. Значит, бунтовщики вы.

— Закон изменен.

— Вы шутите. Фэллон не имел права менять закон. Я не деревенщина, капитан, я ходил в школу. И каждый год вождь читает нам Конституцию.

— Я не намерен спорить с тобой! — рявкнул Ламберт. — Сколько винтовок и сколько луков в твоем отряде?

Молчание.

— Давай поступим проще. Я не требую от тебя предательства. Я только хочу, чтобы ты подтвердил информацию, которой мы уже располагаем.

Пленный отрицательно покачал головой. Капитан сделал жест в сторону конвоя. Один из солдат, схватив пленного за руку, слегка выкрутил ее в локте.

— Эчеварри не поступил бы так, — выговорил пленный побелевшими губами.

Ламберт снова сделал жест, и конвойный сильнее заломил руку пленного.

— Прекратите, — вмешался Даниэлис. — Хватит!

Солдат отпустил пленного, обескураженно глядя на начальство.

— Я поражен, капитан Ламберт. — Лицо Даниэлиса покраснело от бешенства. — Если это обычная практика, вы будете преданы военно-полевому суду.

— Нет, сэр, — сказал Ламберт слабым голосом. — Честно... Просто они отказываются говорить. Что же мне делать?

— Следовать правилам войны.

— С бунтовщиками?

— Уведите этого человека, — приказал Даниэлис. Конвоиры поспешно вышли из палатки.

— Простите сэр. Дело в том, что я потерял много людей. И не хочу потерять еще из-за отсутствия информации.

— Я тоже. — В Даниэлисе проснулось сочувствие. Он присел на край стола и начал скручивать сигарету. — Но видите ли, мы ведем необычную войну. И парадоксальным образом именно поэтому должны особенно строго придерживаться конвенций.

— Я не совсем понимаю, сэр.

Даниэлис сделал сигарету и протянул ее Ламберту — словно оливковую ветвь.

— Повстанцы не выглядят таковыми в своих собственных глазах. Они остаются верными традиции,

которую мы хотим разрушить. Давайте признаем: средний вождь клана — как правило, неплохой лидер. Вполне возможно, что он захватил власть сильной рукой во времена хаоса. Но теперь его семья интегрирована с регионом, которым она управляет. Вождь хорошо знает свои места, людей, живущих вокруг; он становится символом общины, ее независимости, достижений и обычаев. Если у вас беда или просьба, вам нет нужды пробираться сквозь дебри безликой бюрократии — идите прямо к вождю. Его обязанности очерчены так же ясно, как ваши собственные, и они вполне оправдывают его привилегии. Он ведет своих людей на битвы и на торжественные церемонии, придает цвет и значение жизни. Его и ваши предки росли вместе на этой земле две или три сотни лет. Он и вы принадлежите этой земле.

Мы должны смести этот порядок, чтобы не застыть в своем развитии. Но нам этого не сделать, если все будут настроены враждебно. Мы не армия вторжения, мы, скорее, нечто вроде Национальной гвардии, пытающейся подавить локальные беспорядки. Оппозиция — неотъемлемая часть нашего общества.

Ламберт зажег ему спичку. Даниэлис затянулся и закончил:

— Поймите, капитан, что армии и Фэллона, и Бродского сами по себе невелики. Мы — компания младших сыновей, бедных горожан, неудачливых фермеров, авантюристов, людей, которым кажется, что на военной службе они обрели не найденную ими в гражданской жизни семью.

— Боюсь, это для меня слишком сложно, сэр, — сказал Ламберт.

— Неважно. Просто помните, что в войне участвует гораздо больше людей, чем в армиях. И если вождям кланов удастся создать объединенное командование, это будет означать конец правительства Фэллона. К счастью, их разделяют география и собственная провинциальная гордыня. Не надо только доводить их до белого каления. Нужно, чтобы свободный фермер и вождь клана думали: «Ну что же, эти фэллониты не так уж плохи. Если занять по отношению к ним правильную позицию, я не только

ничего не потеряю, но могу кое-что и выиграть». Понимаете?

— Кажется, да.

— Вы неглупый парень, Ламберт. Не нужно выбивать информацию из пленных. Выманивайте ее.

— Я попробую, сэр.

— Хорошо, — Даниэлис посмотрел на часы, которые вместе с пистолетом были ему вручены при производстве в первый офицерский чин. — Мне пора. Увидимся.

Он вышел из палатки в приподнятом настроении. «Нет сомнений, я прирожденный проповедник и могу неплохо развивать идеи, которые приходят мне в голову». Он услышал мелодию: под деревом собралась группа солдат, в руках одного из них было банджо. Даниэлис начал насвистывать. Хорошо, что после поражения у Марикопы и этого марша на север, смысл которого был неясен, боевой дух армии оставался на высоте.

Возле палатки командующего стояли часовые. Даниэлис пришел одним из последних и занял место в конце стола напротив бригадного генерала Переса. В воздухе клубился табачный дым, присутствующие переговаривались вполголоса. Лица казались напряженными.

Разговоры смолкли, когда появилась фигура в синем одеянии со знаком Янь и Инь на груди. Даниэлис с удивлением узнал в нем Философа Вудворта. В последний раз он встречал Вудворта в Лос-Анджелесе и думал, что тот остался в городе в центре Эспера. Может быть, Философ прибыл в связи с каким-то особым поручением...

Перес представил его.

— У меня есть важные новости, господа, — произнес генерал очень спокойно. — Каждый может считать честью для себя присутствовать здесь сегодня. Это означает, во-первых, что вы пользуетесь абсолютным доверием и умеете хранить тайну, а во-вторых, что вы призваны осуществить операцию исключительной важности и трудности.

Только сейчас Даниэлис сообразил, что на совещании нет нескольких офицеров, которым полагалось бы по рангу сидеть за этим столом.

— Повторяю, — сказал Перес, — любая утечка — и наш план рухнет. В этом случае война продлится еще многие месяцы, а может быть, и годы. Вы знаете, насколько сложно наше положение. Оно еще более ухудшится, как только мы израсходуем наши запасы, поскольку противник перерезал линии снабжения. Мы даже можем быть разбиты. Я не пораженец, нет. Я реалист. Мы даже можем проиграть войну. Но если наш план сработает, мы покончим с противником еще в этом месяце.

Он сделал паузу, чтобы все усвоили сказанное, и продолжил:

— План разработан Главным Командованием совместно с руководством Эсперов в Сан-Франциско несколько недель назад.— Перес глубоко вздохнул. — Вы знаете, что Орден нейтрален в политических конфликтах. Но вы также знаете, что он защищает себя, когда подвергается нападению. Повстанцы такое нападение совершили. Они взяли поселение Ордена в долине Напа, к тому же начали после этого распространять об Эсперах злостные слухи. Вы хотите что-нибудь добавить к этому, Философ Вудворт?

Человек в синем кивнул.

— У нас есть собственные методы получения информации, разведывательная служба, как вы сказали бы, так что я готов познакомить вас с фактами. Сен-Хелен захватили в тот момент, когда большинство посвященных находились в Монтане, где они помогали основать новое поселение.

«Каким образом они так быстро передвигаются? — подумал Даниэлис. — Телепортация или что-нибудь другое?»

— Я не знаю, был ли противник информирован об этом или то была простая удача повстанцев. Словом, когда два или три посвященных пришли и попросили бунтовщиков удалиться, произошла стычка, и посвященные были убиты прежде чем смогли действовать... Сан-Хелен сейчас оккупирована. Мы не планируем

немедленных мер к ее освобождению, потому что в таком случае пострадают невинные.

Что касается слухов, которые распространяет командование противника... Что ж, на их месте я делал бы то же самое. Всем известно: наши посвященные способны на то, что недоступно другим. Солдаты, причинившие ущерб Ордену, могут опасаться сверхъестественного мщения. Вы образованные люди и знаете, что у посвященных нет ничего сверхъестественного; просто они умеют использовать скрытые силы, таящиеся в каждом из нас. Вы знаете также, что Орден не признает мести. Но простые солдаты погрязли в невежестве, и офицеры, естественно, должны как-то поднять их дух. Они решили фальсифицировать какие-то машины и объяснить солдатам, что это и есть оружие, которым пользуются посвященные. Оружие мощное, но, как и любую другую технику, его, мол, можно вывести из строя.

Все это представляет определенную угрозу Ордену, и мы не можем оставить безнаказанным нападение на наших людей. Вот почему руководство решило помочь вашей стороне в конфликте. Чем скорее кончится эта война — тем лучше для всех.

Раздалось несколько ликующих восклицаний. Перес поднял руку:

— Не торопитесь. Посвященные не будут воевать за вас, поднимая в воздух наших противников. Для них вообще было непросто принять решение встать на нашу сторону. Насколько я понимаю, внутреннее развитие каждого Эспера будет отброшено назад применением насилия. Они приносят большую жертву. По букве своей хартии, они могут применять псивзрывы только для защиты своих поселений. Нападение на Сан-Франциско, где расположена их штаб-квартира, будет расценено именно таким образом.

Осознание того, что здесь готовится, оглушило Даниэлиса. Он с трудом различал следующие слова Переса.

— Давайте рассмотрим стратегическую ситуацию. Сейчас противник удерживает половину Калифорнии, Орегон, Айдахо и значительную часть Вашингтона. Мы используем последний небольшой сухопут-

ный проход к Сан-Франциско, пока противник не попытался перерезать и его, потому что он развивает свой успех на побережье и потому что мы создали сильный гарнизон в городе, угрожающий ему с тыла.

Их шансы на взятие города крайне невелики. Мы по-прежнему удерживаем все порты южной Калифорнии. Наши морские силы намного превосходят все, что есть у врага: практически только шхуны, предоставленные вождями прибрежных кланов. Самое большее, что они могут сделать, это перехватить конвой со снабжением, да и здесь игра не стоит свеч. И уж, разумеется, им не проникнуть в залив — с нашей-то мощной артиллерией по обеим сторонам Золотых Ворот.

Тем не менее, конечная цель противника — Сан-Франциско. Это понятно. Место совещаний правительства, столица нации, промышленный центр. Итак, вот наш план. Мы снова обрушимся на командование Сьерры, ударив под Сан-Хосе. Вполне логичный маневр: разрезать их силы в Калифорнии надвое.

Но мы не добьемся успеха — на случай такой атаки противник сосредоточил большие силы. После тяжелого сражения мы будем отброшены. И вот труднейшая часть задачи: после поражения сохранить образцовый порядок. Мы начнем отступление на север к Сан-Франциско. Противник неизбежно будет нас преследовать. Когда он втянется на полуостров, зажатый между океаном слева и заливом справа, мы обойдем его с флангов и атакуем с тыла. Посвященные ордена Эсперов будут в это время с нами. Противник окажется в клещах. Что не сделают посвященные, закончим мы. От командования Сьерры не останется ничего, кроме небольших гарнизонов.

Это блестящая стратегическая операция. Готовы ли вы ее осуществить?

Даниэлис промолчал, не присоединившись к голосам других. Он думал о Лауре.

Справа на севере шел бой. Иногда доносились орудийные залпы, затем барабанная дробь ружейного огня. Дым полз над травой и между стволами дубов, покрывавших эти холмы. Но на берегу был слышен

только прибой, ветер и свист песка в дюнах. Маккензи ехал по кромке воды — коню здесь было легче, а всаднику лучше видно. Перед ним открывалась картина запустения: леса, прятавшие в себе остатки старинных домов. Когда-то эти места были плотно заселены, но бомба Дьявола вызвала огненный смерч, опустошивший эти места, и нынешнее редкое население мало что могло сделать на неплодородной почве.

Конечно, не по этой причине местность была сдана полку «Бродяг». Они пролили немало крови в этой войне, вытесняя фэллонитов из северной Калифорнии. Просто сейчас основные силы командования Сьерры приняли удар у Сан-Хосе, разбили противника и двигались, как и Маккензи, в направлении Сан-Франциско. Еще день-другой, и должны показаться белые стены города.

— Тяжело, — сказал Спейер.

— Да, всем тяжело, — ответил Маккензи с гневом. — Грязная война.

— Скоро начнется. Я чую опасность, что-то неладное происходит с нами.

Маккензи огляделся. Группами, конные и пешие, по долине двигались его солдаты; над ними стрекотал самолет.

Маккензи попытался взять себя в руки. Ведь это он предложил сегодняшний маневр на совещании у генерала Крукшанка — спуститься с гор на равнину; он разоблачил «легенду» Эсперов и он же скрыл от своих людей факт, что за этой «легендой» могло таиться нечто, о чем страшно было подумать. Он, полковник, войдет в историю, о нем еще лет пятьсот будут слагать баллады.

Но Маккензи не мог настроить себя на такой лад. Он знал, что не блистает умом, что измучен тревогой за судьбу дочери. Он боялся и за себя, боялся, например, ран, которые сделали бы его беспомощным инвалидом. Часто он помногу пил, чтобы заснуть. Полковник был чисто выбрит, чтобы поддерживать офицерское достоинство, он понимал, что если бы не ординарец, гревший для него воду, он выглядел бы таким же запущенным, как последний рядовой.

Маккензи попытался сосредоточиться на том, что происходило вокруг. За его спиной по берегу тянулась основная часть полка с артиллерией, частично на механической тяге, частично на мулах, повозки, несколько грузовиков и один бесценный броневик. Рядом, не особенно соблюдая строй, двигались колонны пехоты с ружьями и луками. Песок заглушал шаги, так что были слышны только ветер и прибой, но когда их шум стихал, доносилась слабая мелодия: музыканты, в основном индейцы, выдували песню «Заговор против ведьм». Маккензи не верил в нечистую силу, но мелодия вызывала у него озноб.

«Все будет нормально, — успокаивал он себя. И тут же: — Но Фил прав — противник сейчас проявит себя».

Подскакал капитан Халс, осадил лошадь.

— Патруль доносит, что к востоку заметна серьезная активность. Похоже, на нас движется большая группа.

— Фил, давайте сюда, — сказал Маккензи в портативный передатчик, который он возил на седле. Правда, из Сан-Франциско глушили передачи на всех частотах, и нужна была значительная мощность, чтобы связаться на расстоянии даже в несколько миль. Поэтому разведка передавала сообщения через посыльных.

Полковник заметил, что стрельба в глубине полуострова стихла.

«Если они отойдут в центре и ударят по нашим флангам, где мы слабее...»

Едва слышный сквозь шум глушилок голос с полевого командного пункта армии подтвердил: активные передвижения слева и справа наводят на мысль, что фэллониты готовят прорыв. Но возможно, это обманный маневр. Основная масса армии Сьерры останется на месте, пока ситуация не прояснится. Маккензи должен держаться, рассчитывая пока только на собственные силы.

— Будем держаться.

Маккензи устроил на вершине холма командный пункт, собрав вокруг штаб и посыльных. Артиллерия,

конница и пехота строились внизу. Над головами начали кружить чайки, как бы заранее чувствуя поживу.

— Думаете, выстоим? — спросил Спейер.

— Уверен. Если они будут прорываться вдоль прибрежной черты, мы легко разрежем их на части, и они окажутся под сильным огнем. А если пойдут выше по холмам, то здесь у нас для оборонительных действий местность идеальная, прямо как в учебнике по тактике.

— Они могут попробовать обойти нас и ударить с тыла.

— Ну и что же. И это не лучший замысел. Тогда мы пойдем на Сан-Франциско, отступая, а не наступая.

— А вдруг гарнизон сделает вылазку?

— Пускай. По численности мы будем равны, но у нас получше с вооружением. И на нашей стороне вспомогательные силы кланов, привыкшие действовать в холмистой местности.

Сначала показались отдельные всадники в дюнах, затем из леса пошла основная масса. Разведчики доносили: отряд сильный, примерно вдвое больше людей, чем у нас, но меньше артиллерии, и у них не хватает горючего. Противник явно спешил сблизиться и атаковать, чтобы штыками и саблями компенсировать пушки «Бродяг».

Донеслось пение рожков. Кавалерия фэллонитов опустила копья и набрала скорость, переходя в карьер, затем в галоп, пока земля не задрожала под лавиной конницы. За ними двинулась пехота и артиллерия по бокам. Между первой и второй цепью пехотинцев полз бронеавтомобиль, на котором не было ни ракетной установки, ни даже пулеметов. «Хорошие солдаты, — подумал Маккензи, — и хорошо идут». Ему была ненавистна мысль о том, что должно было случиться.

Обороняющиеся ждали, маскируясь в песке. На склонах холма, где засели минометчики и солдаты с винтовками, вспыхивали огоньки. Было видно, как падали с коней всадники, вдруг роняли оружие и

валились на колени пехотинцы, но цепи смыкались и упорно шли вперед. Маккензи взглянул на батарею гаубиц внизу. Наводчики стояли, прильнув к дальномерам и прицелам. Ямагучи, сидевший верхом в нескольких метрах за линией орудий, взмахнул саблей: пушки рявкнули, в дыму сверкнул огонь, и картечь с визгом понеслась к наступающим.

В дело вступили лучники. Стрелы летели по крутой траектории между барражировавшими в небе чайками, затем шли вниз в поисках цели. Орудия на левом фланге противника остановились и дали залп. Тщетные потуги... но, видит Бог, они мужественные ребята! Маккензи заметил, как чуть дрогнула волна наступающих. Настало время для его конницы и пехоты.

— Приготовиться к атаке, — сказал он в передатчик.

В это время двигавшийся в цепях наступающих автомобиль притормозил. Внутри его раздался какой-то треск — достаточно громкий, раз он был слышен сквозь взрывы, и бело-голубой луч прошел над ближайшим холмом. Маккензи зажмурил почти ослепшие глаза. Когда он снова открыл их, увиденное вызвало мысль о безумии. На кромке воды корчился один из «Бродяг» в горящей одежде. Вся эта часть побережья поднялась чудовищной волной метров на двадцать и рухнула на склон холма, погребая горевшего заживо вместе с его товарищами.

— Пси-взрыв, — крикнул кто-то в ужасе. — Эсперы...

Трудно было в это поверить, но зазвучал рожок, и кавалерия Сьерры пошла в атаку. И снова целый кусок пространства с людьми и лошадьми приподнялся в воздух и обрушился вниз, хороня их всех под свежей насыпью. Маккензи видел мир вокруг будто сквозь пелену, казалось, мозг его бился о стенки черепа. Он видел, как идет третья волна, поднимая и сжигая заживо его людей.

— Они сотрут нас, — донесся сквозь гул звенящий голос Спейера. — Сейчас перегруппируются...

— Нет! — не слыша себя, прокричал полковник. — Посвященные должны быть в этой машине. Пошли!

Его жеребец в панике не слушался поводьев. Маккензи вонзил в покрытые потом бока шпоры и поскакал к своим гаубицам. Когда он спрыгнул возле орудия, жеребец ускакал прочь, но полковнику было не до того. Он увидел рядом Спейера, который уже возился с затвором. Маккензи прицелился в автомобиль Эсперов, казавшийся слишком маленьким, чтобы вызвать эти страшные разрушения. Спейер дернул за пусковой шнур, гаубица рявкнула и подпрыгнула. Снаряд взорвался в нескольких метрах от цели, брызнул песок и какие-то металлические куски. Спейер уже перезаряжал. Маккензи навел и выстрелил. На этот раз перелет, но автомобиль развернуло. Ударной волной Эсперов внутри, очевидно, контузило — во всяком случае, пси-взрывы прекратились.

Но нужно было закончить дело, прежде чем противник успеет перестроиться. Маккензи бросился к грузовику своего полка, вооруженному ракетами. Дверца была распахнута настежь, экипаж бежал. Полковник сел на место водителя, Спейер — рядом и тут же прильнул к окулярам прибора наведения. Маккензи погнал машину вперед, на крыше развевался флажок полка. Спейер поймал цель и нажал кнопку пуска... Ракета прочертила огненный след, взорвалась... Броневичок Эсперов подпрыгнул на колесах, в боку его зияла пробоина.

Маккензи притормозил, выскочил из машины и через рваное оплавленное отверстие в металле влез в вонючую полутьму. Там лежали двое Эсперов. Водитель был мертв. Второй посвященный стонал, заваленный обломками нечеловеческих инструментов, лицо его было залито кровью. Маккензи сорвал с трупа синий балахон и, взяв в руки попавшуюся ему изогнутую трубку, влез с подножки на крышу кабины. Спейер оставался на месте, пуская ракеты по ближайшим к ним группам противника. Маккензи, размахивая непонятным ему оружием и, будто флагом, синей одеждой, прокричал, пересиливая ветер: «Вперед, ребята! Они в нокауте! Вперед!»

Только одна пуля провизжала у его уха. И все. Вражеские солдаты — пешие и конные — словно вросли в землю. В чудовищной неестественной тишине Маккензи не понимал, слышит ли он рев прибоя, или так бурлит в венах кровь. Затем раздался рожок. Музыканты повели мелодию, ударили барабаны. Линии пехоты «Бродяг» двинулись к нему. К пехотинцам присоединилась кавалерия. Маккензи спрыгнул в песок и сел рядом со Спейером в полковую машину.

— Едем назад, — сказал он. — Бой закончен.

— Заткнись, — сказал Том Даниэлис.

Философ Вудворт смотрел на него в немом изумлении. Туман серым покрывалом укутал скрывшуюся в лесу бригаду; только звук шагов и колес выдавал присутствие людей. Шел дождь, одежда намокла и тяжело давила на плечи.

— Сэр... — запротестовал майор Лескарбо. Глаза на его изможденном лице широко раскрылись.

— Как я смею требовать от высокопоставленного Эспера помолчать о вещах, в которых он ничего не понимает? — зло процедил Даниэлис. — Что ж, давно пора кому-нибудь это сделать!

Вудворт пришел в себя.

— Я только сказал, сын мой, что мы должны сосредоточить наших посвященных, чтобы ударить по центру армии Бродского. Что здесь неверно?

Даниэлис сжал кулаки.

— Ничего. Кроме того, что это навлечет на нас еще большую катастрофу, чем та, которую вы нам устроили.

— Частная неудача, — возразил Лескарбо. — Они разгромили нас на западе, зато мы потеснили их фланг здесь, у залива.

— И в результате мы разрезаны надвое, — ответил Даниэлис. — С тех пор Эсперов мы не видели. Теперь повстанцы знают, что Эсперам нужны грузовики для перевозки их оружия и что они могут гибнуть не хуже прочих. Артиллерия бьет по их позициям, отряды партизан нападают на них и тут же скрываются в лесу; наконец, можно просто обхо-

дить пункты, где есть Эсперы. Так у нас не хватит посвященных!

— Вот почему я и предлагаю сосредоточить их в одну группу, способную противостоять врагу, — сказал Вудворт.

«Да, эти пираты захватили конвой с продовольствием. Поскольку все радиопередачи глушились, нельзя было послать сигнал помощи. Они выбросили продукты за борт и погрузили на суда отряды кланов. Предатель или шпион передал им опознавательный сигнал. Теперь город открыт, и Лаура там одна без меня».

— Мы идем! — закричал Даниэлис. Бригада с громом двигалась за ним. Их натиск с яростью безнадежности разметал противника. Но Даниэлис уже не знал об этом. Граната попала ему в грудь.

На юге и на востоке бой еще продолжался. Взбираясь верхом по крутым улицам, Маккензи видел окутывавший эти районы дым и обломки, еще недавно бывшие домами. Но в целом город уцелел. Белые стены, крыши, шпили церквей в переплетении улиц — Сан-Франциско остался таким, каким Маккензи помнил его с детства. Залив сверкал своим обычным великолепием.

Но у него не было времени любоваться красотами или даже думать о том, где могла находиться Лаура. Атака на Твин-Пикс должна быть стремительной, потому что штаб-квартира Эсперов, конечно, будет защищаться. По улице с другой стороны этого великолепного холма Спейер вел остальную часть «Бродяг». А на вершине, на якобы священной земле стояли два похожих на фонтаны высоких здания, куда вход был запрещен для всех, кроме посвященных. Их возвели в свое время со сказочной быстротой, в течение нескольких недель.

— Трубач, сигнал атаки. Живо!

Звуки взвились к небу и упали. Пот заливал лицо Маккензи. Если его убьют, то после всего пережитого это не так уж важно, но полк, его полк...

Пламя пересекло улицу, тротуары вспучились, опали и превратились в оплавленные дымящиеся траншеи. Маккензи с трудом удержал коня.

— Артиллерия, открыть огонь!

Гаубицы и семидесятипятимиллиметровые орудия выстрелили залпом, снаряды с шумом ушли к цели и с грохотом разорвались на стенах.

Маккензи приготовил себя к пси-взрыву, но его не последовало. Когда дым первого залпа рассеялся, полк двинулся вперед, а орудия продолжали яростный обстрел, обнажая каркас и обрушивая облицовку.

И тут показалось нечто невиданное. В здании не было этажей или комнат. Оно скрывало в себе почти такой же высоты сверкающую колонну, похожую на артиллерийский снаряд невероятных размеров.

«Космический корабль, — понял Маккензи. — Да, разумеется, древние строили космические корабли, и мы намерены повторить это когда-нибудь. Но такое!..»

В обломках можно было различить несколько трупов в синих одеяниях. Немногие уцелевшие бежали к кораблю. Лучник пустил стрелу, она упала, не долетев до стабилизаторов ракеты, но Эсперы остановились и были взяты в плен. Маккензи вошел внутрь. Что-то, что не было человеческим существом, лежало в обломках, истекая кровью темно-фиолетового цвета. Когда люди узнают об этом, Ордену придет конец. Полковник не чувствовал радости. В Сан-Хелен он понял, какие стоящие люди эти верующие!

Впрочем, сейчас не время для размышлений. Второе здание стояло нетронутым; нужно помочь Спейеру. Но тут в миниприемнике раздался его голос:

— Идите сюда, Джимбо. Заваруха окончена.

И на мачте небоскреба взвился флаг Тихоокеанских Штатов.

У входа караулили заметно нервничающие часовые. Маккензи спешился, и капрал проводил его через холл в комнату — фантазию из арок, цветов, мозаик и панно. Четверо оборванных пехотинцев держали под прицелом двух существ, которых допрашивал Спейер. Птичье лицо одного из них пряталось в

ладонях о семи пальцах, рудиментарные крылья трепетали от рыданий.

«Так они способны плакать?» — изумленно подумал Маккензи и внезапно испытал желание обнять это существо и утешить.

Второе стояло, выпрямившись, в одеянии из металлической ткани. Топазовые глаза неотрывно смотрели в лицо Спейеру с высоты чуть более двух метров, а голос с приятным акцентом произносил по английски:

— ...звезда в пятидесяти световых годах отсюда. Она едва видна невооруженным глазом, но не в этом полушарии.

Майор — весь напряженное внимание — подался вперед, как будто собираясь клюнуть:

— Когда вы ждете подкрепления?

— Следующий корабль придет сюда примерно через столетие, на нем будет только персонал для смены. Мы изолированы пространством и временем. Только немногие могут работать здесь и строить мосты между разными типами сознания, преодолевать эту пропасть.

— Да, — сухо кивнул Спейер. — Лимит скорости света. Если, конечно, вы говорите правду.

Существо вздрогнуло.

— Нам ничего не остается, как говорить правду и молиться, что вы нас поймете и поможете. Реванш, завоевание, любая форма насилия немыслимы, когда стороны разделены таким пространством и временем. Наш труд творился в уме и в сердце. Даже сейчас еще не поздно. Самые важные факты еще можно скрыть... О, послушайте меня, для блага ваших еще не родившихся поколений!

Спейер повернулся к Маккензи.

— Все в порядке? Их осталось в живых около двадцати — похоже, единственные на Земле. Вот этот — главный.

— Слушайте, слушайте, — продолжало существо. — Мы пришли к вам с любовью. Мы мечтали вести вас, помочь вам самим идти к миру. О да, мы тоже выгадывали: получали еще одну расу в космосе, которая со временем могла бы стать нашим братом.

Но во Вселенной много разумных видов. Ради вашей же пользы старались мы направить ваше будущее.

— Не вы это выдумали — контролировать историю. На Земле и до вас многократно пытались вести «единственно верным путем». В последний раз эта идея привела к бомбе Дьявола. Так что спасибо.

— Но мы знаем точно! Великая Наука предсказывает с абсолютной уверенностью...

— Предсказывает это? — Спейер взмахом руки указал на затемненную комнату.

— Погрешности неизбежны. Нас слишком мало, чтобы следить за каждой деталью. Но разве вы не хотите положить конец войнам, всем вашим архаичным страданиям? Вот в чем мы предлагаем вам помощь.

— В итоге вам удалось развязать достаточно гнусную войну.

Существо заломило пальцы.

— Это была ошибка. Но план остается верным и только он приведет ваш народ к миру. Я, путешествующий между солнцами, готов упасть к вашим ногам и умолять вас...

— Стойте спокойно, — Спейер слегка отодвинулся. — Если бы вы выступили открыто, как честные люди, вы нашли бы себе слушателей. Может и немало. Но, оказывается, ваше доброжелательство должно быть скрытным. Вы знаете, что хорошо для нас. А нас никто не спрашивает. Боже милосердный, в жизни не слышал ничего более самонадеянного!

Существо воздело руки:

— Неужели вы всегда говорите детям правду?

— Если они для нее готовы.

— Ваша детская культура пока не готова знать о таких вещах.

— Кто уполномочил вас считать нас детьми?

— А вы откуда знаете, что вы — взрослый?

— Берясь за взрослую работу и делая ее. Конечно, мы, земляне, совершили немало страшных ошибок. Но они наши собственные. Мы учились на них. Вы же со своей паршивой психонаукой пытаетесь определить рамки для человеческого ума и затолкать его туда. Хотите воссоздать у нас централизованное го-

сударство, да? А вы не думали, что феодализм может больше устраивать человека? Место в мире, которое можно назвать своим и быть его частью, община со своими традициями и честью, возможность для личности принимать решения, которые что-то значат, оплот свободы против сильного центра, которому вечно нужно все больше и больше власти, тысяча различных образов жизни... Мы строили на Земле сверхдержавы, и они всегда рассыпались. Я думаю, сама идея централизма ложна. И вдруг на этот раз нам удастся что-то лучшее. Почему бы не попробовать мир маленьких государств: слишком укорененных на территории, чтобы рассыпаться, слишком маленьких, чтобы угрожать. Постепенно они поднимутся выше мелкой зависти и сохранят свое лицо. Тысяча разных подходов к нашим проблемам. Тогда, может быть, мы и решим некоторые из них...

— Вам никогда это не удастся, — ответило существо. — Вы будете повторять цикл вражды.

— Я думаю иначе. Но кто бы ни был прав — а Вселенная слишком велика для таких предсказаний, — здесь на Земле мы сможем сделать свободный выбор. Уж лучше смерть, чем... приручение. Люди узнают о вас, как только судья Бродский будет восстановлен на своем посту. Не раньше. Наш полк услышит об этом сегодня, город завтра — для того, чтобы никому не пришла в голову идея вновь спрятать правду. К тому времени, когда прилетит ваш следующий корабль, мы будем готовы — на собственный манер, каким бы он ни был.

Существо накинуло капюшон на голову. Спейер повернулся к Маккензи.

— Хотите что-нибудь сказать, Джимбо?

— Нет, — проворчал Маккензи. — Не знаю, что еще добавить. Давайте организуем здесь командный пункт, хотя, полагаю, войне скоро конец.

— Да. Вражеские войска капитулируют повсюду. Им больше не за что сражаться.

На улице было тихо — город все еще не вернулся к нормальной жизни. Служанка провела Маккензи во внутренний дворик и удалилась. Он подошел к

Лауре, сидевшей на скамье под ивой. Она увидела его, но не поднялась; ее рука лежала на спинке колыбели. Маккензи остановился, не зная, что сказать. Как она похудела!

Наконец она промолвила — так тихо, что он едва расслышал:

— Том умер.

— О нет! — У него потемнело в глазах.

— Я узнала об этом позавчера, когда ко мне пришли несколько его людей. Он был убит у Сан-Бруно.

Маккензи не осмелился бы сесть с ней рядом, но ноги не держали его, и он опустился на затейливо уложенные плиты дворика, не в силах поднять глаза.

Ее голос звучал безучастно:

— Так стоило оно того? Я говорю не только о Томе, но и о многих других, убитых из-за какой-то политики.

— Много больше стояло на карте.

— Да, я слышала по радио. И все же цена слишком высока. Я пыталась понять, но не могу.

У него не было сил защищаться.

— Может, ты и права, утенок.

— Я не себя жалею. У меня есть Джимми. Но Том не увидел так много...

Маккензи внезапно понял, что здесь с ними ребенок и ему следует взять своего внука и подумать о будущей жизни. Но он был слишком опустошен.

— Том хотел, чтобы его назвали в твою честь.

«А ты Лаура?» — подумал он и спросил вслух:

— Что ты намерена делать дальше?

— Придумаю что-нибудь.

— Вернемся в Накамура.

— Нет. Только не туда.

— Ты всегда любила горы. — Он заставил себя посмотреть ей в лицо. — Мы могли бы...

— Нет. — Она встретила его взгляд. — Джимми не вырастет солдатом.

Лаура чуть поколебалась.

— Я уверена, что кто-нибудь из Эсперов продолжит их дело на новой основе, но с теми же целями.

Он должен верить во что-то отличное от того, что убило его отца. И сделать это сущим. Согласен?

Маккензи встал, преодолевая вращение Земли.

— Не знаю. Никогда не был мыслителем. Можно мне взглянуть на него?

— Отец...

Он нагнулся над колыбелью и посмотрел на маленького спящего человека.

— Если ты снова выйдешь замуж и родишь девочку, ты назовешь ее в честь матери?

Лаура уронила голову и стиснула кисти рук.

— Я должен идти, — быстро сказал Маккензи. — Если позволишь, навещу тебя на днях.

Лаура обняла его и заплакала. Он гладил ее волосы и утешал, как делал это, когда она была маленькой.

— Ведь ты хочешь вернуться в горы? Там твоя страна, твой народ, ты им принадлежишь!

— Ты знаешь, как сильно я этого хочу.

— Так почему же...

Его дочь выпрямилась.

— Не могу, — сказала она. — Твоя война кончилась. Моя только начинается.

Эту волю воспитал он сам. Поэтому Маккензи только тихо произнес:

— Надеюсь, ты ее выиграешь.

— Может быть. Через тысячу лет.

Когда он ушел, стояла непроглядно темная ночь. В городе не было света, зато над крышами сияли звезды. Солдаты взвода сопровождения казались во мраке притаившимися разбойниками. Они отсалютовали ему и тронулись, держа ружья наготове. Но в ночи не было ничего, кроме цоканья подков.

СЕСТРА ЗЕМЛИ

Вот — конец тебе; и пошлю на тебя гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим, и возложу на тебя все мерзости твои.
И не пощадит тебя око Мое, и не помилую, и воздам тебе по путям твоим, и мерзости твои с тобою будут, и узнаете, что я — Господь.

Иезекииль, VII, 3-4

...Много времени спустя в бухте Сан-Франциско всплыл утопленник в поношенном костюме. Полиция пришла к выводу, что он в какой-нибудь туманный день прыгнул в воду с моста Золотых ворот. Тут слишком чисто и пустынно, не совсем обычное место выбрал неведомый пьяница, чтобы свести счеты с жизнью, но над этим никто не задумался. За пазухой у мертвеца оказалась Библия, а в ней закладка, и на заложенной странице отчеркнуто несколько строк. От нечего делать один из полицейских стал разглядывать размокшие листы и наконец разобрался: отчеркнуты были третий и четвертый стихи седьмой главы книги пророка Иезекииля.

1

Шквал налетел, когда Малыш Мак-Клелан уже совсем было пошел на посадку. Он рванул ручку на себя: взревели двигатели, рейсовый бот стал на хвост и подскочил вверх. Миг — и его завертело, закружи-

ло, как сухой лист. В иллюминаторах почернело. Перекрывая вой ветра, забарабанил ливень. Сверкнула молния, прокатился гром, и Нат Хоуторн, ослепленный, оглушенный, перестал что-либо воспринимать.

«С приездом!» — подумал он. А может быть, он сказал это вслух? Опять загромыхало, словно исполинские колеса раскатились по мостовой — или это просто хохот? Бот перестало швырять. Перед глазами уже не плавали огненные пятна, и Хоуторн различил облака и спокойную водную гладь. Все окутано синеватой дымкой, значит, время близится к закату. «К тому, что на Венере называется закатом», — напомнил он себе. Еще долгие часы будет светло, ночь никогда не станет по-настоящему темной.

— Еще бы чуть — и крышка, — сказал Малыш Мак-Клелан.

— А я думал, эта посудина приспособлена для бурь, — сказал Хоуторн.

— Верно. Но это же все-таки не субмарина. Мы были слишком низко, и уж больно неожиданно это налетело. Чуть не нырнули, а тогда бы... — он пожал плечами.

— Тоже не страшно, — возразил Хоуторн. — Выбрались бы в масках через люк и наверняка продержались бы на воде, а со Станции нас бы заметили и подобрали. А может, Оскар еще раньше нас выручил бы. Здешняя живность нам ничем не грозит. Мы для них так же ядовиты, как они для нас.

— Называется «не страшно», — передразнил Мак-Клелан. — Конечно, ты за бот не в ответе, а только ему цена пять миллионов монет.

Фальшиво насвистывая, он описал круг и снова пошел на посадку. Он был маленький, коренастый, веснушчатый и рыжий, двигался быстро, порывисто. Много лет Хоуторн только и знал, что Малыш — один из пилотов, постоянно перевозящий грузы с кораблей на орбите к Станции «Венера» и обратно: бойкий малый, вечно сыплет к месту и не к месту непристойными стишками да болтает невесть что о своих похождениях по части «женской нации», как

он выражается. А тут они летели вместе с Земли, и под конец Мак-Клелан смущенно показал всем спутникам стереоснимки своих детишек и признался, что мечтает, когда выйдет на пенсию, открыть небольшой пансион на берегу Медвежьего озера.

«Слава тебе, господи, которого нет, что я биолог, — подумал Хоуторн. — В моей профессии пока еще не становишься перед этим веселеньким выбором: в тридцать пять лет выйти в отставку либо засесть где-нибудь в канцелярии. Надеюсь, что я и в восемьдесят буду прослеживать экологические связи и любоваться северным сиянием над Фосфорным морем!»

Бот накренился, и внизу стала видна Венера. Казалось просто невероятным, что сплошной, без единого клочка суши океан, покрывающий всю планету, может быть так живописен. Но тут свои климатические зоны, и у каждой — миллионы изменчивых цветов и оттенков; это зависит от освещения, от того, какие где существуют живые твари, а они всюду разные, так что море на Венере не просто полоса воды, но лучезарный пояс планеты. Да еще каждый час под другим углом падают солнечные лучи, и совсем по-иному все светится ночью, и опять же ветерки, ветры и вихри, смена времен года, валы прилива, что катятся по двадцать тысяч миль, не встречая на пути ни единой преграды, и еще какой-то ритм органической жизни, людям пока не понятный. Нет, тут можно просидеть сто лет на одном месте — и все время перед глазами будет что-то новое. И во всем будет красота.

Фосфорное море опоясывает планету между 55-м и 63-м градусом северной широты. Сейчас, вечером, с высоты оно было густо-синим, в косых белых штрихах, но на севере, на самом горизонте, оно становилось черным, а на юге переходило в необыкновенно чистую, прозрачную зелень. Там и сям под поверхностью извивались алые прожилки. Мелькал плавучий остров — джунгли, разросшиеся на исполинских пузырчатых водорослях, вздымались огненно-рыжими языками, окутанные своим отдельным облачком тумана. На восток уходил шквал — иссиня-черная

туча, пронизанная молниями, и оставлял за собою полосу клокочущей вспененной воды. На западе нижний слой облаков нежно розовел и отсвечивал медью. Верхний, постоянный слой переливался на востоке жемчужно-серым и постепенно светлел, а на западе еще горел слепящей белизной — там пылало за горизонтом только что закатившееся солнце. Небосклон пересекала двойная радуга.

Хоуторн глубоко вздохнул. Как славно вернуться!

Маленькая ракета планировала, выпустив крылья, под ними засвистел ветер. Потом она коснулась поплавками воды, подскочила, снова опустилась и подрулила к Станции. Поднятая ею волна разбилась среди кессонов, плеснула к верхней палубе и строениям, но они даже не дрогнули, удерживаемые в равновесии гироскопами. По обыкновению весь экипаж Станции высыпал навстречу прибывшему боту. Корабли с Земли прилетали всего раз в месяц.

— Конечная остановка! — объявил Мак-Клелан, отстегнул ремни, поднялся и стал надевать кислородное снаряжение. — А знаешь, мне всегда как-то не по себе в этой сбруе.

— Почему? — Хоуторн, прилаживая за плечами баллон, удивленно поглядел на пилота.

Мак-Клелан натянул маску. Она закрывала нос и рот, пластиковая прокладка не давала воздуху планеты никакого доступа внутрь. Оба уже надвинули на глаза контактные линзы, не пропускающие ультрафиолетовые лучи.

— Никак не забуду, что тут на двадцать пять миллионов миль нет ни глотка кислорода, кроме нашего, — признался Мак-Клелан. Маска приглушала его голос, и от этого он прозвучал для Хоуторна привычно, по-домашнему. — В скафандре мне как-то спокойнее.

— De gustibus non disputandum est*, — сказал Хоуторн. — Что в переводе означает: всякий гусь что хочет, то и ест. А по мне, все скафандры воняют чужой отрыжкой.

---

* О вкусах не спорят (*лат.*).

В иллюминатор он увидел: в воде изогнулась длинная синяя спина, нетерпеливо плеснула пена. Губы его тронула улыбка.

— Бьюсь об заклад, Оскар знает, что я прилетел, — сказал он.

— Ага. Закадычный друг, — пробурчал Мак-Клелан.

Они вышли из люка. В ушах щелкнуло: организм приспосабливался к небольшой перемене давления. Удобства ради маска задерживала часть водяных паров, а главное, не пропускала двуокись углерода, которой здесь было довольно, чтобы убить человека в три вдоха. Азот, аргон и небольшое количество безвредных газов проходили в заплечный баллон, смешивались с кислородом, и этой смесью можно было дышать. Существовали и аппараты, которые путем электролиза добывали необходимый землянам кислород прямо из воды, но они пока были слишком громоздки и неудобны.

На Венере всегда надо иметь этот аппарат под рукой в лодке ли, на пристани ли, чтобы каждые несколько часов перезаряжать заплечный баллон. Новичков с Земли эта вечная забота до черта раздражает, но, побыв подольше на Станции «Венера», привыкаешь и становишься спокойнее.

«И разумнее?» — не раз спрашивал себя Хоуторн. Последний полет на Землю, кажется, окончательно убедил его в этом.

Жара оглушала, точно удар кулака. Хоуторн уже переоделся по-здешнему: свободная, простого покроя одежда из синтетической ткани защищала кожу от ультрафиолетовых лучей и притом не впитывала влагу. На минуту он приостановился, напомнил себе, что человек — млекопитающее, вполне способное переносить жару и посильнее, и его отпустило. Он стоял на поплавке, вода плескалась о его босые ноги. Ногам было прохладно. Он вдруг перестал злиться на жару, попросту забыл о ней.

Из воды высунулся Оскар. Да, конечно, это был Оскар. Других дельфоидов — их тут было с десяток — больше занимал бот, они тыкались в него

носами, терлись гладкими боками о металл, поднимали детенышей ластами, чтобы тем было лучше видно.

Оскар был занят одним только Хоуторном. Он вскинул грузную тупорылую голову, обнюхал ноги биолога и тотчас выбил ластами на воде веселую дробь за двадцать футов до понтона.

Хоуторн присел на корточки.

— Здорово, Оскар! А ты уже думал, я больше не вернусь?

И почесал зверя под подбородком. Да, черт возьми, у дельфоидов есть самый настоящий подбородок. Оскар перевернулся вверх брюхом и фыркнул.

— Ты, верно, решил, что я там, на Земле, подцепил какую-нибудь дамочку, а про тебя и думать забыл? — бормотал Хоуторн. — Ошибаешься, кот-котище, безобразный зверище, я об этом и не мечтал. Дудки! Стану я тратить драгоценное земное время — мечтать, как бы променять тебя на женщину! Я не мечтал, я дело делал. Поди-ка сюда, скотинка.

Он почесал упругую, как резина, кожу возле дыхала. Извиваясь всем телом, Оскар с силой ткнулся в поплавок.

— Эй, хватит там! — вмешался Мак-Клелан. — Мне сейчас не до купания.

Он кинул перлинь. Вим Дикстра поймал конец, обмотал вокруг кнехта и стал подтягивать. Бот медленно двинулся к пристани.

— Ну-ну, Оскар, ладно, ладно, — сказал Хоуторн. — Вот я и дома. Не будем по этому случаю распускать слюни.

Он был рослый, сухощавый, волосы темно-русые, лицо изрезано ранними морщинами.

— Я и подарок тебе привез, как всем нашим, только дай сперва распаковать вещи, я тебе привез целлулоидную утку. Ну, пусти же!

Дельфоид нырнул. Хоуторн уже хотел подняться по трапу, как вдруг Оскар вернулся. Тихонько, осторожно ткнулся человеку в щиколотки, потом неуклюже — у обычной, не приспособленной к торговле пристани ему было трудно это проделать — вытол-

кнул что-то изо рта прямо к ногам Хоуторна. Потом снова нырнул, а Хоуторн изумленно вполголоса выругался, и глаза у него защипало.

Он получил сейчас в подарок такой великолепный самоцвет-огневик, каких, пожалуй, еще и не видывали на Станции «Венера».

2

Когда стемнело, стало видно северное сияние. До солнца было близко, а магнитное поле Венеры так слабо, что даже над экватором в небе порой перекрещиваются гигантские световые полотнища. Здесь, на Фосфорном море, ночь бархатно-синяя, в ней колышутся розовые завесы и вздрагивают узкие снежно-белые вымпелы. И вода тоже светится от каких-то фосфоресцирующих микроорганизмов, гребень каждой волны оторочен холодным пламенем. Каждая капля, брызнув на палубу Станции, долго рдеет, прежде чем испариться, словно кто-то раскидал по всему тускло отсвечивающему кольцу золотые угольки.

Хоуторн смотрел на все это сквозь прозрачную стену кают-компании.

— А славно вернуться, — сказал он.

— Видали чудака? — отозвался Малыш Мак-Клелан. — На Земле выпивка, женщины наперебой ухаживают за гордым исследователем космоса, а ему приятно от такой роскоши вернуться сюда. Этот малый просто спятил.

Вим Дикстра, геофизик, серьезно кивнул. Это был высокий смуглый голландец — чувствовалось, что в его жилах течет и кастильская кровь. Быть может, из-за нее-то среди его соплеменников так много вечных бродяг и скитальцев.

— Кажется, я тебя понимаю, Нат, — сказал он. — Я получил письма и кое-что прочел между строк. Значит, на Земле совсем худо?

— В некоторых отношениях... — прислонясь к стене, Хоуторн всматривался в ночь.

Вокруг Станции резвились дельфоиды. Живые торпеды весело выскакивали из воды, все обдавая струями света, описывали в воздухе дугу и ныряли в огненные фонтаны. Потом вспенили воду и, кувыркаясь, подскакивая, пошли вокруг хороводом в милю шириной. Но и на этом расстоянии, точно пушечные выстрелы, доносились гулкие хлопки о воду огромных тел и ластов.

— Я этого боялся. Даже не знаю, поеду ли в отпуск, когда настанет мой черед, — сказал Дикстра.

Мак-Клелан смотрел на них во все глаза.

— О чем это вы, ребята? — растерянно спросил он. — Что такое стряслось?

Хоуторн вздохнул.

— Не знаю, с чего и начать, — сказал он. — Понимаешь, Малыш, беда в том, что ты видишь Землю постоянно. Возвращаешься из рейса и живешь там неделями, а то и месяцами, только потом опять летишь. А мы... мы не бываем там по три, по пять лет кряду. Нам перемены заметнее.

— Ну, понятно, — Мак-Клелан неловко поерзал в кресле. — Понятно, вам это не в привычку... ну, то есть шайки и патрули и что, покуда вас не было, в Америке ввели норму на жилье. А все-таки, ребята, жалованье у вас отличное и работа почетная. Вам всегда и честь и место. Чего уж вам-то жаловаться?

— Скажем так: воздух не тот, — ответил Хоуторн. Он через силу улыбнулся. — Будь на свете бог (а его, слава богу, нет), я был сказал, что он забыл Землю.

Дикстра густо покраснел.

— Бог ничего не забывает! Забывают люди.

— Прости, Вим, — сказал Хоуторн. — Но я видел... не только Землю. Земля слишком велика, это просто цифры, статистика. А я побывал на родине, в тех местах, где я вырос. В озере, где я мальчишкой удил рыбу, теперь разводят съедобные водоросли, а моя мать ютится в одной комнатенке с полоумной старой каргой, от которой ее просто тошнит. Мало того, Скворцовую рощу вырубили, а на ее месте построили, с позволения сказать, многоквартирные

дома — самые настоящие трущобы, и шайки бесчинствуют уже средь бела дня. Больше всего народу занято не в промышленности, а в вооруженных патрулях. Зайдешь в бар — ни одного веселого лица. Уставятся, как бараны, на экран телевизора и... — он оборвал себя на полуслове. — Да вы не слушайте. Я, наверное, преувеличиваю.

— Да уж, — сказал Мак-Клелан. — На природу тебе захотелось? Могу тебя доставить в такую глушь, туда со времен индейцев ни одна живая душа не заглядывала. А в Сан-Франциско ты когда-нибудь бывал? Так вот, могу сводить тебя в один кабачок на Норс Бич, тогда узнаешь, что значит повеселиться всласть.

— Ну, ясно, — сказал Хоуторн. — Вопрос только: долго ли еще протянут эти остатки былого величия?

— Есть такие, что им вовек конца не будет, — возразил Мак-Клелан. — Их хозяева — корпорации. А по нынешним временам собственность корпораций — это все равно что какие-нибудь графские угодья.

Вим Дикстра кивнул.

— Богачи богатеют, — сказал он, — бедняки беднеют, а средние слои исчезают. И под конец образуется самая допотопная империя. Я когда-то учил историю.

Темные глаза его задумчиво смотрели на Хоуторна.

— Средневековый феодализм и монашество развились в рамках римского владычества, и, когда империя развалилась, они остались. Может быть и сейчас возможно такое параллельное развитие. Самые крупные и мощные организации на Земле — феодальные, а на таких вот межпланетных станциях, как наша, — монастыри.

— Самые настоящие, с обетом безбрачия, — поморщился Мак-Клелан. — Благодарю покорно, я предпочитаю феодализм!

Хоуторн снова вздохнул. За все приходится платить. Пилюли, усыпляющие секс, и воспоминания о пылких поцелуях и страстных объятиях, что были на Земле, подчас мало утешают.

— Не очень удачное сравнение, Вим, — возразил он. — Начать с того, что мы держимся только торговлей драгоценными камнями. Она выгодна, поэтому нам разрешают заниматься и научной работой, кого какая интересует; в сущности, это тоже плата за наш труд. Но если дельфоиды перестанут приносить нам самоцветы, мы и оглянуться не успеем, как нас вернут на Землю. Ты и сам знаешь, никто не станет давать бешеные деньги на межпланетные перелеты и перевозки ради науки, дают только ради предметов роскоши.

— Ну и что из этого? — пожал плечами Дикстра. — Экономика к нашему монашескому житью никакого отношения не имеет. Может, ты никогда не пил бенедиктин?

— Что?.. А-а, понимаю. Но холостяки мы только по необходимости. И лелеем надежду, что когда-нибудь и у нас будут жены.

Дикстра улыбнулся.

— Я не говорю, что тут полное сходство. Но все мы сознаем, что служим большей цели, делу культуры. Наше призвание — не религия, а наука, но все равно это — вера, во имя которой стоит идти и на отшельничество, и на иные жертвы. Если в глубине души мы считаем, что отшельничество — это жертва.

Хоуторн поморщился: Дикстра подчас чересчур увлекается анализом. Что и говорить, мы, работники Станции, — настоящие монахи. Тот же Вим... но он однодум, натура страстная, целеустремленная, и это его счастье. Самому Хоуторну не так повезло, пятнадцать лет он пытался избавиться от пуританских взглядов и предрассудков, с детства въевшихся в плоть и кровь, и наконец понял, что это безнадежно. Он убил жестокого бога, в которого верил его отец, но призрак убитого будет вечно его преследовать.

Теперь он решился вознаградить себя за долгое самоотречение и отпуск на Земле превратил в непрерывную оргию, но все равно под видом горечи и ожесточения его терзает чувство, что он тяжко со-

грешил. На Земле я впал в беззаконие. Ergo*, Земля — вертеп.

А Дикстра продолжал, и в голосе его вдруг зазвучало странное волнение:

— И еще в одном смысле наша жизнь напоминает средневековое монашество. Монахи думали, что бегут от мира. А на самом деле они служили рождению нового мира, новой ступеньки развития общества. Может быть, и мы, еще сами того не сознавая, изменяем историю.

— Гм... — покачал головой Мак-Клелан. — Какая же история, когда у вас не будет потомства? Женщин-то на Венере нету!

— Сейчас об этом идет разговор в Правлении, — стараясь уйти от собственных мыслей, поспешно вставил Хоуторн. — Компания рада бы это устроить, тогда люди будут охотней работать на Венере. Думаю, что, пожалуй, это можно уладить. Если торговля будет развиваться, нашу Станцию придется расширить, и с таким же успехом можно присылать новых ученых и техников — женщин.

— Ну и начнутся скандалы, — сказал Мак-Клелан.

— Не начнутся, лишь бы прислали сколько надо, — возразил Хоуторн. — А что до романтической любви и отцовства, так ведь кто подрядился здесь работать, те давным-давно не мечтают о такой роскоши.

— А она вполне доступна, — пробормотал Дикстра. — Я говорю об отцовстве.

— Какие же дети на Венере? — изумился Хоуторн.

По лицу Дикстры промелькнула ликующая, победоносная улыбка. Они столько лет прожили бок о бок, что научились слышать друг друга без слов, и Хоуторн понял: у Дикстры есть какой-то секрет, о котором он рад бы закричать на весь мир, но пока еще не может. Видно, сделал какое-то поразительное открытие.

Хоуторн решил закинуть удочку.

---

* Следовательно *(лат.)*.

— Я все пересказываю слухи да сплетни и даже не спросил, что у вас тут делается. Что новенького вы узнали об этой почтенной планете, пока меня не было?

— Появились кое-какие надежды, — уклончиво сказал Дикстра все еще немного нетвердым голосом.

— Открыли способ фабриковать огневики?

— Избави бог! Если б их удавалось делать самим, мы бы сразу погорели, верно? Нет, не то... Если хочешь, поговори с Крисом. Насколько я знаю, он установил только, что они — биологический продукт, что-то вроде жемчуга. Видимо, тут участвуют несколько видов бактерий, которые могут существовать только в условиях венерианского океана.

— Узнали что-нибудь новое про то, как они тут могут жить? — спросил Мак-Клелан.

Как все космонавты, он жадно, до одержимости интересовался всякими живыми существами, способными обходиться без кислорода.

— Да, Крис, Мамору и их сотрудники довольно точно исследовали обмен веществ в здешних организмах, — сказал Дикстра. — Я в этом ничего не смыслю, Нат. Но ты, конечно, захочешь разобраться, а им позарез нужна твоя помощь, ты же эколог. Знаешь, обычная история: растения (если их тут можно назвать растениями) используют солнечную энергию и создают ненасыщенные смеси, а твари, которых мы называем животными, их окисляют. Окисление может идти и без кислорода, Малыш.

— Уж настолько-то я в химии разбираюсь, — обиделся Мак-Клелан.

— Ну вот, вообще-то связанные с этим процессом реакции не настолько сильны, чтобы породить животных такой величины, как Оскар. Не удалось отождествить ни одного фермента, который был бы способен... — Дикстра нахмурился, промолчал. — Как бы там ни было, Мамору ищет ключ в брожении, это самый близкий земной аналог. И похоже, что тут и впрямь участвуют микроорганизмы. Здесь, на Венере, ферменты не отличить от... от вирусов, что ли? Более подходящего названия пока не подобрали. А некото-

рые формы, видимо, даже исполняют функции генов. Каков симбиоз, а? Классическим образцам до этого далеко!

Хоуторн присвистнул.

— Очень увлекательная новая теория, скажу я вам, — заметил Мак-Клелан. — При всем при том я бы хотел, чтоб вы поскорей погрузили все, что надо, нам пора домой. Все вы славные ребята, но мне с вами малость неуютно.

— На погрузку уйдет несколько дней, — сказал Дикстра. — Это ведь известно.

— Ладно, пускай несколько, лишь бы земных, а не венерианских.

— Возможно, я передам с тобой очень важное письмо, — сказал Дикстра. — У меня еще нет решающих данных, но ради одного этого тебе придется подождать.

Внезапно его даже в дрожь бросило от волнения.

3

Долгими ночами они изучали материал, собранный за день. Когда Хоуторн вышел навстречу рассвету, в туман, клубящийся над подернутыми багрянцем водами, под перламутровым небом, все обитатели Станции устремились в разные стороны, будто раскиданные взрывом. Вим Дикстра со своим новым помощником, маленьким улыбчивым Джимми Чентуном, уже умчался на двухместной субмарине куда-то за горизонт подбирать придонные зонды-автоматы. А сейчас от причала отходили во всех направлениях лодки: Дил и Мацумото отправлялись за псевдопланктоном, Васильев — на гряду Эребуса, которая славилась необычайно красивым кораллитом, Лафарж продолжал составлять карты течений, Гласс в космоскафе взвился в небо: еще слишком мало исследованы венерианские облака...

За ночь в рейсовый бот перенесли первую партию груза, и теперь Малыш Мак-Клелан с Хоуторном и

капитаном Джевонсом прошли по опустевшей пристани.

— Ждите меня обратно к вашему закату, — сказал Малыш. — Какой мне толк прилетать раньше, когда тут все в разгоне.

— Да, пожалуй, никакого, — согласился почтенный седовласый Джевонс и задумчиво поглядел вслед легкому суденышку Лафаржа.

За кормой резвились пять дельфоидов, — прыгали, пускали фонтаны, описывали вокруг лодки круги. Никто их не звал, но теперь мало кто из людей решался уходить далеко от Станции без такого эскорта.

Когда случалось какое-нибудь несчастье, — а они не редкость на этой планете, такой же огромной и разнообразной, как Земля, — дельфоиды не раз спасали людям жизнь. В самом худшем случае можно было просто сесть на дельфоида верхом, но чаще они вчетвером, впятером ухитрялись поддержать поврежденную лодку на плаву, будто знали, во что это обходится — переправить с Земли на Венеру хотя бы гребную шлюпку.

— Я и сам бы не прочь поискать что-нибудь новенькое, — сказал Джевонс и усмехнулся. — Но надо же кому-то сторожить нашу лавочку.

— Да, а как здешние рыбки приняли последнюю партию товара? — поинтересовался Мак-Клелан. — Берут они побрякушки из пластика?

— Нет, — сказал Джевонс. — Ноль внимания. По крайней мере, ясно, что у них неплохой вкус. Возьмете эти бусы обратно?

— Нет уж, дудки! Швырните их в воду. А что вы еще подскажете? На что они, по-вашему, скорее клюнут?

— Знаете, — вмешался Хоуторн, — я подумываю насчет инструмента. Что-нибудь такое, специально для них приспособленное, чтобы они могли работать, держа орудие во рту...

— Надо сперва испробовать то, что есть под рукой, а уж потом запросим образцы с Земли, — ска-

зал Джевонс. — Я-то мало в это верю. На что дельфоиду нож или молоток?

— Нет, я думаю, прежде всего им пригодятся пилы. Нарезать кораллит на плиты и строить подводные убежища.

— За каким дьяволом? — изумился Мак-Клелан.

— Не знаю, — сказал Хоуторн. — Мы вообще слишком мало знаем. Возможно, укрытия от непогоды на дне океана и не нужны... хотя, может, и это не такой уж бред. На больших глубинах наверняка есть холодные течения. Но у меня другое на уме... я у многих дельфоидов видел шрамы — как будто следы зубов, но тогда хищник, должно быть, невероятная громадина.

— А это идея! — Джевонс улыбнулся. — Как славно, что вы уже вернулись, Нат, и по обыкновению полны новых идей. И очень благородно с вашей стороны, что вы в первый же день вызвались дежурить на Станции. С вас бы никто этого не спросил.

— Э, у него хватит приятных воспоминаний, чтобы скрасить унылые будни! — съязвил Мак-Клелан. — Я видел, как он развлекался в одном притоне в Чикаго. Ух, и весело же проводил времечко!

За кислородной маской трудно разобрать выражение лица, но Хоуторн чувствовал, что у него побагровели уши. Джевонс не любил путаться в чужие дела, но он немного старомодный... И он как отец, его чтишь куда больше, чем сурового человека в черном, о котором с детства осталось лишь далекое смутное воспоминание. При Джевонсе неуместно хвастать тем, что вытворяешь в дни отпуска на Земле.

— Я бы хотел обмозговать новые биохимические данные и в свете их набросать программу исследований, — поспешно сказал Хоуторн. — И еще возобновить дружбу с Оскаром. Он очень трогательно преподнес мне этот самоцвет. Я чувствую себя просто гнусно оттого, что отдал такой подарок Компании.

— Еще бы! За него такую цену можно заломить... я бы на твоем месте тоже чувствовал себя гнусно, — подхватил Мак-Клелан.

— Да нет, я не о том. Просто... Э, ладно, тебе пора!

Хоуторн и Джевонс еще постояли, провожая бот глазами.

Ракета оторвалась от воды и пошла вверх — поначалу медленно, грохоча и изрыгая пламя, потом быстрей, быстрей. Но к тому времени, как она вонзилась в облака, она уже походила на метеорит, только летящий не вниз, как положено, а вверх. Все увеличивая скорость, она пробивала слой облачности, вечно окутывающей планету, и вот уже совсем потонула в этом покрывале, которое изнутри, в иллюминатор, кажется не серым, а ослепительно белым.

На высоте стольких миль даже воздух Венеры становится разреженным и жгуче холодным, водяные пары замерзают. Вот почему с Земли астрономы не могли обнаружить по спектрам поглощения, что вся Венера — это один безбрежный океан. Первые исследователи думали найти здесь пустыню, а нашли воду... А Мак-Клелан, межпланетный извозчик, все мчится на своем огненном коне — еще стремительней, еще выше, среди слепящих созвездий.

Рев ракеты затих, и замечтавшийся Хоуторн очнулся.

— Да, сколько мы ни мудрили, сколько ни изобретали, а из всего, что нами создано, только одно прекрасно — межпланетные перелеты. Уж не знаю, сколько уродств и разрушений это искупает.

— Не будьте таким циником, — сказал Джевонс. — Мы создали еще и сонаты Бетховена, и портреты Рембрандта, и Шекспирову драму... и уж кто-кто, а вы могли бы восславить и красоту самой науки.

— Но не техники, — возразил Хоуторн. — Наука — чистое, строгое знание — да. Это для меня ничуть не ниже всего, что сотворили ваши Бетховены и Рембрандты. А вот всякая эта механика — перетряхнуть целую планету, лишь бы в мире кишело еще больше народу...

А славно вернуться, славно поговорить с капитаном Джевонсом! С ним можно позволить себе разговаривать всерьез.

— Что-то вы после отпуска захандрили, — заметил старик. — Он должен бы оказать на вас обратное действие. Молоды вы еще хандрить.

— Я ведь родом из Новой Англии, — Хоуторн через силу усмехнулся. — Такая уж наследственность, хромосомы требуют, чтобы я был чем-нибудь недоволен.

— Мне больше посчастливилось, — сказал Джевонс. — Я, как пастор Грундтвиг лет двести назад, сделал чудесное открытие: бог — добр!

— Хорошо, когда можешь верить в бога. Я не могу. Эта концепция никак не согласуется с мерзкой кашей, которую человечество заварило на Земле.

— Бог должен был предоставить нам свободу действий, Нат. Неужели вы бы предпочли оказаться всего лишь толковой и послушной марионеткой?

— А может быть, ему все равно? — сказал Хоуторн. — Если, допустим, он существует, разве весь наш опыт дает основание думать, что он к нам как-то особенно благоволит? Может быть, человек — это просто еще один неудачный эксперимент, наподобие динозавров: на нем уже поставлен крест и пускай обращается в прах и вымирает. Откуда мы знаем, что Оскар и его сородичи не наделены душой? И откуда мы знаем, что у нас она есть?

— Не следует чересчур превозносить дельфоидов, — заметил Джевонс. — Они в какой-то мере разумны, согласен. Но...

— Да, знаю. Но — не строят межпланетных кораблей. И у них нет рук, и, само собой, они не могут пользоваться огнем. Все это я уже слышал, капитан. Сто раз я с этим спорил и здесь, и на Земле. Но почем знать, что могут и что делают дельфоиды на дне океана? Не забудьте, они способны оставаться под водой по нескольку дней кряду. И даже здесь, на поверхности, я наблюдал, как они играют в пятнашки. Их игры в некоторых отношениях просто замечательны. Могу поклясться, что в этих играх есть система — слишком сложная, мне трудно ее понять, но тут явно система. Это вид искусства, вроде нашего балета, только они танцуют еще и в согласии с

ветром, с течениями и волнами. А как вы объясните, что они так разборчивы в музыке? Ведь у них явно разные вкусы — Оскар предпочитает старый джаз, а Самбо на такие пластинки и не смотрит, зато платит самыми лучшими самоцветами за Букстехуде*. И почему они вообще торгуют с нами?

— Некоторым породам крыс на Земле тоже известна меновая торговля, — сказал Джевонс.

— Нет, вы несправедливы. Когда первая экспедиция, прибыв на Венеру, обнаружила, что дельфоиды хватают с нижней палубы всякую всячину, а взамен оставляют раковины, куски кораллита и драгоценные камни, наши тоже решили, что тут налицо психология стадных крыс. Знаю, отлично все знаю. Но ведь это развилось в сложнейшую систему цен. И дельфоиды по этой части очень хитрые — честные, но и хитрые. Они до тонкостей усвоили наши мерки и отлично понимают, какая чему цена, от конхоидной раковины до самоцвета-огневика. Вызубрили весь прейскурант до последней запятой, шутка сказать! И еще: если это просто животные, с какой стати им гнаться за музыкальными записями в пластиковой упаковке, работающими от термоэлемента? И на что им водоупорные репродукции величайших созданий нашей живописи? А что у них нет орудий труда — сколько раз мы видели, как им помогают стаи разных рыб: одна порода окружает и загоняет всякую морскую живность, другая убивает и свежует, третья снимает урожай водорослей. Им не нужны руки, капитан. Они пользуются *живыми* орудиями!

— Я работаю здесь не первый день, — сухо заметил Джевонс.

Хоуторн покраснел.

— Простите меня. Я так часто читал эту лекцию на Земле людям, которые понятия не имеют о простейших фактах, что это превратилось в условный рефлекс.

— Я вовсе не хочу унизить наших водяных друзей, — сказал капитан. — Но вы знаете не хуже

---

* *Букстехуде Дитрих* (1637—1707) — композитор и органист, оказавший большое влияние на Иоганна Себастьяна Баха.

меня, сколько за эти годы мы пробовали установить с ними общий язык, переговариваться при помощи каких-либо знаков, символов, сигналов — и все зря.

— Вы уверены? — спросил Хоуторн.

— То есть как?

— Откуда вы знаете, что дельфоиды по этим грифельным доскам не изучили наш алфавит?

— Но ведь... в конце концов...

— А может быть, у них есть веские причины не брать в зубы масляный карандаш и не писать нам ответные письма. Почему бы им не соблюдать некоторую осторожность? Давайте смотреть правде в глаза, капитан. Мы для них — чужаки, пришельцы, чудовища. Или, может быть, им просто нелюбопытно: наши лодки и мотоботы забавны, с ними можно поиграть; наши товары тоже занимательны настолько, что с нами стоит меняться; ну, а сами мы нудны и неинтересны. Или же — и это, по-моему, самое правдоподобное объяснение — у нас и у них слишком разный склад ума. Подумайте, как несхожи наши планеты. Если две формы разумной жизни настолько различны, у них и мышление едва ли может быть схожим — вам не кажется?

— Интересное рассуждение, — заметил Джевонс. — Впрочем, такое уже приходилось слышать.

— Ладно, пойду разложу для них новые игрушки, — сказал Хоуторн.

Но отойдя на несколько шагов, остановился и круто обернулся.

— А ведь я болван! — сказал он. — Оскар вступил с нами в переговоры, и не далее как вчера вечером. Самое недвусмысленное послание: самоцветогневик.

4

Хоуторн прошел мимо тяжелого пулемета, заряженного разрывными пулями. До чего гнусный порядок — мы держим в постоянной боевой готовности целый арсенал! Как будто Венера когда-нибудь уг-

рожала людям... Разве только без чьей-либо злой воли, безличными опасностями, которых мы не умеем избежать просто по собственному невежеству.

Он прошел дальше по торговой пристани. Металлическая поверхность сверкала почти вровень с водой. За ночь с пристани опустили плетеные, вроде корзин, контейнеры с обычными ходовыми товарами. Тут были музыкальные записи и картины, уже хорошо знакомые дельфоидам, но видно, никогда им не надоедавшие. Может быть, каждый хотел обзавестись собственным экземпляром? Или они распространяют эти вещи у себя под водой в каком-то подобии библиотек и музеев?

Затем тут были небольшие пластиковые контейнеры с поваренной солью, нашатырным спиртом и другими веществами, которые, видимо, служили для дельфоидов отменным лакомством.

Венера лишена материков, которые мог бы омывать океан, поэтому он гораздо меньше насыщен различными минералами, чем земные моря, и все эти химические вещества здесь в диковинку. И однако от пластиковых мешочков с иными составами дельфоиды отказывались, например от соли марганцевой кислоты, и последние биохимические исследования обнаружили, что для всех форм венерианской жизни марганец ядовит.

Но как дельфоиды это узнали, ведь ни один не раздавил непроницаемый пластиковый мешочек зубами? Они просто знали — и все тут. Человеческие существа и человеческая наука еще далеко не исчерпывают возможных во Вселенной способов познания.

В стандартный список товаров постепенно были включены кое-какие игрушки — например плавучие мячи, которыми дельфоиды пользовались для каких-то свирепых игр, и особым образом изготовленные перевязочные материалы, чтобы накладывать на раны...

«Никто и не сомневался, что Оскар куда разумнее, чем шимпанзе, — думал Хоуторн. — Вопрос в том, настолько ли он разумен, чтобы сравняться с человеком?»

Хоуторн вытащил корзины из воды и извлек обычную, установившуюся плату, оставленную дельфоидами. Тут были самоцветы-огневики либо маленькие, но безупречные, либо большие, но с изъянами. Один был большой и притом безукоризненно круглый — словно большая круглая капля радуги. Были и особенно красивые образчики кораллита, из которого на Земле выделывают украшения, и несколько видов раковин удивительной красоты.

Были здесь и образчики подводной жизни для изучения, почти все — еще не виданные человеком. Сколько миллионов разновидностей живых существ населяют эту планету? Были кое-какие инструменты, когда-то оброненные за борт и погребенные в иле, а сейчас вновь открытые переменчивыми подводными течениями; был какой-то непонятный комок — легкий, желтого цвета, жирный на ощупь, возможно, вещество биологического происхождения, вроде амбры; быть может, оно малоинтересно, а быть может, это ключ, открывающий совершенно новую область химии. Добыча со всей планеты болталась сейчас в коробках Хоуторновой коллекции.

Для всех новинок была установлена определенная довольно скромная цена. Если люди и во второй раз возьмут такой же образчик, они заплатят дороже, и так будет опять и опять, пока не установится постоянная цена, не слишком высокая для землян и не настолько низкая, чтобы дельфоидам не стоило трудиться, поставляя товар. Просто удивительно, какую подробную и точную систему товарообмена можно разработать, не прибегая к помощи речи.

Хоуторн посмотрел вниз, на Оскара. Огромный морской зверь недавно вынырнул поблизости и теперь лежал на воде, носом к пристани, лениво поплескивая хвостом. Приятно смотреть, как блестит темно-синим глянцем круто выгнутая спина.

— Знаешь, дружище, — пробормотал Хоуторн, — уже сколько лет на Земле хихикают над вашим братом, — мол, экие простофили, отдают нам невиданные драгоценности в обмен на какие-то дрянные побрякушки. А вот я начинаю думать — может, мы

с вами квиты, и еще неизвестно, кто кого дурачит? Может, на Венере эти самые огневики не такая уж редкость?

Оскар легонько фыркнул, пустил из дыхала фонтанчик и повел блестящим лукавым глазом. Престранное выражение мелькнуло на его морде. Конечно же, было бы чистейшим легкомыслием, недостойным ученого мужа, назвать это усмешкой. Но хоть убейте, а внутренне Оскар именно усмехнулся!

— Ладно, — сказал Хоуторн, — ладно. Теперь поглядим, какого вы мнения о наших новых р-роскошных изделиях. Мы столько лет соображали, чем бы скрасить ваше житье-бытье, — и вот привезли всякой всячины. Все эти изделия вместе и каждое в отдельности, господа и дамы дельфоиды, испытаны и проверены в наших безупречных лабораториях, и не думайте, что это так просто — испытать, к примеру, патентованный пятновыводитель. Итак...

Мелодичное журчание Шенберга было отвергнуто. Возможно, другие композиторы-атоналисты пришлись бы местному населению по вкусу, но учитывая, что в межпланетных кораблях каждая кроха груза на счету, опыт повторится не скоро. С другой стороны, запись старинных японских песен исчезла, взамен оставлен был самоцвет в два карата — вдвое больше, чем платят обычно за новинку; это означало, что какой-то дельфоид хочет получить еще одну такую же запись.

По обыкновению, картины всех современных художников были отвергнуты, но, признаться, Хоуторн и сам не очень жаловал эту живопись. Ни один дельфоид не польстился на Пикассо (средний период), но Мондриан и Матисс шли недурно. Куклу взяли за самую низкую цену — обломок минерала. Дескать, ладно уж, эту мы (я?) возьмем, но не трудитесь — больше такого не требуется.

Опять же отвергнуты были непромокаемые книжки с картинками; после первых немногих проб дельфоиды никогда не брали книг. Среди прочего именно их неприязнь к книгам заставляла многих исследо-

вателей сомневаться в том, что это действительно разумные, мыслящие существа.

«И ничего из этого не следует, — думал Хоуторн. — У них нет рук, поэтому для них неестественно пользоваться печатным текстом. Некоторые лучшие образцы нашего искусства стоят того, чтобы утащить их под воду и сохранить просто потому, что они красивы или интересны, или забавны, или, кто знает, что еще находят в них дельфоиды. Но если нужно запечатлеть факты и события, у дельфоидов вполне могут быть для этого свои, более подходящие способы. Какие, к примеру? Кто его знает? Может быть, у них отличная память. А может быть, при помощи, скажем, телепатии они записывают все, что требуется, в кристаллической структуре камней на дне океана?»

Оскар кинулся вдоль пристани, догоняя Хоуторна. Тот присел на корточки и потрепал дельфоида по мокрому гладкому лбу.

— Ну, а ты что обо мне думаешь? — спросил он вслух. — Может, в свой черед гадаешь, способен ли я мыслить. Ну да, ну да. Мое племя свалилось с неба и построило плавучие металлические поселки и доставляет вам всяческие занятные и полезные штучки. Но ведь и муравьи, и термиты живут по каким-то своим законам, и у вас на Венере есть твари в этом роде, с очень сложными правилами общежития.

Оскар пустил фонтанчик и ткнулся носом в щиколотки Хоуторна. Далеко на воде резвились его сородичи, высоко взлетали, описывая в воздухе дугу, и снова ныряли, взбивая на фиолетовых волнах ослепительную ярко-белую пену. Еще дальше, в дымке, едва различимые глазом, трудились несколько взрослых дельфоидов: при помощи трех разных видов прирученных (так, что ли?) водяных жителей загоняли косяк рыбы. Судя по всему, они делали свое дело с истинным удовольствием.

— Ты не имеешь никакого права быть таким умницей и хитрецом, Оскар, — сказал Хоуторн. — Согласно всем правилам, разум развивается в быстро изменяющейся среде, а океан, согласно всем теориям,

недостаточно изменчив. Да, но может быть, это справедливо только для земных морей? А тут Венера — много ли мы знаем о Венере? Скажи-ка, Оскар, может быть, ты — что-то вроде собаки, а рыба, которую вы тут пасете, это просто тупой скот, и она так же покорно служит вам, как травяная тля — муравьям? Или это настоящие домашние животные, которых вы сознательно приручили? Наверняка именно так. Я буду стоять на этом до тех пор, пока муравьи не начнут увлекаться Ван Гогом и Бидербеком.

Оскар фыркнул, обдал Хоуторна углекислой океанской водой. Она живописно запенилась, защекотала кожу. Чуть повеял ветерок, сдувая влагу с одежды. Хоуторн вздохнул. Дельфоиды, совсем как дети, ужасные непоседы — еще одно основание для многих психологов ставить их лишь чуточку выше земных обезьян.

Не слишком логично, мягко говоря. Темп жизни на Венере куда быстрей земного, каждую секунду на тебя сваливается что-то неожиданное и неотложное. И даже если у дельфоидов просто непостоянный нрав, разве это признак глупости? Человек — животное, тяжелое на подъем, он давно забыл бы, что значит играть и резвиться, если бы ему об этом вечно не напоминали. Очень может быть, что здесь, на Венере, жизнь сама по себе доставляет куда больше радости.

«Напрасно я унижаю собственное племя, — подумал Хоуторн. — Суди все века, кроме нынешнего, и все страны, кроме своего отечества. Мы не похожи на Оскара, только и всего. Но разве из этого следует, что он хуже нас? Ладно, давай лучше сообразим, как бы сконструировать такую пилу, чтобы дельфоиду сподручно было с нею управляться. Сподручно? Когда у тебя нет рук, а только рот? Если дельфоиды станут выменивать у людей такие инструменты, это будет веским доказательством, что по уровню развития они совсем не так далеки от человека. А если не пожелают, что ж, это будет лишь означать, что у них иные желания, и вовсе не обязательно более низменные, чем наши.

Вполне возможно, что племя Оскара в умственном отношении стоит выше человечества. Почему бы и нет? Их организм и их окружение таковы, что они не могут пользоваться огнем, обтесанным камнем, кованым металлом и графическими изображениями. Но может быть это заставило их мысль искать иные, более сложные пути? Племя философов, которое неспособно объясняться с человеком, ибо давно позабыло младенческий лепет...

Да, конечно, это дерзкая гипотеза. Но одно бесспорно: Оскар отнюдь не просто смышленое животное, даже если его разум и не равен человеческому. И однако, если племя Оскара достигло, скажем, уровня питекантропа, это произошло потому, что в условиях жизни на Венере есть что-то особенно благоприятное для развития разума. Это особое условие будет действовать и впредь. Пройдет еще, скажем, полмиллиона лет — и дельфоид духовно и умственно наверняка ничуть не уступит современному человеку. А человек к тому времени, пожалуй, выродится или сгинет вовсе. Возможно, у них будет куда больше души... больше чувства красоты, больше доброты и веселости, если судить по их нынешнему поведению.

Короче говоря, Оскар либо (а) уже равен человеку, либо (б) уже обогнал человека, либо (в) быстро и несомненно растет, и его потомки рано или поздно (а) сравняются с человеком и затем (б) обгонят его. Милости просим, брат!»

Пристань дрогнула. Хоуторн опустил глаза. Оскар вернулся. Он нетерпеливо тыкался носом в металлическую стенку и махал передним ластом. Хоуторн подошел ближе и посмотрел на дельфоида. Не переставая махать ластом, Оскар изогнул хвост и хлопнул себя по спине.

— Э, постой-ка! — Хоуторна осенило. В нем вспыхнула надежда. — Постой-ка, ты что, зовешь меня прокатиться?

Дельфоид мигнул обоими глазами. «Может быть, для него мигнуть — все равно что для меня кивнуть головой? А если так, может быть, Оскар и впрямь понимает по-человечьи?!»

Хоуторн бросился за электролизным аппаратом. Скафандр хранился тут же в ящике, Хоуторн натянул его на себя — гибкий, как трико, с равномерным обогревом. Задержал дыхание, отстегнул маску от резервуара и смесителя и вместо них надел два кислородных баллона, превратив обычное снаряжение в акваланг.

На минуту он замялся. Предупредить Джевонса? Или хотя бы отнести коробки с очередными приношениями дельфоидов? Нет, к черту! Это вам не Земля, где пустую бутылку из-под пива и ту нельзя оставить без присмотра, непременно свиснут. А Оскару, пожалуй, надоест ждать. Венериане — да, черт подери, вот так он и будет их называть, и провались она в тартарары, высокоученая осмотрительность в выборе терминологии! — венериане не раз выручали людей, терпящих бедствие, но никогда еще не предлагали покатать их просто так. Сердце Хоуторна неистово колотилось.

Он бегом кинулся обратно. Оскар лежал в воде совсем рядом с пристанью. Хоуторн сел на него верхом, ухватился за маленький затылочный плавник и прислонился спиной к мускулистому загривку. Длинное тело скользнуло прочь от Станции. Заплескалась вода, лаская босые ступни. Лицо там, где оно не было прикрыто маской, освежал ветер. Оскар взбивал ластами пену, будто завилась снежная метель.

Низко над головой неслись радужные облака, небо на западе прошивали молнии. Мимо проплыл маленький полипоид, килевой плавник его был погружен в воду, отливающая всеми цветами радуги перепонка-парус влекла его вперед. Какой-то дельфоид неподалеку хлопнул хвостом по воде в знак приветствия.

Они скользили так ровно, незаметно, что, оглянувшись, Хоуторн внутренне ахнул: от Станции уже добрых пять миль! И тут Оскар ушел под воду.

Хоуторн немало работал под водой и просто в водолазном костюме, и подолгу — в субмарине либо в батискафе. Его не удивила фиолетовая прозрачность верхних слоев воды, переходящая во все более

сочные густые тона по мере того, как опускаешься глубже. И светящиеся рыбы, что проносились мимо, будто радужные кометы, были тоже ему знакомы. Но никогда прежде он не ощущал между коленями этой живой игры мускулов; вдруг он понял, почему на Земле иные богачи все еще держат лошадей.

Наконец они погрузились в прохладную, безмолвную, непроглядную тьму — и вот тут-то Оскар пустился полным ходом. Хоуторна чуть не сорвало встречным током воды, но какое это было наслаждение — так мчаться, держась изо всех сил! Не зрение, какое-то шестое чувство подсказывало ему, что они петляют по пещерам и ущельям в горах, скрытых глубоко под водой. Прошел час, и впереди замерцал свет — далекая слабая искорка. Еще полчаса — и он понял, откуда исходит этот свет.

Он часто бывал у светящихся кораллитовых гряд, но эту видел впервые. По масштабам Венеры этот риф был не так уж далеко от Станции, но даже радиус в двадцать миль охватывает огромную площадь, и люди сюда пока не добрались. Притом обычные рифы не так отличались от своих коралловых собратьев на Земле: причудливая мешанина шпилей, зубцов, откосов, пещер, колдовская, но дикая красота.

А здесь кораллит не был бесформенным. Глазам Хоуторна открылся подводный город.

Позже он не мог в точности припомнить, каков был этот город. Непривычный мозг не умел удержать странные, чуждые очертания. Но ему запомнились изящные рифленые колонны, сводчатые помещения с фантастическими узорами на стенах; здесь высился массив с чистыми, строгими линиями, там изгибалась варварская прихотливая завитушка. Он видел башни, витые, точно бивень нарвала; тончайшие филигранные арки и контрфорсы; и все объединял общий стройный рисунок, легкий, словно брызги пены, и в то же время мощный, точно прибой, опоясывающий целую планету, — грандиозный, сложный, безмятежно спокойный.

Город был построен из сотен пород кораллита, каждая светилась по-своему, и так тонко подобраны были цвета, что на черном фоне океанской глуби играли и переливались все мыслимые тона и оттенки огненно-красного, льдисто-голубого, жизнерадостно-зеленого, желтого. И откуда-то, Хоуторн так и не понял откуда, лился слабый хрустальный звон, неумолчная многоголосая симфония — в переплетении этих голосов он не мог разобраться, но вдруг вспомнилось детство и морозные узоры на окнах...

Оскар дал ему поплавать здесь самому и оглядеться. Тут были и еще дельфоиды, они двигались неторопливо, спокойно, многие — с детенышами. Но ясно было, что они здесь не живут. Может быть, это какой-то памятник, или художественная галерея, или... как знать? Город был огромен, опускался отвесно вниз, ко дну океана, по меньшей мере на полмили, ему не видно было конца — вздумай Хоуторн уйти так далеко в глубину, давление убило бы его. И однако это чудо зодчества, несомненно, создано было не ради каких-либо практических целей. А может быть, не так? Быть может, венериане постигли истину, давно забытую на Земле, хотя древним грекам она была известна: тому, кто мыслит, созерцать красоту столь же необходимо, как дышать.

Чтобы под водой соединилось в одно гармоническое целое столько прекрасного — это, конечно, не могло быть просто капризом природы. И однако этот исполинский дворец не был вырезан, вырублен в древнем подводном хребте. Сколько Хоуторн ни присматривался (а при ровном безогненном пламени видно было превосходно), нигде он не обнаружил следов резца или отливки. Напрашивался единственный вывод: каким-то неведомым способом сородичи Оскара попросту вырастили этот город!

Он совсем забылся. Наконец Оскар легонько толкнул его в бок, напоминая, что пора возвращаться, пока не иссяк кислород. Когда они подплыли к Станции и Хоуторн шагнул на пристань, Оскар мимолетно ткнулся носом ему в ногу, будто поцеловал, и шумно пустил огромный водяной фонтан.

5

К концу дня — на Венере он тянется сорок три часа — стали вразброд возвращаться лодки. Почти для всех просто минула еще одна рядовая, будничная вахта: сделан десяток-другой открытий, записи и показания приборов пополнились новыми данными, над которыми будешь теперь ломать голову и, возможно, что-нибудь в них поймешь. Люди устало причаливали, разгружали свои суденышки, собирали находки и шли поесть и отдохнуть. А уж после настанет пора копаться во всем этом и спорить до хрипоты.

Вим Дикстра и Джимми Чентун вернулись раньше других и привезли кучу измерительных приборов. Хоуторн в общих чертах знал, чем они занимаются. При помощи сейсмографа и звуковых зондов исследуя ядро планеты, делая анализы минералов, измеряя температуру, давление и изучая еще многое множество всяческих показателей, они пытались разобраться во внутреннем строении Венеры.

Это была часть извечной загадки. Масса Венеры составляет восемьдесят процентов земной, химические элементы здесь те же. Земля и Венера должны быть схожи, как сестры-близнецы. А между тем магнитное поле Венеры так слабо, что обычный компас здесь бесполезен; поверхность планеты такая ровная, что суша нигде не выступает над водой; вулканические и сейсмические процессы не только гораздо слабее, но и протекают, неизвестно почему, совсем иначе; у потоков лавы и у взрывных волн, расходящихся по толще планеты, какие-то свои, неясные законы; горные породы здесь непонятных типов и непонятно распределены по дну океана. И еще есть несчетное множество странностей, в которые Хоуторн даже не пытался вникать.

Джевонс упомянул, что в последние недели Дикстру все сильней обуревает тайное волнение. Голландец из тех осторожных ученых, которые словом не обмолвятся о своих выводах и открытиях, пока не установят все до конца твердо и неопровержимо. По земному времени он проводит за вычислениями целые дни напролет. Когда кто-нибудь, потеряв терпение,

все-таки чудом прорывается к ЭВМ, Дикстра нередко продолжает считать с карандашом в руках. Нетрудно догадаться: он вот-вот разрешит загадку геологического строения планеты.

— Или, может быть, афродитологического? — пробормотал Джевонс. — Но я знаю Вима. За этим кроется не просто любопытство или желание прославиться. У Вима на уме что-то очень серьезное и очень заветное. Надеюсь, он уже скоро доведет дело до конца.

В этот день Дикстра бегом ринулся вниз и поклялся, что никого не подпустит к ЭВМ, покуда не кончит. Чентун еще повертелся тут же, притащил ему сэндвичей и наконец вышел со всеми на палубу: на Станции снова ждали Малыша Мак-Клелана.

Здесь его и нашел Хоуторн.

— Послушайте, Джимми, хватит напускать на себя таинственность. Тут все свои.

Китаец расплылся в улыбке.

— Я не имею права говорить. Я только ученик. Вот получу докторскую степень, тогда начну болтать без умолку, все вы еще пожалеете, что я не выучился восточной непроницаемости.

— Да, но черт возьми, в общем-то всем ясно, чем вы с Вимом занимаетесь, — настаивал Хоуторн. — Как я понимаю, он заранее высчитал, какие примерно показатели получит, если его теория верна. И теперь сопоставляет свои предложения с опытными данными. Так в чем же соль его теории?

— По существу, тут никакого секрета нет, — сказал Чентун. — Это просто подтверждение гипотезы, выдвинутой сто с лишком лет назад, когда мы еще сидели на Земле и никуда не летали. Смысл в том, что ядро Венеры не такое, как у нашей Земли, отсюда и все другие коренные различия. Доктор Дикстра разработал целую теорию, и до сих пор все полученные данные подтверждают ее. Сегодня мы доставили сюда кое-какие измерения, пожалуй, они решат вопрос; это больше по части сейсмического отражения, полученного при взрыве глубинных бомб в океанских скважинах.

— М-мда, кое-что я об этом знаю.

Застывшим взглядом Хоуторн смотрел вдаль. На воде не видно было ни одного дельфоида. Может быть, они ушли в глубину, в свой прекрасный город? А зачем? «Хорошо, что на вопросы далеко не всегда получаешь ответ, — подумал он. — Если бы на Венере не осталось больше ни одной загадки, уж не знаю, как бы я стал жить».

— Предполагается, что ядро Венеры гораздо меньше земного и далеко не такое плотное, так ведь? — продолжал он вслух.

По правде говоря, это его не слишком занимало, но пока не пришел рейсовый бот, он хотел потолковать с Джимми Чентуном.

Молодой китаец прибыл на Венеру с той самой ракетой, на которой Хоуторн улетал в отпуск. Теперь им долго придется жить бок о бок и хорошо бы сразу завязать добрые отношения. Притом он как будто славный малый.

— Все верно, — кивнул Чентун. — Хотя «предполагается» — не то слово. В основном это уже доказано вполне убедительно и довольно давно. С тех пор доктор Дикстра изучал всякие частности.

— Помнится, я где-то вычитал, что у Венеры вообще не должно быть никакого ядра, — сказал Хоуторн. — Масса недостаточно велика, чтобы возникло достаточное давление или что-то вроде этого. Она должна бы, как Марс, вся, до самого центра, состоять из однотипных горных пород.

— Ваша память вам чуточку изменяет, — заметил Чентун с мягкой, ничуть не обидной иронией. — Но, по правде сказать, не так-то все просто. Видите ли, если при помощи законов количества вывести кривую соотношения между давлением в центре планеты и ее массой, мы не получим спокойной плавной линии. Пока не дойдет примерно до восьми десятых земной массы, кривая нарастает равномерно, но потом, в так называемой точке Игрек, картина меняется. Кривая изгибается так, как будто с возросшим давлением масса уменьшилась, и только после этого

провала (он соответствует примерно двум процентам земной массы) опять неуклонно идет вверх.

— Что же происходит в этой точке Игрек? — рассеянно спросил Хоуторн.

— Сила давления возрастает настолько, что в центре начинается распад вещества. Первые кристаллы, уже достигшие возможного предела плотности, разрушаются полностью. Далее, с возрастанием массы планеты, начинается уже распад самих атомов. Еще не ядерный распад, конечно, — для этого понадобилась бы масса порядка звездной. Но электронная оболочка сжимается до предела. И только когда достигнута эта стадия количественного перерождения... когда атом больше не поддается и налицо уже настоящее ядро со специфической силой тяготения больше десяти... вот только после этого возрастание массы опять влечет за собой равномерный и неуклонный рост внутреннего давления.

— Угу... да, припоминаю, когда-то Вим об этом толковал. Но он обычно не ведет профессиональных разговоров, разве что со своим братом-геологом. А вообще, он предпочитает рассуждать на исторические темы. Значит, если я правильно понял, в ядре Венеры распад зашел не так далеко, как следовало бы?

— Да. При теперешней внутренней температуре Венера только-только миновала точку Игрек. Если бы каким-то способом подбавить ей массы, ее радиус уменьшился бы. Это не случайно — и неплохо объясняет разные здешние странности. Ясно видно, как с самого начала, со времени образования планеты, вещества все прибавлялось, количество его росло до той критической точки, когда Венера начала сжиматься, — и тут-то рост прекратился, и ядро не достигло наибольшей плотности, за которой последовал бы дальнейший непрерывный рост объема, как было с Землей. А поэтому и получилась планета с гладкой поверхностью, без круто поднимающихся массивов, которые могли бы выступить из океана и образовать материки. Раз нет обнаженных горных пород, нет и растительности, способной извлечь из воздуха почти всю углекислоту. А стало быть, жизнь

развивается в иной атмосфере. При относительно мощной мантии и не слишком плотном ядре, естественно, сейсмическая, вулканическая деятельность и минералы здесь не те, что на Земле. Ядро Венеры не такой хороший проводник, как земное, — ведь с распадом вещества проводимость возрастает, — а значит, циркулирующие в нем токи гораздо слабее. Поэтому и магнитное поле у Венеры незначительно.

— Все это очень интересно, — сказал Хоуторн. — Но к чему такая таинственность? Вы отлично поработали, это верно, но доказали всего-навсего, что на Венере атомы подчиняются законам количества. Едва ли столь неожиданное открытие перевернет мир.

Чентун едва заметно повел плечом.

— Это было труднее, чем кажется, — сказал он. — Но все правильно. Наши новые данные недвусмысленно подтверждают, что ядро Венеры именно такого типа, какой может быть в существующих условиях.

Во время долгой венерианской ночи Чентун, превосходно говоривший по-английски, как-то попросил Хоуторна поправлять его ошибки в языке, и теперь американец заметил:

— Вероятно, вы хотели сказать — такой тип ядра и *должен* быть в этих условиях.

— Нет, я сказал именно то, что хотел сказать, это не тавтология. — Чентун ослепительно улыбнулся. Обхватил себя руками за плечи и сделал несколько легких, скользящих шагов, словно танцевать собрался. — Но это детище доктора Диксгры. Пусть уж он сам поможет младенцу появиться на свет.

И Джимми Чентун круто переменил разговор. Хоуторн даже смутился от неожиданности, но решил не обижаться. А вскоре в облаках засверкала и медленно опустилась на воду ракета Мак-Клелана. Зрелище великолепное, но Хоуторн поймал себя на том, что почти и не смотрит. Он все еще мысленно был в толще океана, в живом храме венериан.

Через несколько часов после захода солнца Хоуторн положил на стол пачку отчетов. Крис Дил и Мамору Мацумото совершили чуть ли не подвиг.

Даже сейчас, на самых первых подступах к серьезным исследованиям, их теория ферментного симбиоза открыла просто фантастические возможности. Тут новой науке хватит работы по меньшей мере на столетие. И эта работа поможет так глубоко проникнуть в тайны жизненных процессов не только на Венере, но и на Земле, как люди еще недавно не смели и надеяться.

И можно ли предсказать, сколько все это принесет человечеству прямых, ощутимых благ? Открываются такие горизонты, что дух захватывает. У него ведь и у самого зреют кое-какие планы... да, да, и теперь он даже догадывается, хоть и смутно, каким образом венериане создали тот чудесный подводный город... Но когда час за часом напряженно и сосредоточенно работаешь головой, требуется передышка. Хоуторн вышел из своего крохотного кабинетика и побрел по коридору в кают-компанию.

Станция гудела, как улей. Едва ли не все пятьдесят человек сейчас работали. Одни несли очередную вахту, проверяли аппаратуру, разбирали и укладывали товары для обмена и занимались всякой иной обыденщиной. Другие с упоением хлопотали над пробирками, микроскопами, спектроскопами и прочей, уж вовсе не понятной снастью. Иные, примостясь у лабораторного стола, варили на бунзеновской горелке кофе и яростно спорили либо — с трубкой в зубах, задрав ноги повыше и закинув руки за голову, — в муках рождали новую идею. Кое-кто заметил проходящего мимо Хоуторна и дружески его окликнул. И сама Станция привычно бормотала что-то: приглушенно гудели машины, жужжали вентиляторы, вокруг дышал не знающий покоя океан — и от этого все тихонько вздрагивало.

Славно вернуться домой!

Хоуторн поднялся по трапу, прошагал еще одним коридором и вошел в кают-компанию. В углу Джевонс читал своего излюбленного Монтеня. Мак-Клелан и Чентун играли в кости. В просторной комнате больше никого не было. За прозрачной стеной открывался

океан, сейчас он был почти черный, в мутных разводах и кружеве золотого свечения.

Небо как бы расслаивалось на бесчисленные серые и голубые пласты, низко повисшую над водой дымку пронизывали лучи северного сияния, запад чернел и вспыхивал молниями — надвигалась буря. И нигде ни признака жизни, только на горизонте, извиваясь, стремительно скользил сорокафутовый морской змей, зубастая пасть роняла фосфоресцирующие брызги.

Мак-Клелан поднял голову.

— А, Нат! Сыграем?

— Я же только из отпуска, — напомнил Хоуторн. — Чем мне прикажешь расплачиваться?

Он подошел к самовару и налил себе чашку чая.

— А ну, друзья, — возгласил Джимми Чентун, — проверим закон распределения старика Максвелла.

Хоуторн подсел к столу. Он все еще не решил, как бы поосторожнее рассказать об Оскаре и о подводном храме. Надо было сразу доложить Джевонсу, но, возвратясь, он несколько часов ходил как шальной и не мог опомниться, и потом — тут просто не подберешь слов. Вот если бы можно было вовсе не говорить... Когда смолоду приучен к сдержанности, больше всего боишься выдать свои чувства.

Впрочем, он подготовил кое-какие логические выводы. Венериане по меньшей мере столь же разумны, как строители Тадж Махала; они наконец решили, что двуногим пришельцам стоит кое-что показать и, возможно, понемногу откроют людям богатства и тайны своей планеты. Хоуторна обожгло горечью и яростью.

— Капитан, — начал он.

— Да?

Терпеливо, как всегда, когда его прерывали, Джевонс опустил толстый, потрепанный том.

— Сегодня случилось нечто неожиданное, — сказал Хоуторн.

Джевонс не сводил с него проницательного взгляда. Чентун кинул кости и словно забыл об игре, Мак-Клелан тоже. Слышна была тяжкая поступь волн за стеной, ветер усиливался.

— Рассказывайте, — подбодрил Джевонс.

— Я стоял на торговом причале, и в это время...

Вошел Вим Дикстра. Башмаки его гремели по металлическому полу. Хоуторн запнулся и умолк. Голландец бросил на стол с полсотни сколотых вместе листов бумаги. Казалось, эта пачка должна зазвенеть, точно меч, вызывающий на поединок, но слышен был только голос ветра.

Глаза Дикстры сверкали.

— Кончил! — сказал он.

— Ах, черт возьми! — вырвалось у Чентуна.

— Что нового в подлунном мире? — по-стариковски мягко спросил Джевонс.

— Да не в подлунном, — вставил Мак-Клелан. У него пересохло в горле, он уставился на Дикстру во все глаза и ждал.

Несколько секунд геофизик молча смотрел на них. Потом коротко засмеялся.

— Я пробовал сочинить подобающее случаю торжественное изречение, — сказал он, — да ничего не пришло на ум. Вот так оно и бывает в исторические минуты.

Мак-Клелан взял было бумаги Дикстры и, передернувшись, положил на место.

— Послушайте, математика хорошая штука, но все-таки не до бесчувствия. Что означают эти загогулины?

Дикстра достал сигарету, не торопясь закурил. Глубоко затянулся и сказал нетвердым голосом:

— Последние недели я разрабатывал в подробностях одну старую, малоизвестную гипотезу, ее впервые выдвинул Рэмси еще в тысяча девятьсот пятьдесят первом году. Я применил ее к условиям Венеры. И добыл здесь такие данные, которые непреложно доказывают мою правоту.

— Кто же на этой планете не мечтает о Нобелевской премии? — заметил Джевонс.

Он был мастер охлаждать страсти, но на сей раз его суховатый тон не подействовал. Дикстра уставил на него рдеющую сигарету, словно револьвер, и ответил:

— Плевать я хотел на премию. У меня на уме техническая задача такого размаха и значения, какой еще не знала история.

Все ждали. Непонятно отчего, Хоуторн весь похолодел.

— Колонизация Венеры, — докончил Дикстра.

6

Слова его канули в молчание, как в глубокий колодец.

Потом донесся всплеск — Малыш Мак-Клелан сказал:

— А может, море Минданао все-таки поближе к дому?

Но Хоуторн расплескал чай и обжег пальцы.

Коротко, нервно затягиваясь сигаретой, Дикстра принялся шагать из угла в угол. Заговорил отрывисто:

— Земная цивилизация все больше приходит в упадок, и главная причина та, что мы задыхаемся, мы стиснуты, как сельди в бочке. С каждым днем народу на Земле становится все больше, а природных ресурсов все меньше. Не осталось никаких экзотических чужеземцев, некому объявить войну, чтобы захватить новые территории... вот мы и варимся в собственному соку и готовим себе самую распоследнюю атомную гражданскую войну. Если бы нам было куда податься — другое дело! Ну, конечно, Земля так перенаселена, что от эмиграции на другую планету станет ненамного легче... Хотя, раз понадобятся такие перевозки, наверняка будут построены лучшие, более экономичные ракеты. Но уже одно то, что людям есть куда податься, — пускай в самые трудные условия, зато чтоб была свобода и возможность действовать... уже от одного этого и те, кто останется дома, почувствуют себя совсем иначе. На худой конец, если уж земная цивилизация разваливается, лучшие люди будут на Венере, они сохранят и разовьют все, что было за Земле хорошего, отбросят и забудут все

плохое. Человечество сможет начать все сначала, понимаете?

— Слов нет, теория приятная, — медленно произнес Джевонс. — Но что до Венеры... Нет, не верю я, что постоянная колония может чего-то достичь, когда колонисты вынуждены жить на плотах сложной конструкции и не смеют высунуть нос наружу без маски.

— Ну, конечно, — подтвердил Дикстра. — Потому я и говорю — техническая задача. Превратить Венеру во вторую землю.

— Погодите! — крикнул Хоуторн и вскочил.

Никто и не поглядел в его сторону. Для всех сейчас существовал только смуглый темноволосый голландец с его пророчествами. Хоуторн стиснул руки и сверхчеловеческим усилием, напрягая каждую мышцу, заставил себя сесть.

Сквозь облако табачного дыма Дикстра сказал:

— Известно вам строение этой планеты? Ее масса только-только перевалила за точку Игрек...

Даже и тут Мак-Клелан не стерпел:

— Нет, мне неизвестно. Что за точка такая?

Но это сорвалось у него непроизвольно и осталось без ответа. Дикстра смотрел на Джевонса; тот кивнул. И геофизик торопливо стал объяснять:

— Так вот, когда кривая «масса — давление» вдруг падает, это показатель неоднозначный. В центре планеты с такой массой, как у Венеры, может существовать троякое давление. Одно, какое сейчас налицо, соответствует малому ядру сравнительно невысокой плотности при мантии большего объема, состоящей из горных пород. Но возможен ведь и случай более высокого давления, когда у планеты большое переродившееся ядро, а соответственно больше общая плотность и меньше радиус. С другой стороны, в точке Игрек возможен и случай еще более низкого давления в центре. Тогда мы получаем планету без настоящего ядра, состоящую, наподобие Марса, из перемежающихся слоев горных пород и магмы. Так вот, это двусмысленное состояние неустойчиво. Существующее сейчас небольшое ядро может перейти в иную фазу. Это положение неприменимо ни к Земле — ее масса

слишком велика, ни к Марсу, у которого масса недостаточна. Но у Венеры она очень близка к критической точке. Если нижний слой мантии спадет, ядро станет больше, общий радиус планеты — меньше, а высвобождаемая энергия проявит себя в сотрясениях и, в последнем счете, — в разогреве.

Дикстра чуть помолчал, будто хотел, чтобы следующие слова его прозвучали еще весомей.

— С другой стороны, если уже разрушенные атомы нынешнего малого ядра возвратить к уровню более высокой энергии, к поверхности двинутся волны разрушительных колебаний, произойдет взрыв поистине астрономических масштабов, и, когда все снова успокоится, Венера станет больше, чем теперь, но менее плотной — *планетой без ядра!*

— Постой, приятель! — сказал Мак-Клелан. — Так что же, по-твоему, этот чертов мячик того и гляди взорвется у нас под ногами?

— Нет, нет, — сказал Дикстра спокойнее. — При теперешней температуре масса Венеры несколько выше критической. Ее ядро сейчас во вполне устойчивом состоянии, и на этот счет можно не волноваться еще миллиард лет. Притом если температура и возрастет настолько, чтобы вызвать расширение, оно не будет таким бурным, как полагал Рэмси, потому что масса Венеры все-таки больше установленной им для точки Игрек. Взрыв не выбросит значительного количества материи в пространство. Но разумеется, он поднимет на поверхность океана материки.

— Ого! — Джевонс вскочил. (Хоуторн словно проваливался в гнетущий кошмар. За стенами усиливался ветер, океан кипел: шторм надвигался ближе.) — Так, значит, по-вашему... радиус планеты увеличивается, резче обозначаются неровности коры...

— И на поверхность выносятся более легкие горные породы, — докончил Дикстра и кивнул. — Вот, все это у меня рассчитано. Я даже могу предсказать, какова примерно получится площадь суши — почти равная земной. Вновь поднятые из океана горные породы станут в огромном количестве поглощать двуокись углерода, образуя углекислые соли. И в то же

время для фотосинтеза можно все засеять специально выведенными видами земной растительности — вроде хлореллы и прочего, чем мы сейчас поддерживаем воздух на межпланетных кораблях.

Все это буйно пойдет в рост, высвобождая кислород, и довольно скоро будет достигнуто необходимое соотношение. Я вам покажу, что состав атмосферы можно установить точно такой, как сейчас на Земле. Кислород образует слой озона, он преградит доступ ультрафиолетовым лучам, — сейчас, конечно, уровень облучения убийственный. И в конце концов — еще одна Земля! Разумеется, более теплая, с более мягким климатом — для человека нигде не будет чересчур жарко, — все еще окутанная облаками, потому что ближе к солнцу, но все равно: Вторая Земля!

Хоуторн встряхнулся, пытаясь собраться с силами, — ему казалось, он выжат, как лимон. И подумал тупо: один веский практический вывод против — и все это кончится, и тогда можно будет проснуться.

— Постой-ка, — сказал он каким-то чужим голосом. — Это блестящая мысль, но все процессы, о которых ты говоришь... ну, в общем, материки, наверно, можно поднять за сколько-то часов или дней, но изменить атмосферу — на это уйдут миллионы лет. Слишком долго, чтобы люди могли этим воспользоваться.

— Ничуть не бывало, — возразил Дикстра. — В этом я тоже разобрался. Существуют катализаторы. Притом выращивать микроорганизмы в благоприятных условиях, когда у них нет никаких естественных врагов, проще простого. Я рассчитал: даже не изобретая ничего нового, пользуясь только той техникой, которая уже создана, мы за пятьдесят лет приведем Венеру в такой вид, чтоб человек мог преспокойно разгуливать по ней нагишом.

А если мы захотим вложить в это больше труда, денег, больше научно-исследовательской работы, это можно проделать еще быстрей. Ну, конечно, придется попотеть над плодородием почвы, удобрять, сажать, медленно и мучительно устанавливать экологию. Но опять-таки лиха беда начало. Первые поселенцы ус-

троят для себя на Венере оазисы площадью в несколько квадратных миль, а уж потом на досуге их можно расширять сколько душе угодно. Можно вывести специальные виды растений и возделывать даже первозданную пустыню.

В океане, понятно, жизнь будет развиваться куда быстрей и без помощи человека. Так что скоро венериане смогут заняться рыбной ловлей, разводить всякие водоросли и тюленей. Развитие планеты пойдет даже быстрей, чем будет расти ее население, я вам это докажу с цифрами в руках! Первопоселенцам есть на что надеяться — их внуки станут богачами!

Хоуторн выпрямился на стуле.

— Тут уже есть венериане, — пробормотал он.

Его никто не услышал.

— Обождите-ка, — вмешался Мак-Клелан. — Первым делом растолкуйте мне, как вы взорвете этот шарик?

— Да разве непонятно? — удивился Дикстра. — Возросшая температура ядра даст энергию, чтоб привести еще сколько-то тонн материи в более высокое квантовое состояние. Тем самым давление снизится достаточно, чтобы дать толчок всему остальному. Довольно было бы взорвать одну хорошую водородную бомбу в самой сердцевине планеты — и готово! К сожалению, туда не доберешься. Придется пробурить на дне океана несколько тысяч скважин и устроить во всех одновременно солидный ядерный взрыв. И это никакая не хитрость. Радиоактивных осадков выпадет ничтожно мало, а то, что попадет в атмосферу, за несколько лет рассеется. Атомных бомб у нас хватит. Честно говоря, их уже наготовлено куда больше, чем тут потребуется. И право же, куда лучше использовать их таким образом, чем копить и копить, чтобы потом уничтожить одним махом все человечество.

— А кто даст деньги? — неожиданно спросил Чентун.

— Любое правительство, у которого хватит ума заглянуть вперед, если уж правительства на Земле не сумеют для этого объединиться. Да не все ли равно! Государства и политические режимы преходя-

щи, нации вымирают, культуры исчезают бесследно. Но человечество должно выжить — вот что мне важно! Обойдется вся эта операция не так дорого, не дороже, чем стоит один военный спутник, а выгоды, даже выраженные в самых грубых приблизительных цифрах, огромны. Прикиньте, сколько тут можно добывать урана и других материалов, которые на Земле почти истощились?

Дикстра обернулся к прозрачной стене. Буря уже надвинулась на Станцию. Под кессонами дыбились волны, ярились, разбивались светящейся пеной. Мощные неотвратимые удары сотрясали сталь и бетон, словно некий исполин, играя каждым мускулом, поводил могучими плечами. На палубу шквал за шквалом обрушивался ливень. Непрестанные вспышки молний отражались на худом лице Дикстры; перекатывался гром.

— Новая планета, — прошептал он.

Хоуторн снова встал. Подался вперед, уперся кончиками пальцев в стол. Пальцы окоченели. Собственный голос опять казался ему чужим.

— Нет, — сказал он. — Это невозможно.

— А? — Дикстра обернулся, словно бы неохотно отрываясь от созерцания бури. — Что такое, Нат?

— Ты убьешь планету, на которой есть своя жизнь, — сказал Хоуторн.

— Ну... верно, — согласился Дикстра. — Да. Впрочем, вполне гуманно. Первая же взрывная волна уничтожит все живые организмы, они просто не успеют ничего почувствовать.

— Но это убийство! — крикнул Хоуторн.

— Да брось ты, — сказал Дикстра. — К чему излишняя чувствительность? Согласен, жаль погубить такую интересную форму жизни, но когда дети голодают и один народ за другим попадает во власть деспотизма...

Он пожал плечами и улыбнулся.

Джевонс все еще сидел, поглаживая худой рукой свою книгу, будто хотел пробудить к жизни друга, умершего пять веков назад. В лице его была тревога.

— Все это слишком внезапно, Вим, — сказал он. — Дайте нам время переварить вашу идею.

— О, времени хватит, впереди не год и не два! — Дикстра рассмеялся. — Пока еще мой доклад дойдет до Земли, пока его напечатают, обсудят, предадут широкой гласности, пока будут переругиваться и ломать копья... да потом еще снарядят солидные ученые экспедиции, и они проделают всю мою работу сызнова и станут цепляться по пустякам, и... не бойтесь, по меньшей мере десять лет ничего путного нельзя будет начать. А вот потом мы, вся Станция, с нашим опытом, будем совершенно необходимы для этого дела.

— Ух, ты! — сказал Мак-Клелан, легкомысленным тоном прикрывая волнение. — Четвертого июля будет мне праздник: вы подпалите эту планету, а я буду любоваться фейерверком.

— Не знаю... — Джевонс невидящим взглядом смотрел прямо перед собой. — Тут еще вопрос... благоразумия, осторожности — назовите как угодно. Венера — такая, как она есть, — может нас многому научить. Столько нового, неизвестного... хватит на тысячу лет. А вдруг мы приобретем два-три континента, зато никогда не поймем секрета жизни или не найдем ключа к бессмертию (если к нему стоит стремиться) или к каким-то философским открытиям... Не слишком ли дорогая цена за новые материки? Не знаю...

— Ну, тут можно спорить, — согласился Дикстра. — Так пусть спорит все человечество.

Джимми Чентун улыбнулся Хоуторну.

— По-моему, капитан прав. И я понимаю, вы как ученый и не можете думать иначе. Несправедливо отнимать у вас дело всей вашей жизни. Я, конечно, буду стоять за то, чтобы подождать, по крайней мере, сто лет.

— Пожалуй, это многовато, — возразил Дикстра. — Если не открыть какой-то предохранительный клапан, вполне возможно, что земная цивилизация, основанная на технике, столько не протянет.

— *Вы ничего не понимаете*! — выкрикнул Хоуторн.

Он стоял и смотрел им в глаза. Но свет падал на лицо Дикстры так, что глаза отсвечивали, точно бельма: не лицо, а череп со слепыми белыми пятнами вместо глаз. Хоуторну казалось — он обращается к глухим. Или к мертвецам.

— Вы ничего не понимаете! — повторил он. — Я хлопочу не о своей работе и не о науке, ничего похожего. Это же прямое, бессовестное убийство. Убить целый разумный народ! А если на Землю нагрянут какие-нибудь жители Юпитера и вздумают переделать нашу атмосферу на водородную? Как вам это понравится? Нет, мы просто чудовища, только чудовища могут задумать такое!

— Ох, увольте! — пробормотал Мак-Клелан. — Снова здорово. Лекция номер двадцать восемь бис. Я уж наслушался, пока летели сюда с Земли, мне все уши прожужжали.

— Извините, — заметил Чентун, — но это очень важный вопрос.

— С дельфоидами и в самом деле все это непросто, — согласился Джевонс. — Впрочем, мне кажется, ни один ученый никогда не высказывался против вивисекции даже в отношении наших ближайших родичей обезьян, если это делалось во имя человечества.

— Дельфоиды — не обезьяны! — побелевшими губами сказал Хоуторн. — Они больше люди, чем вы.

— Одну минуту, — вмешался Дикстра. Он оторвался от созерцания молний и подошел к Хоуторну. Радость победы в его лице померкла, оно стало серьезное, озабоченное. — Я понимаю, Нат, у тебя сложилось свое мнение на этот счет. Но в сущности, у тебя же нет доказательств...

— Нет, есть! — выдохнул Хоуторн. — Все-таки я их получил. Весь день я не знал, с чего начать, но теперь я вам скажу!

И меж раскатами грома он наконец нашел слова для того, что показал ему Оскар.

Постепенно даже ветер будто притих, и какое-то время слышался только говор дождя да ропот волн далеко внизу. Мак-Клелан опустил глаза и уставился на игральные кости, которые машинально вертел и вертел в пальцах. Чентун потирал подбородок и улыбался невесело. Зато Джевонс был теперь невозмутимо спокоен и решителен. Прочесть что-либо по лицу Дикстры было трудней, выражение его поминутно менялось. Наконец он принялся деловито раскуривать новую сигарету.

Молчание стало нестерпимым.

— Так как же? — надтреснутым голосом выговорил Хоуторн.

— Безусловно, это еще больше осложняет дело, — сказал Чентун.

— Это ничего не доказывает, — отрезал Дикстра. — Посмотрите, что строят за Земле пчелы да птицы-беседочницы.

— Э-э, Вим, ты поосторожней! — сказал Мак-Клелан. — Не вздумай уверять, что мы и сами просто зазнавшиеся муравьи.

— Вот именно, — сказал Хоуторн. — Завтра возьмем субмарину, и я вам это покажу, а может быть Оскар сам нас поведет. Прибавьте это открытие ко всем прежним намекам и догадкам — и, черт подери, попробуйте после этого отрицать, что дельфоиды разумны! Они мыслят не совсем так, как мы, но уж никак не хуже!

— И, вне всякого сомнения, могут нас многому научить, — сказал Чентун. — Вспомните, как много переняли друг от друга мой народ и ваш, а мы ведь все — один и тот же род человеческий.

Джевонс кивнул.

— Жаль, что вы не рассказали мне все это раньше, Нат. Тогда, конечно, не было бы этого спора.

— Ну, ладно, — вздохнул Мак-Клелан. — Придется мне четвертого июля запалить самые обыкновенные шутихи!

Косой дождь хлестал в стену. Еще вспыхивали иссиня-белые молнии, но гром уже откатывался дальше. Океан сверкал языками холодного пламени.

Хоуторн посмотрел на Дикстру. Голландец был весь как натянутая струна. И у Хоуторна, которого было чуть отпустило, тоже вновь напрягся каждый нерв.

— Итак, Вим? — сказал он.

— Да-да, конечно! — отозвался Дикстра. Он побледнел. Выронил изо рта сигарету и даже не заметил. — Не то чтобы ты меня окончательно убедил, но, наверное, это просто потому, что уж очень горько разочарование. Нет, риск совершить геноцид слишком велик, на это идти нельзя.

— Умница, — улыбнулся Джевонс.

Дикстра стукнул кулаком по ладони.

— Ну а мой доклад? Что мне с ним делать?

В его голосе прозвучала такая боль, что Хоуторн был потрясен, хоть и ждал этого вопроса.

Мак-Клелан спросил испуганно:

— Но ведь твое открытие хуже не стало?!

И тогда Чентун высказал вслух то, о чем с ужасом думал каждый:

— Боюсь, доклад посылать не придется, доктор Дикстра. Как это ни прискорбно, нашим сородичам нельзя доверить такие сведения.

Джевонс прикусил губу.

— Мне очень не хотелось бы так думать. Мы не истребим расчетливо и хладнокровно миллиард с лишком жизней ради... ради своего удобства.

— В прошлом мы не раз и не два поступали именно так, — угасшим голосом произнес Дикстра.

«Я прочитал достаточно книг по истории, Вим, и у меня на этот счет особое мнение, — подумал Хоуторн. И стал считать, загибая пальцы: — *Троя, Иерихон, Карфаген, Иерусалим, альбигойцы, Бухенвальд. Хватит!»* — подумал он, его замутило.

— Но ведь... — начал Джевонс. — Уж конечно, в наши дни...

— В лучшем случае соображения человечности удержат Землю лет на десять, на двадцать, — сказал Дикстра. — А потом она наверняка нанесет удар. Жестокость и озверение распространяются с такой быстротой, что и на двадцать лет надежды мало, но

допустим. Ну а дальше? Сто лет, тысячу — сколько времени мы устоим, когда перед нами такой соблазн, а мы все больше задыхаемся в нищете? Едва ли мы сможем вечно бороться с таким искушением.

— Коли дойдет до выбора — завладеть Венерой или смотреть, как пропадает человечество, скажу по-честному, — тем хуже для Венеры, — заявил Мак-Клелан. — У меня жена и детишки.

— Тогда скажи спасибо, что мы до этого не доживем, выбирать придется нашим детям, — сказал Чентун.

Джевонс кивнул. Он словно разом постарел, теперь это был человек, чей путь близится к концу.

— Вам придется уничтожить доклад, Вим, — сказал он. — Совсем. И никто из нас никогда ни словом о нем не обмолвится.

Хоуторн готов был разреветься, но не мог. Какая-то преграда росла внутри, невидимая рука взяла за горло.

Дикстра медленно перевел дух.

— По счастью, я все время держал язык за зубами, — выговорил он. — Никому и полслова не сказал. Хоть бы только меня не уволили, еще решат — лодырь, столько месяцев там торчит, а толку ни на грош.

— Уж об этом я позабочусь, Вим, — промолвил Джевонс. В шуме дождя голос его прозвучал бесконечно мягко и ласково.

Руки Дикстры заметно дрожали, но он оторвал первый лист своей работы, скомкал, бросил в пепельницу и поджег.

Хоуторн сломя голову бросился вон из комнаты.

7

Снаружи — по крайней мере после дневной жары — было прохладно. Буря пронеслась, моросил дождь, он брызнул на обнаженную кожу. Когда солнца не было, Хоуторн обходился шортами да кислородной маской. От этого возникало странное ощуще-

ние легкости, как будто опять стал мальчишкой и бродишь летом по лесу... Но те леса уже давно вырублены. Падая на палубу Станции и на воду, дождь звучал совсем по-разному, но обе ноты были на удивление чисты и звонки.

А океан еще не утих, вода со свистом и грохотом била о кессоны, завивалась черными воронками. В воздухе слабо сквозило северное сияние, от него небо чуть подернулось розовой дымкой. Но когда Нат Хоуторн отошел подальше от освещенных окон, больше всего света стало от океана: крутые валы излучали зеленое сияние и, рассыпаясь пеной, вспыхивали белизной. Там и сям воду словно вспарывал черный нож — на миг возникал из глубин какой-нибудь океанский житель.

Хоуторн прошел мимо пулемета к торговому причалу. Тяжелые волны перекатывались тут, доходя ему до колен, и обдавали его зеленоватыми искрящимися брызгами. Он ухватился за поручень и напряженно вглядывался в завесу дождя: хоть бы приплыл Оскар!

— Хуже всего, что у наших-то намерения самые что ни на есть благие, — сказал он вслух.

Над головой пролетело что-то живое: тень, шелест крыльев.

— Врет эта пословица, — пробормотал он. И вцепился в поручень, хотя можно бы, пожалуй, надеяться, что его смоет волной... когда-нибудь венериане разыщут на дне его кости и доставят на Станцию... и не возьмут за это платы.

— Кто будет сторожить сторожей? Очень просто: сами же сторожа, ибо что проку от сторожей бесчестных. Но вот как быть с тем, что сторожишь? Оно само — на стороне врага. Вим и капитан Джевонс, Джимми Чентун и Малыш... и я. Мы-то можем сохранить тайну. А природа не может. Рано или поздно кто-нибудь проделает ту же работу. Мы надеемся, что Станция будет расширена. Тогда здесь появятся и еще геофизики и... и... Оскар! Оскар! Где тебя носила нелегкая, черт возьми!

Океан ответил, но на языке, Хоуторну незнакомом.

Его трясло, зуб на зуб не попадал. Никакого смысла тут околачиваться. Совершенно ясно, что надо делать. И если сперва поглядеть на безобразную добродушную морду Оскара, еще вопрос, легче ли потом будет сделать это. Возможно, станет куда трудней. А пожалуй, и вовсе невмочь.

«Может быть, поглядев на Оскара, я соберусь с мыслями, — подумал Хоуторн, чувствуя, как в мозгу отдается эхо громов с высот Синая. — Я не могу. Еще не могу. Боже правый, ну почему я такой фанатик? Подождал бы, пока все это предадут гласности и начнут обсуждать, заявил бы особое мнение, как пристало всякому порядочному борцу за справедливость, организовал бы парламентские группы нажима, воевал бы как положено, по всем правилам и законам. А может быть, секрет не раскроется до конца моей жизни — и какое мне дело, что будет после? Я-то этого уже не увижу. *Нет. Этого мало. Мне нужна уверенность. Не в том, что восторжествует справедливость — это невозможно, но что не совершится несправедливость. Потому что я одержимый.* Никто, ни один человек не в силах все предусмотреть, — думал он в ту дождливую, ветреную ночь. — Но можно сделать расчеты и соответственно действовать. Голова стала ясная, мысль работает быстро и четко — теперь обдумаем, что нам известно.

Если Станция перестанет приносить доход, люди больше сюда не полетят. Во всяком случае, полетят очень не скоро, а тем временем мало ли что может случиться... Венериане смогут подготовиться к самозащите, или даже, чем черт не шутит, человечество научится держать себя в руках. Быть может, люди никогда не вернутся. Возможно, цивилизация, основанная на технике, рухнет и уже не возродится. Пожалуй, так будет лучше всего, каждая планета сама по себе, каждая сама определит свою судьбу. Но это все рассуждения. Пора заняться фактами.

Пункт первый: если Станция «Венера» сохранится, а тем более, что очень возможно, будет расширена, кто-нибудь наверняка повторит открытие Дикстры.

Если нашелся один человек, который после нескольких лет любопытства и поисков разгадал секрет, то уж конечно не позже чем через десять лет кто-то другой или двое, трое сразу ощупью придут к той же истине.

Пункт второй: Станция сейчас экономически зависит от добровольной помощи дельфоидов.

Пункт третий: если Станция будет разрушена и Компании доложат, что разрушили ее враждебные людям дельфоиды, очень мало вероятно, чтобы Компания стала ее восстанавливать.

Пункт четвертый: даже если бы такую попытку и сделали, от нее очень скоро вновь откажутся при условии, что дельфоиды и впрямь станут избегать людей.

Пункт пятый: в этом случае Венеру оставят в покое.

Пункт шестой: если верить в бога, в грех и прочее, во что он, Хоуторн, не верит, можно бы доказать, что человечеству это будет только на благо, ибо оно не отягчит совесть свою бременем гнуснейшего деяния, которому равного не видано со дня некоего события на Голгофе.

Беда в том, что на человечество мне в общем-то наплевать. Главное — спасти Оскара. А быть может, оттого и начинаешь так горячо любить чужой народ, что втайне возненавидел свой?

Наверно, все-таки можно как-нибудь убежать от этого кошмара. Но у человека нет ластов, и он не может дышать без кислорода, человеку остается лишь один путь — назад, через Станцию».

Он поспешно пошел по безмолвному, ярко освещенному коридору к трапу, ведущему глубоко вниз, в самые недра Станции. Вокруг ни души. Словно весь мир обратился в прах, и он — последний из живых.

Он вошел в кладовую — и отшатнулся, как от удара: тут кто-то был. Призраки, тени... какое право имеет тень того, кто еще не умер, явиться здесь в такую минуту?

Человек обернулся. Это был Крис Дил, биохимик.

— Это ты, Нат? — удивился он. — Что ты тут делаешь в такое время?

Хоуторн облизнул пересохшие губы. Обычный воздух, такой же, каким дышишь на Земле, обжигал и душил.

— Мне нужен инструмент, — сказал он. — Дрель, вот что... Небольшая электрическая дрель.

— Бери, сделай милость, — разрешил Дил.

Хоуторн достал дрель со стеллажа. Руки так затряслись, что он ее тут же выронил. Дил удивленно посмотрел на него.

— Что случилось, Нат? — мягко спросил он. — Какой-то у тебя кислый вид.

— Нет, ничего, — еле слышно ответил Хоуторн. — Все в порядке.

Он подобрал дрель и вышел.

Арсенал, всегда запертый, помещался глубоко в трюме Станции. Хоуторн ощущал, как под ногами, под днищем корпуса, вздымается океан Венеры. Это придало ему силы, он дрелью вскрыл замок, вошел в арсенал, взломал ящики с взрывчаткой и приладил запал. Но потом никак не мог вспомнить, как он установил дистанционный взрыватель на срок. Знал только, что сделал и это.

Затем какой-то провал — он не помнил, как очутился в помещении, где хранились лодки, и вот он стоит здесь и грузит в маленькую субмарину океанографические глубинные бомбы. И опять вокруг ни души. Некому спросить, что он тут делает. Чего опасаться его братьям со Станции «Венера»?

Хоуторн скользнул в субмарину и через шлюз вывел ее в океан. Спустя несколько минут его тряхнуло. Взрыв был не очень силен, но отдался во всем существе Хоуторна таким громом, что он, оглушенный, не заметил, как пошла ко дну Станция «Венера». Лишь потом он увидел, что от нее ничего не осталось. Над тем местом кружил сверкающий фейерверком водоворот, среди пены и брызг крутились, подскакивали какие-то обломки.

Он определился по компасу и пошел на погружение. Вскоре перед ним засветился кораллитовый го-

род. Долгие минуты он смотрел на чудесную гармонию шпилей и гротов, потом ужаснулся: вдруг не хватит сил сделать то, что нужно... И он поспешно сбросил бомбы и ощутил, как содрогнулось его суденышко, и увидел, как храм обратился в развалины.

А потом он всплыл на поверхность. Он вышел на палубу субмарины и всей кожей ощутил прохладу дождя. Вокруг собирались дельфоиды. Он не мог их разглядеть, лишь урывками мелькали то ласт, то спина, зеленоватой вспышкой разрезая огромные волны, да один раз у низких поручней вынырнула голова — в этом неверном фосфорическом свете у дельфоида было почти человеческое лицо, лицо ребенка.

Хоуторн припал к пулемету и закричал, но они не могли понять, да и ветер рвал его слова в клочки.

— Я не могу иначе! — кричал он. — Поймите, у меня нет выбора! Как же еще объяснить вам, каково мое племя, когда его одолеет жадность? Как заставить вас избегать людей? А вы должны нас избегать, иначе вам не жить! Вы погибнете — можете вы это понять? Да нет, где вам понять, откуда. Вы должны научиться у нас ненависти, ведь сами вы ненавидеть не умеете...

И он дал очередь по теснящимся перед ним, застигнутым врасплох дельфоидам.

Пулемет неистовствовал еще долго, даже когда вблизи не осталось ни одного живого венерианина. Хоуторн стрелял, пока не кончились патроны. Тут только он опомнился. Голова была спокойная и очень ясная, будто после яростного приступа лихорадки. Такую ясность он знавал в детстве, мальчишкой — проснешься, бывало, ранним летним утром, и косые солнечные лучи весело врываются в окно, в глаза... Он вернулся в рубку и спокойно, взвешивая каждое слово, вызвал по радио орбитальный корабль.

— Да, капитан, это дельфоиды, тут не может быть ни тени сомнения. Не знаю, как они это проделали. Возможно, разрядили какие-то наши бомбозонды — притащили их назад к Станции и тут взорвали. Так или иначе, Станция уничтожена. Я спасся на субмарине. Видел мельком еще двух человек в открытой

лодке, хотел их подобрать, но не успел — на них напали дельфоиды. Прямо у меня на глазах проломили лодку и убили людей... Да нет же, просто ума не приложу почему! Не все ли равно почему да отчего! Мне лишь бы ноги отсюда унести.

Услыхав, что скоро за ним придет рейсовый бот, он включил автосигнал локации и без сил растянулся на койке. «Вот и конец, — подумал он благодарно и устало. — Никогда ни один человек не узнает правды. А быть может, когда-нибудь он и сам ее забудет».

Рейсовый бот приводнился на рассвете, небо уже отливало перламутром. Хоуторн вышел на палубу субмарины. У самого борта покачивались на волнах десятка полтора мертвых венериан. Видеть их не хотелось, но они были тут, рядом, — и вдруг он узнал Оскара.

Невидящими глазами Оскар изумленно смотрел в небо. Какие-то крохотные рачки пожирали его, разрывая клешнями. Кровь у него была зеленая.

— О, Господи! — взмолился Хоуторн. — Хоть бы ты существовал! Хоть бы создал для меня ад!

СОКРОВИЩА МАРСИАНСКОЙ КОРОНЫ

Сигнал достиг цели, когда корабль находился еще за четверть миллиона миль, и записанная на пленку команда вызвала техников на их рабочие места. Особой спешки не было, поскольку ZX28749, иначе известный как «Джейн Брэкни», шел строго по расписанию; однако сажать корабль без экипажа — дело всегда чрезвычайно тонкое. Люди и машины находились в постоянной готовности принять очередное беспилотное устройство, но на плечи контрольной группы ложилась большая ответственность.

Ямагата, Штейнман и Раманович собрались в башне диспетчерской службы, и Холидэй тоже стоял поблизости на случай непредвиденных осложнений. Если автоматика вдруг откажет — она никогда не отказывала, — то тысяча тонн груза и само судно с ядерным двигателем, рухнувшие вниз, смели бы с Фобоса все и вся до последнего человека. Так что Холидэй следил за происходящим по приборам, готовый в случае необходимости включиться в работу немедленно.

Чуткие пальцы Ямагаты танцевали над шкалами локаторов. Глаза неотрывно всматривались в экран. «Поймал!..» — наконец произнес он. Штейнман замерил расстояние, а Раманович — скорость приближения по Допплеру. Быстро сверившись с компьютером, они установили, что цифры почти соответствуют расчетным.

— Можно и отдохнуть, — сказал Ямагата, вынимая сигарету. — До точки разворота еще далеко...

Обведя взглядом тесную комнату, он уставился в окно. С башни открывался вид на космопорт, признаться, не слишком впечатляющий: ангары, мастерские и квартиры персонала прятались в глубине. Гладкое бетонное поле казалось обрубленным — поверхность крошечного спутника изгибалась слишком круто. Фобос смотрел на Марс одной своей стороной, космопорт расположили на другой, но Ямагата вспомнил огромную планету, нависшую над противоположным полушарием, — тусклый кирпично-красный диск, размытый по краям худосочной атмосферой, испещренный зелено-бурыми мазками полей и пустошей. Фобос омывался вакуумом, но здесь, в порту, не видно было даже звезд: слишком яркие прожекторы, слишком яркое солнце...

В дверь постучали. Холидэй подошел, почти подплыл к ней — призрачное притяжение ничуть не мешало — и отомкнул замок.

— Во время посадки посторонним вход воспрещается, — бросил он.

— Полиция!..

Незваный гость, мускулистый, круглолицый и насупленный, носил штатское платье, а точнее мундир поверх пижамных штанов; впрочем, к этому все привыкли — кто же в маленькой колонии не знал инспектора Грегга! Но сегодня инспектор взял с собой оружие — вот это уже выходило за пределы привычного.

Ямагата снова выглянул в окно и увидел на поле всех четырех приписанных к порту констеблей: напялив свои официальные скафандры, они наблюдали за обслуживающим персоналом. И все тоже были при оружии.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего... надеюсь, что ничего, — Грегг вошел в комнату и попытался улыбнуться. — Но на «Джейн» весьма необычный груз.

— Да? — Широкое отечное лицо Рамановича вспыхнуло от досады. — Почему же нам ничего не сказали?

— Намеренно. Дело совершенно секретное. На борту сокровища марсианской короны.

Грегг вытащил из складок мундира сигарету. Холидэй и Штейнман обменялись кивками. Ямагата присвистнул:

— На корабле-автомате?

— Угу. Корабль-автомат — единственный вид транспорта, откуда их при всем желании нельзя украсть. Зарегистрированы три попытки кражи, когда сокровища везли на Землю на рейсовом лайнере, и черт знает сколько еще, пока они красовались в Британском музее. Одному из охранников это стоило жизни. Сегодня мои ребята вынут их раньше, чем кто бы то ни было коснется этой посудины, и переправят прямым сообщением в Сабеус.

— А сколько они стоят? — поинтересовался Раманович.

— Ну, на Земле их удалось бы сбыть, вероятно, за полмиллиарда международных долларов, — отвечал Грегг. — Но вор поступил бы куда разумнее, если бы предложил марсианам выкупить их обратно... да нет, раскошеливаться пришлось бы нам, землянам, раз уж мы взяли сокровища под свою ответственность.

Он затерялся в клубах дыма.

— Втайне от всех их поместили на «Джейн» буквально за секунду перед отлетом. Даже мне ничего не сообщили до этой недели — с последним рейсом прибыл специальный нарочный. У злоумышленников нет ни единой возможности пронюхать о сокровищах до тех самых пор, пока они благополучно не вернутся на Марс. А уж там-то им ничего не грозит, будьте покойны!..

— Да нет, кое-кто все равно знал, — задумчиво произнес Ямагата. — Те, например, кто грузил корабль на Земле.

— Что верно, то верно, — усмехнулся Грегг. — Иные из них успели даже уйти с работы, так мне сказал нарочный. Но среди этих космических бродяг всегда большая текучка — не сидится им на одном месте...

Он перевел взгляд со Штейнмана на Холидэя и обратно: оба они в прошлом работали на Земной перевалочной станции и на Марс прилетели лишь несколько рейсов назад. Лайнеры, следующие по гиперболической орбите, покрывали расстояние между планетами за две недели; корабли-автоматы шли по более длинной и более экономичной кривой, так называемой орбите Хомана, и тратили на дорогу 258 дней. Человек, проведавший, на какой из кораблей попали сокровища, мог преспокойно покинуть Землю, прибыть на Марс задолго до груза и даже устроиться здесь на службу — Фобос вечно испытывал нехватку рабочих рук.

— Не глядите на меня так! — со смехом воскликнул Штейнман. — Разумеется, и Чак и я — мы оба знали об этом, но мы же дали подписку о неразглашении. И не сказали ни единой живой душе...

— Точно. Если бы сказали, я бы услышал, — подтвердил Грегг. — Слухи здесь распространяются быстро. Не обижайтесь, мальчики, но я затем и явился сюда, чтобы никто из вас не тронулся с места, пока сокровища не окажутся на борту полицейского катера...

— Ну что ж. Значит, придется платить сверхурочные.

— Если уж я пожелал бы разбогатеть, то предпочел бы надеяться на геологическую разведку, — добавил Холидэй.

— И долго ты еще собираешься тратить все свое свободное время, шляясь по Фобосу со счетчиком Гейгера? — вставил Ямагата. — Тут же ни черта нет, кроме железа и камня.

— У меня на этот счет свое мнение, — не задумываясь, ответил Холидэй.

— На этой забытой Богом планетке каждому нужно хоть какое-нибудь увлечение, — провозгласил Раманович. — Я бы, может, и сам не прочь попробовать заполучить эти блестяшки, просто ради остроты ощущений...

Он запнулся, уловив в глазах Грегга хищный огонь.

— Довольно, — вмешался Ямагата. — Корабль на подходе.

«Джейн» входила в зону посадки — скорость ее движения по заранее вычисленной орбите почти совпадала со скоростью движения Фобоса. Почти, но не совсем: сказывались неизбежные мелкие помехи, которые надлежало компенсировать с помощью управляемых на расстоянии двигателей, а затем предстояла еще посадка как таковая. Контрольная группа уточнила координаты корабля и с этой секунды трудилась не покладая рук.

В режиме свободного полета «Джейн» приблизилась к Фобосу до расстояния в тысячу миль — сфероид радиусом в 500 футов, огромный и тяжелый, но совершенная пылинка в сравнении с немыслимой массой спутника.

Когда корабль подлетел достаточно близко, гироскопы получили по радио команду развернуть его — плавно, очень плавно, — пока приемная антенна не оказалась нацеленной точно на посадочную площадку. Затем включились двигатели — на одно мгновение, в четверть силы. «Джейн» была уже почти над самым космопортом, идя по касательной к поверхности Фобоса. Спустя секунду Ямагата резко ударил по клавишам управления, и ракеты вспыхнули яростным пламенем, на небе зажглась ясно видимая красная полоска. Ямагата снова выключил двигатели, проверил все данные и дал еще один рывок помягче.

— Полный ажур, — хмыкнул он. — Давайте сажать.

Скорость «Джейн» относительно Фобоса и ее вращение равнялись теперь нулю, и корабль понемногу падал. Ямагата довернул его по горизонту, пока двигатели не стали смотреть вертикально вниз. Потом он откинулся в кресле и вытер лицо платком — задача была слишком каверзной, чтобы один человек мог выполнить ее от начала до конца. Раманович, потея, довел чудовищную массу до нескольких ярдов над опорной подушкой. Штейнман довершил опера-

цию, уложив корабль на стоянку, как яйцо на подстилку. Двигатели выключились, настала тишина.

— Ух! Чак, как насчет выпить?..

Ямагата вытянул перед собой дрожащие пальцы. Холидэй улыбнулся и достал бутылку. Бутылка пошла по кругу. Грегт от выпивки отказался. Его глаза были прикованы к полю, где один из техников проверял корабль на радиоактивность. Приговор оказался благоприятным, и Грегт увидел, как его констебли понеслись над бетоном, окружая гигантский сфероид. Один из них поднялся по трапу, открыл люк и проскользнул внутрь.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он выплыл обратно. Потом побежал. Грегт выругался и нажал на клавишу радиоселектора:

— Эй, ты! Ибарра! Что там еще такое?

Шлемофон констебля донес его боязливый ответ:

— Сеньор! Сеньор инспектор!.. Сокровища короны... они украдены.

Сабеус — это, конечно, чисто приблизительное, выдуманное людьми название старинного города, приютившегося в марсианских тропиках, на пересечении «каналов» Физон и Евфрат. Губы землян просто не в состоянии выговорить три слова в соответствии с литературными нормами языка Хланнах и должны ограничиваться грубой имитацией. Да и руки землян никогда не возводили городов, состоящих исключительно из башен, у которых верхушки много шире оснований, городов, существующих по двадцать тысяч лет. Если бы на Земле и нашелся такой город, люди сами бросили бы его на растерзание туристам; однако марсиане предпочитали иные, более достойные способы зашибить деньгу, даже несмотря на то, что слава об их скаредности давно затмила славу шотландцев. И хоть межпланетная торговля процветала и Фобос превратился в оживленный порт, человек в Сабеусе до сих пор оставался редкостным гостем.

Торопливо шагая по проспектам меж каменных грибов, Грегт поневоле чувствовал, что обращает на себя внимание. Хорошо еще, что кислородный прибор

прикрывал ему лицо. Не то чтобы степенные марсиане пялились на прохожего — они варкали, а это много хуже.

Улица Выпекающих Пищу в Очагах — тихая улочка, которую облюбовали ремесленники, философы и солидные квартиросъемщики. Здесь не увидишь ни танца ухажеров, ни парада младших алебардщиков. Здесь не случается ничего занятнее, чем затянувшийся на четверо суток спор о релятивистской природе тел класса нуль или эпизодическая перестрелка, обязанная своим возникновением тому, что здесь свили себе гнезда известнейшие частные сыщики планеты.

Марс, с его холодным глубоким небом и съежившимся солнцем, с шумами, приглушенными разряженной атмосферой, всегда внушал Грегту суеверный страх. Но к Шиалоху он питал определенную симпатию — и когда наконец взобрался по лестнице, прогремел трещоткой на втором этаже и был допущен в квартиру, то испытал облегчение, словно освободился от кошмара.

— А, Хрехх! — великий сыщик отложил в сторону струнный инструмент, на котором играл до прихода гостя, и жердью навис над инспектором. — Какое нечастое удовольсствие видеть васс здессь! Вхходите жже, дорогой друхх, вхходите...

Он гордился своим английским произношением, но никакое удвоение согласных не в состоянии передать свистящий и прищелкивающий марсианский акцент.

Инспектор осторожно ступил в высокую узкую комнату. Радужные змейки, освещающие жилище по вечерам, сонно свернулись на полу среди вороха бумаг, улик и всевозможного оружия; подоконники готических окон покрывал ржавый песок. Квартира Шиалоха не отличалась опрятностью, хотя за собственной особой он следил тщательно. В одном углу он устроил небольшую химическую лабораторию. Остальную часть стен занимали полки, уставленные криминалистической литературой трех планет — марсианскими книгами, земными микрофильмами и говорящими камнями с Венеры. Патриотизм хозяина доказывал барельеф правящей императрицы-матери,

кое-где пробитый пулями. Землянину было нипочем не усесться на трапециевидную местную мебель, но Шиалох, как учтивый хозяин, держал для гостей стулья и тазы — клиентура у него также была трехпланетной.

— Полагаю, что вы пришли ко мне по служебному, но строго конфиденциальному делу...

Шиалох достал вместительную трубку. Марсиане с готовностью привыкли к табаку, но в этой атмосфере в него приходилось добавлять марганцевокислый калий.

Грегг так и подпрыгнул:

— Как вы, черт возьми, догадались?

— Очень просто, мой дорогой друг. Вы чрезвычайно возбуждены, а мне известно, что так вы выглядите только тогда, когда у вас неприятности на работе.

Грегг сухо рассмеялся.

Шиалох был по земным представлениям гигантом: двуногий, семи футов ростом, он отдаленно напоминал аиста. Но узкая, увенчанная гребнем красноклювая голова на гибкой шее была для аиста слишком велика, желтые глаза слишком глубоки, а белые перья тела больше походили на оперение пингвина, нежели летающей птицы, не говоря уже о синем султане на хвосте; на месте крыльев росли красные кожистые ручки с четырьмя пальцами на каждой. Да и держался Шиалох не по-птичьи прямо.

Грегг судорожно дернулся, пытаясь сосредоточиться на деле. Боже правый! Город за окном лежал такой серый и спокойный, солнце катилось на запад над фермами долины Сабеус и пустыней Эриа, по улице только что мирно протарахтела повозка мельника, а он пришел сюда с рассказом, способным разнести Солнечную систему на составные части!

— Да, вы правы, — дело строго конфиденциальное. Если вы сумеете его распутать, то сумму гонорара можете назначить сами, — блеск в глазах Шиалоха заставил его раскаяться в своих словах, и он запнулся. — Но сначала скажите откровенно, как вы относитесь к нам, землянам?

— У меня нет предрассудков. Ценен мозг, а не то, чем он покрыт — перьями, волосами или костными пластинками.

— Нет, я не о том. Ведь иные марсиане недолюбливают нас. Мы, мол, нарушили древний жизненный уклад — но, право же, невольно, мы просто начали с вами торговать...

— К-тх. Торговля выгодна обеим сторонам. Ваша нефть и машины — и табак, да-сс... в обмен на наш кантц и снулль. А кроме того, мы чересчур... застоялись. И конечно, космические перелеты придали криминологии новую глубину. Да, я симпатизирую Земле.

— Значит, вы нам поможете? И не станете поднимать шум вокруг дела, которое могло бы побудить ваше правительство вышвырнуть нас с Фобоса?

Веки третьего глаза смежились, превратив длинноклювое лицо в непроницаемую маску.

— Я не давал пока никаких обещаний, Грегг.

— Ну, да черт с ним, все равно, придется идти на риск, — полицейский тяжело вздохнул. — Вам известно о сокровищах вашей короны...

— Они были временно отправлены на Землю для показа и научного анализа.

— После многолетних переговоров. На Марсе нет более бесценной реликвии, а ваша цивилизация уже была древней, еще когда мы охотились на мамонтов. Ну так вот. Сокровища украдены.

Шиалох открыл все три глаза, но, если не считать этого, удостоил инспектора лишь коротким кивком.

— На земной перевалочной их погрузили в корабль-автомат. А когда он пришел на Фобос, сокровищ не оказалось. Мы разобрали корабль чуть не по винтику, пытаясь отыскать их, распотрошили весь прочий груз ящик за ящиком — их нет!..

Шиалох запалил трубку — в мире, где спички не загораются, требуется немалое терпение, чтобы высечь искру сталью из кремня. И только когда трубка раскурилась как следует, задал вопрос:

— Возможно ли, что корабль ограбили в пути?

— Нет. Это исключено. Все космические суда в Солнечной системе зарегистрированы, и их местона-

хождение известно с абсолютной точностью в любой момент. Но найти песчинку в пространстве объемом в сотни миллионов кубических миль, а потом и уравнять с ней скорости... да ни один корабль, построенный по сей день, не вместит столько топлива. И не забудьте — о том, что сокровища вернутся на Марс именно с этим кораблем, заранее не сообщали никому. Только в международной полиции знали, да на Земной перевалочной поняли в ту секунду, когда корабль тронулся в путь, — а тогда было уже поздно что-либо предпринять...

— Очень интересно.

— Если хоть словечко об этом происшествии просочится в прессу, — добавил Грегг печально, — то вы сами без труда можете представить себе последствия. Мне кажется, что у нас до сих пор есть два-три друга в вашем парламенте...

— В Палате деятельных, да-сс... два-три остались. Но не в Палате философов, которая, между прочим, является верхней.

— В общем, это будет означать, что торговля между Землей и Марсом прервется лет на двадцать, и не исключено, что отношения окажутся разорваны навсегда. Черт побери, Шиалох, вы просто обязаны помочь мне отыскать эти камушки!..

— Хм-м-м. Прошу меня простить. Над этой задачкой следует подумать...

Марсианин поднял свой замысловатый инструмент и взял несколько пробных аккордов. Грегг вздохнул.

Миновал бесцветный закат, с нервирующей марсианской быстротой опустилась ночь, и радужные змейки стали испускать синее свечение, когда Шиалох наконец отложил свою полускрипку.

— Боюсь, мне придется отправиться на Фобос собственной персоной, — заявил он. — Для точного анализа в деле слишком много неизвестных. Нельзя строить теории, не собрав всех необходимых данных. — Костлявая ручка похлопала Грегга по плечу. — Ну, не унывайте, дорогой друг! Я вам, право же, очень благодарен. Жизнь становится чертовски скучна. А

теперь, как сказал бы мой знаменитый земной предшественник, игра началась... и, безусловно, крупная игра.

В атмосфере земного типа марсианин чувствовал себя вполне сносно: ему понадобилось провести всего лишь час в компрессионной камере, да еще вставить в клюв фильтр, поглощающий избыток кислорода и водяных паров. С этим фильтром, в фуражечке фасона тирстокр и с неизменной трубкой Шиалох облазил все закоулки порта, брюзжа про себя относительно жары и влажности.

Надев скафандр, он даже вылез наружу осмотреть «Джейн Брэкни». Судно оттащили в сторону, чтобы освободить место для прибывших следом, и оно стояло теперь у зубчатых скал на самом краю поля. Сыщика сопровождали Грегг и Ямагата.

— Ну и ну, вы в самом деле постарались, — заметил великий детектив. — Внешнюю обшивку и ту не поленились ободрать...

Сфероид вблизи походил не столько на яйцо, сколько на вафельницу: поверх тонких алюминиевых листов шла затейливая путаница брусьев и распорок. Еще он напоминал шахматную доску с квадратами глубиной около фута, а шириной примерно в ярд; двигатели, люки и радиоантенна — вот и все, что нарушало это шахматное однообразие.

Ямагата принужденно рассмеялся.

— Да нет, фараоны просветили, правда, каждый дюйм рентгеном, но снаружи эти грузовые корабли именно так и выглядят. Ведь они никогда не спускаются ни на Землю, ни на другие атмосферные планеты, и обтекаемость линий им просто не нужна. А поскольку на борту во время рейса нет ни души, то нет нужды и заботиться об изоляции и герметизации. Хрупкие грузы содержатся в непроницаемых отсеках.

— Ясно. А где хранились сокровища короны?

— По идее, в шкафчике рядом с гироскопами, — ответил Грегг. — В опломбированной коробке размером шесть дюймов на шесть на двенадцать...

Он покачал головой, словно недоумевая, как это такая маленькая коробочка вместила такой потенциально опасный груз.

— Да, но положили ли их в этот шкафчик?

— Я радировал на Землю и получил подробный отчет, — ответил Грегг. — Корабль, как обычно, грузили на станции-спутнике, затем его в ожидании старта отвели на четверть мили — просто чтобы не болтался под ногами. Он оставался на одной орбите со спутником, связанный с ним тонким канатом, — тоже вполне обычное явление. Затем, буквально в последнюю секунду и, самое важное, без предупреждения сокровища короны были доставлены с Земли и подняты на борт.

— Кем? Уполномоченным на то полисменом?

— Нет. Когда корабль уже находится на орбите, на борт допускаются только дипломированные техники. На место коробку положил один из штатных сотрудников станции, по фамилии Картер. На глазах полиции он полез по канату и забрался в люк. — Грегг показал на дверцу возле антенны. — Потом он вышел, задраил люк и вернулся по канату назад. Полиция тотчас же обыскала и его скафандр и его самого просто на всякий случай, и, разумеется, никаких сокровищ не нашла. Да и подозревать Картера оснований не было — добросовестный кадровый работник, хотя не могу не отметить, что спустя какое-то время он исчез. А «Джейн» благополучно тронулась в путь, и за ней наблюдали, пока не потухли двигатели и она не перешла в свободный полет. С тех пор ее никто не видел, и вот она появилась здесь — без сокровищ...

— И, заметьте, строго по расписанию, — добавил Ямагата. — Если бы по какому-то стечению обстоятельств кто-то сумел состыковаться с кораблем в пути, то мы непременно заметили бы задержку. Неизбежное следствие взаимодействия между двумя телами...

— Понимаю. — Клюв Шиалоха за щитком шлема очертил стремительную кривую сверху вниз. — По-

слушайте, Грегг, а были ли сокровища в той коробке, которую доставили на станцию?

— Вы хотите спросить — на Земную перевалочную? Безусловно, да. Тут замешаны четыре главных инспектора международного ранга, и меня заверили, что они абсолютно вне подозрений. Едва я доложил на Землю о краже, они сами настояли, чтобы их квартиры и все их имущество подверглись обыску, и добровольно прошли проверку на детекторе лжи.

— А ваши собственные констебли на Фобосе?

— То же самое, — ответил полисмен уныло. — Я ввел запрет на передвижение — никто, кроме меня, не выезжал из этой колонии с той секунды, когда обнаружилась пропажа. Я обыскал все помещения, склады и переходы...

Он попытался почесать в затылке, что в космическом скафандре было делом довольно-таки затруднительным.

— Я не могу продлевать ограничения до бесконечности. Корабли прибывают, грузополучатели требуют свои товары...

— Хнаххла! Значит, мы к тому же еще и ограничены временем, — Шиалох кивнул самому себе. — Известно ли вам, что это любопытный вариант старинной загадки запертой комнаты? Что же такое корабль-автомат в пути следования, как не запертая комната в классическом смысле слова?

Он неторопливо поплыл прочь. Грегг мрачно уставился на первобытный горизонт, из-под ноги у него внезапно вырвался обломок скалы и покатился, подпрыгивая, через поле. Странная вещь, до чего ненадежным становится зрение в безвоздушном пространстве, даже при ярком свете. Парень, что переходит вон там, на солнце да еще при прожекторах, кажется каким-то пунктиром искорок... какого дьявола он там делает — завязывает ботинок? Нет же, он только что шел совершенно нормально...

— Будь моя воля, я бы всех на Фобосе пропустил через детекор, — сказал Грегг с ноткой ярости в голосе, — да закон разрешает делать это не иначе,

как с согласия подозреваемого, а добровольно вызвались только мои люди и больше никто...

— И правильно, мой дорогой друг, — отозвался Шиалох. — Индивидуум должен сохранить за собой право на уединение хотя бы в пределах собственного черепа. Да и процесс расследования стал бы в противном случае невыносимо грубым...

— Наплевать мне, груб он или нет, — выпалил Грегг. — Только бы коробка с сокровищами марсианской короны вернулась в безопасное место...

— Та-та-та! Нетерпение сгубило немало подающих надежды молодых полисменов. Кажется, именно так говорил мой духовный предок с Земли инспектору Скотланд-ярда, который... гм... не исключено, является вашим физическим предком, Грегг. Мне думается, мы попытаемся подойти к делу иначе. Есть на Фобосе люди, заведомо знавшие, что сокровища находятся именно на этом корабле?

— Да. Их двое. И я досконально проверил, что они не нарушали подписки и не заикались об этом никому до тех пор, пока тайна сама не выплыла наружу.

— Кто же они?

— Техники Холидэй и Штейнман. Когда «Джейн» грузили, они работали на Земной перевалочной. Вскоре они уволились, хотя и в разное время, прилетели сюда рейсовым лайнером и поступили на службу. Можете не сомневаться, что уж их-то квартиры мы обыскали в первую очередь!

— Быть может, — заметил вполголоса Шиалох, — имеет смысл побеседовать с упомянутыми джентльменами?..

Штейнман, худой и рыжеволосый, так и клокотал от негодования; Холидэй был просто обеспокоен. Это никак не являлось доказательством вины: за последнее время допросы надоели всем на Фобосе до предела. Они сидели в полицейской конторке — Грегг расположился за столом, а Шиалох прислонился к стене, дымя трубкой и посматривая на остальных непроницаемыми желтыми глазами.

— Да черт вас возьми, я уже рассказывал об этом столько раз, что меня того и гляди стошнит! — Штейнман сжал кулаки и одарил марсианина убийственным взглядом. — Я не трогал этих безделушек и понятия не имею, куда они делись. Неужели у человека нет даже права сменить работу?..

— Прошу вас, — мягко произнес великий детектив. — Чем охотнее вы нам поможете, тем скорее мы покончим с этим делом. Я слышал, что вы лично знали того, кто внес коробку на борт?

— Конечно. Кто же не знал Джона Картера! В том-то и соль, что на станции-спутнике каждый знает каждого, — землянин воинственно выпятил челюсть, — вот почему никто из нас в жизни не согласится на детектор. Не хватало еще выбалтывать свои мысли людям, которых мы видим по пятьдесят раз на дню! Тогда мы совсем свихнемся...

— Я не обращался к вам с подобной просьбой, — заметил Шиалох.

— Картер был моим другом, — ввернул Холидэй без приглашения.

— Угу, — буркнул Грегг. — И тоже уволился почти одновременно с вами, мальчики, улетел на Землю, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. По моим сведениям, вы с ним были накоротке. Интересно, о чем вы говорили?

— О самых обычных вещах, — пожал плечами Холидэй. — Вино, женщины, песни. Я не слышал о нем ничего с того самого дня, как улетел с Земли.

— Кто сказал, что Картер украл коробку? — вмешался Штейнман. — Он просто устал мыкаться в пространстве и уволился. Да он и не мог украсть сокровища — его обыскивали...

— А не мог он спрятать их в каком-нибудь укромном месте, известном его друзьям на этом конце маршрута? — осведомился Шиалох.

— Спрятать? Где? На наших кораблях нет потайных отделений, — ответил Штейнман, теряя терпение. — На борту «Джейн» Картер провел от силы две-три минуты, ровно столько, сколько надо было

на то, чтобы положить коробку туда, куда было велено.

Его взгляд устремился на Грегга и вдруг зажегся скрытым огнем.

— Давайте назовем все своими именами: если кто-то на всем пути действительно имел случай цапнуть эту коробочку, так только наши милые фараоны.

Инспектор побагровел и приподнялся со стула.

— Послушайте, вы!..

— Вы заявляете, что невиновны, — не унимался Штейнман. — А чем, спрашивается, ваше слово лучше моего?

Шиалох знаком приказал обоим помолчать.

— Будьте добры не ссориться. Ссориться нефилософично. — Его клюв раскрылся и щелкнул, что у марсиан было равносильно улыбке. — Нет ли у кого-нибудь из вас своей собственной теории? С удовольствием выслушаю любую свежую идею.

Наступила тишина. Затем Холидэй пробормотал:

— Да, у меня, пожалуй, есть идея.

Шиалох прикрыл глаза и спокойно ждал, попыхивая трубкой. Холидэй неуверенно усмехнулся:

— Но боюсь, что если я прав, то не видать вам этих сокровищ как своих ушей...

Грегг зашипел.

— Я порядком пошлялся по Солнечной системе, — продолжал Холидэй. — В космосе чувствуешь себя таким одиноким. Вам никогда не понять, как он велик и пустынен, пока вы не остались с ним лицом к лицу. А я оставался, и не раз: увлекаюсь любительской разведкой урана, правда, пока без особого успеха. Так вот, я не верю, что нам известно все о Вселенной, не верю, что между планетами — только вакуум и ничего больше...

— Вы что, о пустотниках? — фыркнул Грегг.

— Хотите назвать это суеверием? Валяйте. Но если вы проведете в космосе достаточно долгое время... ну, в общем, тогда вы тоже поймете. Там есть живые существа — газовые, радиационные, вообразите их какими угодно, но в космосе кто-то живет.

— Но зачем пустотникам коробка с сокровищами?

Холидэй развел руками.

— Откуда мне знать? Быть может, мы беспокоим их тем, что шатаемся на своих ракетах по их мрачному королевству. Кража сокровищ короны — прекрасный способ оборвать торговлю с Марсом, не правда ли?

Воцарилось гнетущее молчание.

— Ну что ж... — Грегг беспомощно повертел в руках пресс-папье из метеоритного железа. — Мистер Шиалох, у вас есть еще вопросы?

— Только один. — Веки третьего глаза разомкнулись, и на Штейнмана глянула сама бесстрастность. — Если не возражаете, дорогой мой, то чем вы увлекаетесь в свободное время?

— А?.. Шахматами. Я играю в шахматы. А вам-то что?

Штейнман опустил голову и насупился.

— И больше вас ничто не интересует?

— А что еще должно меня интересовать?

Шиалох посмотрел на инспектора, который кивком подтвердил слова техника.

— Ясно. Благодарю вас. Может статься, мы когда-нибудь сыграем с вами партию. У меня есть по этой части кое-какой небольшой опыт. Пока что у меня все, джентльмены.

Техники вышли из конторки — при малой гравитации их движения казались замедленными, как во сне.

— Ну? — спросил Грегг, глядя на Шиалоха умоляющими глазами. — Что же дальше?

— Совершеннейший пустяк. Полагаю... да-сс, пока я здесь, я хотел бы увидеть персонал за работой. При моей профессии надо иметь представление о самых разнообразных занятиях.

Грегг вздохнул.

Роль гида взял на себя Раманович. В порт как раз прибыл «Ким Брэкни» — сейчас корабль стоял под разгрузкой. Они с Шиалохом то и дело натыкались на людей в скафандрах.

— Не сегодня-завтра придется снять запрет, — сказал Раманович. — Или, на худой конец, открыть, почему он введен. Склады ломятся от товаров.

— Это будет благоразумно, — кивнул Шиалох. — Да, скажите-ка мне... такое снаряжение применяется на всех станциях?

— Вы имеете в виду костюмы, которые носят ребята, и инструменты, которыми они пользуются? Безусловно. Все это повсеместно одинаково.

— Могу я осмотреть такой костюм поближе?

— Что?.. — «Боже, избави нас от любознательных посетителей!» — подумал Раманович. Но тем не менее подозвал одного из механиков: — Мистер Шиалох желает, чтобы вы объяснили ему устройство своего снаряжения.

— Пожалуйста. Обычный космический скафандр, усиленный по швам, — руки в металлических перчатках задвигались, показывая детали. — Обогревательная система питается вот от этой батареи высокой емкости. В этих баллонах — запас кислорода на десять часов. Эти захваты служат для крепления инструментов, чтобы не растерять их в условиях невесомости. Этот резервуар на поясе — для краски, которая распыляется с помощью вот этой насадки...

— А зачем нужно красить космические корабли? — поинтересовался Шиалох. — Разве металл в вакууме подвержен коррозии?

— Сказать по правде, сэр, мы только прозвали ее краской. На самом деле это липучка — запечатывать трещины в корпусе, пока мы не заменим целиком пластину, или метить повреждения иного рода. Метеоритные пробоины и тому подобное...

Механик нажал на скобу, из насадки вырвалась тонкая, почти невидимая струйка и застыла, едва коснувшись грунта.

— Но вашу липучку не так-то легко заметить, — возразил марсианин. — Я, по крайней мере, в безвоздушном пространстве вижу с большим трудом.

— Это верно. Свет не рассеивается, следовательно... впрочем, вещество радиоактивно ровно настолько, чтобы ремонтная бригада могла найти повреждение со счетчиком Гейгера.

— Понимаю. А каков период полураспада?

— Право, не знаю. Месяцев шесть, наверное. Считается, что липучку можно обнаружить в течение года.

— Благодарю вас...

Шиалох величаво двинулся прочь. Рамановичу пришлось бежать вприпрыжку, чтобы держаться рядом с ним.

— Вы подозреваете, что Картер спрятал коробку в резервуар с краской? — высказался землянин.

— Нет, вряд ли. Резервуар слишком мал, да и обыск, по-видимому, проводили тщательно, — Шиалох остановился и откланялся. — Вы были очень добры и терпеливы, мистер Раманович. Я выполнил свою задачу, а уж инспектора как-нибудь найду и сам.

— Зачем вам инспектор?

— Разумеется, чтобы сообщить ему, что запрет можно снять, — Шиалох издал резкий шипящий звук. — А затем я ближайшим катером должен вернуться на Марс. Если я потороплюсь, то успею на вечерний концерт в Сабеусе.

Голос его стал мечтательным.

— Сегодня первое исполнение «Вариаций на тему Мендельсона» композитора Ханиеха в переложении на классическую нотную систему Хланнах. Мне предстоит, вероятно, незабываемый вечер.

Через три дня Шиалох получил письмо. Он извинился перед именитым гостем и, учтиво предложив тому подождать на корточках, пробежал по строчкам глазами. Затем с поклоном сообщил соотечественнику:

— Вам будет небезынтересно узнать, сэр, что доставленные венцы привезены на Фобос и в настоящий момент возвращаются к местам хранения...

Клиент, член кабинета министров и депутат Палаты деятельных, прищурился:

— Прошу прощения, вольноклюющий Шиалох, но вы-то какое к этому имеете отношение?

— О... видите ли, я дружу с полицейским начальником бесперых. Он полагал, что доставит мне радость, сообщив об этом.

— Храа! Вы ведь недавно ездили на Фобос?

— Да, одно незначительное дельце.

Сыщик бережно свернул письмо, сдобрил его солью и съел. Марсиане очень ценили вкус бумаги, особенно настоящей гербовой, сделанной на Земле, с высоким содержанием переработанного тряпья.

— Итак, сэр, мы говорили с вами о том, что...

Министр и депутат отвечал слегка рассеянно. Нет, ему и в голову не пришло бы посягать на чужие тайны — никогда, ни за что, — но, обладай он рентгеновским зрением, он прочел бы:

«Дорогой Шиалох,

вы были совершенно правы. Загадка запертой комнаты разрешена. Мы получили сокровища обратно целыми и невредимыми, и с тем же катером, который повезет вам это письмо, они вернутся в банковские подвалы. Как жаль, что факты никогда не станут известны широкой публике — обе планеты были бы вам крайне признательны, а сейчас я выражаю вам глубокую благодарность от своего имени и позабочусь о том, чтобы любой счет, который вы соблаговолите прислать, был оплачен сполна. Даже если Генеральной Ассамблее придется для этого ввести в бюджет специальную статью расходов — опасаюсь, что придется.

Признаюсь, ваша мысль немедленно снять запрет показалась мне сперва диковатой, но она оправдалась. Разумеется, я отправил своих ребят рыскать по Фобосу со счетчиками Гейгера, однако Холидэй нашел коробку раньше нас. Чем, безусловно, избавил нас от лишних хлопот. Я арестовал его, как только он вернулся в колонию, и коробка была у него среди геологических образцов. Он признался во всем и доказал вашу правоту, что называется, по всем пунктам.

Как это говорил землянин, которым вы так восхищаетесь? «Когда вы отбросите все невозможное, то, что останется, и будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась». Что-то в таком роде. Это, несомненно, полностью относится к данному делу.

Вы рассудили, что коробка должна была быть поднята с Земной перевалочной на корабль и оставлена там — другой возможности просто не существовало. Картер сообразил это за полминуты, едва ему приказали взять ее с собой и поместить на борт «Джейн». Он забрался в люк, все чин чином, но и выйдя из корабля, он по-прежнему держал коробку в руках. Никто не заметил, как он опустил ее в углубление между балками справа от люка. Иначе говоря, как вы и предполагали: «Если сокровищ нет внутри корабля и никто не унес их с корабля, они должны быть на поверхности корабля».

Холидэй рассказал, что узнал обо всем от Картера. Тот не мог отправиться на Марс лично — это вызвало бы подозрение, и когда выяснилось бы, что сокровища пропали, за ним установили бы неотступную слежку. Картер нуждался в сообщнике. Холидэй полетел на Фобос и взялся за геологическую разведку в надежде, что впоследствии, когда он займется поисками сокровищ, она послужит ему оправданием.

Далее, вы справедливо указали мне, что когда до Фобоса оставалось несколько тысяч миль, его притяжение пересилило притяжение корабля. Каждый, кто работает в космосе, знает, что корабли-автоматы начинают торможение в непосредственной близости от цели, что они в этот момент находятся почти над самой поверхностью и что их разворачивают к станции тем бортом, где расположены люк и радиомачта, — тем, на котором Картер поместил коробку. Центробежная сила, возникшая при развороте, отбросила ее от корабля, но действовала эта сила в направлении Фобоса, а не от него. Картер знал, что разворот производился медленно и плавно и что коробка не сумеет набрать такую скорость, чтобы затеряться в пространстве. Она должна была падать в направлении спутника.

Итак, ваши выводы подтвердились полностью: сокровища короны упали на Фобос. Само собой,

Картер успел сбрызнуть коробку радиоактивным составом, и Холидэй использовал это, чтобы найти ее среди скал и трещин.

Штейнман пристает ко мне с вопросом, почему вы допытывались у него об его увлечениях. Вы забыли рассказать мне об этом, но я сделал вывод сам и ответил ему. В деле неизбежно был замешан один из двоих — или он, или Холидэй, поскольку никто больше не знал о характере груза, и виновному нужен был какой-то повод, чтобы выходить на поверхность и искать коробку. Игра в шахматы не дает возможности такого рода. Я угадал? По крайней мере эта моя попытка применить дедукцию доказывает, что я прилежно изучаю методы, которым вы следуете. Между прочим, Штейнман осведомляется, не сможете ли вы принять его, когда он получит очередной отпуск и посетит планету.

Холидэю известно, где скрывается Картер, и мы передали соответствующие сведения на Землю. Беда лишь в том, что мы не сможем преследовать по суду ни того, ни другого, не оглашая действительных фактов. Ну что ж, существует и такая кара, как черные списки.

Приходится закругляться, чтобы письмо не опоздало на катер. Скоро увидимся — надеюсь, не в профессиональном качестве.

Ваш восхищенный поклонник, инспектор Грегг».

Однако, как ни прискорбно, член кабинета министров не обладал рентгеновским зрением. Поэтому он бросил строить тщетные догадки и изложил затруднение, с которым пришел. Кто-то где-то в Сабеусе фарниковал краты, что вызвало нездоровую закностерию среди хьюков. Шиалоху подобное сообщение обещало довольно интересное дело.

УБИТЬ МАРСИАНИНА

Ночной шепот принес тревожное послание. Рожденное за множество миль, оно летело через пустыню на крыльях ветра. О нем шелестел кустарник, шуршали полуразрушенные лишайники и карликовые деревья. Юркие зверьки, ютящиеся под корягами, в пещерах, в тенистых дюнах, передавали его друг другу. Не облеченное в слова, смутными волнами ужаса отдаваясь в мозгу воина Криги, пришло предостережение: человек вышел на охоту!

Внезапный порыв ветра заставил Кригу вздрогнуть. Вокруг, над горько пахнувшими железом холмами, в водовороте сверкающих созвездий на тысячи и тысячи световых лет раскинулась бескрайняя ночь. Крига погрузил в нее свои дрожащие нервные окончания, настраиваясь на волну кустарника, ветра, юрких грызунов, притаившихся в норках под ногами, готовый воспринять голос ночи.

Один, совсем один. Ни одного марсианина на сотни миль в округе. Только полевые зверьки, дрожащий кустарник да тонкий грустный голос ветра.

Беззвучный предсмертный крик пронесся через заросли терновника, от растения к растению, отдаваясь эхом в сжавшихся от страха нервах животных. Где-то поблизости живые существа извивались, сморщивались и обугливались в сверкающем потоке смерти, низвергавшемся на них с ракеты.

Крига привалился к высокому изрезанному ветром утесу. Его глаза, застывшие от страха, ненависти и медленно возраставшей решимости, словно две жел-

тые луны, светились в темноте. Он мрачно отметил, что сеявшая смерть ракета описала полный круг, миль десять в диаметре. И он оказался в гигантской ловушке, внутри этого круга. А скоро появится и охотник...

Крига поднял глаза к равнодушному свету звезд, и по его телу пробежала судорога. Потом он уселся поудобнее и принялся думать.

Все началось несколько дней назад, в просторном кабинете торговца Уисби.

— Я прибыл на Марс, — сказал Райордэн, — чтобы подстрелить «филина».

Даже в таких Богом забытых дырах, как Порт Армстронг, хорошо знали имя Райордэна. Наследник миллионов транспортной компании, превратившейся благодаря его бурной деятельности в настоящее чудовище, которое опутало своими щупальцами всю Солнечную систему, он был едва ли не больше известен как великий охотник. От огнедышащих драконов Меркурия до гигантских ящеров, обитателей вечных льдов Плутона, вся стоявшая дичь испытала на себе разящую мощь его ружья. Кроме, конечно, марсианина. На эту «дичь» охота давно запрещена.

Он небрежно раскинулся в кресле — рослый и мускулистый, еще сравнительно молодой человек. В его присутствии кабинет казался меньше, и скрытая в нем сила, а также холодный взгляд светлых зеленоватых глаз подавляли торговца.

— Но это незаконно, вы же сами знаете, — сказал Уисби. — Вам дадут двадцать лет, если поймают.

— Э-э! Консул Земли находится в Аресе*, на другой стороне планеты. Если мы устроим все тихо, разве кто узнает? — Райордэн прихлебнул из своего стакана. — Через пару лет они так заткнут все дыры, что охота станет действительно невозможной. Это последний шанс для человека добыть «филина». Именно потому я здесь.

Уисби колебался, растерянно поглядывая в окно. Порт Армстронг представлял собой скопище гермет-

---

* *Арес* — район Марса, греческое название этой планеты.

рических зданий, связанных туннелями. Он вырастал прямо из красной пустыни, раскинувшейся во все стороны до непривычно близкого горизонта. Землянин в гермокостюме с прозрачным шлемом шагал вниз по улице, несколько марсиан праздно привалились к стене. И больше ничего живого — молчаливая смертельная скука, царящая под тусклым съежившимся солнцем. Жизнь на Марсе не слишком приятна для землянина.

— Надеюсь, вы не заразились, как все на Земле, идиотской любовью к этим «филинам»? — презрительно спросил Райордэн.

— О нет, — сказал Уисби. — Здесь, в районе моего форта, они знают свое место. Но времена меняются. Ничего не поделаешь.

— Да, было время, когда они были просто рабами, — сказал Райордэн. — Теперь же эти слюнявые либералы на Земле требуют, чтобы им предоставили право голоса.

Он презрительно фыркнул.

— Да, времена меняются, — мягко повторил Уисби. — Когда сто лет назад первые люди высадились на Марсе, трудности освоения чужой планеты ожесточили их. Поселенцы быстро стали подозрительны и жестоки. Иначе нельзя — а то бы им не выжить. Они не могли считаться с марсианами, воспринимать их иначе как разумных животных. К тому же из жителей Марса получались отличные рабы. Ведь они требуют так мало еды, тепла и кислорода. Они настолько выносливы, что могут выжить без воздуха почти четверть часа. А охота на дикого марсианина... Это был настоящий спорт! Еще бы — разумная дичь, которой сплошь и рядом удавалось улизнуть от охотника, а иногда и прикончить его.

— Знаю, знаю, — сказал Райордэн. — Поэтому я и хочу подстрелить хоть одного. Какой интерес, если дичь не имеет шансов спастись?

— Но теперь все по-другому, — сказал Уисби. — Позиции землян достаточно укрепились. К тому же и на Земле к власти пробрались либералы. Естест-

венно, что одной из первых реформ была отмена рабства для марсиан.

Райордэн выругался. Предписанное законом возвращение марсиан, работавших на космических линиях, влетело ему в копеечку.

— У меня нет времени на ваши философствования, — сказал он. — Если можете устроить охоту на марсианина — о'кей. Я готов отблагодарить вас.

— В каком конкретно размере? — спросил Уисби.

Как следует поторговавшись, они ударили по рукам. У Райордэна были небольшая ракета и охотничье снаряжение, а Уисби должен был раздобыть радиоактивные материалы, «сокола» и «гончую».

— Ну, а где же я возьму марсианина? — спросил Райордэн. Он ткнул пальцем за окно. — Может быть, поймать одного из них и выпустить в пустыне?

Теперь была очередь Уисби презрительно ухмыльнуться:

— Одного из них? Ха-ха! Городские бездельники! Горожанин с Земли и тот сумел бы лучше постоять за себя.

Марсиане были довольно неказисты на вид. Не выше четырех футов ростом, они ходили на тощих когтистых ножках. Их костлявые четырехпалые ручки выглядели хилыми. Грудная клетка у марсианина широкая, зато талия до смешного тонкая. Казалось, его можно переломить пополам. Жители Марса были существами живородящими и теплокровными. Они выкармливали своих детенышей молоком, но их кожу покрывали серые перья. Круглые головы с большим кривым клювом, огромные янтарные глаза и торчащие на макушке уши, покрытые перьями, снискали им кличку «филина». Носили они только широкие пояса с большими карманами, заменявшие набедренную повязку, да ножны на боку. Даже наиболее либерально настроенные земляне не решались предоставить им право пользоваться современными инструментами и оружием. Память еще хранила много кровавых распрей.

— Марсиане всегда были хорошими бойцами, — сказал Райордэн. — В старые дни они вырезали немало поселений землян.

— Прежние марсиане — да, — согласился Уисби, — но не эти. Они просто тупые работяги, так же зависящие от нашей цивилизации, как и мы сами. А вам нужен настоящий дикий старожил, и я знаю, где найти такого. — Он расстелил на столе карту. — Вот здесь, в Хрэфнинских горах, примерно в ста милях отсюда. Марсиане живут долго, лет по двести, а этот парень Крига мутит воду в округе со времен первых поселений. Он даже командовал несколькими марсианскими налетами на форты землян, а со времени заключения мира и всеобщей амнистии живет совершенно один в древней разрушенной башне. Настоящий старый вояка, ненавидящий землян всеми печенками. Время от времени он заходит сюда продать шкуры или несколько кусков золота, так что я знаю о нем кое-что.

Глаза Уисби блеснули.

— Подстрелив этого заносчивого ублюдка, вы окажете всем нам большую услугу. Он расхаживает по округе с таким видом, словно все здесь принадлежит ему. Уж он, поверьте, «отработает» ваши денежки.

Райордэн удовлетворенно закивал.

Дела были плохи. Человек привез с собой охотничью птицу и собаку. Не будь их, Крига мог бы затеряться в лабиринте пещер, каньонов и колючих зарослей. Но «гончая» легко отыщет его следы, а «сокол» будет неотрывно следить сверху.

В довершение всех бед человек посадил ракету совсем рядом с башней Криги. Все его оружие осталось там. Он был отрезан, безоружный и одинокий, если не считать той слабой поддержки, которую ему могло оказать население пустыни. Если бы только удалось пробраться к башне... Пока же надо просто постараться выжить.

Он сидел в пещере, всматриваясь через иссушенное пространство песка и кустарника, через мили разреженной атмосферы в даль, где поблескивал серебристый металл ракеты. Человек казался маленьким пятнышком в этом огромном голом просторе, одино-

ким насекомым, придавленным громадой темно-синего неба.

Землянин тоже был один, но у него ружье, способное обрушить смерть на любое существо, да хищные беспощадные твари, а в ракете, наверное, радиопередатчик, по которому он может вызвать друзей. И оба — охотник и жертва — заключены внутри огненного кольца, заколдованного круга, который Крига не мог пересечь под страхом смерти, куда более ужасной, чем гибель от человеческой пули...

Но разве существует худшая смерть, чем быть застреленным этим чудовищем, чтобы твое тело в виде чучела увезли на чужую планету и каждый дурак мог пялиться на него и насмехаться? Гордость старого и смелого народа неумолимо подымалась в Криге тяжелой, горькой волной. Ведь он требовал от жизни так немного... Общество себе подобных в Сезон Встреч, когда можно принять участие в торжественной древней церемонии, а потом бесшабашно повеселиться и, может быть, встретить девушку. Она родит ему детей, и они станут вместе их воспитывать... Возможность изредка навестить поселок землян и купить металлические инструменты и вина — единственные ценные вещи, которые человек принес на Марс... Да немного тишины, чтобы спокойно посидеть и потешить себя смутными мечтами о тех временах, когда марсианское племя воспрянет от рабства и займет равноправное положение перед лицом Вселенной... И вот всему конец. Теперь и это у него отнимут.

Он пробормотал проклятие землянам и снова сосредоточенно принялся за работу, спеша отточить наконечник копья, чтобы иметь хоть эту жалкую подмогу в будущей борьбе. Кустарник сухо зашелестел, подавая сигнал тревоги, жалкие незримые существа запищали в страхе. Пустыня кричала о приближении чудовища. Но он мог еще немного выждать, прежде чем начать бегство.

Райордэн рассеял радиоактивный изотоп по десятимильному кольцу вокруг старой башни. Он проделал это ночью, на случай, если бы поблизости оказался патрульный корабль.

Приближаться к кольцу небезопасно в течение трех недель. Так что времени достаточно. Ведь марсианин заточен на такой небольшой территории.

Райордэн был уверен, что тот даже не попробует вырваться из этого круга. «Филины» хорошо поняли, что такое радиоактивность, еще в те годы, когда сражались с землянами. Нет, Крига попробует спрятаться, а может быть, даже отважится на бой. Но скорее всего его удастся загнать в угол.

И все-таки рисковать не было смысла. Поэтому Райордэн включил автоматическую сигнальную систему радиопередатчика. Если он вовремя не возвратится к кораблю и не отключит ее, через две недели передатчик подаст сигнал Уисби, и его спасут.

Он проверил оборудование. На нем был гермокостюм, снабженный маленьким насосом, который получал питание по энерголучу с корабля и служил для нагнетания воздуха в скафандр. Та же установка отфильтровывала влагу из его дыхания, что позволяло почти не брать с собой воды. Поэтому запасы на несколько дней не составляли слишком большой тяжести, особенно в условиях слабого притяжения Марса. Только ружье 45-го калибра, приспособленное для стрельбы в марсианской атмосфере и достаточно мощное для охоты на крупную дичь, компас, бинокль да спальный мешок. Все необычайно легкое, к тому же ничего лишнего.

На самый крайний случай его костюм был снабжен небольшим резервуаром с суспензином. Повернув кран, он мог напустить его в дыхательную систему. В этой концентрации газ, конечно, не приводил к полному анабиозу, но настолько парализовывал двигательные нервы и замедлял общий обмен веществ, что человек мог продержаться несколько недель на одном глотке воздуха. Он широко применялся в хирургии и спас жизнь многим межпланетным исследователям, у которых отказывала кислородная система.

Райордэн вышел из ракеты и запер входной шлюз. Возможность того, что «филин» откроет его, если бы ему удалось обмануть охотника и пробраться к ко-

раблю, была исключена. Чтобы сломать этот запор, понадобился бы торденит.

Он свистнул своих помощников. Эти местные животные были давным-давно приручены марсианами, а затем и человеком. «Гончая» походила на отощавшего волка, только с более широкой грудной клеткой и перьями вместо шерсти. След она держала не хуже земной овчарки. «Сокол» имел еще меньше сходства со своим земным прототипом. Это была хищная птица, но в условиях местной разреженной атмосферы потребовались крылья шести футов в размахе, чтобы поднять в воздух ее жалкое тельце. Райордэн остался доволен тем, как они натасканы.

Собака заурчала. Низкий дрожащий звук был бы совсем не слышен, не будь костюм снабжен микрофоном и усилителем. «Гончая» заюлила, принюхиваясь, а «сокол» взмыл в небо.

Райордэн не стал внимательно осматривать башню. Она давно превратилась в руины, уродливые и непривычные для человеческого глаза, косо примостившиеся на вершине ржавого холма. Остатки былой марсианской цивилизации... Человек презрительно ухмыльнулся.

Собака залаяла. Мрачный одинокий звук раскатился в неподвижном ледяном воздухе, отражаясь от валунов и скал, медленно умирая в тишине. Но это был зов боевого рога, надменный вызов состарившемуся миру: «Посторонись! Прочь с дороги! Идет завоеватель!»

Неожиданно собака рванулась и залаяла: взяла след. Райордэн зашагал позади, свободно и широко, как ходят в условиях слабого тяготения. Его глаза сверкнули, как две зеленоватые льдинки. Охота началась!

Крига судорожно, со всхлипом наполнил легкие. Он дышал тяжело и учащенно, ноги налились свинцом и обмякли, а биение сердца сотрясало все тело.

Но он бежал, а позади него нарастал угрожающий гул. Тяжелая поступь слышалась все ближе. Прыгая с камня на камень, скользя и съезжая на спине в

глинистые овраги, продираясь между деревьями, Крига бежал от охотника.

Вот уже сутки собака преследовала его по пятам, а «сокол» парил над самой головой. Подобно обезумевшему тушканчику, мчался он прочь от смерти, лаявшей за спиной. Крига никогда не думал, что человек может двигаться так быстро и неутомимо.

Пустыня сражалась вместе с ним. Растения, загадочную, слепую жизнь которых не понять ни одному землянину, были на его стороне. Их колючие ветви раздвигались, давая ему дорогу, и снова смыкались, обдирая бока «гончей» и замедляя ее бег. Но остановить безжалостного пса они не могли. Он снова и снова вырывался из их бессильно цепляющихся лап и устремлялся по следу.

Человек тащился на целую милю позади, но не проявлял никаких признаков усталости. А Крига все бежал. Он должен был добраться до края обрыва, прежде чем охотник успеет поймать его в разрез прицела. Должен, должен! А собака рычала за спиной.

Марсианин взлетел на гребень холма. Впереди склон круто обрывался в глубокий каньон — пятьсот футов остроконечных скал, спадавших в дышащую ветром бездну. А над ними — слепящий блеск заходящего солнца. Он задержался на мгновение, рисуясь темным силуэтом на пылающем небе — отличная цель, если бы человек успел выйти на линию выстрела, — и перевалил через край.

Он надеялся, что «гончая» бросится за ним, но она вовремя затормозила на самом краю. Крига карабкался вниз по склону обрыва, цепляясь за малейшую расщелину, замирая, когда изъеденная столетиями скала крошилась под рукой. «Сокол» парил над самой головой, стараясь клюнуть или вцепиться когтями, и пронзительным голосом подзывал хозяина. Крига был беззащитен: ведь он не мог оторвать руки, рискуя разбиться вдребезги. Хотя...

Крига соскользнул по склону ущелья в серо-зеленую чащу ползучего кустарника, и все его существо воззвало к древним законам симбиоза марсианской

жизни. «Сокол» снова ринулся на него, но Крига лежал неподвижно, окаменев, точно мертвый, пока птица с торжествующим криком не села на его плечо, готовясь выклевать глаза.

И тут колючие лозы зашевелились. Силы в них было немного, но шипы уже погрузились в тело птицы, и вырваться из них было невозможно. Пока кустарник разрывал «сокола» на части, Крига продолжал спускаться вниз ко дну каньона.

Огромная фигура Райордэна нависла над краем, четко выступая на фоне темнеющего неба. Он выстрелил раз, другой. Пули злобно впились в скалы у самого тела марсианина, но из глубины надвинулись тени, и Крига был спасен. Тогда человек включил свой мегафон, и чудовищный голос обрушился в сгущавшуюся ночь, раскатываясь громом, подобного которому Марс не слышал уже тысячелетия:

— Один ноль в твою пользу! Но это еще не все! Я до тебя доберусь!

Солнце скользнуло за горизонт, и ночь опустилась на Марс, как большое темное покрывало. Сквозь мрак Крига услышал смех землянина. От этого смеха дрожали скалы.

Райордэн был утомлен длительной гонкой, к тому же подача кислорода в скафандр явно не соответствовала затрачиваемым усилиям. Ему хотелось покурить, съесть чего-нибудь горячего, но и то и другое было невозможно. Что ж, он еще больше оценит блага жизни, возвратившись домой, — со шкурой марсианина.

Ухмыляясь, охотник разбил лагерь. Этот марсианский малыш — стоящая добыча, сомнений тут не было. Крепкий орешек! Он выдержал уже два дня на этом десятимильном пятачке да к тому же убил «сокола». Но Райордэн подобрался к нему уже достаточно близко. Собака легко отыщет его: ведь на Марсе нет рек или ручьев, чтобы запутать следы.

Он лежал, глядя в бездонную звездную ночь. Скоро станет холодно, адски холодно, но спальный мешок достаточно хорош, чтобы согреть его при помощи солнечной энергии, накопленной за день. «Гончая»

зарылась поблизости в песок, но она тут же поднимет тревогу, вздумай марсианин шнырять вокруг лагеря.

Засыпая, Райордэн вспоминал прошлые охоты. Да, повидал он немало. Но эта охота была самой одинокой, самой необычной и, может быть, самой опасной из всех, а потому и самой лучшей. Райордэн не питал злобы к марсианину. Он уважал мужество этого малыша, так же как уважал храбрость других животных, на которых охотился.

Райордэн проснулся в коротких серых сумерках, соорудил быстрый завтрак и свистнул собаку. Его ноздри раздувались от волнения, все тело, пьяное от нетерпения, радостно пело. Сегодня... Может быть, сегодня...

Ему пришлось спускаться в каньон длинной обходной дорогой, и пес целый час метался по округе, прежде чем напал на след. Тогда снова раздался заливистый лай, и погоня возобновилась — на этот раз медленнее, так как путь был неровен и кремнист.

Солнце уже стояло высоко, когда они вышли к высохшему руслу реки. Бледный, холодный свет залил острые, как иглы, уступы, ущелья, окрашенные в фантастические цвета, глинистые склоны, песок, обломки древних геологических эпох. Царила глубокая, напряженная, словно ожидающая чего-то тишина.

Вдруг терновник расступился под ногами. С жалобным воем пес заскользил по стене открывшейся ямы. С быстротой тигра Райордэн ринулся вперед и, падая, еле успел вцепиться рукой в собачий хвост. Он чудом удержался на краю ямы. Обхватив свободной рукой куст, который цеплялся за его шлем, он вытянул собаку на поверхность.

Весь дрожа, он заглянул в ловушку. Она была здорово сделана — глубиной почти в 12 футов, с узкими отвесными стенками, искусно прикрытая кустарником. В дно ямы были воткнуты три зловещих копья с кремневыми наконечниками. Будь он хоть капельку медлительнее — погибла бы собака, а может, и он сам.

Человек обнажил зубы в волчьей ухмылке и огляделся. Наверное, «филин» ухлопал на ловушку всю

ночь. Поэтому он не может быть далеко... и, должно быть, отчаянно устал.

Словно в ответ на его мысли, с ближайшей скалы сорвался камень. Он был огромен, но на Марсе падающие предметы имеют только половину земного ускорения. Райордэн отпрянул в сторону, и чудовищный обломок грохнулся на то место, где он только что лежал.

— Давай выходи! — заорал он, бросившись к скале.

На мгновение серая фигурка призрачно возникла на краю обрыва и пустила в него копье. Райордэн выстрелил, и фигурка скрылась. Копье отскочило от плотной материи его костюма, и он начал карабкаться по узкому карнизу к вершине скалы.

Марсианина нигде не было видно, но еле заметная красноватая дорожка вела в холмистую пустыню.

— Подранил, клянусь Богом!

Крига лежал в тени большой скалы и дрожал от изнеможения. За границей тени солнечный свет плясал в слепящем, невыносимом танце. Горячий и жестокий, такой же слепящий и яркий, как металл завоевателей, он словно требовал жертвенной крови.

Крига сделал ошибку, потратив бесценные часы на эту ловушку. Она не сработала, и он должен был знать, что так и будет. А теперь он голоден, жажда диким зверем вгрызается в глотку, а погоня все ближе и ближе.

Они уже почти догнали его. Весь день его травили, он ни разу не смог оторваться больше чем на полчаса пути. Никакого отдыха, сплошная дьявольская гонка по дикой пустыне, а теперь он ждал битвы, скованный чугунным грузом изнеможения.

Рана в боку горела. Она не была глубока, но стоила ему немало крови и лишила тех коротких минут сна, которые, возможно, удалось бы урвать.

На какой-то момент воин Крига исчез. Остался только одинокий испуганный ребенок, плачущий в тишине пустыни.

— Неужели они не могут оставить меня в покое!

Низкий пыльно-зеленый кустарник зашелестел. Мышь-полевка запищала где-то в лощине. Они уже близко.

Крига устало вскарабкался на вершину скалы и притаился. Он пробрался сюда окольным путем, и они должны пройти мимо.

Со своего места он видел башню — низкие желтоватые развалины, истерзанные ветрами тысячелетий. Времени марсианину хватило только на то, чтобы прошмыгнуть внутрь и схватить лук, пару стрел и топор. Жалкое оружие. Стрелы не пробьют костюм землянина: разве коротким и слабым рукам марсианина растянуть лук достаточно широко? А от топора, даже железного, тоже не много пользы. И это все, чем он располагал, он и его маленькие союзники, жители пустыни, боровшиеся вместе с ним за право жить самим по себе.

Ладно. Он приладил стрелу на тетиву и притаился в неверном зыбком свете солнца, выжидая.

Первой с воем и лаем появилась собака. Крига натянул лук как только мог. Но пусть сначала человек подойдет поближе...

А вот и он, с ружьем в руке бежит, прыгает через обломки скал. Его ищущие, беспокойные глаза светятся зеленоватым огнем. Он готов нанести смертельный удар. Крига медленно повернулся. Собака уже миновала скалу, а землянин был как раз под ним.

Запела стрела. С диким восторгом Крига смотрел, как она вонзается в собаку, как та неуклюже подпрыгивает и бьется, катаясь по земле, воя и пытаясь схватить стрелу, засевшую в ее теле. Словно серая молния, марсианин бросился со скалы вниз, на человека. Если бы только его топор мог пробить этот шлем...

Он ударил охотника, и они оба покатились. С дикой ненавистью марсианин рубил топором, но тот только скользил по гладкой пластмассе. Райордэн взвыл и нанес сокрушительный удар кулаком. Адская боль пронзила тело Криги, и он откатился назад. Райордэн успел выстрелить, но не попал. Крига повернулся и бросился бежать. Припав на колено, че-

ловек стал прицеливаться в серую фигурку, карабкавшуюся по соседнему склону. Маленькая песчаная змейка скользнула по его ноге и обвилась вокруг запястья. Ее силенок хватило ровно настолько, чтобы отвести ружье от цели. Пуля просвистела у самого уха Криги, и он скрылся в расщелине.

Шестое чувство марсианина уловило предсмертную агонию змейки. Он почти видел, как человек брезгливо отрывает ее от своей руки, швыряет оземь и безжалостно топчет коваными сапогами. Немного позже послышался глухой гул, эхом отозвавшийся в холмах. Это человек принес взрывчатку и взорвал его башню.

Воин Крига остался без лука и топора. Теперь он совершенно беззащитен. Нет даже пристанища, куда можно отступить, чтобы дать последний бой. А человек даже без своих тварей будет преследовать его, пусть медленнее, но так же неотступно, как раньше.

Крига повалился на груду камней. Сухие рыдания сотрясли все его худое тело, и закатный ветер плакал вместе с ним.

Наконец он поднял голову и взглянул в безграничную красно-желтую даль, где садилось солнце. Где-то неподалеку мягко пропищал тушканчик, рождая тихое эхо в низких источенных ветром скалах, и кустарник зашелестел, перешептываясь с невидимыми соседями на древнем бессловесном языке. Вся планета — пустыня с ее песками, легкий ветерок, струившийся под высокими холодными звездами, свежий широкий простор, исполненный тишины, одиночества и такой чуждой человеку судьбы, вели с Кригой тихий разговор.

Нельзя сказать, что Крига ненавидел своего преследователя, но вся неумолимость Марса была в нем. Он вел бой за эту жизнь, древнюю, примитивную, полную непонятных человеку грез, бой против всего чужого, стремящегося осквернить этот вечный покой. Его жестокость была так же стара и неумолима, как сама жизнь, и каждая выигранная или проигранная

битва значила много, даже если бы никто не узнал о ней.

— Ты не один, — шептала пустыня. — Ты сражаешься за весь Марс, и мы с тобой.

Что-то мелькнуло в темноте, маленькое теплое тельце пробежало по его руке — крошечное, покрытое перышками существо вроде мыши, каких много ютится в марсианских песках, радуясь своей ничтожной мимолетной жизни. Но это была частица его мира, и в гласе Марса не было жалости.

Нежность наполнила сердце Криги, и он прошептал на языке, который не был языком:

— Ты сделаешь это для нас? Сделаешь, братишка?

Райордэн слишком устал, чтобы спать спокойно. Он долго ворочался, размышляя, не в силах уснуть. Для одинокого человека, затерянного в марсианских холмах, это не самый лучший отдых.

Так, значит, собака тоже погибла. Ну и пусть: «филину» все равно не уйти. И все-таки это происшествие заставило его почувствовать безграничность, седую древность пустыни и свое собственное одиночество.

Со всех сторон доносился шепот. Кустарник потрескивал, что-то подвывало в темноте, ветер дико и мрачно гудел, проносясь над скалами в неверном свете звезд. Казалось, что у всех у них есть свой голос, что весь этот мир глухо ворчит в ночи, угрожая ему. Смутная мысль промелькнула в его голове. Покорит ли когда-нибудь человек этот непонятный мир? Не натолкнулся ли он, наконец, на что-то большее, чем он сам?

Нет, это чепуха. Марс стар, дряхл и бесплоден, он медленно умирает, погруженный в свои сны. Тяжелая поступь человека, гром его голоса, гул ракет, штурмующих небо, будят его, но для новой судьбы, неотделимой от человеческой. Когда Арес поднял свои

копья над холмами Сырта*, где они были, древние марсианские Боги?

Вдруг раздался шорох. Человек мгновенно очнулся от беспокойного сна и увидел крошечного зверька, крадущегося в его сторону. Он потянулся к ружью, лежавшему рядом со спальным мешком, но раздумал и хрипло рассмеялся. Обыкновенная песчаная мышь. И он еще раз подумал, что марсианину не удастся застать его врасплох. Но смеялся он недолго: звук собственного смеха наполнял неприятным глухим гулом его шлем.

С пронзительным холодным рассветом человек был на ногах. Ему уже хотелось покончить с этой охотой. Он был грязен и небрит, ему осточертело довольствоваться жалкими порциями воздуха, поступавшими в скафандр, все тело онемело и ныло от изнеможения. Без собаки преследование пойдет медленнее, но возвращаться в Порт Армстронг за новой не хотелось. Нет, дьявол побери этого марсианина, он все равно доберется до его шкуры!

Полдень застал Райордэна на возвышенности среди нагромождения скал, острые уступы которых, как гигантские зубы, оскалились в небо. Он продолжал идти, совершенно уверенный, что скоро измотает свою жертву.

Следы были четкие и явно свежие. Он весь напрягся при мысли, что теперь марсианин уже недалеко.

Даже слишком четкие следы! Не заманивают ли его в новую ловушку? Райордэн перехватил ружье поудобнее и начал продвигаться вперед более осторожно. Но нет, разве хватило бы времени...

Человек взобрался на скалистый гребень и оглядел мрачный фантастический пейзаж. У самого горизонта виднелась темная полоска — граница радиоактивного барьера. Марсианин не мог уйти далеко, а если он повернул и затаился, то Райордэн без труда обнаружит его.

Он включил мегафон, и его голос гулко раскатился в окружавшей тишине:

---

* *Сырт* — район Марса, названный так астрономом Дж. Скиапарелли.

— Эй, филин! Я добрался до тебя!! Лучше выходи, и покончим разом!

Эхо подхватило его слова, и они заметались среди голых скал, дробясь и металлическим гулом взмывая к небесам. Выходи... выходи... выходи...

Марсианин возник, казалось, прямо из разреженного воздуха, словно серое привидение поднялось из груды камней в каких-нибудь 20 футах от него. На какое-то мгновение Райордэн остолбенел. Не веря своим глазам, он судорожно глотнул воздух. Крига ждал, слегка вздрагивая, точно и вправду это было не живое существо, а мираж.

Потом человек вскрикнул и поднял ружье. Марсианин продолжал неподвижно стоять, словно изваяние из серого гранита, и с острым разочарованием Райордэн подумал, что Крига, наконец, смирился с неминуемой смертью.

Что ж, это была хорошая охота.

— Прощай! — прошептал Райордэн и спустил курок.

Раздался страшный грохот, и ствол расщепился, точно кожура гнилого банана. Сам охотник не пострадал, но, пока оправлялся от шока, Крига уже набросился на него.

Марсианин был всего четырех футов ростом, изможденный и безоружный, но он обрушил на земляни на настоящий ураган ударов. Обхватив ногами торс человека, он начал отчаянно выкручивать воздушный шланг скафандра.

От внезапного толчка Райордэн упал. Заурчав, как тигр, он сомкнул руки на тонкой шее марсианина. Крига тщетно бил своим клювом. Они катались в облаке пыли. Кустарник взволнованно трещал.

Райордэн попытался свернуть Криге шею, но марсианин увернулся и снова вцепился в шланг. В ужасе человек услышал шипение вырывающегося воздуха: Криге, наконец, удалось клювом и когтями вырвать шланг из гнезда. Автоматический вентиль тут же перекрыл течь, но связь с насосом была уничтожена.

Охотник выругался и изо всей силы сдавил шею марсианина. А потом он просто лежал, сжимая хруп-

кое горло, и никакие увертки Криги не могли ослабить его хватки. Минут через пять Крига затих. На всякий случай Райордэн еще несколько минут сжимал его шею, потом отпустил и начал поспешно шарить руками по спине, стараясь дотянуться до насоса. Воздух в скафандре становился все горячее и зловоннее. Он никак не мог изловчиться и втиснуть шланг обратно в гнездо...

«Негодная конструкция, — пронеслась в его голове смутная мысль. — Но разве эти скафандры предназначались для таких баталий?»

Он посмотрел на хрупкое недвижное тело марсианина. Легкий бриз шевелил серые перья. Каким бойцом был этот малыш! Он станет гордостью его охотничьей коллекции дома, на Земле.

Ну что же, посмотрим... Он раскатал спальный мешок и аккуратно расстелил его. С оставшимся запасом воздуха до ракеты не добраться, так что придется впустить в скафандр суспензин. Но сначала надо забраться в спальный мешок, чтобы ночная стужа не обратила его кровь в лед.

Райордэн заполз в мешок, аккуратно зашнуровался и открыл кран баллона с суспензином. Страшная скука — неподвижно лежать десять долгих дней, пока Уисби не примет сигнал и не придет на помощь. Будет что вспомнить! В этом сухом воздухе шкура марсианина превосходно сохранится.

Он чувствовал, как немеет тело, как замедляется ритм сердца и легких. Но его разум еще бодрствовал, и он отметил, что полная расслабленность имеет свои, мягко сказать, неприятные стороны. Неважно, зато он победил! Убил наихитрейшую во Вселенной дичь собственными руками.

Через некоторое время Крига шевельнулся и сел. Он испытывал страшную слабость. Наверное, сломано ребро. Ничего, это можно исправить. Главное — он еще жив. Землянин душил его добрых десять минут, но житель Марса может выдержать без воздуха почти четверть часа.

Крига расшнуровал спальный мешок и снял с Райордэна ключи. Потом он медленно поплелся к ракете. Несколько дней тренировки — и он научится управлять ею. А потом полетит к своим соплеменникам, живущим в районе Сырта. Теперь, когда у них есть машина землян, их оружие...

Но сначала надо покончить с самым неприятным. Крига не испытывал ненависти к Райордэну, но Марс — жестокий мир. Он вернулся, затащил охотника в пещеру и запрятал его так, что ни одна спасательная партия землян не смогла бы его разыскать.

На мгновение он заглянул в глаза человеку. В них застыл немой ужас. Тогда Крига заговорил медленно, с трудом подбирая английские слова:

— За всех убитых тобой, за то, что ты, чужак, вторгся в мир, где тебя не звали, во имя того дня, когда Марс станет свободным, я оставляю тебя.

Перед отлетом он снял с корабля несколько баллонов с кислородом и подсоединил их к скафандру — целое море воздуха для существа, погруженного в анабиоз. Его хватит, чтобы сохранить человека живым хоть тысячу лет.

ЗОВИТЕ МЕНЯ ДЖО

Ревущий ураган принесся из тьмы, сгущавшейся на востоке. Впереди себя он гнал колючее облако аммиачной пыли. Не прошло и минуты, как Эдвард Энглси был ослеплен.

Всеми четырьмя лапами он вцепился в жесткий щебень, устилавший все вокруг, вжался в него, пытаясь прикрыть телом свою жалкую плавильню. Череп раскалывался от адского завывания ветра. Что-то хлестнуло его по спине, так что брызнула кровь. Вырванное ураганом дерево взмыло корнями вверх и унеслось за сотню миль. Невероятно высоко, среди бурлящих ночных туч сверкнула молния.

Словно в ответ, в ледяных горах грянул гром. Гигантский язык пламени устремился к небу. Целый склон обрушился вниз, лавиной рассыпавшись по долине. Земля вздрогнула.

«Натриевый взрыв», — подумал Энглси сквозь барабанный гул. В неверном свете пожара и молний он отыскал свой аппарат. Его мускулистые лапы собрали инструменты. Желоб для стока расплавленной воды он обхватил хвостом и начал пробиваться по туннелю к своей «землянке».

Стены и потолок убежища были сложены из воды. Невероятная удаленность Солнца обратила ее в лед, спрессованный многотонным давлением атмосферы. Воздух поступал через узкий дымоход. Коптилка с древесным маслом, горящим в водороде, тускло освещала единственную комнату.

Тяжело дыша, Энглси расстелил на полу свою синюю робу. Проклинать грозу было бессмысленно. Такие аммиачные бури часто налетали с закатом, и тогда ничего не оставалось, как только пережидать их. К тому же он устал.

Часов через пять настанет утро, а он надеялся выковать свой первый топор еще этим вечером. Впрочем, может быть, даже лучше сделать его при дневном свете. Он взял с полки десятиногую тушку и съел мясо сырым, останавливаясь только для того, чтобы сделать несколько больших глотков метана из кружки. Когда у него будут настоящие инструменты, все переменится. До сих пор ему приходилось делать всю работу — рыть, резать, обтачивать предметы — при помощи собственных зубов и когтей. Только изредка удавалось приспособить кусок льда поострее или отвратительно мягкие искореженные обломки звездолета.

«Дайте мне только несколько лет, и я буду жить по-человечески», — подумал Энглси. Он зевнул, потянулся и улегся спать.

За сто двенадцать тысяч миль от него Эдвард Энглси снял свой шлем.

*

Устало моргая, он огляделся. После Юпитера всегда казалось немного чудно снова очутиться здесь, среди чистого спокойного порядка пункта управления.

Мускулы ныли, хотя болеть им было не от чего. Ведь это не он в 140-градусном холоде, под утроенным атмосферным давлением сражался с бурей, несущейся со скоростью нескольких сотен миль в час. Он оставался здесь, на почти лишенном притяжения Юпитере-5, дыша азотно-кислородной смесью. Это Джо жил там, наполняя свои легкие водородом и гелием под давлением, которое можно было только примерно оценивать, так как от него лопались анероиды и расстраивались пьезоэлектрические датчики.

И все-таки он чувствовал себя изможденным и разбитым. Наверное, все дело в психосоматическом

напряжении. Ведь как-никак немало часов он сам, в известном смысле, был Джо. А Джо работал как вол.

Без шлема на голове Энглси почти утратил ощущение своей личности. Пси-лучевой передатчик еще оставался подключенным к мозгу Джо, но уже не был сфокусирован на его собственном. Где-то в глубине сознания гнездилось непередаваемое ощущение сна. Время от времени сквозь бархатный мрак проплывали какие-то смутные формы, цвета. Может быть, сны? Джо могло ведь примерещиться что-нибудь, когда им не руководило сознание Энглси.

Вдруг на панели пси-передатчика вспыхнула красная лампочка, потерянно завыла аварийная сирена. Энглси выругался. Тонкие пальцы нервно запрыгали по кнопкам электромеханического кресла. Он развернулся и одним махом пересек комнату по направлению к контрольному щиту. Ну конечно, опять вибрация в К-трубке! Разрыв в цепи. Одной рукой он повернул рубильник, одновременно шаря другой в ящике на щите.

Он чувствовал, как связь с Джо затухает. Если бы он утратил ее до конца хоть раз, неизвестно, удалось ли бы снова восстановить ее. А ведь в Джо было вложено несколько миллионов долларов и бездна человеко-лет высококвалифицированного труда.

Энглси выдернул негодную лампу из гнезда и швырнул на пол. Стеклянный баллончик взорвался. Это его немного успокоило. Ровно настолько, чтобы найти запасную лампу, вставить ее на место и вновь подключить ток. По мере того как усилитель разогревался, связь с Джо в недрах его сознания снова укреплялась.

Потом человек в инвалидном кресле медленно выкатился из комнаты в коридор. Пусть кто-нибудь другой подметет осколки. Черт с ними! Всех к черту!

*

Ян Корнелиус никогда не улетал от Земли дальше, чем до комфортабельного лунного курорта. Он был немало смущен тем, что «Псионикс корпорейшн» об-

рекла его на тринадцатимесячное изгнание. То обстоятельство, что он знал больше любого другого смертного о пси-лучевых передатчиках и их капризах, не казалось ему достаточным основанием для этого. Зачем вообще кого-то посылать? Кому это надо?

А понадобилось это, видимо, руководству научной федерации. Эти бородатые затворники могут позволить себе за счет налогоплательщиков любую прихоть.

Так Корнелиус брюзжал себе под нос весь долгий путь по гиперболической орбите до Юпитера. Затем бесконечное маневрирование при сближении с миниатюрным спутником Юпитера настолько изнурило его, что он забыл все свои жалобы. И когда перед самой высадкой он, наконец, поднялся в оранжерею, чтобы взглянуть на Юпитер, то потерял дар речи. Впрочем, так со всеми бывает в первый раз.

Эрн Викен терпеливо ждал, пока Корнелиус наглядится.

«*Это и на меня действует*, — признался Эрн себе. — *До сих пор. Даже дух захватывает. Иногда просто страшно взглянуть*».

Наконец Корнелиус оторвался от окна. Высокий рост и далеко выдающаяся грудная клетка придавали его внешности что-то юпитерианское.

— Я и не подозревал, — прошептал он. — Никогда бы не подумал. Я видел снимки, но...

Викен кивнул.

— Совершенно верно, доктор. Разве это передашь на снимке?

Со своего места они хорошо видели темную неровную глыбу спутника. Казалось, это небесное тело даже не может служить достаточной опорой. Холодные созвездия плыли мимо, окружая его со всех сторон. Юпитер, нежно-палевый, опоясанный цветными лентами, пятнистый от теней планет-спутников, ощетинившийся столбами гигантских смерчей, занимал чуть ли не пятую часть здешнего неба. Наверное, если бы в этом мире действовали нормальные законы земного тяготения, Корнелиусу невольно показалось бы, что великанская планета обрушивается на него.

Но здесь царила почти полная невесомость, и Корнелиуса не оставляло ощущение, что Юпитер вот-вот оторвет его от спутника и засосет. Он так вцепился в поручни, что руки закостенели от боли.

— И вы здесь живете... одни... наедине с этим? — слабым голосом спросил он.

— Ну, нас здесь все-таки человек пятьдесят. Теплая компания, — ответил Викен. — Все не так страшно. Нанимаешься всего на четыре цикла, то есть пока не прибудет четвертый корабль. И хотите — верьте, хотите — нет, доктор, но я здесь уже в третий раз.

Вновь прибывший воздержался от дальнейших расспросов. В этих людях с Юпитера-5 было что-то непонятное. Большинство из них носило бороды, хотя в остальном они следили за своей внешностью. Из-за слабого притяжения их движения казались сонными. Они были скупы на разговоры, словно хотели растянуть удовольствие на все тринадцать месяцев между двумя посадками. Монашеское существование изменило их. А может быть, они сами наложили на себя обет сдержанности, целомудрия и покорности, потому что никогда не чувствовали себя дома на зеленой Земле?

Тринадцать месяцев! Корнелиуса передернуло. Впереди было долгое холодное ожидание. Высокая плата и премиальные, которые накапливались для него на Земле, казались теперь, за 480 миллионов миль от Солнца, весьма слабым утешением.

— Отличное место для исследовательской работы, — продолжал Викен. — Любое оборудование, отличные коллеги, ничто не отвлекает. И конечно, вот это...

От ткнул пальцем в планету и повернулся к выходу. Неуклюже переваливаясь, Корнелиус последовал за ним.

— Спору нет, все это очень интересно, — выдавил он из себя. — Просто поразительно. Но, право же, доктор, затаскивать меня сюда больше чем на целый год, пока не прилетит следующий корабль... И все ради работенки, на которую мне достаточно пары недель...

— А вы уверены, что это так просто? — мягко спросил Викен.

Он повернулся к Корнелиусу, и что-то было в его глазах такое, что заставило того промолчать.

— Я еще не сталкивался здесь с проблемой, какой бы сложной она ни была, чтобы при ближайшем рассмотрении она не оказалась еще сложнее, — сказал Викен.

*

Они прошли через воздушный шлюз корабля и сквозь герметический переход, соединявший его со станцией. Почти вся она находилась под землей. Комнаты, лаборатории, даже холлы в коридорах были обставлены с претензией на роскошь. Еще бы, в общей гостиной был даже настоящий камин с взаправдашним огнем! Один бог знает, сколько это стоило!

Думая о грандиозной ледяной пустоте, в которой царил его величество Юпитер, и о своем годичном заточении, Корнелиус постепенно пришел к выводу, что все эти роскошества были, строго говоря, биологической необходимостью.

Викен проводил его в приятно обставленную комнату, в которой ему предстояло жить.

— Немного погодя принесем багаж и начнем разгружать нашу псионную механику. Сейчас все наши заняты — болтают с экипажем или читают письма.

Корнелиус отсутствующе кивнул и сел. Кресло, как и вся мебель, приспособленное к условиям низкой гравитации, состояло из одного паутинообразного каркаса, но сидеть в нем было удобно. Он ощупал карманы своей туники, надеясь чем-нибудь соблазнить Викена, чтобы тот не уходил.

— Хотите сигару? Захватил из Амстердама.

— Спасибо.

Подчеркнуто вежливо Викен взял сигару, скрестил длинные худые ноги и начал пускать сизый дым.

— Гм... Вы здесь главный?

— Не совсем так. Здесь нет главных. Единственное административное лицо — это повар, на случай если

понадобится что-нибудь организовать. Не забывайте — это исследовательская станция с начала и до конца.

— Ну и чем же вы конкретно занимаетесь?

Викен нахмурился.

— Никого не спрашивайте здесь так в лоб, доктор, — посоветовал он. — Они предпочитают играть в прятки с каждым новичком как можно дольше. Тут редко встретишь человека, который бы сколько-нибудь вразумительно... Нет, не надо извиняться передо мной. Все олл райт. Я физик, специалист по твердым телам в условиях сверхвысоких давлений.

Он кивнул на стену:

— Здесь этого добра сколько хотите!

— Понимаю.

Некоторое время Корнелиус молча курил.

— Что касается меня, то я считаюсь специалистом по псионике. Но, ей-богу, пока я не имею ни малейшего представления, почему ваш прибор может шалить, как сообщалось.

— А что, на Земле эти лампы работают как надо?

— И на Луне, и на Марсе, и на Венере... Видимо, везде, кроме Юпитера.

Корнелиус пожал плечами.

— Конечно, пси-лучи всегда капризны. Порой возникают нежелательные обратные токи, если... Но нет. Не буду зря теоретизировать. Кто работает на передатчике?

— Да Энглси. Он и подготовки-то специальной не проходил. Взялся на это дело после того, как остался калекой, и обнаружил такой природный дар, что его отправили сюда. Так трудно подобрать кого-нибудь для Юпитера-5, что мы не смотрим на степени. К тому же Эд, по-моему, управляется с Джо не хуже доктора психологии.

— Да, да. Ваш искусственный юпитерианец — Юсфинкс. О нем тоже надо как следует подумать, — сказал Корнелиус. Невольно он заинтересовывался все больше. — Может быть, все дело в его биохимии. Кто знает? Хочу открыть вам маленький, тщательно скрываемый секрет: психоника — вовсе не точная наука.

— Так же, как и физика, — ухмыльнулся Викен. И затем добавил более серьезно: — Во всяком случае, моя область физики. Но надеюсь сделать ее точной. Я, знаете ли, именно поэтому здесь.

*

При первой встрече Эдвард Энглси производил ошеломляющее впечатление. Казалось, он состоит из головы, пары рук и пронзительного взгляда голубых глаз. Остальная часть его тела, вправленная в инвалидное кресло, была просто дополнением.

— Бывший биофизик, — рассказал о нем Викен. — Совсем молодым исследовал атмосферные споры на Земной Станции. Несчастный случай искалечил его. Нижняя половина навсегда парализована. Грубый тип, с ним надо поосторожнее.

Теперь, сидя в мягком кресле пункта управления, Корнелиус понял, что Викен еще приукрасил истину.

Разговаривая, Энглси одновременно ел, давясь и сыпля крошки. Механические руки кресла терпеливо подметали то, что он успевал насорить.

— Приходится есть прямо за работой, — пояснил он. — Эта дурацкая станция официально живет по земному времени, по Гринвичу. А Юпитер — нет. Я готов перехватить Джо, когда бы он ни проснулся.

— Что же, некому вам помочь? — спросил Корнелиус.

— Эх! — Энглси подцепил кусок хлеба и ткнул им в сторону Корнелиуса. Рабочий язык станции — английский — был его родным языком, поэтому он выплевывал фразы с неимоверным ожесточением. — Ну вот вы. Вы когда-нибудь занимались пси-лучевой терапией? Не чтением мыслей или просто связью на расстоянии, а настоящим воспитанием психических функций?

— Пожалуй, нет. Для этого нужен природный талант вроде вашего, — улыбнулся Корнелиус.

Изрезанное морщинами лицо напротив него проглотило любезное замечание, не заметив.

— Насколько я понял, вы имеете в виду случаи вроде восстановления нервных функций у парализованного ребенка?

— Да, да. Неплохой пример. Кто-нибудь хоть раз пробовал подавить психику ребенка? Буквально подчинить его себе?

— Боже мой, но зачем?

— Просто ради научного эксперимента, — ухмыльнулся Энглси. — Хоть один специалист по псилучам пытался когда-нибуь подавить детский мозг своими мыслями? Ну же, Корнелиус, отвечайте! Я вас не укушу!

— Но... Видите ли, это не по моей специальности.

Псионик отвел взгляд, выбрал циферблат прибора покрасивее и начал упорно его разглядывать.

— Правда, кое-что я слышал... Ну, в отдельных патологических случаях пытались идти напролом, что ли... преодолеть заблуждения пациента грубой силой...

— И ничего не вышло, — сказал Энглси. Он засмеялся. — Из такой затеи и не могло ничего получиться, даже с ребенком, не говоря уже о взрослом человеке с полностью развитой индивидуальностью. Ведь понадобились десятилетия тончайшей работы, пока машину не довели до такого совершенства, что психиатр получил возможность «подслушивать». Я имею в виду — без того, что нормальные несовпадения образа мыслей его и пациента... без того, чтобы эти различия не создавали таких помех, которые уничтожают то самое, что он хотел исследовать. Современная машина автоматически преодолевает такие индивидуальные различия. Правда, нам до сих пор не удается перекинуть мост между отдельными биологическими видами. Пока человек не противится, удается очень осторожно направлять его мысли. И на этом конец. Если же вы попытаетесь захватить контроль над чужим мозгом — мозгом, у которого есть свой образ мышления, свое «я», вы рискуете собственным рассудком. Чужой мозг будет инстинктивно сопротивляться. До конца развитая, зрелая, установившаяся человеческая личность просто слишком сложна, чтобы ею управлять извне. У нее слишком

много резервов. Подсознательная сфера ее мозга может призвать на помощь адские силы, если что-то угрожает ее целостности. Да чего там — мы со своим-то разумом не можем справиться, не то что с чужим!

Прерывистый голос Энглси замолк. Задумавшись, он сидел перед пультом управления, постукивая по поручням своей электромеханической няньки.

*

— Ну... — начал Корнелиус после небольшой паузы. Наверное, было бы лучше, если бы он промолчал. Но трудно было оставаться безмолвным: тишины и так слишком много — полмиллиарда миль тишины пролегло отсюда до Солнца. Стоило только помолчать пять минут, и тишина начинала просачиваться в комнату, как туман.

— Вот, — ухмыльнулся Энглси. — Так и наш юпитерианец Джо имеет физически взрослый мозг. Единственной причиной, почему я могу управлять им, является то, что у него не было возможности развить свое собственное «я». *Ведь я и есть Джо.* С того самого момента, как его сознание было «рождено», я всегда был при нем. Поток пси-лучей доставляет мне всю его чувственную информацию и посылает назад мои двигательные нервные импульсы. Но все равно у него изумительный мозг, нервные клетки которого точно так же регистрируют весь опыт, как ваши или мои. Его синапсы приобрели строение, которое и есть мой индивидуальный склад.

Перед любым, кому бы я его передал, встала бы задача вытеснить меня из моего собственного мозга. А этого сделать нельзя. Конечно, Джо располагает только зачатками моей памяти — например, управляя им, я не повторяю тригонометрических теорем, — но потенциально он вполне определенная личность.

Посудите сами, — продолжал он, — каждый раз, когда Джо просыпается, — обычно бывает разрыв в пару минут, пока я не уловлю это изменение благодаря моей собственной психической восприимчивости

и не настрою шлем передатчика, — мне приходится изрядно побороться. Я чувствую настоящее... сопротивление... пока мне не удается привести поток его сознания в полное соответствие с моим. Даже сон оказывается для Джо достаточно индивидуальным опытом, чтобы...

Энглси остановился на полуслове.

— Понимаю, — задумчиво пробормотал Корнелиус. — Картина достаточно ясная. Право же, удивительно, что вам удается такой полный контакт с существом, обладающим настолько чуждым метаболизмом.

— Не знаю, надолго ли, — отозвался пси-оператор с сарказмом. — Если только вы не устраните причины, из-за которой сгорают эти проклятые лампы. Мой запас тоже имеет предел.

— У меня есть рабочая гипотеза, — сказал Корнелиус. — Но о передачах с помощью пси-лучей так мало известно. Бесконечна ли их скорость или просто очень велика? Действительно ли мощность луча не зависит от расстояния? Как может повлиять на передачу... ну, скажем, необычность условий на Юпитере? Господи, планета, где вода — тяжелый минерал, а водород — металл! Что мы о ней знаем?

— Вот нам и предстоит разобраться, — отрезал Энглси. — Весь проект и задуман для этого. Ради знания. Черт!

Он чуть не плюнул на пол.

— Я вижу, даже то немногое, что нам удалось узнать, не доходит до людей. Там, где живет Джо, водород все-таки газ. Ему бы пришлось прорыть несколько миль вглубь, чтобы дойти до слоя твердого водорода. И от меня еще ждут, чтобы я провел научное исследование условий Юпитера!

Корнелиус не мешал Энглси бушевать, обдумывая возможные причины возмущения в К-трубке.

— Там, на Земле, они ничего не понимают. Иногда мне кажется, что они нарочно не хотят понимать. Ведь у Джо нет ничего, кроме голых рук. Он... я... мы начали без всяких знаний, кроме разве предположения, что он сможет питаться местной фауной. Ему

приходится тратить почти все время на поиски пищи. Это чудо, что он сумел сделать так много за эти несколько недель — построил укрытие, познакомился с округой, занялся простейшей металлургией... или «водолургией», называйте как хотите. Чего еще они от меня хотят, в самом-то деле?

— Да... — начал было Корнелиус. — Я...

Энглси поднял свое бледное худое лицо. Что-то промелькнуло в его глазах.

«Что?..» — хотел было спросить Корнелиус.

— Заткнитесь!

Энглси развернул кресло, нашупал шлем и натянул его на голову.

— Джо просыпается... Уходите!

— Но если вы даете мне работать, только когда он спит, как же я смогу...

Энглси зарычал и швырнул в него гаечным ключом. Даже для условий невесомости бросок был слабым. Корнелиус попятился к двери. Энглси настраивал передатчик. Вдруг он вздрогнул.

— *Корнелиус!*

— В чем дело?

Псионик бросился к нему, но перестарался и с трудом затормозил свое тело, навалившись на щит.

— Снова эта проклятая лампа...

Энглси сорвал шлем. Наверное, это страшная боль, когда в твоем мозгу бесконтрольно возникает, нарастая лавиной, беззвучный душевный стон. Но он только сказал:

— Смените ее. Быстро. А потом уходите, оставьте меня. Джо не сам проснулся. В убежище кто-то прокрался... У меня беда там, на Юпитере!

*

Это был тяжелый день, и Джо спал крепко. Он так и не проснулся, пока чужие лапы не сомкнулись на его шее.

Какое-то мгновение единственное, что он ощущал, была душная волна безумного страха. Ему казалось, что он снова на Земной Станции. Вот он плавает в

невесомости на конце длинного фала, а перед его глазами тысячи ледяных звезд несутся в бешеном хороводе вокруг планеты. Вот огромная балка вырвалась из своего гнезда и летит на него, медленно, но со всей своей многотонной инерцией, крутясь и поблескивая в земном свете, а единственный звук — это его собственный крик в шлеме. Вот он тщетно пытается оторваться от фала, балка мягко толкает его и, не останавливаясь, летит дальше, увлекая его за собой. Вот его ударяет о стену станции, вдавливает в нее. Изуродованный скафандр вспенивается, пытаясь залатать свои пробоины. Он наполняется кровью, смешанной с пеной, его кровью...

Джо закричал. Судорожным движением он оторвал от своего горла и швырнул извивающееся черное тело через всю комнату. Оно гулко ударилось о стену. Лампа упала на пол и погасла.

Джо стоял в темноте, тяжело дыша, смутно сознавая, что, пока он спал, пронзительное завывание ветра за стеной утихло и превратилось в низкое ворчание. Существо, которое он сбросил с себя, приглушенно стонало от боли и ползало вдоль стены. В полной темноте Джо попытался нащупать свою дубинку.

Снова раздалось царапанье когтей! Туннель! Они лезут через туннель! Ничего не видя, Джо двинулся им навстречу. Его сердце лихорадочно стучало. В нос бил чужой смрадный запах. Схватив нового врага, Джо почувствовал, что тот раза в два меньше его. Зато у него были шесть ног со страшными когтями и пара трехпалых рук, которые потянулись к его глазам. Джо выругался, поднял корчащееся тело и грохнул его об пол. Раздался стон и хруст костей.

— Ну давайте!

Джо изогнул спину и зашипел на своих врагов.

Они лезли через туннель в комнату. Пока Джо боролся с одним, который, извиваясь, впился всеми когтями в его затылок, целая дюжина этих тварей наполнила тесное помещение. Они цеплялись за ноги, стараясь вскарабкаться к нему на спину. Джо бил их лапами, хвостом. Он упал, и сразу же целая куча

навалилась на него. Потом он снова встал, подняв на себе всю эту чудовищную груду.

Стена убежища не выдержала напора, вздрогнула, балка подалась, и крыша обвалилась.

Энглси оказался в яме, среди разбитых ледяных плит, под тусклым светом заходящего Ганимеда.

Теперь Джо мог разглядеть своих врагов. Они были черного цвета. Их головы были достаточно велики, чтобы вместить мозг, конечно, меньше человеческого, но, пожалуй, побольше обезьяньего. Их тут была целая стая. Они выбирались из-под обломков и снова с угрожающим видом бросались на него.

Но почему?

Обезьянья реакция, подумал Энглси. Видит чужого — боится чужого — ненавидит чужого — старается убить чужого.

Его грудь вздымалась, с шумом качая воздух сквозь больное горло. Джо схватил балку, переломил ее пополам и начал вращать твердой, как железо, палицей. Ближайшему от него врагу он снес череп, второму — перебил хребет. Третьего он ударил так, что тот с переломанными ребрами отлетел к четвертому, и они оба рухнули. Джо захохотал. Это становилось забавным.

— Прочь с дороги! Тигр идет! — заорал он и бросился по ледяной равнине, преследуя стаю.

Подвывая, враги кинулись врассыпную. Он гнал их до тех пор, пока последний не скрылся в лесу.

Тяжело дыша, Джо оглядел трупы. Его тело кровоточило и болело, а его убежище было разрушено. Но он им показал! Неожиданно ему страшно захотелось ударить себя в грудь и завыть. На мгновение он заколебался. А почему бы и нет? Энглси задрал голову к сумрачному диску Ганимеда и торжествующе залаял в честь своей победы.

Потом Джо принялся за работу. Прежде всего он разложил костер на груде ржавчины, бывшей когда-то остатками корабля. Где-то вдали, в темноте завывала стая. Они еще не оставили его в покое, они еще вернутся...

Джо оторвал кусок от одной из тушек и попробовал на вкус. Отлично! А если еще хорошенько приготовить... Они сделали непоправимую ошибку, обратив на себя его внимание! Он кончил свой завтрак, когда Ганимед уже опускался за ледяные горы на западе. Скоро настанет утро. Воздух был почти неподвижен. Стая плоских, как блины, птиц пронеслась над головой, отливая медью в первых лучах рассвета. Энглси окрестил их летающими сковородками.

Джо копался в обломках хижины, пока не отыскал своей плавильной установки. Она была цела. Теперь первым делом надо расплавить немного воды и залить ее в формы, которые он с таким трудом изготовил. Получится топор, нож, пила и молоток — все что надо! В условиях Юпитера метан можно было пить, как воду, а вода была прочным твердым минералом. Из нее выйдут прекрасные инструменты. А позже он испробует различные сплавы воды с другими веществами.

Но это потом. К черту убежище! Можно снова поспать немного под открытым небом. Главное — сделать лук, расставить ловушки, приготовиться к расправе над черными бестиями, когда они снова нагрянут. Неподалеку есть расщелина, уходящая глубоко в почву, к самой зоне вечного холода, где водород — металл. Это настоящий природный холодильник. Здесь можно запасти мяса на несколько недель. Это обеспечит ему досуг — и еще какой! Джо радостно засмеялся и прилег полюбоваться восходом.

В который уже раз он поразился, до чего хорош этот мир. Какое это наслаждение смотреть, как небольшой ослепительный шар солнца выплывает из лиловых, с розовыми и золотистыми прожилками волн тумана на востоке! Как свет постепенно усиливается, пока весь гигантский купол неба не превратится в сплошное ликующее сияние! До чего прекрасна привольная щедрая равнина, пронизанная теплым и таким живым светом! А низкорослые леса, раскинувшиеся на миллионы квадратных миль, а слепящие озера, а похожие на перья диковинных птиц гейзеры,

а сверкающие, как голубая сталь, ледяные горы на западе?!

Энглси втянул свежий утренний ветер глубоко в легкие и засмеялся радостно, как счастливый ребенок.

*

— Сам я не биолог, — осторожно сказал Викен, — но, может быть, именно поэтому я сумею лучше обрисовать вам положение. Потом Лопец или Матсумото могут ответить на ваши вопросы во всех деталях.

— Отлично, — кивнул Корнелиус. — Попрошу вас исходить из того, что я абсолютно ничего не знаю об этом проекте. Строго говоря, это так и есть.

— Ну что ж! Как хотите, — засмеялся Викен.

Они стояли у входа в ксено-биологическое отделение. Вокруг не было ни души, так как часы показывали 17.30 по Гринвичу, а отделение работало в одну смену. Пока деятельность Энглси еще не начала приносить достаточно данных, вводить новые смены не имело смысла.

Физик наклонился и взял со стола пресс-папье.

— В шутку один из ребят вылепил, — сказал он. — Но здорово похоже на Джо. Только на самом деле в нем с ног до головы около пяти футов.

Корнелиус повертел в руках пластмассовую фигурку. Она изображала что-то вроде человека-кошки с толстым цепким хвостом. Этакий юпитерианский сфинкс. Торс мощный, страшно мускулистый, с длинными руками. Безволосая круглая голова с широким носом, большими, глубоко посаженными глазами и тяжелой челюстью. Лицо, впрочем, вполне человеческое. Общая окраска — синевато-серая.

— Насколько я понимаю, самец, — заметил он.

— Конечно. Может быть, вы не до конца понимаете? Джо настоящий юпитерианец, хотя и создан не природой, а человеком. Пока что это последняя модель, разработанная до мелочей. Результат пятидесятилетнего труда.

Викен искоса посмотрел на Корнелиуса.

— Так вам ясно, насколько важна ваша работа?

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал психоник. — Но если... ну, вдруг какие-нибудь неполадки с этой трубкой или еще что-нибудь лишит вас Джо до того, как я разрешу проблему этих электронных вибраций? У вас ведь есть другие Ю-сфинксы про запас?

— Конечно, есть, — печально ответил Викен. — Но затраты... Мы ведь не на свободном бюджете. Денег на нас идет масса. Каждый наш чих — на таком-то расстоянии от Земли! — влетает в копеечку. Но именно поэтому наши аварийные резервы не велики.

Викен сунул руки в карманы и тяжело ступил сквозь внутреннюю дверь в коридор, который вел к лабораториям. Он шел, потупив голову, продолжая говорить тихим торопливым голосом:

— Вы, видимо, не понимаете, что за кошмар этот Юпитер. Дело не в поверхностном притяжении — оно только в три раза превосходит земное. Возьмите хотя бы гравитационный потенциал. Он уже в десять раз больше, чем на Земле. А температура? А давление? Но самое главное — совершенно дикие атмосферные условия, бури и темнота. Звездолеты, посылаемые на Юпитер, имеют дистанционное управление. Чтобы внутреннее и внешнее давление постоянно уравнивались, корпус сконструирован свободно проницаемым, на манер сита. Это необходимо. Но в остальном это прочнейшая и самая мощная модель из когда-либо созданных. Она оснащена всеми приборами, всеми сервомеханизмами, всеми аварийными приспособлениями, какие только придумал человеческий мозг, чтобы обеспечить безопасность всей этой бездны точнейшего оборудования стоимостью в миллионы долларов. А что получается? — продолжал Викен. — Половина кораблей вообще не достигает поверхности. Бури подхватывают их и швыряют прочь, или же они врезаются в плавающие глыбы седьмого ледяного пояса, или что-то подобное стае чудовищных птиц налетает и сжигает их! А для тех кораблей, которые все-таки сели, возврата нет. Мы и не пытаемся снова поднять

их в воздух. Даже если посадка обходится без поломок, они все равно обречены на гибель из-за мгновенной коррозии. При юпитерианском давлении водород выкидывает с металлами забавные штуки. Забросить туда Джо — одного Ю-сфинкса — стоит в итоге около пяти миллионов долларов. Каждый следующий, если повезет, обойдется еще в несколько миллионов.

Викен отворил дверь и первым шагнул в нее. За дверью оказался большой зал с низким потолком. В холодном свете мягко жужжали вентиляторы. Все это напоминало атомную лабораторию. Корнелиус не сразу понял, в чем же конкретно состоит сходство, пока не рассмотрел сложной аппаратуры дистанционного управления и наблюдения, не пощупал мощные стены.

— Такие стены приходится строить для защиты от давления, — сказал Викен, указывая на ряды переборок. — И от холода. И еще от водорода, хотя он не так страшен. За ними находятся камеры, где в точности воспроизведены условия атмосферы Юпитера. Здесь-то весь проект и начался.

— Я кое-что слышал об этом, — кивнул Корнелиус. — Вы не участвовали в ловле атмосферных спор?

— Я лично — нет, — ухмыльнулся Викен. — Это команда Тотти, лет пятьдесят назад. Доказали, что на Юпитере есть жизнь. Причем жизнь эта использует вместо воды жидкий метан, а как исходный материал для азотного синтеза — твердый аммиак. При помощи солнечной энергии растения вырабатывают неокисленные углеродные соединения, в результате чего выделяется свободный водород. Животные поедают растения и переводят эти соединения снова в окисленную форму. Там есть даже процесс, соответствующий земному горению. В реакциях участвуют сложные ферменты... Но все это не по моей части.

— Значит, биохимия Юпитера неплохо исследована?

— О да! Уже во времена Тотти умели синтезировать земные бактерии, знали большинство генетических кодов. Единственной причиной, почему так долго не удавалось научно познать процесс жизни на

Юпитере, были технические трудности, давление и тому подобное.

— Когда же, наконец, удалось взглянуть на поверхность Юпитера?

— Лет тридцать назад. Это сделал Трэй. Он сумел посадить на Юпитер корабль с телевизионной установкой, которая продержалась достаточно долго, чтобы передать ему целую серию снимков. С тех пор техника далеко шагнула вперед. Нам известно, например, что Юпитер буквально кишит загадочными формами жизни, и она там, может быть, даже обильней, чем на Земле. Взяв за образцы атмосферные микроорганизмы, наша команда провела пробный синтез метазона и... — Викен вздохнул. — Черт, если бы только там была собственная разумная жизнь! Подумайте, Корнелиус, сколько бы они могли порассказать, сколько данных... Эх! Вспомните только, как далеко мы шагнули после Лавуазье в вопросах земной химии низких давлений. А ведь там по меньшей мере такие же богатые возможности изучить химию и физику высоких давлений!

— А вы уверены, что там нет юпитерианцев? — после небольшой паузы хитровато спросил Корнелиус.

— Там их могут быть миллиарды! — Викен пожал плечами. — Города, империи, все что хотите. Площадь Юпитера в сотни раз больше земной, а мы видели только с дюжину небольших районов. Но мы знаем, что там нет существ, которые бы использовали радио. Вряд ли они додумаются до него сами. Представляете, какую толщину должны иметь на Юпитере радиолампы, какие нужны насосы?.. Так что мы в конце концов решили создать своего юпитерианца.

Викен провел Корнелиуса через лабораторию в следующую комнату. Она была не так загромождена, выглядела более законченной. Творческий беспорядок экспериментатора уступил место уверенной точности инженера.

Викен подошел к одному из щитов, тянувшихся вдоль стен, и посмотрел на приборы.

— За ним лежит другой Ю-сфинкс, — сказал он, — на этот раз самка. Она находится под давле-

нием в двести атмосфер при температуре сто девяносто четыре градуса ниже нуля. Здесь применена установка — я был назвал ее «маточная установка», — позволяющая хранить модели существ живыми. В этом... ну... эмбриональном состоянии наша самка развилась до степени взрослой особи. Мы создали нашего юпитерианца по подобию земных млекопитающих. Она никогда не имела сознания и не будет иметь, пока не окажется, так сказать, «рождена». У нас здесь запасено двадцать самцов и шестьдесят самок. Можно рассчитывать, что половина из них достигнет поверхности. Если понадобится, сделаем и больше.

Не так сами Ю-сфинксы дороги, — продолжал он, — как их доставка. Поэтому Джо будет оставаться один, пока мы не убедимся, что его вид жизнеспособен.

— Насколько я понял, вы сначала экспериментировали с низшими формами жизни? — сказал Корнелиус.

— Конечно. Несмотря на применение мощных катализаторов, понадобилось двадцать лет, чтобы совершить путь от искусственных космических спор до Джо. Мы отрабатывали пси-лучевую технику управления на всех формах жизни. Межвидовое управление вполне удается, если нервная система искусственной модели животного специально приспособлена для этого и не имела случая создать собственной системы реакций, отличной от импульсов пси-оператора.

— И Джо — первый вид, с которым начались затруднения?

— Да.

— Придется зачеркнуть одну гипотезу.

Корнелиус присел на рабочий стол, болтая толстыми ногами и поглаживая ладонью свои жидкие, песочного цвета волосы.

— Я думал раньше, что это может быть связано с физическими условиями на Юпитере. Теперь же мне кажется, что причины надо искать в самом Джо.

— Сначала мы тоже подозревали что-то вроде этого, — сказал Викен. Он зажег сигарету, затянулся, так что его худые щеки глубоко запали, и мрачно посмотрел на Корнелиуса. — Однако трудно понять, как это могло получиться. Биоинженеры говорили мне, что Pseudocentaurus Sapiens сконструирован более тщательно, чем любой продукт естественной эволюции.

— Даже его мозг?

— Да. Он точно скопирован с человеческого, чтобы сделать возможным пси-лучевое управление. Однако введены и некоторые усовершенствования, например большая нервная устойчивость.

— Ну, тут есть еще и психологическая сторона, — сказал Корнелиус. — Несмотря на все наши усилители и прочие хитрые штуки, пси-лучевое управление до сих пор относится в первую очередь к области психологии. А может, дело и не в этом... Возьмите хотя бы травматические шоки. Наверное, взрослый юпитерианский зародыш пережил тяжелую посадку?

— Корабль — да, — сказал Викен, — но не сам Ю-сфинкс. Он спокойно плавал в жидкости вроде той, в которой все мы находились до момента рождения.

— И все-таки, — настаивал Корнелиус. — Ведь двести атмосфер, под которыми он хранился здесь, не могут абсолютно точно соответствовать давлению на Юпитере. Могла эта перемена подействовать пагубно?

Викен посмотрел на него с уважением.

— Вряд ли, — ответил он. — Я же вам говорил, что Ю-звездолеты сознательно сконструированы негерметичными. Внешнее давление передается на маточный механизм постепенно, через цепь фильтров. Вспомните, что посадка занимает несколько часов.

— Ну, а потом? — продолжал допытываться Корнелиус. — Корабль садится, маточный механизм открывается, «пуповина» отсоединяется, и Джо, так сказать, «рождается». Но ведь мозг у Джо взрослый! Он же не защищен, как полуразвитый детский мозг, от шока внезапно пробуждающегося сознания!

— Мы и об этом позаботились, — сказал Викен. — Энглси находился на пси-луче, заранее настроенном на Джо, с того момента, как корабль покинул спутник. Так что никакого неожиданного возникновения сознания не было. Джо с самого начала был только психологической копией Энглси. Он не мог пережить большего душевного потрясения, чем Эд. Ведь там, на Юпитере, по сути дела, Эд, а не Джо!

— Будь по-вашему, — упирался Корнелиус. — И все-таки не нацию же управляемых моделей вы хотите создать! Ведь нет?

— Боже избави, — сказал Викен. — Об этом и речи быть не может. Как только мы убедимся, что Джо хорошо освоился, мы затребуем с Земли еще парочку пси-операторов и отправим Джо подмогу в виде новых Ю-сфинксов. Следующее поколение возникнет, так сказать, естественным путем, ведь конечная наша цель — это маленькая юпитерианская цивилизация. Там будут охотники, горняки, ремесленники, земледельцы, домашние хозяйки, промышленные рабочие. Они будут содержать несколько привилегированных лиц вроде местного духовенства. Именно эта элита и будет находиться под нашим управлением, как Джо. Они будут заняты только изготовлением инструментов, воспитанием населения, научными экспериментами. Они-то и сообщат нам все, что мы захотим узнать.

Корнелиус кивнул. Насколько он понял, именно в этом и состояла суть проекта «Юпитер». Теперь он мог оценить важность своего собственного назначения. Но у него так и не было ключа к разгадке этих постоянных вибраций в К-трубке.

Пока он был бессилен.

*

Руки Энглси все еще кровоточили.

Господи, — со стоном подумал он в сотый раз, — *неужели это так на меня действует? Пока Джо там сражался, неужели я действительно мог,*

оставаясь здесь, в кровь разбить кулаки о металлический пульт?!

Его взгляд скользнул по комнате к столу, за которым работал Корнелиус. Он не любил этого толстого, сосущего сигары слюнтяя с его бесконечными разговорами. Он уже не заставлял себя быть вежливым с этим «земляным червем».

Псионик положил отвертку и потянулся, разминая усталые руки.

— Ух!.. Хочу немного передохнуть.

Наполовину собранный передатчик — легкое ажурное сооружение — выглядел не на месте рядом с его толстым пухлым телом. Да и сидел он на своей лавке как-то по-жабьи, неуклюже поджав ноги. Энглси тяжело переживал сам факт, что ему приходилось ежедневно с кем-то делить эту комнату, хотя бы на несколько часов. Последнее время он требовал, чтобы ему приносили еду прямо сюда. Он уже давно не выходил за порог пункта управления. *Да и зачем, собственно?*

— Что вы с ним возитесь столько времени? — проворчал Энглси.

Корнелиус покраснел.

— Если бы у вас был готовый запасной агрегат вместо этих частей... — начал он. Пожав плечами, он вынул окурок сигары и тщательно прикурил: запас надо было растянуть надолго.

Энглси размышлял, не назло ли ему Корнелиус выпускает изо рта эти вонючие клубы дыма. *Вы мне не нравитесь, господин землянин, и это, безусловно, взаимно.*

— Пока не прибудут другие пси-операторы, в новом передатчике нет особой надобности, — сказал Энглси угрюмо. — А мой, судя по контрольным приборам, в полном порядке.

— И тем не менее, — сказал Корнелиус, — через определенные промежутки времени в нем возникает дикое возмущение, которое сжигает К-трубку. Вопрос в том, почему? Как только новый передатчик будет готов, вы его испробуете. Хотя, откровенно говоря, я вообще не думаю, что тут дело в электронике... или

даже в каких-то неожиданных причинах физического порядка.

— В чем же тогда? — по мере того как разговор приобретал чисто технический характер, Энглси чувствовал себя все свободнее.

— Ну посудите сами. Что такое К-трубка? Это сердце передатчика. Она усиливает природные психические импульсы, преобразует их в модуляцию волны-носителя и выстреливает пучок пси-лучей туда, к Джо. Она также улавливает ответные импульсы Джо и усиливает их для вас. Все остальное только служебное дополнение.

— Обойдусь без ваших лекций, — проворчал Энглси.

— Я повторяю очевидные вещи только потому, — сказал Корнелиус, — что порой самый простой ответ труднее всего найти. Может, это не К-трубка шалит. Может, все дело в вас.

— Что?! — побелевшее лицо калеки уставилось на него.

— Я не имею в виду ничего обидного, — торопливо проговорил Корнелиус. — Но вы же знаете, что за подлая бестия наше подсознание. Предположите в качестве рабочей гипотезы, что в глубине души вы не хотите быть на Юпитере. Насколько я представляю, обстановка там жуткая. Что, если сюда примешивается какой-нибудь затаенный страх? Может быть, например, ваше подсознание не в состоянии понять, что смерть Джо не означала бы вашей собственной смерти?

— Вы можете объяснить подробнее?

— Только в общих чертах, — ответил Корнелиус. — Ваше сознание посылает двигательный импульс по пси-лучу к Джо. Одновременно ваше подсознание, в котором гнездится страх, подает свои собственные тревожные импульсы — сосудистые, сердечные, всякие. Они действуют на Джо, а его напряженность передается назад по лучу. В свою очередь, вы воспринимаете симптомы страха Джо, и тревога в вашем подсознании растет, снова усиливая эти симптомы. Понятно? Точь-в-точь как обыкновенная

неврастения, с одним только исключением: из-за участия мощного усилителя — К-трубки обратная связь может бесконтрольно нагнетать вибрацию за считанные секунды. Скажите еще спасибо, что сгорает лампа, а то бы это могло случиться с вашим мозгом!

Мгновение Энглси оставался спокойным. Потом он засмеялся. Это был грубый, варварский смех, больно ударивший Корнелиуса по барабанным перепонкам.

— Хорошенькая мысль, — сказал пси-оператор. — Боюсь только, что не все концы сходятся. Дело в том, что мне там нравится. *Мне нравится быть Джо.*

Он помедлил, а потом продолжал безразличным тоном:

— Не судите об обстановке по моим записям. Это просто идиотские цифры вроде скорости ветра, перепадов температур, свойств минералов. Все это чепуха. Разве можно по ним понять, как выглядит Юпитер в инфракрасном зрении Джо?

— Я думаю, совсем не так, как мы себе представляем, — отважился ответить Корнелиус после минуты неловкого молчания.

— И да и нет. Это трудно выразить словами. Некоторые вещи я просто не в состоянии передать, так как человеческий язык не имеет соответствующих обозначений. Но... Нет, не могу. Сам Шекспир не сумел бы. Запомните только, что холод, мрак, бури Юпитера, столь пагубные для нас, — это именно то, что нужно Джо.

Энглси перешел почти на шепот, словно говорил сам с собой:

— Представьте себе, что над вами сияющее фиолетовое небо, полное огромных блистающих облаков, тени которых несутся по планете вместе с благодатными потоками дождя. Или горы словно из отполированного металла, верхушки которых взрываются по ночам алым фейерверком в адском хохоте грома, раскатывающегося по всей долине. Представьте, что вы сидите на берегу прозрачного чистого ручья, окруженного низкорослыми деревьями, а их кроны буквально усыпаны благоухающими цветами, словно вы-

кованными из темной меди. Или водопад — хотите, называйте его «метанопадом», — низвергающийся с огромной скалы. Свежий ветер ворошит его пенистую гриву, в которой запуталась радуга... А темные, полные незнакомой жизни юпитерианские леса... Когда продираешься через их чащу, вокруг тебя то тут, то там пульсируют во мраке красноватые блуждающие огни — жизненная радиация мелких проворных животных, населяющих лес. А...

Голос Энглси превратился в невнятное бормотание и, наконец, совсем умолк. Он уткнул голову в сжатые кулаки. Когда он, наконец, поднял ее, из-под плотно сжатых век текли слезы.

— Представьте себе, что вы *здоровый и сильный*!

Вдруг Энглси вздрогнул, нахлобучил шлем на голову и начал судорожно крутить рукоятки передатчика. Далеко в юпитерианской ночи Джо еще спал. Но он вот-вот проснется и, задрав голову к четырем огромным лунам, весело зарычит так, чтобы весь лес замер в почтительном страхе...

Корнелиус неслышно выскользнул за дверь.

*

В отливающем медью свете юпитерианского заката под темными грядами облаков, в которых созревала новая буря, Джо бодро шагал по склону холма с чувством человека, хорошо прожившего трудовой день. За его спиной болтались две большие плетеные корзинки. Одна из них была нагружена черными колючими плодами местной разновидности терновника, другая — полна мотками толстых, как канаты, лиан, которые должны были заменить ему веревку. Лучи заходящего солнца тускло блестели на лезвии топора, который он нес на плече.

Работа не была трудной, но где-то в глубине его сознания залегла усталость, и Джо не хотелось думать о том, что надо еще приготовить пищу, прибраться и выполнить ряд других нудных хозяйственных дел. Почему они не торопятся прислать ему помощников?

С обидой, смешанной с надеждой, Джо посмотрел в грозовое небо. Станции Ю-5 не было видно. Отсюда, со дна воздушного океана, можно было увидеть только Солнце да четыре гигантских спутника Галилея. Он даже точно не знал, где сейчас находится Ю-5.

Минутку... здесь сейчас закат, а если я выйду на площадку обозрения, то увижу Юпитер в последней четверти или... Черт, мы ведь затрачиваем всего половину земного дня, чтобы совершить оборот вокруг планеты...

Джо затряс головой. Хотя прошло столько времени, ему все еще иногда бывает чертовски трудно сосредоточиться.

Это я главный! Я, летящий высоко в небесах между холодными звездами на Ю-5. Помни об этом! Открой глаза, если можешь, и ты увидишь призрачный пост управления, словно наложенный на реальный склон холма перед тобой.

Джо попробовал — и не сумел. Вместо поста управления он увидел серые валуны, разбросанные ветром по мшистому склону. Они не были похожи на земные глыбы, так же как почва под его ногами не имела ничего общего с сочным земным черноземом.

Какое-то мгновение Энглси размышлял над происхождением кремней, алюминатов и других горных пород Юпитера. Теоретически на этой высоте не должны были встречаться минералы. Им следовало бы быть замурованными в недрах планеты, на недоступной глубине, где давление способно вызвать деформации электронных оболочек атомов. Над твердым ядром должен был располагаться слой аморфного льда толщиной в несколько сот миль, а над ним — оболочка из металлического водорода. Но ничего подобного не было.

Может быть, Юпитер и на самом деле возник в соответствии с этой теорией, но затем ненасытная глотка его притяжения засосала достаточно космической пыли, метеоритов, газов и паров, чтобы создать корку в несколько миль толщиной. А скорее всего, сама теория была неверна. Что они знали, что они *могли* знать, эти мягкие бледные земляные черви?

Энглси сунул свои — Джо — пальцы в рот и свистнул. В кустах раздался лай, и три «полуночных гостя» (этот визит их собратьев когда-то чуть не кончился гибелью Джо) сломя голову бросились к нему. Он улыбнулся и погладил их по головам. Приручение «щенков» этих черных тварей, которых он подобрал на охоте, шло значительно быстрее, чем он ожидал. Они станут его сторожами, пастухами, слугами.

На вершине холма Джо решил построить себе дом. Он отмерил акр площади и воздвиг вокруг него частокол. На отгороженной площадке уже стоял шалаш, где он спал сам и хранил свои запасы. Тут же журчал метановый ключ. В центре угадывался фундамент будущего дома, большого и удобного.

Но работы слишком много для одного. Несмотря на помощь полуразумных черных тварей и холодильника, где держат мясо, большая часть времени попрежнему будет уходить на охоту. К тому же запасы дичи в округе не безграничны. Примерно через год — юпитерианский, в котором двадцать земных, подумал Энглси — ему придется заняться земледелием. А ведь еще надо закончить дом, установить на реке водяное — черт, метановое — колесо, чтобы приводить в движение десяток машин, которые он задумал. И со сплавами льда он хотел поэкспериментировать...

Ладно, оставим вопрос о помощниках. Но почему он вообще должен жить здесь один, без жены, без друзей, единственным разумным существом на всю планету? Это просто несправедливо!

Но я не один. Со мной на спутнике пятьдесят человек. Я могу поговорить с любым из них, если захочу. С тем же Корнелиусом. Плохо то, что последнее время мне этого редко хочется. Мне куда больше нравится быть Джо.

И все же... Я калека, переживаю усталость, гнев, боль, отчаяние этой великолепной биологической машины. Этого никто не желает понимать. Когда аммиачная буря ранит Джо, ведь это у меня идет кровь.

Джо со стоном опустился на землю. Блеснув клыками, черные твари бросились к нему, пытаясь лизнуть в лицо. В животе урчало от голода. Он слишком устал, чтобы встать и приготовить себе поесть. Вот когда он натаскает собак... Но насколько приятнее было бы обучать другого Ю-сфинкса.

В сгущавшейся тьме своего усталого сознания Джо до боли ясно увидел, как это будет. Там, внизу, в долине, — огонь и гром посадки. Стальное яйцо раскроется, металлические руки, уже рассыпающиеся в пыль, — ничтожное творение бледных червей — вынут тело и бережно положат на землю. Она начнет двигаться, впервые наполнит свои легкие воздухом, посмотрит вокруг мутными, бессмысленными глазами. Джо подойдет к ней, возьмет на руки и отнесет в дом. Он будет кормить ее и заботиться о ней, научит ходить... Это не займет много времени: взрослое тело быстро усваивает такие вещи. Через несколько недель она даже заговорит, в ней появится личность, душа.

Жалкий план людей — сплошное издевательство. Они заставят его ждать еще два земных года, а потом подсунут ему новую управляемую куклу вроде него самого, из глаз которой, по праву принадлежащих юпитерианцу, будет смотреть презренный человеческий разум. С этим нельзя мириться!

Если бы только он не так устал...

Джо вздрогнул и сел. Сон покидал его по мере того, как сознание возвращалось. О *его* усталости не стоило и говорить. Это Энглси сдал. Ведь он уже целый месяц спит урывками, к тому же в последнее время его отдых нарушен присутствием этого Корнелиуса. Устало земное человеческое тело. Оно-то и посылает мягкие обволакивающие волны сна по псилучу к Джо!

Энглси проснулся и выругался. Здесь, под колпаком шлема, четкая реальность Юпитера в его сознании поблекла, словно окуталась дымкой. Стальная тюрьма, служившая ему лабораторией, придвинулась и заслонила ее. Он терял контакт с Джо... Быстрыми, точными движениями Энглси снова настроился на

биотоки другого мозга. Он внушал Джо сонливость, как иногда человек наводит сон на самого себя!

И, как у всякого раба бессонницы, у него ничего не вышло. Тело Джо слишком хотело есть. Оно встало и двинулось к тому месту, где была спрятана пища.

К-трубка мелко задрожала и взорвалась.

*

В ночь перед отправкой кораблей Корнелиус и Викен засиделись.

Строго говоря, это трудно было назвать ночью. За двенадцать часов миниатюрная луна полностью обогнула Юпитер, проделав путь от темноты до темноты. Весьма возможно, что теперь над ее утесами вовсю светило маленькое бледное солнце, в то время как в Гринвиче наступил «час ведьм».

Викен покачал головой.

— Не нравится мне это, — сказал он. — Слишком внезапное изменение планов. Слишком велика игра.

— Чем вы рискуете? Всего тремя самцами и дюжиной самок, — ответил Корнелиус.

— И пятнадцатью Ю-звездолетами. Всеми, что у нас есть. Если идея Энглси себя не оправдает, то пройдут месяцы, может быть, больше года, пока мы не построим новые корабли и не возобновим воздушное наблюдение.

— Но если она себя оправдает, — сказал Корнелиус, — то корабли понадобятся вам только для того, чтобы доставлять новых Ю-сфинксов. Вы будете слишком заняты обработкой данных, получаемых с самого Юпитера, чтобы заниматься пустяковыми исследованиями в атмосфере.

— Конечно. Просто мы не ждали этого так быстро. Мы хотели сначала завезти сюда еще пси-операторов для управления новыми Ю-сфинксами.

— Но они не нужны, — сказал Корнелиус. Он закурил сигару и глубоко затянулся, подыскивая слова, чтобы выразить свои мысли. — Во всяком случае, некоторое время. Джо достиг такой стадии, когда при соответствующей помощи он способен пе-

рескочить через несколько тысяч лет человеческой эволюции. Не за горами время, когда он сможет наладить что-нибудь вроде радиосвязи, которая сделает ваше пси-лучевое управление вовсе ненужным. Просто глупо заставлять высококвалифицированного пси-оператора делать черную работу, которую прекрасно могут выполнить другие Ю-сфинксы под командой Джо. Когда юпитерианская колония окончательно оформится, тогда, конечно, можно послать туда новых управляемых Ю-сфинксов.

— Но вот вопрос, — настаивал Викен, — сумеет ли Энглси один обучить всех? Ведь много дней они будут беспомощны, как дети. Пройдут недели, пока они действительно начнут соображать и действовать. Сможет ли Джо позаботиться о них до тех пор?

— Он запасся пищей и топливом на месяцы вперед, — ответил Корнелиус. — Что же касается способностей Джо, то тут нам придется положиться на оценку Энглси.

— Но когда эти Ю-сфинксы оформятся как личности, — проговорил Викен озабоченно, — разве они обязательно будут слушаться Джо? Не забудьте, наши юпитерианцы делаются не под копирку. Принцип неопределенности обеспечивает каждому уникальную генетическую структуру. Если на всем Юпитере окажется только один человеческий разум среди всех этих враждебных...

— Вы сказали *человеческий?!*

Вопрос прозвучал еле слышно. Но Викен и сам разинул рот от удивления, поняв, что именно он сказал. Тогда Корнелиус быстро заговорил:

— О, я уверен, что Джо по-прежнему сможет господствовать над ними. Он представляет собой достаточно яркую индивидуальность.

Викен поглядел ошеломленно.

— Вы действительно так думаете?

Псионик кивнул.

— Да. За последние недели я узнал о нем больше, чем кто-либо другой. Моя профессия, естественно, заставляет меня больше внимания обращать на психологию человека, чем на его тело и лицо. Вы видите

только угрюмого калеку. Я же вижу разум, который сумел противопоставить своей физической неполноценности такую адскую энергию, такую нечеловеческую способность концентрации, что она меня почти пугает. Дайте этому разуму здоровое тело — и для него не будет ничего невозможного.

— Может быть, тут вы правы, — пробормотал Викен после минуты размышления. — Но это уже неважно. Решение принято. Завтра ракеты приземлятся на Юпитере. Я надеюсь, все будет хорошо.

Он снова помедлил. В его маленькой комнате жужжание вентиляторов казалось нестерпимо громким, а краски висящего на стене женского портрета — до боли яркими. Потом Викен снова заговорил:

— Последнее время вы довольно неразговорчивы, Ян. Когда вы рассчитываете закончить свой собственный передатчик и приступить к опытам?

Корнелиус огляделся. Дверь в пустой коридор была распахнута. Он потянулся и прикрыл ее, прежде чем ответить с легкой усмешкой:

— Вот уже несколько дней, как он готов. Только, пожалуйста, никому не говорите.

— Как же так?

Викен вздрогнул. В условиях почти полной невесомости это движение едва не выбросило его из кресла на стол, стоявший между ними.

— Последнее время я просто бессмысленно, для отвода глаз позвякивал инструментами, — сказал Корнелиус. — Я жду минуты, когда буду уверен, что все внимание Энглси направлено на Джо. Завтрашняя операция — как раз то, что мне нужно.

— *Но зачем?*

— Видите ли, я уверен, что неполадки в передатчике не физического, а психологического свойства. Мне кажется, по каким-то причинам, запрятанным в его подсознании, Энглси не хочет находиться на Юпитере. Конфликт такого рода вполне может вызывать вибрацию в цепи пси-усилителя.

— Гм, — Викен потер подбородок. — Может быть. За последнее время Эд меняется все больше и больше. Когда он только прибыл, он уже был достаточно

вспыльчив, но хоть соглашался иной раз перекинуться в покер. Теперь же он настолько забился в свой панцирь, что его совсем не видно. Я как-то не думал об этом раньше... но теперь... Нет, ей-богу, это именно Юпитер так повлиял на него.

— Да... — протянул Корнелиус. Он не хотел вдаваться в подробности: например, он сознательно обошел тот абсолютно нетипичный эпизод, когда Энглси попытался описать ему, что значит быть юпитерианцем.

— Правда, — сказал Викен задумчиво, — на других пси-операторов это не очень-то действовало. Да и на Эда, пока он управлял искусственными организмами более низкого типа. Он изменился только с тех пор, как на Юпитер был высажен Джо.

— Да, да, — поспешно согласился Корнелиус, — знаю. Но хватит беспочвенной болтовни...

— Нет, подождите, — проговорил Викен тихим торопливым голосом, не глядя на Корнелиуса. — Впервые я начинаю что-то понимать... Никогда раньше не пытался этого анализировать, просто констатировал факт, что не все идет гладко. С Джо действительно связаны странные вещи. Вряд ли это может быть следствием его физического склада или обстановки, ведь при работе с низшими формами никаких затруднений не было. Может быть, дело в том, что Джо является первой в истории управляемой моделью с потенциально *человеческим разумом?*

— Мы строим догадки на пустом месте, — сказал Корнелиус. — Возможно, завтра я смогу вам все объяснить. Сейчас я ничего не знаю.

Викен выпрямился. Его взгляд буквально впился в Корнелиуса.

— Минуточку, — сказал он.

— Ну? — Корнелиус беспокойно заворочался, приподнявшись в кресле. — Побыстрее, пожалуйста. Мне уже давно пора спать.

— Вы знаете значительно больше, чем рассказали мне, — сказал Викен с горечью. — Ведь так?

— С чего вы это взяли?

— Вас нельзя назвать талантливым лгуном. И потом вы так настойчиво выступали за план Энглси,

за эту посылку новых Ю-сфинксов. Настойчивее, чем пристало новичку.

— Я же вам сказал. Я хочу, чтобы его внимание было сосредоточено, когда я...

— Будто это вам так уж нужно? — выпалил Викен.

Корнелиус с минуту молчал. Потом он вздохнул и откинулся в кресле.

— Ну ладно, — сказал он устало. — Мне придется положиться на вашу скромность. Поймите, я совершенно не представляю, как вы, старожилы станции, воспримете это. Поэтому я не хотел болтать о своих умозаключениях, которые могут еще оказаться неверными. Если бы я имел подтвержденные факты, я бы рассказал о них. Но мне не хочется нападать на сложившееся убеждение, опираясь только на голую теорию.

Викен усмехнулся.

— Что вы, черт подери, имеете в виду?

Корнелиус яростно запыхтел своей сигарой. Огонек на ее конце то разгорался ярко, то почти потухал, словно таинственная алая звездочка.

— Ваш Ю-5 не просто исследовательская станция, — сказал он мягко. — Это образ жизни, ведь так? Никто бы сюда не поехал, даже на один рейс, если бы работа была ему безразлична. Те же, кто остается на второй срок, должны были найти в своем труде что-то такое, что Земля со всеми ее богатствами не в состоянии им предложить. Так?

— Так, — ответил Викен почти шепотом. — Я не думал, что вы настолько быстро поймете. Но что из этого?

— Я не хотел говорить вам, пока у меня не будет доказательств, но... может быть, все было зря. Возможно, вы впустую растратили свои силы и массу денег и вам не остается ничего другого, как сложить пожитки и отправиться домой.

Ни один мускул на худом длинном лице Викена не дрогнул. Казалось, оно застыло. Нарочито спокойным голосом он спросил:

— Почему?

— Вспомните Джо, — сказал Корнелиус. — Его мозг имеет те же способности, что у любого взрослого человека. Он регистрирует всю чувственную информацию, поступающую к нему со дня «рождения», регистрирует *у себя*, в своих собственных клетках, параллельно с тем, как она накапливается в «копилке памяти» Энглси здесь, на Ю-5. Мысль, знаете ли, тоже является чувственной информацией. И мысли невозможно разделить на маленькие аккуратненькие вагончики. Они образуют сплошное поле. Каждый раз, когда Энглси подключен к Джо, *все* его мысли проходят через синапсы Джо точно так же, как через его собственные, и каждая мысль порождает свои ассоциации, и все ассоциативные воспоминания регистрируются. Например, когда Джо строит хижину, стволы могут сложиться так, что они напомнят Энглси какую-нибудь геометрическую фигуру, что, в свою очередь, может вызвать в его памяти теорему Пифагора, а...

— Я понял, — сказал Викен озабоченно. — Пройдет время, и мозг Джо усвоит все, что накопил Эд.

— Верно. Дальше, нервная система с закодированным в ней опытом — в данном случае *нечеловеческая* нервная система — разве это не отличное определение понятия индивидуальности?

— Пожалуй, да... Господи! — Викен вскочил. — Вы хотите сказать, что Джо... берет верх?

— В известном смысле. Исподволь, автоматически, сам не сознавая этого.

Корнелиус глубоко вздохнул и бросился напролом:

— Ю-сфинкс — это почти совершенная форма жизни. Ваши биологи учли при ее конструировании все уроки, извлеченные из ошибок природы, когда она создавала нас. Сначала Джо был просто биологической машиной, управляемой на расстоянии. Затем — о, очень медленно — более здоровое тело... У его мыслей — больше веса... Понимаете? Джо становится доминирующей стороной. Например, в случае с этой посылкой новых Ю-сфинксов. Энглси только думает, что у него есть логические основания желать этого.

На самом деле его «основания» — это только продукт осмысливания инстинктивных желаний Джо.

Подсознательно Энглси должен смутно, рефлекторно подозревать ситуацию. Он должен чувствовать, что его человеческое «я» постепенно растворяется под напором парового катка инстинктов *Джо* и желаний *Джо*. Он пытается защитить свою собственную подлинность, но сминается превосходящей силой утверждающего себя подсознания Джо.

Жестокие слова, — закончил он извиняющимся тоном, — но я боюсь, что именно этим объясняются возмущения в К-трубке.

Медленно, словно старик, Викен кивнул.

— Да, понимаю, — проговорил он. — Враждебное окружение Юпитера... иная мозговая структура... Боже! Джо просто заглатывает Эда! Кукольник становится куклой.

Викен просто заболел от огорчения.

— Пока это только мои предположения, — сказал Корнелиус. Как-то сразу он тоже почувствовал неимоверную усталость. Ему было неприятно, что пришлось так поступить с Викеном, который ему нравился.

— Но вы понимаете дилемму? Если я прав, то любой пси-оператор превратится в юпитерианца — чудовище с двумя телами, из которых человеческое менее важно и служит простым дополнением. Это значит, что ни один пси-оператор не согласится управлять Ю-сфинксами. И тогда конец всему проекту.

Он встал.

— Мне жаль, Эрн. Вы заставили меня сказать, что я думаю, а теперь не сможете спать от тревоги. Право же, очень может статься, что я не прав и ваши тревоги окажутся напрасными.

— Чепуха, — пробормотал Викен. — К тому же, может быть, вы и ошибаетесь.

— Не знаю.

Корнелиус направился к двери.

— Попытаюсь завтра найти ответ. Спокойной ночи, Эрн!

*

Ослепительные вспышки ракет, одна за другой взмывавших из своих гнезд, давно растворились в пространстве. Теперь вся армада, включив вспомогательные реактивные двигатели, планировала на легких металлических крыльях сквозь кромешный ад юпитерианского солнца.

Открывая дверь пункта управления, Корнелиус бросил взгляд на переговорный пункт. Он был выключен. Когда Энглси работал в шлеме, он не допускал, чтобы хоть один посторонний звук мешал ему сосредоточиться. Вещавший на весь мир голос еле доносился откуда-то из-за стены:

— *Разбился один корабль... два корабля...*

Услужливый техник смонтировал над передатчиком Корнелиуса панель с пятнадцатью красными и пятнадцатью синими лампочками, чтобы он мог быть в курсе событий. Конечно, он сделал это скорее ради Эда, но тот сразу же решительно заявил, что и не взглянет на них.

Четыре красные лампочки не горели. Это означало, что четыре синие уже не подадут известия о благополучной посадке. Смерч, разряд молнии, парящий ледяной метеор, стая похожих на гигантских скатов птиц с телами, твердыми и плотными, как сталь, — сотни причин могли погубить эти четыре корабля, разбросав их обломки по жутким юпитерианским лесам.

Вот черт, уже четыре! А как же летевшие в них живые существа, каждое из которых обладает великолепным мозгом, не уступающим вашему собственному?! Подумать только, быть приговоренными к долгим годам кромешной тьмы, обрести сознание на какую-то непостижимую долю секунды — и все для того, чтобы тут же разбиться в кровавые клочья о ледяные уступы! Бессмысленная жестокость всего этого холодным комком подступила к горлу Корнелиуса. Правда, без этих жертв не обойтись, если мы хотим, чтобы на Юпитере появилась разумная жизнь. И уж лучше сделать это сразу, пожертвовав немногими, — подумал он, — но зато знать наверняка, что

следующее поколение разумных юпитерианцев будет обязано своим рождением любви, а не машинам!

Он прикрыл за собой дверь и, затаив дыхание, стал ждать. Энглси сидел, повернувшись лицом к противоположной стене так, что можно было различить только инвалидное кресло да еле выглядывающую из-за него верхушку шлема. Ни движения, ни хоть какого-нибудь признака жизни — ничего. Боже!

Будет страшно неудобно, более того — ужасно, если Энглси догадается об этом подслушивании. Впрочем, где ему заметить. Он оглох и ослеп от своей сосредоточенности.

Грузное тело психоника медленно двинулось к новому пси-передатчику. Корнелиусу совсем не нравилась роль соглядатая. Он бы ни за что не пошел на это, будь хоть малейшая надежда здесь, на месте, разобраться в том, что происходит. Но особой вины за собой он не чувствовал. Если его подозрения оправдаются, значит Энглси, сам того не ведая, оказался втянутым в нечеловеческую игру. Проследить за ним в этом случае — значит спасти.

Корнелиус осторожно включил приборы, и установка начала разогреваться. Осциллоскоп, встроенный в передатчик Энглси, сообщал ему точные данные об альфа-ритме мозга пси-оператора, служа своеобразными биологическими часами. Сначала надо было настроиться на их ход, а когда оба передатчика начнут работать точно в одной фазе, можно попробовать незаметно...

Разберись, в чем дело! Прочитай истерзанное подсознание Энглси и пойми, что там, на Юпитере, так притягивает и отпугивает его!

...пять кораблей разбились...

Ничего, уже скоро посадка. Может быть, в конечном счете только эти пять и погибнут, а остальные пробьются. Десять товарищей для... Джо?

Корнелиус тяжело вздохнул. Он посмотрел на калеку, слепого и глухого к внешнему миру, искалечившему его, и почувствовал жалость и злость. Во всем этом была какая-то несправедливость. Даже по отношению к самому Джо. Ведь он не был каким-то

чудовищем, поедающим человеческие души. Он сам еще не понял, что он действительно Джо, а Энглси превратился в жалкий придаток. Он не просил, чтобы его создавали, и лишить его теперь второго человеческого «я» — значило бы погубить. Так или иначе, когда человеческий разум переходит рамки «приличий», за это приходится расплачиваться всем, и дорогой ценой.

Корнелиус беззвучно выругался. Надо работать. Он сел и пристроил на голову шлем. Волна-носитель тихо пульсировала, вызывая еле слышное дрожание нейтронов в глубине его мозга. Это было непередаваемое ощущение.

Он потянулся к приборам и начал настраиваться на альфа-ритм мозга Энглси: импульсы его собственного мозга имели более низкую частоту. Сначала сигналы должны пройти через гетеродин... Так... Но почему же нет приема? Ах да, надо еще подобрать точную форму волны. Ведь тембр — такая же неотъемлемая часть мысли, как и музыка. Медленно, страшно осторожно Корнелиус поправил настройку.

Что-то промелькнуло в его сознании — видение облаков в лилово-красном небе, ощущение свежего ветра, мчавшегося в безграничном просторе, — и снова исчезло. Дрожащими руками он снова тронул рукоятку настройки...

Пси-луч между Энглси и Джо ширился, включая в себя сознание Корнелиуса. Он почувствовал, что видит Юпитер глазами Джо. Вот он стоит на холме и смотрит в небо над ледяными горами, ища жадным взором первую ракету. Но одновременно он оставался Корнелиусом, следящим за приборами, ищущим каких-то сигналов, символов — ключа к запертым в душе Энглси страхам.

И тут он почувствовал, что его самого охватывает нечеловеческий ужас.

*

Пси-лучевое слежение — это не просто пассивное подслушивание. Как любой радиоприемник является одновременно слабым передатчиком, так и восприни-

мающая нервная система сама посылает сигналы, откликаясь на источник пси-излучения. Конечно, при обычных условиях это излучение почти незаметно, но если ваши импульсы, в каком бы направлении они ни посылались, проходят через цепь мощных гетеродиновых и усилительных устройств с отрицательной обратной связью...

На заре психоники пси-лучевая терапия было зачахла. При тогдашней технике мысль одного человека, пройдя через усилитель и поступая в мозг другого, складывалась с собственным нервным циклом последнего по простым векторным законам. В результате оба чувствовали возникавшие новые частоты как какое-то кошмарное трепыхание своих собственных мыслей. Пси-оператор, владевший приемами самоконтроля, еще мог их игнорировать, но пациент не мог, и вместо излечения человек получал травму.

Однако позже основные тембры человеческого мозга были измерены, и опыты в области пси-лучевой терапии возобновились. Современный пси-передатчик анализирует входящий сигнал и переводит его данные на язык «слушателя». *Абсолютно* чуждые импульсы передающего мозга, которые невозможно перекодировать в соответствии с нейронной структурой принимающего мозга, задерживаются фильтрами.

Компенсированная таким образом чужая мысль может быть воспринята так же просто, как своя собственная. Когда пациент включен в пси-лучевую сеть, опытный пси-оператор способен подстроиться к ней без его ведома. При этом он может либо исследовать мысли пациента, либо внушать ему свои собственные.

План Корнелиуса, понятный любому специалисту-психонику, основывался именно на этом. Он хотел получить сигналы от ничего не подозревающего Энглси-Джо. Если его гипотеза правильна и личность пси-оператора действительно исковеркана до неузнаваемости под стать чудовищной индивидуальности Джо, его мышление окажется слишком чуждым человеческому, чтобы пройти через фильтры. В этом случае до Корнелиуса дойдут одни обрывочные импульсы или вовсе ничего. Если же гипотеза неверна,

и Энглси остается Энглси, то он воспримет только нормальный человеческий поток сознания и сможет перейти к исследованию других возможных причин нарушений в К-трубке.

...Страшный звон наполнил его мозг!

Что со мной?

На мгновение чуждое вмешательство, превратившее мысли в невнятное бормотание, потрясло его ужасно. Он судорожно глотнул свежего юпитерианского ветра. Чудовищные черные псы почуяли чужого и завыли.

Затем как-то сразу Джо понял все, и неудержимая волна гнева вытеснила из мозга страх и все остальные ощущения. Он наполнил легкие и заорал во все горло, так что громовое эхо прокатилось по горам:

— Вон из моего мозга!

Он почувствовал, как Корнелиус сжался и юркнул куда-то в подсознание. Мощь удара его собственной воли и разума оказалась слишком сильной. Джо засмеялся — это было больше похоже на рычание — и внутренне расслабился. Над ним сквозь громовые тучи мелькнул свет первой снижающейся ракеты.

Корнелиусу захотелось назад, к уютному свету пульта управления. Его руки бессознательно потянулись к приборам, чтобы отключить передатчик и убежать.

— Не спеши ты так! — мрачно скомандовал Джо, и мускулы Корнелиуса застыли от ужаса. — Я хочу понять, что происходит. Замри и дай мне разобраться!

Джо испустил импульс, который должен был означать раскаленный добела вопросительный знак. В ответ на этот безмолвный вопрос, помимо воли Корнелиуса, воспоминания ярко вспыхнули в его мозгу.

— Так! Вот в чем дело! Вы думали, я боюсь быть на Юпитере, в теле Джо, и хотели узнать, почему? Но я же вам говорил, что не боюсь!

— *Я должен был вам поверить*, — прошептал Корнелиус.

— Ну тогда выключайтесь вон из цепи! — заорал во всю глотку Джо. — И никогда больше не появ-

ляйтесь в пункте управления! Поняли? К-трубки или что бы там ни было — я не хочу вас видеть! Пусть я калека, но я разнесу вас в клочки! А теперь отваливайте! Оставьте меня в покое. Первый корабль вот-вот сядет.

— *Вы... калека? Вы... Джо Энглси?*

— Что?!

Огромное серое существо на холме подняло свою варварскую голову, как по зову трубы.

— Что вы имеете в виду?

Неужели вы не понимаете? — слабо шевелились мысли в мозгу Корнелиуса. — *Ведь вам известно, как работает пси-лучевой передатчик... Вы же знаете, что я мог исследовать разум Энглси в его мозгу, оставаясь незамеченным. А полностью нечеловеческий мозг я вообще не смог бы исследовать, зато и он бы не уловил моего присутствия. Фильтры не пропустили бы такой сигнал. Но вы почувствовали меня в первую же долю секунды... Это может означать только одно — человеческий разум в нечеловеческом мозгу... Вы больше не обрубок человека на Ю-5. Вы Джо, Джо Энглси!*

— Дьявол вас возьми, — сказал Джо, — вы правы!

Он отключил Энглси, одним жестоким, похожим на пинок импульсом выпихнул Корнелиуса из своего сознания и бросился вниз по холму встречать звездолет.

Корнелиус очнулся через несколько минут. Его череп раскалывался. Он нащупал основной рубильник, потянул его вниз, сорвал шлем с головы и со звоном бросил на пол. Но прошло немало времени, пока он собрался с силами, чтобы проделать то же с Энглси. Сам Эд уже ничем не мог себе помочь.

*

Они сидели в приемной станционного госпиталя и ждали. В резком свете помещение из металла и пластика казалось голым и холодным. В воздухе висел легкий запах антисептиков. Они находились в

самом сердце спутника, отделенные от поверхности многокилометровой толщей скалы.

В маленькой жутковатой комнате не было никого, кроме Викена и Корнелиуса. Остальной экипаж станции механически занимался своими повседневными делами, чтобы убить время, пока не станет известно, что произошло. За закрытыми дверями три биотехника, выполнявших также роль медперсонала, боролись с ангелом смерти за бесчувственный обрубок, бывший когда-то Эдвардом Энглси.

— Девять кораблей благополучно сели, — сказал Викен мрачно. — Два самца и семь самок. Достаточно, чтобы основать колонию.

— С генетической точки зрения неплохо бы иметь побольше, — отозвался Корнелиус.

Он говорил приглушенным голосом, хотя весь был переполнен радостью. Во всей истории было что-то внушавшее благоговение.

— Я все еще ничего не понимаю, — сказал Викен.

— О!.. Теперь все ясно. Я должен был догадаться раньше. Все факты были налицо, просто мы не сумели сделать из них простые, очевидные выводы. Прежде всего надо было перестать носиться с этой мыслью о чудовище, пожирающем людей.

— Да... — голос Викена был похож на скрип. — А роль чудовища сыграли мы сами, не правда ли? И вот Эд умирает...

— Смотря что называть смертью.

Корнелиус глубоко затянулся сигарой, пытаясь обрести внутреннюю устойчивость. Его голос был намеренно бесстрастным.

— Подумайте. Проанализируйте факты. Кем был Джо? Существом с мозгом, подобным человеческому, но без собственного разума. Этакая tabula rasa — девственно чистая страница, — на которой пси-луч Энглси мог писать, что хотел. Мы пришли к совершенно правильному заключению — правда, с большим опозданием, — что, когда на этой странице будет записано достаточно много, возникнет личность. Весь вопрос — чья? Вполне понятный челове-

ческий страх перед неизвестным внушил нам мысль, что в таком чуждом теле может возникнуть только личность чудовища, а не человека. Поэтому мы и решили, что она неизбежно должна оказаться враждебной Энглси, должна подавлять его...

Дверь открылась. Оба ученых вскочили, вопросительно глядя на хирурга. Тот только покачал головой.

— Все без толку. Типичный травматический шок, очень глубокий. Скоро все кончится. Если бы у нас было получше оборудование, тогда, может быть...

— Нет, — сказал Корнелиус, — Нельзя спасти человека, который сам решил умереть.

— Тут вы правы.

Доктор снял маску.

— Дайте мне кто-нибудь сигарету.

Когда он брал сигарету у Викена, его руки слегка дрожали.

— Но разве он мог что-то решать? — задохнулся физик. — Он же лежит без сознания с тех пор, как Ян вытащил его из этой... этой штуки.

— Это было решено куда раньше, — сказал Корнелиус. — Фактически эта развалина на операционном столе уже лишена разума. Я знаю, я сам был при этом.

Воспоминания были страшным мучением для Корнелиуса. Он чувствовал, что ему придется пройти курс внушения, чтобы освободиться от этих мыслей.

Доктор глубоко затянулся, подержал дым в легких и с силой выдохнул.

— По-моему, теперь всему проекту конец, — сказал он. — Нам в жизни не заманить сюда другого пси-оператора.

— Уж это точно, — с горечью сказал Викен. — Я сам разобью эту дьявольскую машину.

— Постойте! — вскрикнул Корнелиус. — Как же вы не поймете? Это никакой не конец. Это начало!

— Я лучше пойду, — сказал врач. Он затушил сигарету и скрылся за дверью операционной, беззвучно закрывшейся за ним. На Корнелиуса и Викена пахнуло дыханием смерти.

— Что вы имеете в виду? — холодно спросил Викен, как бы воздвигая этим вопросом незримый барьер между собою и Корнелиусом.

— Неужели вам не ясно? — почти закричал психоник. — Ведь Джо перенял у Энглси все — мысли, память, привычки, страхи, интересы. Конечно, чужое тело и иная обстановка вызывают некоторые изменения, но не большие, чем могли бы произойти с человеком и на Земле. Если бы вы, скажем, избавились от изнурительной болезни, разве бы это не придало вам больше решительности, может быть, даже грубости? В этом не было бы ничего ненормального, так же как в том, что человеку хочется быть здоровым, ведь так? Понимаете меня?

Викен сел. Некоторое время он молчал. Потом страшно медленно, неуверенно спросил:

— Вы имеете в виду, что Джо — это Эд?

— Или Эд — Джо. Как вам больше нравится. Сам себя он теперь зовет Джо. Для него это имя что-то вроде символа свободы, обновления, но остается он самим собой. Что вообще есть «я», если не непрерывность существования? Он сам этого не понимал до конца. Он знал только — и я должен был ему поверить, — что на Юпитере он силен и счастлив. Ведь что вызывало возмущения в этих К-трубках? Простой истерический симптом! Подсознательно Энглси не боялся оставаться на Юпитере — он боялся возвращаться! И вот сегодня я подслушал его мысли, — взволнованно продолжал Корнелиус. — К этому моменту все его существо было сосредоточено на Джо, на здоровом юпитерианском теле, а не на больном обрубке человека на Ю-5. Это определило иную систему импульсов — не настолько чуждую, чтобы они не проходили через фильтры, но достаточно своеобразную, чтобы тут же обнаружить вмешательство. Потому он сразу и заметил мое присутствие. И тут ему открылась истина, так же как и мне... Знаете, что я почувствовал в тот последний момент, когда Джо вышвыривал меня из своего сознания? Нет, не ярость, она уже прошла. Он был груб, но его пере-

полняло только одно чувство — радость. Я ведь *знал*, какой сильной личностью был Энглси! Как же я мог подумать, что мозг ребенка-переростка вроде Джо может пересилить его? А врачи-то! Стараются спасти безжизненный придаток, отброшенный за ненадобностью!

Корнелиус замолчал. Его горло совсем охрипло от этой тирады. Он прошелся по комнате, наполняя рот дымом, но не затягиваясь. Прошло несколько минут, и Викен задумчиво спросил:

— Ну хорошо. Вам лучше знать — как вы сказали, вы сами там были. Но что делать дальше? Как нам связаться с Эдом? Захочет ли он вступить с нами в контакт?

— Конечно, — сказал Корнелиус. — Не забывайте, что он остался самим собой. Теперь, когда на него не давит увечье, он должен стать более общительным. Подождите, вот пройдет новизна встречи с новыми друзьями, и ему обязательно захочется поговорить с кем-нибудь, как с равным.

— Ну, а кто же будет управлять новыми Ю-сфинксами? — спросил Викен с сарказмом. — Например, я вполне счастлив в этом своем теле из мяса и костей. Так что спасибо!

— А разве Энглси был единственным безнадежным калекой на земле? — спокойно спросил Корнелиус.

Викен разинул рот.

— К тому же найдется немало и стариков... — продолжал психоник задумчиво, словно рассуждая сам с собой. — В один прекрасный день, мой друг, мы оба почувствуем, что наши годы подходят к концу. А ведь так много еще захочется увидеть... И тогда — кто знает? — может быть, и мы с вами захотим прожить еще одну жизнь в юпитерианском теле — трудную, бурную, полную страстей жизнь... Конечно, она окажется опасной, неспокойной, суровой. Но зато это будет жизнь, какой ни один человек не жил, может быть, со времен Елизаветы Первой. Нет, новых юпитерианцев найти будет совсем нетрудно!

Он повернулся к доктору, снова появившемуся на пороге операционной.

— Ну? — выдавил из себя Викен.

Врач подошел к ним и устало опустился к кресло.

— Кончено, — сказал он.

Все смущенно молчали.

— Странно, — снова заговорил доктор. Он рассеянно хлопал себя по карманам в поисках сигареты, которой у него не было. Викен протянул ему пачку.

— Очень странно, — продолжал врач задумчиво. — Я не раз сталкивался с подобными случаями. Когда люди просто не хотели больше жить... Но я никогда не видел, чтобы такой человек умирал с улыбкой. До самого конца — с улыбкой.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ

— Будьте так добры, мистер, не могли бы вы угостить крекером моего дроматерия?

Не совсем те слова, которые ожидаешь услышать в момент, когда история меняет свой курс и вселенная никогда уже не будет такой, как прежде.

Жребий брошен... Сим победиши... А все-таки она вертится... Дайте мне точку опоры — и я переверну Землю...

Когда человек, наделенный воображением, вспоминает подобные исторические фразы, у него мурашки бегут по коже. Но слова, с которыми впервые обратилась к нам маленькая Миерна на одиноком острове, в тысяче световых лет от дома...

*

По всем статьям планета казалась подходящей. И все-таки с самого начала были симптомы, внушавшие опасения. Даже принимая во внимание, что голосовой аппарат туземцев очень близок к человеческому, мы никак не ожидали, что они заговорят на безукоризненном английском языке уже через пару недель. Причем абсолютно все. По-видимому, они могли бы научиться еще быстрее, учи мы их по продуманной системе. Следуя обычной практике, мы окрестили планету «Джорил», от местного слова «земля», но потом оказалось, что это значит не просто «земля», а «Земля» с большой буквы, а ее население разработало блестящую гелиоцентрическую астрономию. Хотя

они были слишком вежливы, чтобы докучать нам, туземцы не воспринимали нас как что-то непостижимое. Они буквально сгорали от любопытства и пользовались малейшим случаем, чтобы засыпать нас самыми что ни на есть сложными вопросами.

После того как горячка первых дней устройства на новом месте прошла и у нас появилось время подумать, стало ясно, что мы натолкнулись на что-то заслуживающее самого пристального изучения. Прежде всего мы решили проверить некоторые другие районы, чтобы убедиться, что местная Данникарская культура не просто игра природы. Ведь в конце концов и на Земле еще в неолите народ майя имел отличных астрономов, а в аграрной Греции раннего железного века была разработана первоклассная, утонченная философия. Просмотрев карты, составленные при облете планеты, капитан Бэрлоу выбрал одинокий остров в семистах километрах к востоку. Был оснащен гравитолет и назначен экипаж из пяти человек.

Пилот — Жак Лежен. Инженер — я. Военный эксперт — капитан космического флота Солнечной Системы Эрнест Балдингер. Представитель Федеральной администрации — Уолтер Воэн. Торговый агент — Дон Хараши. Последние два считались главными, но и все остальные представляли собой высококвалифицированных специалистов в целом ряде областей планетологии. Не захочешь, да станешь, если приходится постоянно работать в чужих мирах.

Лежен выбрал лесную поляну милях в двух от деревни, протянувшейся по берегу просторного залива, и лихо посадил корабль. Отчаянный пилот этот Лежен!

— Ну вот и приехали.

Хараши встал во весь свой двухметровый рост и потянулся так, что суставы хрустнули. Это был человек мощного сложения, и лицо его с крючковатым носом носило на себе следы давних боев. Большинство служащих Торговой миссии — жесткий народ с практическим складом ума, точно так же, как работа в Федеральной администрации требует психологиче-

ской тонкости, большего внимания к внутренним импульсам человека. Иногда это порождает конфликты.

— Пошли прогуляемся.

— Не так быстро, — сказал Воэн, худощавый молодой человек с пронзительным взглядом. — Это племя и понятия о нас не имеет. Если они видели, как садился наш гравитолет, там сейчас может быть паника.

— Вот мы и рассеем их страхи, — пожал плечами Хараши.

— Так уж и все сразу? Вы это серьезно? — спросил капитан Балдингер.

Он немного помедлил.

— Да. Вижу, вы не шутите. Так вот — здесь я за все отвечаю. Лежен и Кэткарт, вы остаетесь. Остальные пойдут в деревню.

— Просто вот так возьмем и пойдем? — возмутился Воэн.

— Вы что, можете предложить что-нибудь получше? — ехидно отозвался Хараши.

— Строго говоря... — начал было Воэн, но его никто не слушал.

Федеральные чиновники привыкли следовать раз навсегда установленным инструкциям. К тому же Воэн был еще новичком в дозорной службе и не успел убедиться, как часто инструкциям приходится потесниться перед лицом действительности. Всем не терпелось выйти из корабля, и я жалел, что меня не берут с собой. Конечно, кому-то надо было остаться, чтобы в случае чего прийти на помощь товарищам.

Мы спустились по трапу и окунулись в заросли высоких трав, покачивавшихся от легкого ветерка и наполнявших воздух пряным ароматом корицы. Над головой шумели деревья; их пышные кроны четко вырисовывались на темно-синем фоне неба. Розоватый свет разливался по лиловым полевым цветам, над которыми порхали на легких, сверкающих бронзой крылышках причудливые насекомые. Все были по-летнему одеты и отправились налегке. Только Балдингер нес на плече импульсное ружье, да Хараши прихватил рацию, достаточно мощную, чтобы вызвать

Данникар. Оба инструмента выглядели до смешного не к месту.

— Завидую джорильцам, — сказал я.

— Кое в чем стоит, — отозвался Лежен. — Хотя, может быть, их природа даже слишком хороша. Какие у них стимулы к дальнейшему развитию?

— А зачем им это?

— Дело тут не в сознательном стремлении, старина. Ведь все разумные существа произошли от животных, которым когда-то пришлось вести борьбу за существование настолько ожесточенную, что они развили свой мозг, чтобы не погибнуть. В них заложен инстинкт к совершенствованию, даже в самых робких травоядных. И рано или поздно он должен найти выход...

— Боже милостивый!..

Крик Хараши заставил нас с Леженом обернуться. Какую-то секунду я думал, что сошел с ума. Только постепенно до меня дошло, что представившаяся моим глазам картина не так уж удивительна здесь.

Из лесу появилась девочка. По земным понятиям ей можно было дать лет пять. Меньше метра ростом (джорильцы несколько ниже и стройнее землян), она, как и все жители планеты, обладала большой головой, что только увеличивало ее сходство со сказочным эльфом. Длинные белокурые волосы, круглые ушки, тонкие черты лица, вполне человеческие за исключением слишком высокого лба да огромных фиолетовых глаз, только усиливали очарование. На загорелом тельце не было надето ничего, кроме белой набедренной повязки. Одной четырехпалой ручкой она весело махала нам. В другой был поводок, а на конце поводка был привязан кузнечик величиной с гиппопотама.

Нет, конечно, не кузнечик, как стало ясно, когда она подошла поближе. Голова действительно была как у кузнечика, но четыре лапы, на которых он двигался, были короче и толще, а еще несколько ложноножек висело по бокам в виде жалких бескостных придатков. Тело было покрыто ярко расцвеченной кожей, а не жестким панцирем, как у насекомых.

Я заметил также, что эта тварь дышит легкими. Все равно это было жуткое чудовище, и оно беспрерывно жевало, пуская слюни.

— Местный островной вид, — сказал Воэн. — Несомненно, безобидный, а то бы она не стала... Но ребенок! Как весело и беззаботно идет к чужим!

Балдингер улыбнулся и опустил ружье.

— Ребенку все кажется чудесным, — сказал он. — Для нас это находка. Она поможет нам познакомиться со взрослыми.

Маленькая девочка (черт возьми, иначе ее и не назовешь!) подошла к Хараши на метр, подняла свои огромные глаза, пока они не остановились на его пиратском лице, и произнесла очаровательным голосом с неотразимой улыбкой:

— Будьте так добры, мистер, не могли бы вы угостить крекером моего дроматерия?

*

Я плохо помню последующие несколько минут. Они прошли во всеобщем замешательстве. В конце концов мы обнаружили, что идем, все пятеро, по пятнистой от солнца лесной тропинке. Девочка, приплясывая, семенила подле нас, беспрерывно тараторя. Чудовище неуклюже переваливалось сзади, пережевывая данное ему лакомство. Когда прямой луч солнца падал на его выпуклые фасеточные глаза, они переливались, точно пригоршня бриллиантов.

— Меня зовут Миерна, — сказала девочка, — а мой папа делает разные вещи из дерева. Не знаю, как это называется по-английски. Ах, плотник! Спасибо, вы очень добры. Мой отец много думает. А мама сочиняет песни. Это очень красивые песни. Она послала меня собрать мягкой травы, чтобы сделать подстилку для роженицы, потому что вторая жена папы, помощница мамы, должна скоро родить ребеночка. Но когда я увидела, что вы спускаетесь, точь-в-точь как рассказывал Пенгвил, я решила вместо этого встретить вас и отвести в Таори. Это наша деревня. В ней двадцать пять домов и сараи, а Зал

для размышлений куда больше, чем в Риру. Пенгвил говорил, что крекеры страшно вкусные. Может быть, дадите и мне попробовать?

Хараши оторопело протянул ей крекер. Воэн стряхнул с себя оцепенение и без обиняков выпалил:

— Откуда ты знаешь наш язык?

— Да у нас в Таори все знают. С тех пор, как приплыл Пенгвил и научил нас. Это было три дня назад. Мы так надеялись, что вы прилетите. В Риру все полопаются от зависти! Но мы разрешим им навестить нас, пока вы здесь, если они хорошенько попросят.

— Пенгвил... Типично данникарское имя, — пробормотал Балдингер. — Но они и не слышали об этом острове, пока я не показал им нашей карты! Не могли же они пересечь океан в своих жалких пирогах! Ведь здесь преобладают восточные ветры, а квадратные паруса...

— О, лодка Пенгвила может идти против ветра, — засмеялась Миерна. — Я сама видела. Он нас всех покатал на ней. И мой папа уже строит такую же, только лучше.

— Зачем Пенгвил приплыл к вам? — спросил Воэн.

— Посмотреть, как мы тут живем. Он из местечка Фолат. У них в Данникаре такие потешные названия, да и одежда, ведь правда?

— Фолат... Да, помню — поселок к северу от нашего лагеря, — сказал Балдингер.

— Но туземцы не бросаются очертя голову в неизвестный океан просто так, из любопытства, — выдавил я.

— Эти еще как, — ухмыльнулся Хараши. От умственного напряжения вены на его лбу набухли. Здесь таились огромные возможности для торговли, еда и текстиль и особенно блестящие поделки туземцев. В обмен же...

— Нет! — выкрикнул Воэн. — Я знаю, о чем вы думаете, торговец Хараши. И я не позволю привезти сюда машины.

Великан еле сдержал себя:

— Кто сказал, что нет?

— Я сказал. Как полномочный представитель Федеральных властей. И я уверен, что Совет подтвердит мое решение.

В душном влажном воздухе Воэн даже вспотел.

— Мы никогда не рискнем дать им машины!

— Что такое Совет? — спросила Миерна. Тень тревоги упала на ее лицо. Она придвинулась поближе к своему чудовищу.

Хотя я сам был озабочен, пришлось погладить ее по голове и прошептать:

— Тебе нечего об этом тревожиться, малышка!

Чтобы отвлечь ее мысли, да и свои собственные, я добавил:

— Почему ты зовешь этого красавца дроматерием? Ведь это не настоящее его имя?

— Конечно, нет, — она сразу позабыла свои заботы. — Это яо, а его настоящее имя... В общем я зову его «большеногий, пучеглазый, самый сильный из зверей». Это я сама придумала. Он мой, и я его очень люблю.

Она потянула за один из усиков, и животное довольно заурчало.

— Пенгвил рассказывал нам о дромадере, который живет на Земле. Он волосатый и робкий, на нем возят вещи, и он тоже пускает слюни, как яо. Поэтому я и решила, что это хорошее английское имя. А разве нет?

— Очень, — сказал я слабым голосом.

— Что вы там говорите о дромадерах? — спросил Воэн.

Хараши запустил пятерню себе в волосы.

— Да, — сказал он. — Вы знаете, как я люблю Киплинга. Так вот, как-то вечером я прочитал туземцам несколько его поэм. Кажется, одна из них была о дромадере, о верблюде. И Киплинг им явно пришелся по вкусу.

— Настолько, что, раз прослушав, они уже помнят поэму наизусть и разнесли ее в первозданном виде по всему побережью! А теперь она пересекла океан, и ее знает весь остров.

Воэн просто задохнулся от изумления.

— А кто объяснил ей, что названия крупных первобытных животных на языке землян часто кончаются на «терий», что значит «зверь»? — спросил я.

Никто не знал, но было ясно, что кто-то из натуралистов походя упомянул об этом. А пятилетняя Миерна подхватила термин у странствующего матроса и применила его абсолютно правильно! Ведь несмотря на усики и фасеточные, как у насекомых, глаза яо вызывал явно палеонтологические ассоциации.

Через несколько минут лес кончился, и мы вышли на широкий луг, сбегавший к морю. На его сверкающем фоне темным силуэтом рисовались очертания деревни — остроконечные крыши домов из дерева и тростника несколько другого типа, чем в Данникаре, но такие же изящные и приятные для глаза. Освобожденные от снастей лодки были вытащены на песок рядом с развешанными на просушку рыболовными сетями. Неподалеку от берега стояла на якоре еще одна лодка, почти корабль. Ярко выкрашенный корпус благородной формы, на корме — спаренные рулевые весла, тканые паруса — все было так необычно по сравнению с тем, к чему мы привыкли на нашей несчастной сверхмеханизированной Земле. Но лодка была оснащена по всем правилам корабельного искусства, а на берег ее, по-видимому, нельзя было вытащить из-за глубоко сидящего киля.

— Я так и думал, — проговорил Балдингер срывающимся голосом. — Пенгвил пораскинул мозгами и выдумал парусную оснастку. Очень практичная конструкция. На такой можно пересечь здешний океан за неделю или около того.

— Он разработал и правила навигации, — подметил Лежен.

Жители деревни, не заметившие, как садился наш гравитолет, побросали свою примитивную утварь — валки для стирки, горшки и миски, прялки, гончарные круги — и кинулись к нам. Все были одеты так же просто, как Миерна. Несмотря на крупные головы, не выглядевшие, однако, безобразно большими, непривычные для человеческого глаза кисти рук и уши да слегка отличающиеся пропорции тела, на женщин

было приятно взглянуть. Даже слишком после года монашеской жизни. Безбородые длинноволосые мужчины оказались красивы под стать женщинам, и те и другие были грациозны, как кошки.

Они не шумели и не толпились без толку. Было тихо и торжественно, только на берегу кто-то заливисто играл на рожке. Миерна бросилась к седому мужчине, схватила его за руку и вытянула вперед.

— Это мой папа, — радостно залепетала она. — Сейчас его зовут Сарато. Его последнее имя нравилось мне больше.

— Надоедает, когда тебя все время зовут одинаково, — засмеялся Сарато. — Добро пожаловать, земляне. Вы оказываете нам большую... *лула*... Прошу прощения, мне не хватает слов. Ваше посещение — большое счастье для нас.

Его рукопожатие — наверное, Пенгвил рассказал им об этом обычае — было крепким, и он смотрел нам прямо в глаза с уважением, но без подобострастия.

Данникарские общины передали те немногие функции управления, в которых они нуждались, специалистам, избираемым на основе принципов, суть которых до нас так и не дошла. Здесь же, судя по всему, не делалось даже малейших сословных различий. Нам представляли всех по роду занятий: охотник, рыбак, музыкант, пророк (насколько я понял смысл слова «нонало») и тому подобное. Мы обнаружили то же отсутствие всяческих табу, что и в Данникаре. Зато в Таори действовали чрезвычайно изысканные правила этикета, соблюдения которых от нас, естественно, никто не ждал.

Пенгвил — мощного сложения юноша в тунике данникарского покроя — приветствовал нас. В том, что он прибыл именно в Таори, не было никакого совпадения: деревня расположена почти точно к востоку от его родного побережья и имеет лучшую якорную стоянку на всем острове. Ему отчаянно хотелось показать нам свою лодку. Я уступил его умоляющим взглядам, и мы сплавали к ней.

— Отличная работа, — сказал я совершенно искренне, взобравшись на палубу. — Есть только одно замечание. Для плавания вблизи берегов неподвижный киль не нужен.

Я описал устройство подъемного киля.

— Вот так, — закончил я. — Тогда она сможет подходить вплотную к берегу.

— Да, Сарато уже додумался до этого. Он даже начал строить свою собственную лодку по этому принципу. Он еще хочет отказаться от рулевых весел и укрепить вместо них плоский кусок дерева посредине кормы. Это правильно?

— Да, — ответил я, с трудом скрывая изумление.

— Вот и я так подумал, — улыбнулся Пенгвил. — Поток воды так же легко делится на две струи, как и воздушный. Мистер Исихара объяснил мне законы сложения и разложения сил. Это-то и дало мне мысль построить такую лодку.

Мы вернулись на берег и снова оделись. Вся деревня жужжала, как потревоженный рой, готовясь к празднику. Пенгвил присоединился к ним. Я потихоньку выбрался из этой суеты и пошел бродить по пустому пляжу, слишком взволнованный, чтобы сидеть на месте. Вглядываясь в море и вдыхая по-земному соленый аромат океана, я погрузился в смутные размышления. Их прервала маленькая Миерна, которая подскочила ко мне, волоча за собой небольшую тележку.

— Хэлло, мистер Кэткарт! — закричала она. — Меня послали собрать ароматных водорослей. Хотите мне помочь?

— Конечно, — ответил я.

Она скорчила гримасу.

— Я рада, что убежала от всех. Папа, Куайя и другие расспрашивают мистера Лежена о земной ма-те-ма-ти-ке. А я еще слишком маленькая, чтобы интересоваться функциями. По мне, было бы куда лучше, если бы мистер Хараши рассказал о Земле, но он заперся в домике со своими друзьями. Расскажите мне о Земле! Я когда-нибудь полечу туда?

Я что-то пробормотал. Она начала собирать в пучки нежные гирлянды водорослей, выброшенные на берег прибоем.

— Раньше я не любила эту работу, — сказала она. — Приходилось ходить в деревню с каждой охапкой. А брать с собой дроматерия мне тоже не разрешают, потому что он болеет, когда промочит ноги. Я им говорила, что могу сделать ему ботиночки, но они все равно не разрешили. Зато теперь совсем другое дело — с этим... этой... Как вы это называете?

— Тележка. У вас раньше не было таких штук?

— Нет, никогда. Только волокуши на полозьях. Это Пенгвил рассказал нам о колесе. Он видел, как земляне им пользуются. Плотник Хуана тут же начал прилаживать колеса к волокушам. Он уже сделал несколько таких тележек.

Я нагнулся и рассмотрел конструкцию колеса. Оно было собрано из частей, искусно вырезанных из дерева и кости, а сбоку по всей окружности шел орнамент и какие-то письмена. И колеса не были просто насажены на оси. Миерна позволила снять крышечку с одной из них, и я увидел кольцо из прочных круглых орехов. Насколько я знал, никто не рассказывал Пенгвилу о подшипниках.

— Я все думала и думала, — сказала Миерна. — А что если сделать большую, огромную тележку, чтобы ее мог возить дроматерий? Только как получше его привязать, чтобы ему не было больно тащить и чтобы можно было управлять им? И мне кажется, я придумала...

Она замолчала и стала рисовать на песке схему сбруи. Судя по всему, упряжка была вполне подходящая.

Тяжело нагрузив тележку, мы покатили ее по деревне. Я был в совершенном восторге от искусной резьбы, покрывавшей балки и карнизы домов. Появился Сарато, наконец оставивший свою беседу с Леженом о теории групп (туземцы уже разработали ее сами, так что все сводилось к сравнению разных подходов). Он показал мне свои инструменты, изготовленные из острых кусков вулканического стекла.

Сарато рассказал, что жители прибрежных деревень выменивают такое стекло у горцев, и спросил, нельзя ли достать у нас кусочек стали. И не будем ли мы настолько любезны, чтобы объяснить, как из земли получают железо?

Как мы и ожидали, угощение, музыка, танцы, пантомимы, беседы с туземцами — все было великолепно, чтобы не сказать больше. Надеюсь, что бодрящие пилюли, поданные к еде, помогли нам не выглядеть слишком мрачными.

Но нам все-таки пришлось огорчить наших хозяев, отказавшись остаться на ночь. Вся деревня провожала нас до самой ракеты при свете факелов. Дорогой они пели причудливые песни, построенные по какой-то сложной музыкальной системе, вроде нашей двенадцатитоновой, и полные таких дивных гармоничных созвучий, что я в жизни не слышал ничего прекраснее. Когда мы достигли ракеты, они тут же отправились назад. Миерна шла в самом конце процессии. Она поотстала и еще долго стояла в медном свете огромной одинокой луны, махая нам ручонкой.

*

Балдингер поставил на стол стаканы и бутылку ирландского виски.

— О'кэй, — сказал он. — Действие этих таблеток почти прошло, и нам нужно немного взбодриться.

— Да, пожалуй, — Хараши заграбастал бутылку.

— Интересно, каким будет их вино, когда они его изобретут, — задумчиво протянул Лежен.

— Замолчите, — сказал Воэн. — Им это не удастся.

Мы уставились на него. Он сидел, подрагивая от напряжения, в ярком люминесцентом свете, заливавшем унылую тесную кабину.

— Что вы, дьявол вас побери, имеете в виду? — наконец спросил Хараши. — Если они научатся делать вино хотя бы вполовину так же хорошо, как все остальное, оно пойдет на Земле по десять кредов за литр.

— Как вы не поймете? — закричал Воэн. — Нам нельзя иметь с ними дела. Надо скорее убираться прочь с этой планеты и... О боже, зачем нас только занесло сюда?

Он начал неуклюже шарить по столу в поисках стакана.

— Ну ладно, — сказал я. — Тем из нас, кто хоть раз удосужился поразмыслить об этом, давно было ясно, что когда-нибудь люди неминуемо встретят форму жизни вроде этой. Человек... что он такое, чтобы делать из него пуп земли?

— Наверное, эта звезда старше Солнца, — кивнул Балдингер. — Она не так массивна, поэтому дольше находится в главной последовательности.

— Дело вовсе не в том, какая звезда старше, — сказал я. — Миллион лет, полмиллиона, сколько бы там ни было, — это же пустяки с точки зрения астрономии или геологии. Вот в развитии разумной жизни...

— Но они же дикари, — запротестовал Хараши.

— Как и большинство разумных существ, что мы встречали, — напомнил я. — Да и сам человек большую часть своей истории прожил дикарем. Цивилизация — каприз природы. Она не появляется сама по себе. Например, на Земле все получилось потому, что Средний Восток начал пересыхать, когда ледник отошел, дичи стало меньше, и пришлось что-то предпринимать. А машинная цивилизация, основанная на науке, — это еще большая случайность, результат совершенно исключительного стечения обстоятельств. Зачем жителям Джорил идти дальше техники неолита? Им это ни к чему.

— Зачем им тогда, если они еще в каменном веке, такие мозги? — возразил Хараши.

— А зачем они были нам в нашем каменном веке? — отпарировал я. — Чтобы просто выжить, они не были абсолютно необходимы. Питекантроп, синантроп — все эти узколобые ребята и так прекрасно обходились. Наверно, эволюция, внутривидовая борьба, половой отбор — все то, что развивает интеллект, продолжает подталкивать человека впе-

ред, пока не вмешивается какой-нибудь новый фактор, вроде машин. Умный джорилец имеет больше веса, занимает высокое место в обществе, у него больше циновок и детей — так все и идет. Вот только условия жизни у них слишком просты, во всяком случае, в эту геологическую эпоху. Здесь, насколько я понял, не бывает даже войн, которые бы подтолкнули развитие техники. До сих пор у них просто не было случая заняться точными науками. Вот они и использовали свой изумительный разум в искусстве, философии и социальных экспериментах.

— Интересно, какой у них в среднем «индекс интеллекта», — прошептал Лежен.

— Бессмысленный вопрос, — ответил Воэн мрачно. — Разработанная шкала обрывается где-то около ста восьмидесяти. Как тут будешь мерить интеллект, который настолько выше твоего собственного?

Наступила тишина. Было слышно, как вокруг корабля шумит ночной лес.

— Да, — задумчиво сказал Балдингер. — Я всегда отдавал себе отчет, что где-то должны быть существа поумнее нас. Вот только не ожидал, что человечество встретится с ними на моем веку. Уж слишком микроскопический отрезок Галактики мы исследовали. И потом... Я всегда думал, что у них будут машины, наука, космический транспорт.

— Они у них и будут, — сказал я.

— Если мы теперь улетим... — начал Лежен.

— Поздно, — сказал я. — Мы уже дали им эту блестящую погремушку — науку. Если мы сбежим, они сами отыщут нас через пару веков. Самое большее.

Хараши ударил кулаком по столу.

— Но зачем нам улетать? — загрохотал он. — Чего вы, черт подери, боитесь? Сомневаюсь, чтобы все население этой планеты достигало десяти миллионов. А в Солнечной Системе плюс звездные владения — миллиардов пятнадцать! Ладно, пусть джорилец умнее. Ну и что? Разве до сих пор мало было парней умнее меня, а мне на это наплевать, если мы делаем с ними бизнес.

Балдингер покачал головой. Казалось, его лицо выковано из стали.

— Все не так просто, — сказал он. — Вопрос идет о том, кто будет господствовать в этой части Галактики.

— А чего плохого, если джорильцы? — мягко спросил Лежен.

— Возможно и ничего. Они вроде бы вполне приличный народ. Но... — Балдингер выпрямился в своем кресле. — Я не собираюсь быть чьим-либо домашним животным. Я хочу, чтобы моя планета сама решала свою судьбу.

С этим не приходилось спорить. Мы долго-долго сидели молча, размышляя над случившимся.

В нашем представлении гипотетические сверхсущества всегда были где-то бесконечно далеко, а потому безопасны. Ни мы на них не наталкивались, ни они на нас. Поэтому люди привыкли думать, что поблизости их оказаться не может. А потому они-де никогда не будут вмешиваться в дела далекой галактической провинции, где мы живем. Но планета всего в месяцах полета от Земли! Народ, средний представитель которого — гений, а их гении — вещь и вовсе непостижимая для человека... Они без сожаления бросят свой мир и ринутся в космос, полные любопытства, энергичные, способные совершить за десять лет больше, чем мы за столетия. Они неминуемо разрушат нашу созданную ценой таких усилий цивилизацию! Мы сами сдадим ее на слом, как примитивные народы прошлого уничтожили свои богатейшие культуры перед лицом более высокой цивилизации Запада. Наши дети будут смеяться над ничтожными, обветшалыми триумфами своих отцов. Они бросят нас, чтобы последовать за джорильцами в их смелых начинаниях. И вернутся подавленными неудачей, чтобы провести остаток своих дней, создавая жалкое подобие чужого образа жизни и мучаясь от бессилия и безнадежности. И так будет со всеми остальными разумными формами жизни, если только у джорильцев не хватит сострадания оставить их в

покое... Скорее всего у них его хватит. Но кому нужно *такое* сострадание?

Казалось, был только один ужасный выход, но лишь у Воэна хватило смелости прямо сказать о нем.

— Ведь есть же планеты, куда запрещено ввозить технику, — медленно заговорил он. — Культуры, слишком опасные, чтобы можно было предоставить им современное оружие, не говоря уже о космических кораблях. Джорил тоже можно поставить под запрет.

— Теперь, когда мы дали им представление о технике, они сами все это изобретут, — сказал Балдингер.

Лицо Воэна злобно передернулось.

— Они не смогут этого сделать, если единственные два района, где нас видели, будут уничтожены.

— Боже милостивый... — вскочил Хараши.

— Сядьте! — отрезал Балдингер.

Хараши грязно выругался. Его лицо горело. Остальные сидели, потупив головы.

— Вы как-то назвали *меня* неразборчивым в средствах, — прорычал торговец. — Возьмите это предложение назад, Воэн, и подавитесь им. Если не хотите, чтобы я раздавил ваш череп, как гнилой орех!

Я представил себе атомный гриб, взмывающий к небесам, легкое облачко пара, бывшее когда-то девочкой по имени Миерна, и сказал твердо:

— Я — против.

— Единственный другой выход, — сказал Воэн, не отрывая пронзительного взгляда от массивной головы своего противника, — это ничего не делать, пока не станет необходимой стерилизация всей планеты.

Лежен затряс головой, словно от боли.

— Все не так... Не так... Нельзя брать на себя смертный грех только ради того, чтобы выжить.

— Не о нас речь. А ради жизни детей. Их свободы... Их гордости.

— Да разве они смогут гордиться собой, узнав правду? — перебил Хараши.

Он перегнулся через стол, схватил Воэна за шиворот и одной рукой поднял его в воздух. Покрытый

шрамами лоб торговца пылал в каких-нибудь трех дюймах от побледневшего лица представителя Федеральной администрации.

— Я сейчас скажу, что нам делать, — процедил он. — Мы будем торговать, обмениваться знаниями, родниться, как со всеми народами, чью соль мы ели! И встретим судьбу, как положено людям!

— Отпусти его, — скомандовал Балдингер.

Хараши сжал свободную руку в кулак.

— Если ты ударишь его, я расправлюсь с тобой, пусть мне придется ответить за это дома. Отпусти его, я сказал!

Хараши разжал кисть. Воэн покачнулся и осел на пол. Торговец тяжело опустился в кресло и спрятал голову в ладонях, стараясь взять себя в руки.

Балдингер снова наполнил стаканы.

— Ну, джентльмены! — сказал он. — Мы вроде бы зашли в тупик. Куда ни кинь — все клин.

Он усмехнулся.

— Бьюсь об заклад, что у джорильцев даже нет пословицы на такой случай.

— Они могли бы столько нам дать! — горячо вступился Лежен.

— Именно *дать*! — Воэн с трудом поднялся и встал напротив нас, дрожа всем телом. — В этом все и дело! Они будут давать! Если захотят, конечно. Но это не будет *наше*. Вероятно, мы даже не сможем понять их творений, не сумеем использовать их или... В общем, это будет не наше, говорю я вам!

Хараши вздрогнул. Целую минуту он сидел абсолютно неподвижно, вцепившись в ручки своего кресла, а потом медленно поднял большую голову и громко выпалил:

— Но почему *не наше*?

*

Мне все-таки удалось поспать несколько часов, пока не начало светать. Потом первые лучи, проникавшие сквозь иллюминатор, разбудили меня, и боль-

ше уснуть не удалось. Навалявшись вдоволь, я спустился на лифте и вышел на поляну.

Вокруг царила тишина. Звезды уже гасли, но заря на востоке еще только занималась. В прохладном воздухе из темного леса, обступившего поляну, доносились первые трели птиц. Я сбросил башмаки и прошелся босиком по мокрой траве.

Я почему-то не удивился, когда из леса появилась Миерна, волоча на поводке своего дроматерия. Она бросила поводок и кинулась ко мне:

— Эй, мистер Кэткарт! Я так надеялась, что кто-нибудь уже встал. Я еще не завтракала.

— Сейчас что-нибудь сообразим.

Я схватил ее и начал подбрасывать в воздух, пока она не завизжала.

— А потом, может быть, совершим небольшую прогулку на ракете. Как ты на это смотришь?

— О-о, — фиолетовые глаза округлились.

Я опустил крошку на землю. Она долго собиралась с духом, а потом спросила:

— До самой Земли?

— Нет, боюсь, что на этот раз капельку поближе. Земля ведь далеко.

— А когда-нибудь в другой раз? Ну, пожалуйста!

— Когда-нибудь? Наверняка, малышка. И ждать не так уж долго.

— Я полечу на Землю! Я полечу на Землю!

Она крепко обняла дроматерия за шею и прижалась к нему.

— Ты будешь обо мне скучать, Большеногий, пучеглазый, самый сильный из зверей? Не пускай так грустно слюни! Может быть, тебя тоже возьмут. Возьмем его, мистер Кэткарт? Это такой хороший дроматерий, честное слово, и он так любит крекеры.

— Ну... не знаю. Может возьмем, а может и нет, — сказал я. — Но ты полетишь, обещаю тебе. Любой житель планеты, если захочет, сможет посетить Землю.

«А захочет большинство. Я уверен, что Совет одобрит наш план. Ведь он единственно разумный. Если не можешь превзойти...»

Я погладил Миерну по головке.

«Строго говоря, дорогая ты моя малышка, ну и грязную же шутку мы с тобой сыграем! Подумать только — вырвать тебя из этой патриархальной дикости и швырнуть в горнило гигантской бурлящей цивилизации! Ошеломить нетронутый мозг всеми нашими техническими штуками и бредовыми идеями, до которых люди додумались не потому, что умнее, а потому, что занимались этим немного дольше вас. Распылить десять миллионов джорильцев среди наших пятнадцати миллиардов!

Конечно, вы клюнете на это. Вам с собой не совладать, да и соблазн велик. А когда вы, наконец, поймете, что происходит, будет поздно отступать, вы окажетесь на крючке. Но я не думаю, что вы сможете сердиться на нас за это.

Ты станешь земной девочкой. Конечно, когда ты вырастешь, тебя ждет место среди тех, кто правит миром. Ты сделаешь колоссально много для нашей цивилизации и будешь пользоваться заслуженным признанием. Все дело в том, что это будет наша цивилизация. Моя и... твоя.

Не знаю, будешь ли ты скучать по этим лесам, по маленьким домикам у залива, по лодкам, песням и старым сказкам и, конечно же, по своему дорогому дроматерию. Но в одном я уверен: родная планета будет очень скучать по тебе, Миерна. И я тоже».

— Пойдем, — сказал я. — Пора готовить завтрак.

ЗЕЛЕНАЯ РУКА

Первые поселенцы на Нертусе появились не так давно. На бескрайних равнинах планеты только кое-где обосновались фермеры, а Стелламонт все еще был единственным городком колонии.

Как-то днем Пит, лежа на животе, с увлечением наблюдал, как суетливые, похожие на земных муравьев насекомые строили в траве свое жилище.

Неожиданно огромная тень упала на него. Пит обернулся и от изумления замер. Перед ним стоял... инопланетянин.

— П-привет, — прошептал Пит, медленно поднимаясь.

— Добрый день, — ответил незнакомец на очень чистом языке землян.

Питер мог поклясться, что никогда не встречался с подобным существом. Но в Галактике было множество населенных планет, и едва ли кто мог похвастать, что знает, как выглядят их обитатели.

Ростом незнакомец был за два метра, с длинными ногами и телом, двумя парами рук, расположенными одна над другой, крупной круглой головой с оттопыренными ушами и большими желтыми глазами. Между ними виднелись дырочки ноздрей, выше топорщились усики антенн. Весь его наряд состоял из пояса с карманами, тело покрывал зеленоватый мех. Отдаленно он напоминал уроженца Ваштриана или, возможно, Кеннокора.

— Кто вы? — спросил Пит, но тут же вспомнил правила хорошего тона, все-таки ему шел одинна-

дцатый год, и добавил: — Извините, я — Питер Вильсон, с Солнца, а эта ферма принадлежит моему дяде, Гуннару Торлайфссону. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Возможно, — ответил незнакомец. — Насколько мне известно, твой дядя ищет помощника?

Тут он попал в самую точку. Дядя Гуннар никак не мог управиться с таким хозяйством даже с помощью механизмов и роботов. Он уже дал объявление по телевидению, но, по правде сказать, мало надеялся на то, что кто-нибудь примет его предложение. Рабочие руки требовались везде и вновь прибывавшие предпочитали оставаться в Стелламонте, где и платили побольше. Поэтому появление инопланетянина можно было расценить как подарок судьбы.

— Вы совершенно правы, — воскликнул Пит. — Пойдемте, — и он побежал вперед. Незнакомец двинулся следом.

Потного, перепачканного маслом дядю Гуннара они нашли в мастерской. Он поднял голову, вытер пот с рыжебородого лица и, внимательно глядя на гостя, вежливо поздоровался. Его глаза радостно заблестели, когда он узнал, что тот хочет работать у него.

— Давайте это обсудим, — предложил дядя.

Они прошли в дом. Тетя Эдит растерялась, увидев инопланетянина. В отличие от старого космического бродяги, каким был дядя Гуннар, она к ним еще не привыкла и не знала, как вести себя в их присутствии. Незнакомец, похоже, не испытывал никаких неудобств.

— Я с Эстана IV, — представился он. — Мое имя... ну, зовите меня Джо.

— Эстан IV? — немного удивился дядя Гуннар. — Я и не слыхал о такой планете. Ее открыли недавно?

— Не совсем. Исследовательский звездолет побывал у нас довольно давно. Но мои соотечественники — не сторонники технического прогресса, поэтому наше вступление в Галактическое Сообщество прошло незамеченным. Я — один из немногих, кто захотел повидать Галактику. На дорогу я зарабатываю

сам — так скорее узнаешь, как живут другие народы, — Джо говорил ровно, спокойно, и Питу очень нравилось задумчивое выражение его больших желтых глаз.

— Почему же вы не остались в Стелламонте? — спросил дядя Гуннар. — Там вы смогли бы заработать больше, чем у меня.

— Я бывал в других городах-колониях. Они мало отличаются друг от друга. Мне же интересна жизнь фермера, да и хочется отдохнуть от тесноты городов. Я услышал ваше объявление и пришел сюда пешком.

— Из Стелламонта? Через неисследованный лес? Да сюда идти несколько недель! Я дал объявление гораздо позже.

— А меня подвез какой-то колонист. Леса же я не боюсь. В нем я чувствую себя как дома. На моей родной планете много лесов.

— Ну... — дядя Гуннар почесал затылок.

Пит видел, что он колеблется. Будет ли толк от инопланетянина? А вдруг он преступник, скрывающийся от закона? Но помощник был нужен ему позарез, к тому же Джо производил такое приятное впечатление.

— Да ладно, почему бы и нет, — дядя Гуннар улыбнулся. — Поглядим, что у нас получится. Садитесь, Джо, отдыхайте. Эдит, где у нас виски?

Они договорились, что Джо приступит к работе с утра, а вечером дядя Гуннар показал ему ферму. Пит с широко раскрытыми глазами ходил за ними следом. Уж об этом-то он наверняка расскажет приятелям, вернувшись на Землю: «У нас работал настоящий инопланетянин. Он прилетел издалека, даже мой дядя никогда не слышал о его родной планете. Он был с четырьмя руками, без носа и мы звали его Джо».

Дядя Гуннар сразу повел его к животным. Он привез с Земли лишь пару коров да несколько свиней и цыплят. Его очень интересовала местная фауна, и он уже приручил некоторых шестиногих млекопитающих. «Волы» давали мясо и кожу, а на «пони» он ездил там, где не проходили машина и трактор.

Теперь он возился с четырехногими, двукрылыми «индюшками».

— Большинство колонистов привозят с собой животных и растения. Пытаются разводить их здесь, словно Нертус — это Земля, — объяснил он. — Из этого ничего не выйдет. Здесь столько неблагоприятных факторов, что земным животным никогда не приспособиться к здешним условиям. Взгляните на моих коров — какие они малорослые, тощие. И это несмотря на то, что часть корма я завожу с Земли. А местные животные жирные да гладкие. Нертус не станет нам родным домом до тех пор, пока мы сами не сроднимся с планетой.

Коровы тяжело переступали с ноги на ногу и косили глазом на Джо: почему-то их пугало его присутствие. Местные же «волы» и «пони» стояли спокойно.

— Но может ли человек есть местную пищу, не опасаясь недостатка нужных ему веществ? — поинтересовался Джо.

— Хороший вопрос, — кивнул дядя Гуннар. — В этом одна из главных наших проблем. Первым делом мы установили, какая пища ядовита для нас. Затем выяснили, каких витаминов, минеральных веществ и микроэлементов не хватает нашему организму. Пока мы восполняем их недостаток таблетками, а со временем не только приспособим к нашим нуждам некоторые виды местной фауны, но и в определенной мере изменимся сами. Это произойдет, конечно, не скоро — через несколько поколений. Родившиеся на Нертусе будут уже в чем-то отличаться от нас. Естественный отбор изменит наследственность, скажем, за тысячу лет. Никто из нас не умрет, но у тех людей, которые быстрее приспособятся к особенностям этой планеты, будет рождаться больше детей.

— И в конце концов вы станете нертусианцами, — заключил Джо.

— Именно так. Человек, колонизирующий другие планеты, должен приспосабливаться к ним. Точно так же, как он приспособился к жизни в различных регионах Земли. Эскимосы, к примеру, ели только мясо и отлично себя чувствовали. А бушмены пустыни

Калахари могли пить солоноватую воду. И малого количества ее хватало им на длительное время. Таковы были особенности их организма.

У дяди Гуннара подобралась целая библиотека по проблемам адаптации к новым условиям.

— А на Нертусе нет местных жителей? — спросил Джо.

Разумных существ? Нет. Планета была тщательно исследована, прежде чем началась ее колонизация, но найти признаки цивилизации не удалось. Ни деревень, ни археологических находок, ни даже каменных орудий труда. Я бы только радовался, если бы здесь жили разумные существа. Они могли бы подсказать нам многое из того, до чего нам придется доходить самим. Но закон запрещает колонизацию планет с разумной жизнью.

— Это... позиция человечества?

— И весьма логичная. На заре освоения космоса люди обосновывались на планетах, где цивилизация делала лишь первые шаги. Это приводило к конфликтам, в которых человек всегда выходил победителем, но платил слишком высокую цену. А самое худшее заключалось в том, что остановить начавшуюся колонизацию уже не удавалось. Да и как эвакуировать людей, которые пустили корни на новом месте? И борьба продолжалась, пока не находили какое-либо компромиссное решение, не слишком выгодное для обеих сторон.

Джо медленно кивнул, в полумраке светились его желтые глаза.

Скоро выяснилось, что Джо не в ладах с техникой. Он старался, но у него ничего не получалось. Он не мог овладеть простейшими операциями ремонта и технического обслуживания механизмов. Садясь за руль грузовика или трактора, он сжимался в комок, а машина, словно чувствуя его страх, выходила из повиновения.

С животными и растениями дело обстояло иначе. Он мог заставить «пони», все еще полудиких, выделывать такое, что другим и не снилось. У него они сами возили телеги, подходили на свист, спокойно

стояли, пока он вычесывал скребницей их зеленовато-серые бока. Он уходил в лес и возвращался с корзинами трав, от которых «индюшки» толстели на глазах. Когда дядя Гуннар спросил, откуда тот знает вкусы «индюшки», Джо лишь пожал плечами.

— Видите ли, мы гораздо ближе к природе, чем люди, — ответил он. — На воле ваши «индюшки» живут на лугах. Я видел их по пути на ферму. И пришел к выводу, что их естественной пищей должны быть растения, которых в достатке на тех лугах. Оставалось только разобраться, какие из них предпочитают «индюшки».

Он изучил сад, огород, поля и высказал несколько странных, на первый взгляд, идей.

— Посадите вот это растение вместе с пшеницей, — Джо протянул дяде Гуннару маленький желтый цветок. — Урожай будет больше.

— Почему? — спросил дядя Гуннар. — Это же сорняк.

— Да, но он всегда растет с дикими сородичами пшеницы. Я думаю, они каким-то образом помогают друг другу. Во всяком случае, давайте попробуем.

Дядя Гуннар пожал плечами, но разрешил Джо перенести на поле несколько цветков. И скоро стало ясно, что на этих участках пшеница выглядит куда лучше, чем на остальном поле.

— Джо принадлежит к чудному народу, — заметил как-то дядя Гуннар. — Они ничего не смыслят в технике, но, когда дело доходит до живых организмов, могут дать людям сто очков вперед.

— Возможно, мы сможем чему-нибудь научиться у них, — вставила тетя Эдит.

Она не могла нахвалиться Джо, особенно после того как он подобрал состав из трав и глины, из которого отлично лепились горшки и корзины. Тетя Эдит не жаловала пластиковую посуду — ее делали в Стелламонте. Экспорт же с Земли обходился недешево.

— У каждого народа есть свои сильные стороны, — продолжал дядя Гуннар. — Мне приходилось бывать на планетах, обитатели которых живут в тесном содружестве с природой. Они не создали ма-

шинную цивилизацию, но это не значит, что им не хватило для этого ума. Однако и технический прогресс имеет свои преимущества.

Гуляя по саду, Пит нашел Джо около «земляники». Ее кустики тот принес из леса. Они давали вкусные ягоды, но не терпели пересадки. То, что не получилось у людей, вышло у Джо с первого раза.

— У него просто зеленая рука, — улыбнулась тетя Эдит.

— Вероятно, дело в другом, — предположил дядя Гуннар. — Какое-то вещество, в микроскопической дозе выделяющееся через нашу кожу, убивает ростки. Организм Джо этого вещества не выделяет.

Инопланетянин поднял голову, при виде Пита его рот изогнулся, что означало улыбку.

— Привет, Пит.

— Привет, — ответил мальчик, присев рядом на корточки. — Разве ты не устал?

— Нет, — ответил Джо, не прекращая работы. Его пальцы ловко сновали среди хрупких стебельков. — Нет, мне это нравится. Солнце, свежий воздух, сладкий запах земли — от чего тут уставать?

Он покачал большой круглой головой.

— И зачем только вы, люди, отгораживаетесь от природы?

Джо заходил в дом лишь для того, чтобы поесть. И спал он под деревом, даже когда шел дождь.

— Но звездолет, к примеру, — отличная штука, — возразил Пит.

По телу Джо пробежала дрожь. Он поднял голову, оглядел широкий горизонт, залитый солнечным светом лес.

— Неужели вы хотите переделать весь этот мир? — спросил он. — Срубить деревья, изуродовать землю карьерами и закрыть небеса зданиями городов?

— Ну, наверное, не весь, — замялся Пит. — На Земле сейчас много лесов. Но, конечно, если на Нертусе будет жить больше людей, им не обойтись без новых домов и полей.

— Я мало знаю о вашем боге, — продолжил Джо. — Ваш бог — всепроникающий изначальный космос, и вы сами даже не притворяетесь, что можете

его понять. Это механический бог, Пит, математический бог. Не приходило ли тебе в голову, что могут быть и другие боги, например древние духи природы?

— Я не знаю, — промямлил Пит. Иногда Джо говорил слишком уж заумно.

— В ледяном мраке, между пламенеющими звездами, наверное, можно познать космос. Благоговейный трепет, восторг, восхищение — да, там все это есть. Но мои боги живут в лесах и реках, в легком ветерке, шелестящих листьях. Это боги жизни, Пит, а не огня и вакуума. Возможно, они — маленькие боги, которых заботит дерево, или цветок, или грезы ребенка, а не необъятное пространство, не Вселенная с бесчисленными звездами. И я думаю, что в Судный день голос моих богов будет звучать громче.

Пит не нашелся, что ответить. Потом подумал о том, что Джо боится заселения Эстана IV людьми.

— У вас есть ваша планета. Никто не посмеет отобрать ее у вас. Люди не высадятся на ней и не позволят сделать это никому другому.

— Возможно, что и нет, — согласился Джо. — Но иногда у меня возникают сомнения. Даже с самыми лучшими намерениями вы будете порабощать обитателей иных миров, не физически, но воздействуя на умы, побуждая их повторить ваш путь или ощутить свою неполноценность. Если мы начнем строить шахты и заводы на нашей планете, даже если это будут наши шахты и заводы, у нас никогда не будет прежней планеты, а мы сами станем другим народом. Мы выберем себе чужую судьбу.

— Что это за планета, Эстан IV? — спросил Пит.

— О, совсем как Нертус. Девственные леса и равнины, тишина. Нас там очень мало, но зато нам просторно, и это очень здорово. Наверное, я не очень хорошо объясняю.

— А вы бывали на Земле?

— Нет, не бывал. Ни на Земле, ни в других великих мирах Галактики. Я предпочитаю тихие, окраинные планеты. Боюсь, я не смогу рассказать тебе ничего интересного.

— О, — в голосе Пита послышалось разочарование. Дядя Гуннар знал множество захватывающих историй о космических путешествиях.

— Получается, что вопросы придется задавать мне, — усмехнулся Джо. — Я пришел учиться, потому что сам могу научить людей слишком малому, вернее, они никогда не прислушаются к тому, что я хочу им сказать. Сколько всего людей в Галактике?

— Ну, я не знаю. Да и вообще, вряд ли кто сможет ответить на ваш вопрос. Люди живут на многих планетах. Хотя... — Пит попытался вспомнить, что он читал, видел в фильмах, слышал на уроках астрографии. Очень скоро он рассказывал обо всем Джо. Тот кивал головой и изредка прерывал его вопросами. Никогда в жизни Питу не доводилось читать лекцию старшему по возрасту, и его буквально распирало от гордости.

— Как я понял, каждая звездная система пользуется значительной автономией, — заметил Джо, — а прямая связь Нертуса с Землей еще, по сути дела, не установлена. Но скажи мне, Пит, если земная цивилизация так хороша, как ты ее расписываешь, почему люди прилетели сюда? Что они этим выгадали?

— Ну, я думаю, причины могут быть самые разные. Многие поселенцы никогда не бывали на Земле. Они родились на других планетах и не смогли приспособиться к тамошним условиям. Жизнь была им не в радость, ведь современная цивилизация требует от каждого высокого уровня развития.

— Для своего возраста ты выражаешься чересчур сложно, — улыбнулся Джо.

— Я понимаю далеко не все, — признал Пит, — но мне говорят, что я во всем разберусь, когда подрасту. Во всяком случае, одни любят обширные пространства, другим нравится переезжать с места на место, третьим... да мало ли найдется причин.

— Но в чем экономическая выгода? Внешняя торговля тут минимальна, избыток пшеницы едва покрывает затраты на импорт. Зачем вашей цивилизации такие колонии, как на Нертусе?

— Главным образом для того, чтобы людям было где жить. Они хотят строить дома, обрабатывать землю. Если люди счастливы, не так уж и важно, какую они приносят прибыль.

— Понятно. Точка зрения, основанная на здравом смысле, хотя вашей цивилизации потребовался фантастически долгий срок, чтобы осознать эту простую истину. Но из твоих слов можно понять, что колонисты, к примеру, здесь, на Нертусе, приложат все силы, чтобы навсегда закрепиться на новой планете.

— Да, конечно. Что это за первопроходцы, которые отступят перед трудностями?

Джо покачал головой.

— Вы, люди, пойдете далеко, — пробормотал он. — Вы все в борьбе. Вы готовы сражаться даже за счастье, — он встал. — Ну, на сегодня достаточно. Пойдем посмотрим, как там «волы».

В те редкие ночи, когда по небу плыли обе полные луны, Пит, случалось, не мог заснуть.

Вот и на этот раз он проснулся и долго лежал, открыв глаза. Холодный свет лун струился в открытые окна и падал на пол, отбрасывая двойные тени, резкие и черные, словно кто-то вырезал их ножом. От ветерка занавески чуть-чуть колебались. Снаружи доносились шелест листьев, писк, стрекотание, пение неведомых на Земле птиц. Нежно позвякивали травяные колокольчики. Пит вслушивался в ночь.

Почему бы ему не встать и не выглянуть в окно, раз уж все равно не спится? Он улегся животом на подоконник. Лунный свет обесцветил деревья и траву, но видно было, как днем.

Внезапно Пит замер. Длинная, узкая тень скользила по серебристому лугу. Это был Джо... но что он там делал?

Инопланетянин вышел на опушку и засвистел. Может быть, он пел сам себе? Или ему нравилось гулять в лунном свете и разговаривать с ночью?

И тут Питу захотелось подкрасться к Джо и испугать его своим внезапным появлением. Потом они могли бы посидеть под деревом, где спал Джо, и

поговорить о далеких мирах. Джо всегда так внимательно слушал его рассказы.

Пит слез с подоконника, на цыпочках подошел к двери и выбрался из дома. Сна не было ни в одном глазу. Он посмеивался про себя, представляя, как подпрыгнет Джо от его неожиданного окрика.

Деревья и кусты служили идеальным укрытием. Пит бесшумно скользил по холодной, влажной траве, пока не оказался за стволом большого дерева в трех шагах от Джо.

Инопланетянин все еще стоял, вытянув четыре руки, и на мгновение в душе Пита шевельнулся страх. Незнакомые голоса, светящиеся в темноте глаза, пляшущие тени наполняли ночь, а дом едва был виден за кустами и деревьями.

Джо вновь засвистел каким-то особым, недоступным людям свистом. Ему ответило хлопанье крыльев.

С неба спустилась одна из огромных ночных птиц. Пит слышал их странные крики, доносящиеся из леса, иногда видел в густой листве их жуткие светящиеся глаза. Птица спикировала на руку Джо. Тот начал поглаживать ее, нашептывая какие-то успокаивающие слова на непонятном Питу языке. Мальчик сидел ни жив ни мертв. Он боялся даже дышать, чтобы не привлечь внимания этой ужасной птицы.

Джо достал из поясного карманчика узкую полоску бумаги и закрепил на ноге птицы. Затем засмеялся и подбросил ее в воздух. Черные крылья на мгновение закрыли луну. Птица растворилась в вышине.

Пит шевельнулся. И тут же Джо подскочил к нему. Его глаза полыхнули желтым огнем. Пит отпрянул.

— О, это ты, Пит, — Джо отступил на шаг и улыбнулся. — Пит, как ты меня напугал. Что ты тут делаешь?

— Я... я вышел... погулять, — пробормотал Пит, не поднимая глаз.

— Но ты же должен спать, — Джо покачал головой. — Дяде и тете это не понравится, Пит.

— Я увидел вас на лугу и захотел поговорить...

— В любое время, Пит, но только не ночью, когда все спят. А теперь марш домой, и я никому ничего не скажу.

— А что вы делали с той птицей?

— С птицей? А, это моя любимица. Она прилетает, когда я зову ее.

— Я и не знал, что этих птиц можно приручить. Дядя Гуннар рассказывал, что один человек пытался это сделать, но у него ничего не вышло.

— Значит, мне повезло больше, чем ему, Пит. А теперь иди, — Джо положил руку мальчику на плечо и легонько подтолкнул его к дому.

Испуг Пита уже прошел, и он не торопился уходить.

— Вы привязали к ноге птицы письмо. Для кого?

— Я привязал не письмо, а чистую полоску бумаги. Я хочу понять, можно ли использовать орвиша, так я назвал этих птиц, в качестве гонца. Птицы эти очень умны, и я думаю, что их можно научить переносить письма по определенному маршруту.

— Но зачем? У всех же есть видеофоны?

— Они могут и сломаться.

— Такого еще не бывало. Если они и сломаются, кто-нибудь обязательно прилетит, чтобы выяснить, почему мы не выходим на связь.

— Видишь, как я мало знаю о вашей жизни, — рассмеялся Джо. — Но возможно, я захочу взять несколько птиц на Эстан IV. Там они будут незаменимы. Я же говорил тебе, что мы не жалуем технику.

Когда они подошли к дому, Джо остановился.

— Ну, беги, Пит. Вытри ноги. Они мокрые от росы. И никому не говори о ночной прогулке. Ты отлично знаешь, что в это время надо спать. А я тебя не выдам, — он повернулся. — Спокойной ночи, Пит.

Проснувшись на следующее утро, Пит даже подумал, а не приснилась ли ему эта встреча на опушке. Но нет, зеленые пятна от травы на ногах подтверждали, что это был не сон.

За завтраком Джо, как обычно, был вежлив и спокоен, а покончив с хозяйственными делами, засел за книги по биологии, которые он подобрал в библиотеке дяди Гуннара. Особенно его интересовали био-

физика и биохимия, о которых он имел весьма смутное представление, несмотря на то, что в настоящих растениях и животных понимал куда больше, чем авторы этих ученых книг.

— В чем дело, Питер? — спросила тетя Эдит, всегда называвшая его полным именем. — Что-то ты сегодня грустный.

— Не грустный, а задумчивый, — поправил ее мальчик.

Ему, действительно, было о чем подумать. В школе он только начал изучать психологию, но уже знал, как следует оценивать то или иное событие, и понимал, что нужно вырабатывать собственное мнение, не полагаясь на чье-то слово. Поведение Джо не давало ему покоя.

Выйдя из дома, Пит прямиком направился к своему любимому месту — большой, покрытой мхом скале, теплой от солнца, и сел, прислонившись к ней спиной. Мысли его вертелись вокруг ночной встречи с Джо.

Да, на ферме все были довольны Джо, но многие его слова и поступки не вязались друг с другом. К примеру, он избегал разговоров о планетах, на которых ему довелось побывать, даже о своей собственной. Или его поведение прошлой ночью — он предложил довольно наивное объяснение, теперь это не вызывало сомнений. По существу, сказал первое, что пришло в голову. Если он хотел путешествовать и дальше, то не мог взять с собой этих огромных птиц. И потом, обитатели Эстана IV могли бы найти более удобное средство связи.

Ну, а если допустить, только допустить, что Джо солгал? Что он с планеты, которая не входит в Галактическую Федерацию? Люди и их союзники знали о Галактике не так уж много — слишком велики были ее просторы. Обитатели нескольких планет, не только земляне, освоили межзвездные полеты, но в Галактике могли быть и другие, не менее развитые цивилизации.

Если у такой цивилизации возникло бы желание изучить Галактическую Федерацию, не выдавая себя, то какие шаги она бы предприняла? Ответ лежал на

поверхности. Пит видел много стереофильмов с подобными сюжетами. Они послали бы своих агентов под видом безобидных туристов, рабочих или студентов с той или другой окраинной планеты, о которой едва ли кто слышал.

Может быть, звездолет Джо опустился где-нибудь в девственном лесу? Тогда понятно, почему он пришел на ферму пешком. И птиц он использовал для связи со своими спутниками. Он или опасался, что радиосигнал кто-то услышит, или считал, что наличие радиопередатчика у наемного рабочего неминуемо вызовет подозрение. А собрав нужные сведения...

Мог ли Нертус стать опорной базой пришельцев? Защитных сооружений на планете не было. Ее мог захватить один боевой звездолет.

А все-таки, вдруг это только его фантазии? Дядя Гуннар лишь посмеется и посоветует ему меньше смотреть стереовизор. Но, с другой стороны, не может же он сидеть сложа руки и ничего не предпринимать, даже если его доводы не столь убедительны.

Дальнейшие размышления позволили Питу наметить план действий, которым мог бы гордиться хороший детектив. Он едва сдерживал нетерпение. Его осенила блестящая идея!

Главное теперь — не спешить. Он должен проделать все втайне, потому что сначала взрослые наверняка не примут всерьез его подозрений. А если все-таки поверят и разрешат позвонить в Стелламонт, Джо может оказаться где-то поблизости, и кто знает, что он предпримет, чтобы остановить их.

Но допустим, этого не произойдет. Допустим, Питу удастся выполнить все, что он задумал, а потом выяснится, что Джо — именно тот, за кого себя выдает. И он, Пит, окажется в дураках. Да, как ни крути, придется подождать до ночи.

День тянулся бесконечно. Солнце, казалось, прилипло к небу и никак не хотело двигаться. Джо ходил по ферме, занимаясь обычными делами.

— В чем дело, Питер? — спросила тетя Эдит за ленчем. — Ты плохо выглядишь.

— О, со мной все в порядке, — пробормотал Пит. — Честное слово.

— Переутомление, — заметил Джо, сидевший за столом рядом с мальчиком. — Что тебя тревожит, Пит?

— Ничего. Абсолютно ничего, — ответил тот.

Джо намазал маслом кусок хлеба.

— Тебе надо развеяться, — продолжал инопланетянин. — Почему бы тебе не прогуляться со мной? Я поеду в лес за плодородной почвой. Цветы что-то плохо растут, их надо подкормить.

— О, нет... я не могу, — ахнул про себя Пит, его сердце учащенно забилось.

— С чего это? — вмешался дядя Гуннар. — Такая прогулка только пойдет тебе на пользу.

Пит с трудом подавил желание вскочить, закричать, что он никуда не пойдет, он боится, а Джо, похоже, догадывается о его подозрениях и хочет убить его в зеленой тишине леса. Но, может быть, Джо и не решится на преступление?

— Хорошо, — кивнул Пит. — Я буду готов через минуту.

Он забежал в свою комнату и написал на листке бумаги: «Джо — агент пришельцев. Если я не вернусь, значит, он боялся, как бы я не рассказал о том, что мне известно. Целую, Пит». Листок он положил в ящик стола и вернулся в столовую.

Они запрягли «пони» в телегу и поехали в лес. К изумлению Пита, ничего не произошло. Джо болтал, как обычно, в основном ругая людей, что они губят леса, вырубая деревья. Лишь однажды он бросил на Пита странный печальный взгляд и покачал головой. На ферму они вернулись к ужину.

Пит не находил себе места. Теперь он уже сомневался во всем. Джо явно не хотел вести себя, как вражеский шпион. Да и вообще, с какой стати посылать шпиона именно на их ферму?

Только... Джо все-таки чем-то отличался от обычного наемного работника.

На горизонте померк закат, и вскоре Пита отправили спать. Опять нестерпимо долго тянулось время, пока взрослые сидели в гостиной. Наконец, огни в

комнатах погасли. Пит подождал еще, а затем выскользнул из-под одеяла.

Мальчик оглядел из окна луг, залитый лунным светом. Все то же: серебрящиеся трава и кусты, пение ночи, мерцание звезд. Не было лишь Джо. Наверное, он спал под своим деревом. Как хотелось Питу, чтобы так оно и было на самом деле!

Пит прошел в гостиную. Лунный свет не проникал в окна на этой стороне дома, и в кромешной тьме мальчик на ощупь добрался до стоящего в углу видеофона. Под его ногой скрипнула половица, и он замер, боясь пошевелиться, но в доме по-прежнему царила тишина.

Пит осторожно повернул фосфоресцирующие диски. Засветился экран.

Мгновение спустя на нем появилось лицо молодой женщины.

— Здравствуйте, — прошептал Пит, — я звоню по поручению моего дяди, Гуннара Торлайфссона.

— Простите, — от ее голоса, казалось, содрогнулись стены дома. — Я не расслышала, что вы сказали.

Пит рывком убрал звук, но ему пришлось чуть громче повторить сказанное.

— Мой дядя очень занят, — продолжил он, — и попросил меня связаться с вами.

— Конечно, я вас слушаю, — похоже, дядю Гуннара хорошо знали в Стелламонте.

— У вас есть Галактический каталог, не так ли? Перечень всех открытых планет с их краткими описаниями?

— Естественно. Каталог есть в каждом космопорте.

— Ваш экземпляр не очень устарел?

— Ну, новые планеты обычно заносятся в каталог примерно через год после того, как поступает официальное сообщение об их открытии. Что вас интересует?

— Скажите, пожалуйста, есть ли в каталоге планета Эстан IV? Возможно, так называют ее местные жители, но точно я не знаю.

— Это неважно. В каталог заносится название планеты на всех языках. Что еще известно о планете?

— Земного типа, вроде бы открыта несколько лет назад. Местные жители... — и он подробно описал Джо, добавив, что цивилизация на Эстане IV — биологическая, не признающая машин. — Дядя также хотел бы знать, не появлялся ли в последнее время в Стелламонте кто-нибудь из жителей этой планеты.

— Я проверю по списку вновь прибывших. Позвольте спросить, а зачем это нужно вашему дяде?

— Он... он пишет книгу и не уверен, правильно ли указал название планеты и описал ее жителей...

— Понятно. Подождите несколько минут, я сейчас все выясню.

— Конечно. Большое спасибо!

Голова женщины исчезла с экрана. Пит облегченно вздохнул.

— Ты не доверяешь мне, Пит? — раздался голос Джо.

Мальчик пошатнулся, едва не перевернув видеофон.

Гигантский силуэт Джо замер в дверном проеме. В отсветах мерцающего экрана его глаза казались янтарными лунами.

— За кого ты меня принимаешь, Пит? — мягко спросил инопланетянин.

— Я... я... — Питу хотелось закричать.

Внезапно в руке Джо появилось оружие.

Пит задрожал.

— Что вам нужно? — прошептал он. — Зачем вы здесь?

— Я заметил в гостиной свет и решил взглянуть, что тут происходит, — Джо пересек комнату, направляясь к книжным полкам. — Но почему ты задавал женщине эти вопросы?

— Вы — пришелец, — у Пита лязгнули зубы. — Вы — вражеский шпион...

— Откуда же я прилетел? — беззаботно спросил Джо.

— Не знаю. Но теперь я смогу доказать...

— Конечно, сможешь. В Галактическом каталоге не окажется планеты, называющейся Эстан IV, а в Стелламонт не прилетал пассажир, похожий на меня. Таким образом, будет доказано, что я — лжец. Но означает ли это, что я — твой враг?

Пит не ответил.

— Выключи видеофон, Пит, — попросил Джо. — Женщина может заподозрить неладное, но прежде чем она успеет что-нибудь предпринять, я буду уже далеко.

Двумя свободными руками он начал снимать с полок книги.

— К сожалению, мне придется превратиться и в вора, но другого выхода нет. Мне нужны эти книги.

— Что вы задумали? — прошептал Пит.

— Ну, даже не знаю, — Джо улыбнулся. — Все зависит от того, кто я такой. Если я — безжалостный пришелец из ваших дешевых фильмов, то должен убить всех живущих в доме, не так ли? Но я никого не убиваю, Пит. Почему? Откуда я пришел?

— Не знаю... как я могу это знать... пожалуйста, Джо...

— Скажи, что ты думаешь обо мне. Только быстро.

И Пит выложил все свои подозрения. Слова громоздились одно на другое, спеша сорваться с его губ. Выслушав мальчика, Джо кивнул.

— Молодец, Пит. Да, ты обо всем догадался. Только ты даже не представляешь, из какого далека мы прилетели. В наших намерениях нет вражды к людям. Мы просто изучаем вашу цивилизацию, прежде чем вступить в прямой контакт. Теперь мне надо идти. Мой звездолет ждет вон в том лесу. Мой доклад будет лишь одним из многих и, проанализировав их все, наше руководство решит, начинать с вами переговоры или нет. Я советую тебе сохранить наш разговор в тайне. Чем лучше мы изучим вас, тем полнее выявим все достоинства вашей цивилизации. Вот и я, гостя в доме твоего дяди, убедился, что их немало, и у меня нет даже мысли об убийстве. Прощай, Пит, мне пора.

— Нет! — прогремел голос Гуннара.

Джо окаменел, его взгляд метнулся к двери. В руках его хозяина, стоявшего на пороге комнаты, матово блестело ружье.

— Я давно слушаю ваш разговор, — продолжал дядя Гуннар. — Ты останешься здесь, Джо.

— И не подумаю, — тут же возразил тот. — Я успею выстрелить до того, как вы меня убьете. Вам и мальчику может не поздоровиться. Позвольте мне уйти.

— Никогда. Ты у меня на прицеле. Пуля вызовет гидростатический шок, и ты не успеешь нажать на курок. Я не могу отпустить тебя.

— Вы забываете, что на боевом звездолете ждут моего возвращения, — спокойно ответил Джо. — Если меня убьют, мои товарищи это так не оставят. Они отомстят. А теперь — выпустите меня.

Он двинулся к двери, не поднимая оружия, но и не снимая пальца с курка.

— Возможно, вы сумеете выстрелить первым, но рискнете ли вы жизнью мальчика?

— Давай разойдемся по-хорошему, — предложил дядя Гуннар. — Я пойду с тобой и поговорю с твоими друзьями.

— Нет, — качнул головой Джо. — Мы улетаем сегодня.

Внезапным прыжком Джо покрыл оставшиеся два метра до дяди Гуннара. Их тела сплелись в клубок, а в следующее мгновение дядя Гуннар вылетел на середину гостиной. Джо бросился в холл.

Дядя Гуннар рванулся следом. Джо выстрелил, что-то вспыхнуло, громыхнуло, входную дверь сорвало с петель и швырнуло наружу.

И Джо помчался по залитому лунным светом лугу. А затем скрылся в лесу.

Потом Пит плакал на груди у тети Эдит, а дядя Гуннар неуклюже похлопывал его по плечу, приговаривая, какой он храбрый мальчик.

— Но почему ты мне ничего не сказал? — сокрушался он. — Я услышал голоса в гостиной и спустился вниз, но если бы ты предупредил меня заранее...

Немного успокоившись, Пит выложил всю историю о том, как он заподозрил Джо. Дядя Гуннар помрачнел. Тетя Эдит побледнела.

— Значит, он вернулся на боевой звездолет, — прошептала она. — И теперь полетит на свою планету...

— Возможно, — дядя Гуннар прошелся по комнате. От сожженной двери тянуло гарью. — Возможно и так. Но зачем он взял мои книги? — он оглядел опустевшие полки. — Зачем ему понадобилась литература по биологии, если он и так знает о растениях и животных куда больше, чем мы, люди?

Дядя Гуннар почесал рыжую голову.

— Я ничего не могу понять, Эдит. Вероятно, он хотел заполнить какой-то пробел в своем образовании. Его интересовали биофизика и биохимия. Наверное, цивилизация Джо отстала в этих дисциплинах. На это указывает и его полная беспомощность в технике... Но как такая цивилизация могла построить звездолет?

— Возможно, у них есть союзники, — предположила тетя Эдит, — которые и строят и водят звездолеты.

— Может быть и так, — в голосе дяди Гуннара слышалось сомнение. — Но все равно, не сходятся тут концы с концами...

Он замолк на полуслове и долгую, долгую минуту стоял с открытым ртом.

— О, великий космос! — прохрипел он, вновь обретя дар речи. — Так вот, значит, в чем дело.

— В чем же? — озабоченно откликнулась тетя Эдит.

— Джо! Он лгал. Как он лгал! Когда его поймали на одной лжи, он тут же выдумал другую. Он просто гений, этот Джо!

— Я тебя не понимаю. Кто он? Откуда?

Дядя Гуннар сумел взять себя в руки.

— Все сходится. Большинство животных на этой планете имеет шесть конечностей. Млекопитающие покрыты зеленоватой шерстью. Как и Джо.

— Ты думаешь...

— Да, дорогая. Поэтому местных животных не беспокоил его запах, поэтому он так много знал о растениях Нертуса. Вот почему у него, как ты говорила, зеленая рука. Джо — абориген.

Повисла тяжелая тишина. Затем дядя Гуннар невесело рассмеялся.

— Они создали биологическую цивилизацию. Они живут в лесах, но это не означает, что они дикари. Просто они умеют обходиться без машин. Они не строят домов, возможно, живут в стволах деревьев, не пользуются орудиями труда, и не мудрено, что исследовательская экспедиция не нашла признаков разумной жизни. Особенно, если учесть, что местные жители встретили людей настороженно и спрятались от них. Все это время мы думали, что на планете, кроме нас, никого нет, а они наблюдали за нами...

— Они брали наши вещи — видеофоны, гипнотехнику, книги. Познакомились с нашей культурой, выучили наш язык... и наконец послали агента, чтобы тот пожил с нами и понял нас.

Дядя Гуннар вновь усмехнулся.

— Да, задумано было блестяще. Джо правильно рассчитал, что мы не будем проверять, кто он такой. И мы не стали, только вот Пит... А потом он чуть не убедил нас, что прилетел издалека. Он едва не заставил человечество прочесать всю Галактику в поисках его мифической планеты, в то время как она находится у нас под носом.

И он выиграл! Он убежал с бесценной информацией, унес с собой книги, благодаря которым его народ опередит нас на столетия. Если они начнут биологическую войну... А мы по-прежнему ничего о них не знаем. Сколько их, где они живут, как мыслят, чего хотят...

Тетя Эдит прижала к себе Пита.

— Но Джо... такой хороший, — прошептал тот.

— Да, конечно, — дядя Гуннар задумчиво взглянул на серебрящийся луг. — Конечно, отличный па-

рень, но все ли они такие? А может, он только прикидывался? Он ведь убежал.

— А если они выберут мир? — спросила тетя Эдит. — Они же понимают, что не смогут победить всю Галактику.

— Понимать-то понимают, но смогут немало выторговать, угрожая напасть на колонистов. Если захотят... — дядя Гуннар пожал плечами. — Возможно, и не захотят. А наоборот, решат сотрудничать с нами. Работая вместе, люди и нертусианцы превратят эту планету в рай. Но мы не знаем, какие они, Эдит, пока не знаем...

ЦАРИЦА ВЕТРОВ И ТЬМЫ

Последние отблески последнего заката продержатся в небе еще до середины зимы, но день уже кончился, и северные земли охватило ликование. Раскрылись яркие соцветия на ветвях огненных деревьев, на поросших броком и дождевальником холмах заголубели чашечки сталецвета, в долинах раскрыли белые лепестки первые застенчивые «недотроги». Заметались над лугами порхунчики с радужными крыльями, тряхнул рогами и зычно затрубил королевский олень. Фиолетовое небо от горизонта до горизонта заполнилось чернотой. Обе луны, почти полные, лили свой студеный свет на листву и оставляли в воде дорожки расплавленного серебра, но тени от них размывались северным сиянием. Огромное мерцающее полотнище раскинулось на полнеба, а за ним уже проглядывали ранние звезды.

Под дольменом, венчающим курган Воланда, сидели юноша и девушка. Их длинные, чуть не до пояса, волосы, выбеленные летним солнцем, светились в полутьме, словно два ярких пятна, зато тела, темные от загара, почти сливались с землей, кустарником и камнями. Юноша играл на костяной флейте, девушка пела. Совсем недавно они открыли для себя любовь. Им было около шестнадцати, но ни он, ни она не знали этого. Оба считали себя аутлингами, по традиции безразличными к ходу времени, и почти ничего не помнили о жизни среди людей.

Холодные звуки флейты оплетали ее голос тонкой мелодией:

Волшебные чары
Сложим на пару
Из капель росы и пыли,
Из ночи, что нас укрыла.

Ручей у подножия кургана, уносящий отблески лунного света к скрытой за холмами реке, откликался на песню веселым журчанием. На фоне северного сияния то и дело проскальзывали в небе темные силуэты летучих дьяволов.

Через ручей перепрыгнуло существо с двумя руками, двумя длинными, когтистыми ногами и целиком, до самого хвоста, покрытое перьями. За спиной у него колыхались большие сложенные крылья. На лице, лишь наполовину человеческом, блестели огромные глаза. Если бы Айох мог выпрямиться, он, пожалуй, достал бы юноше до плеча.

— Он что-то несет, — сказала девушка, поднимаясь. В северных сумерках она видела гораздо хуже, чем издревле обитавшие здесь существа, но у нее давно вошло в привычку полагаться даже на крохотные подсказки своих чувств: помимо того, что пэки обычно летают, этот передвигался, хотя и торопливо, но явно с трудом.

— И он идет с юга. — В душе юноши, словно расцветший зеленый всполох на фоне созвездия Лирт, разгорелось радостное предчувствие, и он устремился к подножию холма. — Эгей, Айох! Это я, Погонщик Тумана!

— И я, Тень Сновидения, — выкрикнула, смеясь, девушка и последовала за ним.

Пэк остановился. За его шумным дыханием даже не слышно было шороха листвы вокруг. От того места, где он стоял, тянуло острым запахом раздавленных плодов йербы.

— С рождением зимы! Вы поможете мне отнести вот это в Кархеддин, — сипло проговорил пэк и протянул им свою ношу. Глаза его светились, словно два желтых фонаря. Ноша шевелилась и хныкала.

— Ой, это ребенок, — сказал Погонщик Тумана.

— Такой же, как и ты в детстве, такой же, как и ты. Хо-хо! Вот это улов! — хвастливо произнес

Айох. — Их там было немало, в лагере у Перепаханного леса, все вооружены, а кроме сторожевых машин у них еще и злющие псы, что бродят по лагерю, пока люди спят. Но я спустился с неба, причем сначала долго следил и, лишь когда убедился, что горстки сонной пыли будет...

— Бедняжка. — Тень Сновидения взяла мальчика из рук Айоха и прижала к своей маленькой груди. — Ты еще совсем сонный, да?

Ребенок слепо ткнулся губами один раз, другой, пока не нашел наконец сосок. Девушка улыбнулась через завесу ниспадающих волос.

— Нет-нет, я еще слишком молода, а ты уже вырос из этого возраста. Однако когда ты проснешься у подножия горы в Кархеддине, у тебя будет настоящий пир...

— О-о-о, она повсюду, она все слышит и все видит. Она идет, — сказал вдруг Айох очень тихо и опустился на колени, сложив крылья еще плотнее.

Спустя секунду опустился на колени Погонщик Тумана, за ним Тень Сновидения, но мальчика она по-прежнему прижимала к себе.

Высокий силуэт Царицы заслонил обе луны. Она молча разглядывала всех троих и добычу Айоха. Журчание ручья, шорох травы — все звуки медленно таяли, исчезали, и вскоре им начало казаться, будто они слышат даже шипение северных огней.

Наконец Айох прошептал:

— Я хорошо поступил, Праматерь Звезд?

— Если ты украл ребенка в том лагере, где множество машин, — донесся до них ее прекрасный голос, — то эти люди наверняка с дальнего юга, и они, возможно, отнесутся к пропаже не так покорно, как фермеры.

— Но что они могут сделать, Создательница Снега? — спросил пэк. — Как они нас выследят?

Погонщик Тумана поднял голову и с гордостью произнес:

— Кроме того, теперь и они почувствовали страх перед нами.

— И он такой милый, — сказала Тень Сновидения. — Нам ведь нужны такие, как он, да, Повелительница Неба?

— Время от времени это должно случаться, — донесся с высоты голос Царицы. — Примите дитя и позаботьтесь о нем. Этим знамением... — она взмахнула рукой, совершив несколько сложных движений, — мальчик объявляется Истинным Обитателем.

Их радость наконец выплеснулась наружу. Перекатившись по земле кувырком, Айох врезался в дерево, затем вскарабкался по стволу дрожелиста, уселся на сук, скрывшись в беспокойной бледной листве, и ликующе заклекотал. Юноша и девушка с младенцем на руках двинулись к Кархеддину легкой, подпрыгивающей походкой. Он снова заиграл на флейте, а она запела:

Уайяй, уайяй!
Уайала-лай!
Взлети на ветру,
Высоко в небеса,
С пронзительным звонким свистом
И упади вместе с дождем,
Сквозь непогоду промчав,
Нырни к деревьям под луной,
Где тени тяжелы, как сны,
Приляг и слейся с ритмом волн,
Где тонут звездные лучи.

Едва войдя в комнату, Барбро Каллен почувствовала смятение, пробившееся даже сквозь ее печаль и ярость. В комнате царил полный беспорядок. Журналы, кассеты с лентами, пустые бобины, справочники, картотечные ящики, бумажки с каракулями лежали грудами на каждом столе. Повсюду — тонкий слой пыли. У одной из стен ютился небольшой лабораторный комплекс — микроскоп и различные анализаторы. Барбро готова была признать за помещением компактность и эффективность, но все-таки при слове «кабинет» представляется нечто иное. Кроме того, в воздухе чувствовался слабый запах какой-то химии. Ковер протерся во многих местах, мебель стояла обшарпанная и старая.

Неужели это ее последний шанс?

— Добрый день, миссис Каллен.

Бодрый голос. Крепкое рукопожатие. Выцветший старый комбинезон в обтяжку... Впрочем, последнее ее не задело: она и сама уделяла одежде мало внимания, разве что по праздникам. (А будет ли у нее в жизни еще какой-нибудь праздник, если ей так и не удастся найти Джимми?) Неряшливости, правда, она никогда себе не позволяла.

Он улыбнулся, и у глаз сложились тоненькие морщинки, похожие на отпечаток птичьей лапы.

— Я приношу свои извинения за холостяцкий беспорядок. На Беовульфе у нас об этом заботились машины, и я так и не приобрел нужных навыков. А нанимать кого-то для уборки не хотелось: потом каждую вещь будешь искать по полчаса. Да и работать здесь гораздо удобнее, и не нужно отдельной приемной... А вы садитесь, садитесь.

— Спасибо, я постою, — пробормотала она.

— Понимаю. Но если вы не возражаете, я все-таки лучше соображаю сидя.

Шерринфорд плюхнулся в кресло и закинул одну длинную ногу на другую, потом достал трубку и набил ее табаком из кисета. Барбро даже удивилась, что он употребляет табак таким допотопным способом: ведь на Беовульфе полно самых современных чудес технологии, которые они до сих пор не могут позволить себе здесь, на Роланде... Хотя, конечно, древние обычаи и привычки могут сохраняться в любой ситуации. В колониях они, во всяком случае, сохраняются. В конце концов люди отправились к звездам именно в надежде сохранить какие-то уходящие в прошлое стороны жизни вроде родного языка, или конституционного правительства, или цивилизации, построенной на рациональной технологии...

Из усталой задумчивости ее вывел Шерринфорд:

— Миссис Каллен, вам нужно посвятить меня в детали. Вы сказали, что вашего сына похитили, но местная полиция не предприняла никаких действий. Помимо этого я знаю лишь несколько вполне очевидных фактов. Мне известно, что вы не развелись, а овдовели, что вы дочь дальнопоселенцев с Земли

Ольги Ивановой, но они тем не менее всегда поддерживали тесный телекоммуникационный контакт с Рождественской Посадкой. Вы специалист в какой-то из областей биологии, но работу возобновили лишь недавно после перерыва в несколько лет.

Барбро озадаченно взглянула на его обрамленное черными волосами лицо с высокими скулами и крючковатым носом под серыми глазами. В этот момент зажигалка щелкнула и вспыхнула, заполнив светом, казалось, всю комнату. Шум городских улиц едва доносился снизу, а в окна сочились зимние сумерки.

— Откуда вы, черт возьми, все это знаете? — воскликнула она невольно.

Шерринфорд пожал плечами и заговорил в своей знаменитой лекторской манере:

— Вся моя работа зависит от того, насколько хорошо я умею замечать мелкие детали и воссоздавать по ним цельную картину. За сто с небольшим лет пребывания на Роланде люди, стремясь жить рядом с теми, кто им ближе по происхождению или образу мысли, уже успели сформировать региональные акценты. Я сразу заметил у вас некоторую картавость, характерную для жителей Земли Ольги Ивановой, но гласные вы произносите в нос, как в этих местах, хотя сейчас живете в Портолондоне. Следовательно, в детстве вы регулярно слышали столичную речь. Далее, вы сказали мне, что работали в экспедиции Мацуямы и взяли с собой ребенка. Какому-нибудь обычному технику этого никто бы не разрешил. Следовательно, вы обладаете достаточно большой квалификацией, чтобы вам это сошло с рук. Экспедиция занималась экологическими исследованиями. Значит, вы специалист в какой-то из областей биологии. По той же причине у вас должен быть определенный опыт работы в полевых условиях. Однако лицо у вас чистое, необветренное и без загара, из чего я заключил, что до этой злополучной экспедиции вы довольно долгое время сидели дома. Что же касается вдовства... Вы ни разу не упомянули мужа, но у вас был мужчина, о котором вы остались настолько высокого мнения, что все еще носите подаренные им

кольца — обручальное и то, которое он преподнес вам при помолвке.

Глаза ее заблестели влагой. Последние слова Шеррингфорда снова вернули в памяти Тима — огромного, нежного весельчака с румяным лицом. Барбро пришлось отвести взгляд в сторону.

— Да, — заставила она себя сказать, — вы правы.

Квартира находилась на вершине холма, вознесшегося над Рождественской Посадкой. Ступенями из крыш и стен, с архаичными дымоходами, освещенными улицами и крошечными огнями экипажей город спускался вниз, к порту в заливе Риска, где время от времени причаливали корабли с Солнечных островов и из более удаленных регионов Северного океана, мерцающего в отблесках Карла Великого, словно разлитая ртуть. Быстро взбирался по небосклону Оливер, пятнистый оранжевый диск больше углового градуса диаметром. Ближе к зениту, куда он так и не доберется, Оливер заблестит, словно лед. Альда, кажущаяся в два раза меньше, выглядела тоненьким серпом, медленно ползущим недалеко от Сириуса, который, как Барбро помнила, совсем недалеко от Солнца, но Солнце без телескопа отсюда уже не видно...

— Да, — повторила она, борясь со сдавливающей горло болью, — мой муж погиб четыре года назад. Я носила нашего первенца, когда его убил обезумевший монорог. Мы поженились тремя годами раньше. Встретились еще в университете... Сами знаете, передачи из Школьного центра дают только базовое образование. Мы создали свою собственную группу для проведения экологических исследований по контрактам... Может ли какая-то территория заселяться с сохранением природного баланса, какие культуры будут там расти, какие могут встретиться опасности и тому подобное... После я выполняла кое-какие лабораторные исследования для рыболовецкого кооператива в Портолондоне, но монотонность работы... все время взаперти... это словно подтачивало меня изнутри... А тут профессор Мацуяма предложил мне место в экспедиции для изучения Земли Комиссара Хоча. Я думала, Боже, я думала, что с Джимми... Едва только анализы подтвердили, что будет мальчик, Тим захо-

тел, чтобы мы назвали его Джеймсом, потому что у него отец Джеймс и потому что ему нравилось, как звучит «Тимми и Джимми», и... Я думала, что с Джимми ничего не случится. Я просто не могла оставить его на несколько месяцев... в таком возрасте. Мы полагали, что сумеем проследить, чтобы он никогда не уходил за пределы лагеря, а внутри ему ничего не угрожало. Я никогда не верила в эти байки про аутлингов, которые крадут детей. Считала, что их в оправдание себе или в утешение придумывают родители, по небрежности не уследившие за детьми, когда те потерялись в лесу, или наткнулись на стаю дьяволков, или... Теперь я другого мнения, мистер Шерринфорд. Сторожевых роботов обошли, собак усыпили, и, когда я проснулась, Джимми уже не было...

Некоторое время он просто разглядывал ее сквозь облака дыма. Барбро Энгдал Каллен выглядела лет на тридцать или около того. (Роландских лет, напомнил себе Шерринфорд, которые составляют девяносто пять процентов от земных и совсем уже не совпадают с летосчислением Беовульфа.) Крупная, широкоплечая женщина, длинноногая, полногрудая и гибкая. Широкое лицо, ровный взгляд карих глаз, тяжелый, но подвижный рот, каштановые с рыжинкой волосы, короткая прическа, хрипловатый голос, одежда простая, обыденная. Чтобы отвлечь ее, чтобы она перестала заламывать пальцы от мучительных воспоминаний, Шерринфорд спросил:

— А теперь вы верите в аутлингов?

— Нет. Просто у меня поубавилось прежней категоричности. — Она резко обернулась, и в ее глазах сверкнуло сдержанное раздражение. — Кроме того, мы находим следы...

— Ископаемые останки, — кивнул Шерринфорд. — И кое-какие предметы материальной культуры на уровне неолита. Все — очень древние, как будто их создатели вымерли уже давно. Интенсивные поиски разумных обитателей планеты не принесли никаких результатов.

— Насколько интенсивными могут быть поиски в районе Северного полюса, если летом там постоянно штормит, а зимой — холод и мрак? Нас на всю

планету — сколько? миллион? — и половина живет в одном этом городе.

— Но вторая половина все-таки расселилась по континенту, — заметил Шерринфорд.

— Арктика — это пять миллионов квадратных километров, — парировала Барбро. — Непосредственно Арктическая зона занимает примерно четверть этой площади. У нас нет пока промышленной основы, чтобы повесить над планетой наблюдательные спутники или построить самолеты, которым можно было бы доверять на таких широтах, или пробить дороги в сумеречные земли, поставить там постоянные базы, узнать эти места по-настоящему, приручить их. Боже, да вы сами подумайте: несколько поколений фермеров-одиночек рассказывали байки про Серую Мантию, а специалисты впервые обнаружили этого зверя в прошлом году!

— И все же вы не верите, что аутлинги существуют?

— С таким же успехом можно предположить существование некоего тайного культа, возникшего там, в глуши, от изоляции и невежества. Может, эти люди скрываются и, когда возможно, крадут детей для... — Она с трудом сглотнула и опустила голову. — В конце концов, вы в таких вещах лучше разбираетесь.

— Насколько я понял из того, что вы сообщили мне по визифону, портолондонская полиция поставила под сомнение достоверность показаний ваших коллег. Они утверждали, что ваш рассказ — это по большей части истерика, что вы, очевидно, не уследили за ребенком, и он, выбравшись за пределы базы, просто заблудился.

Эти сухие слова помогли ей избавиться от давящего ужаса. Барбро покраснела, потом ответила с вызовом:

— Как у поселенцев на дальних землях, вы это имеете в виду? Так вот, я все-таки взяла себя в руки и проверила имеющиеся на этот счет данные. В компьютерных банках памяти описывается слишком много таких исчезновений, чтобы это можно было объяснить несчастными случаями. И вправе ли мы сбрасывать со счетов иногда всплывающие рассказы

перепуганных людей о кратких появлениях давно пропавших детей? Однако, когда я пошла в полицию со всеми этими фактами, от меня просто отмахнулись. Отчасти, возможно, потому, что у них катастрофически не хватает людей. И они тоже боятся. Ведь полицию там набирают из таких же деревенских парней, а сам Портолондон стоит чуть ли не на границе с неизвестностью. — Она сникла и добавила бесцветным голосом: — На Роланде нет централизованного полицейского управления. Вы — моя последняя надежда.

Шерринфорд выпустил в темноту облако дыма, и оно тут же в ней растаяло, потом сказал потеплевшим тоном:

— Пожалуйста, не надейтесь на меня слишком сильно, миссис Каллен. Я на этой планете единственный частный детектив, мне не на кого рассчитывать, кроме себя, а кроме того, я тут еще новичок.

— Сколько вы здесь прожили?

— Двенадцать лет. Едва-едва освоился на сравнительно цивилизованном побережье. Что уж тут говорить, когда даже вы, здешние, после ста с лишним лет освоения планеты до сих пор не знаете сердца Арктики? — Он вздохнул и продолжил: — Я, конечно, займусь этим делом и возьму с вас не больше, чем необходимо. Во всяком случае, я приобрету какой-то опыт, узнаю новые места. Но с одним условием: вы будете моим гидом и помощником.

— Конечно. Сидеть в ожидании, без дела... Это было бы ужасно. Но почему именно я?

— Нанимать кого-то столь же опытного будет слишком дорого: здесь, на малоосвоенной планете, у каждого сотни неотложных дел. Кроме того, у вас есть мотив. Что тоже не лишнее. Я родился на планете, совсем не похожей на эту и на Землю-прародительницу, так что я прекрасно понимаю, в каком мы находимся положении.

Над Рождественской Посадкой собиралась ночь. Температура оставалась умеренной, но подсвечиваемые северным сиянием языки тумана, змеящиеся по улицам, казались леденяще холодными, и еще холоднее выглядело само северное сияние, вздрагивающее

и переливающееся между лунами. В комнате стало темно, и женщина невольно придвинулась ближе к мужчине, заметив это, лишь когда он включил световую панель. В них обоих жило присущее Роланду ощущение одиночества.

Один световой год — это не так уж много по галактическим меркам. Человек может пройти такое расстояние примерно за 270 миллионов лет. Скажем, если отправиться в дорогу в пермский период, когда даже динозавры еще только должны были появиться на Земле, то закончится путешествие как раз сейчас, когда космические корабли летают гораздо дальше. Но в окружающем нас районе Галактики расстояния между звездами составляют в среднем девять с небольшим светолет, и едва у одного процента звезд есть планеты, пригодные для человека, а еще надо учесть, что предельная скорость кораблей все-таки ниже, чем у светового излучения. Немного помогает релятивистское сокращение времени и анабиоз в пути, отчего путешествия кажутся короткими, но история на родной планете от всего этого не останавливается.

Короче, путешествий от звезды к звезде всегда будет мало, и колонистами становятся лишь те, у кого есть на то особые причины. Для экзогенного выращивания домашних животных и растений они берут с собой зародышевую плазму. Человеческую тоже — чтобы колония росла быстро и могла за счет генетического дрейфа избежать вырождения. В такой ситуации вряд ли стоит рассчитывать на следующую волну иммигрантов. Может быть, два или три раза в столетие залетит корабль с другой планеты. (Но не с Земли, которая уже давно озабочена своими проблемами, совершенно непонятными и чуждыми этим людям.) Скорее всего корабль прибудет с какой-нибудь уже окрепшей колонии: молодым поселениям не до постройки космических кораблей.

Само их выживание, не говоря уже о последующей модернизации, стоит под вопросом. Отцам-основателям приходилось брать что попадется: Вселенная ведь создавалась не специально для человека.

Например, Роланд. Одна из счастливых находок. Мир, где человек может жить, дышать, есть пищу, пить воду, ходить нагим, если ему захочется, сеять злаки, разводить скот, рыть шахты, возводить дома, растить детей и внуков. Видимо, оно того стоит — пересечь три четверти светового века, чтобы сохранить какие-то дорогие сердцу ценности и пустить новые корни на земле Роланда.

Но звезда Карл Великий — это тип F9. Она на сорок процентов ярче Солнца, еще опасней в коварной ультрафиолетовой области и уж совсем дико ведет себя, когда расшвыривает во все стороны мощные потоки заряженных частиц. У планеты эксцентрическая орбита. В разгар короткого, но бурного северного лета, когда Роланд приближается к периастрию, суммарная инсоляция превышает земную более чем в два раза; в середине же долгой арктической зимы она чуть ниже средней по Земле.

Жизнь на планете бурлит повсюду. Но без сложных машин, не имея пока возможности создавать их, кроме как для немногочисленных специалистов, человек вынужден жить в высоких широтах. Наклон оси в десять градусов плюс специфическая орбита — все это приводит к тому, что самая северная часть арктического континента по полгода живет без солнца. У южного полюса в этих широтах — только безбрежный океан.

Прочие отличия от Земли могут при поверхностном рассмотрении показаться даже более важными. У Роланда, например, две луны — маленькие, но расположенные довольно близко от планеты, отчего тут бывают накладывающиеся приливы. Период обращения Роланда вокруг своей оси — тридцать два часа, что исподволь, но постоянно действует на организмы, привыкшие за миллионы лет эволюции к более высокому темпу.

Погодные условия здесь тоже отличаются от земных. Диаметр планеты всего 9500 километров. Сила тяжести у поверхности — 0,42 *g*. Давление на уровне моря чуть выше одной земной атмосферы. (И надо сказать, что Земля в этом отношении настоящий каприз мироздания; человек там появился лишь по-

тому, что по какой-то случайности космического масштаба газообразная оболочка планеты значительно меньше, чем положено иметь такому небесному телу; вот на Венере в этом отношении все в порядке.)

Однако «гомо» можно лишь тогда по праву назвать «сапиенсом», когда он в полную силу использует свою основную способность — универсальность. Неоднократные попытки человека загнать себя в рамки какой-то одной всеобщей линии поведения, или культуры, или идеологии всегда заканчивались неудачами, зато когда перед ним стоит задача просто выжить и жить, он справляется с ней по большей части неплохо. Он умеет приспосабливаться, и в довольно широких пределах.

Пределы эти обычно устанавливаются тем, например, что человеку необходим солнечный свет, или тем, что он — обязательно и постоянно — должен быть неотъемлемой частью окружающей его жизни и непременно существом духовным.

Портолондон спускался своими доками, кораблями, машинами и складами прямо в залив Поларис. За ними уже располагались жилища пятисот тысяч его постоянных обитателей. Каменные стены, ставни на окнах, остроконечные черепичные крыши. Но веселая разноцветная окраска строений выглядела в лучах уличных фонарей как-то жалко — ведь город лежал за Северным полярным кругом.

Тем не менее Шерринфорд заметил:

— Веселенькое местечко. Вот именно ради этого я и прибыл на Роланд.

Барбро промолчала. Дни, проведенные в Рождественской Посадке, пока они готовились к отъезду, лишили ее последних сил. К причалу они прибыли на гидроплане, и теперь, глядя через купол такси, что везло их в пригород, она решила, будто Шерринфорд имеет в виду богатые леса и луга вдоль дороги, переливы светящихся цветов в садах, шорох крыльев в небе. В отличие от земной флоры холодных регионов, растительность арктической зоны Роланда каждый световой день лихорадочно растет и копит энергию. И только когда летний зной уступает место мягкой зиме, растения начинают цвести и плодоно-

сить. В это же время выбираются из своих берлог впадающие в летнюю спячку животные и возвращаются домой птицы.

Вид из машины открывался действительно замечательный: за деревьями раскинулась просторная равнина, взбирающаяся к горам в отдалении; вершины, залитые серебристо-серым лунным светом; северное сияние; рассеянные отсветы солнца, только-только спрятавшегося за горизонт.

Эта красота — словно красота охотящегося летучего дьявола, подумалось ей. И эта дикая, необузданная природа отняла у нее Джимми. Удастся ли ей хотя бы найти его маленькие косточки, чтобы похоронить рядом с отцом...

Неожиданно она поняла, что такси остановилось у отеля, и Шерринфорд говорил о самом городе, втором по величине городе после столицы. Видимо, он здесь уже бывал не раз. Шумные улицы были полны народа, мелькали огни рекламы, из таверн, магазинов, ресторанов, спортивных центров, танцевальных залов — отовсюду неслась музыка. Прижатые друг к другу автомобили еле ползли. Деловые здания в несколько этажей светились всеми окнами. Портолондон связывал огромный материк с внешним миром. По реке Глории тянулись сюда плоты, баржи с рудой, урожаем с ферм, чьи владельцы медленно, но верно заставляли Роланд служить себе, мясом, костью и мехами, добытыми охотниками в горах у подножия Кряжа Троллей. С моря подходили рыболовецкие суда и грузоходы, доставляющие продукцию Солнечных островов и богатства континентов, расположенных дальше к югу, куда совершали вылазки отважные искатели приключений. Портолондон грохотал, смеялся, бушевал, потворствовал, грабил, молился, обжирался, умирал, рождался, был счастлив, зол, печален, жаден, вульгарен, любвеобилен, амбициозен, человечен. Ни яростные лучи солнца где-то южнее, ни полугодовые сумерки здесь — а в середине зимы настоящая ночь — не могли остановить человека.

Так, во всяком случае, все говорили.

Все, кроме тех, кто поселился в темных землях. Раньше Барбро не сомневалась, что именно там рож-

дались странные обычаи, легенды и суеверия, которые наверняка умрут, когда все дальние регионы появятся на подробных картах и будут полностью под контролем. Теперь же... Может быть, виной тому слова Шерринфорда о том, что сам он после некоторых предварительных исследований склонен изменить свою прежнюю точку зрения.

А может быть, ей просто нужно было переключиться на какие-то другие мысли, чтобы не вспоминать постоянно, как за день до отъезда, например, когда она спросила Джимми, сделать ему сандвич из ржаного хлеба или из французской булочки, сын совершенно серьезно ответил: «Пожалуй, я съем кусочек Ф-хлеба». Незадолго до этого он как раз начал проявлять интерес к алфавиту.

Они выбрались из такси, оформили номера и отправились по своим комнатам с примитивной меблировкой, но все это Барбро помнила как в тумане. И только распаковав вещи, она вспомнила, что Шерринфорд пригласил ее к себе обговорить все обстоятельства дела с глазу на глаз. Пройдя вдоль коридора, она нашла его комнату и постучала. Сердце у нее колотилось так сильно, что казалось, его удары заглушают стук в дверь.

Он открыл и, приложив палец к губам, указал ей на кресло в углу. Барбро едва не вспылила, но тут заметила на экране визифона лицо главного констебля Доусона. Очевидно, Шерринфорд позвонил ему сам, и у него были причины просить ее не показываться в поле зрения камеры. Она опустилась в кресло и, впившись ногтями в колени, снова взглянула на экран.

Шерринфорд уселся перед аппаратом.

— Извини, — сказал он. — Какой-то тип ошибся дверью. Наверно, пьяный.

Барбро вспомнила, что констебль всегда отличался болтливостью. Во время разговора он постоянно поглаживал свою бороду, которая, видимо, ему самому очень нравилась. Не горожанин, а какой-то дальнопоселенец...

— У нас их тут хватает, — усмехнулся Доусон. — Хотя, как правило, все они безобидные ребята. Просто

после нескольких недель или месяцев в дальних землях им бывает нужно слегка разрядиться.

— Насколько я понимаю, это окружение — и в малом, и в большом отличающееся от того, что привело к появлению человека, — порой влияет на людей очень странным образом. — Шерринфорд набил трубку, — Ты, разумеется, знаешь, что моя практика до сих пор касалась городских или пригородных районов. В изолированных поселениях частный детектив едва ли когда бывает нужен. Но сейчас ситуация переменилась, и я позвонил, чтобы посоветоваться с тобой.

Шерринфорд чиркнул спичкой, и табачный дым сразу же забил запахи зелени, доносившиеся даже сюда — за два вымощенных камнем километра от ближайшего леса, мимо идущих в сумерках потоков машин.

— Это скорее научные изыскания, чем поиски скрывшегося должника или подозреваемого в промышленном шпионаже, — неторопливо проговорил он. — Я хотел бы исследовать две версии: либо какая-то организация — преступная, религиозная или еще что-нибудь в таком духе — давно и регулярно похищает детей, либо аутлинги из легенд действительно существуют.

На лице Доусона отразилось и удивление, и смятение одновременно:

— Ты это всерьез?

— А почему бы и нет? — Шерринфорд улыбнулся. — Несколько поколений подряд регистрируются сообщения о похищении детей, и подобные факты нельзя сбрасывать со счетов. Особенно если с ходом времени это происходит все чаще. Зарегистрировано уже более сотни пропавших детей, но никто ни разу не нашел никаких следов. И, кстати, почти никаких доказательств, что в Арктике когда-то обитала разумная раса, а теперь они скрываются где-то там, в дальних землях.

Доусон наклонился вперед, словно хотел пролезть через экран.

— Кто тебя нанял? — спросил он строго. — Та самая Каллен? Нам, естественно, было ее жаль, но

она несла какую-то бессмыслицу, а потом и вообще стала вести себя просто оскорбительно...

— Но разве ее коллеги, весьма уважаемые ученые, не подтвердили ее рассказ?

— Да нет тут никакого рассказа. У них весь лагерь был обнесен детекторами и сигнальными системами. Плюс сторожевые мастифы. Это стандартный порядок для таких вот мест, где вполне может встретиться голодный завроид или кто-нибудь еще. Никто не мог проникнуть туда незамеченным.

— По земле. А как насчет летающего существа, которое могло опуститься прямо посреди лагеря?

— Но человек с ранцевым вертолетом поднял бы на ноги всю экспедицию.

— Какое-нибудь крылатое существо могло пробраться в лагерь гораздо тише.

— Крылатое существо, способное унести трехлетнего мальчишку? Таких в природе не существует.

— Ты имеешь в виду, не существует в научной литературе. А вспомни Серую Мантию. Вспомни, как мало мы вообще знаем о Роланде. На Беовульфе, кстати, такие птицы существуют. И, я читал, на Рустуме тоже. Я проделал кое-какие вычисления с учетом здешней плотности воздуха и силы тяжести. Так вот, у меня получилось, что здесь это тоже возможно, хотя и едва-едва. Ребенка могли унести воздухом на небольшое расстояние, а потом это существо устало и просто приземлилось за пределами лагеря.

Доусон фыркнул.

— Сначала оно приземлилось и забралось в палатку, где спали мать и ребенок. А затем, когда у него не осталось сил лететь, ушло пешком с ребенком на руках. По-твоему, это похоже на хищную птицу? Причем ребенок ни разу не закричал, а собаки не залаяли?

— Эти несоответствия как раз и убедили, и заинтересовали меня одновременно, — сказал Шерринфорд. — В одном ты, безусловно, прав: человек не мог проникнуть в лагерь незамеченным, а хищная птица вроде орла едва ли стала бы действовать подобным образом. Но это могло быть крылатое разумное суще-

ство. Возможно, оно усыпило мальчишку. Собаки, во всяком случае, выглядели так, словно их усыпили.

— Скорее, они проспали и не заметили мальчишку, когда он прошел мимо. Не надо ничего придумывать, когда все можно объяснить гораздо проще. Достаточно предположить, что, во-первых, он проснулся и решил погулять, а во-вторых, охранная сигнализация была смонтирована небрежно — никто ведь не ожидал опасности изнутри — и поэтому просто не сработала, когда мальчишка двинулся за пределы лагеря. В-третьих... Говорить об этом чертовски неприятно, но скорее всего он или умер с голода, или погиб. — Доусон замолчал на секунду, потом добавил: — Если бы у нас было больше людей, мы могли бы провести более тщательную проверку. И провели бы, конечно. Хотя мы и так организовали поиски с воздуха в радиусе пятидесяти километров, причем пилоты здорово рисковали. Приборы наверняка засекли бы мальчишку, если бы он еще был жив. Ты сам знаешь, насколько чувствительны термальные анализаторы, но поиски не дали никакого результата. А у нас есть заботы и поважнее, чем искать останки, разбросанные хищниками по округе. Если тебя наняла миссис Каллен, то мой тебе совет: выкрутись как-нибудь и оставь это дело. Для нее же будет лучше. Нужно принимать действительность, как бы тяжела она ни была.

Барбро прикусила язык и едва сдержалась, чтобы не закричать.

— Но это только последнее исчезновение в целой серии таких же событий, — возразил Шерринфорд, и Барбро удивленно подумала: «Как он может говорить об этом так спокойно, когда пропал Джимми?»

— Оно описано подробнее всех остальных, и тут есть над чем задуматься, — продолжал Шерринфорд. — Обычно это просто слезливый, но лишенный деталей рассказ дальнопоселенцев о том, как их ребенок исчез или, по их словам, был похищен некими Древними. Иногда спустя годы они рассказывают, что видели мельком какое-то существо, которое, мол, и есть их выросший ребенок, только он уже перестал быть человеком. Всегда мельком — или оно загляды-

вает в окно, или бесшумно скользит мимо в сумерках, или вытворяет исподтишка какую-нибудь шалость. Как ты говоришь, ни у ученых, ни у властей просто не было до сих пор ни сил, ни средств, чтобы провести тщательное расследование. Но я чувствую, что здесь есть чем заняться. И возможно, частное расследование вроде того, что собираюсь предпринять я, принесет какую-то пользу.

— Послушай, что я тебе скажу... Большинство из наших парней выросли там, на дальних землях. Мы не только патрулируем город и выезжаем по вызовам; мы, случается, ездим домой на праздники и семейные юбилеи. И если бы в этих местах объявилась банда, практикующая... человеческие жертвоприношения, мы бы наверняка об этом знали.

— Понимаю. Но я тоже знаю и про распространенную в тех краях, глубоко укоренившуюся веру в неких существ со сверхъестественными способностями. У людей даже возникали связанные с этим верованием ритуалы, и многие, чтобы умилостивить их, оставляют в лесу дары...

— Я знаю, к чему ты клонишь. — Доусон презрительно хмыкнул. — Слышал про это сто раз от разных любителей дешевых сенсаций. Аборигены, мол, и есть эти легендарные аутлинги. Признаться, я был о тебе лучшего мнения. Тебе наверняка случалось бывать в музеях и читать литературу с тех планет, где твоя хваленая логика?

Он покачал пальцем и продолжил:

— Сам подумай. Что нам удалось здесь найти? Считанные осколки обработанных камней; несколько мегалитов, которые — возможно! — имеют искусственное происхождение; выцарапанные на скалах рисунки, вроде бы изображающие растения и животных, хотя они совершенно не похожи на рисунки любой из известных нам гуманоидных культур; остатки костров и раздробленные кости; обломки костей, которые могли бы принадлежать разумным существам, потому что они напоминают фаланги пальцев или фрагменты крупных черепов... Но если это так, то их обладатели меньше всего напоминали людей. Или ангелов, если уж на то пошло. Ничего

общего! Наиболее антропоидная реконструкция, что мне довелось видеть, напоминала двуногого крокогатора... Подожди, дай мне закончить. Все эти сказки про аутлингов... Я их тоже слышал предостаточно. И даже верил в них — в детстве. Рассказывают, что аутлинги бывают и крылатые, и бескрылые, и полулюди, и совсем люди, только невероятной красоты — так вот, все это сплошь сказки с Земли. Ты не согласен? Я в свое время не поленился и, покопавшись в микрозаписях Библиотеки Наследия, отыскал там почти идентичные сказки, которые крестьяне рассказывали еще за несколько сотен лет до космических полетов. Более того, описания никак не согласуются даже с нашими жалкими находками — если они вообще имеют отношение к истории планеты — или с тем фактом, что на территории, равной по площади Арктике, просто не могли развиться более десятка видов разумных существ одновременно, или... Черт побери, как, по-твоему, должны были вести себя аборигены, когда здесь появились люди?

— Верно, верно, — сказал Шерринфорд, кивая. — Я, пожалуй, менее тебя склонен считать, что здравомыслием негуманоидные существа будут походить на нас. Даже у людей я наблюдал слишком большие различия в этой области. Но я согласен, у тебя веские аргументы. У немногочисленного отряда ученых на Роланде были задачи поважней, чем отслеживать истоки, как ты считаешь, возрожденного средневекового суеверия.

Он взял трубку в обе ладони, задумчиво посмотрел на крохотный огонек внутри и без нажима продолжил:

— Однако меня больше всего интересует, почему у вполне трезвомыслящих, технически оснащенных и относительно хорошо образованных колонистов возродилась вера в каких-то мифических Древних. Буквально восстала из могилы, пройдя сквозь заслон веков и пробившись через наслоения машинной цивилизации с ее крайне антагонистическим отношением к традициям.

— Надо полагать, в университете рано или поздно откроют-таки отделение психологии, о котором так давно говорят, и, видимо, кто-нибудь когда-нибудь

еще напишет на эту тему диссертацию, — неуверенно произнес Доусон и судорожно сглотнул, когда снова заговорил Шерринфорд.

— Я хочу попытаться найти ответ прямо сейчас. На Земле Комиссара Хоча, поскольку именно там случилась последняя трагедия. Где я смогу взять напрокат машину?

— Это не так-то просто...

— Полно тебе. Я хоть и новичок здесь, но кое-что понимаю. В условиях недостаточной экономики очень немногие владеют дорогим и сложным оборудованием. Но раз в нем есть потребность, значит, его можно все-таки взять напрокат. Мне нужно что-то вроде походного фургона с ходовой частью для любых условий местности. Я хочу разместить внутри кое-какое оборудование, что я привез с собой, а вместо смотрового купола наверху нужно установить пулеметную турель с управлением из кабины. Кроме своих собственных пистолетов и винтовок я по договоренности с полицией Рождественской Посадки привез кое-какую артиллерию из их арсеналов.

— Ого! Ты, похоже, действительно собрался воевать с мифами.

— Скажем, я собрался застраховать себя от неожиданностей. Опасность кажется незначительной, но застраховаться всегда не лишнее. И как насчет легкого самолета, который я мог бы перевозить на крыше и использовать для воздушной разведки?

— Нет. — Теперь голос Доусона звучал гораздо категоричнее. — Не ищи себе приключений. Мы можем доставить тебя к лагерю грузовым самолетом, когда позволит метеопрогноз. Но пилоту придется сразу же вернуться, пока снова не переменилась погода. Метеорология еще не очень развита на Роланде, а в это время года воздушные массы особенно неспокойны, и у нас пока нет самолетов, способных устоять перед любой неожиданностью. — Он сделал глубокий вздох. — Ты не представляешь себе, с какой скоростью может налететь смерч, или какие камни иногда валятся там с неба, или... Короче, в этих краях лучше всего держаться поближе к земле, так-то вот. И это одна из причин, почему мы так мало знаем о

дальних районах, а тамошние поселенцы живут так изолированно.

Шерринфорд печально рассмеялся.

— Что ж, поскольку мне нужны детали, так и так придется двигаться ползком.

— Видимо, ты потратишь немало времени, — сказал Доусон. — Не говоря уж о деньгах твоего клиента. Слушай, я, конечно, не могу запретить тебе гоняться за призраками, но...

Разговор продолжался еще добрых полчаса. Когда экран наконец погас, Шерринфорд поднялся, потянулся и двинулся к Барбро. Она снова обратила внимание на его странную походку. Шерринфорд прибыл на Роланд с планеты, где сила тяжести превышала земную на четверть, а здесь она была в два раза меньше, чем на планете-прародительнице. Интересно, подумала Барбро, летает ли он во сне...

— Я приношу свои извинения за то, что пришлось просить вас помолчать, — сказал Шерринфорд. — Никак не ожидал, что мне удастся сразу связаться с Доусоном. Он действительно постоянно занят. Но когда нас соединили, я подумал, что не стоит лишний раз напоминать ему о вас. Он, возможно, сочтет мою затею пустой выдумкой, которая мне скоро надоест. Но из-за вас Доусон мог догадаться, насколько серьезно, и отказать в помощи. Он мог бы даже помешать нам.

— Какое ему дело? — спросила Барбро с обидой.

— Боязнь последствий, и, что еще хуже, он в этом не признается даже самому себе. Скажем, боязнь совершенно непредвиденных последствий. — Шерринфорд взглянул на экран, потом на небосклон за окном, где переливалось голубыми и белыми сполохами огромное полотно северного сияния. — Очевидно, вы заметили, что я разговаривал с испуганным человеком. Его рационализм и сарказм — это оболочка, а внутри этот человек верит в аутлингов, еще как верит!

Погонщик Тумана бежал, легко перескакивая через кусты вербы и обгоняя взметаемые ветром клочья летучей травы. Рядом, сгорбившись, бежал черный уродливый никор Нагрим, чьи гигантские ступни

сотрясали землю и оставляли позади широкую полосу раздавленных растений. Следом, извиваясь на фоне просвечивающих сквозь него цветов огненного дерева, струился контур Моргарела-призрака.

Здесь склон Клаудмура поднимался все выше и выше похожими на волны мелкими холмами с зарослями кустарника между ними. Тишина лишь изредка прерывалась приглушенными расстоянием криками лесных зверей. Было темнее, чем обычно при рождении зимы: луны закатились, а от северного сияния осталась лишь тонкая мерцающая полоска над горным кряжем у северного края земли. Но звезды от этого казались ярче и теснились на небе плотнее, а Призрачная Дорога сверкала, словно усыпанная росой трава.

— Там, вверху! — заорал Нагрим, показывая всеми четырьмя руками, когда они одолели очередной подъем. Впереди мелькала маленькая искорка. — О-о-а! О-о-а! Мы их растопчем или мы их разорвем на куски?

— Ничего такого мы не сделаем, костяная башка, — услышали они мысленный ответ Моргарела. — Если, конечно, они нас не атакуют. А этого не произойдет, если мы себя не выдадим. Нам приказано затаиться и вызнать их планы.

— Р-р-р-р. Я и так знаю их планы. Срезать деревья, втыкать в землю плуги, сеять в полях свою проклятую траву и плодиться. Если мы их не прогоним до горьких вод, они станут слишком сильны для нас.

— Но не для Царицы! — горячо возразил Погонщик Тумана.

— Однако они, похоже, и в самом деле стали сильнее, — напомнил им Моргарел. — Мы должны действовать осторожно.

— Может, мы тогда осторожно на них наступим?

От этого вопроса на неспокойном лице Погонщика Тумана проснулась улыбка, и, хлопнув Нагрима по чешуйчатой спине, он сказал:

— Молчи, а то у меня уши болят. А еще лучше и не думай — от этого болит голова у тебя. Бегом! Вперед!

— Полегче, — осадил его Моргарел. — У тебя слишком много энергии, рожденный-от-человека.

Погонщик Тумана скорчил ему физиономию, но послушался и сбавил шаг. Теперь он двигался осторожнее, прячась, где возможно, за кустами. Ибо он отправился в путь по велению Прекраснейшей вызнать, что привело сюда тех двоих смертных.

Может быть, они ищут ребенка, которого унес Айох? (Мальчик по-прежнему плакал, звал маму, но по мере того, как ему открывались все новые и новые чудеса Кархеддина, реже и реже.) Может быть и так. Птицелет доставил их машину к покинутой лагерной стоянке, откуда они двигались расширяющейся спиралью. Но когда им так и не удалось обнаружить никаких следов мальчишки в окрестностях лагеря, они все равно не вызвали птицелет, чтобы вернуться к себе. И вовсе не потому, что погода мешала распространению волн их дальноречника, как это порой случалось. Вместо того они направились к горам Лунного Рога, и этот путь должен привести их мимо нескольких поселений захватчиков на земли, где никогда не ступала нога человека.

Значит, это не праздная прогулка. Но тогда что же?

Теперь Погонщик Тумана понимал, зачем она, Которая Правит, заставляла своих приемных детей из смертных учить или хранить в памяти неуклюжий язык прародителей. Он всей душой ненавидел эту зубрежку, совершенно чуждую Истинным Обитателям. Но, разумеется, никто не вправе ослушаться ее, и со временем становится понятно, насколько она мудра...

Оставив Нагрима за скалой — польза от него все равно только в драке, — Погонщик Тумана пополз вперед, перебираясь от одного куста до другого, пока не оказался совсем рядом с людьми. Мягкие листья дождевальника укрывали его тенью и гладили по голой спине. Моргарел взлетел на вершину дрожелиста, где беспокойная зелень дерева совсем спрятала его призрачный силуэт. Однако и от него тоже мало помощи. Вот это тревожило, даже пугало больше всего. Призраки всегда умели не только чувствовать и передавать мысли, но и насылать чары. Вот только

в этот раз Моргарел доложил, что его усилия словно бы отскакивают от какой-то невидимой холодной стены, окружающей машину...

Никаких охранных механизмов и сторожевых собак у мужчины и женщины не было. Видимо, им казалось, что в этом нет необходимости, потому что они ночевали в своей большой машине. Но разве можно допускать такое презрительное отношение к мощи Царицы?..

В отблесках костра, горевшего между мужчиной и женщиной, слабо отсвечивали металлические стенки фургона. Люди кутались в теплые куртки, но Погонщику Тумана это казалось лишним — даже без одежды он едва чувствовал холод. Мужчина пил дым. Женщина смотрела поверх его головы куда-то вдаль и, сидя перед ярким костром, видела, наверное, лишь один непроницаемый мрак. Танцующий огонь освещал ее целиком, и — да, судя по рассказам Айоха, это та самая женщина, мать похищенного ребенка.

Айох тоже хотел пойти с ним, но Восхитительная запретила. Пэкам трудно сохранять неподвижность подолгу, и поэтому он для такого задания не годился.

Мужчина потягивал трубку. Щеки его проваливались внутрь, сразу скрываясь в тени, и в тот же момент нос и лоб освещались маленьким красным заревом, отчего он вдруг становился пугающе похож на птицу-клювореза, которая вот-вот бросится на добычу.

— ...и я снова могу повторить: нет. У меня нет никаких теорий, — говорил мужчина. — Когда фактов недостаточно, теоретизировать в лучшем случае глупо, а в худшем — небезопасно.

— Тем не менее у тебя есть какие-то идеи, — сказала женщина.

Ясно было, что они говорят на эту тему не в первый раз. Ни один Истинный Обитатель не обладал такой настойчивостью, как она, или таким терпением, как он.

— Все это снаряжение, что ты взял с собой... И генератор, который работает у тебя постоянно...

— У меня есть рабочая гипотеза. Исходя из нее, я и подобрал снаряжение.

— А почему ты не хочешь рассказать мне о деталях?

— Сама гипотеза предполагает, что в настоящее время это неразумно. Я пока, можно сказать, пытаюсь проникнуть в лабиринт и еще не выбрал путь. У меня не было пока возможности использовать всю аппаратуру. Мы сейчас защищены только от так называемого телепатического воздействия...

— Что? — удивленно воскликнула женщина. — Ты хочешь сказать, что все эти легенды о существах, которые читают мысли... — Она умолкла, и ее обеспокоенный взгляд метнулся в темноту за спиной мужчины.

Он же чуть наклонился вперед, и вместо отрывистой деловитости в его голосе явственно послышалась заботливость, даже мягкость:

— Барбро, ты все время мучаешь, изводишь себя, но этим ты вряд ли поможешь Джимми, если он еще жив. Да и мне твоя помощь тоже еще может понадобиться. Нам предстоит долгий путь, и будет только лучше, если ты сразу свыкнешься с этой мыслью.

Она нервно кивнула, закусила губу, потом ответила:

— Я постараюсь.

Мужчина улыбнулся, не выпуская трубку изо рта.

— Думаю, тебе это удастся. Я сразу понял, что ты не из тех, кто хнычет, или отказывается от задуманного, или упивается своим несчастьем.

Рука женщины невольно опустилась на рукоять пистолета, висевшего на поясе. Голос ее изменился, каждое слово вырывалось теперь из нее, словно нож, вылетающий из ножен.

— Когда мы их найдем, они еще узнают, кто я такая. И кто такие люди.

— Лучше умерь свою злость, — посоветовал мужчина. — Мы не можем позволить себе бурные эмоции. Если аутлинги действительно существуют, что я вполне допускаю, они защищают свою собственную землю. Мне хотелось бы думать, что, если бы первые поселенцы нашли тут живых хозяев планеты, люди не стали бы колонизировать Роланд. Но сейчас говорить об этом уже поздно. Ничего нельзя вернуть

назад. Мы ведем войну с врагом настолько хитрым, что он скрыл от нас сам факт этой войны.

— Ты полагаешь, это настолько серьезно? Я хочу сказать, что они всего лишь таятся и время от времени похищают младенцев...

— Это тоже часть моей гипотезы. Подозреваю, что дело тут не просто в стремлении досадить или навредить по мелочам; на самом деле здесь тактика, конкретное проявление коварного и невероятно сложного стратегического плана.

Костер трещал и плевался искрами. Мужчина некоторое время курил молча, раздумывая о чем-то своем, потом продолжил:

— Я не хотел вселять в тебя необоснованные надежды или излишне будоражить воображение, пока тебе приходилось ждать сначала в Рождественской Посадке, а после в Портолондоне. Затем мы были слишком заняты, пытаясь доказать себе, что Джимми унесли дальше, чем он мог бы уйти сам. И у меня просто не было раньше возможности рассказать, насколько тщательно я изучил все доступные материалы о... Древних. Вначале я занимался этим, просто чтобы доказательно отвергнуть любое, даже самое невероятное предположение. И никаких других результатов, кроме опровержения, я не ожидал. Но тем не менее проработал все, что мог: археологические находки, анализы, рассказы очевидцев, журналистские отчеты, монографии. Я разговаривал с дальнопоселенцами, которых застал в городе, и несколькими учеными, которых это хоть немного волновало. Мне всегда легко удавалось приобретать новые знания, и без должной скромности могу сказать, что я стал неплохим экспертом по аутлингам, хотя, видит Бог, фактов тут на самом деле всего ничего. Кроме того, я в определенном смысле новичок на Роланде, и, возможно, мне удалось подойти к проблеме непредвзято, подметить некоторые странности. Если аборигены вымерли, тогда почему так редко встречаются их останки? Арктика на самом деле не так уж велика и вполне пригодна для жизни. Население, которое тут, по идее, могло существовать, должно было оставить множество артефактов, накапливав-

шихся тысячелетиями. Я когда-то читал, что на Земле были найдены буквально десятки тысяч каменных топоров, причем по большей части не при археологических раскопках, а случайно. Но хорошо. Предположим, ископаемые останки и различные предметы удалили, спрятали намеренно — за время между отлетом последней разведывательной группы и прибытием первых кораблей с колонистами. Мне даже удалось найти в дневниках первых исследователей Роланда кое-какие доводы в пользу этого предположения. Они тогда были слишком заняты проверкой условий жизни на планете, чтобы каталогизировать примитивные монументы, но записи тех лет свидетельствуют, что им довелось увидеть гораздо больше, нежели колонистам. Можно предположить, что все наши находки — это лишь остатки материальной культуры, некоторые аборигены забыли или не успели спрятать. Подобное допущение говорит в пользу их развитости, способности планировать на много лет вперед, верно? А это, в свою очередь, предполагает, что так называемые Древние были отнюдь не только охотниками или примитивными земледельцами.

— Но никто никогда не видел здесь строений, машин или вообще чего-то подобного, — возразила женщина.

— Согласен. И скорее всего, аборигены развивались совсем другим путем, отличным от нашей индустриально-металлургической эволюции. Я вполне могу представить себе эти другие пути. Возможно, их цивилизация по-настоящему началась с биологических наук и биотехнологии. Возможно, они развили какие-то особенности нервной системы, которые у них проявились сильнее, чем у людей. Как тебе известно, и у нас такое случается. Лозоходцы, например, на самом деле просто чувствуют местные изменения интенсивности магнитного поля, вызванные уровнем залегания грунтовых вод. Однако у людей подобные таланты встречаются невероятно редко, и поэтому мы переключились на другие задачи. Зачем нужна телепатия, если есть визифон? А вот Древние, очевидно, решили наоборот. Возможно, мы просто не распознали

тогда и не замечаем сейчас настоящих доказательств высокого уровня развития их цивилизации.

— Они могли бы показаться людям. Зачем прятаться?

— Я мог бы предположить сразу несколько причин. Скажем, они были напуганы, потому что им уже доводилось встречаться с воинственными инопланетянами. Вряд ли мы единственная раса в Галактике, освоившая межзвездные перелеты. Однако, как я говорил раньше, глупо теоретизировать, не имея фактов. С уверенностью можно сказать только одно: если эти Древние существуют, мы с ними очень разные.

— При том как тщательно ты относишься к фактам, это слишком невероятная идея.

— Но я ведь уже признал, что это всего лишь предположение. — Он сощурился от дыма и взглянул на нее в упор. — Ты сама пришла ко мне, уверяя, что мальчика похитили, хотя официальная точка зрения была иная. Но твои выдумки про сектантов, которые крадут детей, это полная ерунда. Почему ты не хочешь поверить в существование аборигенов?

— Даже при том, что от этого, возможно, зависит, жив Джимми до сих пор или нет? Да? — Женщина удрученно вздохнула, потом вздрогнула. — Может быть, я просто боюсь.

— Пока я не говорил ничего такого, о чем не писали бы в прессе, — сказал мужчина. — Согласен, это довольно безответственные выступления. За сотню лет никто так и не сумел обоснованно доказать, что аутлинги не суеверие, а реальность. Тем не менее некоторые ученые утверждали, что это по крайней мере возможно; в неосвоенных, неисследованных районах действительно могут скрываться разумные аборигены.

— Знаю, — сказала женщина. — Однако я не могу понять, с чего вдруг ты принял эти догадки всерьез.

— Когда ты заставила меня задуматься над проблемой, мне пришло в голову, что дальнопоселенцы Роланда живут далеко не так изолированно, как, скажем, какие-нибудь средневековые хуторяне. У них есть книги, телевизионная связь, электрооборудова-

ние, машины и, самое главное, современное научное образование. Почему же они стали суеверны? Что-то заставляет их... — Он умолк на секунду. — Пожалуй, мне лучше не продолжать. Мои предположения идут гораздо дальше, но, если они верны, говорить об этом вслух небезопасно.

Погонщик Тумана почувствовал, как сжались у него мышцы живота. Опасность. Этот человек, похожий на птицу-клювореза, был явно опасен. Нужно будет предупредить Венценосную... На мгновение ему захотелось позвать Нагрима, чтобы тот убил этих двоих. Если никор нападет быстро, им не поможет даже их оружие... Хотя нет, нельзя. Возможно, они сообщили о своих планах дома или... Погонщик Тумана снова превратился в слух. Мужчина и женщина заговорили теперь на другую тему.

— ...почему ты остался на Роланде.

Мужчина улыбнулся тонкими губами.

— Можно сказать, жизнь на Беовульфе потеряла для меня остроту. Георот заселен достаточно плотно, прекрасно организован и удручающе скучен — во всяком случае, так было несколько десятилетий назад. Отчасти это положение сохранилось за счет новых поселений в долинах, куда стекались люди неудовлетворенные или недовольные, — нечто вроде предохранительного клапана. Но я плохо переношу повышенное содержание углекислого газа, а там без этого невозможно жить. Потом я узнал о готовящейся экспедиции, которая должна была посетить несколько колоний, где не имелось оборудования, чтобы поддерживать лазерный контакт. Ты, возможно, помнишь, что они ставили своей целью поиск новых идей в науке, искусстве, социологии, философии и вообще в любых областях, где есть что-нибудь ценное. Боюсь, на Роланде они нашли не особенно много такого, что могло бы пригодиться на Беовульфе. Но я добился места на корабле и, увидев здесь новые для себя возможности, решил остаться насовсем.

— А там ты тоже был детективом?

— Да, служил в полиции. У нас это семейная традиция. Наверно, причиной тому отчасти далекие предки из племени чероки, если тебе это что-нибудь

говорит. Но, кроме того, по преданию, у нас в роду был один из первых частных детективов на Земле, о котором сохранились сведения еще с докосмической эры. Не знаю уж, насколько это правда, но я всегда считал, что у него есть чему поучиться. Видишь ли, такой образ... — Мужчина замолчал, и на лице его появилось обеспокоенное выражение. — Пора спать. Завтра утром нам предстоит долгий путь.

— Здесь утра не будет, — сказала женщина, вглядываясь в темноту.

Вскоре они легли спать. Погонщик Тумана встал и бесшумно размял затекшие ноги и руки. Прежде чем вернуться к Царице, он рискнул заглянуть в машину через заднюю стеклянную панель. Внутри стояли рядом две расправленные койки, где улеглись мужчина и женщина. Однако мужчина даже не прикоснулся к ней, хотя женщина была очень привлекательна, и, судя по разговору, ничего такого он делать не собирался.

Жуткие и непонятные существа. Холодные и бесчувственные, как глина. Неужели они захватят этот прекрасный дикий мир? Погонщик Тумана презрительно сплюнул. Так случиться не должно. И не случится. Она, Которая Правит, обещала.

Земли Уильяма Айронса простирались на много миль вокруг. Но такие большие площади требовались, потому что поместье должно было обеспечивать и его, и всех его родственников, и домашний скот за счет местных культур, а наука об их разведении все еще находилась в зачаточном состоянии. При летнем свете и в оранжереях он выращивал кое-какие земные растения, но это уже скорее как роскошь. На самом деле будущее сельского хозяйства в северной Арктике лежало в таких культурах, как йерба для заготовки сена, батрихиза, из которой можно получить отличную древесину, перикуп, гликофилон, а позже, когда с ростом населения и промышленности расширится рынок, здесь можно будет выращивать даже халкантемы для городских цветничков и разводить роуверов ради пушнины.

Но это в будущем, до которого Айронс, похоже, дожить не надеялся, и Шерринфорду показалось, что

судьбу всех остальных поселенцев этот человек представляет столь же пессимистично.

В ярко освещенной комнате было тепло. Весело трещал огонь в камине. Свет от флуоропанелей играл отражениями на резных самодельных комодах, стульях, в посуде, расставленной по полкам. Кругом висели цветные шторы и занавесочки. Сам хозяин, крепкий, широкоплечий дальнопоселенец с бородой до пояса, сидел в кресле с высокой спинкой. Гостям, ему и сыновьям жена с дочерьми принесли кофе, чей аромат смешивался с еще не ушедшими запахами богатого ужина.

Но снаружи завывал ветер, сверкали молнии, грохотал гром, дождь буквально обрушивался на крышу и стены дома, с шумом и плеском стекая вниз и бурля по вымощенному булыжником двору. Сараи и хлева словно присели, съежились на фоне огромного темного неба. Стонали деревья, испуганно мычали коровы, и... не зловещий ли это смех пробивается сквозь буйство стихии? Новый порыв ветра принес с собой град, застучавший по черепице костяшками гигантских пальцев.

Сейчас очень хорошо чувствуется, как далеко живут другие люди, подумалось Шерринфорду. Однако это именно те люди, которых ты видишь чаще всего, с которыми договариваешься о делах по визифону (когда солнечная вспышка не превращает голоса в тарабарщину, а лица — в цветную мешанину) или лично, отмечаешь праздники, сплетничаешь, замышляешь интриги, породняешься. Это те люди, которые в конце концов тебя похоронят. А огни прибрежных городов очень далеко, чудовищно далеко.

Уильям Айронс был сильным человеком, и все же, когда он говорил, в его голосе чувствовался страх.

— Вы в самом деле собираетесь за Кряж Троллей?

— Имеете в виду скалы Ханштейна? — переспросил Шерринфорд с вызовом.

— Ни один дальнопоселенец не называет их иначе как Кряж Троллей, — сказала Барбро.

Но как возродилось тут это название? За много парсеков от Земли и спустя сотни лет после того как закончилось ее средневековье?

— Однако в тех местах бывают охотники, траппе-ры, старатели-бродяги, как вы их называете, — уве-ренно заявил Шерринфорд.

— Не везде, — ответил Айронс. — Это разрешено уговором между человеком и Царицей, потому что когда-то давно один человек спас попрыгайца, пока-леченного летучим дьяволом. Там, где растет плумаб-ланка, человеку ходить можно, если он оставляет на каменных алтарях дары в обмен на то, что берет из тех земель. В других же местах... — Рука Айронса сжала подлокотник кресла и тут же обмякла. — В других местах это неразумно.

— Но люди там бывали.

— Бывали, бывали. И некоторые даже вернулись живы-здоровы, как они уверяют, да только я слышал, что никому из них с тех пор не везло. А кое-кто и не вернулся: люди порой просто исчезают. Есть и такие, кто возвращался с рассказами об ужасах и чудесах, но так до конца своих дней и оставался не в себе. Давно уже нет охотников нарушать уговор и переходить границу.

Айронс взглянул на Барбро почти умоляюще, и точно так же смотрели на нее притихшие жена и дети. Завывающий на улице ветер с грохотом теребил ставни на окнах.

— И вам не советую, — закончил Айронс.

— У меня есть причины думать, что мой сын там, — ответила Барбро.

— Да, вы уже говорили, и я действительно сочув-ствую. Может быть, что-то сделать можно. Не знаю, что именно, но я с удовольствием положу на скалу Унвара двойное зимнее подношение или вырежу на земле молитву кремниевым ножом. Может, они его вернут. — Айронс вздохнул. — Хотя на моей памяти такого не случалось никогда. А потом, ему могла выпасть и худшая доля. Я сам видел, как они носятся в сумерках сломя голову, и, похоже, они счастливее нас. Может, это и не добро вовсе — послать маль-чишку домой.

— Как в песне про Арвида, — вступила в разго-вор жена.

Айрос кивнул.

— Хм. Да и в других тоже.

— О чем вы? — спросил Шерринфорд. Он еще острее почувствовал себя чужаком. Дитя города, техники и, превыше всего, дитя критической вдумчивости. А это семейство ВЕРИЛО. И то, как в медленном кивке Барбро словно отразилась тень их покорности, задело и встревожило Шерринфорда.

— У нас на Земле Ольги Ивановой есть такая же баллада, — ответила Барбро. Слова самые обычные, но в голосе ее ощущалось беспокойство. — Одна из народных баллад. Никто не знает, кто все это сочинил, но обычно их поют для ритма в хороводах.

— В вашем багаже я заметила мультилиру, миссис Каллен, — сказала жена Айронса: ей явно не терпелось увести разговор от опасной темы неповиновения Древним, и она, видимо, решила, что пение послужит этой цели как нельзя лучше. — Вы не откажетесь спеть?

Барбро покачала головой. Предложение даже немного рассердило ее, и это было заметно по тому, как побелели у нее ноздри.

— Если наши гости не откажутся послушать, могу спеть и я, — быстро сказал старший сын хозяев с ноткой самоуверенности в голосе.

— Спасибо. Я бы с удовольствием послушал. — Шерринфорд откинулся на спинку стула и раскурил трубку. Если бы это предложение не возникло само собой, он бы специально направил разговор к такому же исходу.

В прошлом, до тех пор, пока Барбро не пришла к нему со своим горем, у него просто не возникало необходимости изучать фольклор дальнопоселенцев, да и упоминания об этой стороне жизни в прессе тоже встречались нечасто. В последнее же время он все чаще приходил к мысли, что ему недостает понимания отношений, сложившихся между дальнопоселенцами Роланда и запугавшими их «призраками». Он не собирался изучать их с точки зрения антропологической науки, но полагал, что нужно хотя бы прочувствовать, узнать этот феномен.

Все задвигали стульями, забегали, потом снова расселись по местам. В чашки налили свежий кофе, рядом появились рюмки с бренди.

— Последнюю строчку нужно петь хором. Так что давайте все вместе, хорошо? — сказал старший сын Айронса.

Ему тоже явно хотелось как-то разрядить напряженность. Что это, подумал Шерринфорд, катарсис посредством музыки? И тут же ответил сам себе: нет, скорее — экзорцизм.

Одна из дочерей хозяев взяла в руки гитару, и юноша запел. И голос, и мелодии едва пробивались сквозь шум разгулявшейся снаружи стихии.

Бродил бродяга Арвид
Среди полей и холмов,
Под сенью лесных дрожелистов
И вдоль поющих ручьев.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
Шептал бродяге ветер,
И в воздухе пахло травой,
Светили на небе две лунные лампы,
Холмы блестели росой.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
Свою вспоминая подружку,
Что ждала, где солнца свет,
Он замер, увидев сиянье звезд,
Где звезд в самом деле нет.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
А там под огромной скалою
Во мраке неверных теней
Резвился, приплясывал Древний народец
Среди золотых огней.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
И в танце каждый аутлинг,
Как ветер, огонь и вода.
Все пляшут под звуки серебряных струн
И не устают никогда.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
Навстречу ему вдруг выходит

Царица ветров и тьмы.
И звездами блещет Царицы взгляд,
И холодом дышит зимы.
Вьется под деревом наш хоровод.
Где огнецвет цветет.
Любовь, словно свет небесный,
Во взгляде ее горит.
Становится с Арвидом рядом Царица...

— Хватит! — Барбро, сжав кулаки, вскочила со стула. По ее щекам бежали слезы. — Как вы можете... такое... про этих тварей... Они же украли Джимми...

Выбежав из комнаты, Барбро поднялась по лестнице в гостевую спальню. Но балладу про Арвида она все-таки допела сама, и случилось это спустя несколько часов, когда они остановились на перевале, куда не осмеливались забираться даже самые отчаянные бродяги.

Все семейство Айронсов настойчиво уговаривало их оставить свои планы и не ходить в запретные земли, но они стояли на своем, и прощание получилось очень сдержанным. Оказавшись вдвоем в машине, движущейся на север, они тоже поначалу молчали. Однако мало-помалу Шерринфорд разговорил Барбро, попросив рассказать о себе. Через некоторое время, вспоминая дом и старых соседей, она даже отчасти забыла о своем горе. И как-то незаметно, за разговором, Барбро сделала несколько важных открытий: например, что под строгими профессиональными манерами Шерринфорда на самом деле скрывается гурман, поклонник оперы, и что она ему, оказывается, небезразлична. Или что она сама все еще умеет смеяться и ценить красоту раскинувшихся вокруг диких земель. Неожиданно Барбро поняла, почувствовав себя при этом немного виноватой, что в ее жизни есть и другие надежды помимо той единственной — вернуть сына, которого подарил ей Тим.

— Я уверен, что он жив, — сказал Шерринфорд и нахмурился. — Откровенно говоря, я теперь жалею, что взял тебя с собой. Мне думалось, мы просто соберем кое-какие факты, но тут вырисовывается нечто большее. Если нам встретятся настоящие похитители Джимми, они могут оказаться и настоящей

угрозой. Возможно, мне следует повернуть к ближайшему поселению и вызвать самолет, чтобы тебя забрали обратно.

— Черта с два я улечу обратно, — ответила Барбро. — Тебе все равно нужен кто-то, кто знает местные условия, и, кроме того, я очень неплохо стреляю.

— М-м-м... Помимо всего прочего вышла бы и большая задержка по времени. Мало того, что придется делать объезд, нужно будет также ждать, когда пройдет эта вспышка солнечной активности, и только потом мы сможем связаться с ближайшим аэропортом...

Следующей «ночью» Шерринфорд распаковал и подключил оставшееся оборудование. Какие-то приборы Барбро узнала: например, термодетектор. Другие были ей совершенно незнакомы. Многие из них делали перед выездом на заказ, копируя современные образцы с родной планеты Шерринфорда. О том, что это за приборы, он почти ничего не говорил.

— Я ведь уже высказывал предположение, — пояснил он, оправдываясь, — что наши противники обладают телепатическими способностями.

Барбро удивленно вскинула брови.

— Ты имеешь в виду, что Царица и ее люди действительно могут читать мысли?

— Но ведь отчасти легенды про них так и пугают, верно? Хотя на самом деле ничего сверхъестественного в этом феномене нет. Его изучали и достаточно хорошо изучили много веков назад, еще на Земле. Научные микрозаписи в Рождественской Посадке содержат множество сведений о телепатии. У вас на Роланде просто не было пока повода ими воспользоваться, так же как данными о лазерной галактической связи и постройке космических кораблей.

— И как же телепатия работает?

Шерринфорд догадался, что она спрашивает не столько из интереса, сколько ради успокоения, и поэтому ответил намеренно сухо:

— Человеческий организм вырабатывает длинноволновое излучение, которое, в принципе, может модулироваться нервной системой. На практике слабость сигнала и малая способность передавать информацию вызывает определенные трудности при его

улавливании и измерении. Наши далекие предки пользовались более надежными чувствами — зрением и слухом. Поэтому способность к телепатическому общению у нас едва-едва развита. Однако исследователи обнаружили несколько видов инопланетных существ, которые в своих собственных условиях развили систему больше, чем мы, и добились ощутимых эволюционных преимуществ. Насколько я понимаю, такими существами могут стать, в частности, те, кто получает мало света и прячется в дневное время. Видимо, они могут обрести способность улавливать на небольшом расстоянии даже слабые телепатические излучения человека и заставлять его примитивные чувства резонировать в ответ на сильные устрашающие импульсы.

— Это объяснило бы очень многое... — произнесла Барбро слабым голосом.

— Сейчас мы вместе с машиной экранированы гасящим полем, — сказал Шерринфорд, — но оно распространяется всего на несколько метров в сторону от шасси. Если бы ты знала, что именно я собираюсь делать, то за пределами поля их разведчик мог бы получить предупреждение прямо из твоих мыслей. У меня самого подсознание отлично тренировано, и снаружи я думаю обо всем этом только по-французски. Любое сообщение, чтобы его было можно понять, должно иметь определенную структуру, а структура этого языка довольно сильно отличается от английского. На Роланде английский — единственный язык, и Древние наверняка его уже выучили.

Барбро кивнула. Пока он рассказывал ей об общем плане, который и так был слишком очевиден, чтобы его скрыть. Проблема заключалась в том, чтобы найти контакт с аутлингами, если те существуют. До сих пор они лишь изредка показывались одному, от силы нескольким жителям этой глухомани. И способность вызывать галлюцинации только помогала им. Они наверняка старались бы держаться подальше от любой большой экспедиции на их территории — с большой группой людей им, возможно, просто не справиться. А вот два человека, осмелившиеся нарушить запрет, скорее всего не вызовут у них никаких опа-

сений. И это будет самая первая исследовательская группа, не только работающая исходя из предположений, что аутлинги действительно существуют, но и оснащенная современными ресурсами инопланетной полицейской технологии...

Во время той стоянки ничего не произошло. Шерринфорд сказал, что он ничего здесь и не ожидал. Так близко от поселений Древние всегда держались осторожно. На своих же собственных землях они, возможно, будут смелее.

К наступлению следующей «ночи» машина зашла уже довольно далеко на территорию аутлингов. Когда Шерринфорд остановился на небольшой поляне и выключил мотор, со всех сторон будто накатила тяжелая гнетущая тишина. Они вышли из кабины. Барбро достала плитку и занялась приготовлением ужина. Шерринфорд тем временем собирал дрова, решив, что позже им, возможно, захочется разжечь костер, и это немного скрасит остаток суток. Время от времени он поглядывал на запястье, где вместо часов поблескивал радиоиндикатор, показывающий, что регистрируют приборы в машине.

Да и зачем здесь нужны часы? За сияющей пеленой северного сияния медленно ползли ленивые созвездия. Луна Альда зависла над далеким снежным пиком, заливая его серебряным блеском. Остальные же горы скрывались под густым покровом леса — в основном из дрожелиста, и лишь кое-где выглядывали из густой тени пушистые белые кроны плумабланки. Неподалеку, словно тусклые фонари, светились гроздьями цветов несколько огненных деревьев. От густого кустарника ветер доносил приятный сладковатый запах. В синих сумерках виделось удивительно далеко. А где-то совсем рядом журчал ручей и насвистывала птица.

— Красивые здесь места, — сказал Шерринфорд, когда они закончили ужин, но еще не разожгли костер.

— Но все-таки какие-то чужие, — тихо-тихо ответила Барбро. — Мне иногда кажется, что это все не для нас. Можем ли мы надеяться покорить этот мир?

— Человек бывал и в более странных местах, — произнес Шерринфорд, указывая трубкой на звезды.

— Да... Я... Видно, у меня это осталось еще с детства, которое прошло среди дальнопоселенцев, но, знаешь, глядя на звезды, я не могу думать о них как о газообразных сферах, чьи энергетические параметры давно измерены, а планеты исхожены. Нет. Они маленькие, холодные, волшебные. С ними связана жизнь каждого из нас, а когда мы умираем, они шепчут нам что-то даже в могилах. — Она потупила взгляд. — Я, конечно, понимаю, что это чушь.

Даже в темноте Барбро заметила, как напряглись у него мышцы лица.

— Почему же, — сказал Шерринфорд. — С точки зрения эмоций физика — это большая чушь. И в конце концов, спустя несколько поколений, мысль начинает следовать за чувствами. В сердце своем человек отнюдь не рационален. Он вполне может перестать верить в науку, если она уже не кажется верной... Эта баллада, которую они так и не закончили, — почему она так на тебя подействовала?

— Я не могла слушать, как их... превозносят. Так мне, по крайней мере, показалось. Извини, что я все испортила.

— Насколько я понял, это всего лишь одна баллада из целого цикла ей подобных?

— М-м-м... Мне никогда не приходило в голову считать их. На Роланде, похоже, просто нет времени для фольклористики или, вернее, никто еще просто не занимался этим всерьез. А вот сейчас, когда ты спросил, мне самой стало удивительно, сколько существует песен и сказок, в которых присутствует тема Арвида.

— Хотел просить тебя пересказать, что там дальше. Не трудно?

— Не трудно. Если хочешь, я сделаю еще лучше. Сейчас достану мультилиру и спою.

И она спела, правда, пропуская в конце строфы, где аккорды становились громче и звонче, гипнотизирующий рефрен везде, кроме самого конца баллады. Барбро стояла на фоне звезд и северного сияния, а Шерринфорд глядел на нее не отрываясь.

...Становится с Арвидом рядом Царица
И тихо ему говорит:
«Сойди с коня, о Арвид,
Останься навеки тут.
Зачем тебе быть человеком?
Ведь это тяжелый труд».
«Я должен вернуться к людям —
Таков был его ответ. —
Ведь ждет меня там подружка,
Где солнечный яркий свет.
И ждет меня там работа,
И ждут меня там друзья,
А если я все это брошу,
То разве я — это я?
Оставь свои чары, Царица,
Ты можешь меня погубить,
Но все же тебе при всей твоей власти
Свободы меня не лишить».
Объятая северным светом,
В глазах — лютый холод зимы,
Стояла, прекрасна и недоступна,
Царица ветров и тьмы.
Хрустальный смех Царицы
Наполнил презреньем слова:
«Тебя заставлю я страдать
Без чар и волшебства.
Ведь жить ты будешь долго,
В памяти вечно храня
Наш лунный свет и музыку нашу,
Наш ветер, росу и меня.
Все эти воспоминанья —
Они ходят следом, как тень,
И даже во сне они будут рядом,
Когда кончается день.
И в будни, и в праздник с друзьями
Печаль тебя будет глодать.
Ты будешь помнить, кто ты есть
И кем ты мог бы стать.
С той глупой, скучной женщиной
Живи хоть целый век.
Иди же к себе, бродяга Арвид,
Ведь свободен ты, человек».
В мгновение ока исчезло
Веселье на склоне горы,

И Арвид остался один в лунном свете,
Рыдая до самой зари.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.

Допев, Барбро сразу отложила мультилиру в сторону. В ветвях деревьев, не переставая, шумел ветер. Шерринфорд долго молчал, потом наконец спросил:

— И подобные истории играют значительную роль в жизни дальнопоселенцев?

— Можно и так сказать, — ответила Барбро. — Хотя не все они о сверхъестественном. Есть баллады и сказки о любви, о героизме. Тоже вполне традиционные темы.

— Я не думаю, что здесь эта традиция выросла сама по себе, — произнес он бесцветным голосом. — По правде сказать, я думаю, очень многие из ваших песен и сказок сочинены не людьми.

Шерринфорд замолчал и больше к этой теме не возвращался. Спать они легли рано.

А спустя несколько часов их разбудил сигнал тревоги.

Жужжание сигнала, хотя тихое и неназойливое, разбудило их мгновенно. На всякий случай они спали не раздеваясь. Через купол фургона пробивались слабые отблески северного сияния, но этого света было вполне достаточно. Шерринфорд спрыгнул с койки, надел ботинки и прицепил к поясу кобуру.

— Не выходить! — приказал он.

— Что там такое? — взволнованно спросила Барбро.

Шерринфорд внимательно изучил показания приборов и сверил их со светящимися индикаторами на запястье.

— Три живых существа, — сосчитал он. — Явно не дикие, просто проходят мимо. Большое, судя по инфрадатчику, теплокровное и держится пока чуть поодаль. Другое... хм, температура невысокая, излучение нестабильное, диффузное. Словно это какой-то рой клеток, координируемых, может быть, феромонами. Оно вроде как парит и тоже в отдалении. Зато третье — практически рядом, обходит нас, прячась

в кустах. И его комплекс сигналов напоминает человеческий.

Барбро заметила, что все его академические манеры исчезли и он буквально дрожит от возбуждения.

— Я попробую взять его, — сказал Шерринфорд. — Тогда у нас будет кого допросить... Будь наготове, чтобы быстро впустить меня обратно. Но ни в коем случае не выходи. И держи вот это под рукой. — Он передал ей заряженную крупнокалиберную винтовку.

Силуэт высокого худого Шерринфорда переместился к двери, изготовился к броску. Дверь бесшумно приоткрылась, и в фургон потянуло холодным воздухом, насыщенным влагой, свежестью и ночными шорохами. Теперь на небе появился Оливер; свечение обеих лун казалось неестественно ярким, а беспокойное северное сияние стало бледным и прозрачно-голубым.

Шерринфорд снова взглянул на свой индикатор. Очевидно, тот указывал и положение наблюдателей, прячущихся в пестрой листве. Неожиданно он выпрыгнул наружу, пронесся мимо погасшего костра и скрылся за деревьями. Руки Барбро невольно сжали ружье.

Лужайка словно взорвалась треском сучьев и звуками борьбы, а секунду спустя из кустов выкатились две человеческие фигуры. Шерринфорд удерживал своего противника железным захватом. В серебристых отсветах луны и всполохах северного сияния Барбро успела заметить, что это длинноволосый юноша, обнаженный и очень гибкий. Сопротивлялся он отчаянно, пихался ногами, царапался и пытался укусить. При этом еще и дико улюлюкал.

Барбро мгновенно догадалась, что видит оборотня-ребенка, украденного у дальнопоселенцев и выращенного Древними. В такое же существо они хотели превратить и Джимми.

С резким выкриком Шерринфорд развернул противника лицом к себе и тут же двинул его в солнечное сплетение. Тот шумно выдохнул и осел, после чего Шерринфорд без труда потащил его к машине.

Но в этот момент из леса появился великан — огромный, словно дерево, такой же черный и корявый, с четырьмя кривыми, похожими на сучья руками. Земля задрожала под его поступью, а хриплый оглушительный рев заполнил, казалось, все окружающее пространство.

Барбро вскрикнула. Шерринфорд обернулся и выдернул из кобуры пистолет. Сухие звуки выстрелов напоминали щелчки кнута. Левой рукой Шерринфорд по-прежнему держал юношу в захвате. Гигантский тролль покачнулся под ударами пуль, но устоял и снова двинулся вперед — медленнее, осторожнее, в обход, чтобы отрезать его от фургона. С пленником Шерринфорд не мог двигаться быстрее, но выпустить его значило потерять, возможно, единственный ключ к Джимми.

Барбро выпрыгнула из фургона.

— Не сметь! — закричал Шерринфорд. — Ради Бога, оставайся внутри!

Чудовище закричало и потянулось в ее сторону лапой. Барбро нажала на курок, и винтовка с силой ударила ее в плечо. Гигант покачнулся и упал, но потом снова поднялся на ноги и, переваливаясь, двинулся к ней. Барбро отступила. Еще выстрел. Еще. Чудовище разинуло пасть, и опять раздался оглушительный рев. Темными маслянистыми каплями среди росы заблестела в траве его кровь. Секунду спустя оно развернулось и, ломая ветви, скрылось из виду во мраке леса.

— Назад! — закричал Шерринфорд. — Ты вышла за пределы поля!

Над головой Барбро пронеслось что-то зыбкое, призрачное. Она едва заметила движение, но тут увидела на краю поляны еще одну фигурку.

— Джимми! — вырвалось у нее.

— Мама! — Джимми протянул к ней руки. В слезинках, сбегающих по щекам малыша, блеснул лунный свет.

Барбро бросила винтовку и рванулась к Джимми.

Шерринфорд дернулся было за ней, но Джимми ускользнул в кусты, и она, продираясь сквозь колю-

чие ветки, скрылась там же. А потом ее схватили и понесли.

Не спуская глаз с пленника, Шерринфорд увеличил свет, и дикий пейзаж за окнами фургона скрылся под холодными отражениями в стекле. Юноша сощурился, пряча глаза от яркого безжизненного света.

— Ты будешь говорить, — сказал Шерринфорд спокойно, несмотря на усталость.

Юноша сердито сверкнул глазами из-под спутанных волос. Пока Шерринфорд пытался догнать Барбро, он почти пришел в себя и едва не убежал. Миндальничать было некогда — вот-вот могли прибыть подкрепления аутлингов, — и Шерринфорд просто двинул его так, что тот потерял сознание, потом затащил в машину. Теперь юноша сидел привязанный к вращающему стулу.

— Говорить с тобой, презренный человек? — Он сплюнул на пол, но на лбу у него выступили капли пота, а взгляд беспокойно заметался по металлической камере.

— Как тебя зовут? У тебя есть имя?

— Так я тебе и сказал. Не хватало еще, чтобы ты наслал на меня чары.

— Меня зовут Эрик. И если ты не оставишь мне выбора, я буду называть тебя... м-м-м... Недоумком.

— Что?.. — Хотя и воспитанный какими-то жуткими сверхъестественными существами, пленник все же оставался обычным подростком. — Тогда — Погонщик Тумана. — Странное ритмичное произношение английских слов только добавило загадочности. — Но это просто разговорное имя, не больше.

— А у тебя есть еще и тайное, которое ты считаешь настоящим?

— Она считает. Я его и сам не знаю. Зато она знает настоящие имена любого из живущих.

— Она? — Шерринфорд удивленно поднял брови.

— Она, Которая Правит. Надеюсь, она простит меня но со связанными руками я не могу сделать священный жест. Кое-кто из захватчиков называет ее Царицей ветров и тьмы.

— Так-так. — Шерринфорд достал трубку, набил ее табаком и в полном молчании раскурил. — Должен признаться, Древние оказались для меня сюрпризом. Никак не ожидал, что с вами окажется этот жуткий гигант. Я думал, что они обрабатывают моих соплеменников — кстати, и твоих тоже, парень, — лишь коварством, обманом и иллюзиями.

Юноша горделиво вскинул голову.

— Она создала первых никоров не так давно. Поверь, в ее распоряжении отнюдь не одни только иллюзии.

— Верю. Однако пуля со стальной оболочкой тоже действует неплохо, а? — усмехнулся Шерринфорд, затем, словно бы сам себе, продолжил: — Я по-прежнему считаю, что эти м-м-м... никоры — да и все остальные полулюди — служат скорее для устрашения, чем для действий. А способность вызывать иллюзии наверняка ограничена и расстоянием, и числом тех, кто ею обладает. Иначе Царице не пришлось бы действовать так осторожно. И даже за пределами гасящего поля Барбро — это моя спутница — смогла бы устоять против иллюзий, если бы догадалась, что видит перед собой мираж. Просто она была слишком потрясена, взволнована, одержима. — Шерринфорд покачал головой в окутавшем его облаке дыма. — Я тоже видел там кое-что, но это уже не важно. Она наверняка увидела что-то другое. Я думаю, нам просто скомандовали увидеть, как нечто самое желанное для нас на свете удаляется в лес. Надо полагать, она успела сделать всего несколько шагов, а потом ее схватил никор. Я решил, что выслеживать их будет совсем глупо: я ведь не следопыт, и, кроме того, в лесу слишком легко было бы устроить мне засаду. Поэтому я вернулся. И ты свяжешь меня со своей повелительницей, — закончил он твердо.

— Ты думаешь, я отведу тебя в Звездную Гавань или Кархеддин? Попробуй меня заставить!

— Я думаю, мы договоримся.

— И я подозреваю, ты рассчитываешь на нечто большее. — Погонщик Тумана оказался удивительно догадлив. — Что ты расскажешь, когда вернешься к себе домой?

— Да, это для вас проблема, не так ли? Барбро Каллен и я — не запуганные дальнопоселенцы. Мы — городские жители. Мы привезли с собой записывающую аппаратуру. Мы — первые, кто сможет сообщить о встрече с Древними, и наше сообщение будет подробным и доказательным. После этого люди не станут сидеть сложа руки.

— Я не боюсь смерти, — заявил Погонщик Тумана, хотя губы его при этом слегка дрожали. — Если я позволю тебе проникнуть туда, чтобы лишить нас всех свободы, мне все равно незачем будет жить.

— Сейчас тебе бояться нечего, — сказал Шерринфорд. — Ты всего лишь приманка.

Он опустился на сиденье и взглянул на юношу оценивающим взглядом, хотя при воспоминании о Барбро все сжималось у него внутри.

— Сам подумай. Твоя Царица, понятно, не может отпустить меня назад с пленником и рассказом о том, что я видел. Как-то она должна этому помешать. Пробиться я сумею: машина защищена лучше, чем ты думаешь. Но так мне никого не освободить, и поэтому я остаюсь на месте. Очевидно, свежие силы прибудут сюда со всей поспешностью, но я полагаю, они не станут бросаться очертя голову на машину с пулеметом, гаубицей и огнеметом. Каковы бы ни были их намерения, сначала они вступят в переговоры, и таким образом я добьюсь нужной мне встречи.

— Что ты задумал? — сердито пробормотал юноша.

— Для начала — вот это. Вместо приглашения. — Шерринфорд протянул руку и щелкнул переключателем. — Я убрал щит, умеющий читать мысли и наводить галлюцинации. Думаю, по крайней мере ваши вожаки почувствуют, что щит исчез. Возможно, это им прибавит уверенности.

— А потом?

— Потом посмотрим. Ты хочешь есть или пить?

В ожидании развития событий Шерринфорд пытался немного развеселить Погонщика Тумана, а заодно и узнать что-нибудь о его жизни, но тот отвечал коротко, односложно. Шерринфорд погасил свет в кабине и устроился в кресле поудобнее, наблюдая за поляной. Часы неопределенности тянулись долго.

Закончилось ожидание радостным полувскриком-полувсхлипом связанного юноши. Из леса вышел на поляну целый отряд Древних.

Некоторых из них было видно гораздо лучше, чем должно быть при скудном свете лун, звезд и северного сияния. Во главе отряда ехал на белом королевском олене с гирляндами на рогах мужчина невероятной, неземной красоты: его гордое лицо обрамляли платиновые волосы, волнами спадавшие на плечи из-под рогатого шлема. Плащ трепетал за его спиной, словно живые крылья. Кольчуга цвета изморози позвякивала при каждом шаге оленя.

Чуть позади, слева и справа, ехали двое с мечами, на которых то и дело вспыхивали и мелькали крохотные огоньки. В небе с трелями и смехом кувыркались на ветру какие-то существа. Неподалеку от их стаи зависли полупрозрачные сгустки тумана. Остальных, что следовали за вождем между деревьями, разглядеть было труднее. Но они двигались быстро и грациозно, словно ручей из ртути, перетекающий под звуки арф и труб.

— Лорд Луихад. — В голосе Погонщика Туманов слышалось беспредельное обожание. — Сам главный Познаватель Царицы.

Никогда в жизни не выпадало Шерринфорду задачи тяжелее — сидеть у приборной панели, держа палец на переключателе генератора защитного поля, и ждать. Чтобы лучше слышать, он спустил стекло одной из секций кабины. В лицо ударил порыв ветра, смешанного с запахом роз, что росли в саду его матери. В салоне фургона связанный юноша изо всех сил напрягал мышцы, чтобы дотянуться лицом к окну.

— Поговори с ними, — приказал Шерринфорд. — Спроси, будут ли они разговаривать со мной.

Полилась незнакомая мелодичная речь. Ответили ему точно так же.

— Да, — перевел Погонщик Тумана. — С тобой будет говорить сам лорд Луихад. Но я могу сразу сказать, что тебя никогда отсюда не выпустят. Лучше не сопротивляйся. Сдавайся. Выходи из машины. А то ты так и не узнаешь, что такое настоящая жизнь.

Для этого надо хоть немного пожить в Кархеддине под горой.

Аутлинги приближались.

Джимми поманил и исчез. Барбро полулежала в крепких руках, прижатая к широкой груди, и чувствовала каждое движение коня под ней. Видимо, это действительно конь, смутно подумала она, хотя на дальних поселениях их почти уже не держали — разве что для каких-то особых целей или просто по привязанности. Она ощущала, как перекатываются его мышцы, слышала шелест стремительно раздвигаемых ветвей и тяжелый стук, когда копыто ударялось в камень. В окружающей ее темноте то и дело проскальзывало что-то живое, теплое.

— Не бойся, дорогая, — произнес всадник. — Это было видение. Но он ждет тебя, и скоро мы к нему приедем.

Смутно, в глубине сознания Барбро понимала, что она должна испытывать ужас, смятение и еще что-то. Но память о прошлом осталась где-то позади. Она даже не знала, как попала сюда, чувствуя лишь, что любима. Покой, долгожданный покой, отдых в тихом предвкушении радости...

Спустя какое-то время лес кончился, и они въехали на широкий луг, где в отблесках лун лежали огромные валуны. Тени от них шевелились в такт всполохам северного сияния. Над растущими между ними цветами, словно крохотные кометы, летали порхунчики. Впереди блестела гора, самый пик которой скрывался в облаках.

Барбро посмотрела вперед, увидела лошадиную голову и вдруг подумала: «Это же Самбо! Мой Самбо. Я каталась на нем в детстве». Потом она запрокинула голову и взглянула на мужчину в черном плаще с капюшоном, под которым лицо едва угадывалось.

— Тим... — прошептала она, потому что просто не могла закричать.

— Да, Бабро.

— Но я похоронила тебя...

— Неужели ты думаешь, что мы — это всего лишь телесная оболочка, которую кладут в могилу? Бед-

няжка моя. Ту, которая позвала нас, зовут Целительница. А теперь отдыхай, спи.

— Сон... — пробормотала она, какое-то время еще пытаясь сопротивляться, но сил уже не осталось. Почему она должна верить пепельно-бледным сказкам про атомы, энергию... Сказки, которые она даже не может вспомнить... Ведь рядом Тим, и на коне, подаренном ей отцом, они едут к Джимми. Сном была та, другая жизнь, а это ее первое робкое пробуждение.

Словно в ответ на ее мысли Тим проговорил:

— У аутлингов есть песня. Она называется «Песня о человеке»:

Мир плывет,
Его гонит невидимый ветер,
Впереди разгорается свет,
За кормой остается ночь...
Истинные Обитатели не знают такой печали.

— Я не понимаю тебя, — сказала Барбро.

Тим кивнул.

— Тебе еще многое предстоит понять, дорогая, и мы не сможем видеться, пока ты не познаешь основные истины. Но это время ты проведешь с нашим сыном.

Барбро попробовала приподняться и поцеловать его, но он удержал ее на месте.

— Рано. Ты еще не принята среди народов Царицы. Мне даже не следовало приезжать за тобой, но она была слишком великодушна, чтобы запретить. Ложись, ложись.

Время летело. Конь без устали скакал вверх по склону, ни разу не споткнувшись. Барбро заметила отряд, спускавшийся мимо них к западу на битву с... С кем? С тем, кто закован в сталь, и сожаление... Позже она спросит себя и узнает, как имя того, кто доставил ее на землю Древних Истин.

Наконец впереди на фоне звезд — маленьких волшебных звезд, которые шепчут нам слова утешения, когда мы мертвы, — поднялись великолепные шпили. Они въехали во двор замка, где, не колеблясь, горели свечи, плескали фонтаны и пели птицы. В воздухе стоял запах цветов брока и перикупа, руты и роз —

не все, что принес в этот мир человек, ужасно. Истинные Обитатели во всей своей красе ждали у входа, чтобы поприветствовать их. За стройными рядами встречающих играли в полутьме пэки; среди деревьев мельтешили дети; веселье сливалось с торжественной музыкой...

— Мы прибыли, — сказал Тим неожиданно хриплым, каркающим голосом.

Барбро даже не поняла, как он слез с коня, держа ее на руках. Теперь она стояла рядом с ним и вдруг заметила, что его качает.

— Тебе плохо? — со страхом спросила она и схватила Тима за руки, оказавшиеся вдруг холодными и грубыми на ощупь.

Самбо куда-то исчез. Барбро заглянула под капюшон: здесь гораздо светлее, и она разглядит его лучше... Но лицо Тима оставалось расплывчатым и изменчивым.

— Что-то не так... Что происходит?..

Тим улыбнулся. Неужели это та самая улыбка, которую она так обожала?

— Я... Мне надо идти, — выговорил Тим с трудом и так тихо, что она едва расслышала. — Наше время еще не пришло.

Он высвободился из ее объятий и оперся на фигуру в капюшоне, возникшую вдруг рядом. У голов обоих вилось нечто смутное и туманное.

— Не смотри, как я ухожу... обратно в землю, — молил Тим. — Это моя смерть... Скоро придет наше время... Вон наш сын!

Барбро не могла не обернуться. Она упала на колени, расставив руки, и Джимми врезался в нее, словно теплое, живое пушечное ядро. Барбро ерошила ему волосы, целовала шею, смеялась, плакала, лепетала какие-то глупости. Это был не призрак, не воспоминание, которое исчезнет, едва она отвернется.

Барбро беспокойно перебирала в уме всяческие беды, которые могли выпасть на долю Джимми — голод, болезни, страх, — и не находила никаких признаков. Сады вокруг исчезли, но это уже не имело никакого значения.

— Я так скучал по тебе, мама. Ты останешься?

— Я заберу тебя с собой, золото мое.

— Останься. Здесь весело. Я тебе все покажу. Но ты обязательно оставайся.

Словно вздох, пронесся в сумерках порыв ветра. Барбро встала, и Джимми вцепился в ее руку. Перед ними стояла Царица. Высокая, очень высокая, в наряде, сотканном из северного сияния, в короне из звезд и гирляндах из цветов-недотрог. Позой она напоминала Венеру Милосскую, чье изображение Барбро часто видела на землях людей, но Царица выглядела несравненно красивее, и гораздо больше величия чувствовалось в ее осанке и сине-черных глазах. Снова восстали вокруг сады, воскресли придворные, вознеслись к небу высокие шпили.

— Добро пожаловать, — произнесла Царица, словно пропела. — Навсегда.

Но, переборов страх, Барбро ответила:

— Праматерь Лун, отпусти нас.

— Этому не бывать!

— Отпусти нас в наш мир, маленький, но любимый, — молила Барбро, словно в полусне. — Мир, который мы построили для себя и которым дорожим ради наших детей.

— К дням заточения, к ночам, полным горести, к работе, которая рассыпается в пальцах, любви, которая превращается в гниль или мусор, к потерям, к печали, к единственной уверенности, что впереди ничего не будет? Нет. Ты, которая будешь зваться отныне Странницей, тоже возрадуешься, когда знамена Северного Мира вознесутся над последним городом человека, и человек наконец оживет. А теперь иди с теми, кто будет тебя учить.

Царица ветров и тьмы подняла руку, призывая слуг, но вдруг замерла, и никто не явился на ее зов.

На фоне тихого шелеста фонтанов и мелодичной музыки нарастал свирепый рев. Метнулось пламя, где-то загрохотало, и придворные бросились врассыпную перед стальным чудовищем, взбиравшимся на скалу. Пэки испуганно взмыли в воздух и скрылись из виду. Никоры один за другим кидались навстречу машине и падали сраженные, пока Царица не закричала, чтобы они остановились.

Барбро повалила Джимми на землю и закрыла собой. Башни замка закачались и растаяли как дым. Под леденящим светом лун остался голый склон горы: камни, расселины, а чуть дальше — ледник, в прозрачной глубине которого пульсировало голубое отражение северного сияния. На вертикальной стене скалы чернел вход в пещеру. Древние с криками бросились в темный проем, ища спасения под землей. Бежали все: люди, и гротескные создания вроде пэков, никоров и призраков, но больше всего было худощавых чешуйчатых существ с длинными клювами и длинными хвостами.

Джимми плакал, прижимаясь к груди Барбро — может быть, от страха, а может, оттого что растаяло очарование сказочного мира. На мгновение Барбро даже стало жаль Царицу. Та осталась теперь одна и стояла совершенно нагая. Но затем она тоже бросилась бежать, и мир вокруг Барбро рухнул.

Пулеметы смолкли, машина с лязгом остановилась. Из кабины выпрыгнул юноша и закричал во весь голос:

— Тень Сновидения, ты где? Это я, Погонщик Туманов! Иди сюда!

Только потом он сообразил, что приехавший с ним человек не понимает его слов, но продолжал кричать, пока девушка не выбралась из кустов, где спряталась с самого начала атаки. Некоторое время они молча смотрели друг на друга сквозь дым и пыль, пронизанные лунным светом. Затем девушка бросилась вперед.

А из кабины донесся еще один голос:

— Барбро! Скорее!

В Рождественской Посадке был день. Короткий в это время года, но все же день — с солнцем, голубым небом, белыми облаками, сверкающей водой, соленым ветром на улицах и организованным беспорядком в гостиной Шерринфорда.

Он долго перекладывал одну ногу на другую, тянул трубку, словно хотел поставить дымовую завесу, и наконец спросил:

— Ты уверена, что уже поправилась? Тебе не следовало излишне волноваться.

— Не беспокойся, все хорошо, — ответила Барбро Каллен, хотя голос ее оставался бесцветным. — Усталость, конечно, еще чувствуется, и, наверно, это заметно. Но ничего удивительного тут нет: за одну неделю от такого трудно оправиться. Однако я встаю, хожу. И, честно говоря, прежде чем осесть и начать набираться сил, мне не терпелось узнать, что случилось там и что происходит сейчас. Ни в прессе, ни по телевидению ничего не было.

— Ты с кем-нибудь говорила о нашей экспедиции?

— Нет. Посетителям я просто отвечала, что слишком устала и не могу разговаривать. Не очень веселая жизнь. Но я решила, что для секретности есть какие-то причины.

Шерринфорд вздохнул с облегчением.

— И правильно. Это по моей просьбе. Ты можешь представить себе, что произойдет, если все станет известно широкой публике прямо сейчас? Власти согласились, что нужно изучить факты, обдумать, обсудить их в спокойной обстановке и выработать какую-то программу, которую можно будет предложить населению Роланда. Иначе все просто свихнутся. — Он едва заметно улыбнулся. — А кроме того, и тебе, и Джимми надо привести нервы в порядок перед началом журналистского штурма. Как он там?

— Он-то ничего. По-прежнему пристает, чтобы мы отправились играть с его друзьями в Прекрасный Замок. Но в таком возрасте... Это пройдет. Он забудет.

— Возможно, он еще встретит своих друзей.

— Что? Мы... — Барбро чуть подвинулась в кресле. — Знаешь, я тоже забыла. В памяти почти ничего не осталось о последних часах. Мы привезли с собой кого-нибудь еще из похищенных?

— Нет. Они и так испытали слишком сильное потрясение, а тут еще проблема адаптации в обществе... Погонщик Тумана — парень вполне трезвомыслящий, он заверил меня, что, пока мы будем готовиться, они выживут. Но по правде сказать, я и сам не уверен, что это будут за приготовления. Никто пока не знает. Очевидно, они должны включать в себя

какие-то меры, нацеленные на воссоединение этих людей с человечеством. Особенно тех, что еще не подросли. Хотя, возможно, они уже никогда не будут считать цивилизацию своим домом. Может, это и к лучшему: нам все равно как-то нужно будет поддерживать контакт с Истинными Обитателями.

Его ровный, почти лишенный эмоций голос действовал успокаивающе на обоих, и Барбро, собравшись с духом, сказала:

— Наверно, я вела себя как полная идиотка, да? Помню, что я кричала, выла и билась головой об пол.

— Забудь. Все нормально. — Шерринфорда по-прежнему беспокоило, что думает эта женщина о случившемся с ней и о его роли в недавних событиях. Он встал, подошел и положил руку ей на плечо. — Тебя заманили в ловушку искусной игрой на глубоких человеческих инстинктах, причем ты была взволнована и напугана. После, когда это раненое чудовище унесло тебя, очевидно, появилось еще одно существо, буквально накачавшее тебя иллюзиями с близкого расстояния. А потом мое прибытие, внезапное исчезновение всех галлюцинаций — должно быть, это подействовало очень сильно. Не удивительно, что ты кричала, словно от дикой боли. Однако прежде ты все-таки успела посадить в машину Джимми, забралась сама и ни разу не пыталась помешать мне в дороге.

— А что ты сделал потом?

— Дунул оттуда на полной скорости. Через несколько часов магнитная буря немного поутихла, и я сумел связаться с Портолондоном, чтобы запросить самолет. Возможно, это было уже не так важно — Древние вряд ли смогли бы нас остановить, да они и не пытались, — но все же быстрый транспорт оказался нелишним.

— Это я примерно так себе и представляла. — Барбро поймала его взгляд. — Но я имела в виду другое. Как ты нас нашел?

Шерринфорд чуть отодвинулся.

— Дорогу указывал пленник. Я не думаю, что убил кого-то из тех, кто явился на поляну, чтобы разобраться со мной. Надеюсь. Я дал несколько пре-

дупредительных выстрелов и повел машину вперед, а потом просто обогнал их. Это даже нечестно — сталь и высокооктановое горючее против слабой плоти. А вот у входа в пещеру мне действительно пришлось застрелить десяток троллей. Поверь, я этим совсем не горжусь. — Он умолк на короткое время, потом закончил: — Но тебя взяли в плен. Я не знал, что они могут с тобой сделать, и тебе не на кого было больше рассчитывать. — Снова пауза. — Хотя на самом деле я человек мягкий.

— А как ты заставил... того парня... помочь?

Шерринфорд отошел к окну, откуда открывался вид на Северный океан.

— Я отключил гасящее поле и позволил отряду аутлингов подойти поближе. В полном блеске иллюзорного величия. А затем снова включил, и мы оба увидели их так, как они выглядят в действительности. По дороге на север я объяснил Погонщику Тумана, что и его, и всех остальных людей обманывали, использовали, заставляли жить в мире, которого никогда не было. Спросил, хочется ли ему, чтобы он сам и те, кто ему близок, до самой смерти жили, как прирученные животные, — вроде бы и на свободе среди холмов, но чуть что, мысленный приказ: «Назад! В будку!» — Шерринфорд волновался и выпускал целые облака дыма. — Не дай Бог кому увидеть столько горечи на человеческом лице. Всю жизнь заставляли верить, что он свободен.

В комнате наступила тишина, только шум транспортных потоков доносился снизу. Карл Великий спустился к самому горизонту, и небо на востоке уже потемнело. Наконец Барбро спросила:

— Ты узнал, для чего все это?

— Для чего они похищали детей и воспитывали их в таком духе? Отчасти для реализации своего плана, а отчасти, чтобы изучить нас и экспериментировать над нами. Мы нужны были им, потому что у людей есть особые способности, которые их интересовали. Например, способность переносить яркий дневной свет.

— Но какую конечную цель они себе ставили?

Шерринфорд отвернулся от окна и прошелся по комнате.

— Об этом трудно судить. Мы можем лишь догадываться о том, что они думают и тем более как на самом деле к нам относятся. Но, похоже, наши догадки подтверждаются объективными данными. Почему они прятались от людей? Подозреваю, что так называемые Древние или, вернее, их предки, поскольку, ты сама знаешь, никакие не эльфы, а обычные смертные, подверженные ошибкам существа, — так вот, я подозреваю, что поначалу аборигены осторожничали больше даже, чем некоторые примитивные племена на Земле, хотя и там встречались случаи, когда местные жители далеко не сразу открывались путешественникам. Шпионя и подслушивая мысли, обитатели Роланда в конце концов освоили язык настолько, что сумели понять, как сильно отличаются от них люди и как они могучи. Им стало известно, что скоро прибудут большие корабли с множеством поселенцев, но не пришло в голову договориться о своем праве на землю. Возможно, у них территориальные чувства развиты гораздо сильнее наших, и они решили сражаться, чтобы уничтожить нас, но по-своему. Я уверен, что, едва мы начнем изучать их образ мышления, с нашей психологической наукой произойдет нечто подобное революции, которую Коперник совершил в астрономии. — Шерринфорд буквально загорелся. — И мы сможем обогатиться знаниями не только в этой области. У них тоже была своего рода наука — нечеловеческая, неземная. Ведь они наблюдали за нами очень пристально, даже разработали направленный против нас план, для которого потребовался бы век или два. Возможно, они знают и что-то еще. На чем, например, держится их цивилизация без видимого сельского хозяйства, без наземных зданий, без шахт и тому подобного? Как им удается по желанию создавать новые виды разумных существ? Миллионы вопросов и десятки миллионов ответов!

— А можем ли мы научиться чему-нибудь от них? — мягко спросила Барбро. — Или мы просто задавим их, как они того и боялись?

Шерринфорд остановился у каминной полки, опершись на нее локтем и, вынув трубку изо рта, ответил:

— Я надеюсь, мы окажемся благосклонны к поверженному врагу. Ведь они действительно враги. Они пытались покорить нас, но им это не удалось, а теперь мы в каком-то смысле обязаны покорить их. Древние ожидали, что еще увидят, как ржавеют наши машины, а вместо этого им придется смириться с существованием машинной цивилизации. С другой стороны, они никогда не поступали с нами столь же жестоко, сколь мы в далеком прошлом со своими собственными братьями. И, я повторяю, они способны научить нас многим интересным вещам. Мы сможем ответить тем же, когда они станут сдержанно относиться к чужому образу жизни.

— Очевидно, им выделят резервацию, — сказала Барбро и с недоумением взглянула на Шерринфорда, когда тот поморщился.

— Но за что же лишать их чести и достоинства? — спросил он. — Они боролись, чтобы спасти свой мир вот от этого, — Шерринфорд махнул рукой в сторону города, — и я вовсе не исключаю, что, будь всего этого поменьше, мы тоже жили бы гораздо счастливее.

Плечи у него поникли, и, тяжело вздохнув, он добавил:

— Хотя, я полагаю, если бы «королевство эльфов» победило, человечество на Роланде просто вымерло бы — тихо и даже умиротворенно. Мы живем со своими выдумками, но вряд ли бы прижились внутри этих образов.

— Извини, я тебя не понимаю, — покачала головой Барбро.

— А? — Он взглянул на нее с удивлением, мгновенно вытеснившим меланхолию, потом рассмеялся. — Это, конечно, глупо с моей стороны. За последние несколько дней я столько раз уже объяснял свою точку зрения политикам, ученым, полицейским и Бог знает кому еще, что просто забыл сказать об этом тебе. Смутная идея возникла у меня еще по дороге на север, но я не люблю обсуждать свои идеи до срока. Теперь же, когда мы встретили аутлингов и

увидели, что они могут, я почувствовал себя гораздо увереннее. — Он снова набил трубку и продолжил: — Я, например, всю свою сознательную жизнь тоже играл определенный образ. Образ рассудительного сыщика. И это, как правило, не сознательная поза, а просто образ, который лучше всего соответствует складу моего характера и профессиональному стилю. Но у большинства людей, независимо от того, слышали они про оригинал или нет, такой образ вызывает вполне определенную реакцию. Это довольно распространенное явление. В жизни нам нередко встречаются люди, которые в разной степени напоминают Христа, Будду, Прародительницу Земли или, если попроще, Гамлета или д'Артаньяна. Эти исторические, литературные или мифические фигуры концентрируют в себе определенные базовые аспекты человеческой психики, и, встречая их воочию, мы реагируем гораздо глубже, чем на сознательном уровне. — Тут его голос стал гораздо серьезнее. — Помимо этого человек всегда создавал образы или концепции, которые нельзя назвать личностями: чудовища, тени, дальние миры. Мир волшебства и чар — это раньше называлось колдовством, — мир получеловеческих существ вроде Ариэля или Калибана, свободных от немощей и забот простых смертных, а следовательно, чуть беззаботно-жестоких, игривых. Существа, что кроются в сумерках, пронзаемых лунным светом, не совсем боги, но они подвластны повелителям, достаточно загадочным и могущественным, чтобы... Да, наша Царица ветров и тьмы отлично знала, какие видения подбрасывать отрезанным от больших поселений людям, какими иллюзиями окручивать их время от времени, какие песни и легенды пустить среди них. Интересно, сколько на самом деле она и ее подручные почерпнули из земных сказок, сколько придумали сами и сколько туда добавили люди уже здесь, сейчас, невольно подчиняясь ощущению, что живешь на краю мира?

Комнату постепенно заполнили вечерние тени. Стало прохладнее, и шум транспорта, доносившийся с улицы, заметно уменьшился.

— А какой в этом вред? — тихо спросила Барбро.

— В каком-то смысле дальнопоселенец все-таки живет тут, словно в средневековье. У него мало соседей, он редко слышит новости извне и живет, обрабатывая землю, которую знает лишь отчасти. Кругом нескончаемые дикие леса, а сама планета может в любую тихую ночь обрушить на поселенца совершенно непредсказуемые бедствия. Машинная цивилизация, что доставила на Роланд его предков, здесь едва угадывается. И он просто может потерять с ней всякую связь — так же, как люди в средние века забыли Грецию и Рим, как забыла сейчас свое былое величие сама Земля. Можно накачивать его образами загадочного мира — долго, упорно, исподволь — до тех пор, пока он не проникнется верой, что волшебство Царицы ветров и тьмы сильнее энергии моторов, созданных руками человека, и тогда сначала душой, а затем и делами он последует за ней. Конечно, это не делается быстро. В идеале процесс должен идти очень медленно — так, чтобы его никто не заметил, особенно самодовольные жители городов. А когда поселенцы скатятся к примитивному существованию и в конце концов отвернутся от горожан, те просто умрут с голоду.

— Как сказала Царица, мы сами возрадуемся, когда знамена Северного Мира вознесутся над последним городом человека...

— Возможно, так бы оно и случилось, — признал Шерринфорд. — Но я все же предпочитаю выбирать свою судьбу сам.

Он передернул плечами, словно стряхивая с себя тяжелую ношу, потом выбил трубку и медленно, с чувством потянулся.

— Теперь, впрочем, ничего страшного с нами не случится.

— Благодаря тебе, — сказала Барбро, глядя на него в упор.

Щеки у Шерринфорда слегка порозовели.

— Я думаю, рано или поздно кто-нибудь другой... Гораздо важнее, что мы будем делать дальше, а это для одного человека или даже для одного поколения вопрос слишком сложный.

— Да, если только это не личный вопрос, Эрик, — сказала она, чувствуя, как горят у нее щеки, и с удивлением отметила, что он тоже взволнован.

— Я надеялся, что мы увидимся вновь.

— Обязательно увидимся.

Айох сидел на кургане Воланда. Северное сияние полыхало так ярко и такими огромными полосами света, что за ним почти не видно было ущербных лун. Цветы огненного дерева опали — лишь несколько бутонов еще продолжали светиться среди корявых корней и в зарослях сухого брока, теперь уже ломкого, трескучего, пахнущего дымом. В воздухе еще тепло, но на западе, где скрылось за горизонтом солнце, не осталось даже намека на его розовые отсветы.

— Прощайте. И удачи вам, — крикнул пэк.

Погонщик Тумана и Тень Сновидения даже не обернулись — возможно, просто не осмелились — и вскоре скрылись в темноте в направлении разбитого людьми лагеря, что светился огнями, словно новое яркое созвездие на южном небосклоне.

Айох медлил. Ему казалось, что нужно попрощаться и с той, которая присоединилась недавно к спящему в дольмене. Скорее всего, здесь никто уже не встретится, чтобы любить и творить волшебство. Но память подсказывала один-единственный старый стих подобающего содержания. Айох встал и пропел:

Из груди ее цветок
Потянулся алый,
Но лето сожгло его,
И песни не стало.

Затем пэк расправил крылья и полетел прочь от этих мест.

ДЕНЬ ПРИЧАСТИЯ

Неизвестно, сколько вращалась эта звезда в пустынном пространстве между Ригелем и Бетельгейзе. Будучи раза в полтора крупнее Солнца, она сияла, ослепляя раскаленным добела великолепием своей короны. Таких звезд немного. Обнаружил ее корабль Первой Великой Поисковой экспедиции. Но его экипаж был гораздо более заинтересован исследованием группы планет соседнего солнца и потому не стал задерживаться в этой системе. Галактика велика; основной задачей экспедиции было обследование той ее части, которая находилась поближе к человечеству. Именно поэтому люди не обратили внимания на ряд таившихся в спектре излучения звезды вполне конкретных предзнаменований.

С тех самых пор, вот уже в течение двух столетий, в этом уголке Вселенной никто не появлялся. Достигшая к тому времени небывалых вершин технократическая цивилизация землян и так уже имела достаточно забот с миллионами звезд, находящихся ближе к Земле. И никто в свое время не задумывался над тем, что эта звезда была гораздо старше всех остальных в этих местах. Не то чтобы она была очень уж древней в космологическом смысле слова. Просто-напросто гигантские звезды имеют удивительное свойство развиваться крайне быстро и абсолютно непредсказуемо.

И вот, когда она наконец взорвалась, неподалеку, на расстоянии примерно одного светового года, совершенно случайно оказался один из разведкораблей

Лиги, занимающийся в то время поиском новых экономических районов.

Хотя, если учитывать, что синхронность применительно к межзвездным расстояниям — понятие весьма и весьма относительное, следует сказать, что заключительная фаза агонии звезды наступила на несколько месяцев раньше. Термоядерная реакция выжгла в конце концов весь содержавшийся в ядре водород. Изменение внутреннего радиационного баланса привело к тому, что внешние слои коллапсировали под действием собственного веса. В результате высвободилось гигантское количество энергии, которая и дала толчок качественно новым процессам атомного синтеза. Произошло образование новых элементов, причем не только тех, которые обычно встречаются в природе других планет. Так, в числе прочих, сформировался целый ряд крайне недолговечных трансуранов. Однако все-таки большую часть времени в этом хаосе преобладал технеций. Нейтроны и нейтрино, окончательно сместив баланс, устремились к ядру. Последовавшее затем чудовищное сжатие привело к катастрофе. В считанные мгновения сверхновая выросла до размеров собственной галактики.

Если бы звездолет не был оснащен гипердвигателем, его экипаж, учитывая столь опасную близость к эпицентру взрыва, был бы обречен. Но само собой, они не собирались оставаться на месте, а в микропаузах между гиперперемещениями губительный поток излучения не страшен. Оставалось лишь сожалеть, что корабль не оснащен оборудованием, которое позволило бы подробно исследовать Сверхновую прямо в момент ее рождения. Подобное случается крайне редко, и такая возможность землянам представилась вообще, по сути дела, впервые. Земля слишком далеко, а вот научная колония на Катараяннисе вполне могла бы подкинуть приборы.

Теперь, чтобы в деталях пронаблюдать дальнейшее течение процесса, требовалось привлечение соответствующих ресурсов. Следовало оборудовать места обитания наблюдателей, смонтировать приборы... Обычные заводы с этим справиться не смогли, а к тому моменту, когда все было бы готово, фронт волны,

несущей в себе основную информацию, ушел бы столь далеко, что измерения «вдогон» привели бы только к чудовищным погрешностям.

Впрочем, на расстоянии чуть больше одного парсека от места взрыва, что было идеальной дистанцией для наблюдений, находилось одно из солнц типа-G, а одна из его планет по многим параметрам представляла собой в физическом и в биохимическом отношении типичный геоид. Кроме того, на планете была разумная жизнь, обладающая довольно высокой технологией. Словом, подарок судьбы!

Все было так, за одним исключением: данные разведки были не более чем оценочными, а самое главное — устаревшими ровно на две сотни лет.

— Назад!

Магистр торговли Дэвид Фалькайн испуганно отшатнулся. Четверо стоявших поблизости охранников выхватили пистолеты. Фалькайн машинально прикинул, какого сорта заряд он чуть было не схлопотал.

— Прошу прощения?

Морручан Большой Топор — повелитель Вах Датира — встал с трона. Он был необычайно высок ростом даже для мерсейянина и возвышался над рослым Фалькайном на добрых пятнадцать сантиметров. Спадающая до пола ярко-оранжевая мантия и огромный рогатый шлем делали его фигуру попросту грандиозной. Без этих символов верховной власти он выглядел почти человекообразным существом, если не считать хвоста, который вместе с обутыми в сапоги ногами образовывал вполне удобный для сидения треножник. Покрытая мелкой чешуей зеленая шкура была абсолютно лишена какой бы то ни было растительности, а от затылка до кончика хвоста тянулся ряд острых шипов. Вместо ушей голова его была снабжена двумя глубокими отверстиями, однако лицо имело вполне человеческие черты, а с точки зрения физиологии его с уверенностью можно было отнести к млекопитающим.

Насколько был близок к человеческому находившийся за сверкающими глазами мозг, Фалькайн не знал.

— Этим миром вам править не удастся, — загромыхал зловещий бас. — Если мы отступимся от завоеванного предками права на власть, Господь подымет их из могил, и они проклянут нас.

Фалькайн быстро осмотрелся. Никогда прежде не приходилось ему чувствовать себя столь одиноко. Приемный зал замка Афон поражал своими гигантскими размерами. Человеку и в голову не пришло бы возводить что-либо столь грандиозное. Свисавшие со стен огромные, украшенные затейливым шитьем боевые знамена нисколько не нарушали адской акустики помещения. В огромном очаге полыхал огонь, в пламени которого с легкостью можно было бы изжарить слона. Вдоль стен вытянулись шеренги воинов в сверкающих доспехах. Кроме зверски искривленных мечей и зазубренных копий они были вооружены огромными пистолетами. В такой навевавшей дикий ужас обстановке видневшееся в оконных проемах бледно-голубое небо казалось бесконечно далеким.

Воздух так и дышал холодом, тяготение было чуть выше земного, Фалькайн чувствовал себя разбитым.

Он выпрямился. В конце концов, он тоже вооружен, причем не какой-то там газовой игрушкой, а мощным энергетическим оружием. Адсель в городе, а Чи Лан на борту корабля благодаря укрепленному у него на запястье передатчику внимательно следят за каждым словом переговоров. А уж на корабле оружия было столько, что они с легкостью могли стереть с лица планеты этот Ардайг. При всей своей дикости Морручан должен это сознавать.

Им надо было найти общий язык.

Фалькайн, тщательно подбирая слова, произнес:

— Приношу свои искренние извинения, Вождь, но в силу... э... невежества я еще не вполне освоил ваш язык. Пусть это не нанесет ущерба нашим дружественным отношениям. Мы принесли известие о грозящей вашей планете чудовищной катастрофе. В результате пренебрежения опасностью твой народ может лишиться всего того, чем он с честью обладает.

Мы в силах научить вас, как себя вести. Время слишком дорого, а опасность велика, поэтому мы призываем вас к благоразумию и немедленному дей-

ствию. В противном случае помочь мы не сможем. Но хочу вас сразу заверить, что никогда мы не будем вести себя подобно завоевателям. Путешествуя по Вселенной и входя в контакт со множеством разумных миров, мы никогда не руководствуемся злыми помыслами. Как братья по разуму мы хотим в минуту опасности протянуть вам руку помощи.

Морручан нахмурился и поскреб подбородок.

— Честно говоря, в этом я очень сомневаюсь. Свет от вспышки выжжет эту планету менее чем через три года.

Сказав так, Фалькайн употребил мерсейянскую единицу времени. Местный год был в три раза продолжительнее земного. Вспотев от напряжения, он мысленно проклял языковой барьер. Ксенологи прошлой экспедиции за те несколько месяцев, что они провели здесь, смогли вникнуть лишь в самые азы эряуянского языка. Эти чрезвычайно скудные знания Фалькайн и его товарищи усвоили во время перелета при помощи синатической трансформации. И вот теперь выяснилось, что именно тогда, двести лет назад, на Эряу (так назвали планету земляне) как раз происходили бурные лингвистические преобразования. Именно поэтому он теперь не был до конца уверен даже в том, как правильно произносить гласные.

Фалькайн в очередной раз постарался говорить почище.

— Если вы пожелаете... если вам нужны доказательства, мы на нашем корабле доставим лично вас или любое доверенное лицо из вашего окружения непосредственно в район катастрофы, так что вспышку можно будет видеть даже невооруженным глазом.

— Не сомневаюсь, что ученые и поэты готовы драться на дуэли за возможности любого подобного путешествия, — сухо заметил Морручан. — Однако ты меня убедил. Ты сам, твои друзья и ваш корабль являются лучшим доказательством. — Но тут голос его зазвучал резче: — Я не такой простак, чтобы обожествлять вас только потому, что вы прилетели сюда со стороны. Ваша цивилизация на голову выше нашей по уровню технологического развития, только и всего. Внимательно читая летопись тех времен,

когда среди нас впервые появились чужаки, я понял, что тогда ими двигало не более чем чисто профессиональное любопытство. Это, впрочем, продолжалось недолго. Они улетели и больше не возвращались. До сих пор... Итак, я спрашиваю: что вам нужно?

Фалькайн слегка расслабился. Если отвлечься от внешних признаков, Морручан по складу ума казался вполне человеком. В своих умозаключениях он руководствовался вполне человеческой логикой, не проявляя при этом особой восторженности или идеализма... Это был весьма скептически настроенный, тертый политик — типичный продукт царившего здесь предельно практического образа жизни.

Но человек одернул себя: а что я на самом-то деле знаю о Мерсейе?

Судя по наблюдениям с орбиты, радиоперехвату и первичному радиоконтакту, а также на основе личных наблюдений от езды на автомобиле по пути в город, на планете обитало множество наций и народностей, среди которых в количественном отношении явно преобладало население океанического побережья. Два столетия тому назад между некоторыми аристократическими кланами произошел раздел сфер влияния. Похоже, за прошедшие века им удалось достичь определенного согласия, и, наверное, благодаря этому в ответ на просьбу о встрече с представителем верховной власти Фалькайна доставили в Ардайг, где ему и пришлось столкнуться с этим экземпляром.

Мог ли Морручан говорить от имени всего народа? В этом Фалькайн уже начал сомневаться.

Но начинать с чего-то надо.

— Я буду откровенен, Вождь! — сказал Фалькайн. — Я и мой экипаж всего лишь прокладывали путь для тех, кто пойдет следом. В случае успеха мы рассчитываем на свою долю прибыли. Наши ученые хотят создать на Мерсейе и ее спутниках пункты наблюдения за поведением Сверхновой в течение ближайшего десятка лет. Ваша помощь была бы для них большим подспорьем. Причем помощь желательна не только в обеспечении обсерваторий продуктами, которые мы готовы научить вас изготовлять. За все это

вам щедро заплатят, плюс — вы получите важные знания.

— Но сначала, — продолжал он, — нам следует позаботиться о судьбе мерсейянской цивилизации. Чтобы обеспечить вашу безопасность, придется сделать очень многое. За это придется заплатить. Цена не будет грабительской, однако мы хотим получить конкретную прибыль. На эти деньги мы приобретем у вас товары, которые на Земле принесут нам доход. — Фалькайн улыбнулся. — Таким образом, все будут довольно, и поэтому опасаться нечего. Члены Лиги не бандиты и не покорители чужих планет, а просто торговцы, которые стараются честным трудом заработать себе на жизнь.

— Ага! — осклабился Морручан. — Наконец-то мы добрались до сути. Когда вы впервые вышли на связь и заговорили о Сверхновой, мы, мои коллеги и я, сразу проконсультировались у астрономов. Все-таки мы тут не совсем невежды. Как-никак используем атомную энергию и совершаем межпланетные перелеты. Так вот, наши ученые считают, что в случае взрыва такая звезда даст выход энергии примерно в пятнадцать биллионов раз больше, чем излучает Корих. Это так?

— Если Корих — это ваше солнце, Вождь, то да, примерно так.

— Единственная звезда поблизости, которая может взорваться подобным образом, это Валендерай. Судя по вашему описанию, вы имеете в виду именно ее. Эта звезда находится в южном полушарии неба.

Фалькайн утвердительно кивнул и лишь потом, запоздало сообразив, что на Мерсейе этот жест могут истолковать совсем иначе, произнес: «Да, Вождь». К счастью, все обошлось.

— Сначала мы испугались, — сказал Морручан, — но расчеты показали, что, поскольку Валендерай находится на расстоянии свыше трех с половиной световых лет, радиация, когда она все-таки достигнет нас, будет уже ослаблена — не более трети излучения Кориха. Затем, примерно в течение пятидесяти пяти дней, она еще уменьшится вдвое.... И так далее, и так далее, и через некоторое время мы будем

наблюдать лишь слабое ночное свечение. Согласен, можно ожидать синоптических катаклизмов типа ураганов, ливневых дождей и тому подобного. Все это будет. Если произойдет заметное стаивание полярных льдов, возможны даже наводнения. Но все это пройдет. В любом случае центр нашей цивилизации находится тут, в северном полушарии... Верно и то, что вы говорите про губительное ультрафиолетовое излучение и Х-лучи. Но все это будет блокировано атмосферой Мерсейи.

Опираясь на хвост, Морручан отклонился назад и скрестил пальцы, смехотворно похожие на человеческие.

— Так что же вам нужно на самом деле?

Фалькайн, воспитанный в аристократических традициях Гермеса, гордо расправил плечи. Высокий, стройный, светловолосый, с яркими голубыми глазами, сверкавшими на красивом скуластом лице, всем своим видом он внушал доверие.

— Вождь! — с достоинством проговорил он. — Думаю, что вы просто не успели проконсультироваться со специалистами в области...

Тут Фалькайн замолчал. Как на местном наречии называется ядерная физика, он не знал.

К счастью, Морручан проявил завидную выдержку. Транслятор Фалькайна периодически сбивался и замолкал: в это время он с товарищами пытался подобрать необходимые выражения. То, что он в конце концов произнес, звучало примерно так:

— Пока что Вождь прав. Теперь посмотрим, что произойдет потом. Вспышка Сверхновой чудовищна. При этом активизируются ядерные реакции, которые настолько сложны, что даже мы сами еще до конца не понимаем их ход. Кстати, именно поэтому мы и хотим все это исследовать. Но вот то, что известно нам и что смогут подтвердить ваши ученые физики.

— Перестраиваясь в недрах этой гигантской шаровой молнии, ядра и электроны формируют асимметричные магнитные импульсы. Вы должны знать, что подобное происходит при срабатывании заряда ядерной бомбы. Теперь подумаем, что произойдет, когда это случится в масштабе звезды. Приближаясь

к планете, эти импульсы пронижут магнитное поле Мерсейи вплоть до самой ее поверхности. Не будучи заэкранированными, электромоторы, генераторы, линии связи... ну, конечно, я не сомневаюсь, что у вас есть соответствующие предохранители, громоотводы и прочее... но в электрических цепях мгновенно наведутся огромнейшие напряжения, и вся система выйдет из строя. То же самое произойдет с телеметрическими системами, компьютерами... Если вы используете полупроводники, то такой разряд в области р-перехода мгновенно выведет из строя любой банк данных... Этот радиоактивный ливень будет продолжаться многие годы, и уровень заряженности планеты на много порядков превысит возможные последствия самой жестокой ядерной войны, которую вам по силам здесь организовать. Собственное магнитное поле вашей планеты — щит ненадежный. Большинство ионов обладает вполне достаточной энергией для его преодоления. То же самое можно сказать и об атмосфере. Войдя в нее, тяжелые ядра — тоже составляющая звездной радиации — вызовут поток вторичной радиации, которая легко достигнет поверхности.

Я не утверждаю, что жизнь будет стерта с лица вашей планеты. Я лишь пытаюсь привлечь ваше внимание к тому, что без соответствующей защиты и подготовки вас постигнет чудовищная экологическая катастрофа. Возможно, жизнь и уцелеет, но все равно вы будете отброшены на одну из первоначальных ступеней развития. Крах электрических систем, от которых ваша цивилизация на данном этапе зависит целиком и полностью, будет началом конца. Внезапно прекратится завоз пищи в города. Население, подобно стае воронья, бросится на поиски пропитания. Но, насколько мне известно, ваше сельское хозяйство тоже технизировано, так что при отсутствии электричества фермеры не сумеют прокормить даже самих себя. Начнутся настоящие битвы за хлеб. Как только голод и междоусобицы станут всеобщим явлением, будет парализован медицинский контроль и обслуживание населения. Это приведет к вспышкам инфекционных заболеваний и эпидемий. Отчасти все будет похоже на последствия ядерной войны в стра-

не, где отсутствует система гражданской обороны. На Мерсейе подобных войн избежать удалось, но я уверен, что у вас проводились соответствующие исследования и расчеты. Лично мне уже доводилось бывать на планетах, которые постигла подобная участь.

Еще раньше погибнут ваши колонии на соседних планетах из-за повсеместных аварий систем жизнеобеспечения...

Всего этого вполне можно будет избежать, если вы воспользуетесь нашей помощью. Мы знаем, как установить защитные силовые экраны, как мелкие — для отдельных агрегатов, так и крупные, которые смогут защитить часть планеты. Этого, конечно, будет недостаточно, но мы знаем и как защититься от проникающей радиации. Мы поможем вам построить источники энергии и линии связи, которые не пострадают при катастрофе. Мы подскажем состав материалов, которые защитят организм от жестокого излучения. Мы знаем, как восстанавливать мутантные гены. Короче, мы обладаем всем тем запасом знаний, который необходим вам, чтобы выжить.

Но надо будет приложить определенные усилия. Большую часть труда вам придется взять на себя. Нас слишком мало, а доставка грузов с другого конца галактики займет слишком много времени. Руководство работами и техническую часть мы вам обеспечим.

Скажу прямо, Вождь, вам крупно повезло, что мы узнали о рождении Сверхновой и оказались здесь вовремя. Не бойтесь нас. Мы не имеем никаких амбиций относительно власти на Мерсейе. Если уж на то пошло, ваша планета лежит довольно далеко за пределами области жизненных интересов Земли, и у нас под боком есть миллионы гораздо более выгодных в смысле использования планет. Мы хотим спасти вас лишь потому, что вы являетесь разумными существами. Но это потребует определенных затрат и большого труда, при этом большая и, пожалуй, ключевая часть забот ляжет на меня и мой экипаж, а мы появились здесь в поисках прибыли. Именно поэтому, исключая чисто научный интерес, мы хотим получить соответствующие экономические гарантии.

В конце концов мы улетим. Что вы будете делать потом — ваше дело. Но, во-первых, с нашей помощью вы сохраните свою цивилизацию; а во-вторых, станете обладателями качественно новых знаний и техники. В общем, я думаю, что для вас условия сделки весьма и весьма неплохие.

Фалькайн замолчал. В огромном полутемном зале ненадолго воцарилось молчание. Он почувствовал, что понемногу начинает привыкать к чудовищным запахам, которых ему не приходилось ощущать ни на Земле, ни на Гермесе.

Наконец Морручан медленно проговорил:

— Твое предложение следует обдумать. Мне придется посоветоваться с коллегами и специалистами. Есть все же ряд моментов, вызывающих сомнения. Например, я не только не вижу смысла делать что-либо для спасения колонии на Ронруаде, но имею массу причин считать, что лучше бы их таким образом просто похоронить.

— Как? — Зубы Фалькайна сжались сами собой. — Вождь имеет в виду одну из соседних планет? Но, насколько я понимаю, оттуда на Мерсейю поступают многие необходимые тут материалы?

— Это так, все так, — нервно сказал Морручан. — Мы зависим от других планет в таких материалах, как ядерное топливо или, например, сложные газы. Но Ронруад имеет значение только для Гетфенну. — Последнее слово он произнес с таким отвращением, что Дэвид сразу решил уточнить его значение как-нибудь в другой раз.

— Какие из моих рекомендаций надлежит выполнить и как именно, будет всецело зависеть от мудрости Вождя, — сказал человек.

— Благодарю за любезность, — ответил Морручан, и Фалькайн мысленно прикинул, какова в этих словах доля иронии. Пока что этот тип крайне важные для своей планеты новости воспринимал весьма прохладно. Впрочем, он был представителем абсолютно чуждой, развивающейся по своим законам расы, да к тому же явно воспитывался в чисто солдафонских традициях. — Надеюсь, с этого момента ты не

откажешь Вах Датиру в чести считать тебя нашим гостем.

Фалькайн замешкался. Вообще-то он собирался вернуться на корабль. Но, возможно, здесь от него будет больше толку. Прошлая экспедиция, помнится, нашла местную кухню вполне пригодной для человека и даже отчасти вкусной, а что касается пива, тут их отчет состоял из восторженных эпитетов.

— Благодарю Вождя за оказанную мне честь.

— Ну и прекрасно. Приглашаю тебя в приготовленные апартаменты. Отдыхай. На случай, если надо будет доставить что-либо с корабля, к тебе будет приставлен рассыльный. Может, ты хочешь перегнать корабль сюда?

— О, благодарю, Вождь. Это излишне. — Рисковать Фалькайн не собирался. В смысле разного рода политических интриг марсейяне вряд ли намного отличались от прочих дикарей, так что при желании могли подстроить любую пакость.

Морручан поморщил шкуру в районе надбровных дуг, однако промолчал.

— На заходе солнца мы отобедаем в компании моих советников, — торжественно произнес он и церемонно откланялся.

В сопровождении двух охранников, миновав ряд галерей, по огромной винтовой лестнице, перила которой были выполнены в виде змеи, Фалькайн поднялся в отведенные ему покои. Просторные комнаты были буквально напичканы всеми соответствующими местной эпохе признаками комфорта. Стены, задрапированные пурпурного цвета тканью, были украшены черепами и шкурами всевозможных зверей, это несколько раздражало, но, в конце концов, какая, черт возьми, разница? С балкона открывался вид на город и дворцовый сад, который безупречным вкусом своего устройства чем-то неуловимо напоминал Фалькайну традиции старинного японского садоводства.

Ардайг был довольно крупным городом с населением примерно в два миллиона жителей. Замок располагался в старинной части города, сильно застроенной домами причудливой архитектуры, сложенными преимущественно из серого камня. Окружающие

холмы были облеплены домами знати. В низинке бело-голубыми тенями виднелся снег. Чуть в стороне долина была буквально утыкана громадами металлически сверкавших на солнце современных зданий.

То тут, то там мелькали грузовые корабли; над головой со свистом проносились дельталеты, однако уличного движения слышно не было. В священном древнем квартале передвигаться было разрешено лишь правительственному транспорту...

— Меня зовут Веди, Хозяин, — произнес поджидавший его маленький мерсейянин, одетый в черный балахон. — Я представлен к Хозяину для выполнения самых различных поручений.

— Очень приятно, — сказал Фалькайн. — Покажи мне, как принять ванну, а затем мне понадобятся банка пива, учебник политической географии и несколько часов покоя.

— Как Хозяин скажет, так и будет. Пойдем со мной.

Они перешли в соседнее помещение, явно похожее на спальню. Как бы невзначай, хвост Веди хлестнул по двери. Дверь была автоматическая и при ударе со скрипом закрывалась. Поймав руку Фалькайна, Веди что-то сунул ему в ладонь. Одновременно он выразительно спрятал язык за зубами. Сигнал молчать?

Мгновенно оценив ситуацию, Фалькайн сунул кусок бумаги в карман.

Оставшись в одиночестве, от достал записку и, согнувшись, чтобы избежать постороннего взгляда, быстро прочитал ее. Слава Богу, алфавит за двести лет не изменился.

БУДЬ НАСТОРОЖЕ, ЗВЕЗДНЫЙ ЖИТЕЛЬ, МОРРУЧАН БОЛЬШОЙ ТОПОР — ВРАГ. ЕСЛИ КТО-ЛИБО ИЗ ТВОЕЙ КОМАНДЫ СМОЖЕТ СЕГОДНЯ ТАЙНО ПРОБРАТЬСЯ К ДОМУ НА УГЛУ УЛИЦ ПОБЕДЫ И ТРЯУ, МЫ ОТКРОЕМ ПРАВДУ, ДВЕРЬ ПОМЕЧЕНА ДВОЙНОЙ СВАСТИКОЙ.

С наступлением темноты над покрытыми изморосью холмами взошла медно-красная Найхевин. В ночном небе маленьким полумесяцем уже сиял Литир, а в звездном скоплении Копьеносца величаво полыхал Ригель.

Чи Лан, разразившись отнюдь не приличествующими слабому полу ругательствами, отвернулась от видеоэкрана. «Мое оснащение не позволяет выполнить твой приказ», — произнес корабельный компьютер.

— Болван, это я сказала не тебе, а своим богам, — ответила Чи.

Некоторое время она сидела, предаваясь воспоминаниям. Ее родная Та-Чи-Чен-Пи — кислородная планета типа Эридана А или, как называли ее земляне, Синтия — казалась сейчас еще более далекой, чем на самом деле. Ласковый рыжеватый солнечный свет и желтеющие листья вокруг расположенных на деревьях домиков — все это осталось далеко позади во времени и пространстве... Сейчас ее пугал не только царивший снаружи холод.

...Эти мерсейяне, до чего же огромными они казались!

Сама Чи Лан была не крупнее средней земной собаки, хотя большой лохматый хвост зрительно увеличивал ее размеры. Ее руки, столь же длинные, как ноги, заканчивались изящными ладонями, на каждой из которых было по шесть пальцев. Все тело было покрыто шелковистым белым мехом, за исключением лица, на голубоватой коже которого сияли яркие зеленые глаза. Встречая ее впервые, земные женщины обычно называли ее «милашкой».

Подумав об этом, Чи Лан ощетинилась. Шерсть, усы и даже уши встали дыбом. За кого, в конце концов, они ее принимают: за жалкое плотоядное, подобное тем, которые, бегая на пятиметровых поводках от скамейки к скамейке, пытаются вызвать у них слезы умиления? Чи Лан была квалифицированным ксенобиологом. Призвание сделало ее одним из пионеров освоения открытого космоса. А любовь к оружию помогла стать чемпионкой по стрельбе... Кто, в конце концов, она такая, чтобы все это терпеть?! Но все-таки она питала глубокое уважение к этой банде облезлых длинноногих варваров...

Сейчас Чи Лан была попросту раздражена. Оставаясь на корабле, она рассчитывала завершить, наконец, очередную скульптуру. А вместо этого придется теперь выползать на мороз, шастать по этой груде

камней, которую местная публика имеет наглость называть городом и в довершение всего выслушивать нытье этих чудовищ об очередной склоке каких-нибудь сумасшедших — то, что Фалькайн называет политикой... И самое противное — придется притворяться, будто воспринимаешь все это всерьез!

Выкуренная в несколько нервных затяжек наркотическая сигарета немного ее успокоила.

— Все-таки игра стоит свеч, — пробормотала она наконец. — Если дело выгорит, я на нем неплохо заработаю.

«Судя по результатам, объект относится к гуманоидам, — объявил компьютер. — Правда, в моем банке данных подобной концепции нет...»

— Не ломай голову, глупенький, — ответила Ли. Она снова была в хорошем настроении. — Но если тебе интересно, покопайся в константах из области права и этики, хотя, впрочем, сейчас нам это не важно.

Ах, эти благородные сердца, которые просто разрываются от сострадания к многообещающей обреченной цивилизации, как будто галактика и так уже не стонет от кишения множества новых цивилизаций. Однако, если они хотят выжить, придется платить. Придется работать в содружестве с Лигой, ведь у нее самый мощный флот, который не будет работать бесплатно. А Лиге надо полагаться на нас, поскольку именно мы, пионеры, считаемся специалистами в установлении первичного контакта, да к тому же мы оказались тут в одиночестве. По-моему, нам просто повезло.

Она бросила сигарету и начала собираться. В любом случае идти придется ей. После радиообмена с Фалькайном и Адселем ей пришлось это признать (слава Богу, их здесь хоть подслушать никто не мог, мерсейяне ни слова не понимали по-английски). Фалькайн торчал во дворце, Адсель болтался где-то в городе, но уж кого-кого, а его посылать с тайной миссией никак нельзя. Оставалась только Чи Лан.

«Поддерживай с нами непрерывный контакт. Записывай все, что будет поступать по моему каналу. Без команды «не дергайся» (галактический жаргон),

и Боже тебя упаси входить в контакт с местными жителями. Если заметишь что-либо необычное, немедленно сообщай. Если в течение двадцати четырех часов мы не выйдем на связь, возвращайся на Катараяннис», — проинструктировала она судовой компьютер.

Ответа не последовало, компьютер все понял.

Застегнув гравитационный скафандр, Чи надела ранец с двигателями и пристегнула к поясу оружие — станнер и бластер. Сверху она накинула черный плащ: не столько для защиты от холода, сколько для маскировки. Выключив свет, она открыла дверь шлюзовой камеры и, быстро прошмыгнув через нее, вылетела наружу.

Почти сразу же ее охватил озноб. Обтекавший воздух казался настолько плотным, что напоминал жидкость. Над поверхностью планеты царила гробовая тишина. Миновав башни звездолета, густо ощетинившиеся орудиями и ракетами на случай внезапного нападения аборигенов, она лишний раз убедилась, что это отнюдь не излишняя предосторожность: неподалеку виднелись сторожевые костры и раздавалось гортанное пение. Потом, огромный и черный на фоне Млечного Пути, мимо нее пронесся корабль на воздушной подушке, и она решила несколько изменить путь.

Некоторое время она летела над покрытой снегом пустынной местностью. На чужих планетах высаживаться на окраинах больших городов имело смысл лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Наконец холмы и леса как-то сами собой перешли в равнину, на которой то тут, то там возвышались огромные, украшенные множеством башен и шпилей замки, со всех сторон окруженные огоньками мелких поселений. На Мерсейе, во всяком случае в пределах этого континента, господствовало феодальное общество, и это несмотря на то, что они постепенно вступали в индустриальную эпоху... Или, может, вовсе и не вступали?

Возможно, сегодня ей удастся это выяснить.

В поле зрения показался раскинувшийся на побережье Ардайг. Ночное небо над городом было сплошь пронизано всполохами вырывавшихся из окон ярко-

желтых огней, блики которых, подобно попавшим в паутину мухам, испуганно метались по фосфоресцирующим тротуарам. Могучая река несла свои воды в залив, на поверхности которого явственно прослеживались две лунные дорожки. Нет, даже три: из-за горизонта медленно поднималась Витна.

Увернувшись от очередного воздушного судна, Чи спланировала в старинный квартал. Она очень удачно опустилась внутри закрытого на ночь рынка и направилась к ближайшей аллее. В этом районе города улицы были вымощены огромными булыжниками. Сейчас мостовая была сплошь покрыта льдом и освещалась огромными фонарями, однако довольно далеко друг от друга расположенными. Мимо, верхом на чем-то рогатом, проехал мерсейянин. Хвост его покоился на крупе животного. За спиной развевался длинный плащ, открывая покрытую сверкающими металлическими пластинами куртку и переброшенную через плечо винтовку.

Явно не стража. Фалькайн уже успел при помощи ручного сканнера передать на корабль изображение придворных охранников, причем сообщил, что они вдобавок выполняют обязанности полиции. Тогда почему вооружены простые жители? Это наводило на мысль о возможном разгуле беззакония, что слабо согласовывалось с технологическими путями развития общества. Похоже, на этой планете проблем гораздо больше, нежели уверяет Морручан.

Машинально Чи проверила, легко ли вынимаются из кобуры ее пистолеты. Цокот копыт растаял вдали, и Чи, осторожно выглянув из-за угла, бегло осмотрела уличные указатели. Вместо слов здесь в широком ходу были раскрашенные во все цвета радуги геральдические символы. Первая экспедиция составила неплохую схему Ардайга, и они с Фалькайном и Адселем ее хорошо изучили. Старинный квартал не должен был сильно измениться. Она двинулась в путь, каждый раз скрываясь в тень при приближении всадников. К счастью, в столь поздний час их было немного.

Вот наконец и нужный перекресток!

Бесшумно скользя во мраке, она отыскала условный знак, изображенный над входом неприметного серого дома. Не мешкая, она взбежала по ступенькам и, предусмотрительно положив свободную руку на бластер, с силой постучала.

Дверь со скрипом распахнулась. Наружу ударил сноп света, в котором мгновенно появился мерсейянин. Держа в руках пистолет, он обшарил глазами пустынную улицу.

— Я здесь, идиот, — проворчала Чи.

Мерсейянин посмотрел вниз и содрогнулся.

— Ха-йя! Ты со звездолета?

— Нет, — едко хмыкнула Чи. — Я пришла прочищать канализацию. — С этими словами она прошмыгнула в отделанный деревом коридор. — Если тебя хоть сколько-нибудь волнует конспирация, советую побыстрее прикрыть эти ворота.

Мерсейянин так и сделал. Некоторое время он разглядывал ее в свете ярко полыхающих ламп.

— А я почему-то думал, что вы выглядите иначе...

— В первый раз вашу планету посетили земляне, но я думаю, ты не настолько глуп, чтобы полагать, что все народы космоса выглядят одинаково, — назидательным тоном произнесла Чи и добавила: — Учти, у меня слишком мало времени, я не могу расходовать его на пустую болтовню, так что веди меня к своему хозяину.

Мерсейянин провел ее в глубину здания. На первый взгляд он был одет примерно в том духе, что и прохожие на улицах: подпоясанный плащ, мешковатые штаны, однако эта одежда все же отличалась некоторой изысканностью. А нашитые на рукава плаща сине-золотые шевроны с двойной свастикой явно указывали на то, что это ливрея. Или мундир? Чуть позже, увидев еще двоих так же одетых мерсейян, стоящих с оружием в руках перед дверью, Чи решила, что скорее всего это мундир. Торжественно отсалютовав, охранники впустили ее внутрь.

Зал, в котором она оказалась, выглядел весьма роскошно. Хотя вдоль стен и была установлена отопительная система, в камине с треском полыхал огонь. Внимательно осмотрев шикарную драпировку

стен и диванов, она повернулась к двоим ожидавшим ее мерсейянам.

Один из них — атлетического сложения гигант с покрытым шрамами лицом — был одет в сине-золотую мантию и держал в руках небольшой дротик, судя по всему — символ власти. Увидев Чи, он от изумления потерял дар речи. Синтиянка решила представиться.

— Я — Чи Лан, член межпланетной экспедиции, прибыла сюда по вашему приглашению.

— Храих! — Аристократ принял горделивую позу и приложил палец к виску.

— Добро пожаловать. Я — Далга Вспыльчивый, вождь Вах Галлена, а мой товарищ — Олгор гу Фрейлин, его превосходительство главнокомандующий вооруженными силами республики Лафдигу — полномочный представитель своей страны здесь, в Ардайге.

Второй оказался коренастым существом средних лет; шкура его имела более темный оттенок, а черты лица выглядели несколько мягче, нежели обитателей побережья. Одет он был в просторную тогу, пурпурная ткань которой оказалась простеганной металлической нитью. Речь его не отличалась характерной для обитателей Вах Датира безапелляционностью суждений. Скрестив руки на груди (что это: поза или приветствие?), он с сильным акцентом произнес:

— Встретиться с вами для меня огромная честь. Боюсь, что вы не знакомы с моим народом, поскольку ваши предшественники большую часть времени находились в этом районе планеты.

— Отнюдь, ваше превосходительство. Хочу вас заверить, что члены нашей первой экспедиции много слышали о великом народе Лафдигу, однако, к сожалению, в их распоряжении было очень мало времени, чтобы подробно познакомиться со всеми обитателями планеты, — не моргнув глазом ответила Чи. О Боже, кроме всего прочего тут замешана еще их собственная международная политика. Только этого нам не хватало...

Слуга внес в зал огромный хрустальный кувшин и три кубка.

— Надеюсь, ничто не помешает вам отведать нашего угощения? — учтиво спросил Дагла.

— Что вы, — ответила Чи. — Я благодарю Вождя.

— Но, честно говоря, мы не ожидали столь миниатюрного гостя, — вставил Олгор. — Может, нужен бокал поменьше? Это довольно крепкое вино.

— Бокал подойдет. — Вспрыгнув на приземистый столик, Чи нагнулась и двумя руками подняла бокал. — Согласно доброй галактической традиции, выпьем за здоровье.

Сказав так, она сделала большой глоток. О том, что на мозг синтиян алкоголь не оказывает абсолютно никакого воздействия, Чи Лан в подобных случаях помалкивала.

Также сделав огромный глоток вина из своего бокала, Дагла описал по залу большой круг и пророкотал:

— С вашего позволения, капитан, перейдем к делу.

Чи сбросила плащ.

— Как, вы — женщина? — задохнулся Дагла. В его обществе самкам был отведен достаточно узкий круг занятий: кухня, церковь, дети... — Но нам... надо обсудить... ряд вопросов!..

— На мой взгляд, Вождь недостаточно учтив с нашей гостьей, — упрекнул его Олгор.

— Да, у нас мало времени, — сказала Чи. — И поверьте, я прекрасно понимаю, насколько серьезно положение, если уж вам пришлось поставить под удар своего агента, работающего в ближайшем окружении Морручана.

Дагла довольно ухмыльнулся.

— Я внедрил Веди во дворец еще восемь лет тому назад. Он отличный разведчик.

— Вождь Вах Галлена не сомневается в верности своих слуг? — промурлыкала Чи.

Дагла нахмурился. Олгор открыл рот.

— Все возможно. — Дагла нерешительно развел руками. — Все, что нам покамест известно, касается того, что вы сообщили во время первого сеанса связи. После этого Морручану удалось вас изолировать. Сейчас он рассчитывает, что вы узнаете о планете не более того, что он собирается вам сообщить. Он хочет

использовать вас в своих целях! Здесь, в этом доме, мы можем говорить откровенно.

«Не более откровенно, чем вы захотите», — подумала Чи.

— Я вас внимательно слушаю, — сказала она вслух.

Постепенно из слов Даглы и Олгора начала складываться некоторая картина. Пока что все выглядело вполне правдоподобно.

Когда на планету прибыла первая экспедиция, народ, населявший берега океана Вилвид, находился еще на заре машинного века. Научное познание Мира еще только начинало развиваться, но у астрономов уже сформировался гелиоцентрический взгляд на строение Галактики; физики уже сделали аналогичные Ньютоновым открытия; не за горами была и эпоха электричества. Закладывались основы химических и биологических знаний. Начали предприниматься первые попытки классификаций жизни, зарождалась эволюционная теория. На нескольких железных дорогах вовсю работали паровые двигатели. Не было лишь единства политической системы. Власть была сосредоточена в руках отдельных, непримиримых друг к другу вождей. Ученые, инженеры и педагоги могли жить и работать лишь под покровительством того или иного вождя. Слава Богу, у первой экспедиции хватило ума преподать мерсейянам несколько практических уроков. Правда, особой пользы обитатели планеты из этого не извлекли. Как, например, изготовлять транзисторы без промышленности, способной производить сверхчистые проводники? Да, впрочем, и зачем, если нет электричества? Гораздо более важным для мерсейян оказалось другое, а именно то, что одним фактом своего появления земляне дали невероятный толчок развитию науки и техники...

...После чего улетели.

Гордый, бесстрашный народ по уши погряз в собственном ничтожестве. Чи поняла, что именно в этом крылась разгадка большинства последовательных социальных преобразований. Ученых подстегивало нечто большее, нежели просто любопытство или жажда

наживы, они хотели выкарабкаться, встать на ноги, вывести Мерсейю на галактическую арену.

Вахам удалось оседлать волну перемен. На время они забыли распри, сколотили нечто вроде дружественного союза и повели дело так, что никому и в голову не пришло замахнуться на их привилегии. Но соперничество между ними не исчезло, их интересы по-прежнему частенько скрещивались, и самое главное — их инстинктивно тянуло в те давно ушедшие времена, когда каждый обязан был уважать богов и старших.

А в это время по планете кочевал ураган прогресса. Страна, которая начинала отставать в этой гонке, вскоре неминуемо оказывалась под гнетом завоевателей. В числе прочих вперед вырвалась Лафдигу. Как смутно догадывалась Чи, власть в республике была обута в тяжелые кованые сапоги добротной диктатуры. И вот наконец имперские амбиции Лафдигу лицом к лицу столкнулись со сферой жизненных интересов Союза Вождей. На поверхности планеты ядерное оружие было решено не использовать, однако время от времени в космосе вспыхивали жестокие кровопролитные сражения.

— Так обстоят дела, — сказал наконец Дагла. — В этом дурацком хоре громче всех, конечно, орет самый могущественный Вах Датир. Но ему изо всех сил подпевают остальные: Галлен, Инвори, Руэ и даже оставшийся без своих земель Урдиолх. Теперь вы можете представить, что случится, если ваша помощь сыграет на руку любому из этих идиотов.

Олгор кивнул.

— Хочу добавить, что Морручан Большой Топор определенно постарается представить ситуацию таким образом, что моей страны как бы вообще не существует. Лафдигу находится в южном полушарии, и именно на нас падет основная часть последствий взрыва Сверхновой. Будучи беззащитными перед лицом надвигающейся катастрофы, мы автоматически исключаемся из его уравнений.

— В целом, уважаемая Госпожа, — вставил Дагла, — я не верю, что Морручану нужна ваша помощь, чтобы избежать грядущей беды. В течение многих лет

он изо всех сил сопротивлялся всему новому и прогрессивному, и он будет только рад дождаться того момента, когда промышленно развитое общество сократится до размеров феодального княжества.

— Но как он сможет нам помешать? — спросила Чи. — Я не думаю, что он настолько глуп, чтобы пытаться нас уничтожить. Ведь за нами последуют другие...

— Он будет действовать не торопясь, — ответил Дагла. — Сначала он попытался упрочить свое положение за счет того, что большая часть информации будет поступать вам от него; а затем постарается усилить свое влияние, естественно, за счет других народов!

— Все это мы сообразили еще в Лафдигу, когда только поступили первые известия о вашем появлении, — сказал Олгор. — Стратегическая Академия направила меня сюда в поисках новых союзников. Некоторые местные вожди не имеют возражений против роста военной мощи Лафдигу с условием, что мы поможем им разделаться с неугодными соседями.

— Мне кажется, что, в силу ограниченности своих знаний, вы нас несколько недооцениваете, — медленно произнесла Чи.

— Госпожа, — сказал Олгор. — В течение двух столетий цивилизованные мерсейяне занимались подробнейшим изучением каждого вашего слова и изображения. Некоторые склонны даже обожествлять вас. За время вашего отсутствия возник целый ряд религиозных культов, основанных на ожидании вашего возвращения, и, честно говоря, я даже не рискну предположить, что они могут натворить сейчас, когда вы появились вновь. Но среди нас есть и трезвые умы, а ваша первая экспедиция... ну не могли же они лгать?

— Основной их мыслью было, что ни один из населяющих далекие звезды народов не обладает какими-либо умственными способностями, которых лишены мы. Просто они старше нас. И когда мы осознали, как много во Вселенной обитаемых звезд, мы сообразили, что вашей цивилизации просто незачем на нас нападать. Вы никогда этого не сделаете

хотя бы из соображений экономического характера. Слишком уж много у вас других дел. А сейчас у вас нет времени даже для того, чтобы выработать детальный план действий. Вы готовы искать сотрудничества с любым доступным правительством, чтобы, руководствуясь их знаниями, решить, что спасать, а что нет. Разве не так?

Чи, тщательно взвешивая слова, ответила:

— Да, в некотором смысле вы правы.

— Морручан знает это, — продолжал Дагла, — и свое знание он будет стараться использовать с максимальной выгодой. — С этими словами он наклонился над Чи. — Но мы этого не потерпим, лучше пусть весь этот мир погибнет и мы займемся его восстановлением, чем Вах Датиру будет позволено растоптать завоевания наших предков. Ни одно начинание в масштабе всей планеты не увенчается успехом без поддержки большинства. Если же при выработке решений к нашему голосу не прислушаются — мы будем драться.

— Спокойней, Вождь, — одернул его Олгор.

— Ничего, я не в обиде, — ответила Чи. — Я даже благодарна за столь откровенное предупреждение. Вы скоро убедитесь, что мы прибыли сюда с самыми добрыми намерениями и не имеем каких-либо тайных планов (относительно ваших жалких княжеств), а если вы подготовили выражающий вашу позицию документ, мы с радостью с ним ознакомимся.

Открыв сейф, Олгор извлек связку бумаг, обернутых в нечто напоминающее змеиную кожу.

— Это пока только наброски, — извинился он. — При следующей встрече мы предоставим вам подробный план.

— Пока достаточно. — Чи задумалась: стоит ли ей задерживаться еще. Без сомнения, удастся выяснить еще очень многое. Но, Боже, сколько же пропагандистской болтовни придется отсеять при последующем анализе! И так уже она играет в дипломатию слишком долго. Разве нет?

Затем Чи сказала, что они вполне могут выходить и на прямую связь с кораблем, а если Морручан вдруг вздумает глушить переговоры, она его быстро научит,

как себя вести. Услышав подобное предложение, Олгор заметно струсил, а Дагла поспешно отказался под тем предлогом, что подобные переговоры можно запеленговать.

— Ну, тогда без дальнейших переговоров вызывайте меня сюда, — пожав плечами, сказала Чи. — За это, надеюсь, Морручан вас не будет преследовать?

— Нет... думаю, что нет... но он может догадаться о том, какими сведениями мы располагаем и чем тут занимаемся...

— В ходе нашей беседы, — сказала наконец Чи самым слащавым тоном, на который только была способна, — я поняла, что Вождь Вах Галлена искренне желает положить конец всем этим интригам, являющимся проявлением эгоизма отдельных правителей, и выступает за то, чтобы мерсейяне направили свои объединенные усилия на достижение всеобщего благополучия.

На самом-то деле подобная чепуха ей и в голову не могла прийти. Но ведь Дагла вряд ли согласится признать, что на самом-то деле основной его целью является абсолютная единоличная власть. Он прозрачно намекнул, что неплохо будет, если земляне подкинут ему передатчик, сигнал которого местным оборудованием не регистрируется. Ведь есть же такое в Галактике? Такая техника у них на борту, конечно, была, но Чи еще не выжила из ума, чтобы раздавать подобные устройства аборигенам, поэтому, выразив огорчение, мол, к сожалению, на борту ничего подобного нет, она постаралась поскорее смыться.

— До свидания, Вождь; спокойной ночи, Ваше превосходительство.

Тот же самый охранник проводил ее до дверей. Интересно, почему не пошли провожать хозяева? Меры предосторожности или просто обычай? Впрочем, какая разница. Все, назад, на корабль. В поисках аллеи, из которой можно будет незаметно взлететь, она припустила по мостовой.

Вот между двумя домами показались ворота рынка. Чи шмыгнула в переулок, и в то же мгновение что-то тяжелое сбило ее с ног. Сверху кто-то навалился и сильно сжал туловище, затем вспыхнул свет,

и буквально тут же ей на голову набросили мешок. Чи успела почувствовать сладко-пьянящий запах — и потеряла сознание.

Адсель до сих пор не понимал, что же все-таки с ним произошло. Он шел, никому не мешая, и вдруг оказался в роли проповедника на некоем собрании верующих.

Он прокашлялся:

— Друзья!

Зал взревел. Тысячи мерсейян с восторгом взирали на его возвышавшуюся над кафедрой более чем четырехметровую фигуру. Простой люд, прихожане, городской пролетариат, много женщин... Он вспомнил, что низшие слои мерсейянского общества, в отличие от аристократии, не столь ревностно следили за должной сегрегацией полов. В массе своей они были весьма бедно одеты. Запах от их тел стоял такой, что было тяжело дышать. Расположенный в новом районе Ардайга, этот храм не отличался особой вычурностью. Однако размеры его и различные детали отделки постоянно напоминали Адселю, что он находится на другой планете.

Воспользовавшись подвернувшейся паузой, он взял висевший на шее датчик и спросил:

— Дэвид, что *я должен* им сказать?

— Постарайся отделаться общими фразами, — ответил Фалькайн. — Похоже, моему гостеприимному хозяину это не по душе.

Вуденит глянул в сторону входа. У двери маячили три рослых воина из охраны Морручана. Нападения Адсель не боялся. Он вполне мог постоять за себя: огромный, весом в тонну, он был защищен прочной естественной броней, а шипам на его спине позавидовал бы любой мерсейянин. Костяные уши и веки, отчасти похожая на крокодилью пасть, унизанная устрашающе огромными зубами, — вполне естественно, что именно ему выпало в качестве наблюдателя бродить по городу.

— Не волнуйтесь, Вождь, ничего не случится. Адсель у нас миролюбивый буддист, — вежливо отклонил возражения Морручана Фалькайн.

Именно по этой причине Адсель и не смог противостоять толпе, которая в конце концов затащила его в этот собор.

— Чи на связь не выходила? — спросил Фальк-кайн.

— Пока нет.

— Компьютер, конечно, ждет, но я думаю, что она выйдет на связь завтра. Теперь не мешай мне. Тут в разгаре официальный банкет.

Адсель молча воздел передние ноги вверх, однако здесь этот жест был истолкован как одобрение оваций. Чудовищный рев не умолкал. Грохнув копытами об пол, он сменил позу, однако при этом ненароком снес массивный светильник.

— Простите, — едва успел сказать он, но одетый в алые одежды мерсейянин по имени Гриф — председатель общины уверовавших в звезды, как они себя называли, — стремглав бросился вперед, поднял канделябр и каким-то чудом сумел успокоить толпу.

— Друзья! — снова начал Адсель. — Дорогие друзья! Я бесконечно благодарен... Э... за оказанную мне высокую честь выступить перед вами! — Тут он попытался припомнить что-либо из тех речей политиков, которые ему доводилось слушать в студенческие годы на Земле. — Мерсейя должна занять достойное место в великом братстве разумных народов Вселенной!

— Открой нам... открой нам этот путь! — донеслось из глубины зала. — Открой нам истину, укажи этот путь, эту дорогу в великое будущее!

— О, да... с радостью. — Адсель повернулся к Грифу. — Но сначала я бы попросил вас, славный предводитель, хотя бы в нескольких словах объяснить мне цели и задачи... этого... «Как, черт возьми, на этом дурацком языке будет «клуб»? или, может, «церковь»?»

Основной задачей Адселя был все-таки сбор информации.

— О, благородный Галактический Гость! — с пафосом взревел Гриф. — Здесь собрались те, кто в течение многих лет жил согласно течению твоих предшественников, непрерывно ожидая их возвраще-

ния... И вот теперь мы готовы стать теми избранными, кто с вашей помощью избавит Мерсейю от всех напастей. Так веди же нас!

По профессии Адсель был планетологом. Но, благодаря врожденному любопытству, он постоянно тянулся к новым знаниям. Сейчас, лихорадочно перевороша в памяти почерпнутую из книг и накопленную при посещении других планет информацию, он наконец оценил ситуацию. Вокруг него стояли толпы верующих, придававших мистическое значение чисто случайному появлению земной экспедиции. Ну прямо жемчужина в цветке лотоса! Интересно, до чего они дошли в своей вере?

Это ему и предстояло выяснить.

— Да, это... прекрасно. Это просто великолепно! — сказал он. — И... сколько вас всего?

— Больше двух миллионов! Среди нас представители около двадцати народов. В нашем кругу есть аристократы, как, например, наследный принц Вах Истира, однако все же большинство — бедняки. Ах, если бы они знали, что ты, о Покровитель, появишься сегодня, они бы все немедленно направились сюда, чтобы послушать твою проповедь!

Подобное нашествие ни к чему хорошему не привело бы. Ардайг и без того был достаточно беспокойным городом. А, как указывали в своем докладе психологи первой экспедиции, мерсейяне отличались весьма воинственным нравом... и неизвестно, чем бы закончились неизбежные вспышки массовой истерии.

— Нет! — вскричал Адсель. Звук его трубного голоса чуть было не смел Грифа со стены. — Пусть остаются дома. Спокойствие, терпение — вот основные галактические добродетели. (Попробуй скажи подобное галактическим путешественникам: поднимут на смех.) Боюсь, что чудес мы творить не будем.

Он хотел было добавить, что они принесли мерсейянам кровь, пот и слезы, но осекся. Имея дело с аудиторией, реакция которой непредсказуема, следует тщательно подбирать слова. Именно об этом и предупреждал его Фалькайн.

— Мы это понимаем, — сказал Гриф. Он явно не был ни глупцом, ни сумасшедшим, если, конечно, не

принимать в расчет его веру. — Мы понимаем, что сами должны освободить себя от угнетателей! Скажи нам — с чего начать?

Адсель заметил, как схватились за оружие воины Морручана. «Мы что, должны дать толчок социальной революции? — испуганно подумал он. — Но этого делать нельзя. Мы же должны их спасти, а для этого следует не только не ослаблять, но и усиливать ту власть, с которой приходится иметь дело. Но стоит ли им сейчас об этом говорить?»

Надо постараться усыпить их какими-нибудь скучными умозаключениями, решил Адсель и начал:

— Основным требованием является наличие правительства, работающего на благо народа, а для того чтобы оно функционировало идеальным образом, оно прежде всего должно быть законным. Основной проблемой любого реформатора является задача установления прочной основы законности. Именно поэтому подобные мне пришельцы не смогут...

Здесь ему помешал, а, как впоследствии говорил он сам, попросту спас шум снаружи. С каждой секундой шум становился все сильнее, все явственнее слышался шум сапог по мостовой. Находившиеся в зале женщины взвыли. Спрыгнув со сцены, Гриф включил телеком, и на экране высветилась запруженная вооруженной толпой улица. Над головами находившихся снаружи мерсейян, ярко выделяясь на фоне звездного неба и покрытых снегом крыш, полоскалось ядовито-желтое знамя.

— Дьяволисты! — заорал Гриф. — Этого-то я и опасался.

Адсель подскочил к нему.

— Кто это такие?

— Секта болванов. Они считают, что галактические пришельцы с самого начала хотели привести наше общество к краху. Но я принял меры на случай их появления. Смотри.

Адсель увидел, как из находившихся неподалеку от храма аллей и переулков показались отряды вооруженных мерсейян.

Гриф при помощи портативного передатчика начал подавать команды, а Адсель вернулся на сцену и стал призывать собравшихся к благоразумию.

И, наверное, ему удалось бы это сделать, но тут заработал его собственный приемник, и он услышал голос Фалькайна:

— Бросай все и немедленно двигайся во дворец! Они схватили Чи!

— Кто? Зачем?

Царившая в храме суматоха тут же отошла на второй план.

— Не знаю. Мне это только что сообщил бортовой компьютер. Она спокойно покинула дом, где вела переговоры, а потом послышался шум, визг и крики. Больше от нее ничего не поступало. Я приказал ему проследить ее координаты по несущей частоте, но он говорит, что источник постоянно перемещается. Так что, давай бегом во дворец.

Выломав кусок ближайшей стены, Адсель так и поступил.

Из-за горизонта, окрашивая струившийся над башнями Ардайга туман в золотистый цвет, поднимался Корих. Со священного холма Айд доносился грохот ритуальных барабанов. Рыночные площади постепенно заполнялись народом. Из окон и дверей сотен мелких лавчонок доносился шум голосов. Вдали глухим, мощным гулом звучал шум моторов, раздавались гудки кораблей с залива, слышался рев самолетных двигателей и грохот взлетающих ракет, которые, покидая космопорт, направлялись в сторону спутника Мерсейи — Сейта.

Морручан Большой Топор притушил свет в зале секретных переговоров. Отблески зари, несмело проникая сквозь оконные проемы, играли на напряженных лицах присутствующих.

— Я устал, — объявил он, — да и разговоры зашли в тупик.

— Вождь! — сказал Фалькайн. — Будет лучше, если мы все-таки договоримся. Пока не будет принято решение, мы не сдвинемся с места.

Морручан и Дагла остолбенели. Олгор лишился дара речи. К подобному обращению они явно не привыкли. Фалькайн не мигая смотрел на них. Поднял голову и лежавший на полу Адсель. Мерсейяне снова уселись на свои хвосты.

— На карту поставлена жизнь всей вашей цивилизации, — продолжал Фалькайн. — Мой народ, сталкиваясь со столь дикими нравами, отнюдь не горит желанием терять время, средства, а теперь, возможно, и жизни...

Он взял со стола и в качестве доказательства поднял вверх скафандр и ранец.

Следуя указаниям компьютера, воины Морручана еще несколько часов назад обнаружили снаряжение в канаве на окраине Ардайга. Очевидно, похитители сообразили, что скафандр наводит преследователей на след.

— Что еще можно добавить? — подал голос Олгор. — Мы уже пришли к выводу, что кто-то совершил это, чтобы получить важный козырь. Это либо один из Вахов, либо кто-то со стороны. А возможно, это дело рук Дьяволистов или Уверовавших в звезды. Правда, лично мне непонятно: им-то зачем идти на это.

— Но... — возразил Фалькайн. — Вряд ли они настолько наивны, чтобы считать, что...

— Я выясню, — пообещал Морручан. — Возможно, я даже сделаю прямой запрос. Беда в том, что каналы связи с правителями Гетфенну несовершенны, и поэтому ответ придет не скоро.

— В любом случае, — жестко сказал Фалькайн, — мы с Адселем не собираемся надолго оставлять нашего товарища в лапах преступников.

— Но ведь вы же не знаете точно, у кого она, — напомнил Олгор. — Может быть, и не у Гетфенну.

— Да, но это не помешает нам слетать в сторону их колонии. На Мерсейе должны искать вы, и при этом советую проследить, чтобы и другие не теряли времени даром.

Это указание, похоже, окончательно переполнило чашу терпения Морручана.

— Вы считаете, что нам больше нечем заняться, кроме как поисками пропавшего члена вашего экипажа?

Тут Фалькайн вышел из себя:

— Если вы хотите нашего сотрудничества, лучше вплотную займитесь поисками Чи Лан!

— Тише, тише, — вступил в разговор Олгор, — мы до того утомились, что уже начали бросаться друг на друга. А это не на пользу. — С этими словами он положил руку на плечо Фалькайна.

— Дорогой гость, — сказал он. — Вы должны понимать, что организовать всемирный поиск в столь пестром мире, как ваш, крайне сложно. Дело в том, что сначала большинство вождей разных народов, кланов и группировок просто этому не поверят, и понадобится большое дипломатическое искусство, чтобы их в этом убедить. При этом наверняка найдутся и такие, которые постараются использовать сложившуюся ситуацию в своих целях, не говоря уже о том, что некоторые вообще спят и видят, как вы улетите. О Дьяволистах я и не говорю.

— Если нам вернут Чи целой и невредимой, желания последних вполне могут исполниться.

Олгор растянул губы в улыбке, но лицо его по-прежнему оставалось серьезным.

— Дорогой гость, — прошептал он, — давайте не будем дурачить друг друга. Ваши ученые хотят получить базу для исследования Сверхновой, а торговцам нужна прибыль. И, я думаю, они не допустят, чтобы претворению их планов помешал несчастный случай с одним из членов экипажа. Разве нет?

Фалькайн взглянул в угольно-черные глаза мерсейянина и отвел взгляд. К горлу подкатила тошнота. Главнокомандующий вооруженных сил Лафдигу вовремя разгадал блеф и дал ему это понять.

Несомненно, те, кто сейчас стоял перед ним, организуют поиск. Хотя бы для того, чтобы выявить внедренных в их круг вражеских агентов. Несомненно также и то, что на помощь придут и другие мерсей-

яне. Но расследование будет нескоординированным, и потому оно заведомо обречено на неудачу.

А уж этим-то троим, не говоря об остальной Мерсейе, абсолютно наплевать на судьбу Чи Лан.

Она очнулась в камере.

Помещение менее трех метров в длину и половину того в высоту и ширину не имело ни окон, ни дверей, ни каких бы то ни было удобств. Из-под толстого слоя краски проступали контуры огромных плит, из которых были сложены стены, и, судя по тому, что удары кулаком не давали отзвука, стены довольно солидные. То тут, то там на прочных скобах было закреплено различное оборудование.

Осмотревшись, Чи увидела мощную лампу, термостатирующий кондиционер, агрегат для уничтожения мусора, гравитационное кресло... «Черт побери, да тут полно космических штучек!»

Ни звука, за исключением тихого жужжания кондиционера. Чистые стены, которые спустя некоторое время, похоже, даже несколько приблизились. Она в сердцах осыпала их градом отборных ругательств.

Когда один из кирпичей вдруг отъехал в сторону, Чи чуть было не задохнулась от радости. В камеру заглянул мерсейянин. За его спиной виднелся полированный металл стен, а сквозь открытый шлюз того, что, по-видимому, было космическим кораблем, с поверхности космодромного поля доносились крики и обрывки команд.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он. Вид у него был еще более омерзительный, чем у тех мерсейян, с которыми ей уже пришлось столкнуться, однако он изо всех сил старался вести себя учтиво. На нем был ладно пригнанный мундир, на котором виднелись какие-то знаки различия.

Чи молниеносно прикинула: прыгнуть вперед, выдавить ему глаза, после чего попытаться прорваться на свободу... Нет, не стоит. Бесполезно. Но и целоваться с ним она тоже не собиралась.

— Прекрасно, благодарю вас, — промычала она в ответ. — Если, конечно, не считать, что ваши мерзавцы изрядно меня помяли и исцарапали и что я

страдаю от голода и жажды. В благодарность за столь милое обращение, думаю, я уговорю моих коллег вымести вашу мерзкую планетку из Вселенной, в которой она явно находится не на своем месте.

Мерсейянин расхохотался.

— Да, с таким крепким духом плохо себя не почувствуешь! Вот здесь еда и питье. — Он передал ей несколько пакетов. — Скоро мы взлетим. Путешествие продлится несколько дней. Вам что-нибудь нужно?

— Куда мы полетим? Кто вы? Что все это означает?

— Урх, маленькая. Я не собираюсь долго держать это окошко открытым, а то еще какой-нибудь болтун, того и гляди, заметит. Если вам что-нибудь нужно — говорите. Я попытаюсь заказать эти вещи в городе.

Впоследствии Чи обругала себя так, как даже Адселя никогда еще не поносила. Ах, если бы она догадалась заказать определенные вещи — это могло бы навести друзей на след. Но в тот момент Чи была слишком возбуждена и потому чисто механически потребовала доставить ей книги и фильмы, которые могли бы помочь ей разобраться в сложившейся на Мерсейе ситуации. В заключение она с отвращением добавила к списку еще и учебник грамматики — ей надоело объясняться на языке местного Шекспира. Мерсейянин, кивнув, задвинул кирпич на место. При этом Чи явственно слышала щелчок. Это определенно был ригельный замок, открываемый магнитным ключом.

Еда оказалась вполне сносной, и Чи наконец почувствовала, что способна трезво поразмыслить над сложившейся ситуацией. Судя по всему, она находилась в потайном боксе радиационного отсека.

Межпланетные корабли мерсейян были оснащены ионными термоядерными двигателями. Когда им приходилось совершать посадки, например для разгрузки или каких-либо особых, как сейчас, целей, они приземлялись, а затем взлетали, пользуясь глубокими шахтами так, чтобы электромагнитное поле планеты могло поглотить и нейтрализовать губительное для всего живого излучение. По той же причине, а также

на случай солнечных бурь на каждом корабле оборудовался радиационный отсек.

Полет длился несколько дней при ускорении в одно мерсейянское G — они явно направлялись на одну из соседних планет. Но на какую именно — вот в чем вопрос. В системе Кориха межпланетное движение было весьма оживленно. Чи припомнила виденные ранее на экране радара мощные грузовые корабли и изящные крейсеры...

Наконец вернулся тюремщик. Он принес то, что она заказывала, и предупредил, что надо пристегнуть ремни. На этот раз он представился: командир корабля Ириад Странник.

— На кого ты работаешь? — спросила Чи.

И он, пожав плечами, ответил:

— Гетфенну.

Стена снова встала на место, и она опять осталась в одиночестве. Тянулись долгие дни полета, в течение которых ей оставалось только заниматься самообразованием. Офицеры приносили ей еду, но в разговоры вступать избегали. Сначала Чи размышляла над тем, как бы из находившихся под рукой агрегатов системы жизнеобеспечения изготовить некоторое подобие оружия, но потом, ввиду отсутствия необходимых инструментов, от этой идеи пришлось отказаться. От безделья она начала строить планы возмездия, прикидывая, что она сделает с Ириадом, когда придет ее время.

Узнав об этих планах, даже видавшие виды Фалькайн и Адсель содрогнулись бы.

В один прекрасный день обед сильно запоздал. Когда наконец окошко открылось, Чи так яростно бросилась вперед, что Ириад отшатнулся и выхватил пистолет.

— Что случилось? — спросила Чи. — Где мой обед? Вы что, ждете, пока он покроется плесенью?

Ириад выглядел потрясенным.

— Нас досматривали.

— Как это? Ведь перегрузки не было.

— Ваши друзья без труда настигли нас... и, пришвартовавшись, произвели обыск... не имея сведений

о вашем вооружении, я был вынужден подчиниться... на борт поднимался какой-то дракон.

Чи в сердцах заколотила кулачками по спине. Идиот! Пустоголовый болван! Оказывается, Адсель проходил по кораблю всего лишь в нескольких метрах от нее и даже не подумал...

Тут Ириад гордо приосанился.

— Но Хагуан предупреждал меня, что к этому следует быть готовым. Мы все-таки кое-что смыслим в контрабанде, да и вы, галактические пришельцы, как оказалось, не боги...

— И куда они улетели?

— Проверять другие корабли. Удачи им в этом.

— Вы что, рассчитываете прятать меня вечно?

— На Ронруаде у Хагуана много надежных тайников. — Передав ей обед и забрав оставшиеся от завтрака пустые пакеты, Ириад гордо удалился.

Спустя некоторое время он пришел вновь и отконвоировал ее в грузовой отсек. Там ей пришлось залезть в какой-то контейнер, который немедленно закрыли. Стало темно. Потянулись томительные часы маневрирования, снижения, посадки, затем долгое ожидание... и вот контейнер погрузили и повезли в неизвестном направлении.

Наконец люк открылся, и Чи медленно выбралась наружу. Сила тяготения оказалась раза в два меньше нормальной, но мышцы прямо-таки ныли от долгого бездействия. Несколько рабочих уволокли контейнер, и она увидела стоящих вокруг охранников. Оказавшийся рядом врач тщательно обследовал ее. Настолько тщательно, что его следовало бы разорвать на куски. Закончив осмотр, он сказал, что ей следует хорошенько отдохнуть, и все вышли.

Комната оказалась темноватой, но роскошно обставленной, а пища, которую доставили позже, была просто бесподобной. Чи свернулась на кровати и постаралась заснуть.

И вот ее повели по длинному коридору, по огромной винтовой лестнице на встречу с тем, кто приказал доставить ее сюда.

Огромной тушей он склонился над до блеска отполированным столом из темного дерева. Над полом

клубился плотный белый дым. Где-то звучала музыка. По стенам были развешены картины. Сквозь огромные стекла открывалась панорама планеты. Чи разглядела бурые песчаные холмы, над которыми бушевала пурга, и усыпанные ледяными иглами бурные заросли какого-то кустарника.

Над самым горизонтом сквозь разреженную атмосферу полыхал Корих. В пурпурном небе виднелось несколько звезд. Чи машинально выделила среди них Валендерай и невольно содрогнулась. Звезда эта, сияя... казалось бы... вполне невинным немигающим светом, неотвратимо излучала смерть.

— Приветствую Галактического Гостя. — Произношение этого типа мало отличалось от акцента Олгора. — Мое имя Хагуан Элуац. Насколько мне известно, вас зовут Чи Лан.

Чи выгнула спину, презрительно изогнула хвост и плюнула в сторону Хагуана, но, даже несмотря на это, она по-прежнему чувствовала себя крайне беспомощно. Мерсейянин поражал своими размерами. Под затейливо разукрашенной мантией проступало огромное брюхо. Он явно не принадлежал к народам, населявшим берега Вилвуда. В пользу этого красноречиво свидетельствовали большие миндалевидные глаза, крючковатый нос и крупная иссиня-черная чешуя, покрывавшая его тело.

Взмах унизанной перстнями руки, и охрана, щелкнув хвостами, покинула помещение. Дверь захлопнулась, и они остались одни. На столе Хагуана рядом с интеркомом лежал внушительного вида пистолет.

Он улыбнулся.

— Не бойтесь, мы не причиним вам зла, и мы крайне сожалеем о тех неудобствах, которые пришлось вам причинить. Мы были вынуждены поступить так в силу крайней необходимости.

— Необходимости самоубийства? — прорычала Чи.

— Необходимости самоспасения. Присаживайтесь, пожалуйста. Нам с вами предстоит о многом переговорить. Не желаете ли чего-нибудь освежающего?

Чи отрицательно помотала головой и запрыгнула в кресло.

— Потрудитесь-ка теперь объяснить ваше столь вызывающее поведение.

— Охотно сделаю это. — И Хагуан, откинувшись на хвосте, начал свой рассказ: — Думаю, что вы слабо представляете, что такое Гетфенну. Наша колония образовалась после отлета первых галактических гостей. Но сейчас... — Он не на шутку разошелся, и в течение долгих минут Чи должна была выслушивать истории о том, как со временем колония разрослась, и что в настоящий момент ее население насчитывает миллионы граждан, и что она обладает несметными богатствами, и что теперь им под силу строительство огромных городов на самых разных планетах, и что Гетфенну вполне способна постоять за себя перед лицом множества коварных врагов.

...Судя по тому, что успела повидать Чи, этот Хагуан не преувеличивал.

— И сейчас мы находимся в одном из таких городов? — спросила она.

— Нет, мы сейчас в одном из небольших поселений на Ронруаде. Преклоняясь перед вашей ловкостью и умом, не буду уточнять, где именно.

— А я о ваших умственных способностях крайне невысокого мнения.

— Храих! Удивительно. На мой взгляд, мы сработали безупречно, причем, что немаловажно, крайне быстро. Но это и немудрено. Организация, подобная нашей, всегда должна быть настороже. Мы навострили уши с самого момента вашего появления. Но знаем мы пока что весьма и весьма мало... — Тут Хагуан направил свой взор в сторону маячившей в проеме окна Валендерай и моргнул: — Эта звезда должна в скором времени взорваться, не так ли?

— Именно так. При этом ваша цивилизация погибнет... Если, конечно...

— Знаю, знаю. Поверьте, мы хорошо платим своим ученым. — С этими словами Хагуан наклонился вперед. — Воинственные правители Мерсейи видят в этом событии прекраснейшую возможность избавиться от Гетфенну. Для этого им стоит лишь отказать нам в помощи по спасению колонии. И тогда на нас можно смело ставить крест. Думаю, что вы, посланцы

Галактики, учитывая, что укрыть все и вся защитными экранами не удастся, с этим спорить не будете? Вы ведь тоже наверняка являетесь сторонниками законности и правопорядка. Не так ли?

Чи кивнула. Хагуан был близок к истине. Лигу меньше всего интересовало, с кем иметь дело: им, по сути дела, было важнее просто набрать достаточное количество налогоплательщиков, чтобы финансировать предстоящие работы.

— Итак, вы силой захватили меня, чтобы завоевать наше дружеское расположение.

— А что нам терять? Можно было, конечно, вступить в переговоры с вами и попытаться объяснить, в чем дело. Но был бы от этого толк?

— А что, если мои друзья вообще решат плюнуть на вашу дурацкую цивилизацию?

— Тогда случится непоправимое, — с убийственным спокойствием изрек Хагуан. — Но в этом случае Гетфенну имеет больше шансов выжить. Но я сомневаюсь, что ваши друзья пойдут на это. Боюсь, это не очень понравится вашему начальству.

Чи едко улыбнулась.

— Боюсь, заложник из меня неважный.

— Что поделаешь, — невозмутимо согласился Хагуан. — Но в любом случае вы послужите источником информации.

Шерсть синтиянки встала дыбом.

— Если вы полагаете, что я смогу объяснить вам, как организовать защиту колонии, вы сильно ошибаетесь: я не инженер.

— Понимаю. Очень жаль. Но вы же должны хоть немного ориентироваться в технических достижениях своей цивилизации. Вы вполне можете, например, подсказать, что инженеры могут усовершенствовать, а что нет. Кроме того, вы повидали много планет, много разных народов, знакомы с их законами, обычаями, потребностями и всегда сможете подсказать, чего и от кого можно ожидать. С вашей помощью мы угоним межпланетные корабли и научимся ими управлять. Вы сможете подсказать, как найти тех, кто, конечно же, за щедрую плату, будет готов прийти нам на помощь...

— Если вы думаете, что Лига потерпит...

— Возможно, нет, а возможно, и да. Во Вселенной очень много планет и народов, так что строить какие-либо догадки нет смысла. Но Гетфенну привыкла расталкивать соперников локтями. А в данном случае вы нам подскажете, каким образом себя вести.

— А как вы узнаете, можно ли мне доверять?

В голосе Хагуана отчетливо зазвучали металлические нотки.

— Мы привыкли судить о земле по тем всходам, которые она дает. Если нас постигнет неудача и Гетфенну будет обречена, у нас есть масса способов рассчитаться с предателями. Если хотите, я продемонстрирую вам мои камеры пыток. В этом деле мы чрезвычайно искусны. Даже учитывая ваши несколько нестандартные размеры, гарантирую, вы промучаетесь довольно долго.

В зале воцарилось молчание. Корих медленно исчез за горизонтом. Небо мгновенно потемнело, и на нем зловеще величественно засияли огромные звездные скопления.

Хагуан, чтобы хоть как-то скрасить эту чудовищную картину, включил свет.

— Однако, если вы спасете нас, — промолвил он, — мы даруем вам свободу и щедро вознаградим.

— Но... — Чи мысленно представила себе мрачную перспективу: предательство — всеобщее презрение по возвращении, пожизненное изгнание... — Вы собираетесь держать меня до самого конца?

— Ну конечно.

Поиски оказались безуспешными. Чи Лан, казалось, канула в пустоту, гораздо более мрачную, чем окружающий космос.

Фалькайн и Адсель поработали на совесть. Они буквально перерыли весь Луридор — переполненный мерзостью город-столицу Ронруада. В то время, как звездолет с адским грохотом рассекал небо над городом, периодически демонстрируя мощь своих энергетических пушек, они, действуя силой, угрозами, уговорами и даже подкупом, перевернули город вверх дном. Им пришлось столкнуться с самой различной

реакцией обитателей Ронруада: от прямо-таки животного ужаса простых жителей до безмозглого чванства правителей. Но ничто ни малейшим образом не натолкнуло их на след похитителей Чи Лан.

Фалькайн в отчаянии запустил руку в свои взлохмаченные волосы. Он сдерживался из последних сил.

— Все-таки стоило, наверное, прихватить с собой того владельца казино и хорошенько его тут обработать.

— Нет, — сказал Адсель. — Я имею в виду не моральную сторону вопроса. Просто я уверен в том, что все, кто что-либо знает о похищении, давно находятся в надежном месте. Это элементарная предосторожность. Мы ведь даже не знаем: действительно ли это дело рук мятежников.

— Ты прав. Это могли быть и Морручан, и Дагла, и Олгор, или действующие по собственной инициативе их союзники, или просто какие-нибудь фанатики.

Фалькайн посмотрел на экран заднего обзора. Ронруад, выглядевший уже маленьким красновато-бурым полумесяцем, с каждой секундой все более отдалялся. «Настойчивый» шел назад, к Мерсейе. Что и говорить, омерзительная планетка. Невелика беда, если в конце концов Сверхновая испепелит ее вместе со всеми обитателями. Даже самая захудалая планетка — это целый мир: горы, равнины, долины рек, озера, пещеры, миллионы квадратных километров поверхности, все им не охватить. Мерсейя еще крупнее, а ведь в этой системе есть и другие планеты со множеством своих спутников. Чего стоит одно только пространство с миллионами астероидов...

Все, что требовалось от похитителей Чи, — это только периодически менять место ее содержания. В таком случае, будь хоть весь флот Лиги брошен на поиски, вероятность успеха равнялась нулю.

— Мерсейяне хоть знают, где искать, — в сотый раз пробормотал Фалькайн. — Мы же не знаем ни входов, ни выходов. Но мы обязаны заставить их шевелиться.

— У них и так будет много работы, — сказал Адсель.

— А как насчет тех энтузиастов, перед которыми ты выступал?

— Да, уверовавшие дружелюбны к нам, — ответил Адсель. — Но в большинстве своем они бедны и, как бы это сказать, живут в царстве иллюзий. Вряд ли они смогут нам помочь. Я даже опасаюсь, что своими стычками с Дьяволистами они только усложнят нашу ситуацию.

— Ты говоришь об антигалактистах? — Фалькайн в задумчивости почесал подбородок. — А может, это их рук дело?

— Сомневаюсь. Их, конечно, нельзя недооценивать, но, насколько я успел заметить, они крайне слабо организованы.

— Проклятье! Если нам не удастся ее вернуть, придется поджарить всю их цивилизацию!

— Не выйдет. Несправедливо обрекать на гибель миллионы за преступление, совершенное единицами.

— Но миллионы могли бы заняться поиском этой кучки преступников. Это им вполне по силам. Наверняка можно найти какие-то концы...

На пульте управления замигали огни, и компьютер объявил: «Наблюдаю корабль. Судя по всему — грузовой... с одной из планет... Дистанция...»

— Засохни! — рявкнул Фалькайн. — И испарись к чертовой матери!

«К сожалению, я для этого не приспособлен».

Фалькайн вырубил звук. Некоторое время сидел молча, уставившись на звезды. Из пальцев выскользнула и упала на пол давно потухшая трубка, но он этого даже не заметил. Адсель вздохнул, вытянул шею и положил голову на пол.

— Бедная маленькая Чи, — проговорил наконец Фалькайн. — Как же далеко от дома нашла она свою смерть.

— Скорее всего, она жива, — сказал Адсель.

— Будем надеяться. Но на Синтии она привыкла порхать по деревьям в бескрайних лесах. Жизнь в клетке убьет ее.

— А если и не убьет, так изведет точно. Она же так легко раздражается. Когда ей будет не на кого злиться, она станет терзать себя.

— А ты, ты все время ругался с ней.

— Это ничего не значит. Потом мы мирились, и после ссоры она готовила мне роскошный ужин. А однажды, когда я похвалил ее очередную картину, она сунула ее мне со словами: «Если эта мазня тебе понравилась, возьми ее на память».

— Помнишь?

— Угу.

Компьютер снова автоматически включился. «Требуется корректировка курса, — заявил он, — чтобы избежать столкновения с очередным грузовым кораблем».

— Ну так сделай это, — проворчал Фалькайн. — У них тут, черт возьми, довольно оживленное движение.

— Мы ведь движемся по эклиптике и вдобавок еще недалеко отошли от Ронруада, — сказал Адсель.

Фалькайн с силой хрустнул пальцами.

— А что, если мы их слегка припугнем? — проговорил он вдруг удивительно безразличным тоном. — Убивать никого не будем, а просто сожжем парочку роскошных дворцов и пообещаем еще, если они не возьмутся за ум и не займутся наконец серьезным поиском.

— Нет. Этого делать нельзя. Мы обладаем большими полномочиями, но не до такой же степени.

— Потом что-нибудь придумаем, чтобы оправдаться перед следственной группой.

— Такой поступок может нарушить взаимоотношения, породить недовольство, а это неминуемо помешает успешному проведению спасательных мероприятий. Мы же видели, что вся культура мерсейян основывается на примитивных понятиях гордости. Подобная попытка отхлестать их по щекам, не давая возможности хоть как-то постоять за себя, может привести к тому, что они попросту откажутся от галактической помощи. А за это отвечать придется лично нам, причем в уголовном порядке. Нет, Дэвид, я на это не пойду.

— Итак, мы бессильны что-либо предпринять. — Фалькайн замолчал. Потом, с силой обрушив кулаки

на подлокотники своего кресла, резко вскочил. Адсель тоже поднялся. Он слишком хорошо знал своего товарища.

Сверкая водами океанов, местами прикрытая покрывалом облаков, в сапфировом свете окруженного сияющими звездами Кориха показалась Мерсейя. Четыре ее маленькие луны расположились так, что образовали нечто вроде диковинной диадемы.

Космический крейсер объединенного флота Вахов «Ионуар», двигаясь по полярной орбите, медленно выплыл из-за кромки планеты. Официально он находился в режиме патрулирования: на случай, если гражданским кораблям вдруг понадобится какая-либо помощь. На самом деле его задачей было наблюдение за боевыми кораблями Лафдигу, Уолдера или Нерсанского Союза. На всякий случай, если они вдруг вздумают нарушить мирный договор. И, конечно, при появлении пришельцев следовало присматривать и за ними. Одному только Богу известно, что постоянно надо быть начеку и держать оружие наготове.

Стоя на командирском мостике, капитан корабля Тринтаф Фангриф Укротитель мрачно взирал в бездонное пространство космоса и безуспешно пытался представить, какие миры таятся за мириадами сверкающих звезд. Он был воспитан в знании того, что некоторым представителям других цивилизаций доступны огромные межзвездные расстояния, в то время как его народ все еще не был способен вырваться за пределы собственной Солнечной системы. Тринтаф по-своему ненавидел галактических путешественников... а теперь они появились в этих краях опять. Зачем? По этому поводу ходило множество слухов. В основном речь шла о возможностях вспышки Валендерай.

Помощь. Сотрудничество. Неужели Вах Истиру суждено стать жалким вассалом этих пришельцев?

Зазвучал сигнал вызова, и интерком изрек: «Докладывает центральный радарный пост: прямо по курсу посторонний объект».

Последовавшие вслед за сообщением параметры поражали. Даже несмотря на отсутствие излучения

от реактивной тяги, это явно не метеорит. Галактические гости!

Узкий черный мундир чуть не лопнул по швам, когда Тринтаф начал выкрикивать команды. Орудия к бою! Он не жаждал битвы — элементарная осторожность. Но если сражению суждено произойти, он с удовольствием понаблюдает, как чужаки сумеют выдержать залп лазерных орудий и ядерных ракет.

Тем временем звездолет на экране вырастал с каждой секундой... изящные каплевидные обводы... Он казался удивительно крохотным по сравнению с огромной, звериной тушей «Ионуара». Галактический корабль перемещался настолько быстро, что Тринтаф еле успевал за ним следить. Проклятье! На такой скорости корабль давно должно было расплющить, а экипаж превратился бы в мокрое место.

Почему же?.. Возможно, какое-то контрополе... И когда наконец звездолет завис в нескольких километрах от «Ионуара», Тринтаф постарался сосредоточиться. Несомненно, с минуты на минуту они выйдут на связь. При этом ему понадобятся максимальная выдержка и предельная собранность.

В инструкциях, врученных ему перед полетом, говорилось, что пришельцы покинули Мерсейю в ярости от того, что вся планета не занялась поисками пропавшего члена экипажа. Вожди, конечно, пытались их успокоить, понятно, что они готовы были сделать все возможное, лишь бы ублажить звездных гостей, но ведь у них и своих собственных дел предостаточно. Но пришельцы оказались неспособны понять, что нужды целого мира гораздо важнее их личных желаний. В свою очередь Вожди, дабы не уронить своего авторитета в глазах населения, также отнеслись к их требованиям довольно прохладно.

Именно поэтому, едва завидев на экране изображение галактического звездолета, Тринтаф положил палец на кнопку пуска ракет. Один только вид пришельца уже вызывал отвращение: хрупкая фигурка, волосатая голова, бесхвостое тело, светло-коричневая, покрытая легким пушком кожа — все это выглядело жалкой пародией на мерсейянина. С гораздо большим удовольствием Тринтаф имел бы дело

с тем, который стоял позади. Этот внушал доверие одним своим видом.

Тем не менее Тринтаф произнес положенные в таких случаях приветствия и спокойным голосом осведомился о том, что нужно пришельцам.

Фалькайн уже вполне освоился с языком.

— Капитан! — промолвил он. — Я тоже рад встрече, однако, как мне ни жаль, вам придется вернуться на базу.

Сердце Тринтафа бешено заколотилось. Мысленно он грозно выругался, но виду не подал и спокойным тоном спросил:

— А в чем, собственно, дело?

— Мы уже проинформировали ряд ваших вождей, однако они, по-видимому, еще не сообразили, что к чему, поэтому я еще раз объясню суть дела лично для вас.

— Кто-то, по имени его мы не знаем, похитил одного из членов нашего экипажа. Думаю, что вы, капитан, понимаете, что для нас возвращение товарища является делом чести.

— Понимаю, — ответил Тринтаф. — Долг и законы чести требуют, чтобы мы оказали вам максимальную помощь, но какое это имеет отношение к моему кораблю?

— Если изволите, я продолжу. Так вот, мы никому не хотим причинить вреда. У нас слишком мало времени, чтобы подготовиться к грядущей катастрофе, и специалистов не так уж много. Вклад каждого из них в дело спасения вашей цивилизации крайне важен. В частности, без специальных знаний, которыми обладает наш исчезнувший товарищ, не обойтись. Именно поэтому ее возвращение имеет ключевое значение для всех мерсейян.

Тринтаф ухмыльнулся. Он-то знал, что этот аргумент есть не что иное, как одна из уловок, имеющая своей целью заставить его народ плясать под дудку пришельцев.

— Поиски представляются нам абсолютно безнадежными до тех пор, пока похитители будут иметь возможность перемещать ее в космосе с места на место, — продолжал Фалькайн. — Поэтому до тех

пор, пока она не будет обнаружена, межпланетное сообщение должно быть прекращено.

— Это невозможно, — взревел Тринтаф.

— Отнюдь, — ответил Фалькайн.

Тринтаф со стыдом поймал себя на том, что, дрожа от ярости, он только и смог выдавить:

— Но у меня нет такого приказа.

— Сожалею, — сказал Фалькайн. — Не сомневаюсь, что ваше начальство отдаст соответствующие распоряжения, но на это нужно время, а дело не ждет. Поэтому будьте благоразумны, капитан, возвращайтесь на базу.

Палец Тринтафа напрягся на кнопке пуска.

— А если я откажусь?

— Капитан, мы не хотели бы наносить какие-либо повреждения вашему прекрасному кораблю...

Тринтаф нажал кнопку.

Стрелки давно уже навели оружие на цель; ракеты рванулись вперед.

Безрезультатно. Противник неуловимым движением ускользнул в сторону — и ракеты пронеслись мимо, а мощнейший лучевой залп сверкающими брызгами разбился о какую-то невидимую преграду...

Маленький звездолет заложил крутой вираж и выпустил в направлении «Ионуара» всего лишь один короткий лучик. На крейсере взвыли сирены, и аварийная служба немедленно доложила, что часть броневых плит обшивки срезана с такой легкостью, как если бы кто-то острым ножом снял стружку с куска мягкой древесины... Особых повреждений нет, однако, будь луч направлен на реакторы...

— Досадно, не правда ли, капитан? — сказал Фалькайн. — Вот что порой случается, когда управление огнем чрезмерно автоматизировано. Ради вашего экипажа, ради страны, боевым кораблем которой вы имеете честь управлять, прошу вас: передумайте, пока не поздно.

— Прекратите огонь, — подавленно пробормотал Тринтаф.

— И тогда вы вернетесь на планету? — спросил Фалькайн.

— Да, я обещаю вам, — вырвалось из перекошенного рта Тринтафа.

— Ну и отлично. Вы мудрый воин, капитан. Приветствую ваше мужество и искренне надеюсь, что при встрече со своими коллегами вы предупредите их должным образом, и они впредь будут стараться вести себя так, чтобы поводов для подобного события больше не возникало.

Взревели двигатели, и «Ионуар» — гордость Вахов — двинулся в сторону Мерсейи.

А на борту «Настойчивого» Фалькайн, обтерев вспотевший лоб, устало улыбнулся Адселю.

— Знаешь, в какой-то момент мне показалось, что этот болван собирается драться.

— Ну, тогда мы бы с ними быстро расправились, — невозмутимо сказал Адсель. — И я уверен, что у них есть спасательный катер. Так что ничего страшного не произошло бы.

— Это все так, но подумать только, какой скандал разгорелся бы. — Фалькайн встряхнулся. — Ну ладно, за дело. Нам предстоит еще много возни с другими.

— Сможем ли мы в одиночку блокировать целую Солнечную систему? — спросил Адсель. — Что-то я такого не припомню.

— Да, такого в истории еще не было. И потому, что противник тоже обладал звездолетами на гипертяге. А у этих мерсейян допотопные корабли, да вдобавок нам надо следить всего лишь за одной планетой. Ведь через нее осуществляются все перевозки. — Фалькайн начал набивать трубку. — Слушай, Адсель, займись-ка составлением обращения к мерсейянам. У тебя это получится гораздо лучше, чем у меня... тактичнее, что ли...

— А что им сказать? — спросил вуденит.

— Да то же самое, что говорил я, только надо все это аккуратно упаковать и обвязать розовой ленточкой.

— Ты серьезно полагаешь, что это сработает, Дэвид?

— Почти уверен. Посуди сам. Мы потребуем только, чтобы Чи доставили в какое-нибудь безопасное место и сообщили нам, куда именно. Мы не будем требовать для преступников никакого наказания. А если похитители ее не вернут, тогда: во-первых, за ними день и ночь будет охотиться все население, а

во-вторых, вся цивилизация будет нести от подобной блокады огромные убытки. Ведь перевозки играют в их экономике крайне важную роль.

Адсель беспокойно заворочался.

— Мы не должны принести им страдания.

— А мы и не будем. Пищу, за исключением, конечно, всяких там деликатесов, они с планеты на планету не возят — это слишком дорого. Единственное, чего мы таким образом добьемся, это что они начнут терпеть убытки. Причем со скоростью миллион кредитов в секунду. И очень важные персоны начнут направо и налево отдавать приказы. Заводы замрут, космопорты опустеют... сместится политическое и военное равновесие... Остальное можешь додумать сам.

Фалькайн закурил и выпустил голубоватое облачко дыма.

— Но не думаю, что дело зайдет так далеко, — продолжал он. — Мерсейяне не хуже нас с тобой представляют возможные последствия такой блокады. И это не гипотетическая катастрофа, которая может произойти спустя три года — это конкретное исчезновение денег и власти прямо сейчас, немедленно. Поэтому они решат в первую очередь отыскать преступников и расправиться с ними. Похитители будут это знать, и, кроме того, я уверен, их собственный карман тоже сильно пострадает. Могу поспорить, что через пару дней они сами предложат вернуть Чи целой и невредимой в обмен на снятие блокады.

— И, насколько я понимаю, это предложение мы с достоинством примем?

— Адсель, я же тебе говорил. У нас нет другого выхода. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, придется нам получить ее обратно.

— Дэвид, я прошу тебя, не будь таким циником. Мне грустно видеть, как ты теряешь человеческий облик.

— Зато я получаю прибыль, — подмигнул ему Фалькайн. — Ну-ка, тупица, посуетись немного, найди нам еще какой-нибудь корабль, — обратился он к компьютеру.

Огромный зал для телеконференций, расположенный в замке Афон, позволял одновременно обеспечить связь со всеми уголками планеты. Фалькайн восседал

на принесенном с корабля кресле за огромным столом, испещренным портретами древних воинов, и молча взирал на телеэкраны, занимавшие всю противоположную стену. С этих экранов на него смотрели больше сотни повелителей Мерсейи. При таком масштабе они мало отличались друг от друга. И только одно изображение массивной черной туши было со всех сторон окружено пустыми экранами. Ни один из вождей не мог допустить того, чтобы его облик соседствовал с Хагуаном Элуацем.

Встав позади землянина, Морручан — повелитель Вах Датира — с холодной торжественностью произнес:

— Именем Господа нашего и крови его мы собрались здесь. Так пусть же эта встреча пойдет на благо всем нам и нашим народам. И да будет наше решение мудрым и справедливым.

Фалькайн слушал вполуха, мысленно еще и еще раз повторяя свою речь. То, что он собирался сказать, могло вызвать последствия, подобные взрыву кобальтовой бомбы.

Бояться, конечно, нечего. «Настойчивый» в данный момент грозно висел прямо над Ардайгом, и телевидение транслировало вид звездолета на всю Мерсейю. Адсель и Чи Лан сидели за пультом управления огнем. Фалькайн был в полной безопасности.

Но слова, которые он скоро произнесет, могут вызвать массовые волнения, что, в свою очередь, может помешать выполнению их миссии. Поэтому надо внимательно следить за собой и... надеяться на лучшее.

— ...Долг гостеприимства обязывает нас выслушать гостя, — закончил наконец Морручан.

Фалькайн встал. Он знал, что в глазах аборигенов выглядит чудовищем, поступки которого непредсказуемы, да к тому же, как оказалось, весьма опасны. Именно поэтому он надел сегодня самый скромный скафандр и не взял с собой никакого оружия.

— Уважаемые господа, — начал он. — Прошу простить меня за то, что я не использую при обращении ваши титулы: поскольку поистине неисчисли-

мы ваши звания, заслуги и страны, которыми вы правите. Вы вершите судьбы народов Мерсейи. Надеюсь, вы будете откровенны, ведь эта секретная встреча призвана решить, что лучше всего для Мерсейи. Прежде всего позвольте сердечно поблагодарить вас за самоотверженные усилия, направленные на возвращение одного из членов нашего экипажа. А также за то, что вы вняли моей просьбе допустить на наше совещание его величество Хагуана Элуаца, хотя это и противоречит вашим законам. Также позвольте мне выразить сожаление по поводу того, что вам на некоторое время пришлось прекратить космические перевозки, это было вызвано лишь известной вам необходимостью, и я хочу поблагодарить всех тех, кто оказал нам в этом содействие. Надеюсь, вы понимаете, сколь ничтожны нанесенные нами убытки в сравнении с тем, что мой народ готов прийти на помощь ради спасения вашей цивилизации. Теперь давайте забудем о том, что было в прошлом, и устремим свои взоры в будущее. Наш долг — организовать спасение. Основная проблема заключается в том, как это сделать. Галактические советники не собираются брать власть в свои руки. Дело в том, что, даже если бы захотели, это почти невозможно. Их слишком мало, им предстоит большая работа, и они слишком чужды вашим народам. Для успешного выполнения своих задач им придется опираться на существующую власть. Им понадобится огромное количество самых разных материалов и приспособлений. Думаю, что столь опытные правители, какими являетесь вы, с легкостью смогут обеспечить все необходимое.

Он прокашлялся и продолжал:

— Основной вопрос заключается в том, с кем нашим людям предстоит работать в наиболее тесном контакте. Они не хотели бы никого выделять особо. В нужный момент всем вам будут даны подробные разъяснения. Помощь, конечно, будет оказана всем без исключения. Хотя, как нетрудно видеть, ваш мир велик и чрезвычайно разнообразен. Для того чтобы меры по спасению были действительно всеобъемлю-

щими и эффективными, нам понадобится небольшой, дружный совет мерсейян, которые и будут решать возникающие по ходу дела вопросы. Далее, ресурсы вашего мира следует использовать скоординированно. Например, ни одна страна не должна препятствовать поставкам сырья в какую-либо другую. Перевозки должны осуществляться свободно в любые пункты вашей системы. Для этого должен быть задействован имеющийся в наличии транспорт. Поставить вам необходимое количество кораблей мы не сможем, но мы в силах обеспечить вас защитными экранами... И в то же время ни на минуту нельзя забывать о нуждах народов. Я имею в виду обычные потребности людей... Например, в пище. Поэтому нам придется разумно распорядиться сырьем и установить новую систему жестких приоритетов.

Полагаю, что теперь вам понятна необходимость создания международной организации, которая предназначена обеспечить нас информацией и должным образом координировать наши действия; еще лучше, если в распоряжении подобного органа будут находиться конкретные силы и средства.

Было бы здорово, если бы подобная организация уже существовала. Если позволите, я попытаюсь коротко дать оценку ситуации: Мерсейя кишит самыми разными проявлениями ненависти, вражды, зависти. Вы слишком разобщены, для того чтобы проявить единство даже для спасения собственной цивилизации. Если даже удастся учредить некий орган верховного руководства, нам придется зорко следить за ним, дабы избежать попыток узурпации власти. Нам в Галактике для этих целей потребовалась бы всего лишь одна сплоченная группа. Вам же не хватит и сотни.

— Итак. — Фалькайн взял в руки трубку. — Мой экипаж не должен давать какие-либо рекомендации. Но ситуация такова, что начинать действовать придется с нашей подачи. Мы нашли одну группировку, которая резко отличается от остальных. Они готовы пренебречь разногласиями. Этот народ достаточно

многочислен, могуч, богат. Признаюсь честно, это не те люди, с которыми нам бы хотелось иметь дело. Вместо того, чтобы им помогать, мы с большим удовольствием оставили бы их наедине с грядущей катастрофой. Но у нас принято считать, что для достижения цели все средства хороши.

Фалькайн почувствовал охватившее аудиторию напряжение и до того, как грянул гром, быстро проговорил:

— Я имею в виду Гетфенну.

Затем произошло нечто неописуемое.

До сих пор Фалькайн, по сути, лишь подводил их к главной цели доклада. Теперь он добавил, что сам несет огромную ответственность за успех мероприятия, с удовольствием прошелся по поводу недостатков Хагуана и в конце концов, после многочасовой дискуссии, собрание все же решило обсудить это предложение. В принципе, чем закончится собрание, было ясно заранее. У Мерсейи не было выхода.

Экраны погасли.

Весь мокрый, еще дрожащий от возбуждения Фалькайн повернулся к Морручану. Вождь, судорожно схватившись за пистолет, яростно отчеканивая каждое слово, прокричал:

— Да ты хоть понимаешь, что ты пытаешься сделать? Ты не просто превозносишь эту банду, ты пытаешься их узаконить. Теперь они будут считать себя частью нашего общества!

— Но разве они не будут выполнять законы этого общества? — изрядно севшим голосом спросил Фалькайн.

— Как бы не так!.. — Морручан чуть не лопался от злобы. — Но отмщение придет. Вахи отомстят им. А потом...

— Нет, я передумал, — ответил Фалькайн.

— Ну и не надо. Это неважно. Мы сами многому научимся, а потом... Короче, пришелец, наши потомки еще посмотрят...

— Неужели вам недоступно элементарное чувство признательности?

— Нет! Среди моих людей и так хватает сентиментальных мечтателей. Но ты, в конце концов, улетишь, и тогда я возьмусь за дело.

Фалькайн не стал спорить. Он слишком устал. Откашлявшись, он связался с кораблем, и его подобрали на борт.

Позднее, когда «Настойчивый» уже находился в межзвездном пространстве, он краем уха услышал голос Чи:

— Но я до этих мерзавцев еще доберусь, они крепко пожалеют о том дне, когда схватили меня.

— Ты что, собираешься вернуться? — спросил он.

— Боже упаси, — ответила Чи. — Но инженерам на Мерсейе нужно иногда слегка поразвлечься, и Гетфенну с избытком обеспечит их этим... всякими игорными домами и прочим... Я попрошу ребят прихватить такие штучки, которые могут управлять рулеткой...

Адсель печально вздохнул.

— Ну почему в столь прекрасном и таком ужасном космосе мы, разумные существа, вечно должны быть такими мстительными?

Фалькайн улыбнулся:

— В противном случае жизнь не была бы такой забавной.

Когда фронт вспышки Сверхновой достиг Мерсейи, работы еще не шли полным ходом.

Внезапно в южной части небосвода ослепительно, раза в три интенсивней Кориха, засияла звезда. Подобно вспышке молнии, планету охватило яркое голубое сияние, контрастными тенями подчеркнув силуэты холмов и деревьев. Над лесами взвились стаи испуганных птиц. В наэлектризованном воздухе разнесся вой тысяч диких животных, с которым смешался грохот ритуальных барабанов, вопли и стенания молящихся мерсейян; тех, которые тысячелетиями жили в страхе перед тьмой и которым ее так теперь не хватало. Наступивший столь долгожданный день оказался в тысячу раз ужаснее.

В течение многих месяцев звезда постоянно уменьшалась в размерах и наконец превратилась в еле различимую точку. Угасая, она представляла собой великолепное зрелище: окаймлявшая ее газовая туманность сияла сотнями самых разных оттенков — от желтого на фоне пылающего солнца, белого в центре до темно-фиолетового по краям. Все это время в верхних слоях атмосферы Мерсейи непрерывно рождались мощные воздушные потоки... В каждом порыве ветра слышался голос бури.

А потом пошел радиоактивный дождь. И в этом уже не было ничего забавного.

ЗАДЕРЖКА В РАЗВИТИИ

В детстве он хотел стать пилотом космического корабля (какой мальчик не мечтал об этом!), но достаточно быстро понял, что ему не хватает способностей. Потом он увлекся психологией и даже получил университетский диплом. Одно цеплялось за другое, и в результате Джо Хастинг стал мошенником. Жизнь оказалась не такой уж плохой. Простаков он примечал в Нью-Йорке, а плодами успешной охоты пользовался во Флориде, на курортах Гренландии и в Луна-Сити.

Хотя среди посетителей бара Джо не видел потенциального клиента, ему не хотелось куда-то идти, кого-то искать. Нью-Йорк наслаждался весной. В открытую дверь вливался легкий ветерок, в зале царили полумрак и прохлада. Светилось лишь пятно телевизионного экрана. Сквозь облако сигаретного дыма Джо следил за выпуском новостей.

Естественно, показывали галактов. Их гигантский звездолет, опустившийся на Землю в сотне миль от города, не покидал экрана. Вид с вертолета сменился крупным планом: операторам телекомпании удалось прорваться сквозь оцепление солдат ООН, сдерживающих толпу любопытных. Комментатор сообщил, что в настоящий момент идут переговоры между капитаном звездолета и Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, а члены экипажа осматривают достопримечательности Земли.

— Они прибыли к нам с добрыми намерениями, — вещал комментатор. — Повторяю, с добрыми намере-

ниями. Они не причинят нам вреда. Они уже обменяли привезенный уран на миллионы наших долларов и теперь тратят их как обычные туристы. Но Генеральный секретарь ООН и Президент Соединенных Штатов просят помнить о том, что галакты прилетели с далеких звезд и обладают мощью, которая нам и не снилась. И малейший конфликт может лишить Землю величайшей...

Хастинг задумался. Да, большое дело, наверное, самое значительное событие современной истории. Земля — член Галактической Федерации! Перед нами открыты все звезды. Невозможное становится возможным... гм-м. Для начала он мог бы вставить фальшивые бриллианты в красивую оправу и толкнуть их как священные огненные камни Тарденозии, но только для начала...

С улицы донесся нарастающий шум. Мимо бара один за другим проезжали электрокары, бежали люди. В чем дело? Хастинг оставил на стойке недопитую кружку пива и подошел к двери. Какой-то мужчина в потрепанном костюме спешил вслед за толпой. Хастинг поймал его за рукав.

— Что происходит, приятель?

— Разве вы не слышали? Галакты! Приземлились прямо на мостовой, у них есть летательные пояса, зашли в магазин «Мейси» и накупили всякой всячины на миллион долларов. А теперь они идут сюда. Отпустите меня, мистер.

Хастинг постоял, закурил. По спине его пробежал холодок. Пришельцы со звезд. Цивилизация, раскинувшаяся по всему Млечному Пути, существующая тысячи веков. Увидеть галактов, возможно, даже поговорить с ними... Да, будет о чем рассказать внукам, если они у него когда-нибудь появятся.

Он подождал, пока толпа поравняется с баром, и бросился вперед, энергично работая локтями. Несколько минут спустя, изрядно вспотев, Хастинг пробился к барьеру.

Невидимое силовое поле — мудрая предосторожность — сдерживало возбужденных нью-йоркцев. Иначе, движимые самыми благими намерениями, они могли бы растоптать пришельцев.

Их было семеро. Высокие, широкоплечие, красивые, с темными волосами, полными губами, аристократической линией носа. Вполне естественно, что за добрый миллион лет все гуманоидные цивилизации слились в одну, и обитатели разных планет стали похожи как братья. Блестящие голубые мундиры сидели на галактах как влитые, талии стягивали широкие металлические пояса. И украшения! О боже, должно быть, скупили все сверкающие поделки, которые увидели на прилавках, и нацепили на руки и мускулистые шеи. Норка и горностай небрежно наброшены на плечи. Один из галактов неторопливо пересчитывал оставшиеся деньги. (Хастингу такого количества хватило бы надолго.) Остальные дружелюбно улыбались землянам. Джо Хастинг прижался к барьеру. Облизал внезапно пересохшие губы, сердце стучало. Неужели такое возможно? Он, маленький человек, сможет поговорить с богами, спустившимися с небес?

Огромное здание напоминало растревоженный улей, на всех этажах сердитыми пчелами жужжали политики, репортеры, священнослужители. Они готовились вести переговоры с соответствующими представителями галактов. Всем известно, что единственный способ понять непонятное — создать многочисленные комиссии и полгода согласовывать повестку дня. Но Генеральный секретарь ООН имел определенные права и на этот раз воспользовался ими. Получасовая беседа с капитаном Хардго сулила куда больше, чем годовые совещания всех комитетов, вместе взятых.

Генеральный секретарь наклонился вперед и предложил собеседнику коробку сигар.

— Не знаю, правильно ли я поступаю, — сказал он. — Быть может, табак вреден для вашего организма?

— Простите? — вежливо переспросил гость, крупный, полноватый мужчина с благородной сединой на висках. Как это ни странно, галакты брили подбородки и подстригали волосы точь-в-точь как земляне.

— Я хочу сказать, что мы привычны к табачному дыму, а вас он может отравить, — ответил Ларсон. — Вы же прилетели с далеких звезд.

— О, это пустяки, — махнул рукой Хардго. — Подобные растения есть на каждой планете земного типа. Невелики различия и у народов, населяющих эти планеты. Не говоря уже о животных. Благодарю.

Он взял сигару и покатал ее между пальцами.

— Хорошо пахнет.

— Лично меня это потрясло больше всего. Я и представить не мог, что эволюция идет одним и тем же путем по всей Вселенной. Почему?

— Такова жизнь, — капитан Хардго откусил кончик сигары и выплюнул его на ковер. — При других параметрах окружающей среды развитие идет иначе, но на планетах земного типа все одинаково.

— Но почему? Мне кажется, что процесс эволюции... не могу поверить, что это совпадение.

Хардго пожал плечами.

— Ну, не знаю. Я всего лишь космонавт. Никогда не задумывался над этим, — он зажал сигару в зубах и поднес к ней перстень, надетый на палец правой руки. Что-то сверкнуло, и капитан глубоко затянулся ароматным дымом.

— Это... какое удивительное устройство! — восхитился Ларсон.

На долю бедного землянина осталось лишь унижение. Земля слишком поздно вышла в космос, гигантская пропасть отделяла ее от галактов.

— Что?

— Ваш перстень. Зажигалка.

— А, это. Да, там внутри какая-то ядерная штучка, — капитан выпустил струю дыма. — Мы пришлем кого-нибудь, чтобы показать вам, как это делается. Одолжим вам технику, чтобы вы могли построить свои заводы. Мы подтянем вас к общему уровню.

— Правда? Ваше великодушие не знает границ. — Ларсон чуть не прыгал от счастья.

— Для нас это сущий пустяк. Мы сможем торговать с вами, как только вы наладите производство. Чем больше планет, тем лучше для нас.

— Но... Извините, сэр, на мне лежит огромная ответственность. Мы должны знать требования, выполнение которых необходимо для вступления в Галактическую Федерацию. Нам ничего не известно о ваших законах, обычаях...

— Тут мне нечего сказать, — перебил его Хардго. — Каждая планета сама заботится о себе. Как иначе можно управлять миллионами миров? Короче, этим занимаются эксперты и компьютеры. Они берут за оказанные услуги определенную плату, в Федерации нет налогов, каждый платит за полученный товар, а за счет прибыли финансируются дальние экспедиции вроде нашей.

— Понятно, — кивнул Ларсон. — Координационный совет.

— Да, вероятно, так.

Генеральный секретарь в недоумении покачал головой. Иногда он задумывался, какой же станет цивилизация через миллион лет. Но не ожидал ничего подобного. Предельная простота. Супермен, считающий ниже собственного достоинства разбираться в громоздком механизме межзвездного государства, свободный от всех ограничений, думающий свои великие думы среди мириад звезд.

Хардго взглянул в окно, на небоскребы Нью-Йорка.

— Никогда не видел такого большого города, — отметил он, — а я бывал на многих планетах. Не представляю, как вы им управляете. Должно быть, это ужасно трудно.

— Да, сэр, — сухо улыбнулся Ларсон.

Разумеется, галакты давно прошли ту ступень, когда цивилизация не могла обойтись без таких вот человеческих муравейников. Они разучились поддерживать жизнь мегаполисов, точно так же как современники Ларсона разучились высекать искру из камня.

— Ну, вернемся к делу, — Хардго стряхнул пепел на ковер. — Я вот о чем. Мы давно поняли: нельзя допустить, чтобы молодая цивилизация вырывалась в космос без нашего ведома. Поэтому мы расставили специальные детекторы по всей Галактике. Когда они фиксируют определенные... как это у вас называется... а, вибрации... да, вибрации, свойственные двигателю

для межзвездных полетов, особый сигнал поступает в Координационный совет. А уж Совет направляет звездолет для налаживания контактов с новичками.

— Да, действительно... Мы только что разработали двигатель, позволяющий лететь со сверхсветовой скоростью... разумеется, очень примитивный по сравнению с вашими конструкциями. Значит, во время его испытаний...

— Совершенно верно. Поэтому нас послали объяснить вам, кто есть кто, и присмотреться к вашим порядкам. Как вы понимаете, нам не нужны воинственные соседи. Они могут причинить много вреда...

— Уверяю вас, мы...

— Знаю, знаю, приятель. У вас хорошее государство, и компьютер подтвердил, что вы перестали воевать друг с другом. Я, конечно, не могу понять всего, что вы делаете... у вас довольно странный образ мышления, во всяком случае, на других планетах нет ничего похожего, но это не имеет значения. Каждый народ имеет право на индивидуальность. Вы прошли по всем показателям.

— А если допустить... — каждое слово давалось Ларсону с большим трудом. — Если бы случилось так, что вы приняли бы решение отказать нам в приеме в Федерацию? Что тогда? Вы постарались бы изменить наши порядки?

— Изменить? Что вы имеете в виду? Мы послали бы боевой звездолет, и он превратил бы в пыль все планеты вашего Солнца. Нам не нужны цивилизации, готовые развязать войну.

Ларсон чувствовал, как по его спине стекают струйки пота. В горле у него пересохло. Все планеты...

— Эй, там!

Хастингу пришлось кричать во всю глотку, но ближайший к нему галакт взглянул на него и улыбнулся.

— Привет, — отозвался он.

Невероятно! Он приветствовал ничтожного Джо Хастинга как близкого приятеля. Почему? Минуточку! Может, никто не решался заговорить с ним пер-

вым? А когда тебе отвечают только «да, сэр», даже галакт чувствует себя очень одиноким.

— И как вам тут нравится? — продолжил Хастинг.

— Потрясающе. Никогда не видел такого большого города. И ты только посмотри, что я купил! — галакт коснулся ожерелья из красных стекляшек. — Когда я вернусь домой, соседи лопнут от зависти.

Хастинга с такой силой прижали к невидимому барьеру, что у него перехватило дыхание. Он попытался вырваться из-под пресса тел.

— Эй, подожди, — галакт нажал какую-то кнопку на поясе, силовое поле переместилось, отталкивая толпу, и Хастинг оказался внутри, рядом с семеркой галактов.

— Как ты, приятель? — сильные руки подхватили его, не дав упасть на землю.

— Я... да... хорошо. Все в порядке, — Хастинг ухмыльнулся лицам по ту сторону барьера. — Большое спасибо.

— Рад тебе помочь. Меня зовут Джилграф. Попросту Джил, — галакт обнял его за плечи. — А это Бронни, Кол, Джордо...

— Очень приятно с вами познакомиться, — пробормотал Хастинг. — А я — Джо.

— Ну вот и отлично, — радостно воскликнул Джил. — А то я уже начал задумываться, почему все такие забитые?

— Забитые? — у Хастинга закружилась голова. Неужели галакты прочли его мысли? Немудрено, если они показались пришельцам довольно необычными.

— Да, — продолжал галакт. — Почему-то нас тут сторонятся.

— Это точно, — кивнул Бронни. — На новых планетах нас обычно встречают с распростертыми объятиями, угощают...

— А какие устраивают карнавалы! — напомнил Джордо.

— Да. Помните ту пьянку на Алфазе? Какие там были девочки! — Джил в восторге закатил глаза.

— У вас в Нью-Йорке столько милашек, — добавил Кол, — но мы получили приказ никого не оскор-

блять. Как ты думаешь, если я поздороваюсь с девушкой, она не обидится?

— Вы все не так поняли, — незамедлительно ответил Хастинг. — Мы просто боялись заговорить с вами. Мы думали, вы не хотите, чтобы к вам приставали с вопросами.

— А мы уж решили, что вы... Эй! — Джил хлопнул себя по бедру и загоготал. — Ну кто бы мог подумать?! Они не хотели беспокоить нас, а мы — их!

— Будь я проклят! — проревел Кол. — Что же нам теперь делать?

— Мне кажется... — начал Джордо.

— Подождите, подождите! — Хастинг замахал руками. — Если я не ошибаюсь, вы хотите поразвлечься?

— Еще бы, — хмыкнул Кол. — В космосе начинает тошнить от скуки.

— Тогда учтите, — продолжил Хастинг, — что вы никуда не денетесь от этих зевак, репортеров...

Очередная фотовспышка, десятая или двадцатая за несколько минут, заставила его зажмуриться:

— Пока все знают, что вы — галакты, покоя вам не дадут.

— На Алфазе... — запротестовал Бронни.

— Тут не Алфаза, — отрезал Хастинг. — Но у меня есть идея. Послушайте...

Семь темноволосых голов склонились к Хастингу, чтобы разобрать лихорадочный шепот:

— Мы сможем убраться отсюда? Улететь невидимыми или что-нибудь в этом роде?

— Конечно, — ответил Джил. — Эй, а откуда тебе известно, что такое возможно?

— Какая разница. Значит, так. Сейчас мы сматываемся в мою квартиру, посылаем за обычной земной одеждой для вас, а потом...

Джон Джозеф О'Рейли, архиепископ Нью-Йорка, имел немало друзей как среди власть имущих, так и среди бедноты. Он не счел зазорным воспользоваться своими связями, чтобы устроить встречу с капелланом звездолета. То, что могло открыться ему в этом разговоре, имело бы непреходящее значение для всего человечества. Священнослужитель со звезд прибыл

под защитой силового поля, и его немедленно провели в гостиную.

Тиркна, плотный седовласый мужчина в обычной голубой форме космонавта, крепко пожал руку архиепископу.

«Во всяком случае, — подумал архиепископ, — за миллион лет галакты сумели смирить гордыню», — и сказал:

— Для меня большая честь принимать вас у себя.

— Благодарю, — оглядываясь, кивнул Тиркна. — У вас тут очень мило.

— Пожалуйста, садитесь. Хотите чего-нибудь выпить?

— Не откажусь.

О'Рейли поставил на столик два бокала и бутылку старого французского вина.

— Добро пожаловать на Землю, — улыбнулся он, наполнив бокал гостю, а затем себе.

— За встречу, — и капеллан одним махом осушил бокал. — А-а-ах! Идет отлично.

Архиепископ внутренне дрогнул, но вновь наполнил бокал. Нельзя же требовать, чтобы вкусы и манеры разных цивилизаций полностью совпадали. Китайцы вот любят тухлые яйца, но терпеть не могут сыра...

Архиепископ уселся поудобнее и положил ногу на ногу.

— Не могли бы вы сказать, какой у вас сан? — робко спросил он.

— Сан? Что это такое?

— Я хочу узнать, как обращается к вам ваша паства?

— Моя паства? А, вы имеете в виду команду. Просто — Тиркна. Мне этого вполне достаточно, — гость допил второй бокал и рыгнул. Вероятно, точно так же поступил бы и цивилизованный эскимос.

— Насколько мне известно, — продолжал О'Рейли, — у вас не сразу поняли существо моей просьбы. Вероятно, вы не знали, что означает слово «капеллан».

— Конечно, мы не знаем всех слов вашего языка, — признал Тиркна. — Обычно это делается так.

Подлетая к новой планете, мы ведем прием радиопередач.

— О, понимаю. Тех, что проходят сквозь ионосферу.

Тиркна мигнул.

— Ионо... Я не знаю таких под... — он икнул, — ...робностей. Вам лучше поговорить с нашими тех... техниками. Во всяком случае, у нас есть машина, которая анализирует различные языки. На это ей требуется несколько часов. Потом она погружает нас в сон и учит новым языкам. Проснувшись, мы можем говорить на любом из них.

Архиепископ засмеялся.

— Извините меня. Честно говоря, я удивился, почему представители столь высокоразвитой цивилизации пользуются самым отвратительным уличным жаргоном. Теперь мне все ясно. К сожалению, содержание наших передач оставляет желать лучшего. Они рассчитаны на массовые вкусы, знаете ли. Общий уровень чрезвычайно низок... пожалуйста, простите меня за такие эпитеты. Естественно, что вы... но, уверяю вас, мы не так уж плохи. Мы с надеждой смотрим в будущее. Например, этот ваш электронный учитель... с его помощью мы сможем резко поднять общий культурный уровень.

Тиркна изумленно уставился на архиепископа.

— Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так же, как вы, земляне. И как вам только хватает воздуха?

О'Рейли чувствовал себя жалкой букашкой. Для великих галактов молчание могло быть так же красноречиво, как и сотня слов. Подумать только, их цивилизация развивалась уже миллион лет!

— Извините, — пробормотал архиепископ.

— О, пустяки. Вероятно, многое в нашем поведении кажется вам не менее забавным, — Тиркна потянулся к бутылке и сам наполнил бокал.

— Я просил вас приехать сюда, чтобы... Вы можете рассказать мне столько удивительного, но я хотел бы задать несколько вопросов, касающихся религии.

— Конечно. Я слушаю, — добродушно отозвался Тиркна.

— Мы, слуги Божьи, давно задумывались о возможности встречи с инопланетной разумной жизнью. То обстоятельство, что вы такие же люди, хотя, несомненно, гораздо более развитые, чем мы, — есть чудесное откровение воли Господней. Но я хотел бы знать основные положения вашего вероучения.

— Что вы имеете в виду? — в голосе Тиркны слышалось замешательство. — Я всего лишь... э... интендант. Кроме всего прочего, я должен убивать кроликов, в звездолете нет места для более крупных животных. Я кормлю богов, вот и все.

— Богов?! — архиепископ даже выронил бокал.

— Между прочим, а кто ваши главные боги? — осведомился Тиркна. — Было бы неплохо принести им в жертву пару коров, пока мы находимся на их планете. А то как бы они не накликали на нас беду.

— Но... вы... язычники!!!

Тиркна взглянул на часы.

— Послушайте, где тут телевизор? — спросил он. — Скоро начнется «Другая жизнь Джона». Фильмы у вас отменные.

Утром Джо Хастинг с трудом продрал глаза. И тут же пожалел об этом. Квартира была перевернута вверх дном. Как же это произошло?

О да... эти девушки, которых они привели сюда... неужели они опустошили все бутылки, что валяются на полу?

Хастинг застонал и схватился за голову, ему казалось, что она разламывается на части. И зачем только он смешал виски и пиво!

Что-то загрохотало. Повернувшись на софе, Хастинг увидел Джила, выходящего из спальни. Галакт бил себя в грудь и пел песню, которую выучил вчера вечером.

— О Полли, Полли...

— Замолчи, а? — простонал Хастинг.

— Парень, да ты, похоже, перепил? — Джил сочувственно прищелкнул языком. — Одну минуту.

Он вынул из карманчика на поясе маленький флакон.

— Прими пару капель. Будешь как огурчик.

Неимоверным усилием воли Хастинг заставил себя проглотить эти капли. На мгновение у него в животе вспыхнул пожар, затем... он снова стал человеком. Казалось, он спал не меньше десяти часов, а спиртное не брал в рот целую неделю.

Джил вернулся в спальню и начал будить остальных. Хастинг, глубоко задумавшись, стоял у окна. Лекарство от похмелья могло принести миллионы, получи он исключительные права на его продажу. Но нет, пришельцы со звезд научат землян изготовлять это лекарство наряду с космическими кораблями и экранами-невидимками. Конечно, он мог добыть запасы этой семерки, а потом распродать их по сотне долларов за каплю.

Из спальни появился Бронни, его физиономия сияла как медный таз.

— Отличный ты парень, Джо! — воскликнул он. — Так хорошо я проводил время только на Алфазе. Чем мы теперь займемся, приятель? —крепкая рука галакта опустилась на плечо Хастинга.

— Посмотрим, что я смогу для вас сделать, — осторожно ответил тот. — Вообще-то я очень занят. У меня масса дел.

— Понимаю, — Бронни подмигнул Хастингу. — Такой парень не теряет даром ни минуты. Как ты обвел вокруг пальца того вышибалу. Я уж испугался, что он вызовет полицию.

— Чтобы успокоить его, хватило десятки. Это ерунда.

Когда все собрались в гостиной, Джил заявил, что пора завтракать. Джо повел их в соседнюю закусочную.

— Вы, космонавты, должно быть, очень умны, — заметил он, когда они уселись за столик. — Умнее, чем большинство остальных, правда?

— Это точно, — пробасил Джордо, подмигнув официантке.

— Космонавт должен многое знать и уметь, — добавил Кол. — Звездолеты, естественно, летят сами по себе, но все равно в экипаже нет места для дураков.

— Понятно, — пробормотал Хастинг. — Я так и думал.

Диплом психолога помогает дать правильную оценку ситуации, особенно если человек свободен от предрассудков.

Достаточно рассмотреть такой пример. Сэр Исаак Ньютон открыл три закона движения, закон всемирного тяготения, дифференциальное исчисление, основы спектроскопии, акустики и, помимо того, находил время, чтобы выполнять различные государственные обязанности. Один человек! И для гения он не был исключением. Самые одаренные земляне оставляли след в нескольких областях.

И тем не менее такой выдающийся ум не является необходимостью. Самые важные шаги в развитии человечества сделали обезьяноподобные тупицы. Они приручили огонь, вытесали первые инструменты, создали язык, сшили одежду, заложили социальную основу цивилизации. Только им потребовалась на это бездна времени.

А за миллион лет многое может случиться. Ньютон создал современную физику в течение жизни одного поколения. Сотня менее талантливых людей добилась бы того же за тысячелетие.

Для человечества коэффициент умственного развития в среднем приближается к ста. У гениев он может достичь двухсот. У дебилов снижается до шестидесяти. Необъяснимое стечение обстоятельств одарило человека таким могучим разумом. Он мог бы обойтись и меньшими способностями.

А если средний коэффициент у галактов составляет семьдесят пять, то их самые блестящие представители поднимались, скажем, до ста пятидесяти.

Визг отпрыгнувшей от стола официантки прервал размышления Хастинга. Когда она повернулась к ущипнувшему ее Бронни, тот добродушно улыбался.

Джо Хастинг успокоил официантку. А после завтрака показал галактам достопримечательности Нью-Йорка и продал им Бруклинский мост.

ДАЛЕКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

— Ты должен идти прямо сейчас? — спросила Клэр, взяв меня за руку.

— Да, пожалуй. Не волнуйся, глупышка. Я заработаю кучу денег, и завтра мы это отпразднуем. У нас давно уже не было повода, правда?

— Пустяки, — ответила она. — Мне так не хочется, чтобы ты уходил. — И, помолчав, добавила: — Ну, хорошо. Вперед.

Она стояла у двери и улыбалась, пока я спускался по ступенькам. Сидя в автобусе, я уже в тысячный раз подумал, что, несмотря ни на что, мне здорово повезло в жизни.

Ренни жил в большом старом доме, расположенном в более респектабельном районе, чем наш. Он сам открыл дверь, высокий мужчина с седыми волосами и усталым взглядом.

— А, мистер Арманд. Вы очень пунктуальны. Проходите.

Он провел меня в небольшую гостиную. Вдоль стен, до самого потолка, стояли полки с книгами.

— Присядьте. Хотите выпить?

Как я понял, в доме мы были одни.

— Если можно, немного вина.

Я взглянул в окно. По улице проехал автомобиль, одна из последних моделей. Как удобно сидеть в большом кожаном кресле. Стоило мне пошевелиться, я чувствовал шуршание конских волос под обивкой. Такие житейские мелочи успокаивали меня. Ренни вернулся с бутылкой вина и налил нам обоим. От-

личное бургундское. Он сел напротив, положив ногу на ногу.

— Вы можете уйти. Мое мнение о вас нисколько не изменится, — он согнал с лица подобие улыбки. — Учтите, что контракт не случайно содержит такое условие. Вы ведь женаты, не так ли?

Я кивнул. Но это не причина для отступления. Скорее, наоборот, именно поэтому я сознательно пришел сюда. Клэр работала, но мы ждали ребенка, а что касается меня, то ассистентам на кафедре химии не слишком переплачивают. Нашумевшие психофизические опыты Ренни обеспечили ему солидную финансовую поддержку, и добровольцы прилично зарабатывали. Несколько часов, проведенных в этом доме, могли бы здорово помочь нам с Клэр. Однако...

— Я не слышал о какой-либо опасности. Вы же не посылаете людей в прошлое? Я имею в виду — физически?

— Нет, — Ренни уставился в какую-то точку над моей головой. — Но метод очень нов... много непонятного... Я не могу предсказать, как далеко в прошлое вы попадете и что там произойдет. Предположим, ваш предок испытает сильное потрясение в то время, пока вы будете там находиться. Какой эффект это окажет на вас?

— Ну... э... а с кем-нибудь такое случалось?

— Да. Никаких постоянных психических нарушений, но кое-кто в момент возвращения находился в состоянии стресса, и требовалось время, чтобы они успокоились. Другие докладывали, что не заметили ничего неприятного для себя лично, но тем не менее несколько дней пребывали в состоянии глубокой депрессии. И все без исключения в лучшем случае не сразу приспосабливались к привычной обстановке. Так что в первое время после возвращения вам вряд ли удастся вернуться к работе, мистер Арманд.

— Меня предупреждали, и я обо всем договорился, сэр, — ответил я, устремив взгляд в бокал с вином.

— Через неделю все должно прийти в норму. Хотя, как вы понимаете, я не могу ничего гарантировать.

— Конечно.

— Ну и прекрасно, — Ренни улыбнулся и откинулся в кресле. — Давайте познакомимся поближе. Я знаю о вас очень мало, если не считать того, что ваш психопрофиль идеально подходит для наших экспериментов. Вы по происхождению француз?

— Да, — я кивнул. — Долина реки Дордонь. Мои родители жили там, а я родился здесь, потому что отец тогда находился на дипломатической работе. Я люблю Францию, но предпочел стать американцем.

— Ну, совсем не обязательно, что вы окажетесь именно в том районе. Европейские нации так перемешались. Я собираюсь послать вас в более далекое прошлое, чем в ранее проведенных экспериментах.

Он отхлебнул глоток вина.

— Вы хорошо знакомы с теорией временного психоперемещения?

— Лишь по статьям в научно-популярных журналах, — признался я. — Значит, так... Моя жизненная линия тянется через наш пространственно-временной континуум дальше, чем день моего рождения. В точке моего появления на свет она соединяется с линиями моих родителей, потом с линиями их родителей и так до первой живой клетки на Земле. Мозг, сознание — называйте это как угодно — не что иное, как функция жизненной линии индивидуума и развития мира. Вы, сэр, нашли, что при определенных условиях сознание может переместиться в другую часть жизненной линии, как бы прыгнуть назад. Теоретики еще спорят об этом, а теологи утверждают, что вы подтвердили существование души.

— Неплохо, — хмыкнул Ренни. — А ваше личное мнение?

— Моя подготовка не позволяет мне иметь собственное мнение. Что вы можете сказать по этому поводу, сэр? В своих публичных выступлениях вы постоянно подчеркиваете, что пока располагаете недостаточной информацией. Но, как первопроходец...

Мой голос дрогнул.

— Пожалуйста, не надо, — Ренни, должно быть, почувствовал, какое впечатление произвело на меня его открытие. — Я не сделал ничего особенного. Лишь систематизировал работы моих предшественников,

начиная с Данна и Райна. Я в неоплатном долгу перед Митчеллом и его коллегами. По правде говоря, я только связал их достижения с новыми идеями в психологии и космологии и использовал современное лабораторное оборудование для проверки их гипотез.

— Признаться, я удивлен, почему вы не пошлете меня в будущее?

— Сам не знаю, — ответил Ренни. — Я просто не могу... пока. В каждом из возможных способов имеются существенные недостатки...

Он перешел на сухой академический тон, видимо, в целях самозащиты.

— Итак, несмотря на прочитанные вами статьи, мистер Арманд, поговорим о нашем конкретном эксперименте. Ваше тело в течение нескольких часов будет находиться здесь, а сознание на те же несколько часов переместится в мозг вашего далекого предка и полностью сольется с его собственным сознанием. При возвращении вы вспомните все, что там происходило, как если бы вы и в самом деле были тем человеком. Только и всего.

Мое сердце забилось. Я почувствовал себя новым Фаустом.

— Давайте начнем поскорее.

Мы поднялись в лабораторию, которая некогда была спальней. Я снял пиджак и ботинки, расстегнул рубашку и лег на кушетку. Профессор дал мне таблетку транквилизатора, включил индукционное поле, и я провалился в ночь.

Меня зовут Аргнах-эскаладуан-торклук, что означает «Тот, кто держит лошадь на веревке». Но мое настоящее имя я храню в тайне от колдунов и духов ветра и никогда не произношу вслух. Когда на моем лице выросли первые волосы, я получил имя, которым теперь меня называют, потому что прятался у водопоя и, когда туда спустился табун лошадей, набросил веревку на шею одной из них и держал животное, пока не изловчился и не перерезал ему горло, а затем отнес мясо в пещеру. Это случилось во время моего Похода, когда мальчик впервые сам идет за добычей. Потом нас отводят в определенное место в темноте,

где ревут духи ветра, отрезают первую фалангу на среднем пальце левой руки и оставляют им в жертву. Больше я ничего не могу говорить. После этого мы становимся мужчинами и можем брать себе жен.

Я уже и не помню, как давно это произошло. Мужчины времени не замечают. Но я еще в полном расцвете сил, хотя сегодня иду один и надежда на возвращение очень мала.

Я спускаюсь с холма, и снег заметает мои следы. Деревья, низкие и редкие, о чем-то говорят в порывах ревущего ветра. Вдали слышится рычание льва. Возможно, это тот лев, который сожрал Андутанналока-гаргута прошлой осенью, когда на землю падали мокрые листья. Я вздрогнул и нащупал на груди материнской талисман, так как мне не хотелось встречаться с духом Андутанналока, выглядывавшим из глаз льва.

Пурга стихала. В разрывах низко летевших облаков проглядывали звезды. Снег по-прежнему сердито бил мне в грудь, холодил складки меховой одежды. Во тьме почти ничего не было видно. Но я продвигался вперед, как всякий охотник, кожей чувствуя, что делается вокруг. Тяжелое кожаное одеяние и обувь должны были защищать меня от удара дротика. Однако у гоблинов руки сильнее, чем у людей. Любой из них может раскрутить камень так, что при ударе он разнесет мне голову. Тогда мое тело достанется волкам, и где найдет приют моя бедная душа? Ветер разнесет ее по лесам, к просторам северной тундры.

У меня было оружие: три костяных ножа у пояса, несколько дротиков в мешке за плечом, метательная палка в руке. Первый дротик — с наконечником из кости волка, чтобы кусать сильнее, и Ингмарак-шаман заговорил его. У остальных наконечники каменные. Мои свободные пальцы гладили материнский талисман. Но единственным спутником оставался ветер.

Я спускался в долину. Скоро, чтобы пройти, мне пришлось раздвигать кустарник руками. Уже доносился мерный рокот реки. Наша пещера осталась далеко позади, высоко в холмах.

Никто не запрещал мне идти за Эвави-унароа, моей белой колдуньей. Да разве они имели такое право? Но все отговаривали меня, и никто не вызвался помочь. Ингмарак тоже покачал лысой головой.

— Это нехорошо, Аргнах, — сказал он, глядя на меня подслеповатыми от старости глазами. — В стране гоблинов не найдешь добра. Возьми себе другую жену.

— Мне нужна Эвави-унароа, — ответил я.

Старики сокрушенно бормотали себе под нос. Дети, жавшиеся в уголке пещеры, испуганно смотрели на меня. Почему я настаивал на своем? Я и сам не знал.

Она стала мне женой лишь прошлой осенью, когда мои глаза неожиданно начали постоянно искать ее, а она улыбнулась в ответ. Ни один мужчина до этого не брал ее в жены, и с отцом Эвави мы легко договорились. Потому что все остальные немного боялись ее — самого дорогого, милого существа, когда-либо ступавшего по земле. И до сих пор никто не просил уступить ее. Меня это устраивало, я не думал о том, как это отразится на моем положении в племени. Я мог себе это позволить, потому что был одним из лучших охотников и все любили нас обоих. Просто другие мужчины предпочитали жить спокойно.

Чадили лампы из мыльного камня. Ветер хлопал шкурами, висевшими на высоких шестах у входа в пещеру. Костер давал столько тепла, что многие сбросили с себя одежду. Рядом со шкурами лежало много сочного мяса. Мы могли бы веселиться, но, как только я сказал, что собираюсь отправиться в страну гоблинов, чтобы спасти Эвави, к огню подошел страх и присел на корточки рядом с нами.

— Они уже съели ее, — сказал Вуотак-чанакаво, одноглазый охотник, чувствующий дичь, до которой идти еще полдня. — Они съели ее вместе с неродившимся ребенком. И чтобы их души не остались в желудках гоблинов, а вернулись назад, давайте положим еще один топор под ее очаг.

— Возможно, их не съели, — возразил я. — Пойти туда — мой долг.

После моих слов наступила тишина, но никто не повернулся ко мне спиной. Наконец, встал Ингмарак-шаман.

— Завтра мы заговорим тебя, — сказал он.

На следующий день мне пришлось потрудиться. Все видели, как я отнес в глубь пещеры лампу, меховые кисточки и маленькие горшочки с краской. Я нарисовал себя, сокрушающего гоблинов, и раскрасил свое лицо. О том, что я сделал еще, лучше промолчать.

А потом Ингмарак нудным голосом рассказывал о том, что я и так давно знал. Старые сказки утверждают, что когда-то гоблины владели всей землей, но потом оттуда, где встает солнце, пришли люди и постепенно вытеснили их. Теперь мы редко видим друг друга и почти никогда не сражаемся. Мы боимся напасть на них (кто знает, какие у них силы), а у нас нет ничего такого, на что они могли бы польститься. Их орудия несколько отличаются от наших, но ничем не хуже, и кажется, им не очень нужна одежда. Река разделяет наши территории, и редко кто пытается перейти на другой берег.

Но Эвави пошла к воде, чтобы набрать камней из речного ложа. В этой реке есть камни, дающие силу, потому что она течет с далекого севера, где по тундре ходит Отец Мамонт, сотрясая небо своими огромными бивнями. Эвави искала камешки удачи, чтобы сделать из них бусы нашему ребенку, когда тот родится. Она пошла одна, так как хотела сказать несколько заветных слов, взяв с собой дротик и факел для защиты от диких зверей, и никого не боялась.

Когда она не вернулась, я пошел по ее следу и понял, что произошло. Гоблины украли ее. И если она еще жива, искать ее надо на том берегу.

...Наконец, я подошел к реке. Широкий поток медленно, как черная змея, струился между белых берегов с покрытыми снегом деревьями. В этом месте обрыв закрывал долину от ветра, но от воды тянуло холодом, и на поверхности кружились льдинки.

Днем, испросив прощения у духов, я свалил небольшое дерево. Топор не очень хорошее оружие, подумал я, зато им удобно пользоваться. Большинство

ветвей я обрубил, оставив лишь те, за которые собирался держаться, чтобы не упасть в воду и не утонуть. А из одной ветки сделал весло.

Сняв обувь, я повесил ее на шею. Снег впился в голую кожу, будто зубами. Надо мной неслись черные горы облаков.

На севере небо уже очистилось, и там танцевали умершие охотники, потрясая многоцветными накидками, а их копья доставали до звезд. Чтобы ублажить их, я достал нож, отрезал прядь волос и, выпрямившись, воскликнул:

— Я Аргнах-эскаладуан-торклук, человек из рода людей, даю вам часть своей жизни. За этот дар я ничего не прошу взамен. Но знайте, Звездные охотники, я иду в страну гоблинов, чтобы привести назад свою жену, Эвави-унароа, белую колдунью, и нашего ребенка, которого она носит под сердцем. За любую оказанную вами помощь я предлагаю часть моей охотничьей добычи, которую буду отдавать вам до моего последнего дня на земле.

Гигантские накидки ярко сверкнули. Холод добрался до лодыжек. Мой голос казался тихим и очень одиноким. Я схватил бревно и с криком, который обычно издает охотник, вонзая дротик в дикого кабана, сдвинул его в воду.

Река тут же подхватила бревно, и оно устремилось вниз по течению, а я старался направить его к другому берегу. Вокруг ревели волны. У меня онемели ноги и голова. Казалось, все это происходит с кем-то мне незнакомым, а я, я моего секретного имени, стоял на вершине холма и думал. Думал о том, что нет смысла так вот морозить себе ноги, когда можно огнем и зубилом выбрать часть ствола, и люди будут спокойно сидеть внутри и ловить рыбу или другую болотную живность.

Тут мои одеревеневшие пальцы уткнулись в камни противоположного берега. Я спрыгнул на землю и вытащил бревно, после чего принялся растирать ноги лисьим мехом. Покончив с этим, я обулся и двинулся в страну гоблинов, оставляя по дороге метки.

Я знал, что гоблины живут ближе к реке, чем мы на своей стороне. И шел не торопясь, принюхиваясь

к воздуху, чтобы уловить запах дыма. Я боялся, но не очень сильно, потому что на груди висел талисман и никто не мог изменить то, что должно было произойти. А кроме того, весь мир стал для меня не таким, как прежде, когда я увидел следы гоблинов вокруг отпечатков ног Эвави. Будто я уже наполовину превратился в духа.

Не понимаю, почему только я испытываю к ней такое влечение, я — единственный среди людей. Никто не отрицает, что она высока, стройна, что у нее смелое сердце, умелые руки и заразительный смех. Но голубые глаза и желтые волосы, как у гоблинов. Старики утверждают, что когда-то давно у наших племен были общие дети, поэтому иногда у нас появляются глаза и волосы такого цвета, но никто из живущих ныне не помнит такого ребенка. А значит, колдовство гоблинов живет в Эвави-унароа, и хотя до сих пор она не давала повода, что может принести зло, мужчины предпочитали обходить ее стороной.

А я, Аргнах, не боялся. Я видел, что ее колдовство могло принести только добро. И теперь был готов умереть за нее, как умирает олень, защищая своих самок. Эта мысль пришла ко мне, когда я услышал топот убегающего табуна. Тусклый зимний свет начал пробиваться сквозь облака. Я заметил на снегу следы дичи. Много следов, гораздо больше, чем на нашем берегу. А едоков у нас больше, чем мужчин, которые охотятся, мальчиков, ловящих рыбу, и женщин, собирающих съедобные коренья.

Я вышел на склон холма, поднимавшийся к северу. Над ним сияли последние звезды. Легкий ветерок донес до меня запах дыма. По коже побежали мурашки. Я приближался к пещере гоблинов.

И если они такие колдуны, как говорят предания, то скоро учуют меня. Я тут же умру, или превращусь в червя, или с криком убегу в лес, и меня никто больше не увидит. Но я пришел, чтобы найти Эвави, если она еще жива.

Поэтому я пошел на запах дыма, прячась среди теней за валунами, перебегая от одного куста к другому, держа дротик в правой руке. И когда на востоке небо заалело, я увидел пещеру гоблинов.

Она была больше, чем наша, и с более широким входом. Они не сделали навеса снаружи, под которым можно переждать непогоду. Наоборот, они находились внутри, а у входа зажгли костер. Ингмарак рассказывал, что, когда он был еще мальчиком, люди тоже так делали, но теперь необходимость в этом отпала. Животные и так боялись приближаться к нашей пещере. Значит, здесь звери более смелые и их гораздо больше. Я всегда считал, что гоблины привлекают дичь своими чарами. Но сейчас, когда я смотрел на их костер, мне пришла в голову совсем другая мысль.

— Если бы они владели колдовством, — прошептал я, — то чего им бояться льва или медведя. Им не нужен огонь перед входом в пещеру. Но они разжигают костер. Тогда, о Звездные охотники, это потому, что они совсем не колдуны. Возможно, они даже не такие хорошие охотники, как люди, и поэтому на их землях так много дичи.

Тут я почувствовал, как тело налилось силой, а страх совсем исчез. Еще с большей осторожностью я подобрался к самому входу.

Возле костра сидел старик. Впервые я так близко видел гоблина. Он оказался совсем не таким страшным, как я предполагал. Он был меньше меня ростом, ширококостый, согнутый в дугу старостью. Седые грязные волосы свисали ниже все еще могучих плеч. Кончики прядей оставались коричневыми. Больше всего меня поразила его длинная голова с плоским лбом и мощными надбровными дугами, почти скрывавшими глаза. Под жиденькой бородой не было подбородка.

Он все время переступал ногами и хлопал в ладоши, а из вздернутых кверху ноздрей шел пар. Как тут не замерзнуть, если вся одежда состоит из наброшенных шкур, а на ногах ничего нет. Однако он был начеку. Когда я выскочил из-за укрытия и пробежал последние несколько длин моего тела, он закричал и схватил дубинку.

Древко моего дротика само нашло углубление в палке для метания. Она завертелась, волчья кость попала в цель. Гоблин согнулся, прижал руки к

животу и упал на снег, обливаясь кровью. Я ворвался в пещеру, выхватил второй дротик и закричал:

— Эвави, Эвави!

Передо мной появился гоблин с дротиком в руке. Наконечник был всего лишь из обожженного на костре дерева. Но я успел опередить его, бросив дротик первым. Еще один гоблин поднял топор. Я схватил головешку из костра и швырнул в него. Он завопил от боли и отпрыгнул назад. В пещере метались голые тела. В полумраке я различил приземистых уродливых женщин, прикрывавших своих детенышей. Мужчины что-то кричали, и я чувствовал, что они боятся.

— Эвави! — звал я. — Эвави, Аргнах пришел за тобой!

Тут на мгновение меня вновь охватил страх. Что, если ее душа ответит мне изо рта гоблина? Но вот она сама, расталкивая гоблинов, устремилась ко мне. Я смотрел в ее глаза цвета летнего неба, и по моим щекам текли слезы.

— Сюда! — я швырнул дротик в толпу гоблинов. Раздался чей-то вопль. — Бежим!

Наше отступление придало гоблинам храбрости, и они с криками бросились вслед. Эвави ни на шаг не отставала от меня. Ее волосы то и дело касались моих щек. Даже громоздкая одежда не могла скрыть ее стройного тела, которое я так любил.

Вниз по склону мы добежали до леса, а там лосиная тропа увела нас далеко от преследователей. Гоблины бегали медленнее, чем люди. Когда мы перебегали язык льда, мимо просвистел камень. Вряд ли я смог бы кинуть его с такой силой. Но ни один из дротиков не долетел до нас.

С каждой минутой дышать становилось все тяжелее, но наконец мы достигли того места, где лежало мое бревно.

— Стащи его в воду, — прохрипел я.

Перебраться через ледяной поток вплавь мы, конечно, не могли. Пока Эвави стаскивала бревно, я приготовил к бою оставшиеся дротики. И очень вовремя.

Из кустов выскочили гоблины. Я ранил двоих, но третий схватил мою палку для метания и стал тя-

нуть ее к себе. Я ударил его ножом. Кто-то бросил дротик, но деревянное острие не пробило шкур. Эвави тоже метнула дротик и ранила обнаженного гоблина. Гоблины на мгновение отступили, и мы успели прыгнуть на бревно и оттолкнуться от берега.

Я оглянулся. Гоблины что-то кричали и угрожающе трясли кулаками. Упавшее дерево, на котором они переправлялись на наш берег, лежало где-то далеко. Течением нас вынесло на середину, и их камни уже не долетали до нашего бревна. Поворот реки — и они скрылись из виду. Я громко рассмеялся и еще быстрее заработал веслом. Эвави плакала.

— Но ты же свободна? — удивился я.

— Именно потому я и плачу, — ответила она. Женщины всегда так странно реагируют на происходящее.

— Они не обижали тебя?

— Нет. Один из них... Я его видела раньше, он наблюдал за мной с той стороны. Он и еще несколько хитростью поймали меня и отвели в свою пещеру. И не разрешали мне уйти. Но относились ко мне хорошо, кормили и говорили какие-то незнакомые, успокаивающие слова. Но я не могла вернуться к тебе.

Она снова заплакала.

Я подумал, что светлые волосы Эвави влекли к ней гоблинов точно так же, как и меня, а рост и милое лицо вызывали восхищение. От нее веяло загадочностью. И они рискнули похитить Эвави, чтобы... Чтобы она рожала им детей?

Свободной рукой я погладил ее волосы.

— Мы боялись гоблинов, потому что они совершенно не похожи на нас, и думали, что они колдуны.

Река блестела в первых лучах солнца. Мое весло направляло бревно к берегу.

— Это неправда. Они бедный и неуклюжий народец. Наши отцы, которые охотятся в небе зимними ночами, прогнали гоблинов с нашего берега не с помощью дротиков или топоров, а потому что быстрее думали и быстрее бегали. Поэтому они убивали больше дичи и рожали больше детей. Если бы гоблины не ушли, они бы умерли с голоду. А теперь нам не

хватает земли. Когда наступит лето, я поведу людей через реку и мы отберем у гоблинов их землю.

Тут бревно прибило к берегу, и мы спрыгнули на землю. Эвави прильнула ко мне, от холода у нее стучали зубы. И я хотел побыстрее добраться до пещеры и спеть у костра песню победы. Но чей-то крик заставил меня обернуться. На противоположном берегу вновь появились гоблины. Они стояли кучкой и не сводили с нас глаз. Один из них поднял руки. Хотя они были далеко, у меня острые глаза, и я видел, как по его щекам текут слезы.

Так как он тоже заботился об Эвави, я постараюсь сохранить ему жизнь, когда летом мы перейдем реку.

Я проснулся. На столике у кушетки горела лампа. Уже наступил вечер. Ренни проводил меня в гостиную и предложил вина. Я молча кивнул.

— Ну? — спросил он. — Где... где вы побывали?

— В глубине веков, — отозвался я, все еще находясь во власти сна.

— В самом деле? — Ренни взглянул на меня потухшим взглядом.

— Я не могу назвать точную дату. Это дело археологов.

В нескольких словах я рассказал ему об увиденном.

— О боже, — прошептал Ренни. — Ранний каменный век. Двадцать тысяч лет назад, когда половина Северного полушария была скована льдом.

Он схватил меня за руку.

— Вы видели первых человеческих существ, неандертальцев, и последних, кроманьонцев.

— Нет, не так, — возразил я. — Разница была не так уж и велика. Мне жаль неандертальцев. Они очень старались... Послушайте, я устал. Могу я пойти домой и выспаться?

— Ну конечно. Это типичная реакция. Но завтра вы ведь вернетесь? Мне необходимо записать все, что вы вспомните. О боже, я и представить не мог, что вы попадете в такую даль.

Ренни проводил меня до двери.

— Доберетесь сами?

— Не беспокойтесь, все в порядке.

Я пожал ему руку.

— Спокойной ночи.

Обернувшись, я увидел в проеме двери его темную высокую фигуру.

Автобус подошел через несколько минут. Когда, взревев мотором, он вновь тронулся с места, меня охватил страх. Что это за чудовище? Откуда такие странные запахи? Затем я вспомнил, что человек, в теле которого я провел несколько часов, уже двадцать тысяч лет лежит в земле.

Но я еще не полностью свыкся с реальностью мира. Я шел по зимнему лесу, где разносился трубный глас лося, и белые духи кружили вокруг и смеялись мне в уши.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я почувствовал себя гораздо уверенней, открыл незапертую дверь и вошел в квартиру. Увидев меня, Клэр отложила книгу и поднялась с кресла.

— Ну как ты, дорогой? — спросила она, подойдя ко мне. Ее губы дрожали. — Как все прошло?

— Неплохо. Настоящая фантастика, — я поцеловал ее в щеку. — Но я совершенно выдохся. Прежде чем я расскажу тебе обо всем, как насчет кофе?

— Конечно, конечно. Но где же ты все-таки был, милый? — она взяла меня за руку и увлекла на кухню.

Я смотрел на нее, чистенькую, пухлую, в меру накрашенную, в очках, с завитыми локонами, с легким запахом табака. А передо мной возникало другое лицо, побронзовевшее от солнца и ветра, с гривой белокурых волос и глазами цвета летнего неба. Я вспомнил веснушки, разбросанные по вздернутому носику, и тихий смех, и протянутые ко мне маленькие, привыкшие к труду руки. И я знал, на какую кару обрек себя, заглянув в прошлое. Этот крест мне предстояло нести до конца жизни.

МАРОДЕР

Мы охраняем Великий Договор, но юное поколение, покоряющее далекие звезды, так часто этого не понимает.

Обычно они пользуются нашими услугами. (Где звездолет «Харпсонг», которого давно ждут в порту прибытия?.. Выдержит ли вновь созданное кибернетическое производство на планете Оазис конкуренцию с фирмами уже обжитых миров?.. Появились бандиты... Что делать со странными существами, на которых мы наткнулись?..) Но стоит нам заступить дорогу и сказать: «Нельзя!» — как в мгновение ока мы становимся корди, то есть врагами.

Типичный в этом смысле случай с мертвой планетой Добрая Удача. Теперь, по прошествии жизни целого поколения, Служба готова предать гласности правду, и я могу рассказать о Майке Тревельяне, Хуане Мердоке, Дымокуре, рыжеволосой Фаустине и всех остальных, а уж вы сами решите, кто прав, а кто — нет.

В те годы Тревельян всегда проводил отпуск на Земле. Ее патриархальность успокаивала натянутые как струны нервы, а приключений ему хватало на других мирах. Благодаря этому Тревельян, естественно, был своим человеком в мозговом центре Службы, если таковой мог быть у организации, действующей по всей Галактике. Вот почему он имел более широкое, чем его многие коллеги, представление о том, как обстоят дела с соблюдением Договора. Тревельяна посвящали в весьма важные секреты.

Подозреваю, что Тревельян старался использовать каждую возможность, чтобы припасть к истокам человечества, так как большую часть жизни ему приходилось проводить под светом чужих солнц. И желание быть верным блюстителем Договора крепло в нем с каждым годом.

Никто не мог назвать Тревельяна педантом. Широкоплечий и черноволосый, с орлиным носом и глазами цвета морской волны, всегда готовый улыбнуться, одетый по последней моде, он наслаждался всеми радостями жизни, от Баха до кружки пива.

Когда компьютер вызвал Тревельяна для ведения дела Доброй Удачи, тот жил в прекрасной зеленой долине Дордони. Каменный дом его подруги построили в эпоху Средневековья у подножия огромной скалы. Внутренние изменения не коснулись внешнего вида жилища, за долгие годы сросшегося с окружающим пейзажем. Вдоль фасада росли кусты, которые скрывали археологические раскопки охотничьего поселения тех времен, когда ледник покрывал север Европы. Но теперь над головами проносились не дротики, а ракетоплан, следующий из Алжира в Гренландию. А ночью, меж звезд, которых уже достигли люди, проплывали искорки звездолетов, выскальзывающих из тени Земли. На всей планете осталось немного мест, где так остро ощущалась неразрывность времени.

— Разве тебе уже пора? — в голосе Брейганзы Дайен слышалась грусть: она любила Тревельяна, а расставаться им приходилось очень и очень часто.

— К сожалению, я должен идти, — ответил он. — Компьютер не стал бы беспокоить меня ради забавы. Всем известно, какая это здравомыслящая машина.

Увидев, что она не реагирует на его улыбку, Тревельян пояснил:

— Компьютер пришел к выводу, что я — единственный свободный сотрудник Службы, имевший дело с неким индивидуумом. Это скользкий тип с острыми зубами, и мой опыт может сыграть решающую роль.

— Будем надеяться, — она подавила слезы и подставила губы для прощального поцелуя, — что ты

сможешь добавить... остаток этого отпуска... к следующему и проведешь его со мной. Хорошо?

— С удовольствием, — Тревельян старался никогда не давать обещаний. Он поцеловал Брейганзу и, вдыхая аромат летнего сена, вместе с ней вернулся в дом.

После того как Тревельян попрощался по телефону с соседями, милыми, добродушными крестьянами, чьи предки жили в этих краях с незапамятных времен, Брейганза отвезла его в Бордо. Оттуда ракетоплан доставил Тревельяна в космопорт Невада. Благодаря точному расчету компьютера он мог сразу приступить к работе, а если повезет, даже встретиться в непринужденной обстановке с Хуаном Мердоком.

Так оно и вышло. Солнце катилось к горизонту, окрашивая в пурпур далекие горы. Но город властно отсек Тревельяна от красот природы. Гигантские кубики зданий громоздились над забитыми транспортом улицами. Сквозь гул двигателей прорывались пронзительные крики торговцев. В неистовом сверкании реклам исчезло звездное небо. Люди и инопланетяне толкались, бранились, мошенничали, дрались, воровали, проповедовали, богатели, разорялись, появлялись и исчезали; за этим шумным фасадом скрывалась бьющая через край энергия, которую торговые корабли доставляли с далеких звезд. Тревельян позволил себе лишь короткое «фу», когда его захлестнула лавина невероятных запахов.

Точно такие же города встречались ему на доброй сотне планет. Ему не составило труда навести справки у случайного соседа по стойке бара. В конце концов он нашел человека из команды Мердока и узнал, где проводит вечер сам босс. На этот раз Тревельян попал не в дешевый притон, где глаза слезились от дыма, а в тихий и роскошный Альтаир Хауз.

Старший официант, инопланетянин, не хотел пропускать Тревельяна. Капитан Мердок просил не беспокоить. У него важная встреча. Капитан Мердок имеет право... Тревельян предъявил удостоверение. Оно не давало ему никаких привилегий, но не так

давно Служба предотвратила войну на родной планете старшего официанта.

Поднявшись наверх, Тревельян попросил провести его в апартаменты Мердока. Ему сказали, что гость капитана ушел в отличном расположении духа, а Мердок и его дама заказали шампанское.

— Входите, входите! — прогремел знакомый голос.

Дверь скользнула в стену, и Тревельян переступил порог.

— А я думал, это... Клянусь Солнцем! Опять ты! — Мердок поднялся. Постоял среди портьер и картин, сверкающей посуды, тихой музыки, благовоний. Затем кошачьей походкой обогнул стол и вплотную подошел к Тревельяну.

Высокий, широкий в плечах блондин с длинными пшеничными усами на грубом, изборожденном морщинами лице, он был щегольски одет, хотя столь яркие цвета на Земле уже успели выйти из моды.

Женщина, стройная белокожая красавица с безупречными чертами лица, над которым горела шапка огненно-рыжих волос, осталась сидеть. Тревельян сразу понял, перед ним не случайная подруга капитана. В ее взгляде он прочел откровенную враждебность.

Тревельян поклонился.

— Прошу извинить, что помешал.

Мердок расхохотался.

— Конечно, конечно, Майк. Ты прощен. Если только не собираешься оставаться надолго, — он похлопал Тревельяна по плечу. — Как поживаешь? Сколько мы не виделись?

— Лет пять или шесть, — Тревельян выдавил из себя улыбку. — Простите, что побеспокоил, но, как я понял, вы улетаете послезавтра и в последние двадцать четыре часа у вас будет масса дел.

— Ты прав, приятель, — ответил Мердок. — Это наш прощальный вечер. Однако начался он с деловой встречи: нам надо было решить финансовые вопросы, так что мы можем отложить его еще на несколько минут.

Голос его звучал доброжелательно, но взгляд оставался холодным.

— Перейдем к делу, а? Ты же пришел сюда не для того, чтобы пожелать счастливого пути старому другу?

— Не только для этого, — признался Тревельян.

Мердок взял его под руку и подвел к столу.

— Садись, пожалуйста, и выпей с нами. Фаустина, познакомься с Майком Тревельяном из Координационной Службы Звездного Союза.

— Хуан говорил мне о вас, — сухо ответила женщина.

Тревельян сел и постарался расслабить мышцы, чтобы не отвлекать мозг от предстоящей дуэли.

— Надеюсь, нелестными отзывами он не оскорбил слуха дамы.

— Я с Нового Марса, — фыркнула Фаустина. — Там не привыкли говорить с мужчинами и женщинами на разных языках.

«Мог бы и сам догадаться» — подумал Тревельян. Многие заблуждаются, полагая, что в Галактике осталось не так и мало планет, на которых может жить человек. На самом же деле заселялись уже наименее пригодные для жизни. Он мог себе представить ужасающую нищету Нового Марса и Хуана Мердока — могучего сказочного рыцаря, явившегося, чтобы вызволить ее оттуда, посадить на белого коня и отвезти в замок, который он обещал покорить для нее.

— Так уж получилось, что мои представления о долге вошли в противоречие с мнением капитана Мердока о его правах, — сказал Тревельян.

— Я зарабатывал кучу денег на экспорте леса и мехов с Ванахейма, — отрезал Мердок.

— Нарушая при этом экологическое равновесие целого континента, — добавил Тревельян.

— Вы не имели права вмешиваться и заставлять их изменить закон, — не слишком уверенно заявил Мердок. Он сполоснул бокал водой из кувшина и наполнил его шампанским. — Надеюсь, тебя не оскорбит, что из этого бокала пил банкир?

— Переживу, — Тревельян взял бокал.

— Он честно выполнил обязанности наемного солдата... — начала Фаустина.

— Используя современное оружие против примитивнейшей цивилизации, которая не представляла никакой угрозы, — докончил Тревельян. — Подобная практика запрещена. Наряду с уничтожением коренных жителей и первых колонистов.

— Разве ваш драгоценный союз претендует на универсальность своих законов в Космосе?

— Фаустина, остынь, — одернул ее Мердок.

— Союз — не государство, — Тревельян не сводил глаз с женщины, — хотя многие обитаемые планеты поддерживают его. Галактика слишком велика, чтобы управлять ею из одного центра. Но мы считаем себя вправе предупреждать нежелательное развитие событий. В том числе удерживать наших сограждан от дурных поступков.

— Корди никогда не сажали меня за решетку, — ухмыльнулся Мердок. — Они лишь пресекали мою деятельность. Я успевал улизнуть и не оставлял улик. Так что я не держу на вас зла, — он поднял бокал. — Честно говоря, я благодарен тебе, приятель. Ты показал, что я шел неверным путем. Теперь я нашел способ не только разбогатеть, но и стать при этом столь уважаемым человеком, что никто не посмеет, не спросясь, рыгнуть в моем присутствии.

Фаустина закурила, выпустив к потолку длинную струю дыма.

— Меня попросили проверить истинность вашего утверждения, — заметил Тревельян.

— Пожалуйста, у меня все честь честью. Да вам уже все известно. Я раздобыл звездолет — не спрашивайте как — и отправился к созвездию Эридана. Нашел планету, необитаемую, но пригодную для колонизации, и представил документы, удостоверяющие мое право первооткрывателя. Инспектор Службы в своем отчете подтвердил, что освоение Доброй Удачи, так я назвал планету, не противоречит закону. И вот я на Земле, собираю команду и необходимое оборудование для подготовительных работ, чтобы обеспечить безопасность поселенцев. Вы помните, — продолжал он назидательным тоном, — проверить наличие опасных организмов и веществ, определить климатические условия, сейсмические характеристики и так

далее. По завершении подготовительных работ я начну рекламировать мою планету и организую доставку колонистов. На время действия моего патента мне принадлежит право устанавливать правила въезда на Добрую Удачу. Большинство первооткрывателей взимает с колонистов взнос за доставку. Но я намерен обеспечить им не только межзвездный перелет, но и заранее построенное жилье, дороги, подготовленные поля, чтобы они сразу могли начать трудиться. Поэтому мне потребовалась финансовая поддержка.

— Ваша идея не нова, — предупредил Тревельян. — До сих пор она не приносила дохода. Стоимость поселения столь велика, что среднему иммигранту первый взнос не по карману. Поэтому он остается дома, а горе-первооткрыватель прогорает. В конце концов он радуется, если ему удается продать построенное за тысячную долю вложенных средств.

— На этот раз все будет иначе, — возразил Мердок. — Я возьму с них минимум, примерно половину суммы, необходимой для покупки земли и обустройства. Они полетят.

Мердок допил содержимое бокала и вновь наполнил его.

— Но чем вызван интерес корди? Я же не рассказал тебе ничего нового, вся информация имеется в ваших компьютерах. Раз уж вы решили сунуть нос в мои дела, почему не обратиться ко мне раньше, до завершения подготовки экспедиции?

— Раньше мы не смогли, — с горечью признал Тревельян. — Анализ некоторых фактов закончен лишь вчера. Мы стараемся обеспечить сносные условия жизни по всей Галактике, но на все нас не хватает. Слишком разнооб...

— Вот и хорошо! — фыркнула Фаустина.

Тревельян бросил на нее мрачный взгляд:

— Будьте осторожны, или в один прекрасный день вы станете жертвой этого разнообразия.

Мердок нахмурился:

— На сегодня достаточно. Мы обговорили все, что могли. Это мой вечер с моей женщиной, а ты, судя по всему, что-то вынюхиваешь. Но перед законом я чист, не так ли? Очень хорошо, выметайся отсюда.

Тревельян напрягся.

— Или доброй ночи, если тебе так больше нравится, — улыбнулся Мердок, решив, что грубостью делу не поможешь.

Тревельян встал, поклонился, вежливо попрощался и вышел. В поведении своего противника он отметил не столько злорадство, сколько желание отомстить за прошлые неудачи.

«Придется принять решительные меры», — подумал Тревельян.

С земной орбиты и из Солнечной системы «Кампесино» выбирался на гравитационных двигателях, а затем нырнул в гиперпространство. Это был мощный звездолет, оснащенный посадочными ботами и всем необходимым для освоения необитаемых планет. Экипаж состоял из Мердока, Фаустины, полдюжины космонавтов и нескольких технарей.

Им вслед вылетел и «Джинджи» — компактный, но быстроходный корабль. Его команда состояла лишь из Тревельяна и гуманоида с непроизносимым именем, значение которого отдаленно соответствовало земному Дымокур. Преследование звездолета в космосе скорее искусство, чем наука, а по существу — чистая магия. В обычном пространстве поиск «Кампесино» не занимал много времени. Тут Тревельяну помогали как телескоп, так и датчики теплового излучения, электромагнитных волн, потока нейтрино, истекающего из гравитационных двигателей. Но в гиперпространстве лишь слабый факел тахионов выдавал местоположение корабля. Да и Мердок наверняка не забыл включить детекторы звездолета.

Благодаря мастерству и удаче пилота «Джинджи» мог оставаться на пределе чувствительности, не выдавая своего присутствия. Но только в том случае, когда его скорость была больше, а масса значительно меньше, чем у преследуемого звездолета. Поэтому все вооружение «Джинджи» состояло из одного лазера, двух крупнокалиберных электродинамических ускорителей массы и полудюжины метровых управляемых ракет с ядерными боеголовками. И Тревельян нисколько не сомневался, что люди Мердока вооружены куда как основательнее.

Долгие часы провел Тревельян у обзорного экрана, не отрывая взгляда от звездных блесток, рассыпанных по черному бархату, всем телом ощущая мерное гудение двигателей.

— Думаю, что мы его накрыли, — Тревельян указал на приборы. Его охватило ликование охотника, выследившего добычу. — Куда они летят, еще не ясно, но только не к созвездию Эридана.

— Возможно, им уже известно о нашем присутствии, поэтому они могут отклониться от курса и напасть на нас, — бесстрастным механическим голосом ответил Дымокур.

— Мы идем на риск, — согласился Тревельян, — но на Мердока это не похоже. Он ведет жестокую борьбу, но я не слышал, чтобы он решался на заведомое убийство.

— Наша информация о событиях его жизни отрывочна, и мы не знаем, чего от него можно ждать. Более того, проведенный компьютером анализ показывает, что он собрал весьма разношерстную компанию.

— М-м-м, да, сплошь отчаянный народ, ни одного уроженца Земли, несколько представителей гуманоидных цивилизаций, славящихся своей воинственностью. Это, собственно, и встревожило нас.

— Что еще? Мы вылетели столь поспешно, что я не успел изучить материалы дела. В частности, мне незнакомы биологические и социальные особенности человеческого общества.

Тревельян взглянул на своего спутника. Директор Службы постарался найти лучшего из агентов, но Австралийский центр никогда не мог похвастать избытком инопланетян. Homo sapiens отличались взрывным характером, и долгое пребывание двух людей в замкнутом пространстве маленького звездолета могло привести к тому, что в какой-то момент они вцепятся друг другу в глотку. Но даже когда агенты обнаруживали склонность к совместимости, Служба предпочитала комплектовать экипажи из представителей разных цивилизаций. При физической совместимости различия в психологии и способностях часто позволяли создавать команды, отдача которых превосходила возможности каждого из агентов, действуй те в одиночку.

К сожалению, Тревельян никогда не встречался с обитателями планеты Ридон. Он слышал о них, но космос полон жизнью, и трудно даже запомнить названия всех населенных планет, не то что повидаться с их обитателями.

Бочкообразное, на четырех коротких ногах, тело Дымокура поднималось над полом примерно на сто сорок сантиметров. Сверху извивалась четверка щупальцев, каждое из них оканчивалось тремя бескостными пальцами, обладавшими мертвой хваткой. Голова более всего напоминала венчик мясистых голубых лепестков, поверхность которых выполняла функции органов чувств. И все же по-своему Дымокур был красив. Тревельян с удовольствием наблюдал перламутровые переливы его складчатого торса.

— Подозрительно уже само участие Мердока. Вероятно, он решил готовиться к полету на Земле, а не на какой-нибудь колонизованной планете, где его не знали, чтобы не привлекать внимания.

— С другой стороны, — возразил Дымокур, — коммерческие экспедиции крайне редко формируются на Земле.

— Но средний землянин в отличие от среднего колониста совершенно не интересуется этими делами. Большая часть населения Земли не жалует космопорты и старается их избегать. Поэтому именно здесь Мердок мог без лишнего шума получить необходимую финансовую поддержку. Не надо забывать, что Земля по-прежнему является главным банкиром человечества на всех планетах. И наконец, хотя донесения и отчеты сотрудников Службы поступают в компьютерный центр со всей Галактики, поток информации столь велик, что Мердок мог провернуть эту авантюру и скрыться до того, как машина заметила бы его.

— Что же обеспокоило Службу? Состав команды Мердока?

— Не только. Надо сказать, никого не удивила экономическая сторона проекта. Без сомнения, его готовый город был бы не чем иным, как скопищем лачуг, но при этом он не нарушал закона. А покупать бы его дома никто не стал, кроме нескольких простаков, первыми попавшихся на крючок.

— Но Службу насторожило приобретенное Мердоком снаряжение, — продолжал Тревельян. — Весьма подробный отчет по Доброй Удаче позволял с достаточной уверенностью предсказать, какое оборудование потребуется для ее освоения. Планета меньше Земли, климат холоднее, суше, слой атмосферы тоньше. Добрая Удача имеет магнитное поле и обращается вокруг менее горячей звезды. Следовательно, должна обладать меньшим радиационным фоном.

— Снаряжение зависело от того, кто заселит Добрую Удачу, — заметил Дымокур.

— Конечно. Мердок решил, что это будут люди. Разумеется, не земляне. Но жители других, освоенных человеком миров. За редким исключением, мы не сможем узнать, кто и когда отправится на Добрую Удачу. Для этого нас слишком мало, да и у нас полно других забот. А местным властям все равно. Они рады-радешеньки избавиться от лишних ртов. Кроме того, большинство колонистов — анархисты по натуре. Они не терпят вмешательства государственных органов в свои дела. И вот какие у нас возникли вопросы. Почему он не берет оборудования для поиска воды, бурения скважин, взрывчатых веществ для создания озер? Зачем ему датчики радиации и защитные скафандры? Закупленная им биологическая лаборатория не могла потребоваться на Доброй Удаче. Она предназначалась для изучения иных форм жизни. Я мог бы продолжить, но основная идея вам уже понятна.

— А теперь он изменил курс, — Дымокур оглядел приборную панель. — Повернул к созвездию Скорпиона.

— Да? Вы рассчитали курс без компьютера?.. Беда в том, что нет закона, предписывающего ему сразу лететь к месту назначения или сообщить нам, почему он выбрал кружной путь, — Тревельян улыбнулся уголками губ. — В то же время закон не запрещает нам преследовать его.

В пятистах двадцати восьми световых годах от Солнца чернота космоса озарилась яростной вспышкой.

Тревельян размышлял над философскими проблемами, слушал музыку, делал зарядку, коротая дни,

сливающиеся в недели. Дымокур был хорошим попутчиком, но никудышным собеседником. На вопрос, чем он занимается, Дымокур, непрерывно шевеля переплетающимися щупальцами, ответил:

— Я создаю свою очередную жизнь. В вашем языке нет соответствующего понятия.

Сияние еще недавно блеклой голубой звезды насторожило Тревельяна. Вцепившись в ручки кресла, он вглядывался в обзорный экран. По мере того как «Джинджи» миновал фронт ударной волны, яркость звезды все нарастала. Сияние заполнило весь экран, прежде чем Тревельян воскликнул:

— Сверхновая!

Сверхновая пламенела в ночи, светясь в пятьдесят раз ярче, чем Луна в полнолуние, в десять миллионов раз сильнее, чем ближайшая звезда. Хотя фильтры приглушали слепящую белизну, Тревельяну пришлось отвести взгляд, потому что у него перед глазами запрыгали огненные зайчики.

По полу зацокали когти вошедшего ридонита. Тревельян уловил внезапное дуновение воздуха и понял, что Дымокур поражен увиденным так же, как и он сам. Возможно, последующей фразой ридонит попытался скрыть изумление:

— Да, сверхновая второго типа, если увиденное мною соответствует теории. Как показывает статистика, подобные вспышки происходят в среднем раз в пятьдесят лет. Проводилось изучение остатков некоторых из них, но ни одна вспышка не наблюдалась со столь близкого расстояния.

— Мы уже прошли фронт ударной волны, — прошептал Тревельян. Его трясло. — Мердок летит к сверхновой?

— Вероятно. Курс его звездолета не изменился.

— Это не совпадение. Должно быть, он забрался далеко, чтобы найти удачу, которую корди не смогут вырвать из его зубов. Давайте посмотрим, что показывают приборы.

Каждый корабль Службы оснащался астрофизической лабораторией, и компьютер не замедлил с ответом. Звезда находилась в ста пятидесяти парсеках, то есть умерла почти пять столетий назад. Это

был голубой гигант с массой, раз в десять превосходящей Солнце, излучавший почти в пятьдесят тысяч раз больше света. Но скопления в созвездии Скорпиона скрывали ее от земных астрономов прошлого, а их нынешние коллеги еще не успели добраться до этих мест.

Столь неистовое сияние не могло продолжаться миллионы лет. Неустойчивое состояние звезды привело к формированию мощной ударной волны, двинувшейся через оболочку звезды к ее поверхности. Наблюдаемая ими вспышка сверхновой представляла собой разлет звезды. При этом выделялась энергия, равная суммарному излучению всей Галактики.

Вполне естественно, что вспышка могла длиться лишь несколько дней. И пока «Джинджи» пожирал световые годы, Тревельян любовался угасанием огненного великолепия. Постепенно обзорный экран заволокла дымка. Из оторвавшейся оболочки звезды образовывалась туманность, насыщенная ядрами тяжелых элементов, которым в будущем предстояло сыграть решающую роль в формировании новых звезд и планет. Приборы обнаружили и ядро звезды, раскаленное добела, излучающее в рентгеновском диапазоне смерть для всего живого. Но оно быстро сжималось под действием собственной чудовищной гравитации до размеров белого карлика, Юпитера, Земли. Плотность ядра все нарастала, и близился момент, когда ничто, даже свет, не смог бы выбраться из ее объятий. И тогда бывшая сверхновая исчезла бы из пространства.

— Он не сообщил о вспышке! — сердито воскликнул Тревельян. — Мы потеряли информацию о приближающейся ударной волне.

— Давайте немедленно вернемся, — предложил ридонит.

— Ну... нет, полагаю, что нет. Если мы упустим Мердока, кто знает, каким злодеянием закончится его экспедиция. Будут и другие сверхновые.

— Его цель нам уже достаточно ясна.

— Что? — Тревельян чуть не выронил трубку.

— Взгляните на фотоувеличительный дисплей и вот сюда, — щупальца скользнула по приборной па-

нели. — Я говорю о звезде класса G3, находящейся на расстоянии в сто световых лет от сверхновой. Расчеты показывают, что в момент вспышки она была еще ближе. Курс наблюдаемого нами объекта и траектория движения звезды пересекаются. Вполне возможно, что полет закончится в точке пересечения.

— Но... Нет! — запротестовал Тревельян. — Что ему там нужно?

— Доза радиации, полученная каждой планетой меньшей звезды за период вспышки сверхновой, составляла тысячи рентген. Атмосфера и магнитное поле могли обеспечить частичную защиту, но неизбежность биологической катастрофы очевидна. Низшие формы могли выжить, в частности растения и обитатели моря. Затем возникла бы новая экологическая структура, без сомнения нестабильная, имеющая высокую степень мутаций, но стремящаяся к равновесию. Возможно, что в настоящее время наличие радионуклидов на поверхности планет потребует применения специальных мер предосторожности. Но в целом, если вокруг меньшей звезды вращается гипотетическая планета, пригодная для использования человечеством и моим народом, она будет весьма схожа с Землей и Ридоном. Могу добавить, что подобные катаклизмы многократно вызывали уничтожение высших форм жизни, в том числе, насколько мне известно, и на вашей родной планете.

Бесстрастный голос ридонита едва доносился до Тревельяна. Его охватил ужас.

Желтая точка превратилась в диск, чересчур яркий для невооруженного глаза. Туманность, образовавшаяся при вспышке сверхновой, находилась от них в тридцати парсеках, став лишь маленьким пятнышком среди окружающих созвездий. На черном бархате космоса вновь засиял Млечный Путь. И требовалось богатое воображение, чтобы представить, как бушевали небеса четыре столетия назад. Не было ничего необычного ни в параметрах межпланетного пространства, фиксируемых приборами, ни в наличии семи планет, вращающихся вокруг желтой звезды.

Но Тревельян знал, что первое впечатление обманчиво. Каждая планета всегда по-своему уникальна, а третья из семи, привлекшая его внимание, напоминала Землю.

Он ограничился лишь визуальными средствами наблюдения. Детекторы «Кампесино» могли обнаружить лазерные лучи и автоматы. Мердок вывел свой звездолет из гиперпространства в нескольких миллионах километров от планеты. Его преследователи повторили тот же маневр. А затем, чтобы не обнаружить себя потоком нейтрино, выключили двигатели, перейдя на питание от аккумуляторов.

— Наблюдаемый объект приблизился к атмосфере планеты земного типа, — объявил Дымокур.

— Меня это не удивляет, — Тревельян оторвался от компьютера. — Ее можно считать второй Землей. Состав атмосферы, радиационный фон, диаметр, масса практически одинаковы. Вокруг планеты на близком расстоянии обращаются две луны, поэтому рисунок приливов довольно сложный, но океанам не грозит загнивание. Один оборот — за двадцать восемь часов, наклон оси к плоскости орбиты — двенадцать градусов. Средняя температура — чуть выше земной, полярных шапок нет, поверхность суши несколько меньше, климат мягкий. Короче, если не считать зон повышенной остаточной радиации, идеальное местечко.

— Возможны экологические осложнения, — заметил ридонит.

Тревельян вздрогнул.

— Черт, могли бы не напоминать об этом, — нахмурившись, он откинулся в кресле. — Что делать с Мердоком, вот в чем вопрос? Пока закон не нарушен, если не считать того, что Мердок не зарегистрировал найденную планету. Но мы, вероятно, не сможем доказать, что он бывал здесь раньше, а не появился случайно, изменив курс звездолета. Кроме того, подобное правонарушение весьма тривиально.

— Разве нет способов заставить человека говорить правду?

— Разумеется, есть. Электронное зондирование мозга. Но для этого требуется согласие индивидуума. Поэтому способ применяется лишь для подтвержде-

ния честности свидетелей обвинения. Получается, что он ни в чем не виновен.

— Давайте доложим Службе. Сюда пошлют специальную экспедицию.

— Служба слишком далеко. А что он успеет здесь натворить? Разумеется... гм... если Мердок не подозревает о нашем присутствии, он может действовать не спеша, тем самым предоставив нам...

— Наблюдаемый объект выключил двигатели.

— Что? — Тревельян выпрыгнул из кресла.

Поток нейтрино в космосе довольно велик, но компьютер «Джинджи» позволял выделить из общего фона долю частиц, истекающих из двигателя. Теперь приборы показывали, что эта доля равнялась нулю.

— Он садится на аккумуляторах, планирует в атмосфере! — воскликнул Тревельян. — К тому времени, когда мы войдем в пределы чувствительности других средств поиска, он может оказаться где угодно.

Тон Дымокура не изменился, но рубку заполнил едкий запах, а лепестки под бочкообразным туловищем зашевелились.

— Вероятно, он уверен, что на поверхности планеты мы его не найдем. Мы не обнаружили источника атомной энергии, а значит, засечь его невозможно. Получается, он стремится сбить со следа именно нас.

— Да, — Тревельян прошелся по крохотной рубке. — Мы предполагали, что он заметит нас, тем более что мое появление в космопорте не могло не насторожить его. Но почему он так недвусмысленно сообщает нам об этом?

— У моего народа послание прежде всего говорит о характере отправителя.

— Совершенно согласен с вами, — Тревельян продолжал кружить по рубке. — Но чего добивается от нас Мердок? Выбор наш невелик. Мы можем сразу вернуться или сначала приземлиться и осмотреть планету.

— Второй вариант ненамного увеличит временной интервал до нашего возвращения.

— В этом-то вся загвоздка, мой друг! Ближайшая база Службы, где мы могли бы подготовить поисковую экспедицию, расположена, если я не ошибаюсь,

на Лире, а они, скорее всего, полностью поглощены делом Королевы Штормов. Колонизованные же планеты находятся гораздо ближе. И на них полно людей, которые с радостью кинутся сюда в надежде разбогатеть. Тем более что при этом у них появится шанс насолить корди.

— К тому же, — добавил Дымокур, — у нас нет достаточных аргументов, чтобы обосновать необходимость экспедиции. Сверхновая — да. Это научная сенсация. Но мы предлагаем лететь к вроде бы необитаемой планете. С какой стати командир базы, которому неизвестно прошлое Мердока, особенно если командир базы не человек, согласится с тем, что Мердок намерен нарушить закон? Он может не уловить взаимосвязи прошлых деяний Мердока с происходящим. Скорее он решит, что Мердок вот-вот попросит послать инспекционный патруль, чтобы затем подать документы для оформления права первооткрывателя.

Тревельян кивнул. Нас очень мало, нас, хранителей Великого Договора. И сколь часто нам приходится не обращать внимания на улики, возможно указывающие на злой умысел, лишь потому, что мы идем по верному следу другого чудовища. Или мы узнаем о дурном деле, которое следовало пресечь в самом зародыше, но по прошествии времени наше вмешательство может лишь усугубить беду. Мы всегда помним о планете Норт, где высадились и начали успешно строить новую жизнь колонисты с Земли. А потом на Норте обнаружили разумных существ. Нам повезло, что в том случае, пусть и ценой неимоверных усилий, удалось найти взаимоприемлемое решение.

— Хочет ли Мердок, чтобы мы вернулись и подняли тревогу, не имея доказательств для немедленного принятия ответных мер? — осведомился Дымокур и сам же ответил: — Это правдоподобно. Надо учитывать, что до прилета на Землю он побывал в Федерации Миров Скорпиона и знает, как обстоят дела там. Он наверняка уверен в том, что мы не получим помощи на Лире.

— Мы можем... Мы даже можем реквизировать гражданские звездолеты с экипажем... если на этой

планете окажутся разумные обитатели. На основании закона о недопустимости территориальных захватов. Или Мердок может просто ограбить их.

— Маловероятно, что там кто-нибудь выжил.

— Согласен. Но если они мертвы...

Тревельян не договорил. Он смотрел на обзорный экран. Планета светилась ласковой голубизной. Она росла с каждой минутой. «Кампесино» мог легко затеряться в ее необъятных просторах. Его команда готовилась к приему незваных гостей. У Мердока было больше людей, лучшее вооружение. Но Тревельяну не хотелось верить, что тот замыслил убийство. С другой стороны, от Фаустины можно было ожидать чего угодно, и на звездолете она была единственной женщиной...

Решение созрело.

— Будем садиться, — сказал Тревельян.

Они приближались осторожно, не упуская из виду ни одной мелочи, готовые к любой неожиданности. Облетая планету по низкой орбите, они убедились, что их догадка верна.

Это был обитаемый мир. Но все жители его погибли. Свидетельств того, что кто-то пережил катастрофу, они не обнаружили. Цивилизация могла рухнуть под напором массовой смерти, паники, анархии, голода. Но тогда одичавшие потомки горожан могли бы селиться в деревнях. Детекторы «Джинджи» зарегистрировали бы тепло, поднимающееся от их костров. Кроме того, могло начаться возрождение цивилизации. Космическая радиация не причинила вреда домам, инструментам, машинам, книгам. Она уничтожила лишь живое.

На обзорном экране в просвете между облаками проступили высокие здания, построенные на берегу озера.

— Густонаселенная зона, — заметил Тревельян. — Значит, у них были развитые сельское хозяйство и транспортная сеть — по крайней мере в наиболее развитых регионах. Я вижу железнодорожные пути и остатки автострад. Полагаю, начальная стадия технического развития, двигатели внутреннего сгорания, возможно, ограниченное использование

электричества... В отличие от большинства цивилизаций, достигших аналогичного уровня техники, они сохранили в себе чувство прекрасного, — Тревельян старался отогнать эти мысли. Лишь оставаясь бесстрастным, он мог сдержать слезы.

— Только ли радиация вызвала их гибель? — спросил Дымокур. Он-то без труда сохранял невозмутимость. — Они могли найти укрытие.

— Возможно, они ничего не знали о радиоактивности. Или выживших осталось слишком мало, их разбросало по планете, а мутации довершили дело. Так или иначе, они погибли... Стойте!

Пальцы Тревельяна заплясали по пульту управления. «Джинджи» дернулся, подался назад, замер.

Наличие атмосферы затрудняло визуальные наблюдения, но лазеры, радары и компьютерная обработка информации позволяли получить полную картину. Город находился на острове, посреди широкой реки, и, связанный с материком лишь несколькими мостами, не утонул в океане растительности. Те же деревья и кустарники, что успели-таки вырасти на улицах, были в основном срублены, и срублены недавно. Работы выполняли машины, две из которых раскорячились на центральной площади. По внешнему виду Тревельян безошибочно определил, что их изготовили на Земле. С десяток готовых рухнуть зданий взорвали, обломки сгребли в большие кучи. Сильный электрический фон указывал на то, что в городе монтировали мощную энергетическую установку.

— Мердок! — словно ругательство, выкрикнул Тревельян.

— Вы можете определить местонахождение его корабля? — спросил ридонит.

— Нет. Заметив наше приближение, он, должно быть, как следует замаскировал его. Возможно, Мердок надеется, что мы не обнаружим следов его деятельности, или еще раз решил посмеяться над нами. Как я погляжу, после приземления он не терял даром ни минуты. А место для посадки он нашел, когда прилетал сюда в первый раз.

«Джинджи» вновь поплыл над планетой. Ридонит молчал. Облака, моря, закаты, рассветы занимали половину обзорного экрана, на другой сияли звезды.

— Жителей не осталось, — промолвил наконец Дымокур. — Реликты их цивилизации имеют ограниченный научный интерес. Достаточно ли у нас оснований срочно направить сюда вооруженный звездолет, которого наверняка с нетерпением ждут где-то еще, с тем чтобы остановить Мердока?

— Допустим, достаточно... я так же, как и вы, еще не уверен в этом, но, допустим, достаточно... Смогут ли они остановить его? — Тревельян склонился над пультом управления. Загудели двигатели. — Приготовьтесь к посадке, — предупредил он.

Тревельян выбрал город, где только занималась заря, чтобы максимально использовать световой день. От набережной в изумрудно-бирюзовую бухту выдавалась длинная дамба, построенная, судя по показаниям сонара, из напряженного бетона, такая же прочная, как и четыреста лет назад. Он приземлился на дамбе и, выйдя из корабля, направился к берегу. Гравитележка доставила бы его гораздо быстрее, но ему хотелось вжиться в роль тех, кто ходил здесь до него. «Джинджи», готовый к немедленному взлету, остался позади, возвышаясь, словно медный обелиск.

Безопасность окружающей среды не волновала его. Мердок наверняка провел все анализы. Оставалось лишь уточнить некоторые детали. К примеру, какие из привезенных злаков будут расти здесь лучше всего.

«Наверно, любые», — решил Тревельян. Планета щедра и плодородна. Без сомнения, до катастрофы она была еще прекраснее, но и теперь радовала глаз. А природа быстро залечивала нанесенные ей раны.

Бухта блестела и плескалась меж золотисто-зеленых холмов.

За бухтой открывался океан. Спускаясь вниз, Тревельян заметил обширные мелководья, густо заселенные растениями и морской живностью. Но воздух не рассекали крылья птиц. Большинство, если не все, позвоночные животные погибли. Зато низшие формы пережили катастрофу. Насекомые или им подобные

парили на тончайших радужных мембранах. Серебристые рыбы выпрыгивали из воды. Ветер нес запах соли, йода, жизни.

Над головой проплывали редкие облака, голубоватые в пронзительной синеве неба. Где-то далеко, невидимая днем, находилась сверхновая. «Роковая звезда», — подумал Тревельян содрогнувшись. Как мало знали астрономы древности о бедах, которые несет названное ими явление!

Но Тревельян опустился на планету в солнечный, мирный, прохладный день. Вздохнув, он двинулся к берегу, оглядываясь по сторонам. Суда затонули или уплыли, сорвавшись с прогнивших канатов. Сквозь прозрачную воду виднелись те, что лежали на небольшой глубине. Благородные обводы парусников не удивляли его, обитатели планеты не могли сделать их иными. Носовую часть кораблей украшали бронзовые фигуры, в позеленевших изъеденных коррозией остатках которых угадывались цветы, крылья, языки пламени, свободные и парящие формы. Большое судно выкинуло на берег. У него был железный корпус и, судя по трубе, паровой двигатель. Но строители позаботились о том, чтобы на волнах оно напоминало танцовщицу.

Тревельян приблизился к пристани. Деревянные складские помещения разрушились, кое-где заросли лианами. Но он мог себе представить, как некогда вздымались к небу их куполообразные крыши. Стрелу проржавевшего механизма, по всей видимости — подъемного крана, украшала голова смешного зверька.

Их искусство не смотрелось бы на фотографиях. Свобода линий и легкость форм — вот что вызывало учащенное биение сердца. Никогда раньше не видел Тревельян ничего подобного. И двуногие обитатели планеты с тонкими изящными шестипалыми руками, длинными шеями и большеклювыми головами казались ему живыми. Он чуть ли не слышал, как шуршат на ветру их каменные плащи.

По пути в город он находил их кости.

Пожиратели падали почти не потревожили тел. Пыль, принесенная ветром, осела на мостовой, стала почвой. В нее упали семена, выбросили хрупкие кор-

ни, в конце концов сокрушившие бетон и кирпич. Кусты и лианы устлали мостовую и полезли вверх по стенам. Но растительность наступала медленно. Спешить ей было некуда. Она заняла прибрежные кварталы города и продвигалась дальше, выбросив вперед, как с грустной улыбкой подумал Тревельян, своих разведчиков и саперов.

Вдоль улиц выстроились гранитные, мраморные и каменные здания, исхлестанные дождями, выжженные солнцем, иссеченные ветром. Лишь редкие побеги затеняли их силуэты. Как и горельеф на стенах, здания взмывали ввысь, буквально рвались к небесам. Украшенные колоннами, балюстрадами, широкими окнами, некоторые из них еще сохранили окраску, смягчавшую строгость линий.

Тревельяна озадачило отсутствие парков и садов. Судя по всему, обитатели планеты любили и берегли природу. В отделке зданий преобладал растительный орнамент. Но в то же время обитатели этих жилищ не были людьми, и требовалось немало времени, чтобы постичь их психологию. Возможно, они наслаждались контрастом произведений искусства и открытых пространств. В таком городе жизнь была в радость. Даже в ущерб экономике местные жители стремились уберечь воздух и воду от шума, грязи, ядовитых выбросов. Им, конечно, повезло, что дома не требовали обогрева. Насколько уяснил Тревельян, заводы располагались вне городских пределов, соединенные железными дорогами. Достигнутый уровень техники позволял строить автомобили, но их не было. Зато Тревельян обнаружил кости крупных четвероногих животных, использовавшихся в качестве гужевой силы, и остовы транспортных средств с примитивными электрическими двигателями. Хотя четыреста прошедших лет не позволяли судить однозначно, создавалось впечатление, что, несмотря на бурное развитие техники, обитателям планеты удавалось свести к минимуму загрязнение окружающей среды. Они будто предвидели экологические проблемы и заранее предпринимали необходимые меры. Тревельяну очень хотелось бы знать, соответствовали ли действительности его представления.

Но жители планеты не были святыми. Ему встречались статуи и потускневшие фрески, запечатлевшие сражение. Дважды над подписями, которые он не мог прочитать, Тревельян видел статую существа в лохмотьях, срывающего с себя цепи. Это означало, что кто-то заковал его в них. Но чаще он проходил мимо изображений, которые можно было истолковать как любовь, нежность, работу, учение, радость открытия, наслаждение жизнью.

Во дворах он видел высохшие бассейны и фонтаны, в некоторых домах были лифты. Тревельян отметил, что в цилиндрические шахты с широкими спиральными лестницами легко впишутся гравитационные подъемники. Внутри зданий фрески почти не изменились, и от яркости красок у него даже полегчало на душе. Тем не менее, не будучи суеверным, он постучал, прежде чем открыть первую дверь.

Двери сдвигались или складывались, не было ни замков, ни защелок. Жилища опустели четыреста лет назад. Ткани сгнили, металл проржавел, штукатурка осыпалась, на всем лежал толстый, многосантиметровый слой пыли. Но люди могли бы воспользоваться здешней мебелью, так как физически почти не отличались от жителей планеты. Стоило почистить и подремонтировать дома, подвести воду, принести, если надо, керосиновую лампу и походный примус — владельцы квартир, похоже, не готовили пищу дома, — обтянуть кресла, диваны, кровати, положить ковры на искусно выложенные мозаичные полы — и вопрос с жильем был бы решен. А затем смонтированные энергетические установки позволили бы превратить планету в истинный рай.

Но первым делом, несомненно, пришлось бы избавиться от этих картин, газет, загадочных инструментов, уставленных книгами полок. Такое соседство навевало бы слишком грустные мысли.

Обходя квартиру за квартирой, Тревельян изредка натыкался на скелет. Или эти индивидуумы умерли мгновенно, как увиденные им на улице, или хотели уединиться в свой последний час. Один из них лежал на кушетке с книгой. В двух квартирах Тревельян нашел маленькие скелеты, прикрытые большим. По-

нимала ли мать, что смерть идет с неба? Да, она видела ее в вышине, неистовую в раскаленной белизне. Вероятно, она знала, что смерть грозит отовсюду, но ею руководил инстинкт Ниобы.

Когда Тревельян обнаружил склеп, он понял, что еще не раз увидит ту же картину. Ему стало ясно, как ушли из жизни местные жители. Самые слабые умерли сразу, у остальных началась лучевая болезнь. У людей она вызывала тошноту, рвоту, выпадение волос, внутренние кровоизлияния, слабость, лихорадку и беспамятство. Без сомнения, те же симптомы проявлялись и у обитателей планеты.

Снаружи виднелись остатки наскоро сложенных угольных печей. Их трубы подавали окись азота в герметично закрытое помещение. Кости и ржавое оружие, лежащие рядом, говорили о том, что кочегары выполнили свой долг и покончили с собой. Дверь была деревянной, и Тревельяну удалось вышибить ее. За ней громоздились скелеты взрослых и детей, игрушки, чаши, знамена, музыкальные инструменты. «Не знаю, что они делали на этом празднике, — думал Тревельян, — но если бы нам, людям, хватило мужества, мы бы сказали детям, что в этом году карнавал начался раньше».

Он вышел на яркий солнечный свет. Мимо пролетела бабочка, прекраснее тех, что порхали на Земле.

«Бог дал и бог взял, — вспомнилось Тревельяну изречение из древней книги. — Я не стану благословлять имя божье. Но я запомню. О да, я запомню».

Он не успел дойти до центра города, как послышался все нарастающий рев. Подняв голову, Тревельян увидел над крышами сверкающую громадину «Кампесино», планирующего над городом. Пролетев между ним и солнцем, звездолет на мгновение прикрыл Тревельяна своей тенью.

Он укрылся в подъезде. Рука упала на рукоять бластера. Мрачно улыбаясь, Тревельян включил миниатюрный радиопередатчик, лежавший в нагрудном кармане.

— Эй, корди! — раздался голос Мердока. — Отвечайте!

«Джинджи» не откликнулся. Содрогая воздух, «Кампесино» завис на гравитационных двигателях над поверхностью планеты.

— Эй, вы! — ревел Мердок. — Мы засекли ваши тахионы на полпути. Мы нашли место вашей посадки по потоку нейтрино. И не прикидывайтесь, что где-то неподалеку вас ждет подмога. Вы одни, и мы отлично видим вас в прицеле лазера. Но сначала я хочу поговорить с вами.

Ему ответило молчание. Тревельян чувствовал, что покрылся потом. Он не мог предсказать, что предпримет Мердок.

— Думаю, внутри никого нет, — донесся из радиоприемника чей-то приглушенный голос. — Наверно, осматривают город.

— Возможно, — согласился Мердок. — Странно, что они бросили корабль.

— Ловушка?

— Ну... Как знать. На корди это не похоже, но надо держать ухо востро.

Тревельян предпочитал, чтобы «Кампесино» сел где-нибудь подальше и его орудия не угрожали «Джинджи». Поэтому он решил ускорить события — вышел из подъезда, достал бластер и нажал на курок. Над городом прокатилось эхо выстрела. Запахло озоном.

— Смотрите! Внизу! Эй, ты нас слышишь?

Да, он слышал, но не собирался сообщать об этом Мердоку и его компании. Тем самым он получал небольшое преимущество, а в борьбе с металлическим монстром, зависшим над городом, могла сгодиться каждая мелочь. Тревельян направился к центру, к просторной площадке, которую заметил еще при посадке.

А экипаж звездолета, посовещавшись, приступил к действиям. Из открывшегося люка выскользнул двухместный бот. Ракет на нем явно не было. От него, видно, требовалось лишь кружить возле «Джинджи» и поднять тревогу, заметив что-либо подозрительное. На месте Мердока Тревельян поступил бы точно так же. А «Кампесино», взревев, скрылся за высокими

домами. И тут же дрогнула мостовая, донесся тягучий гул: звездолет опустился на поверхность планеты.

Тревельян ускорил шаг. Случайно его нога задела череп. С сухим стуком тот откатился к бордюру. «Извините, — подумал Тревельян. — Вы когда-то ходили по этой улице, любовались залитыми солнцем фасадами, дышали, думали. А вокруг бурлил город, полный друзей, любви, музыки, развлечений... Смеялись ли вы? Возможно, скоро я присоединюсь к вам», — вздохнул Тревельян.

Он вышел на вымощенную плитами прямоугольную площадь. Пробивающаяся трава пыталась растащить плиты, но дожди четырех столетий не смогли смыть желобки, протоптанные многими поколениями. Площадь окружали приземистые здания. В трех из них сохранились остатки многоцветных витражей. Перед одним распростерлось несколько скелетов. Посреди площади возвышался «Кампесино».

Полдюжины людей и выходцев с других планет ждали его с оружием в руках. Похоже, они не собирались шутить. Мердок и Фаустина стояли рядом. Их черные комбинезоны были расшиты серебром.

— Майк! — прогремел Мердок и захохотал, откинув голову. — На другое я и не рассчитывал.

— Кто еще с тобой? — спросила Фаустина.

Тревельян пожал плечами.

— А кто с вами? — ответил он вопросом на вопрос.

— Мы видели твою посудину, — продолжал Мердок. — Мы решили, что ты откажешься подняться к нам, опасаясь угодить под замок, поэтому я вышел тебе навстречу.

Он указал на сверкающий звездолет.

— Все орудия наготове.

Тревельяну удалось улыбнуться.

— Разве вам кто-то угрожает, Хуан? — мягко спросил он.

Мердок мигнул.

— Но... ты же преследовал меня с самой Земли...

— Отнюдь, — возразил Тревельян. — Космос открыт для всех. Координационная Служба проводит расследования там, где это возможно, но ее агентам

запрещено применять силу, за исключением самых крайних случаев. Вам известно об этом не хуже меня.

Люди Мердока переминались с ноги на ногу, тихонько переговариваясь, стреляли глазами по сторонам. Тревельян чувствовал, что им тревожно.

— К примеру, — добавил он, — вы нарушили закон, не сообщив об открытии планеты...

— Мы только что открыли ее! — выкрикнула Фаустина. На ее белокожем лице выступили пятна румянца. Кулаки сжались. Какое-то мгновение Тревельян не сводил с нее взгляда, с состраданием думая: «Она боится, что я отниму ее триумф, ее шанс загрести кучу денег и навсегда вырваться из пут нищеты». И тут же в его голове звякнул колокольчик: «Берегись! У агрессивной человеческой личности страх порождает жестокость».

— Пожалуйста, дайте мне договорить. Ни меня, ни Службу не интересуют столь мелкие правонарушения. Они случаются по сотне раз на год и обычно ничего не значат. Необходимость заставила Службу придерживаться древнего принципа, гласящего, что закон не должен размениваться по пустякам.

Фаустина отступила назад, ноздри ее гневно раздувались, но она явно была сбита с толку. Лицо Мердока даже не дрогнуло.

— Продолжай, — сказал он.

— Вы совершили более серьезное преступление, уничтожив материалы, представляющие научную ценность, — говорил Тревельян дружелюбно, сопровождая свои слова легкой улыбкой. — Я имею в виду тот город на острове. Но планета хранит несметные биологические и археологические сокровища, так что мы готовы закрыть глаза на ваш проступок, классифицировав его как простительный энтузиазм дилетантов. Вы оказали неоценимую услугу цивилизации, открыв для нее эту планету. К вашему сведению, агент Службы моего ранга имеет право даровать амнистию за несущественные правонарушения. Если хотите, я сегодня же оформлю необходимые документы и выпишу представление о награждении вас медалью Полярной Звезды.

Он протянул руку.

— Не волнуйтесь. Давайте выпьем за встречу и вместе полетим обратно.

Мердок не захотел пожать протянутую руку. Он стоял, не сводя глаз с Тревельяна, тишина становилась все более гнетущей.

— Ты это серьезно? — наконец пробормотал он.

Игра в кошки-мышки закончилась. В голосе Тревельяна зазвучали стальные нотки.

— Это честное предложение. У вас еще есть Добрая Удача, так что на жизнь вам хватит. Довольствуйтесь малым.

— Добрая Удача? — воскликнула Фаустина. — Какой же ты идиот! Это и есть Добрая Удача! — Ее рука описала полный круг.

— Я надеялся на обратное, — тихо ответил Тревельян.

— И что, по-твоему, я замыслил? — спросил Мердок.

— Ответ очевиден, — Тревельян пожал плечами. — Вы открыли эту планету и, естественно, задумались, как снять сливки. Вы не могли получить патент первооткрывателя, потому что Союз не разрешил бы колонизации планеты до завершения научных исследований. Учитывая отдаленность от обжитых миров, недостаток персонала и огромный объем работ, эти исследования затянулись бы лет на сто. Я даже думаю, что одно-два десятилетия мы будем держать в секрете координаты планеты, чтобы не допустить сюда любителей старины. А за это время ученые смогут наладить охрану.

— Ученые! — взвизгнула Фаустина.

Мердок сжал ей руку, призывая к спокойствию, но по-прежнему не сводил взгляда с лица Тревельяна.

— Какая, однако, возможность сколотить состояние! — продолжал координатор. — Предложить прекрасные, полностью обставленные жилища сотням миллионов людей, причем за цену, доступную обычному колонисту. Вы могли бы стать одним из богатейших людей за всю историю человечества. Ну, а затем вы отправились бы на поиски планеты, колонизация которой не вызвала бы у нас возражений. Вам не подвернулось ничего необычного. Планета как

планета, не хуже других, уже заселенных, но необитаемая. И люди стали бы вам платить, потому что вы гарантировали жилье, дороги, готовые к севу поля по приемлемой для них цене. Некоторых вы действительно доставили бы на тот, забытый богом мир. Особенно если рядом случайно оказался бы кто-нибудь из моих коллег. Вы потеряли бы на них деньги. Но это не имело значения, потому что большинство переселенцев вы привезли бы сюда, где целые города достались вам практически даром. Они написали бы домой. Возможно, вам пришлось бы слегка откорректировать восторженные письма, чтобы мы, корди, не пронюхали о вашей авантюре раньше, чем следовало. Скорее всего, мы бы долго оставались в неведении, потому что у нас полно неотложных дел и во всей Галактике найдется не так уж много людей, готовых оказать нам реальную помощь. Я уверен, что несколько лет все у вас шло бы спокойно, а уж затем несоответствия стали бы столь вопиющими, что нам пришлось бы вмешаться.

— И что бы вы предприняли? — спросил Мердок.

— Ничего, — ответил Тревельян. — Разве мы смогли бы переселить тысячи, а то и миллионы мужчин, женщин и детей, приехавших по доброй воле, обрадованных светлой жизнью, пустивших корни, растящих новое поколение? Это было бы невозможно политически, морально и даже физически. Они защищали бы свои дома, а мы не могли бы сравнять их с землей, не так ли?

Вы должны были бы поплатиться за содеянное, разумеется теоретически, конфискацией имущества и тюремным заключением. На практике же вы заставили бы нас платить слишком высокую цену за то, чтобы добраться до вас и ваших коллег. Вы создали бы колониальное государство и утвердили конституцию, провозглашающую вас отцом-основателем и пожизненным президентом Доброй Удачи. И колонисты сражались бы за вас, как за себя. Поэтому, чтобы не нарушать собственного запрета на агрессивные войны, Союзу не оставалось бы ничего другого, как смириться со случившимся ради того, чтобы спасти оставшиеся научные и культурные ценности.

Тревельян замолчал. В горле у него пересохло, на плечи навалилась усталость, хотелось курить, но под дулами бластеров он не решался лезть в карман за трубкой.

Мердок кивнул.

— Да, ты прав, — он хохотнул. — Благодарю за титул отца-основателя. Сам как-то не додумался до этого. Теперь все стало на свои места.

— Но знаете ли, я не могу этого допустить, — добавил Тревельян.

— Почему же? — с искренним удивлением спросил Мердок. — Что тебя тут поразило? Обычная планета, заваленная костями. Я сожалею о том, что произошло, но мертвые от этого не оживут. Да какая разница: одним народом меньше, одним больше. В Галактике их миллионы. Чему мы можем научиться у них? Ты что, надеешься найти технические достижения или формы искусства, которые позволят цивилизации совершить гигантский скачок? Но ты же прекрасно понимаешь, сколь ничтожен этот шанс. А на других планетах полным-полно бедняков, жаждущих лучшей жизни.

— В должное время планета будет открыта для заселения.

— Когда оно придет, это время? И сколько людей умрет в нищете, вместо того чтобы строить новую жизнь?

— Новорожденные приходят на смену иммигрантам. Так что в конечном результате срок переселения не имеет большого значения.

— Забудем о конечном результате и подумаем о плоти и крови живущих.

Тревельян не смог сдержать гнева.

— Хватит демагогии, Мердок. Вы такой же альтруист, как и боевой лазер.

— А ты, — фыркнула Фаустина, — ты — машина. Мне не терпится разобрать тебя на части.

— Подожди-подожди, — одернул ее Мердок. — Успокойся, мы еще не договорили.

На мгновение его взгляд уперся в землю, затем вернулся к лицу Тревельяна.

— Я обрисую тебе ситуацию. Когда мы заметили слежку, то решили вести тебя за собой, потому что после обнаружения сверхновой сюда повалили бы ученые и кто-то еще мог найти Добрую Удачу. Ты мог бы повернуть назад без посадки. Сделай ты это, мы полетели бы на ближайшие заселенные людьми планеты, набрали бы добровольцев и перевезли их сюда бесплатно. И обосновались бы на Доброй Удаче до того, как ты успел бы растормошить свою Службу. И тогда она ничего бы с нами не поделала.

— Я догадывался о вашем плане, — ответил Тревельян, — и по пути назад собирался облететь все населенные миры Скорпиона, чтобы объявить, не уточняя местоположения Доброй Удачи, что ее заселение запрещено. Сознательное нарушение запрета послужило бы оправданием нашему вмешательству и насильственному вывозу колонистов. Служба должна поддерживать свой авторитет.

— С чего ты взял, что вернешься назад? — ухмылка Фаустины источала ненависть.

— Успокойся, — повторил Мердок и, обращаясь к Тревельяну добавил: — Я надеялся, что ты приземлишься, и не ошибся. Мы помахали перед тобой красной тряпкой — и ты тут как тут. Видишь ли, я знал, что твой корабль вооружен хуже моего. Теперь ты у меня в руках.

— Что вы собираетесь делать со мной? — спросил координатор.

— Ну, честно говоря, кое-кто из моих парней... гм... жаждет крови, но я не вижу смысла в твоем убийстве. Я бы этого не хотел. Для корди ты славный малый, Майк. На Земле не знают, куда мы полетели. Возвращаться туда я не собираюсь, все мои дела там улажены. Если меня когда-нибудь спросят, я отвечу, что даже не подозревал о преследовании. Возможно, я еще воспользуюсь твоим кораблем, чтобы пустить корди по ложному следу.

Мердок сиял.

— Вот что я тебе скажу, Майк. Давай-ка найдем тебе красивый остров посреди океана. Мы оставим тебе инструменты и припасы, покажем, что можно есть из местных растений. Всем известно, что вы,

корди, в душе философы. Ты, должно быть, обрадуешься, получив несколько лет на размышления. Если захочешь, я постараюсь прислать тебе женщину. А потом сам отвезу тебя в космопорт, который мы намерены построить. По-моему, это честное предложение.

Тревельян вздохнул полной грудью.

— Правильно ли я вас понял? Вы хотите задержать меня, чтобы я не мог доложить Службе об этом деле?

— Тебе еще повезло, — бросила Фаустина. — Но раз у Хуана такая нежная душа, ты все понял правильно.

— Вы осознаете, что ваши действия являются серьезными нарушениями прав личности? — спросил Тревельян. — Неужели вы решитесь помешать должностному лицу Союза в выполнении его обязанностей?

Мердок побагровел:

— Чтоб они провалились, твои обязанности!

— Я требую позволить мне вернуться к звездолету и беспрепятственно взлететь с планеты.

Фаустина фыркнула.

— Вы не согласны? — удивился Тревельян. Он ждал, но в ответ лишь легкий ветерок прошелестел листвой. — Хорошо. Теперь я могу показать при зондировании мозга, что вы виновны в попытке совершения преступления, а имеющихся улик достаточно для вашего ареста. Вы пойдете со мной добровольно?

— Ты в своем уме? — воскликнул Мердок.

— Ваше сопротивление аресту, — продолжал Тревельян, — вынуждает меня применить силу.

Охрана Мердока потянулась к бластерам. Фаустина зашипела. Достал оружие и сам капитан.

А Тревельян скрестил руки на груди.

— Если бы моя Служба не уважала ваших прав, грош цена была бы такой цивилизации. Но цивилизация должна защищать себя. Я признаю, что отвлекал вас от моего напарника, — он услышал приглушенные проклятия, — но едва ли вы сможете ска-

зать, что я завлек вас в западню. Он здесь, под крышей одного из зданий, на гравитационной платформе с аккумуляторными батареями, вооруженный несколькими ракетами с ядерными зарядами. Микрофон в моем кармане позволяет ему слушать нашу беседу. Если вы не сдадитесь, он уничтожит вас.

Тревельян не обращал внимания на крики охранников. Он не отрывал взгляда от их предводителей.

Мердок вытащил передатчик, чтобы отдать приказ тем, кто оставался на борту «Кампесино».

— Покажи им, что ты здесь, Дымокур, — негромко произнес Тревельян.

Никто не увидел, откуда вылетела торпеда. Слишком велика была ее скорость. Мгновенно небо полыхнуло пурпуром адского огня. Ударная волна едва не сбила всех с ног, ревом отдалась в ушах. Подпрыгнули кости, лежащие перед храмом.

— Чересчур близко, — во рту Тревельяна появился металлический привкус. — Нам потребуются антирадиационные уколы. Я думаю, вы согласитесь, Хуан, что следующий выстрел может прийтись прямо в нас. А потом мой ридонит без труда разделается с вашими наблюдателями.

— Ты тоже умрешь, — прохрипел Мердок.

— Я не хочу умирать, но на карту поставлено нечто большее, чем мои желания.

Фаустина выскользнула из-за Мердока, выхватила из его руки бластер и направила дуло в живот Тревельяну.

«О-о-о, — мысленно простонал тот. — Я ведь совсем не герой. Но жители этой планеты смогли сохранить мужество, когда на них обрушился бессмысленный гнев небес».

— Я убью тебя сама! — крикнула Фаустина.

Тревельян мог выбить оружие из ее рук. Но другие набросились бы на него. Поэтому он лишь встретился с ней взглядом. По щекам Фаустины катились слезы.

— Если вы это сделаете, мой напарник уничтожит вас.

Мердок вырвал у нее бластер. Она попыталась вцепиться в него, но ударом кулака главарь сшиб ее с ног.

Он тяжело дышал, лицо блестело от пота.

— Чего ты хочешь?

— Если вы знакомы с психологией ридонитов, — взгляд Мердока подсказал Тревельяну, что тот понимает, о чем идет речь, — то должны знать, что Дымокур без зазрения совести прикончит меня вместе с вами. Однако он полагает, что это — нежелательный исход. Так же, как и разрушение прекрасной площади. Давайте найдем более приемлемое решение.

— Я же спросил, чего ты хочешь, дьявол!

— Вернуться к моему кораблю. Дымокур будет следить за мной по радио. При малейшем подозрении он откроет огонь. На самый худший случай ему придется взорвать оба звездолета и надеяться, что планету откроет кто-то еще, уважающий память ее мертвых. Я прилечу на площадь, заберу Дымокура и немедленно покину планету. Можете не беспокоиться, я не причиню вам вреда. Взлетев первым и имея более быстрый звездолет, я доберусь до ближайших обитаемых миров раньше вас и объявлю, что заселение Доброй Удачи запрещено. Вряд ли кто решится последовать за вами, зная, что вскоре в небе могут появиться боевые корабли. Вам я советую найти укромное местечко и не высовываться понапрасну.

Раз за разом кулак Мердока ударял в открытую ладонь. В мгновение ока он постарел на десяток лет.

Но затем на его лице вновь появилась улыбка.

— Ты выиграл и этот раунд, Майк, — сказал он. — Я сам провожу тебя. Возьми, — он протянул Тревельяну свой бластер. Координатор взял оружие.

Фаустина села. По ее скуле расплывался синяк от удара Мердока. Она переводила взгляд с одного мужчины на другого — заплаканное, побитое, загнанное в тупик дитя.

— Но почему? — взмолилась она. — Почему мы не можем получить патент? Мы же нашли для тебя

сверхновую... Ты... ты все погубил... ради... двух-трех сотен ученых... и их любопытства.

Тревельян склонился над Фаустиной, одной рукой сжал обе ее руки, а другой широким жестом указал на храм.

— Нет, — мягко сказал он. — Ради них. Разве у них нет этого права? Кто-то должен узнать и понять этот народ, чтобы мы никогда не забыли о нем.

Но она не поняла.

Мы охраняем Великий Договор, сердцевину цивилизации, общества, самой жизни: неписаный закон для живых, мертвых и не родившихся на свет, призывающий их прилагать все силы, но оставаться единым целым в неразрывности времен. Стоит пренебречь им — и жизнь станет бессмысленной.

Но молодые поколения так часто не хотят этого понимать.

БЫТЬ ТРУСОМ

Преследуемый корабль делал скачки в подпространстве с абсолютным презрением к окрестным звездам и пылевым туманностям. За кормой патрульного крейсера осталось уже больше десяти световых лет погони, когда цепь вдруг исчезла с экранов следящих систем.

Организованный поиск не дал результатов; впрочем, он не был настолько отчаянным, как того требовала ситуация. Лига объединяла миллион культур; под ее протекторатом находились еще несколько миллионов цивилизаций, пока слишком отсталых, чтобы стать полноправными членами; каждая, даже очень маленькая, планета — это такая уйма гор, равнин, долин, океанов, городов, ледников и пустынь, что бессмысленно их обыскивать — метр за метром — в надежде найти одного-единственного человека. Патрулю было известно немного: искомый корабль имеет дальность полета без дозаправки примерно три сотни парсеков, но, в то же время, он не заправлялся ни в одном из официальных портов сферы этого радиуса.

Патруль предложил большую награду за информацию, могущую помочь арестовать беглеца: некоего Самела Варриса, человека с планеты Кальдон (номер такой-то в Каталоге Пилота), обвиняемого в преступном разжигании войны. Объявление было распространено как можно шире. Всем агентам патруля предписывалось смотреть во все глаза, держать наготове щупальцы и телепатические органы, но ни в коем случае не упустить человека, способного миллиарды

живых существ превратить в радиоактивный газ. Сделав так, Патруль стал ждать.

Прошел год.

Первые вести об исчезнувшем преступнике принес некий Джакор Тимал, капитан торгового корабля «Ганаш», промышлявшего в периферийных районах Спирального Скопления. Капитан видел Варриса и даже с ним разговаривал. Никаких сомнений. Одна загвоздка: Варрис нашел убежище у короля Тунсбы — варварской страны в южном полушарии мало кому в Галактике известного мира планеты Руфина. Он получил гражданство и принял присягу королевского гвардейца. Верность между хозяином и слугой — главный элемент тунсбанской морали. Король никогда не выдаст Варриса.

Конечно, топоры и стрелы немного стоят против излучателей. И хотя Варриса вряд ли удастся взять живым, его можно будет убить, принеся в жертву несколько тунсбанцев.

Ничего особенного. Для Патруля это будет нетрудно...

Изложив свой план действий, довольный собой капитан Тимал принялся ждать ответа и обещанных денег.

Винг Алак подвел флиттер поближе к планете. Корабль висел над облачным великолепием на фоне холодного сияния звезд Скопления. Алак мрачно вслушивался в шорохи работающей аппаратуры, ожидая, пока Дрогс замерит атмосферные параметры.

— Вполне сносно, — наконец произнес галматианин. Его антенны озадаченно приподнялись над круглым выпуклым лицом с маленькими черными глазками. — Зачем ты тратишь время на проверку? Планета занесена в Каталог.

— У меня ужасно подозрительный склад ума. К тому же очень мрачный, — ответил Алак.

— Он был худощав, среднего роста, с очень белой кожей, сочетающейся с ярко-рыжими волосами. Форма сидела на нем щегольски, на самой грани нарушения Устава.

Дрогс, осторожно переступая восемью ногами, перенес через кабину свое трехметровое зеленое тело. В массивных трехпалых ладонях он держал карты.

— Да... Вот королевство Тунсба и столица... как бишь ее там? Вайнабог. Надеюсь, наша дичь все еще там. Тимал клялся, что не спугнул Варриса. — Дрогс вздохнул. — Я теперь должен буду минимум час потратить, чтобы найти в телескоп это проклятое место. А ты усядешься бездельничать, размышляя о приятном... Совсем как моя жена на яйце.

— Единственная мечта у меня сейчас, — вдруг отменят Главную Директиву.

— Никаких шансов... — проговорил Дрогс. — Никаких, пока лидером Лиги не станет менее кровожадная раса, чем твоя.

— Менее?! Ты, наверное, хотел сказать «более»? «Ни при каких обстоятельствах Патрульный не может убить разумное существо...» Не дай Бог нарушить сие... — Алак изобразил на лице ужас. — И ты называешь нас кровожадными?

— Конечно. Чтобы пойти на такую крайность, у расы должно было быть довольно кровавое прошлое... И только вид, от природы свирепый, способен сделать благую заповедь величайшим секретом, блефуя угрозой всепланетной резни, чтобы добиться своей цели. Галматианин догоняет фарстака в родных лесах, прыгает ему на спину и ест, пока тот еще бежит... Но он не способен вообразить хладнокровную стерилизацию целого мира с единственной целью — удержаться от убийства, тем более справедливого при самозащите.

Гусеницеобразное тело Дрогса изогнулось над телескопом.

— Изыди, Сатана... И не приставай. — Алак угрюмо вернулся к своим мыслям. Его мозг под гипнозом был напичкан всей информацией о Тунсбе, которую собрали три поколения торговцев. Ни один факт не выглядел обнадеживающим.

Король был... ну, если не абсолютным монархом, то почти таковым просто потому, что над обществом ставил его закон. Подобно прочим воинственным варварам, тунсбанцы питали полурелигиозное уважение

к букве закона, хотя не всегда к его духу. Патрулю мешали два пункта Кодекса: а) король не выдает верного слугу врагу, а сражается за него до самой смерти; б) если король сражается, то сражается и все мужское население, невзирая на угрозу собственной гибели, а также жен и детей. Смерть лучше бесчестья! Религия, которую они исповедуют довольно пылко, обещает роскошные небеса всем павшим за правое дело и, соответственно, ужасный ад для нарушителей закона. Церковь была довольно мощной организацией, и набожность подданных не мешала конфликтам между нею и троном. Может, подумал Алак, что-нибудь удастся сделать через духовенство?

Торговцы извне, изредка прилетающие обменять различные промышленные товары на меха и пряности планеты Руфина, почти не повлияли на местную культуру. Возможно, их вмешательство стало причиной нескольких войн и породило пару-другую ересей, но в целом туземцы довольствовались образом жизни своих отцов. Основной эффект торговли состоял в исчезновении сверхъестественного ужаса перед пришельцами, которые были могучими, но все знали, что они смертны. Алак сомневался что даже целый флот Патруля мог заставить тунсбанцев уступить в таком щекотливом вопросе, как выдача Варриса.

— Чего я не могу понять, — сказал Дрогс, — почему нам нельзя махнуть вниз и накрыть город облаком усыпляющего газа.

Патрульный корабль был отправлен с такой поспешностью, что Дрогс успел получить только самый минимум информации о происходящем; а по дороге сюда он, по обыкновению своего вида, аккумулировал энергию — его тело могло запасать впрок много дней сна.

Свободная рука Дрогса обвела широким жестом флиттер. Этот корабль был невелик, но хорошо экипирован: не только оружием — для блефа, — но и собственными мастерскими и лабораторией.

— Различия в метаболизме, — ответил Алак. — Любой анастетик, известный нам, ядовит для них, а аналогичные их вещества убьют Варриса. Парализующие лучи также не годятся — ультразвук взболта-

ет мозг руфианца, словно яйцо. Мне кажется, Варрис выбрал планету Руфина в качестве норы именно по этой причине.

— Но он не знает, что мы не можем просто спуститься и поднять стрельбу.

— Он может догадываться. Мы держим в секрете то, что Патруль никогда не убивает, но ни для кого не тайна, что мы избегаем причинять вред свидетелям. — Алак нахмурился. — На Калдоне все еще найдется миллионов сто людей, которые восстанут против нового правительства, если Варрис вернется к ним. Безразлично, добьется он успеха или нет, это будет настоящий геноцид и большой позор для Патруля.

— Гм-м-м... он не сможет улететь с этой планеты без топлива. Баки его корабля, должно быть, почти сухие. Почему мы не можем блокировать планету, лишив его шанса купить топливо?

— Блокада не дает гарантии, — возразил Алак.

Дрогс в первый раз участвовал в космической операции, до этого он работал только на поверхности планет.

— Не составило бы труда уничтожить его корабль, но известие, что Варрис жив, скоро неизбежно просочится на Кальдон. Последуют попытки прорвать блокаду и увезти его. Рано или поздно они добьются своего. А у нас связаны руки запретом стрелять на поражение. Нет, будь я проклят, мы должны арестовать его — и быстро!

Алак с сожалением обвел взглядом стеллажи с биохимией. Вот, например, сильнейший наркотик, производная намбутала — гипнит. Легкий укол мгновенно свалил бы Варриса, а когда бы он проснулся — с затуманенным мозгом, не в силах подняться от похмелья, но в то же время исполняя любое приказание, можно было бы извлечь массу полезной информации о его заговоре.

Алак чувствовал себя более скованным, чем когда-либо в своей прагматичной жизни. Из бластера он мог бы сжечь отряд тунсбанских рыцарей, но их архаичное оружие уже не казалось таким нелепым, если бластером пользоваться не разрешалось.

— Заканчивай скорее, — резким тоном произнес он, — надо двигаться... и не спрашивай меня — куда...

Место для посадки кораблей было отведено прямо у стен Вайнабога. Толстенные, усеянные зубцами и башенками, серые стены нависали над широким пейзажем полей и далеких холмов. Там и тут Алак видел деревушки с соломенными крышами. В двух километрах от города располагалось укрепление меньших размеров с единственной большой башней в центре. Башня венчалась золоченым перекрестьем. Это, должно быть, место, упоминаемое в рассказах торговцев. Аббатство Гриммок, кажется?

Было вполне уместно говорить об аббатстве, монахах, рыцарях и королях. Культурно и технически Тунсба очень близко соответствовала средневековой Европе.

Когда Алак вышел из корабля, вокруг флиттера уже стояли, тараща глаза, несколько крестьян и горожан. Другие направлялись к ним. Алак окинул взглядом поле и увидел невдалеке еще один космический корабль — наверное, Варриса. Точно. Он вспомнил его описание. Корабль охраняли стражники с алебардами.

Тщательно игнорируя зевак, Алак ждал официальных встречающих. Бряцая доспехами, они выехали из города на горбатых животных с рогами и желтой шерстью. За ними по пятам бежал рысцой отряд лучников. Впереди трубил герольд в красном плаще. Делегация приближалась с топаньем копыт и шелестом развевающихся знамен. Копья были вежливо приподняты, но из прорезей шлемов наблюдали внимательные глаза.

Герольд выехал вперед и обратился к Алаку, одетому в самый яркий из своих мундиров.

— Приветствую тебя, незнакомец, от имени нашего повелителя Морлака, короля всей Тунсбы и защитника Запада. Король Морлак просит тебя быть его гостем.

Герольд вытащил меч и протянул его рукояткой вперед. Алак поспешно перебрал в уме полученные уроки и потерся лбом о рукоятку.

Они были вполне гуманоидными: бледно-голубая кожа, фиолетовые волосы и короткие хвостики не имели значения — эффект сводился к впечатлению небольшой неправильности. Капельку подлиннее носы, чуточку квадратнее лица, колени и локти согнуты под странным углом — туземцы напоминали ожившие карикатуры. И еще: они издавали резкий горчичный запах.

На все это Алак не обращал внимания, хорошо зная, что для них он выглядит и пахнет не менее странно. Но ему доводилось встречать новобранцев-патрульных, заработавших нервное расстройство после нескольких месяцев на планетах с «гуманоидами до шести пунктов классификации».

Алак ответил серьезным тоном на тунсбанском языке:

— Передайте Его Величеству мою благодарность. Я — высокопоставленный Винг Алак. Не торговец, а посол короля торговцев, направленый сюда с очень деликатной миссией. Прошу встречи с Его Величеством Морлаком как можно быстрее.

Церемония продолжалась. Пришлось послать за несколькими рабами, чтобы нести впечатляющий груз даров Алака. Затем ему предложили сесть верхом на животное, но Алак отказался — торговцы предупреждали об этой маленькой шутке: когда инопланетянина сажают в седло, животное обезумевает от чужого запаха. Алак потребовал носилки — неудобные и вызывающие тошноту при езде, но позволяющие сохранить достоинство. Рыцари Вайнабога построились вокруг, и его понесли через ворота и дальше по мощенным булыжником улицам к похожему на крепость дворцу.

Против ожидания, Алак встретил внутри не грубую роскошь, а утонченное великолепие действительно красивой обстановки. В зале для аудиенций толпилось около сотни дворян в сверкающих всеми цветами радуги одеждах. Они громко разговаривали, бурно жестикулируя. Вокруг сновали слуги, предлагая подносы с пищей и вином. Играл небольшой оркестр, скрежещущая музыка резала слух. Около

застывшей вдоль стен охраны стоял ряд монахов в серых сутанах с капюшонами на головах.

Алак прошел под поблескивающими копьями стражи и встал на колени перед сидящим на троне королем. Монарх был тучен, среднего возраста, с длинной бородой, короной и обнаженным мечом на коленях. Слева от него, на почетном месте — большинство туземцев были левшами — сидел пожилой мужчина, гладко выбритый, с крючковатым носом, в желтой сутане и высокой, украшенной драгоценностями шапке с золотым перекрестьем.

— Мое почтение, могущественный король Морлак. Издалека прибыл я, недостойный Винг Алак, чтобы увидеть Ваше Величество, перед которым трепещут народы. А принес послание от моего короля и эти скудные дары.

«Скудные дары» образовали приличную горку из одежд, блестящих синтетических украшений, ручных фонариков и мечей из марганцевой стали. Находясь в стадии войн и феодализма, планета Руфина не могла легально получать современные инструменты и оружие, но бытовые товары и изделия роскоши под запрет не попадали.

— Хорошо, сэр Винг Алак. Сядь около меня справа. — Голос Морлака стал громче, и жужжание толпы, уже почти умолкшей от любопытства, мгновенно прекратилось. — Да будет известно всем, сэр Винг Алак действительно мой гость, уважаемый и неприкосновенный. Вред, причиненный ему иначе, чем в законной дуэли, станет оскорблением и моему дому, оскорблением, за которое Создатель повелевает мне отомстить.

Дворяне подвинулись ближе. Этикет двора не был строго формализован, очевидно, и один из дворян вышел вперед, когда Алак усаживался на высокое сиденье. У патрульного по спине пробежали мурашки и зашевелились волосы на голове.

Самел Варрис, как и остальные аристократы, имел одежду из цветного бархата, увешанную нитями с драгоценностями. Звание королевского гвардейца действительно было высоким рангом, дающим право на земли и собственную свиту. Перед Алаком стоял

крупный, смуглый мужчина с надменными чертами лица и проницательными глазами. В глазах мелькнул огонек, и Варрис отвесил ироничный поклон.

— А-а, сэр Винг Алак, — произнес он на тунсбанском языке. — Не ожидал такой чести. Вы лично явились за мной.

Король Морлак нахмурился и положил украшенную кольцами руку на свой меч.

— Я не знал, что вы знакомы.

Алак понадеялся, что ощущение пустоты в желудке не отразилось на лице.

— Да, милорд, Варрис и я встречались раньше. Фактически моя миссия касается его.

— Пришел, чтобы забрать его с собой? — Голос короля больше походил на рычание, и дворяне Вайнабога потянулись к своим кинжалам.

— Не знаю, что этот человек наговорил вам, милорд...

— Он здесь потому, что враги заняли его королевство и хотели лишить его жизни. Благородные дары принес он мне, даже одно из огненных ружей, на которые так скупы торговцы. Он дал мне много ценных советов. Следуя им, мы разгромили армию Раганстога и получили с них большой выкуп. — Морлак сверкнул глазами из-под опущенных бровей. — Так вот, знай, сэр Винг Алак, что хотя ты мой гость и я не могу причинить тебе вред, сэр Варрис принял присягу и верно служит мне. За это я дал ему золото и богатые земли. Честь моего дома свята... и, если ты требуешь вернуть сэра Варриса его врагам, я должен просить тебя уйти. И когда мы встретимся в следующий раз, ты пожалеешь об этом!

Алак чуть не присвистнул губами, но вовремя удержался. Выхватить бы бластер!.. Но оружие не представляет ценности после того, как истрачен заряд, а Варрис должен быть наказан за презрение к галактическому закону.

— Милорд! — торопливо заговорил Алак. — Не отрицаю, что имел подобное желание. Но никогда в намерения моего короля или в мои собственные не входило оскорбление Вашего Величества. Требование не будет предъявлено вам.

— Давайте жить в мире, — произнес вдруг священник, сидевший слева от Морлака. Голос его отнюдь не был таким елейным, как слова. В аббате чувствовался борец, гораздо более умный и опасный, чем кичливые дворяне вокруг. — Во имя Создателя, пусть сохранится дружба, пусть черные мысли и Зло останутся в отдалении.

Морлак выругался.

— По правде, милорд, я не сержусь на посла, — улыбнулся Варрис. — Подтверждаю, что он ведет себя по-рыцарски и хочет служить своему королю так же хорошо, как я служу вам. Если почтенный аббат призывает к миру в этом доме, я первый послушаюсь его.

— Конечно, как обычно... Безбородый хитрец хнычет о мире, когда кругом угрожает предательство, — проворчал Морлак. — У тебя много хороших земель, аббат Гулманан... так что держи свои жадные пальцы подальше от моей души!

— Слова милорда, адресованные мне, не имеют значения, — спокойно ответил священник, — но если он говорит против Храма, то оскорбляет Создателя...

— Да замерзнуть тебе в аду, я не менее набожен, чем ты! — проревел Морлак. — Я приношу жертвы Создателю, а не зажравшемуся Храму, который рад был бы спихнуть меня с трона!

Лицо Гулманана потемнело, но он сдержал себя, сжав тонкие губы и сцепив костлявые пальцы.

— Не место и не время говорить о суетных мирских делах, — сказал он. — Я принесу жертву за вашу душу, милорд, и буду молить Создателя, чтобы он удержал вас от ошибок.

Морлак фыркнул и приказал подать кувшин вина. Алак сидел, стараясь не привлекать внимания, пока не уляжется раздражение короля, а затем завел разговор о расширении торговли.

Он не имел никаких полномочий заключить торговые соглашения, он просто хотел, чтобы его раньше времени не вышвырнули из Вайнабога. Благоразумно напичканный антиаллергеном, Алак отведал королевского угощения — единственно ради упрочения своего статуса гостя. Впрочем, Дрогс принес ему пакет

сухого рациона, когда явился прислуживать «хозяину» в отведенных тому дворцовых покоях.

Человек угрюмо сидел около окна, глядя на величественное ночное небо со сгустками звезд и двумя лунами. Под окном благоухал сад, где-то распевал хор пьяных дворян, пир был еще в самом разгаре. Несколько свечей освещали увешанную портьерами комнату. Портьеры пахли духами, но не будучи руфианцем, трудно наслаждаться запахом меркаптана.

— Будь у нас несколько тысяч опытных патрульных, — сказал Алак, — в латах и вооруженных дубинками, мы пробились бы во дворец. Прямо сейчас. Больше не могу ничего придумать.

— Так в чем же дело? — Дрогс сгорбился над булькающим водой кальяном, непробиваемо спокойный, как всегда.

— Грубо и не гарантирует успеха. Тунсбанцы упрямы и могут одолеть наших людей. Если использовать танки, то наверняка какой-нибудь тупой рыцарь попадет под гусеницы. А главное, пока продолжаются неприятности на Саннатоне, Патруль не может выделить нам такие большие силы... А к тому времени, когда он сможет, будет поздно. Эти проклятые торговцы, должно быть, уже разболтали половине Лиги, что Варрис найден. Мы должны ожидать попытки его спасения в течение недели. Адрес отправителя — Кальдон.

— Ты говорил, что местная церковь в плохих отношениях с королем. Может быть, удастся ее убедить сделать работу за нас? В Главной Директиве не сказано, что туземцам нельзя убивать друг друга.

— Нет... Священникам Храма разрешается сражаться только при самозащите, а здесь не принято нарушать закон. — Алак потер подбородок. — Хотя в твоей идее что-то есть. Я должен...

За дверью вдруг ударили в гонг. Дрогс гусеницей скользнул по полу и открыл дверь. Вошел Варрис и за ним дюжина воинов. Обнаженные лезвия мечей мерцали в полумраке комнаты.

В руке Алака появился бластер. Усмехнувшись, Варрис поднял ладонь.

— Не спеши, — посоветовал он, — эти ребята со мной для предосторожности. Я только хочу поговорить.

Алак вытащил сигарету и парой затяжек зажег ее.

— Давай, — ответил он безразличным тоном.

— Я хочу обратить твое внимание на несколько вещей, вот и все, — Варрис говорил на языке Терры. Охранники стояли неподвижно, не понимая ни слова. Их глаза беспокойно следили за чужаками. — Я терпеливый человек, но всему есть предел. Как ты думаешь, долго я смогу выносить необоснованное преследование?

— Необоснованное преследование? А массовая резня на Новой Вене?

Фанатизм тлел в глазах Варриса, но отвечал он спокойно:

— Меня выбрали диктатором законно. И по законам Кальдона я действовал в пределах своих прав. Это Патруль подстрекал народ к революции. Это Патруль поддерживает сейчас ненавистный колониализм на моей планете.

— Да... до тех пор, пока в головы кровожадных псов, которых ты называешь народом, не будет вбита хоть капля здравого смысла. Если бы тебя не остановили, там был бы сейчас еще один совершенно мертвый мир. — Алак кротко улыбнулся. — Ты сам поймешь это, когда мы нормализуем твою психику.

— Не можете просто казнить человека, — Варрис сделал несколько шагов по комнате, как тигр в клетке, — вы коверкаете его мозг, пока все, что для него свято, не станет злом, а все, что он презирал, — добром... Я не позволю, чтобы подобное произошло со мной.

— Ты застрял здесь, — сказал Алак, — я знаю, твой корабль почти без топлива. Между прочим, на случай, если у тебя появятся какие-нибудь идеи, мой корабль хорошо защищен. Почему бы тебе не сдаться прямо сейчас и не избавить меня от лишних хлопот?

Варрис усмехнулся:

— Неплохо придумано, приятель, но я не настолько глуп. Если бы Патруль мог послать больше людей арестовать меня, он так и сделал бы. Я остаюсь здесь

и ставлю на то, что спасатели с Кальдона прибудут раньше твоих кораблей.

Он ткнул пальцем в сторону охраны.

— Смотри! Будь у меня возможность, я приказал бы им убить тебя прямо сейчас. Тебя и это склизкое чудовище. Но я не могу, потому что должен соблюдать местный кодекс этих дурацких законов. Зато я могу держать достаточно большую охрану, чтобы ты не похитил меня, на что ты, наверное, рассчитываешь.

— Я думал над этим, — кивнул Алак.

— Есть еще одна вещь, которую я могу сделать, — вызвать тебя на дуэль и... убить.

— Я хорошо стреляю.

— Современное оружие запрещено. Сторона, получившая вызов, имеет право выбора, но в любом случае это должен быть меч, топор или лук, или что-нибудь разрешенное их законом. — Варрис засмеялся. — В последний год я много практиковался как раз с таким оружием. И дома я занимался фехтованием. А сколько тренировался ты?

Алак пожал плечами. Не будучи романтиком, он никогда не испытывал интереса к архаическим видам спорта.

— Я горазд придумывать грязные трюки, — сказал он. — Предположим, мы будем драться на дубинах, но только в моей будет скрыто пружинное лезвие...

— Я встречал подобные вещи, — спокойно ответил Варрис. — Яд запрещен, но устройства такого рода допускаются. Тем не менее наше оружие должно быть идентичным. Тебе придется достать меня лезвием при первой же попытке... а я сомневаюсь, что ты сможешь. Иначе я пойму, в чем дело, и воспользуюсь тем же самым. Уверяю, перспектива совершенно не пугает меня. Даю тебе несколько дней, чтобы понять, насколько безнадежна твоя задача. Ели ты станешь угрожать орудиями корабля городу или мне... что ж, у моего корабля тоже есть орудия. Если ты не уберешься из королевства через неделю или начнешь подозрительные действия до этого срока, я вызову тебя на дуэль.

— Я мирный человек, — возразил Алак, — да и для дуэли нужны двое.

— Нет, здесь не нужны. Если я оскорблю тебя перед свидетелями и ты не вызовешь меня на дуэль, то потеряешь свой ранг рыцаря и будешь выгнан кнутами из страны. До границы долгая прогулка, если всю дорогу тебя хлещет бычий кнут. Ты не дойдешь живым.

— Хорошо, — выдохнул Алак. — Что же ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Того же хотят и люди, с которыми ты собираешься воевать.

— Спокойной ночи. — Варрис повернулся и вышел из комнаты. Солдаты последовали за ним.

Некоторое время Алак стоял молча. За стенами дворца шумел ночной ветер планеты Руфина. Почему-то звук этот мешал, он словно был чужим, как будто ветер — не просто движение воздуха... Быть может, потому, что ветер шелестел листвой неземных деревьев?..

— У тебя совсем нет плана? — пробормотал Дрогс.

— Есть один. — Алак нервно сцепил за спиной руки. — Варрис не может знать наверняка, что я не буду похищать его, или вызывать подкрепление, или совершать что-нибудь фатальное. Я рассчитывал на блеф... но, похоже, он сделал ход первым. Варрис хочет быть уверенным, что заберет с собой в ад по крайней мере хоть одного патрульного.

— Ты можешь изучить местный кодекс дуэли, — предложил Дрогс, — и позволить Варрису убить себя способом, который выглядел бы мошенническим. Тогда король даст ему пинка, а я смогу арестовать его с помощью парализующего луча.

— Благодарю, — сказал Алак, — твоя преданность долгу просто умиляет.

— Я знаю терранскую пословицу, — продолжал Дрогс. Шутки галматианина иногда бывали не смешными. — Трус умирает тысячью смертей, герой умирает только раз.

— Да. Но видишь ли, я скорее трус, если судить по моему прошлому. Я предпочитаю тысячу вообра-

жаемых смертей одной подлинной. С моей точки зрения, живой трус имеет преимущества перед мертвым героем...

Алак замолчал. Челюсть его отвисла, затем снова захлопнулась. Он шлепнулся в кресло, задрал ноги на подоконник и пригладил пальцами рыжие волосы.

Галматианин вернулся к кальяну и невозмутимо продолжал курить. Он знал признаки. Непрямое убийство иногда выглядит очаровательно дьявольским, а ничего другого Патрулю не оставалось.

Несмотря на свои претензии на высокий ранг посла, Алак обнаружил, что его ценили очень низко — в сопровождающие ему дали лишь одного уродливого гуманоида. Но это могло оказаться полезным.

Презрительно-равнодушных дворян Вайнабога не интересовало, где он находится, и на следующее утро Алак отправился в аббатство Гриммок.

Аудиенция с Гулмананом была предоставлена без задержки. Алак пересек мощеный двор, прошагал мимо Храма, где монахи в клобуках проводили довольно впечатляющее богослужение, и вошел в большую центральную башню. Он очутился в большой комнате, обстановка которой поражала богато вышитой материей, которою были обиты стены. Аббат сидел выпрямившись на резном троне из редкого дерева. Алак сделал предписанный этикетом поклон и был приглашен сесть.

Старые глаза задумчиво наблюдали за ним.

— Что привело тебя сюда, дитя мое?

— Я из другого мира, ваша святость, — ответил Алак. — Вашу веру я понимаю мало и считаю позором, что не узнал больше.

— Нам еще не удалось привести на путь Истины ни одного чужака, — мрачно подтвердил аббат, — за исключением сэра Варриса. Но, боюсь, в его набожности больше хитрости, чем веры.

— Позвольте по крайней мере услышать, во что вы верите, — попросил патрульный со всей серьезностью, какую мог изобразить при дневном свете.

Гулманан улыбнулся. Его худое голубоватое лицо покрылось морщинами:

— Подозреваю, дитя мое, что ты неспроста ищешь дорогу к Истине. Скорее всего, у тебя на уме есть более срочный вопрос.

— Ну... — Собеседники обменялись улыбками. Дурак не смог бы управлять аббатством, Алак отдал должное уму Гулманана. Но в то же время он подтвердил свое желание. Потребовался час на изложение того, что он хотел узнать.

Тунсба была монотеистическим государством, с развитой сложной теорией. Ритуалы отправлялись эмоционально, а заповеди были вполне гибкими, оставляя место плотским слабостям. Как и в средневековой Европе, церковь представляла собой мощную организацию, была интернациональной, хранила знания и постепенно цивилизовывала варварскую расу. Каждый священник был монахом, живя в большом или малом монастыре; каждый монастырь управлялся настоятелем, в данном случае — Гулмананом, ответственным перед центральным Советом в городе Аугнакаре. Но из-за больших расстояний и медленной связи влияние высшей власти было незначительным.

Духовенство принимало обет безбрачия и жило по своим собственным законам, со своим судом и наказанием, полностью отделенное от гражданского общества. Каждая мелочь их жизни, вплоть до одежды и питания, определялась обязательным для всех, без всяких исключений, каноном. Обряд вступления в лоно церкви, если вас примут, сводился к одной клятве, но выйти обратно было не так легко: требовался декрет Совета. Монаху ничего не принадлежало. Любая собственность, которую он имел прежде, возвращалась его наследникам, любой брак, который он успел заключить, автоматически аннулировался. Даже Гулманан не мог назвать одежду, носимую им, или земли, которыми он управлял, своими собственными. Все принадлежало корпорации, аббатству. И аббатство было богатым: столетиями знатные тунсбанцы дарили ему землю и деньги.

Естественно, между церковью и королем существовал конфликт. Оба оспаривали власть, оба настаивали на своем приоритете. Некоторые короли убивали или сажали в тюрьму своих аббатов, некоторые,

наоборот, полностью подчинялись церкви. Морлак придерживался середины, рыча на Храм, но не атакуя его.

— ...Я понял. — Алак склонил голову. — Благодарю, ваша святость.

— Надеюсь, я ответил на все твои вопросы? — сухо спросил аббат.

— Ну... есть несколько деловых вопросов. — Алак помолчал немного, еще раз оценивая собеседника. Гулманан казался предельно честным, прямой подкуп будет оскорблением. Но честность может оказаться более уступчивой, чем принято думать...

— Да? Говори без страха, дитя мое. Ни одно твое слово не выйдет за эти стены.

Алак решился.

— Как вы знаете, моя задача заключается в перемещении сэра Варриса в его собственное королевство для наказания за многие злые дела.

— Он заявляет, что был прав, — уклончиво ответил Гулманан.

— И он верит в это. Но во имя своей веры он готов убить больше людей, чем живет на вашей планете.

— Я уже думал над этим...

Алак глубоко вздохнул и быстро заговорил:

— Храм вечен, не так ли? И, значит, он должен смотреть на столетия вперед. Нельзя позволять одному человеку, чьи достоинства по меньшей мере сомнительны, стоять на пути прогресса, который может означать спасение тысяч душ.

— Я стар, — сказал Гулманан устало. — Моя жизнь была не настолько святой, как я мог бы желать. Если ты предлагаешь, чтобы мы оба действовали со взаимной выгодой, так и скажи.

Алак коротко объяснил, что задумал, и закончил словами:

— ...И земли будут принадлежать вам, ваша святость.

— И неприятности тоже, — добавил аббат. — Нам хватает стычек с королем Морлаком.

— Эта будет не серьезней. Закон на вашей стороне.

— Тем не менее честь Храма не должна пострадать.

— Короче, вы хотите большего, чем я предложил?

— Да, — прямо ответил Гулманан.

Алак ждал. Капельки пота усеяли его лоб. Что он будет делать, если аббат потребует невозможного?

Морщинистое голубое лицо стало печальным.

— Твоя раса знает много, — сказал Гулманан. — Наши крестьяне растрачивают свои жизни, борясь со скудной почвой и сезонными нашествиями насекомых. Есть способы улучшить их судьбу?

— Это все? Конечно, есть. Помогать народам, когда они хотят этого, один из главных принципов нашей политики. Мои... мой король будет только рад послать вам специалистов, фермеров... чтобы показать, как...

— И еще... чистая жадность с моей стороны. Но иногда, по ночам, глядя на звезды и пытаясь понять рассказы торговцев, что этот наш мир — всего лишь мошка, летящая через непостижимую бездну... я чувствую боль от незнания, почему все так устроено. — Гулманан наклонился вперед от волнения. — Возможно ли... перевести несколько ваших книг по той науке, астрономии, на тунсбанский?

Алак считал себя закоренелым циником. По требованию служебного долга он часто и с легким сердцем нарушал самые торжественные клятвы. Но последнее обещание он собирался выполнить, даже если рухнут небеса.

На обратном пути Алак остановился у своего корабля, где Дрогс прятался от любопытного населения, и задал галматианину работу в корабельной мастерской.

Если бы человек питался только местной пищей, то довольно скоро он умер бы в агонии. Варрис позаботился о пищевом синтезе на своем корабле и сытно поел этим вечером. Алака он, конечно, не пригласил, и патрульный сумрачно сжевал то, что его начальство воображало подходящей и питательной диетой.

После ужина придворная знать собиралась в центральном зале для основательной попойки. Два ка-

мина безнадежно боролись с вечерним холодом; Алак, игнорируемый большинством дворян, прогуливался в толпе, пока не оказался рядом с Варрисом. Беглец беседовал с несколькими рыцарями, к его словам заинтересованно прислушивался со своего трона сам король Морлак. Варрис повышал свой престиж, объясняя некоторые принципы теории игр, гарантирующих успех в следующей войне.

— ...и таким образом, друзья, мы не можем быть уверены в победе, так как в битве нет определенности, но мы можем так распределить свои силы, чтобы обеспечить наибольшую вероятность выигрыша...

— Чушь! — заявил Алак. Тунсбанская фраза, которую он использовал, прозвучала более оскорбительно.

— Вы, значит, не согласны, сэр? — спросил один из баронов.

— Не совсем, — ответил патрульный. — Но у меня нет желания спорить с такой тупоголовой свиньей, как низкорожденный Варрис.

Варрис остался невозмутимым. Спокойным голосом он произнес:

— Надеюсь, вы заберете свои слова назад, сэр.

— Да, наверное, мне так и следует сделать, — согласился Алак. — Эти слова слишком мягкие. Но ведь и так все ясно, стоит лишь один раз взглянуть на это разжиревшее лицо. Сэр Варрис — грязное трепло, чьи пороки я даже не пытаюсь описать, они и навозную кучу заставят покраснеть.

В зале воцарилась мертвая тишина, только в трубе камина ревело пламя. Король Морлак нахмурился и тяжело задышал, но вмешаться не мог. Руки дворян потянулись к оружию.

— Чего ты хочешь? — пробормотал Варрис на терранском.

— Естественно, — продолжал Алак по-тунсбански, — раз сэр Варрис не опровергает моих утверждений, то и спорить не о чем.

Кальдонец вздохнул.

— Я опровергну их на твоем теле завтра утром, — ответил он.

Хитрое лицо Алака украсилось довольной улыбкой.

— Я правильно понял, что вы мне бросили вызов? — спросил он.

— Да, сэр, я вызываю вас на дуэль.

— Очень хорошо. — Алак огляделся. Каждая пара глаз в зале была прикована к нему. — Милорды, вы свидетели, что я вызван сразиться с сэром Варрисом. Если не ошибаюсь, выбор оружия и места дуэли за мной.

— В пределах правил одиночной схватки, — со злостью прогремел Морлак, — и никаких колдовских штучек.

— Никаких, — поклонился Алак. — Я выбираю для дуэли мои собственные шпаги, которые легче ваших мечей, но уверяю, не менее смертельны, если противники не одеты в латы. Сэр Варрис, конечно, первым выберет шпагу из пары. Дуэль произойдет напротив ворот аббатства Гриммок.

В выборе места не было ничего необычного. Тяжелораненого соперника могли взять к себе монахи, являющиеся также местными хирургами. Раненому разрешалось выздороветь, после чего сражение повторялось. С простой и логической убежденностью, что вражде нельзя давать разгореться, тунсбанский закон считал дуэль официально законченной только после смерти одного из участников. Интерес присутствующих вызвало только использование легких шпаг.

— Хорошо, — сказал Варрис ледяным тоном. Он вел себя спокойно, и только Алак мог догадаться, какие сомнения — где ловушка? — таятся в этих глазах. — Значит, завтра на рассвете.

— Абсолютно исключено! — твердо возразил Алак. Он никогда не просыпался раньше полудня, если это было в его силах. — Почему из-за тебя я должен терять добрый сон? Мы встретимся во время третьего жертвоприношения. — Алак вежливо поклонился. — Спокойной ночи!

Вернувшись в свою комнату, Алак подошел к окну и, преодолев с помощью компактного антигравитационного устройства дворцовую стену, отправился к кораблю. Варрис мог попытаться убить его, останься он ночевать во дворце. Хотя, скорее всего, кальдонец

понадеется на свое превосходство в фехтовании. Алак знал, что это превосходство имеет место быть. Возможно, он живет последнюю ночь.

Потоки света полуденного солнца заливали голубое небо и стены аббатства Гриммок. Перед воротами находилась расчищенная площадка, на которой стояла толпа дворян, выпивая и заключая пари на исход дуэли.

В воротах, похожие на каменные статуи святых, ждали аббат Гулманан и дюжина монахов. Король Морлак, восседая на переносном троне, смотрел мрачно; он не поблагодарит человека, лишившего его полезного сэра Варриса.

Прозвучали трубы, Алак и Варрис вышли вперед. Оба были одеты в легкие рубашки и шорты. Ничего больше. Дворянин, назначенный Мастером Смерти, провел ритуальный обыск соперников на предмет спрятанного оружия и защитных пластинок, затем громко процитировал кодекс дуэли. Затем он взял подушку с лежащими на ней шпагами и протянул Варрису.

Зрение и слух приобрели неестественную остроту. Алак подумал, что может, наверное, различить каждую травинку вокруг себя — как будто мозг, пока была возможность, запасал информацию об окружающем. Варрис, стоявший в десятке метров от него, казался гигантом.

— А теперь Создатель пусть защитит правого!

Варрис приближался не торопясь; Алак пошел навстречу. Они скрестили лезвия и застыли на время, глядя в глаза друг другу.

— Зачем ты делаешь это? — спросил беглец на терранском. — Если ты питаешь идиотскую надежду убить меня, забудь о ней. Я был дома чемпионом по фехтованию.

— Шпаги с секретом, — сказал Алак с напряженной улыбкой. — С каким — догадайся сам.

— Полагаю, ты знаешь, что наказание за использование яда — сожжение на костре... — В голосе Варриса на мгновение появилась раздраженная нота. — Почему ты не оставишь меня в покое? Какое тебе дело до всего этого?

— Поддерживать мир — вот мое дело, — ответил Алак. — Во всяком случае, мне за это платят.

Варрис оскалился. Его шпага стремительно метнулась вперед. Алак еле успел парировать удар. В воздухе раздался звон тонкой стали.

Варрис танцевал грациозно, агрессивно, с холодной решимостью на лице. Алак отчаянно рубил шпагой, как мечом. Рот Варриса искривился презрением. Он парировал удар, сделал выпад, и Алак почувствовал боль в плече. Толпа взорвалась веселыми криками.

«Хоть одну царапину! Одну царапину, прежде чем он достанет меня всерьез...»

По груди Алака потекло что-то теплое. Рана неглубокая, пустяки. Он вспомнил, что забыл нажать кнопку на рукоятке шпаги, и сделал это с проклятием. Глаза не успевали следить за оружием Варриса. Алак почувствовал еще один легкий укол. Варрис играл с ним!

Противник спокойно отступил под одобрительные возгласы аудитории, пока Алак собирался с силами. «Надо сделать... дьявол, как это называется... обманное движение!»

Варрис подошел ближе к остановившемуся Алаку. Патрульный сделал неожиданный выпад, целясь в левую руку противника. Варрис блокировал удар, но каким-то образом Алак сумел просунуть острие шпаги вперед и уколол противника в грудь.

«Теперь помоги, Господи, продержаться еще несколько секунд!»

Сталь метнулась к его горлу. Алак неуклюже, едва успев, отбил ее вниз. На его бедре появилась борозда. Варрис отпрыгнул назад, чтобы дать себе больше места, Алак сделал то же самое. Наконец он заметил, как глаза кальдонца беспомощно поплыли в сторону, лезвие шпаги дрогнуло. Чтобы придать зрелищу побольше правдоподобия, Алак подбежал ближе и проткнул бицепс Варриса. Рана безвредная, но кровоточившая с удовлетворительным энтузиазмом. Варрис уронил оружие и покачнулся, и Алак еле успел отскочить с дороги, когда большое тело упало на землю.

Дворяне кричали. Король Морлак ревел. Мастер Смерти кинулся вперед, оттолкнув Алака в сторону.

— По закону нельзя наносить удар упавшему, — сказал он.

— Уверяю вас... у меня... не было такого намерения... — Алак сел на землю и позволил планете вращаться вокруг.

Аббат Гулманан и монахи наклонились над телом Варриса, исследуя его опытными пальцами. Вскоре старый священник поднял голову и сказал негромким голосом, который тем не менее перекрыл гул толпы:

— Рана не смертельная, он будет вполне здоров завтра утром. Возможно, он просто упал в обморок.

— Из-за нескольких царапин? — рявкнул Морлак. — Мастер, проверь оружие этого рыжеволосого еретика! Я подозреваю яд!

Алак опустил кнопку и протянул шпагу. Пока ее проверяли, Варриса унесли внутрь аббатства, и ворота закрылись. Мастер Смерти осмотрел обе шпаги, поклонился коротко и произнес озадаченным тоном:

— Признаков яда нет, милорд. И к тому же сэр Варрис первым выбирал оружие... они обе одинаковые, насколько я вижу... и разве не сказал священник, что ранение не серьезное?

Алак встал, покачнувшись.

— Ничего особенного, просто он встретил достойного противника, — проговорил он. — Я победил честно. Разрешите мне удалиться и перевязать раны... встретимся утром...

Он с трудом добрался до корабля, и Дрогс выдал ему заготовленную бутылку шотландского.

Утром Алаку пришлось напрячь всю свою силу воли, чтобы попасть во дворец ко времени сбора двора. Не то чтобы он ослабел, просто тунсбанцы начинали свой день ужасно рано, и он не мог знать, когда наступит критический момент его плана.

Его встретили сдержанно. С одной стороны, знать питала к нему уважение за победу над великим сэром Варрисом, по крайней мере в первом раунде, с другой — имелось определенное сомнение в честности подвига.

Король Морлак угрюмо поздоровался с Алаком, не проявляя, впрочем, открытой враждебности. Должно быть, ждал заключения врачей.

Алак нашел доброжелательного собеседника и коротал время, обмениваясь сальными шуточками. Просто удивительно, насколько совпадали классические образцы устного творчества в этой области среди млекопитающих видов. Хотя, скорее, здесь проявлялся параллелизм великих умов, нежели доказательство существования доисторической Галактической Империи.

Почти перед самым полуднем появился аббат Гулманан. За ним следовали несколько монахов в капюшонах и — что было необычно — с оружием в руках. Между ними шел один невооруженный монах. Священник подошел к королю, и в зале воцарилась тишина.

— Ну, — резким тоном потребовал Морлак, — что привело тебя сюда?

— Я решил, что лучше будет, если я лично доложу об исходе дуэли, милорд, — сказал Гулманан. — Это... удивительно...

— Ты хочешь сказать, что сэр Варрис мертв?

Глаза Морлака засверкали. Король не мог вызвать на дуэль своего гостя, но нетрудно было сделать так, чтобы кто-нибудь из подданных оскорбил Винга Алака...

— Нет, милорд, сэр Варрис в добром здравии, его раны незначительны. Но... Величие Создателя коснулось его... — Аббат сделал набожный жест. Посмотрев на Алака, он на мгновение опустил одно веко.

— Что ты имеешь в виду? — Морлак напрягся и сжал руками меч, лежащий на коленях.

— Только это. Когда он пришел в сознание, я предложил ему исповедоваться, как всегда предлагаю раненым. Я говорил о достоинствах и святости жизни, посвященной Храму. Наполовину всерьез я упоминал об имеющейся у него возможности отречься от грешного мира, вступить в Храм, стать нашим братом. Милорд, можете вообразить мое удивление, когда сэр Варрис согласился... нет, даже стал настаивать на передаче всех своих земель и богатства аббатству и

готовности тотчас дать клятву. — Гулманан закатил вверх глаза. — Воистину чудо!

— Что?! — взревел король.

Окруженный охраной монах неожиданно сорвал свой капюшон, лицо Варриса было искажено гневом.

— Помогите! — прохрипел он. — Помогите, милорд! Меня предали...

— Дюжина братьев были свидетелями его поступка и поклянутся в этом любой клятвой, — сурово произнес аббат. — Успокойся, брат Варрис. Если зло вновь овладело твоей душой, я назначу тебе тяжкое покаяние.

— Колдовство! — прокатился потрясенный шепот по длинному залу.

— Все знают, что колдовство не имеет силы внутри стен святого аббатства, — одернул присутствующих Гулманан. — И не болтайте ереси!

Варрис безумно озирался среди копий и топоров, кольцом окруживших его.

— Меня одурманили, милорд! — выдавил он. — Да, я помню, что делал, но я был лишен собственной воли... я подчинялся словам этого старого дьявола... — Варрис увидел Алака и прорычал: — Гипнит!

Патрульный выступил вперед и поклонился королю.

— Ваше величество! Сэр Варрис первым выбирал оружие, но если вы хотите снова осмотреть его, оно здесь.

Устройство было несложным: выдвигаемая игла для подкожных инъекций, надо лишь знать, где находится кнопка. В мастерской флиттера можно изготовить такую штуку за пару часов.

Достав шпаги из-под плаща, Алак протянул их королю. Морлак пристально осмотрел металл и приказал принести пару перчаток.

Надев их, он резким движением разломил лезвие пополам. Механизм устройства открылся перед ним.

— Вы видите? — закричал Варрис. — Видите отравленые колючки? Сожгите мошенника живьем!

Морлак злобно ухмыльнулся:

— Так мы и сделаем!

Внутри у Алака все напряглось. Наступил щекотливый момент. Если он не вывернется, его ждет мучительная смерть.

— Милорд! — начал он. — Это несправедливо. Шпаги одинаковые, и сэр Варрис выбирал первым. Закон разрешает использовать скрытые дополнительные части и не предупреждать о них.

— Яд... — возразил Морлак.

— Но это не был яд. Разве Варрис не стоит живой перед вами?

— Да... — поскреб затылок король. — Что ж, когда вы снова будете сражаться, вы получите оружие от меня.

— Монах не имеет личных ссор, — сказал Гулманан. — Неофит должен вернуться в свою келью для молитвы и поста.

— Монах может быть освобожден от клятвы при определенных условиях, — заспорил Морлак. — Я позабочусь об этом.

— Нет, подождите! — воскликнул Винг Алак в лучшей шекспировской манере. — Милорд, я выиграл дуэль. Нельзя говорить о ее возобновлении... нельзя сражаться с мертвым человеком.

— Выиграл? — Варрис боролся с крепкими монахами, вцепившимися в его плечи. — Я стою здесь живой, готовый к...

— Милорд, — сказал Алак, — могу я изложить свои доводы?

Брови короля нахмурились, но он согласился:

— Давай!

— Очень хорошо. — Алак прочистил горло. — Сперва, значит, я сражался по правилам. Разумеется, в каждой шпаге имелась иголка, о которой сэр Варрис не был предупрежден, но это дозволяется кодексом. Могут сказать, что я отравил его, но это клевета, поскольку вы все видите Варриса живым и невредимым. Лекарство, которое я использовал, действует очень недолго и поэтому не является ядом. Следовательно, дуэль была честной и справедливой.

— Но не полностью законченной, — возразил Морлак.

— Она закончена, милорд. Чем оканчивается дуэль? Один из участников умирает, что является прямым результатом мастерства и храбрости соперника.

— Да... конечно.

— Тогда я заявляю, что Варрис умер: не вследствие отравления и не вследствие нанесенной ему раны. Он мертв, так как, напоминаю, принял обет монаха... и сделал это под влиянием моего наркотика! Его клятва может быть аннулирована Советом, но до того момента она связывает Варриса. И... монах не имеет собственности, которая должна быть возвращена наследникам или отойти аббатству. Его жена становится вдовой. Он не подчинен никаким гражданским законам. Короче, юридически он мертв!

— Но я стою здесь! — закричал Варрис.

— Закон священен, — четко произнес Алак, — и по нему ты мертв. Ты больше не сэр Варрис из Вайнабога, а брат Варрис аббатства Гриммок. Совсем другая личность. Если этот факт не будет признан, опрокинется вся структура тунсбанского общества, опирающаяся на полное разделение гражданского и религиозного кодексов. — Алак поклонился. — Следовательно, милорд, я победитель дуэли.

— Согласен, — в конце концов уступил Морлак. — Сэр Винг Алак, ты победил. Пока ты мой гость, я не причиню тебе вреда... но до заката солнца ты должен навсегда покинуть Тунсбу. — Взгляд короля перешел к Варрису. — Не бойся, я сообщу в совет, и тебя освободят от клятвы.

— Вы можете сделать это, милорд, — сказал Гулманан, — но, пока не вынесен декрет, брат Варрис останется монахом и будет жить, как живут все монахи. Закон не позволяет исключения.

— Верно, — проворчал король. — Только несколько недель... будь терпелив.

— Монахам, — продолжал Гулманан, — запрещено ублажать себя особой пищей. Ты будешь есть добрый хлеб Тунсбы, брат Варрис, и размышлять над...

— Я умру! — ошеломленно воскликнул преступник.

— Вполне вероятно, что ты уйдешь в лучший мир, — улыбнулся аббат, — но я не могу пренебречь законом. Правда, я мог бы послать тебя, если ты

согласишься, со специальным поручением к королю Галактики, у которого я хочу попросить некоторые книги. Сэр Винг Алак с радостью отвезет тебя.

Морлак сидел не шевелясь. В зале никто не смел двинуться. Затем что-то сломалось в Варрисе. Он немо кивнул головой. Вооруженные собратья повели его к кораблю.

Винг Алак вежливо поблагодарил короля за гостеприимство и последовал за ним. Больше он не произнес ни слова, пока пленник не был благополучно закован в наручники.

Корабль поднялся в космос, и, оставив Дрогса у панели управления, Алак благодушно закурил хорошую сигару.

— Веселей, старина! — подбодрил он Варриса. — Все будет хорошо. — Ты сразу почувствуешь себя лучше, когда психиатры избавят тебя от тяги к убийству.

Варрис злобно посмотрел на него:

— Наверное, считаешь себя героем, Алак?

— Видит Бог, нет! — Алак открыл буфет и достал бутылку виски. — Я охотно уступаю тебе титул. Как раз здесь твоя главная ошибка. Герой никогда не должен связываться с умным трусом!

ЛАКОМЫЙ КУСОК

Внешность Хурулты, Арказхика из Унзувана, соответствовала его характеру. Он являл собой великолепный образ взрослого улуганина: двух с половиной метров ростом, но был настолько широк в плечах, что казался гораздо ниже, хоть и массивней. На его фоне стоявший рядом худой рыжеволосый человек выглядел карликом. С плеч Хурулты спадала накидка кричащей расцветки — только варвар мог надеть такую, — и казалось, что улуганина окутывает то ли пламя, то ли струи переливающейся радуги. От громовых раскатов его голоса великолепные хрустальные украшения приемного зала дрожали и тихонько позвякивали; слова он произносил твердо, размеренно и холодно.

— Наши намерения неизменны, — отчеканил он. — И если Лига считает, что вопрос можно разрешить, только прибегнув к военным действиям, то это ошибка Лиги.

Винг Алак, уроженец Сол III и сотрудник Галактического Патруля Лиги, поднял глаза на лишенное растительности голубое лицо и рискнул вежливо улыбнуться. Улуганцы считались гуманоидами по многим пунктам классификации: шестипалые руки, клешневидные ступни, заостренные уши мало что значат в Лиге, объединяющей разум в фантастическом разнообразии форм.

— Не стану доказывать очевидное, Ваше превосходительство, — произнес Алак, — и подчеркивать тот факт, что Унзуванская Империя включает в себя

лишь одну планетную систему, в которой для жизни подходит только Улуган, в то время как Галактическая Лига объединяет добрый миллион звезд. Этот факт нужно учитывать при любых вариантах. Поэтому, должен отметить, я нахожусь в недоумении; может быть, Ваше Превосходительство будет снисходительно и осведомит меня о своем отношении к данному несоответствию.

Хурулта фыркнул, показав ровный ряд зубов. Несколько лет Алак, как главный представитель Лиги и Патруля, частенько наездами посещал Улуган, но именно за последние месяцы кризиса, когда Алак сидел на Улугане безвылазно, Хурулта окончательно убедился, что соляриании — слабый, болтливый и педантичный бездельник. Хурулта хлопнул огромным голубым кулаком о ладонь и презрительно ухмыльнулся.

— Не будем устраивать полемику, — прогрохотал он. — Ближайший форпост Лиги находился на расстоянии тысячи световых лет, атаковать нас на таком удалении от средств доставки просто смешно. Кроме того, уже многие годы наши агенты работают на вашей территории. И мы знаем настроение внутри Лиги... Ваше население не проголосует за войну, которая принесет ему только расходы и горе. И еще: ваш Патруль — всего лишь полицейские силы для поддержания порядка внутри границ Лиги. Вы — обычный полисмен! В то время как моя империя создала настоящую *военную* машину.

Хурулта поиграл мускулами.

— Что еще? — прорычал он. — Я утверждаю: требование улуганцев совершенно естественно. Вы выбрали свой путь и теперь не мешайте нам сделать собственный выбор. Мы не хотим с вами воевать, но также не хотим ограничивать себя моральными догмами совершенно чужой нам цивилизации. Если вы попытаетесь остановить нас, то в лучшем случае окажетесь незначительным препятствием на нашем пути; и мы готовы сражаться тысячу лет до полного вашего уничтожения. Мы воинственная раса, а вы нет; это существенная разница. Простая арифметика говорит не в вашу пользу.

Хурулта сел за стол, рассеянно поигрывая кинжалом, украшенным драгоценными камнями. Потом произнес отрешенным и безучастным голосом:

— Можете информировать правительство, что Улуган уже начал оккупацию Тукатана и других планет этой системы. Вот и все. Можете идти.

Завершить такими словами беседу с послом значило влепить ему пощечину. Алак с трудом сдержался, затем бесстрастное выражение его лица смягчилось, и он произнес елейным голосом:

— Если Вашему Превосходительству угодно, пусть будет так. Всего хорошего.

Он поклонился и вышел из великолепной залы.

Место действия: верхний этаж здания Солнечного отдела Департамента Разведки Патруля Лиги, Англия, Земля. Кабинет, скудно обставленный мебелью: несколько релаксационных кресел, стол, пульт управления компьютеризованной картотекой. Прозрачная стена открывала спокойный пейзаж лесистых холмов с несколькими домиками и громадной пищевой фабрикой вдали. Под куполом неба, наполненного белыми барашками облаков и солнечным светом, то здесь, то там поблескивали серебристые воздушные суда. Картинка, кажущаяся немыслимо далекой от тревожного мира галактической политики.

Действующие лица: Мирн Калтро, начальник отдела, высокий седой человек в переливающейся форме офицера Патруля. Джорел Мейнц, социотехнический директор Солнечной системы, маленький, темноволосый, напряженный, старомодный, в темно-красной одежде с золотой окантовкой. Винг Алак, агент с правом свободных действий, завзятый щеголь, даже сейчас одетый по последней серо-голубой моде. И это несмотря на то, что несколько последних лет он провел вдали от дома.

Политическая обстановка: цивилизация Лиги объединила почти все разумные расы, большинство из которых имели свои собственные правительства. Цивилизация расширяла свои границы почти ежегодно, и даже хорошо информированному администратору невозможно было находиться в курсе всех значитель-

ных событий. Едва ли Джорел Мейнц до сегодняшнего дня слышал название планеты — «Улуган», но в данный момент от него требовали разрешить действия, могущие изменить всю галактическую историю.

Джорел Мейнц достал сигарету, закурил. Затем быстро и жестко произнес:

— При чем здесь Солнечная система? Этот вопрос входит в компетенцию только Съезда Лиги.

— Который соберется не раньше чем через два года, — уточнил Калтро. — О чем наш дружок Хурулта прекрасно знает. Даже для того, чтобы собрать кворум чрезвычайной сессии, потребуется минимум шесть месяцев. Улуганцы отлично все рассчитали.

— Высшее Командование Патруля наделено широкими полномочиями. — Мейнц помрачнел. — Достаточно широкими. Я не хочу сказать, что одобряю все ваши действия, о которых узнаю из докладов. Однако в данном случае...

— Мы готовы к действию, — заверил Калтро, — я беседовал с каждым членом Высшего командования. Тем не менее ситуация беспрецедентная. Патруль, как известно, создавался для поддержания мира внутри границ Лиги. О применении силы за ее пределами речи не было. Акция против Улугана будет носить двусмысленный характер, и, возможно, наступит день, когда мы пожалеем о своем решении. Многие политики проявляют открытое недовольство Патрулем: они проводят конституционные поправки, ограничивающие его полномочия на местах. Если они заручатся поддержкой достаточного числа сторонников, убедив их, что Патруль превратился в безответственную машину, развязавшую войну по собственной инициативе, то, скорее всего, они добьются своего...

— Понимаю. Но чем я могу помочь?

— Ваше влияние поможет убедить Солярианский Парламент утвердить акции против Улугана, а в результате Сол сможет заявить, что Патруль оснащен на случай необходимости специальными средствами и наделен правами применять их незамедлительно. Таким образом, мы выполним поставленную задачу.

— Ни одна система не вправе принимать подобное решение. Патруль принадлежит всей Лиге.

— С вашего позволения. — Калтро приподнял густые седые брови и улыбнулся; его лицо тут же сморщилось, будто сделанное из жесткой коричневой резины. — Вы практик в политике и знаете не хуже меня, что Сол остается ведущей системой Лиги. Если мы примем такое решение, то большинство планет поддержит его, и на предстоящем Совете мы окажемся в большинстве, то есть Совет практически одобрит уже свершившееся. А сейчас мы должны действовать!

— Хорошо!.. — Мейнц нахмурился и посмотрел на сигарету, которую разминал костлявыми пальцами. — Хорошо, все верно, — я уяснил вашу точку зрения. Но вы, кажется, все еще не поняли меня. *Почему* я должен помогать вам действовать против Улугана? — Он поднял руку, предвидя вопросы. — Подождите, дайте мне закончить. Как я понимаю, Улуган — империя, состоящая из одной планетной системы и находящаяся почти за тысячу световых лет от наших территориальных границ. Улуган собирается включить в состав империи еще одну систему, население которой не протестует и не просит у нас помощи. Тем не менее Патруль Лиги заинтересован в осуществлении акции возмездия. Операция по уничтожению Улугана обойдется невероятно дорого. К тому же подготовительная часть операции — перевозки, снабжение — растянется на многие годы, и дай Бог, чтобы весь проект успешно завершился, и на этот счет начнут проводить ответные рейсы на нашу территорию; возможно, им удастся проникнуть в Сол. Кроме того, межзвездное пространство так огромно, что ни введение блокады, ни организация оборонительных линий абсолютно невозможны. Вы должны понимать, какой ужас и разрушения вызовет первый же их рейд, учитывая использование самого современного оружия. Лига *не является* одной нацией, империей или альянсом. Ее создали для урегулирования межзвездных споров и предотвращения возможных войн. Планетные системы, входящие в состав Лиги, политически и экономически слабо связаны между собой; они никогда не согласятся ввести у себя федеральное правление. Короче говоря, абсолютно невозможно объединить их для ведения войны.

Если намерения улуганцев соответствуют сообщению агента Алака, то, вполне вероятно, им удастся навязать Лиге свои условия, даже невзирая на то, что одна планета противостоит миллиону планет Лиги. Лига способна понять, что игра не стоит свеч. А возмущение по поводу незаконного вовлечения в войну, о которой девяносто процентов граждан узнает в тот момент, когда смерть обрушится с небес, — запросто развалит Лигу!

Он глубоко затянулся и выдохнул гигантский клуб дыма.

— Короче говоря, джентльмены, — закончил он, — если вы хотите заручиться моей поддержкой, вам придется представить мне веские аргументы.

Калтро вопросительно посмотрел на Винг Алака. Агент легко кивнул, взял предложенную сигарету, а затем сказал:

— Позвольте мне сделать краткое резюме, директор. Улуган — плотная, металлическая планета красного карлика. Это терреструид — человек может жить на нем, но с минимальным комфортом: полторы земные гравитации, высокое атмосферное давление, бури и холод. Аборигены — существа одаренные, но не уравновешенные, не слишком вежливые, а нравственность им заменяет слепая вера в своего лидера. Конечно, это вопрос культуры, а не генетики, однако вера глубоко укоренилась в их сознании. История Улугана состоит из беспрерывных межнациональных войн, которые способствовали быстрому технологическому прогрессу, но одновременно привели к истощению природных ресурсов планеты. Короче говоря, их история аналогична нашей до Великого Объединения; главное отличие — отсутствие психотехнологии, вследствие чего их общество архаично. Улуганцы открыли сверхсветовое передвижение примерно два века назад и сразу же начали исследовать и безжалостно эксплуатировать ближайшие звездные системы. У них до сих пор существует национальное деление, так что споры из-за природных ресурсов привели к широкомасштабной звездной войне. Одна нация, унзуванцы, поработила все другие и объединила их в расовую империю. Это произошло около

тридцати лет назад, а еще год спустя, исследуя удаленные от центра Галактики звездные скопления, на них наткнулась экспедиция Лиги.

Естественно, что Улуган, как и все цивилизации, достигшие высокой степени развития, получил предложение войти в состав Лиги, но Улуган стал первой планетой, отвергшей приглашение. Причем в грубой форме. Улуганцы заявили, что в состоянии сами получить все, что может дать им вступление в Лигу, и будь они прокляты, если уступят хоть частицу своего суверенитета.

— М-м-м, итак, параноидная культура, — заключил Мейнц.

— Очевидно. Ну, конечно, Лига... или, вернее, ее представитель, Патруль... сделали все возможное. В надежде переубедить их мы посылали делегации, культурные миссии и так далее. Последние пятнадцать лет я активно принимал участие в работе, хотя нескольких визитов явно недостаточно. Слишком много дел, но самое главное — мы почти не продвинулись в достижении результата, за исключением... — Алак сдержанно ухмыльнулся. — Ну, в общем, теперь у нас есть эффективная разведывательная сеть.

— Вы имеете в виду шпионов? — нетерпеливо спросил Мейнц.

— «Чет, никогда! Да что там, *никогда*! Почти никогда!» — Классическая цитата, произнесенная Алаком, не произвела впечатления на Калтро, промычавшего в ответ нечто невразумительное, хотя Мейнц и улыбнулся.

— Мы не интересовались военно-политической структурой Улугана, — таинственно продолжал агент. — В основном мы изучили близлежащие к нему системы. Никто ведь не запретит изучать примитивные планеты, не так ли? Мы собрали целое досье по социодинамике Улугана, но если говорить вкратце, расстановка сил там предельно проста. На верхней ступени структуры — император, получивший свой трон в наследство, и военная аристократия с порабощенным классом рабочих и крестьян. Аристократия неразрывно связана с крупными коммерческими предприятиями, являющимися частью струк-

туры монополистического капитализма, частично руководимого государством и частично контролирующего государство.

Нет, я, кажется, не так выразился. Лучше будет сказать, что промышленные тресты и милитаристская каста вместе составляют государство. Верховная власть практически во всех сферах сосредоточена у Арказхика, который одновременно является и премьер-министром, и военным министром. Сейчас этот пост занимает Хурулта — могущественный, агрессивный, амбициозный субъект, жаждущий прославиться. Итак, Улуган под правлением Хурулты собирается начать захват территории для империи. Точнее говоря, они собираются аннексировать Тукатан, богатейшую планету с миролюбивым населением. Фактически, в то время пока я летел сюда, они уже приступили к захвату. Но вы понимаете, что этот шаг — первый на их пути?

— Да, — сказал Мейнц после паузы. — Понимаю, что да. — И оживленно спросил: — Почему мы должны принимать решения о событиях, происходящих за тысячу лет отсюда?

— Уже не тысяча световых лет, — сказал Калтро. — Территория Лиги расширяется за счет исследований, колонизации и присоединения новых систем. Угуланская империя также расширяется, и главное — в нашем направлении. Эксперты полагают, что границы соприкоснутся в течение ближайших двухсот лет. Совершенно ясно, что межзвездная цивилизация должна занимать не только огромное пространство, она должна иметь протяженность во времени. Мы обязаны подумать о ближайшем будущем.

— М-м-м, — Мейнц потер подбородок.

— Я думаю, что если мы не остановим Улуган сейчас, то нам останется меньше чем два столетия, — сказал Алак. — Они лезут на рожон. Война сплотит их молодую империю, как ничто другое.

— Верная точка зрения, — кивнул Мейнц. — Но *можем* ли мы остановить их? Взяться в драку и потерпеть неудачу — катастрофа для нас.

— Мы можем попытаться, — серьезно сказал Калтро. — Я не стану скрывать от вас, что ситуация,

мягко говоря, опасная. Но я не вижу способа уклониться.

— Хотя... война... — Мейнц скривился так, будто надкусил кислый плод. — Уничтожение планет. Убийство миллиардов невинных жителей ради того, чтобы добраться до кучки виновных вождей. Наследство ненависти, разъедающий эффект победы, обрушивающийся на головы так называемых победителей... Патруль всегда существовал для того, чтобы предотвратить войну. Если мы ее не спровоцируем...

— Наше намерение, — прервал его Калтро, — остановить Улуган, не начиная войны.

— Как?

— Я не имею права рассказывать. У нас есть свои секреты.

— Но если вы спровоцируете их, они объявят войну?

Алак пожал плечами:

— Постараемся не допустить.

— Предупреждаю, — сказал Мейнц, — если вы втянете нас в серьезные неприятности, Совет спустит с вас шкуру.

Никто из членов Патруля ничего не ответил на это.

Вскоре администратор ушел. Он забрал с собой объемистую кипу докладов и социодинамических расчетов и не дал никаких определенных обещаний. Но Калтро многозначительно кивнул своему агенту:

— Он согласился.

— Он должен понять, — вздохнул Алак. — Если я скажу, что ситуация хуже, чем я ожидал. Стоит только посетить Улуган и *почувствовать* растущую ненависть и напряжение. Ощущение возникает такое... ну как будто вы физически чувствуете, как ненависть прилипает к коже. И вам хочется смыть ее с себя.

— Вы возьмете на себя руководство операцией? — спросил Калтро. — Я встану за вашей спиной, чтобы отражать упреки возмущенных сограждан.

— Я попытаюсь, — сказал Алак; в углу его рта собрались скорбные складки.

— И имейте в виду, Винг, — пояснил Калтро, — ситуация беспрецедентная. Мы действуем за преде-

лами Лиги; в случае серьезной опасности у нас может возникнуть желание преступить Основную Директиву. Не забывайте: запрет распространяется и на вас.

— Я знаю, — сказал Алак. — Патрульного, преступившего Директиву, ждет стирание памяти и увольнение со службы. Никакие доводы или оправдания не принимаются. Запрет распространяется на всю операцию в целом. Даже если выполнение будет стоить нам войны.

Через некоторое время он тоже ушел, ему нужно было работать — ждала накопившаяся гора бумаг. Бумаги — вовсе не бюрократический инструмент, а органическая функция существования любой крупной миссии. Тут начисто отсутствует героизм. Ничто не напоминает о молодцах в ботфортах, ревущих военных кораблях и беспрестанно палящих пушках.

К театральной атрибутике Патруль Лиги не имеет никакого отношения. Патруль обязан прекращать войны, а не развязывать их, иначе несправедливость, кровавая бойня и опустошение спровоцируют ненависть, что в конечном счете разрушит Лигу. Патруль придумал для себя маску — образ врага, страшного и непримиримого — и тщательно поддерживал всеобщую веру в свою кровожадность. Он стряпал ложные известия из пекла сражений и постоянно держал наготове несколько боевых кораблей внушительных размеров. Когда логика доводов не оказывала должного воздействия на дела в Лиге, Патруль прибегал к блефу; когда не помогал блеф, использовал подкуп, шантаж, организовывал перевороты, пуская в ход все средства, которыми располагал. Но всегда и во все времена Патруль строго придерживался Основной Директивы, которая являлась самой главной его тайной.

Ни при каких обстоятельствах Патруль или принадлежащее ему техническое средство не имеет права убить разумное существо.

Тысяча военных кораблей копьями пронзала межзвездную тьму. В авангарде летели разведчики, на флангах — крейсера, а в центре солидно плыли гигантские дредноуты, любой из которых мог уничтожить все живое на планете среднего размера. За

ними следовали гражданские корабли — еще одна тысяча; транспорты, корабли поддержки, летающие мастерские. Позади остались созвездия Лиги, затерявшиеся в холодном сиянии Вселенной; впереди увеличивались в размерах солнца разреженного скопления, среди которых прятался Улуган.

Ударная группа держала курс на звезду — желтый карлик, — находившуюся на расстоянии десяти световых лет от Туму, что по-унзувански «солнце», и наконец достигла орбиты второй планеты. Разведчики ныряли вниз сквозь плотную атмосферу, используя инфраскопы, чтобы не потеряться в тумане и горячем, непрерывно льющемся потоке дождя; геозвуковые установки прощупали тысячи километров болот, джунглей и бездонного океана, прежде чем определили твердую часть поверхности, на которую опустились основные корабли армады.

На шестой день Винг Алак, стоя в фосфоресцирующих сумерках, наблюдал за кипящей вокруг него работой. Бластеры раздвинули джунгли, обнажив красную скалу. При свете прожекторов тракторороботы тяжело переползали взад-вперед, выравнивая площадку для ракетодрома. Клубившийся едкий туман окутал уже готовые бараки для рабочих.

Планета оказалась населена разумными существами, но их было совсем немного. Мокрая одежда облепила тело Алака, он устало отругивался, проклиная жару и влажность. Бесило непрерывное нудное жужжание санитара, висевшего у него на шее и уничтожавшего микробов и плесень, которые в момент погубили бы его. *Подумать только*, промелькнула мысль в его истерзанном мозгу, *я с таким же успехом мог бы работать техником на какой-нибудь пищевой фабрике у себя дома.*

Покрытый чешуйками саррушианин-патрульный, имея несколько щупалец, мог в одиночку выполнить работу всей бригады. Он спокойно шлепал по грязи — эта чертова дыра идентична его родной планете. Алак прислушался: из глубин ядовитого тумана то и дело доносился рев хищных животных, которые прятались среди удивительных деревьев, стрелявших

ядовитыми колючками и уже убивших двух людей из его отряда.

Клюнут когда-нибудь на нашу приманку тупые улуганцы?

Из палатки дальней связи вышел старший помощник — тощий каркарианин с клювастым лицом. Космический скафандр, без которого он не выжил бы на этой планете, сковывал его движения. Каркарианин отдал честь; механический голос транслятора произнес:

— Межзвездный вызов, сэр. С Туму.

— О, отлично. — Алак кивнул и последовал за высокой металлической фигурой. Он насквозь промок, пока добрался до палатки, и подумал, что вид у него не для бесед с улуганцем — потенциальным врагом.

Он сел и пригладил рукой огненные волосы. Знакомое лицо — генерал Севулан из личного штаба Хурулты, с которым Алак сталкивался неоднократно. Собрав всю свою учтивость, Алак произнес:

— Привет. — Такое обращение само по себе являлось оскорблением.

— Вы командуете этой экспедицией? — рявкнул Севулан.

— Более или менее, — ответил Алак.

— Я требую немедленного и официального объяснения, — сказал улуганец. — Наш разведывательный корабль зафиксировал источник радиации и начал расследовать причину. Вы обстреляли его, но ему удалось уйти...

— К нашему сожалению, — ответил Алак, хотя лично отдал приказ стрелять мимо.

— Начало военных действий?! — воскликнул Севулан.

— Вовсе нет, — сказал Алак. — Всего лишь самозащита. Ваш разведчик не подчинился радиокоманде остановиться.

— Но вы строите военную базу на Гарвише II!

— Правильно! Ну, и что из того?

— Гарвиш является...

— Ничейной территорией, — холодно заметил Алак. — Если Улуган решается занять Тукатан, не учитывая волеизъявления населения, Лига с таким же правом аннексирует незаселенную планету. Ваше

правительство никогда не относилось к нам особенно дружески, вы это знаете. Мы принимаем меры предосторожности, не более того.

— Объявляю ультиматум, — сказал Севулан. — Требую незамедлительно поставить о нем в известность Правительство Лиги. Так или иначе, я довожу до вашего сведения: если вы немедленно не эвакуируетесь с Гарвиша, улуганцы сочтут ваше появление актом агрессии и поводом для объявления войны.

— Но подождите... — начал Алак.

— Ударные силы уже находятся в пути. Если вы не уберетесь подобру-поздорову, они очистят планету, — сказал Севулан.

— Не упустите свой шанс.

Хорошо тренированное лицо Алака выражало растерянность.

— Я... У меня нет таких полномочий, — медленно проговорил он. — Вы должны дать мне время, чтобы наладить связь с моим правительством...

— Нет!

— Хотя бы...

— Я ознакомил вас с ультиматумом, — отрезал Севулан, и экран погас.

Алак встал, обнял за «плечи» своего помощника и пустился в пляс вокруг палатки.

Арказхик Хурулта завис над столом, словно собираясь броситься на Севулана. Постепенно придя в себя, он расцепил огромные руки и откинулся в кресле.

— Вы сказали, что они ушли? — повторил он.

— Да, господин, — ответил генерал. — Когда наши ударные силы приземлились, планета и вся система были пусты. Очевидно, они испугались, узнав о наших намерениях.

— Но *куда* они ушли?

Севулан позволил себе пожать плечами.

— Пространство велико, — ответил он. — Они могут находиться где угодно, господин. Но я полагаю, что они удирают домой, поджав хвосты.

— И все же — покинув базу, строительство которой стоило им больших средств и многих сил...

— Да, господин, они хорошо спланировали акцию. А для работ, должно быть, пригласили существ, приспособленных к условиям Гарвиша II. Тут у них явное преимущество: среди своих сограждан они всегда найдут виды, способные чувствовать себя как дома в любых мирах. — Севулан улыбнулся. — Я советую, господин, чтобы мы достроили и использовали базу сами, это выгодно, так как в нее вложено уже много труда.

Хурулта погладил массивный подбородок.

— У нас нет выбора, — произнес он недовольным тоном. — Если мы не овладеем этой системой, они смогут в любой момент вернуться, к тому же база расположена в опасной близости от нашего дома и, как вы сказали, их люди приспособлены к условиям планеты лучше, чем наши. — Он пробормотал проклятье. — Досадно. Нам понадобятся почти все наши силы, чтобы быстро и надежно оккупировать Тукатан. Ну, тут уж ничего не поделаешь.

— Мы все равно собирались захватить Гарвиш, господин, — почтительно сказал Севулан.

— Да-да, конечно. Все скопление. — Будучи реалистом, Хурулта подавил внутреннее раздражение. — Значит, считаете, что мы сэкономим время и деньги?

— Я...

Севулан не успел ответить, его прервал зуммер служебного телеэкрана. Хурулта включил связь.

— Да? — проворчал он.

— Докладывает генерал Уланхо из Центральной Разведки, господин.

— Я знаю, кто вы. В чем дело?

— Только что прибыл разведчик, господин. Патруль находится на планете Шанг V. Строят новую базу.

— Шанг V?..

— Двенадцать и три десятых световых года отсюда, господин.

— Знаю! Ждите у аппарата. — Хурулта отключился. Он обернулся к Севулану, сопя, словно гигантская паровая машина.

— Что это за планета Шанг V? — прорычал он.

— Известно мало, — генерал запнулся. — Большая, как я припоминаю. Двойная гравитация, атмосфера в основном состоит из водорода, ужасающей силы бури, вулканические извержения; в общем, чертова планета. Я не понимаю, как они решились...

— Неслыханная наглость! — грубо оборвал Хурулта. — Ну, это не пройдет им даром! Никаких ультиматумов! Никаких переговоров! Вы немедленно возглавите ударную группу и вышвырните их оттуда вон!

Арказхик пребывал в плохом расположении духа, и, когда он проходил мимо, подчиненные старались казаться невидимыми. Начатые и все еще продолжающиеся бестолковые и дорогостоящие операции на Гарвише и Шанге V нарушили график захвата Тукатана. То, что флот Патруля улетел, не вступая в бой, стоило улуганцам прибыть на Шанг V, явилось слабым утешением; враг сохранил свои ударные силы и мог напасть в любой момент с любой стороны. Эта неопределенность стала причиной оперативного развертывания вокруг Туму защитной системы, в которой были задействованы сотни тысяч хорошо обученных космонавтов. Кроме того, система предусматривала введение режима гражданской обороны: силовые экраны над всеми городами, ограничение передвижений по планете, учебные космические тревоги, шпиономанию и — как следствие — всеобщую нервозность, грозящую разрядиться массовой истерией. Неопределенность означала также, что и в секторе планеты Шанг V — на случай возвращения Патруля — необходимо оставить гарнизон. Отсюда — отсрочки, расходы и яростные дебаты в кабинете министров, и от Хурулты теперь требовалась вся мощь его авторитета, чтобы сдержать недовольство государственных мужей.

Хурулта спустился на гравитационном лифте, промчавшись мимо множества этажей к подземному тунелю, вырубленному в скале под Резиденцией. Он направился к одной из дверей, а следом по коридору гулко грохотали сапоги телохранителей. Хурулта вошел в комнату и увидел полковника разведки, си-

девшего за пультом. Тот вскочил и низко поклонился. Незнакомое крохотное существо съежилось в кресле.

— С какой планеты? — проворчал Хурулта. — Мне никто не сообщал о нем.

Маленькое, костлявое, четырехрукое, зеленоватое создание с пучеглазой головой, казавшейся слишком большой для такого тела, заговорило звонким, но полным ужаса голосом:

— С вашего позволения, господин, я из...

— Я тебя не спрашиваю, — пролаял Хурулта и дал ему пощечину. Голова дернулась на тонкой шее, и пленник заплакал.

— Ну?

— С Альдебарана VIII, господин, — доложил полковник. — С планеты Лиги. Его зовут Голн, он торговец, промышляющий в секторе уже много лет. В соответствии с вашими указаниями, господин, его взяли вместе с другими чужеземцами два дня назад. Физического воздействия не понадобилось — от страха он заговорил на обычной дознавательной процедуре. Выяснилось, что он агент Патруля.

— Мне уже докладывали, — фыркнул Хурулта. — Каким образом его поимка касается меня? Он выведал о нас какую-нибудь секретную информацию?

— Нет, господин. О нас — нет. Он действительно торговец. Но время от времени докладывает Винг Алаку о том, что узнал. На допросе он рассказал нам, что Алак заинтересовался Умунгом.

— Умунг... м-м-м... Насекомовидные, правильно? Около тридцати световых лет отсюда, на самой границе нашего скопления.

— Да, господин. Он торговал с ними много лет. Раса со слабо развитыми индивидуальными качествами, но с высоким уровнем коллективного разума. Возможно, они наиболее искусные работники в Галактике.

— Да. Тут есть над чем подумать. Неужели Алак собирается использовать их против нас?

— Нет, господин, насколько знает Голн, они совершенно небоеспособны и безынициативны, чтобы стать хорошими солдатами. По мнению Голна, Патруль собирается задействовать их, тайно продавая

им труднодоступное в их мире сырье, необходимое для получения военных материалов. По всей вероятности, сделка поможет нашему врагу упростить проблему снабжения.

— Так... это... упростит. — Хурулта остановился, на мгновение задумавшись, затем, вихрем налетев на Голна, взревел: — Насколько хорошо ты знаешь Умунг, мерзавец?

Альдебаранец завизжал, впав в состояние панического страха. Вновь обретя способность говорить, он вздохнул:

— Хорошо, могущественный господин, я знаю его х-х-хорошо...

— За твое повиновение мы вознаградим тебя, но в противном случае разорвем на части клетку за клеткой. Что ты выбираешь?

— Я... повинуюсь, мой господин. Психоанализаторы покажут мою п-преданность...

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты составил досье на Умунг. Используй аппаратуру, которая поможет тебе все вспомнить. Сопоставь с информацией, которую найдешь в картотеке Разведки. В течение восьмидневки подготовь для меня полный доклад.

— Я... повинуюсь, я попытаюсь, господин...

Хурулта повернулся к двери. Он был погружен в свои мысли, никто не осмелился обратиться к нему, когда он шел по коридору. Из всего услышанного следовало, что Умунг — настоящее сокровище. Задача Хурулты — не дать Алаку воспользоваться Умунгом. Несомненно...

Но Патруль. Пока Патруль находится поблизости, он не может объявить Лиге войну. Хурулта готов сразиться, столкнись он с ними. Но пока разумнее подождать и закрепиться на достигнутых рубежах.

Для оккупации Умунга много сил не потребуется. Конечно, если его население так послушно, как сообщают донесения. И тогда он докажет денежным баронам, какова реальная польза от его действий. Война должна приносить прибыль; получив ее, бароны поддержат и другие его проекты, укрепят его собственную власть и влияние; и так будет продол-

жаться до тех пор, пока он в конце концов не раздавит их.

Умунг, да. Да, черт возьми!

Представьте себе создание, в общем напоминающее муравья. Конечно, когда оно состоит из двух ороговевших конечностей и достигает метрового роста. Голосовые связки ему заменяют трущиеся друг о друга специальные щеточки, пара щупалец оканчивается гибкими бескостными пальцами, которые сливаются в пару рук, а на запястье каждой расположен короткий стебелек, оканчивающийся глазом, способным к микроскопическому зрению. Голова состоит из крупных челюстей и больших стеблеглаз обычного зрения. Терпеливый, неутомимый, искусный труженик, не считая потребности в пище и склонности к размножению, он занят только работой. Поведение существа полностью подчинено массовому созданию общины, устройством напоминающей пчелиную семью. Если королева, держащая в своих руках нити массового сознания, внушит приказ умереть за нее, то сотни тысяч маленьких коричневых исполнителей с готовностью пойдут на смерть.

Умунг — небольшая планета. Атмосфера разреженная и сухая, пейзаж — большей частью однообразные равнины. Улуганские солдаты, размещенные на Умунге, неизменно жаловались на скуку. Но именно то, что они жаловались на скуку, являлось свидетельством их прекрасного самочувствия.

Чтобы научить умунгцев пользоваться машинами, потребовалось большое количество специалистов. Общинники обучались быстро, альдебаранец Голн оказался весьма полезным, досконально зная местные обычаи. Вскоре почти вся планета была готова начать производство для Улугана.

— Послушайте, полковник, не стойте как чурбан! Давайте сюда свой рапорт.

— С вашего позволения, господин, эскадра моих разведчиков обследовала Систему Джуннузхик, по приказу...

— Знаю! Теперь мы должны следить за каждой планетой в нашем скоплении; никто не знает, где Патруль объявится вновь. Ну, что там? Только не

говорите, что они собираются построить еще одну базу!

— Нет, господин. Наши разведчики взяли для допроса несколько важных ильварцев...

— Ильвар? Кто это? Я не могу держать в памяти названия всех вонючих племен, занимающих никчемные клочки на тысяче обитаемых планет,

— Джуннузхик, господин, является единственной обитаемой планетой в системе. Аборигены относятся к кентавроидам — внушительные ребята и все в чешуе, а на головах клюв и гребень. О да, я вижу, мой господин припоминает. Они добились успеха в развитии нефтеперегонных технологий, неплохие металлурги и так далее. Они признались, что Патруль вступил с ними в контакт, надеясь зевербовать несколько миллионов наемников, предположительно для вторжения на нашу планету.

— И каков результат?

— Значительный, мой господин, аборигены настроены вполне антиулугански, считают, что если нас не остановить, мы поработим их.

— Звучит вполне правдоподобно. Но... О, черт возьми! Теперь нам придется оккупировать еще и эту планету.

— Они отличные воины, господин.

— Знаю! Захват целой планеты — серьезная операция. Но мы не можем сидеть сложа руки; в любом случае планета нужна нам на перспективу. Лучше захватить ее сейчас, полковник. Мы расставим гарнизоны в тысяче стратегических точек, иначе корабли Патруля прокрадутся на планету и проведут рекрутский набор. Немедленно, сейчас же! На Джуннузхик!

— Господин...

— Заткнись! Составь полный рапорт. Вон отсюда. Алло, алло, соедините с Генеральным Штабом... Командующий Туак? Подготовь стратегические части, парень. Мы намереваемся захватить еще одну планету.

— Да, господин.

— Вам знакома планета Ярнах IV?

— М-м-м... разрешите подумать, господин...

— Нет! Вы не способны к мыслительным процессам, вы и ваш отдел планирования!

— Господин, откуда нам было знать, что ильварцы имеют врожденную склонность к партизанским действиям? Несмотря на огромные трудности, мы все равно завоюем планету, хотя времени потребуется больше, чем мы предполагаем. Если нам пришлют подкрепление и улучшат снабжение...

— Заткнись, я сказал! Мы еще не покончили с Тукатаном, на котором оказались благодаря Патрулю. Все резервы мы отправим на Джуннузхик. А теперь слушай и запоминай, иначе не сносить тебе головы. Ярназ — красное карликовое солнце, находящееся на расстоянии около пятнадцати световых лет от Туму. Четвертая планета системы — сплошная непроходимая пустыня, с удушающей атмосферой и ядовитыми тварями. Тем не менее наши разведчики сообщили, что Патруль побывал там. Нет, не база. Они проводили вблизи экватора горные работы. Зачем?

— Не могу знать, господин. Возможно, они ищут компоненты ядерного топлива...

— Я уже проверил, идиот. Ярнах IV так же богат полезными ископаемыми, как космический вакуум...

— Может быть, они роются для отвода глаз, господин? Трюк, чтобы отвлечь наше внимание от реальных подготовлений?

— Вполне возможно. Но мы НЕ ЗНАЕМ! Кажется, Патруль успел изучить примитивные планеты нашего скопления лучше нас самих! Более того, в состав Лиги входит миллион обитаемых планет, они могут подобрать экипажи из разумных существ, для которых Ярнах IV окажется родным домом. Но мы не можем выяснить смысла их реальных приготовлений.

— Да, господин... видимо, вам придется отправить войска и на эту планету.

— Я рад, что вы столь проницательны. Как скоро мы сможем начать операцию?

— Планирование... Господин, мы окончательно увязли. Столько неотложных дел! Каждая новая планета — комплекс проблем, требующий выбора стратегии, расчета тылов...

— Я приказываю, Ярнах IV должен быть оккупирован не позднее чем через месяц. Или ты хочешь, чтобы твоя голова, насаженная на шест, красовалась на рыночной площади?

Дрожь пробежала по спине Хурулты, когда он присмотрелся к существу в клетке.

Оно казалось совершенно безобидным — небольшое кенгуроподобное млекопитающее, с длинными ушами на круглой тупомордой голове. Тонкие четырехпалые руки свидетельствовали о смышлености и способности изготовлять инструменты. Кроткие коричневые глаза не светились угрозой, но... Хурулту наполнил страх. Он сконцентрировал всю свою волю, чтобы смотреть на существо, сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Его поймали на окраине Денговеш-Сити, господин, сразу после происшедших там волнений, — сказал офицер полиции. — Очевидно, причина волнений в том, что это существо распространяет вокруг себя ауру ужаса...

— Откуда оно? — с трудом выговорил Хурулта.

— Мы проверили, господин, оно с Гирейона, планеты, идентичной Улугану и расположенной на краю нашего звездного скопления. Аборигены Гирейона мало изучены, но, судя по всему, являются неагрессивной первобытной расой. Хотя и наделены телепатическими способностями.

— Понимаю... Когда они напуганы, а этого легко можно добиться, они выбрасывают в окружающее пространство импульсы страха, воспринимаемые нашим мозгом.

— Да, господин. Мы думаем, что разведывательный корабль Патруля забросил к нам на Улуган несколько таких существ. Мы уже приступили к поимке остальных.

— М-м-м. — Грозное, грубое лицо Хурулты напряглось. Мысли путались — мозг судорожно боролся с отчаянно вопящим в глубине души страхом. — Да, неплохая идея. Но Патруль не сможет забросить их к нам в количестве, достаточном для возникновения серьезных беспорядков.

— Конечно, господин. Их появление — мелкая неприятность. Как и все остальное, предпринимаемое Патрулем, не так ли... если вы позволите мне высказаться.

Хурулта повернулся и вышел из комнаты. Гирейон — хм-м-м. Крепкий орешек, но и его стоит раскусить. Если забросить большое количество таких существ на вражескую территорию, их присутствие может стать решающим аргументом в психологической войне.

Планеты Лиги — сборище хлюпиков. Им не устоять против чувства страха, они согласятся сдаться первому встречному военному кораблю.

Так или иначе необходимо перекрыть доступ кораблей Патруля на Гирейон. Больших усилий оккупация не потребует, аборигены — не проблема. Как только их психика придет в норму, они станут совершенно безобидными для улуганцев. *На этот раз, мой дорогой друг, — свирепо ликовал Хурулта, — ты перехитрил самого себя.*

Винг Алаку становилось скучно. Работы почти не было, он сидел в рубке флагманского корабля и изучал донесения разведчиков: читал документы или смотрел отснятые материалы. Он приветствовал прибывшего на курьерском корабле посланника, хотя его появление означало неминуемый серьезный разговор.

Джорел Мейнц вышел из шлюза и направился вслед за Алаком по длинному коридору. Он сморщил нос от обилия запахов, наполняющих корабль. Команда солдатского отсека целиком состояла из представителей террестроидных планет, каждое существо имело свой собственный запах, и вентиляционная система не справлялась с полной очисткой воздуха. Мейнц вздохнул и напомнил себе, что их носы, возможно, морщатся точно так же при появлении землянина.

Каюта Алака была просторна и со вкусом обставлена. Большой иллюминатор наполнял ее величественностью космического пространства, но комфортная мягкая мебель скрашивала леденящий душу вид космоса.

Алак дождался, когда они останутся наедине, и наполнил стаканы.

— Шотландское виски, — сказал он. — Для вас это может ничего не значить, но для меня сей напиток — роскошь.

— Патруль неплохо обеспечен, — заметил Мейнц.

— Вполне, — кивнул Алак. — Когда вы на долгие месяцы или годы попадете в лапы совершенно враждебной среды, любая мелочь, способствующая комфорту, значит многое. Существует дичайшее заблуждение, что существа с низким уровнем жизни выносливее. — Он поднял стакан и оценивающе отхлебнул.

— Вы уверены, что нас здесь не найдут? — спросил Мейнц. — Представляю, сколько дыр в пространстве понаделали улуганцы, охотясь за вами.

Алак усмехнулся. Оскалившись, он стал еще сильнее походить на лиса.

— Без сомнения, очень много, — ответил он. — Чем усерднее они ищут, тем большее удовольствие мне доставляют, потому что их поиск — бесполезная трата времени, людей и ресурсов. Пространство объемом в несколько тысяч кубических световых лет — надежное укрытие. Хотя, если они случайно наткнутся на нас, придется уносить ноги.

Мейнц нахмурился.

— Вот по этой причине я здесь, — сказал он резко.

— Дома не удовлетворены моим методом проведения операции?

— Если честно — не удовлетворены. Я на вашей стороне, Алак, и в одиночку протаскивал принятие проекта операции через Парламент. Но с того дня прошел год, а вы не доложили ни об одном конкретном результате. Ваши донесения выглядели бессмысленными и многословными. В конце концов, определенные политические группировки Лиги наняли собственные разведывательные силы и послали своих наблюдателей...

— Удивительно, что их не схватили. Разведка и Секретная Полиция Хурулты работает просто здорово.

— Им удалось ускользнуть. Они вернулись с квадратными от увиденного глазами и принялись звонить на всю Землю...

— А-ах, вот оно что, тогда понятно. Хурулта, надо полагать, предвидел их реакцию, поэтому позволил наблюдателям сделать свое дело и вернуться. Он большой ловкач, наш глубокомордый приятель.

— Хорошо, но вы должны признать, что для недовольства достаточно причин, — заметил Мейнц с оттенком горечи в голосе. — Во-первых, акция изначально имела сомнительную законность. Во-вторых — для ее утверждения в Совет следовало представить результаты конкретных действий. Вместо этого вы, можно сказать, бездельничаете, прячась за чужими спинами. Ни единого столкновения с противником, даже небольшой перестрелки... Вы позволили улугунцам захватить семь планет, не считая Тукатана...

— По последним данным около двадцати, — вежливо уточнил Алак. — Они напуганы и захватывают все, что может представлять хоть какой-то интерес для нас.

— Другими словами, — сказал Мейнц, — вы подталкиваете их именно в том направлении, в котором они и хотят двигаться?

— Правильно.

— Послушайте, Алак. Мне пришлось проделать это опасное путешествие, чтобы посоветоваться с вами. Совет отзовет нас, несмотря на все мои усилия, если я не сумею убедить их, а для этого нужны факты.

— Предоставьте мне своеобразный кредит, — настойчиво произнес Алак. — Я не могу посвятить вас во все тонкости игры. Подлинная причина действий Патруля — секрет. Позвольте мне выразить очевидную истину, что прямое военное столкновение обернется тяжкими и расточительными последствиями. Я не уверен, что мы выиграем схватку с улуганцами.

— Что вы в таком случае *намерены* делать?

— Продолжать сидеть здесь, — рассмеялся Алак. — Просто сидеть, пить шотландское виски, позволяя событиям течь своим чередом.

Офицер медицинской службы остановился у входа в палатку. Беспрерывный, нескончаемый дождь, струями стекавший с плеч, образовал лужицу вокруг его перемазанных ног. При ярком свете лампы он

отметил, что и эту палатку начала проедать плесень. К концу восьмидневки материя превратится в лохмотья. Жить в металлических бараках, брошенных Патрулем, было все равно что сидеть в печи — кондиционеры ржавели и гнили быстрее, чем их успевали чинить.

Он вяло отдал честь. Командир Гарвишской Базы поднял на него глаза, оторвавшись от галактического пасьянса.

— В чем дело? — безразлично спросил он.

— Еще у пятнадцати человек лихорадка, — доложил офицер медицинской службы. — А десять человек из заболевших ранее уже мертвы.

Командир кивнул. Его влажная лысая голова блестела в ярком свете. Голубое лицо осунулось и пылало нездоровым огнем, прекрасный мундир безнадежно испортила плесень.

— Санитары не справляются? — спросил командир.

— Справляются со всем, кроме этой заразы, — ответил доктор. — Видимо, вирус не поддается разрушению вибрацией. Но я до сих пор не сумел его выделить.

— Мы попросту не подходим для такого климата. — Командир покачал головой и дрожащей рукой потянулся к бутылке. — Мы — обитатели холодного мира...

Из джунглей донеслось жуткое звериное рычание.

— За последнюю восьмидневку ядовитые растения опять убили несколько солдат, — сказал доктор.

— Знаю. Я умолял генштаб выделить нам воздушные купола и космические скафандры, но мне ответили, что снаряжение требуется повсюду.

Слабая искра надежды вспыхнула в глазах медика:

— Вот когда на планете Умунг начнут, наконец, производить...

— Да-да. Но к тому времени, возможно, мы уже будем мертвы. — Командир поежился. — Мне холодно, — его голос внезапно сорвался на фальцет.

— О! — Доктор нервно шагнул вперед. — Разрешите осмотреть вас...

Командир поднялся на ноги, на секунду замер, ухватившись за стол, но потом внутри его измученного тела что-то оборвалось, и он рухнул на пол.

Вокруг стоял лес, бесконечный лес, за которым в неизвестных далях расстилались равнины, горы и моря. Смерть подстерегала улуганский Патруль за каждым стволом, поэтому солдаты медленно продирались сквозь заросли. Детекторы мрачно сигнализировали: металл, импульсы разума, тепловое излучение живых тел. Глаза беспокойно косились из-под больших угловатых шлемов, а пальцы нервно подрагивали на гашетках.

В броневике, ехавшем в середине колонны, командующий улуганцев переговаривался со своим помощником.

— Очень скверно, — вздохнул он. — Ильварцы — крепкие орешки.

— Против нас им не устоять, — ответил помощник. — В любой атаке мы уничтожим их.

— Они не станут и пытаться. Что прикажете ждать от народа, который эвакуировал свои жилища и выжег земли перед нашим приходом? Разве не глупо сжигать собственные города только для того, чтобы доставить неприятности врагу?

— Мы обучим их хорошим манерам, — упрямо произнес помощник.

— Со временем, если получим достаточно солдат и хорошее снабжение. Но я, черт возьми, не могу выбить даже лишнего патрона!

Впереди раздался взрыв. Командующий увидел, как трое солдат, отчаянно вопя, упали, сраженные гранатой. Застучал станковый пулемет.

— Партизаны! — завопил он, краем глаза увидев большие зеленые фигуры, выскочившие из кустов. Эти дьяволы скакали быстрее ветра, а на спинах несли столько вооружения, сколько не сдвинет небольшой трактор. Боевой клич резко полоснул по натянутым нервам.

Заговорили танки, отплевываясь от врага пламенем и грохотом. Одну из машин окутал красный дым

зажигательной бомбы. Улуганская пехота залегла, открыв огонь по кричащим на бегу кентавроидам.

После короткой жесткой схватки враг был отброшен, но минутой раньше бомба угодила в машину командующего и испепелила все внутри.

Полковник выглянул в иллюминатор, покрытый толстым слоем защитного пластика, и поежился. Перед ним расстилался мрачный пейзаж: клубящиеся ядовитые испарения стеной отгораживали далекий горизонт. Он подумал, что грядет внезапное извержение вулкана, и через секунду пол под ногами задрожал.

— Идиот! — разразился он бранью. — Законченный кретин!

Геолог базы твердо придерживался своих взглядов.

— Мы сделали все, что в наших силах, сэр, — ответил геолог. — Насколько нам известно, геологические породы планеты стабильны.

— Одна из баз уже разрушена землетрясением. Вам мало...

Ужасный порыв ветра налетел на купол. Улуганцы впервые столкнулись с невероятными штормами, постоянно бушующими на планете Шанг V. Завихрения слепящей измороси — концентрированного аммиака — полностью скрыли мир за иллюминатором.

— Сэр, — сказал геолог, — Шанг — сумасшедшая планета. На всех нормальных мирах такие анализы — свидетельства безопасной, твердой почвы.

— Тем не менее один из куполов раскололся, и все мгновенно погибли. За такую работу и вас, и вашу группу надо отдать под трибунал.

Геолог кивнул.

— Как угодно, полковник. Мой вам совет — давайте подыщем другую площадку. Эта очень опасна.

— Вы понимаете, во что реально обойдется новый лагерь на планете?

— Ничем не могу помочь, сэр. Но официально заявляю: надо перебазироваться.

— Генштаб с меня шкуру спустит, — мрачно подытожил полковник, вглядываясь в зловещий ту-

ман. — Откуда нам было знать? Кто мог предположить, что мы столкнемся с чем-либо подобным?

«*Патруль знал!* — про себя рассмеялся он. — *Они все прекрасно знали! Единственное, что я могу теперь сделать, предложить рассмотреть вопрос об эвакуации. Остальные командиры меня поддержат. Пусть даже наше бегство станет приглашением врагу возвращаться*».

Пол задрожал, на столе подпрыгнуло пресс-папье. Снаружи, в пяти метрах от купола, в почве разверзлась дыра — медленно, но верно законы Вселенной делали свое дело. Из дыры выплыло пламя, и магма не спеша поползла к куполу.

Клан Еглашей прошел трудный путь, взяв начало от крестьянского рода с одной из захваченных территорий. Семейство присоединилось к благородным не более полувека назад, а Хурулта, который ненавидел выскочек вообще, этих ненавидел вдвойне, потому что именно им принадлежал Трест Военного Обеспечения. При всем желании он не мог преуменьшить значимости персоны, рассевшейся за столом напротив. Потомок Еглашей был толстым, страдающим одышкой щеголем, но обладал твердой целеустремленностью и холодным рассудком.

— Я переговорил кое с кем, Ваше Превосходительство, — сказал он. — Имена перечислять не буду.

— Денежные бароны, — угрюмо отозвался Хурулта. — Промышленники и финансисты. Ну и что?

— Можно начистоту? — спросил Еглаш.

— Валяйте, мы одни.

— Группа, которую я представляю, не удовлетворена ведением военных действий.

— Да? Поэтому вы создали свой Генеральный Штаб?

— Оставьте сарказм, Ваше Превосходительство. Предполагалось, что мы захватим Тукатан за шесть месяцев. Сейчас, почти год спустя, мы все еще воюем.

— Тукатан можно подвергнуть бомбардировке из космоса, — сказал Хурулта, — но, как вы прекрасно знаете, она уничтожит все ценности планеты. Нам

пришлось продвигаться медленно. Но затем появился Патруль и усложнил нашу задачу.

— Я все прекрасно понимаю. — Оскорбительное высокомерие прозвучало отчетливее. — Вместо того, чтобы сконцентрировать силы на Тукатане и заняться Патрулем, спокойно убрав его с нашего пути, ваше министерство пытается захватить целое звездное скопление. Вы бездумно вторглись на планеты, которые практически не были изучены.

— Не сделай мы этого, Патруль использовал бы их против нас. — Хурулта едва сдерживал свой гнев. — Хорошо, я признаю, что у нас возникли некоторые сложности. Но мы также добились и определенного прогресса. Стратегический график установления нашей гегемонии выполняется форсированно. В будущем он принесет экономию.

— А сейчас он что приносит? Ваши успехи сомнительны. Возьмем, к примеру, маленький забытый богом песчаный шарик — Ярнах IV. На его захват не потребовалось много сил, но расходы на содержание баз в столь враждебной среде просто фантастические. Обыватели задушены налогами до предела, а ваш новый налог на высший класс общества ужасен!

— Я считаю его нормальным. Или вы хотите, чтобы пришел Патруль и начал всем здесь заправлять?

— Конечно, — сказал Еглаш холодно, не обратив внимания на ответ Хурулты, — наиболее грубой ошибкой явилась оккупация Умунга.

— *Что?* — На секунду Хурулта потерял дар речи, затем медленно сглотнул ярость и наконец заговорил, слова его оказались точно выверенными. — Единственная операция, сработанная как по нотам. За мизерные потери людей и денег мы уже удвоили наше военное производство. На следующий год мы собираемся учетверить его.

— Я думал, что вы реалист, Ваше Превосходительство, — сказал Елгаш, — и разбираетесь в экономических основах нашей империи. Быть может, вы умышленно уничтожаете высший класс общества?

— Вы ненормальный? Сначала жалуетесь на увеличение налогов, затем, когда я нахожу путь расши-

рения производства, путь, стоивший нам сущие гроши, вы...

— Ваше Превосходительство, кроме множества солдат, существует объем военного производства, которое они способны использовать. Когда Умунг начнет выпускать всю массу продукции, что произойдет с улуганскими фабриками?

Страх.

Шамуваз, солдат империи, медленно повернул голову, заметив за спиной непонятное движение. Пейзаж был однообразен — покореженные деревья, шелестящая красная трава, шум отдаленного водопада, наполняющий сердце бешеным стуком.

Его тошнило, и он чувстствовал себя больным. Рассматривая лица своих товарищей, он подумал, сколь невероятно чужды они ему. Это дьяволы, а не люди. Тот же ужас, который глубоко сидел в нем, превратил их в дьяволов; в любой момент они могли накинуться на него и разорвать. Шамуваз глубоко вздохнул, ему вспомнились жена и дети. Как далеко они сейчас; вполне возможно, он никогда не увидит их снова. Он сгинет здесь, на Гирейоне, и сквозь его ребра станет свистеть ветер, а маленькие полевки совьют уютное гнездышко в его пустом-пустом черепе.

Командиры утверждали, что здесь совсем не страшно. Они уверяли, что страх — всего лишь особенность аборигенов, науськанных Патрулем, на которую не стоит обращать внимания. Телепаты-аборигены испуганы и внушают вам свой страх. Плюньте на свои чувства. Проигнорируйте их. Солдатам империи не пристало испытывать беспричинный страх.

Генералы могут жить без страха. Им не приходится бодрствовать из-за ужасных снов, изводя себя ночь за ночью. Они не прова́ливаются в забытье и не просыпаются с криками ужаса каждую минуту. Они не видят, как один за другим сходят с ума их товарищи. Им не надо писать домой идиотские письма и думать, когда придет их черед споткнуться.

Страх, паника, слепой всеохватывающий ужас. Шамуваз тяжело вздохнул.

Чья-то рука легла на его плечо, он подскочил, ругаясь, обернулся, вскинул пистолет прежде, чем понял, кто именно стоит перед ним. Армазан. Когда-то был его лучшим другом, но сейчас никому нельзя доверять. Шамуваз держал дуло пистолета у живота Армазана.

— Не делай так, — прошептал он, переводя дух. — Никогда больше так не делай...

— Послушай, — Армазан говорил быстро, голос его дрожал. — Послушай, Шам, после условного сигнала все встречаемся внизу, у реки. Выбирайся из казармы и присоединяйся к нам.

— Что-что-что? Выходить наружу после наступления темноты? Ты псих! Ты совсем свихнулся на этой планете!

— Нет-нет, не то. Послушай, многие решили, что с нас хватит. Империя о нас не беспокоится. Довольно. Офицерам больше доверять нельзя. Избавиться от них — выстрел в спину, — и путь свободен: если держаться вместе — будет легче, а потом захватим базовый корабль...

Уже целый месяц Хурулта страдал бессонницей — лекарства больше не помогали. Он сидел, поставив локти на стол и сжав кулаками гудящую голову.

— Бесполезно, — застонал он. — Мы должны уйти с Гирейона. Все части уже непригодны к дальнейшей службе. Чтобы вылечить солдат, потребуются месяцы.

— Но Патруль, господин... — неуверенно проговорил Севулан.

— Патруль! Мы создадим базу на соседней планете и оставим несколько орбитальных станций вокруг Гирейона. Мы должны приступить к выполнению немедленно.

— Но если последует мощная атака, то они сметут наши войска и захватят всю систему.

— Знаю. Но что из того? Уйти с Гирейона — единственный выход. Корабли Патруля прячутся по щелям, как тараканы, но не принимают боя! Они во все суют свой нос! Мы боксируем с тенью.

— Господин, Генеральный Штаб планирует отклонить ваше предложение и отдать приказ об эвакуации гарнизона с Гарвиша и Шанга, содержать их слишком дорого — большие потери людей.

— Замолчи, — крикнул Хурулта. — Я все знаю, идиот! Я прекрасно знаю обо всем! Тупые, набитые дураки! Не видят дальше собственного носа, эх-х-х! — Его пальцы нервно сцепились. — Но мы, черт возьми, не уйдем с Умунга. Пусть денежные мешки продолжают вопить. И если они выступят еще раз, я предъявлю им обвинение в государственной измене.

Телеэкран запищал. Хурулта щелкнул выключателем, и возбужденный голос забормотал:

— Господин, только что получено донесение из космоса. Замечена активность Патруля около Устубана VII. Кажется, он проводит разведку...

— Устубан VII? Не может быть! Это же гигантская планета. Она окружена поясом метеоритов. Это же... нет!

— Господин, в донесении говорится...

— Заткнись! Сейчас же вышли мне полный рапорт. — Хурулта обернулся к генералу. Его глаза лихорадочно блестели.

— Действовать, — задыхаясь, произнес он, — нам надо что-то предпринять. Население недовольно нашим отступлением, не так ли? Прекрасно, мы дадим им пищу для разговоров! Сейчас же пошлем флот и захватим Устубан VII! Пусть только Патруль попробует остановить нас!

— Господин, это невозможно, — прошептал Севулан. — Мы распылили свои силы, поэтому не сможем провести операцию такого масштаба. Активность Патруля не более чем трюк, чтобы заманить нас...

— Мы используем его против них! — раскатисто разнесся по залу рев Хурулты. — Я пока еще Верховный Главнокомандующий Улугана!

Севулан пристально взглянул на Его Превосходительство, и глаза его сузились.

— Конечно, мы ведем пропагандистскую войну против Улугана, — сказал Винг Алак. — Радиопередачи, листовки и так далее — обычные средства. Я

думаю, мы уже подвели их к мысли, что хотя членство в Лиге и означает потерю имперских амбиций, но оно дает также несомненный выигрыш в материальном благополучии и безопасности.

— Для обывателей, — уточнил Джорел Мейнц. Он был раздражен; все три дня его пребывания на корабле Алак занимался руководством скрытыми маневрами и при каждой встрече уклонялся от серьезного разговора. — Но на Улугане правят балом аристократы и промышленники.

— Совершенно верно. Тем более, они неглупы. Просто им надо преподнести урок, доказывающий, что имперские амбиции изжили себя.

— По-моему, они настроены доказать обратное.

— Так и было, но до того, как мы вмешались. С тех пор, как включился Патруль, любой захват означает потерю части денег. Как только они убедятся, что им выгоднее заключить с нами соглашение, они его заключат.

— Я понимаю вашу генеральную стратегию, — сказал Мейнц. — Вы вынуждаете их захватывать одну бесполезную планету за другой. За исключением, пожалуй, Умунга... Лично я не понимаю, почему эта планета не принесет им прибыль.

— Умунг — самая хитрая операция, — самодовольно заявил Алак. — Я спланировал ее несколько лет назад с перспективой на будущее. У меня был один трусливый агентишка, очень хорошо знавший Умунг. Насколько он мог судить, я собирался использовать планету для нужд Патруля. Улуганцы сцапали его, как я и предполагал, и, как видно, клюнули. Естественно, они первым делом захватили Умунг. Вы должны знать, что я много лет изучал их экономику. Архаичная форма капитализма, подобная земной времен Первой Индустриальной Революции: основана на дешевом сырье и получении прибыли от продажи промышленных товаров. Короче говоря, колония, производящая лучше и дешевле, чем метрополия, долгое время существовать не может: ее разрушают или покидают. Иначе придется менять экономику метрополии. В конце концов улуганские финансисты осоз-

нали это, а они являются весьма могущественным классом.

Он прикурил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Я хочу подвести некоторые итоги, — сказал он. — История убеждает нас, что империя в конце концов должна сформировать естественное социоэкономическое единство, если она хочет остаться стабильной. Большинство империй прошлого, захватывая новые территории, росли медленно; если же захват происходил успешно, то так же ускоренно должны были произойти преобразования в колониях. Мы заставили улуганцев захватить недвижимости больше, чем они способны переварить. Большая часть того, что они захватили, просто бесполезна, если не сказать — вредна. Мы выводим их экономическую систему из равновесия, и у них не остается никакой возможности организовать ее должным образом. В результате — все ухудшающаяся, нестабильная ситуация.

— *Надо ли* принимать их в Лигу? — спросил Мейнц. — Они, кажется, представляют собой средоточие беспорядков.

— Так оно и есть. Но за какое-то время они полностью изменятся. Контакт с другими культурами разрушит их параноидный комплекс. Межзвездные империи так или иначе себя не оправдывают экономически — затрат больше, чем доходов. Если вы в состоянии открыть сверхсветовое перемещение, то вы также в состоянии производить все необходимое для потребления у себя дома и торговать излишками. Они все равно придут к этому выводу.

Он взглянул на интеркоммуникатор.

— Я жду сообщения в течение часа, — сказал он. — Недавно вернувшийся разведывательный корабль принес несколько интересных политических новостей с Улугана.

— Да?

— Давайте сыграем в шахматы? Я люблю драматические ситуации. Доставьте мне удовольствие, а то я проскучал весь год.

Прошло всего полчаса, и корабельный радист доложил о межзвездном вызове: Улуган запрашивал командование Патруля. Алак неторопливо направился в рубку связи, позволив Мейнцу следовать за ним.

Голуболицый изо всех сил старался поддержать свою прежнюю надменность, но это ему удавалось плохо.

— Привет, Севулан, — сказал Алак. — Что новенького?

— В правительстве империи произошли изменения, — жестко сказал улуганец.

— Насильственные, я уверен. Вы застрелили Хурулту или просто отправили его в ссылку?

— Арказхик... весьма болен. Мы подозреваем, что он повредился рассудком. Новый кабинет не может расценивать иначе его необдуманные действия.

— Отлично, — весело произнес Алак, — если вы хотите, чтобы переговоры состоялись, слушайте мои условия...

Перечислив пункты, он выключил связь и отдал команду готовиться к встрече улуганской делегации.

— Я предполагал, что именно так все и произойдет, — сказал он, потягиваясь и зевая. — Конечно, придется поторговаться с ними из-за всяких мелочей, да и на возвращение войск понадобится немало времени, но в конце концов мы своего уже добились.

— Вы имеете в виду... — Мейнц сухо рассмеялся. Успех операции не мог отрицательно повлиять на его карьеру. — Вы имеете в виду, что мы им отдали все, что они хотели взять?

— Ну, нет, — сказал Винг Алак. — Просто я скормил Хурулте лакомый кусочек, в котором он так нуждался.

САМОЕ ДОЛГОЕ ПЛАВАНИЕ

О небесном корабле мы впервые услышали на острове, который местные жители называли Ярзик или как-то в этом роде: язык уроженцев Монталира плохо приспособлен для таких варварских звуков. Это случилось почти через год, после того как «Золотой скакун» отплыл из порта Лавр; к тому времени мы обошли, по нашим подсчетам, уже полсвета. Днище нашей бедной каравеллы обросло таким толстым слоем водорослей и ракушек, что даже на всех парусах она едва тащилась по морю. Питьевая вода, еще оставшаяся в бочках, зацвела и протухла, сухари кишели червями, у некоторых матросов уже появились признаки цинги.

— Нам нужно где-то пристать к берегу, придется рискнуть, — сказал капитан Ровик. Помню, как глаза его сверкнули, как он погладил свою рыжую бороду и пробормотал: — Давно мы никого не расспрашивали о Золотых городах. Может, на этот раз повезет и мы встретим кого-нибудь, кто хоть слышал о них.

Мы прокладывали курс нашей каравеллы, ориентируясь по страшной планете, которая всходила на небе все выше, чем дальше мы шли на запад. День за днем рассекали пустынный океан. В команде зрело недовольство, снова начались мятежные разговоры. Говоря по совести, я не мог осуждать матросов. Попытайтесь, государи мои, представить себе, в каком мы находились положении. Неделя за неделей перед глазами одно и то же: синие волны, белая пена

да облака высоко в тропическом небе; в ушах раздавался только свист ветра, рокот валов, треск шпангоута и еще по ночам иногда громкое чмоканье — это наш путь пересекало морское чудовище, волны, поднятые им, перекатывались через палубу. Достаточно страшно для простых матросов, неграмотных людей, которые все еще думали, что наш мир — плоский. А тут еще Тамбур, неизменно висящий над бушпритом и все выше поднимающийся в небо. Всякому было ясно, что рано или поздно нам придется пройти прямо под этой мрачной планетой...

— А на чем она держится? — толковали на баке. — Не сбросит ли ее на нас разгневанный бог?

Кончилось тем, что к капитану Ровику отправилась депутация. Эти грубые сильные парни робко и почтительно попросили его повернуть назад. Робко и почтительно, однако остальные ждали внизу. Мускулистые загорелые тела напряглись под изодранной одеждой, руки были готовы схватиться за кинжалы и вымбовки. Правда, мы, офицеры, собравшиеся на квартердеке, были вооружены шпагами и пистолетами. Но нас было всего шестеро, включая испуганного мальчика, то есть меня, и старика звездочета Фрода. Его одеяние и белая борода внушали уважение, но вряд ли могли пригодиться в схватке.

Выслушав требование матросов, Ровик долго молчал. Тишина становилась все напряженней; в конце концов на свете, кажется, только и осталось, что свист ветра в снастях да сверкание океана, простиравшегося без конца и края. Наш командир выглядел необычайно величественно, ибо для приема депутации вырядился в ярко-красные штаны и камзол с полами, которые топырились колоколом. Наряд дополняли начищенные до зеркального блеска шлем и нагрудник. Над блистающим шлемом колыхались перья, сверкали в лучах солнца бриллианты перстней, унизывающих его пальцы, и рубины на эфесе шпаги. Однако, когда он наконец открыл рот, он заговорил отнюдь не языком рыцаря и придворного королевы; это был грубый говор мальчишки-рыбака, росшего когда-то в Андее.

— Домой захотелось, ребятки? Наплевать вам на попутный ветер и жаркое солнце. И на то, что мы прошли полсвета, тоже плевать. Да, непохожи вы на своих отцов! А слыхали предание о том, как раньше человек повелевал вещами? И если теперь людям приходится работать, так виноват в этом один лентяй из Андея. Мало ему было, что он приказал топору срубить для него дерево, а поленьям — идти домой, так он еще захотел, чтобы эти дрова его на себе тащили. Ну, ясное дело, господь разгневался и забрал назад свой дар. Но, по правде говоря, господь не лишил нас своей милости: дал взамен всем мужчинам Андея счастье на море, везение при игре в кости и удачу в любви. Чего еще вам нужно, ребятки?

Ребятки были сбиты с толку этим ответом. Делегат, державший речь, смущенно зашевелил пальцами, покраснел и, уставившись вниз на палубу, забормотал, что все мы пропадем ни за грош... от голода и от жажды, или утонем, или будем раздавлены этой страшной луной, или слетим с края света... «Золотой скакун» и так зашел дальше, чем любое судно со времен Падения с небес человека, так что, если мы теперь и повернем назад, все равно наша слава будет жить вечно.

— А ее что, есть можно, эту славу? А, Этиен? — спросил Ровик, все еще приветливо улыбаясь. — Мы прошли через битвы и штормы и повеселились немало. Но черта с два мы увидели хоть один Золотой город, а ведь знаем, что они где-то здесь. Они полны сокровищ и ждут лишь смельчака, который придет и возьмет их. Что у тебя с башкой, парень? Испугался трудного плавания? А что скажут чужеземцы? То-то посмеются надменные кавалеры Сатейна и пронырливые коробейники из Страны лесов, если мы повернем обратно. Да не только над нами, а и над всем Монталиром!

Так он подбодрял их. И лишь однажды коснулся шпаги, которую, словно по рассеянности, наполовину извлек из ножен. Как раз тогда, когда припомнил ураган, трепавший нас у мыса Ксингу. А матросам, конечно, пришел на память мятеж, поднятый ими после урагана. Они вспомнили и смерть трех своих товари-

щей, с оружием напавших на капитана: именно эта шпага проткнула всех троих. Ровик нарочно говорил с ними запанибрата, чтобы они поняли: для него что было, то быльем поросло. Разумеется, если и они забудут про старое. Он расписывал им, какие радости ждут их, когда они разыщут наконец языческие племена, рассказывал легенды о сокровищах, взывал к их гордости моряков и монталирцев. И они понемногу забывали о своих страхах. Словом, Ровик увидел, что матросы готовы уступить. Тут он отбросил свой простонародный говорок. Стоя на квартердеке в сверкающем шлеме с развевающимися перьями и простирая руку к выцветшему от солнца и морского ветра монталирскому флагу, который реял над его головой, капитан заговорил языком рыцарей королевы:

— Теперь вы знаете, что я не поверну обратно до тех пор, пока мы не обойдем вокруг света и не доставим ее величеству того дара, который можем привезти мы одни. Дар этот не золото и не рабы. И не открытие далеких стран, чего хотела бы она сама и высокочтимая Компания купцов-авантюристов. Нет, в тот день, когда наш корабль ошвартуется у длинных причалов Лавра, мы преподнесем ей на вытянутых руках величайшее свое свершение: путешествие, на которое никто не решался до нас и которое мы закончили во славу королевы.

Он закончил речь. Все кругом молчали, только море шумело. Затем он негромко отдал команду: «Вольно, разойдись!» — сделал поворот кругом и ушел в свою каюту.

Мы шли все вперед, вперед, матросы успокоились и даже глядели весело, офицеры старались скрывать свои сомнения. Я забросил канцелярскую работу, за которую получал жалованье, почти не занимался изучением навигационного искусства, для чего, собственно, и был принят в состав экспедиции, — то и другое не имело теперь большого значения. Я помогал звездочету Фроду. Благодатный климат позволял ему вести работу на палубе корабля. Ему, в сущности, было все равно, плывем мы дальше или идем ко дну: он уже и так прожил достаточно — больше, чем

живут многие другие. Но изучение незнакомых звезд — от этой радости он не собирался отказываться. Ночью, стоя на передней палубе с квадрантом, астролябией и телескопом, весь залитый светом, падавшим сверху, он походил на одного из седобородых святых с витражей кафедрального собора в Провиене.

— Смотри, Жиан, — он вытянул руку в ту сторону, где над сверкавшими и искрившимися волнами на багровом небосклоне красовался Тамбур в окружении немногих звезд, осмелившихся появиться в его присутствии. Теперь диск его был совсем круглым и ужасающе огромным — диаметр его занимал целых семь градусов. Он напоминал щит, окрашенный в светло-зеленые и голубые тона. То тут, то там на поверхности его крутились песчаные смерчи. Близ неясного края гиганта светлячком светила маленькая луна, мы назвали ее Сьетт. Балант, который в наших родных краях наблюдался редко и то лишь у самого горизонта, здесь стоял высоко в небе; он имел форму полумесяца. Впрочем, на затемненную часть диска падали отблески сияния Тамбура.

— Примечай, — продолжал Фрод, — сомнения нет, он вращается вокруг своей оси — это можно видеть. Смотри, как возникают бури в его атмосфере. Тамбур больше не легенда, смутная и страшная, не чудовищное видение, нависшее над нами, едва мы вошли в неведомые воды. Тамбур реален. Это такой же мир, как и наш. Разумеется, неизмеримо больший, но все же это круглое тело, пребывающее в пространстве. А наш мир вращается вокруг него, всегда обращенный к своему повелителю одним и тем же полушарием. Предположения древних теперь полностью подтверждаются. Дело не только в том, что наш мир круглый... э, да это должно быть ясно каждому, но и в том, что мы вращаемся вокруг более крупного небесного тела, а оно, в свою очередь, вращается вокруг солнца по определенной орбите. Остается узнать, как велико само солнце.

— Сьетт и Балант — внутренние спутники Тамбура, — повторил я, стараясь понять. — А Вьенг, Дароу и другие луны, видимые у нас на родине, ходят

своими путями, независимыми от орбиты нашего мира. Так. Но что удерживает их всех там?

— Этого я не знаю. Быть может, хрустальная сфера, в которой заключены звезды, оказывает внутреннее давление. То самое давление, которое во времена Падения с неба сбросило нас, людей, в этот мир.

Ночь стояла теплая, но при этих словах холодок пробежал у меня по спине, как будто над нами сияли сейчас зимние звезды.

— Но это значит, — с трудом выговорил я, — что на Сьетте, Баланте, Вьенге... и даже на Тамбуре тоже могут быть люди...

— Трудно сказать. Прежде чем это узнается, сменится много поколений! Какая жизнь ждет их! Благодари доброго бога, Жиан, за то, что родился на пороге новой эры.

Фрод вернулся к своим измерениям. Другие офицеры сказали бы: «Скучное дело!» Но я к тому времени уже настолько продвинулся в математике, что понимал: все эти нескончаемые расчеты, сводимые в таблицы, помогут установить подлинные размеры нашего мира, Тамбура, солнца, лун и звезд и пути, по которым они перемещаются в пространстве, и, наконец, укажут, в какой стороне искать рай. Поэтому простые матросы, которые, проходя мимо наших инструментов, ворчали и осеняли себя знамением против злого духа, были ближе к истине, чем господа, окружавшие Ровика: ибо Фрод действительно был великим ревнителем тайных наук.

Наконец мы увидели водоросли в море, птиц в небе да громоздившиеся друг на друга облака — признаки суши. Спустя три дня перед нами возник остров. Под этими спокойными небесами он казался ярко-зеленым. Волны прибоя, более сильные, чем в нашем полушарии, кидались на утесы, разбивались о них, оставляя пену, и шумно откатывались назад. Мы осторожно подходили к берегу, — впередсмотрящие в вороньих гнездах высматривали удобные подходы, пушкари стояли у орудий с зажженными фитилями. Ибо нам следовало опасаться не только неведомых течений и мелей — то были обычные опасности, а и другого — у нас уже бывали стычки с людоедами,

снующими по морю в своих челнах. Но больше всего мы страшились затмений. Представьте себе, государи мои, что в том полушарии солнце ежедневно заходит за Тамбур. На той долготе, где мы находились, это явление происходило во второй половине дня и продолжалось около десяти минут. Ужасное зрелище: первичная планета — так называл ее теперь Фрод, низведя наш мир до положения ее спутника, — планета, сходная с Диеллом или Койнтом, превращалась в черный диск, окаймленный красным, а на небе вдруг появлялись бесчисленные звезды. Над морем проносился холодный ветер, леденивший волны так, что они казались присмиревшими. Но человек — существо самонадеянное, и мы продолжали свою работу, останавливаясь лишь в минуты полного затмения, чтобы сотворить краткую молитву. При этом наши мысли занимало не столько величие господа, сколько опасность потерпеть кораблекрушение во мраке.

Тамбур светит так ярко, что мы смогли и ночью идти вдоль берегов острова. От зари до зари, двенадцать часов подряд, «Золотой скакун» медленно шел вперед. В середине второго дня упорство капитана Ровика было, наконец, вознаграждено. Скалы раздвинулись, открылся узкий проход к длинному фьорду. Болотистые берега, мангровые заросли, значит, в этом фьорде вода во время прилива поднимается высоко. Выходит, он не был одной из тех ловушек, которых так боятся мореходы. Дул встречный ветер, поэтому мы убрали паруса и спустили шлюпки, которые медленно повлекли каравеллу к берегу. Опасное предприятие! Тем более, что в глубине фьорда мы заметили селение.

— Не лучше ли остановиться, капитан, — рискнул спросить я, — и выждать, пока они первыми явятся к нам?

Ровик плюнул за борт.

— Лучше никогда не выказывать своей нерешительности, — сказал он. — А если они на челнах атакуют нас, мы угостим их порцией картечи, чтобы привести в разум. Я полагаю, стоит с самого начала показать, что мы не боимся их, так меньше шансов угодить потом в предательскую засаду.

Он оказался прав.

Со временем мы узнали, что подошли с востока к большому архипелагу. Жители его были искусными мореходами, особенно если учесть, что они строили только лодки, снабженные балансирами. Зато длина такой лодки иногда достигала ста футов. Сорок гребцов или три мачты, несущие паруса из циновок, давали возможность такому судну почти сравняться с нашей каравеллой в скорости хода, а маневренность была намного больше нашей. И только малая емкость, не позволявшая брать много припасов, ограничивала дальность плавания.

Туземцы жили в хижинах, крытых соломой, и знали только каменные орудия. Однако при этом они все же были цивилизованным народом. Занимались не только рыболовством, но и земледелием. Их жрецы владели письменностью. Высокие, сильные, с гладкой, не заросшей волосами кожей, чуть темнее нашей, они были просто великолепны. Это впечатление не зависело от того, ходили ли они нагими, как обычно, или надевали парадное одеяние, украшенное перьями и раковинами. Острова архипелага образовывали довольно непрочную империю. Жители его совершали грабительские нападения на острова, лежащие дальше к северу, и вели оживленную торговлю в собственных границах. Свой народ в целом они звали хисагази, а остров, к которому мы подошли, — Ярзиком.

Все это мы узнали не сразу, а по мере того как овладевали понемногу языком островитян. В этом селении мы провели несколько недель. Правитель острова Гюзан радушно принял нас, предоставив пищу, кров и слуг. А мы одарили их изделиями из стекла, штуками уондского сукна и тому подобными товарами. Впрочем, мы столкнулись с немалыми трудностями. Выше уреза воды берег оказался таким заболоченным, что втащить на него наше тяжелое судно было невозможно. Пришлось строить сухой док. Многих из команды поразил какой-то недуг, и хотя все потом выздоровели, это надолго задержало нас здесь.

— Я полагаю, что беды в конечном счете пойдут нам на пользу, — сказал мне Ровик однажды ночью.

Он убедился, что я не болтлив, и иногда делился со мной своими мыслями. Капитан всегда очень одинок. А Ровик, сын рыбака, потом пират, мореплаватель-самоучка, одержавший победу над Великим флотом Сатейна и получивший знаки дворянского достоинства из рук самой королевы, вероятно, сносил эту вынужденную обособленность не так легко, как прирожденный аристократ.

Разговор происходил в тростниковой хижине, которую ему предоставили. Светильник из песчаника еле разгонял мрак, над нами плясали огромные тени. В камышовой крыше что-то шуршало. А за стенами, на влажном склоне холма, что полого спускался к фьорду, сверкавшему в лучах Тамбура, шептались листья деревьев, окружающие дома на сваях. Где-то вдали слышался барабанный бой, доносилось пение и топот ног вокруг какого-то жертвенника. Прохладные холмы Монталира в этой ночи казались особенно далекими.

Ровик откинулся назад всем своим мускулистым телом. В эту жару на нем была только матросская юбочка. По его приказанию с корабля в хижину принесли стул, чтобы он мог сидеть, как все цивилизованные люди.

— Видишь ли, юнец, — продолжал он, — в других местах мы общались с жителями немного: расспросим про золото, и все. А теперь я пытаюсь поточнее разведать у них путь. Поначалу мы слышали не больше того, что слышали прежде: «Да, чужеземный властитель, есть царство, где улицы вымощены золотом, — оно лежит в сотне миль к западу». Выдумают что угодно, лишь бы избавиться от нас. Однако я воспользовался долгой стоянкой и ловко повыспрашивал правителя и жрецов, этих идолопоклонников. Я скромно умалчивал о том, откуда мы пришли и что нам уже известно, и они поделились со мной кой-какими сведениями, которые иначе не выдали бы и под пыткой.

— Золотые города? — вскричал я.

— Тсс! Я бы не хотел, чтоб матросы заволновались и совсем отбились от рук. Пока еще нет.

Его жесткое лицо с ястребиным носом сейчас казалось задумчивым.

— Я всегда считал, что эти города существуют лишь в бабушкиных сказках, — сказал он. Видимо, заметив, как я удивился, он засмеялся и продолжал: — Но эти сказки не бесполезны. Словно кусок магнитного железняка на палке, они тащат нас за собой вокруг света.

Он опять стал серьезным. На лице его появилось выражение, как у Фрода, когда тот разглядывал небо.

— Разумеется, я тоже жажду золота. Но если мы в этом плавании его и не найдем, я, право, не стану огорчаться. Когда мы вернемся в родные воды, я просто захвачу несколько судов Эрадии или Сатейна и без труда покрою издержки. Тогда на квартердеке, Жиан, я говорил правду, как перед богом: цель нашего плавания — само плавание. Я поднесу его в дар королеве Оделе, поцелуй которой некогда посвятил меня в рыцари. — Он покончил с грезами и заговорил деловым тоном: — Я заставил правителя Гюзана поверить, что мне ведомо многое из его тайны, и вытянул из него неожиданное признание, да такое, о котором едва осмелишься и подумать. На главном острове империи хисагази есть корабль богов, утверждает он, а в нем — живой бог, прибывший со звезд. Об этом может рассказать любой туземец. Тайна же, известная только знати, заключается в том, что это не легенда, не чепуха, а чистая правда. Во всяком случае, Гюзан уверял меня в этом, а сам я не знаю, что и подумать. Однако... он водил меня в священную пещеру и показал одну вещь с того корабля. Это какой-то механизм, по-моему, вроде часового. Не знаю его назначение. А изготовлен он из блестящего серебристого металла, какого я никогда не видывал прежде. Жрец предложил мне сломать его. Металл легкий, и стенки у этой штуки тонкие. Но я затупил о него свою шпагу, камень, которым я бил по нему, разлетелся в куски, а бриллиант моего перстня не оставил даже царапины.

Я осенил себя знамением, охраняющим от злых сил. Мороз пробежал по коже, по всему телу пошли мурашки. Во мраке джунглей по-прежнему слышался бой барабанов, а вода, освещенная лучами Тамбура, который каждый день пожирал солнце, а теперь приближался к полнолунию, казалась тяжелой, как ртуть. Больше всего я хотел сейчас услышать звон колоколов Провиена, разносящийся над овеваемыми ветром равнинами Андея!

Когда «Золотой скакун» готов был, наконец, выйти в море, Ровик без хлопот получил разрешение посетить хисагазийского императора на главном острове. Более того, ему было бы трудно уклониться от этого визита. К тому времени челны разнесли вести о нас из конца в конец империи, и правители горели желанием увидеть голубоглазых чужеземцев. Отъевшиеся и довольные, мы взошли на борт корабля. Поставлены паруса, выбран якорь, грянула дружная матросская песня, заставив морских птиц взвиться высоко в небо. «Золотой скакун» вышел в море. На этот раз мы шли с эскортом. Нашим кормчим стал сам Гюзан. Это был крупный, средних лет мужчина, чья красота почти не пострадала от принятой у его народа бледно-зеленой татуировки, покрывающей и тело. Его сыновья расстелили свои циновки на наших палубах, множество гребных судов с воинами сопровождало корабль.

Ровик вызвал к себе в каюту боцмана Этиена.

— Ты парень сообразительный, — сказал он. — Хорошенько проследи, чтоб команда всегда находилась в боевой готовности, как бы мирно ни выглядело все кругом.

— Зачем, капитан? — его загорелое, покрытое шрамами лицо вытянулось. — Думаете, туземцы замышляют недоброе?

— Кто знает? — сказал Ровик. — Но команде не говори ничего. Матросы притворяться не умеют. Если ими завладеет страх или алчность, туземцы сразу почуют и встревожатся, а это еще больше разволнует наших людей. Тут уж только дочерь божья смогла бы сказать, как дело пойдет дальше. Следи, по воз-

можности незаметно, чтобы матросы держались вместе и оружие всегда было у них под рукой.

Этиен вытянулся и с поклоном вышел из каюты. Я осмелился спросить у Ровика, что он имеет в виду.

— Пока ничего, — ответил капитан. — Однако я держал в руках механизм, какой и не снился строителям собора в Джайэре, и слышал россказни про корабль, что слетел с неба, неся на борту не то бога, не то пророка. Гюзан думает, что я знаю больше, чем на самом деле, и рассчитывает, что мы окажемся той силой, которая способна нарушить сложившееся в государстве равновесие. Он надеется, что мы поможем ему осуществить его честолюбивые замыслы. Не случайно он прихватил с собой столько воинов. Ну, а я... я хочу просто побольше разузнать.

Он умолк и, по-прежнему сидя за столом, принялся провожать глазами солнечный зайчик, который из-за качки скользил вверх и вниз по деревянной панели. Потом заговорил снова:

— Писание учит, что до Падения люди жили за звездами. Звездочеты двух последних поколений уверяют, что планеты — твердые тела, как и тот мир, где мы живем. Тот, кто прилетел из рая...

Когда я вышел из каюты, у меня голова шла кругом.

Мы без всяких затруднений миновали десятка два островов. И еще несколько дней спустя подошли к главному из них — Улас-Эркила. В длину он протянулся почти на сто миль, по ширине достигает сорока. Его зеленые равнины постепенно повышаются и в центре острова переходят в горы, над которыми господствует вершина вулкана. Хисагази поклоняются богам — водяным и огненным — и считают, что огненные обитают на горе Улас. Я понял язычников, когда увидел снежную вершину вулкана, как бы парящую высоко над изумрудными грядами, и дым из кратера, уходящий в голубое небо. С точки зрения язычников, самый богоугодный поступок, какой может совершить человек, это броситься в раскаленный кратер Уласа. Многие старые воины просят отнести их на вершину горы, чтобы они могли совершить этот подвиг. Женщин же не подпускают даже к склонам.

Императорская резиденция — Никум — расположена в глубине фьорда, подобно селению, в котором мы останавливались. Но Никум — богатый и большой город, размером почти с Роанн. Многие дома построены из дерева, а не из тростника. На утесе, высоко над городом, стоит массивный базальтовый храм, за которым тянутся фруктовые сады и джунгли, а дальше вздымаются горы. Деревья в этой местности имеют такие могучие стволы, что хисагази соорудили здесь настоящие пристани на сваях, словно в Лавре, а не ограничились, как почти во всех гаванях мира, причалами на поплавках, которые поднимаются и опускаются вместе с приливом и отливом. Нам предложили почетное место стоянки у центральной пристани, но Ровик, сославшись на плохую маневренность нашего корабля, стал на якорь в дальнем конце гавани.

— Ведь в центре мы очутились бы прямо под сторожевой башней, — шепнул он мне. — Может, они еще и не изобрели лука, но дротики мечут отлично. И еще: доступ к нашему кораблю оказался бы совершенно свободным, а между нами и горлом бухты болталось бы множество привязанных челнов. Теперь же всего несколько человек легко смогут в случае надобности оборонять пирс, пока остальные приготовят корабль к выходу в море.

— А чего мы должны бояться, капитан? — спросил я.

Он подергал ус.

— Сам не знаю. Многое зависит от того, что они вправду думают об этом своем божественном корабле... ну и, разумеется, от того, существует ли он вообще в действительности. Но пусть против нас встанут смерть и ад, мы не повернем, пока не добудем истину для королевы Оделы.

Наших офицеров, сходивших на берег, встречал барабанным боем почетный караул копьеносцев, украшенных перьями. Выше уровня прилива были сооружены мостки. Рядовые горожане в этих местах переплывают от дома к дому, когда волны прилива лижут пороги, или пользуются рыбачьими лодками,

если им нужно перевезти груз. Путь от фьорда до дворца был необычайно красив — кудрявые виноградники перемежались с зарослями сахарного тростника. Сам дворец представлял собой длинное бревенчатое строение. На коньках крыши красовались фантастические изображения богов.

Искилип, верховный жрец и император хисагази, оказался старым, тучным человеком. Одеяние из перьев, перьями же украшенная высокая прическа, деревянный скипетр, увенчанный черепом, татуировка на лице и полная его неподвижность — все это придавало ему странный, какой-то нечеловеческий вид. Он восседал на помосте под факелами, курившимися благовониями. Перед помостом сидели, поджав под себя ноги, его сыновья, придворные расположились по обеим сторонам. Вдоль длинных стен дворцового зала стояли гвардейцы. У них не было принято стоять навытяжку по команде смирно, но это были крупные, ловкие молодые люди со щитами и чешуйчатыми нагрудниками из кожи морского чудовища. Вооружение их состояло из кремневых топоров и копий с обсидиановыми наконечниками, которые поражают противника не хуже, чем железные. Головы их были выбриты, что придавало лицам особую свирепость.

Искилип тепло приветствовал нас, предложив сесть на скамью, стоявшую чуть пониже помоста, и приказал принести угощение. В беседе он задал нам много толковых вопросов. Хисагазийские мореходы знали об островах, расположенных далеко от их архипелага. Они могли показать, в каком направлении лежит Страна многих замков, называемая ими Юракадак, и определить, конечно приблизительно, расстояние до нее. Один из них когда-то даже плавал в эту страну. Судя по их не слишком точным описаниям, Юракадак мог быть только Джайэром, куда уондский авантюрист Ханас Толассон добрался по суше. Я подумал, что мы, значит, и вправду совершаем кругосветное путешествие. Но я тут же отбросил честолюбивые мысли о нашей славе и стал снова прислушиваться к разговору.

— Как я сказал Гюзану, — говорил Ровик, — еще одной причиной, которая привела нас сюда, послужили рассказы о том, что небо благословило вас и прислало корабль. Гюзан представил мне доказательства, что это правда.

В зале зашептались. Принцы словно окаменели, лица придворных приняли отсутствующее выражение, даже по рядам гвардейцев пробежал ропот. Издалека сквозь стены доносился шум начавшегося прилива. Тут раздался голос Искилипа из-под маски, точно повторявшей его собственное лицо.

— Разве ты забыл, Гюзан, что священные предметы нельзя показывать непосвященным?! — спросил он недовольно.

— Нет, Святейший, — ответил Гюзан. Дьяволы, вытатуированные на его лице, покрылись капельками пота. Но не от страха. — Капитан и так все знал. Его люди также... насколько я понял... Он, правда, еще плохо говорит на нашем языке, но я понял... его народ тоже посвящен. И я этому поверил, Святейший. Взгляни на удивительные вещи, которые они привезли с собой. Вот длинный нож, что они подарили мне, он сделан из твердого блестящего камня, но это не камень. Разве он не напоминает то, из чего построен Корабль? А трубы, делающие близкими самые отдаленные предметы... Одну из них он подарил тебе, Святейший. Разве она не подобна той, что есть у Посланца?

Искилип наклонился вперед, к Ровику. Рука, державшая скипетр, задрожала так сильно, что застучали челюсти черепа на самом скипетре.

— Неужели сами звездные люди научили вас делать это? — вскричал он. — Не могу представить себе... Посланец никогда не говорил о других.

Ровик выставил вперед ладони.

— Не так быстро, Святейший, прошу вас, — сказал он. — Мы еще плохо знаем ваш язык. Сейчас я просто не понял ни слова.

Ровик хитрил. Он еще раньше приказал офицерам делать вид, что они знают хисагазийский язык гораздо хуже, чем на самом деле. (Мы совершенствовались в нем тайно, практикуясь друг с другом.) Это

давало ему возможность уходить от прямых ответов, не вызывая нареканий.

А Гюзан сказал:

— Нам лучше поговорить обо всем наедине, Святейший, — и посмотрел искоса на придворных. Те ответили ему ревнивыми взглядами.

Искилип словно бы съежился в своем парадном одеянии. Он снова заговорил, по-прежнему отчетливо, но это был голос старого, слабого и неуверенного в себе человека.

— Не знаю. Если эти чужеземцы уже посвящены, мы, конечно, можем показать им то, что у нас есть. С другой стороны, однако, если бы уши непосвященных услышали рассказ самого Посланца...

Гюзан властно поднял руку. Смелый и честолюбивый, издавна мечтавший распространить свою власть за пределы маленькой области, он весь горел теперь.

— Святейший, — сказал он, — рассмотрим, почему полную правду о событиях скрывали все эти годы? Чтобы держать народ в послушании? Отчасти так. Но помимо этого, разве вы и ваши советники не боялись, что сюда нахлынут в жажде знаний люди со всего света и мы будем оттеснены? Так вот, если мы отпустим голубоглазых домой, не удовлетворив их любопытства, они, я полагаю, обязательно вернутся сюда, но уже с сильным флотом. Поэтому мы ничего не потеряем, раскрыв им истину. Если у них никогда не было своего Посланца, если они не могут принести нам настоящей пользы, мы всегда успеем убить их. Но если и они удостоились посещения посланцев с небес, чего только не сможем мы сделать вместе!

Он произнес это быстро и тихо, чтобы мы, монталирцы, не поняли его. И действительно, наши господа офицеры не разобрали его слов. Но я своими молодыми ушами уловил их значение. И Ровик тоже. Он так упорно сохранял на своем лице деланную улыбку непонимания, что я догадался: он-то понял каждое слово.

Итак, в конце концов они решились повести нашего командира в храм на скале. А с ним и меня, ничтожного, поскольку никто из хисагазийской знати не путешествует без сопровождающих. Сам Искилип

возглавлял шествие, за ним шли Гюзан и двое мускулистых принцев. Двенадцать копьеносцев замыкали шествие. Я понимал, что шпага Ровика в случае беды окажется бесполезной, но плотно сжал губы и пошел за ним. Он выглядел как нетерпеливый ребенок утром Дня благодарения. Над бородкой клином сверкали зубы, голову украшал берет с перьями, чуть сдвинутый набекрень. Никто и подумать бы не мог, что он сознает, какая опасность угрожает ему.

Мы вышли незадолго до захода солнца: в полушарии Тамбура люди не проводят такого различия между днем и ночью, как приходится у нас. Сьетт и Балант занимали на небе положение, соответствующее высокому приливу, и я не удивился, что Никум почти затоплен. И все же, пока мы поднимались к храму по извилистой тропе, я думал о том, что мне никогда не приходилось видеть более странного пейзажа.

Внизу блестела вода фьорда, длинные тростниковые крыши города, казалось, плавают на ее поверхности, у причала; вдоль берега колыхалось множество судов, мачты и рангоут нашего корабля возвышались над фигурами языческих богов, украшавших носы его соседей. Фьорд извивался между крутых берегов, и в глубине его со страшным шумом разбивался о скалы прибой, оставляя белую пену. Вершины гор над нами были почти черными на фоне огненного заката, который охватывал почти половину неба и окрашивал воду в цвет крови. Сквозь облака проглядывал полумесяц Тамбура. И все это вместе казалось знамениями, но не было никого, кто мог бы истолковать, что они предвещают. Впереди высился базальтовый столб с изваянием в форме головы. Справа и слева от тропы росли высохшие от летнего зноя травы с острыми, как пила, зубцами. Небо было бледным в зените и темно-пурпурным на востоке, где уже появились первые звезды. Но в тот вечер даже вид звезд не успокаивал меня. Мы шли молча. Босоногие туземцы двигались бесшумно. Раздавался лишь стук моих башмаков, да позванивали шпоры Ровика.

Храм был смелым произведением архитектуры. В прямоугольнике вырубленных в базальте стен, увен-

чанных большими каменными головами, располагалось несколько построек из того же базальта. Крыши их были покрыты недавно срезанными и еще незасохшими большими листьями. Искилип вел нас мимо группы служителей и жрецов к деревянной хижине за святилищем. Вход охраняло двое гвардейцев; увидев Искилипа, они пали на колени. Император постучал в дверь своим странным скипетром.

Во рту у меня пересохло, сердце громко колотилось о ребра. Дверь открылась. Я ожидал, что передо мной предстанет какое-нибудь чудище, а может, наоборот, существо ослепительной красоты. Каково же было мое удивление, когда я увидел обыкновенного мужчину, да еще небольшого роста. При огне светильника я разглядел внутренность помещения. В комнате было чисто, обстановка простая и в то же время удобная. Таким могло быть жилище любого хисагази. На хозяине комнаты была простая лубяная юбка, из-под нее виднелись ноги, тонкие и кривые, как обычно у стариков. Он сам был худ, но держался прямо, седая голова гордо откинута назад. Цвет лица — потемнее, чем у монталирцев, но светлее, чем у хисагази, борода редкая, глаза карие. Нос, губы и форма челюстей были не такие, как у представителей всех рас, с которыми я до сих пор встречался. Однако это был человек. И никто другой.

Мы вошли в хижину, оставив копьеносцев снаружи. Искилип наскоро проделал ритуальный обряд представления. Я заметил, что Гюзан и принцы нетерпеливо переминаются с ноги на ногу: церемония была им скучна, представители их сословия уже много раз принимали участие в ней. Лицо Ровика оставалось непроницаемым. Он отвесил вежливый поклон Вал Найре — Посланцу небес — и в нескольких словах объяснил, почему мы здесь. Но пока он говорил, глаза их встретились, и я понял, что наш капитан уже составил себе определенное мнение о пришельце со звезд.

— Вот мое жилище, — сказал Вал Найра. Он произнес эти слова как что-то очень привычное. Посланец столько раз рассказывал о себе молодым

аристократам, что они стали для него стертыми, как старый пятак. Он еще не заметил, что вооружение у нас из металла, или не оценил, какое это может иметь для него значение.

— Целых... сорок три года, я верно говорю, Искилип? Со мной обращались так хорошо, как только возможно. Правда, иногда я готов был кричать от одиночества, но такова уж участь оракула.

Император неловко зашевелился в своем парадном одеянии.

— Демон покинул его, — объяснил он. — Теперь это лишь обыкновенная человеческая плоть. Вот истинная тайна, которую мы охраняем. Но не всегда было так. Я помню его прибытие. Тогда он пророчествовал, обещал, что времена переменятся, люди рыдали и падали ниц. Но потом его демон вернулся к звездам, а могучее оружие, которым он владел, потеряло силу. Однако люди не хотят знать правду, и, чтобы не вызвать волнений, мы делаем вид, что ничего не изменилось.

— Правду, которая ударит по вашим собственным привилегиям, — сказал Вал Найра.

Голос у него был усталый, но тон насмешливый.

— В ту пору Искилип был молод, — добавил он, обращаясь к Ровику, — а его наследственные права на трон были сомнительны. Я бросил на чашу весов свое влияние, чтобы помочь ему. А за это он обещал сделать кое-что для меня.

— Я старался, Посланец, — оправдывался император. — Спроси потонувшие челны и людей, канувших с ними на дно, они бы сказали, что пытались тоже. Но боги судили иначе.

— Именно так, — Вал Найра пожал плечами. — Эти острова вообще бедны рудами, капитан Ровик, а среди жителей нет никого, кто смог бы разыскать те, в которых я нуждаюсь. Хисагазийские челны не могут достичь материка — он слишком далек. Но я не отрицаю, что ты пытался, Искилип... тогда.

Он подмигнул нам.

— Впервые император так доверился чужеземцам, друзья мои. Вы уверены, что вернетесь к себе живыми?

— Что, что, что?! — возмутились хором Искилип и Гюзан. — Они ведь наши гости.

— К тому же, — улыбнулся Ровик, — многое уже было мне известно. В моей стране тоже есть тайны, не менее важные, чем ваша. Да, Святейший, я полагаю, что мы можем вступить в сделку, выгодную для обеих сторон.

Император затрясся. Потом спросил дребезжащим голосом:

— Значит, у вас тоже есть Посланец?

— Что? — вскрикнул Вал Найра.

Взгляд его был прикован к нам. Лицо его то краснело, то бледнело. Потом он упал на скамью и зарыдал.

— Ну, не совсем так, — Ровик положил руку на его дрожащее плечо. — Скажу прямо, ни один небесный корабль не прибывал в Монталир. Но у нас есть другие секреты, не менее ценные.

Только я один, хорошо знавший капитана, видел, в каком он сейчас напряжении. Его взор скрестился со взором Гюзана, и тот, не выдержав, опустил глаза, словно дикий зверь, укрощенный дрессировщиком. А Вал Найру он сказал с материнской лаской в голосе:

— Так ли я понял, друг, твой корабль потерпел крушение на этих берегах — и починить его можно, только если достать нужные материалы?

— Да... да... послушай.

Запинаясь и захлебываясь при мысли, что он, может быть, еще увидит свою родину, Вал Найра начал объяснения.

Теория, которую он изложил, настолько невероятна и даже опасна, что вы, государи мои, вряд ли пожелаете услышать этот рассказ полностью. Не думаю, однако, чтобы она была ложной. Если звезды действительно такие же солнца, как наше, и вокруг них тоже вращаются планеты, подобные нашей, то учение о хрустальной сфере разбивается на тысячу мелких осколков. Впрочем, когда позже обо всем этом услышал Фрод, он сказал, что истинная вера не пострадает от подобных открытий. В писании нигде прямо не сказано, что рай расположен непосредственно над местом рождения божьей дочери. Так счи-

тали много веков, поскольку предполагали, что наша планета — плоская. Почему бы раю не находиться на планетах, вращающихся вокруг других солнц, где люди живут прекрасно, где не забыли древних наук и где перелетать со звезды на звезду так же просто, как нам переехать из Лавра в Западный Алейн.

Вал Найра полагал, что наши предки оказались заброшенными в этот мир несколько тысяч лет назад. Вероятно, они бежали, совершив преступление или впав в ересь, — иначе не очутились бы так далеко от владений людей. Корабль их потерпел крушение, уцелевшие беженцы одичали, и потомки их поколение за поколением снова накапливали знания. Не вижу, в чем такое объяснение противоречит учению о Падении человека. Скорее оно дополняет его. Падение было уделом не всего человечества, а лишь нескольких людей, это их испорченная кровь течет в наших жилах. Остальные же продолжают жить за звездами в счастии и радости.

Даже и теперь наш мир далеко отстоит от торговых путей жителей рая. Лишь очень немногие из них мечтают об открытии новых миров. Вал Найра был одним из этих немногих. Долгие месяцы он блуждал в пространстве без определенного плана, пока не попал на нашу планету. Но тут проклятие настигло и его. Что-то в корабле разладилось. Он совершил посадку на Улас-Эркила, и корабль его больше не смог подняться.

— Я знаю причину аварии, — волнуясь, говорил Вал Найра. — Я не забыл. Да и как мне забыть? За все эти годы не прошло и дня, чтоб я не твердил себе, что именно нужно сделать. Одному хитроумному механизму в корабле необходима ртуть. (Он и Ровик не сразу договорились о значении слова, которое повторял Вал Найра.) Прибор закапризничал еще в полете, а удар при вынужденной посадке оказался так силен, что резервуары со ртутью дали трещину. Вытекла не только та ртуть, что была в работе, но и все запасы ее. В герметически закрытом нагретом корабле я неминуемо отравился бы ее парами. Поэтому я выскочил из корабля, забыв задраить люк. Палуба наклонилась, и ртуть хлынула наружу. А

когда я справился с охватившим меня ужасом, разразился тропический ливень и начисто смыл весь жидкий металл. Целая цепь почти невероятных случайностей приковала меня к острову, осудив на пожизненное изгнание. Лучше бы я погиб сразу! — он сжал руку Ровика и, не вставая, посмотрел прямо в глаза капитана, стоявшего подле него. — Неужели вы действительно можете достать ртуть? Мне нужно немного, — молил он, — не больше, чем может вместить сосуд величиной с человеческую голову. Только ртуть, да еще кой-какой ремонт, инструменты у меня на корабле есть. Когда меня сделали божеством, мне волей-неволей пришлось отдавать некоторые приборы, чтобы главные храмы в каждой области имели свою реликвию. Но я был осторожен и не отдал ничего действительно важного. Все, без чего нельзя обойтись, сохранилось на корабле. Галлон ртути и... О боже, моя жена, быть может, еще жива на Терре!

Гюзан, как видно, понял смысл происходящего. Он сделал знак рукой принцам, и те, покрепче ухватившись за топоры, подошли поближе. Гвардейцы эскорта оставались за дверью, но достаточно было одного возгласа, чтобы они ворвались в хижину со своими копьями. Ровик переводил взгляд с Вал Найра на Гюзана, лицо которого почти до безобразия исказила внутренняя тревога. Мой капитан положил руку на эфес шпаги — и только этот жест выдал, что он чувствует приближение опасности.

— Ваша светлость, — сказал он Гюзану небрежно, как бы не придавая особого значения своим словам, — я полагаю, вам желательно, чтобы корабль снова летал?

Гюзан смутился. Такого хода он не ожидал.

— Разумеется, — ответил он. — Почему бы и нет?

— Но тогда ваше прирученное божество покинет вас, — продолжал капитан. — И что останется от вашего владычества над хисагази?

— Я... я никогда об этом не думал, — пробормотал Искилип, запинаясь.

Вал Найра переводил свой взгляд с одного на другого, словно наблюдая за игрой в мяч. Его худое тело дрожало.

— Нет, — почти заплакал он. — Вы не смеете удерживать меня.

Гюзан кивнул.

— Пройдет совсем немного лет, — сказал он миролюбиво, — и ты все равно покинешь нас в челне смерти. И если до этого часа мы попытаемся насильно удерживать тебя, ты начнешь, пожалуй, делать лживые прорицания. Не тревожься. Мы добудем тебе твой жидкий камень.

Тут он искоса посмотрел на Ровика и спросил:

— А кто отправится на поиски?

— Мои люди, — ответил капитан. — Нашему кораблю нетрудно достичь Джайэра, где живут цивилизованные народы, несомненно обладающие ртутью. Думаю, мы сможем вернуться через год.

— И приведете с собой пиратский флот и авантюристов, которые помогут вам захватить священный корабль, не так ли? — грубо спросил Гюзан. — Или... покинув наши острова... вы и не вздумаете идти к берегам Юракадака, а направитесь прямехонько к себе домой, доложите обо всем своей королеве и вернетесь сюда с могучим войском, повинующимся ей.

Ровик прислонился плечом к одному из столбов, поддерживавших крышу. Он напоминал большую хищную кошку в брыжах, штанах и алой накидке, которая устроилась поудобнее. Правая рука его продолжала покоиться на эфесе шпаги.

— Думаю, что только Вал Найра сумеет запустить корабль, — протянул он. — Не все ли равно, кто поможет ему в починке? Не думаете же вы, что какой-нибудь из народов нашего мира может завоевать рай?

— Управлять кораблем очень легко, — заторопился Вал Найра. — Вести его в атмосфере может любой. Я показывал многим из ваших дворян, какими рычагами надо для этого пользоваться. А вот кораблевождение в межзвездных просторах — дело трудное. Ни один человек вашего мира не сможет самостоятельно достичь моей родины. И уж конечно не

вам воевать с моими соплеменниками. Да и зачем воевать? Я тысячу раз говорил тебе, Искилип, что жители Млечного Пути никому не грозят, а готовы помочь всем. Богатства там столь несметны, что мои братья не могут истратить и малой части их. Они с радостью отдадут что угодно, чтобы помочь жителям вашего мира снова стать цивилизованными.

Вал Найра тревожно взглянул на Ровика и продолжал в крайнем волнении:

— Я хочу сказать — полностью цивилизованными. Мы обучим вас всем нашим наукам. Дадим вам двигатели, автоматы, искусственных людей для выполнения самых тяжелых работ, лодки, парящие в воздухе, вместе с нами вы будете летать на больших кораблях между звездами.

— Вот уже сорок лет, как ты обещаешь нам все это, — сказал Искилип. — Но чем ты можешь подтвердить свои слова?

— Теперь у него появилась такая возможность, — выпалил я.

В игру вступил Гюзан и мрачно заговорил:

— Не так все просто, Святейший. Долгими неделями я наблюдал за этими людьми с материка, пока они жили на Ярзике. Они притворяются хорошими, но это жестокий и алчный народ. Я доверяю им только тогда, когда они у меня на глазах. И все же они ухитрились сегодня обмануть нас. Эти люди изучили наш язык гораздо лучше, чем показывают. И неправда, что они много слышали раньше о Посланце. Если корабль снова сможет летать и они завладеют им, кто знает, чего от них тогда ждать?

Ровик мягко спросил:

— Что же ты предлагаешь, Гюзан?

— Этот вопрос мы обсудим в другое время.

Я увидел, что хисагази крепче сомкнули пальцы на рукоятках своих каменных топоров. Какое-то время слышалось лишь прерывистое дыхание Вал Найра. Отблески светильника падали на грузную фигуру Гюзана, который поглаживал подбородок, задумчиво уставясь в землю своими маленькими черными глазками. Наконец он стряхнул с себя оцепенение.

— Пусть ваш корабль, Ровик, — жестко сказал он, — плывет за жидким камнем с командой из хисагази. А двое-трое ваших будут на борту советниками. Остальные же останутся здесь в качестве заложников.

Капитан ничего не ответил. Вал Найра застонал.

— Вы не понимаете! Ссоритесь из-за пустяков! Когда мои родичи прибудут сюда, не станет ни войн, ни угнетения. Они излечат вас от этих страшных недугов. Они будут дружить равно со всеми, никому не оказывая предпочтения. Прошу вас...

— Довольно, — сказал Искилип усталым голосом. — Пора спать. Если, конечно, кто-нибудь сможет уснуть после всех этих странных разговоров.

Взор Ровика скользнул не задерживаясь по плюмажу императора и уперся в лицо Гюзана.

— Прежде чем мы примем какое-либо решение... — он с такой силой сжал эфес шпаги, что побелели суставы пальцев. Какая-то мысль зародилась в его голове. Но голос оставался ровным. — Сначала я хочу посмотреть тот корабль. Можем мы отправиться туда завтра?

Хотя Святейшим почитался Искилип, он безучастно стоял в своем парадном одеянии из перьев. Гюзан же наклонил голову в знак согласия.

Мы пожелали доброй ночи и отправились к себе. Тамбур приближался к полнолунию и заливал двор холодными лучами, но хижина стояла в тени храма и казалась совсем черной. Только небольшой прямоугольник дверного проема светился изнутри. На фоне его виднелась хрупкая фигура Вал Найра, прибывшего со звезд. Он провожал нас глазами, пока мы не скрылись из виду.

Спускаясь по тропе, Гюзан и Ровик кратко договорились о дальнейшем. Корабль находился на склоне горы Улас, в двух днях пути отсюда. Для осмотра его будет снаряжена совместная экспедиция, но в ней сможет участвовать не более двенадцати монталирцев. Последующие действия будут обсуждаться по мере надобности.

На корме нашей каравеллы светились желтым светом фонари. Отказавшись от гостеприимства

Искилипа, мы с Ровиком вернулись на ночь к себе. Матрос с пикой, охранявший трап, спросил что нового.

— Завтра расскажу, — ответил я слабым голосом. — Сейчас у меня голова идет кругом.

— Зайди ко мне в каюту, мальчик, — сказал капитан, — хлебнем чего-нибудь перед сном.

Видит бог, я очень хотел выпить. Мы вошли в тесное помещение с низким потолком. Его загромождали навигационные инструменты, книги и печатные карты, которые стали казаться мне смешными с тех пор, как я сам повидал те места, где на карте картограф изобразил русалок и розу ветров. Ровик сел за стол, жестом предложив мне сесть напротив, и наполнил из графина два кубка куэйнского хрусталя. Тут я понял, что голова его занята мыслями куда более важными, чем спасение наших жизней.

Некоторое время мы молча потягивали вино. Я слышал, как мягко бьются небольшие волны о корпус нашего судна, слышал шаги вахтенных, далекий шум прибоя. И ничего больше. Наконец Ровик откинулся назад, глядя на рубиновые блики в вине. Выражение его лица оставалось для меня непонятным.

— Ну, мальчик, — сказал он, — что ты обо всем этом думаешь?

— Не знаю, что и думать, капитан.

— Ты и Фрод больше других подготовлены к мысли, что звезды — те же солнца. Вы образованные. Что до меня, то за свой век я перевидал столько чудес, что и это кажется мне возможным. Однако остальные наши люди...

— Причуды судьбы! Варвары, вроде Гюзана, давно постигли эту истину, ибо старик с неба вот уже сорок лет втайне проповедует ее представителям их сословия... А он действительно пророк, капитан?

— Он говорит, что нет. Играет в пророка, потому что приходится, но вся знать империи прекрасно знает, что это не так. Искилип совсем выжил из ума и почти убежден теперь в истинности всей этой выдуманной игры. Он что-то бормотал насчет пророчеств, сделанных Вал Найра много лет назад, подлинных пророчеств. Ерунда! Просто ему изменяет

память или хочется, чтоб было так. Вал Найра такой же человек, как я, с теми же слабостями. Мы, монталирцы, из той же плоти, что эти хисагази, хотя научились выплавлять металл раньше, чем они. Родичи Вал Найра, в свою очередь, знают больше нас. Но, клянусь небом, они все же смертны. Я *должен* помнить, что это так.

— Гюзан помнит.

— Браво, мальчик! — Ровик скривил рот в усмешке. — Он умен и смел. Увидел теперь возможность вырваться наверх, стать чем-то большим, чем правитель отдаленного острова. И не упустит эту возможность без борьбы. Как многие, кто и до него вел двойную игру, он использует старый прием — обвиняет нас в намерении совершить то, о чем мечтает сам.

— Но чего он хочет?

— Должно быть, рассчитывает захватить корабль. Вал Найра сказал, что управлять им в воздухе легко. Однако совершать межзвездные перелеты под силу лишь самому Вал Найра, и ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову пиратствовать на Млечном Пути. Но... если корабль оставить здесь, в нашем мире, и не подниматься выше, чем на милю от земли... военачальник, в чьих руках он окажется, сможет завоевать больше стран, чем сам Хромой Дарвет.

Меня охватил ужас.

— И вы полагаете, что Гюзан даже не попытается искать рай?

Ровик так мрачно разглядывал свой кубок, что я понял: сейчас он хочет остаться в одиночестве. Я отправился на корму в свою койку.

Капитан встал еще до рассвета и занялся приготовлениями к экспедиции. Было ясно — он принял какое-то решение, скорее всего рискованное. Но, взяв определенный курс, он редко от него отказывался. Ровик долго совещался с Этиеном, и когда тот вышел из каюты, вид у него был испуганный. Словно для того, чтобы вернуть себе уверенность, он особенно придирался к матросам.

В число двенадцати монталирцев, допущенных к участию в экспедиции, входили Ровик, Фрод, Этиен,

я и восемь рядовых матросов. Всем выдали шлемы, нагрудники, мушкеты и холодное оружие. Гюзан сообщил нам, что к кораблю ведет тропа, а потому мы захватим с собой ручную тележку. Погрузкой руководил Этиен. К моему удивлению, на тележку навалили бочонки с порохом, да столько, что оси затрещали.

— Но мы ведь не берем с собой пушек, — запротестовал я.

— Приказ шкипера, — отрезал Этиен.

С этими словами он повернулся ко мне спиной. Подступить же с вопросами к Ровику никто бы не осмелился — такое у него было сегодня лицо. Я вспомнил, что путь наш лежит в гору. Если с горы столкнуть на вражеское войско целую тележку с порохом, предварительно запалив фитиль, можно выиграть бой. Но неужели Ровик ожидает столкновения так скоро?

Распоряжения, которые он отдал офицерам и матросам, остававшимся на борту «Золотого скакуна», тоже наводили на эту мысль. Они должны были держать корабль в полной готовности как к бою, так и к отплытию.

Чуть взошло солнце, мы сотворили утреннюю молитву дочери божьей и двинулись по пристани. Доски настила скрипели под нашими башмаками. Над бухтой плавали клочья тумана; в небе виднелся полумесяц Тамбура. В городе Никум, когда мы его проходили, царила тишина.

Гюзан встретил нас у храма. Главой экспедиции считался один из сыновей Искилипа, но Гюзан обращал на этого юношу так же мало внимания, как и мы. Им придали сто человек охраны — воинов в кожаных чешуйчатых панцирях, с бритыми головами и татуировкой, изображающей драконов. Лучи утреннего солнца сверкали на обсидиановых наконечниках копий. Воины молча следили за нашим приближением, но когда мы подошли к их нестройным рядам, вперед выступил Гюзан. На нем тоже был кожаный панцирь, у пояса — шпага, подаренная ему Ровиком на Ярзике. На накидке из перьев блестела роса.

— Что у вас в тележке? — спросил он.

— Припасы, — ответил Ровик.

— На четыре дня?

— Отпусти всех своих людей, кроме десяти, — спокойно сказал Ровик, — и я отправлю тележку обратно.

Их взоры скрестились, потом Гюзан повернулся к своим и отдал негромкое распоряжение. Мы, то есть несколько монталирцев, окруженных языческими воинами, двинулись в путь. Впереди до середины склона Уласа поднимались темно-зеленые джунгли. Выше гора казалась совершенно черной вплоть до полосы снегов, опоясавших дымящийся кратер.

Вал Найра шел между Ровиком и Гюзаном.

«Как странно, — подумал я, — что орудие божьей воли всего только хилый старик. Ему бы быть высоким и гордо выступать со звездой на лбу».

Весь первый день, вечером, когда мы разбили лагерь, и на следующий день тоже Ровик и Фрод с интересом расспрашивали его о родине. Разумеется, беседа их то и дело прерывалась. Да и слышал я далеко не все, поскольку в очередь с другими должен был толкать тележку вверх по этой проклятой узкой тропе. У хисагази нет вьючных животных, поэтому они почти не знают колес и не заботятся о дорогах. Но то, что мне удалось услышать, долго мешало заснуть.

Я услышал о чудесах, более удивительных, чем те, что приписывают стране эльфов поэты. Целые города вмещаются в башню высотой каждая в полмили. Небо залито искусственным светом так, что и после захода солнца не бывает темно. Пищу родит не земля, а колбы в лабораториях алхимиков. Последний крестьянин владеет десятками машин, более послушных и работающих лучше, чем тысяча рабов; у каждого есть воздушная повозка, способная за день облететь вокруг света, а в долгие часы досуга хрустальное окно показывает ему театральные представления. Суда, груженные сокровищами тысяч планет, ходят от солнца к солнцу. Они не вооружены, никто их не охраняет, потому что нет больше пиратов, а между державой Вал Найра и державами других миров царит

согласие, и о войнах все давно позабыли. (Державы других миров, видно, еще чудеснее, чем страна Вал Найра, — они населены не людьми, а не похожими на людей существами, разумными и обладающими даром речи.) В этой счастливой стране почти не бывает преступлений. Но если оно все же совершится, преступник попадает в руки корпуса охраны порядка; однако его не вешают и даже не ссылают за море. Просто ум его освобождают от стремления преступать закон. К нему потом относятся даже с большим уважением, чем ко всем другим, ибо окружающие знают, что после излечения ему можно полностью доверять. Что касается формы правления, то тут я не все расслышал. Как будто это республика, которой управляют избранные люди, преданные народу и заботящиеся о всеобщем благе.

«Да, — подумал я, — это, конечно, рай!»

Наши матросы развесили уши и разинули рты. Ровик слушал сдержанно, но все время покручивал ус. Гюзан, для которого все это было не внове, почти не скрывал раздражения. Ему явно не нравилось наше общение с Вал Найра и та очевидная легкость, с какой Ровик понимал мысли пришельца.

Но ведь мы были представителями народа, который уже давно преуспевал в естественных науках и постижении законов механики. За свою короткую жизнь я был свидетелем того, как на смену водяным мельницам пришли другие, движимые ветром, особенно в местностях, бедных ручьями и реками. Часы с маятником были изобретены всего за год до моего рождения. Я читал в книгах о попытках создать летательные аппараты, многие мечтали об этом. Наш головокружительный прогресс позволял нам, монталирцам, без затруднений осваивать новые знания, расширяя свой кругозор.

Именно об этом я заговорил, сидя вечером у костра с Фродом и Этиеном.

— О! — тихо произнес Фрод. — Сегодня я узрел Истину без покрова. Ты слышал слова человека со звезды? Три закона движения планет вокруг солнца и один великий закон притяжения, объясняющий их! Святые угодники, этот закон можно выразить одной

короткой формулой, но, чтобы вывести ее, математикам понадобится три столетия.

Взгляд его уставился в никуда. Он не видел нашего костра и других костров, подле которых спали язычники, не видел погруженных во мрак джунглей, не видел сверкающего небосклона, по которому блуждали отсветы огнедышащего кратера.

— Оставь его, парень, — проворчал Этиен. — Не видишь разве, что он хуже, чем влюбился.

Я поближе придвинулся к грузному боцману — так было спокойнее: в джунглях вокруг слышались какие-то шорохи и чье-то рычание.

— Что ты обо всем этом думаешь? — тихо спросил я.

— Я-то? Да я и вовсе бросил думать с тех пор, как на квартердеке шкипер обдурил нас и заставил плыть с ним дальше. И мы плыли, как дураки, зная, что, если корабль перевалится через край света, мы полетим вместе с пеной к нижним звездам... Что ж, я всего лишь бедный моряк... Как мне вернуться домой, если я не пойду за шкипером?

— Даже к звездам?

— Что ж! Это дело, пожалуй, не такое рисковое, как ходить кругом света. Старичок-то уверял, что его корабль безопасный и что между солнцами не бывает штормов.

— А ты веришь ему на слово?

— А как же! Я старый бродяга и разбираюсь в людях неплохо. Сразу видно: старик — человек слишком робкий и простосердечный, чтобы врать. Я не боюсь жителей рая, и шкипер тоже. Впрочем, чего-то он все-таки боится... — Этиен скривился и поскреб свой заросший подбородок. — Нет, не того, что они нагрянут сюда с огнем и мечом, а все-таки какая-то тревога грызет его.

Вдруг почва под нами заколебалась. Это вулкан Улас прочищал глотку.

— Похоже, что мы можем навлечь на себя гнев господень.

Но Этиен продолжал свое:

— Что-то другое у шкипера на уме. Особенно набожным он никогда не был, — он почесался, зев-

нул и поднялся. — Хорошо, что я не шкипер. Пусть ломает голову, как поступать дальше. А нам с тобой поспать самое время.

Но спал я плохо.

Я надеялся, что Ровик хорошо отдохнул. Но наутро он выглядел хуже некуда. Я стал раздумывать, почему бы это. Может быть, он опасался, что хисагази нападут на нас? Но зачем тогда мы отправились с ними? А между тем склон горы становился все круче, тащить повозку стало так тяжело, что страхи мои куда-то делись, — мне было теперь не до них.

Но когда на исходе дня мы увидели наконец корабль, я забыл об усталости. Наши матросы дружно ругнулись и застыли, опершись на пики. Хисагази, которые никогда не отличались болтливостью, молча пали ниц перед этим видением. Лишь Гюзан стоял прямо и неподвижно, не сводя глаз с чуда. И лицо его — я хорошо это видел — выражало вожделение.

Места тут были дикие. Мы уже миновали верхнюю границу лесов, и теперь джунгли расстилались под нами — зеленое море посреди серебряных вод океана. Кругом были черные камни, наши ноги попирали вулканический пепел и туф. Крутые склоны с глубочайшими трещинами вздымались все выше, к снегам и дымному пламени. До вершины вулкана оставалось не меньше мили. Над всем этим простиралось бледное, холодное небо. А перед нами высился корабль. И был он — сама красота.

Я все помню. По длине, или, вернее, по высоте, ибо он опирался на хвост, корабль равнялся нашей каравелле, формой походил на наконечник копья; он сверкал белизной, словно только что побеленная стена, и цвет этот был так же девственно чист, как и четыре десятка лет назад. Вот и все. Но слова бедны, государи мои. Разве можно ими описать плавные изгибы, стремящиеся вверх, блеск полированного металла, создание величественное и прекрасное, нетерпеливо ожидающее взлета? Как воскресить перед вами великолепие корабля, рассекавшего некогда звездные просторы?!

Мы долго стояли неподвижно. Слезы застилали мне глаза, я смахивал их, досадуя, что матросы могут заметить мое волнение. Но тут я увидел, как слеза скатилась на рыжую бороду капитана. Однако голос его был ровен, когда он сказал:

— Пошли, надо разбить лагерь.

Хисагазийские воины не решились подойти ближе чем на несколько сот шагов к могущественному идолу, каким был для них корабль. Да и наши матросы предпочитали сохранять ту же дистанцию. Но после наступления темноты, когда в лагере воцарилась тишина, Вал Найра повел меня, Ровика, Фрода и Гюзана к своему судну.

Как только мы приблизились, в корпусе корабля бесшумно растворилась двойная боковая дверь и на землю опустился металлический трап. Обшивка корабля отражала сияние Тамбура и отблески багровых облаков дыма, подсвеченных жерлом вулкана. Все наводило на меня страх. А когда корабль вдруг раскрылся перед нами, словно по велению невидимого хранителя, я вскрикнул и ринулся прочь. Вулканический пепел хрустел под ногами. Я задыхался от паров серы, насыщавших воздух. Однако, добежав до лагеря, я справился с собой и оглянулся. Черный камень кругом поглощал свет, и я увидел один лишь корабль во всем его величии. И я вернулся.

Внутренность корабля освещалась холодными на ощупь панелями, излучавшими свет. Вал Найра объяснил, что главный двигатель, сообщавший кораблю движение и неустанно работавший, подобно сказочному троллю, остался невредим. Чтобы пустить его в ход, достаточно передвинуть рычаг. Насколько я смог понять объяснения Вал Найра, суть дела вроде бы заключалась в том, что металл, входящий в состав обычной соли, превращался в свет... До конца я всего этого не постиг. Ртуть нужна была для одной из частей механизма управления, которая передавала энергию двигателя какому-то еще устройству. А уж это устройство поднимало корабль в небеса. Мы осмотрели поврежденный резервуар. Как, верно, страшен был удар, искоречивший, погнувший такой крепкий сплав! И все же невидимые силы уберегли

Вал Найра, да и корабль почти не пострадал. Вал Найра показал несколько инструментов, которые искрились, жужжали и гудели в его руках, и объяснил, как можно устранить поломку. Сразу видно было, что он сумеет справиться с починкой, а тогда останется только влить галлон ртути, и корабль оживет.

Той ночью мы увидели и многое другое. Но я не стану рассказывать — все это было так странно, что у меня все равно не хватит слов описать свои смутные воспоминания.

Ровик, Фрод и я провели несколько часов на Священной горе. Не уходил и Гюзан. Он уже однажды побывал здесь, когда проходил обряд посвящения в мужи, но тогда ему многое не показывали. Я неусыпно наблюдал за ним и опять прочел на его лице не радость узнавания, не удивление, а одну лишь алчность.

Видел это и Ровик. Он вообще все видел. Но молчал. Молчал, и когда мы покидали корабль. Однако не потому, что был поражен тем, что мы узнали, как я и Фрод. Мне казалось, он обдумывает, как предотвратить беду, которую, несомненно, собирался навлечь на нас Гюзан. Но теперь, вспоминая минувшее, я понимаю: ему просто было очень грустно.

Во всяком случае, еще долго после того, как мы улеглись, он стоял один, глядя на корабль, сиявший в лучах Тамбура.

Рано утром, в предрассветном холодке, меня растолкал Этиен.

— Вставай, парень. Работа есть. Заряжай пистолеты да привесь кинжал к поясу.

— Что? Что случилось?

Я запутался в покрытом инеем одеяле. События минувшей ночи казались сном.

— Шкипер молчит, но, видно, ждет заварухи. Ступай к тележке, помоги дотащить ее до той летающей башни.

Грузный Этиен прошептал все это, сидя на корточках подле меня. Затем медленно добавил:

— Сдается мне, что Гюзан замыслил перебить нас здесь на горе. Ему хватит одного офицера и нескольких матросов, чтобы вести «Золотого скакуна», куда

он прикажет. Ну, а остальным для собственного спокойствия вспорет брюхо.

Я, наконец, выпутался из одеяла, стуча зубами. Вооружился, наскоро перекусил кое-чем из общего запаса. Хисагази брали с собой в поход сушеную рыбу и нечто вроде хлеба из толченой травы. Одни лишь святые знали, когда мне снова доведется поесть. К тележке, где уже собрались Ровик и все наши, я прибежал последним. Туземцы мрачно приближались к нам, пытаясь разгадать наши намерения.

— Пошли, ребята, — сказал Ровик и вполголоса отдал какое-то распоряжение.

Четверо матросов поволокли тележку по скалистой тропе к кораблю, сверкавшему в тумане. Остальные, в том числе и я, стояли на месте с оружием наготове. Тут же к нам подошел Гюзан, а за ним Вал Найра.

Ровик окинул его равнодушным взглядом, бросив небрежно:

— Итак, государь мой, поскольку мы задерживаемся здесь для осмотра чудес на борту корабля...

— Что? — прервал его Гюзан. — Что это значит? Мало вам того, что вы уже видели? Пора возвращаться, чтобы отправиться за жидким камнем.

— Отправляйся, если хочешь, — сказал Ровик. — А я намерен задержаться здесь. А раз ты не доверяешь мне, я отвечаю тем же. На «Золотом скакуне» осталось достаточно людей, и, если что, они сумеют постоять за себя и за каравеллу.

Рассвирепевший Гюзан поднял крик. Но Ровик не обращал на него внимания. Матросы продолжали толкать тележку вверх по неровной тропе. Гюзан сделал знак копьеносцам, и те двинулись на нас. Они не построились боевым порядком, но и так выглядели достаточно внушительно. Тут подал команду Этиен. Мы стали плечом к плечу, выставили вперед пики, нацелили мушкеты.

Гюзан сделал шаг назад. Он уже знал, что такое огнестрельное оружие, на острове мы показывали его в действии. Конечно, он мог уничтожить нас, воспользовавшись превосходством в численности и пойдя на большие потери. Но у него не хватало решимости.

— Не из-за чего драться, не так ли? — мягко сказал Ровик. — Я ведь только принимаю меры разумной предосторожности. Корабль — бесценное сокровище. Он может открыть врата рая для всех, может также открыть путь к владычеству над нашим миром для одного. Среди нас могут оказаться и те, кто предпочтет второе. Я не говорю, что ты один из них. Однако, осторожности ради, я решил: корабль будет нам залогом и крепостью, пока я не пожелаю уйти отсюда.

Тут-то и раскрылись окончательно истинные намерения Гюзана. Наши подозрения полностью подтвердились. Если бы он действительно стремился к звездам, единственной его заботой было бы сохранить корабль в целости. Он не прыгнул бы вперед, не вцепился бы в тщедушного Вал Найра могучей хваткой и не пятился бы, прикрываясь, как щитом, человеком со звезды, чтобы уберечься от наших мушкетов. Злоба искажала его татуированное лицо. Он заорал:

— Тогда и я возьму заложника. Что толку вам теперь в корабле!

Хисагази сплотились вокруг него, что-то выкрикивая, размахивая копьями и топорами, но явно не собираясь преследовать нас. Мы начали подниматься по черному склону горы. Становилось все жарче.

Фрод задумчиво крутил прядь бороды.

— Как вы думаете, господин капитан, — сказал он, — хисагази решатся на осаду?

— Во всяком случае, никому не советую ходить в одиночку, — сухо ответил Ровик.

— Но какой смысл оставаться в корабле без Вал Найра, ведь только он один может все объяснить? Не лучше ли вернуться обратно? Мне необходимо посмотреть сочинения математиков — голова идет кругом от закона, согласно которому вращаются планеты... и еще я хочу спросить человека из рая, что он знает о...

Ровик прервал его, резко приказав трем матросам помочь вытащить колесо тележки, застрявшее в камнях. Он был в ярости. Признаюсь, я подумывал, не сошел ли он с ума. Его поступки были мне непонятны. Если Гюзан задумал предательство, что мы выиграем,

запершись в корабле? Он попросту уморит нас голодом. Разве не лучше атаковать его на открытой местности, так у нас хоть был бы шанс пробиться к своим. А если Гюзан не собирался нападать на нас в джунглях или в другом месте, наше поведение становилось бессмысленным вызовом. Но я не осмеливался задавать вопросы.

Когда мы подтащили тележку к кораблю, из двери снова опустился трап. Бормоча проклятия, матросы отпрянули назад. Ровик, взяв себя в руки, принялся увещевать их:

— Спокойно, ребята. Признаюсь, я уже побывал на борту. Ничегошеньки там нет зловредного. Давайте-ка затащим туда порох и разместим бочонки, как я скажу.

Меня, самого слабого, освободили от переноски тяжелых бочонков и поставили у трапа, чтобы вести наблюдение за хисагази. До них было слишком далеко, и я не мог расслышать ни слова, но я прекрасно видел, как Гюзан забрался на большой камень и держал перед воинами речь. Они потрясали оружием и что-то вопили. Но атаковать нас так и не решились. Я силился понять, что же все-таки происходит. Если Ровик предвидел осаду, то ясно, зачем мы захватили с собой порох... Хотя нет, пороху было столько, что дюжина стрелков могла бы вести мушкетный огонь непрерывно в течение нескольких недель, разумеется, если бы у них хватило и свинца для пуль... Да и еды у нас почти не было. Я перевел глаза вверх, туда, где из-за ядовитых облаков дыма, изрыгаемых вулканом, проглядывал Тамбур. На нем бушевали бури. И самой малой из них достаточно, чтобы поглотить наш мир. Я подумал о демонах, которые вселяются в людей.

Вдруг раздался крик. Я вздрогнул и приготовился дать отпор. Но это кричали внутри корабля. Голос Фрода, полный возмущения... Больше всего мне хотелось взбежать вверх по трапу, но я вовремя вспомнил о своем долге. Яростный голос Ровика приказал ему молчать, а матросам — продолжать работу. Затем Ровик и Фрод засели в штурманской рубке и прого-

ворили около часу. Когда старик вышел из рубки, он больше не протестовал. Но, спускаясь по трапу, плакал.

За ним последовал Ровик. Более мрачного человека я еще никогда не видел. Потом гуськом спустились матросы. Одни выглядели испуганными, другие — довольными, но все смотрели вниз, на хисагазийский лагерь. Это были простые матросы. И корабль мало что для них значил. Для них это было нечто чуждое, вызывавшее лишь тревогу. Последним шел Этиен. Спускаясь по металлическому трапу, он разматывал какой-то длинный шнур.

— В каре стройсь! — отрывисто скомандовал Ровик. Матросы поспешно повиновались. — А вы, Жиан и Фрод, в центр! Потащите боеприпасы, это вы сумеете лучше, чем драться.

Сам Ровик занял место в передней шеренге.

Я тронул Фрода за рукав.

— Пожалуйста, скажите, господин, что происходит?

Вместо ответа Фрод зарыдал.

Этиен присел на корточки с кремнем и огнивом в руках. Он услышал меня — все остальные хранили мертвое молчание — и произнес твердым голосом:

— Мы разложили бочонки по всему корпусу, соединили их пороховыми дорожками. А вот и фитиль, который все это рванет.

Я не мог ни говорить, ни даже думать! Чудовищно! Словно откуда-то издалека послышался скрежет кремня о сталь. Боцман раздул искру и сказал:

— Я считаю, все правильно шкипер придумал. Я говорил вчера, что пойду за шкипером куда угодно и не испугаюсь даже божьего проклятия, но лучше все же не искушать господа сверх меры.

— Шагом марш! — раздалась команда. Сверкнула шпага, которую Ровик вынул из ножен.

Мы спускались с горы, пепел и туф у нас под ногами громко и неприятно хрустели. Я не оглядывался. Не мог себя заставить. Казалось, что все это кошмарный сон. Мы понимали, что Гюзан так или иначе преградит нам путь, а потому двинулись прямо на его отряд. Когда мы достигли границы лагеря, он

выступил вперед. За ним, дрожа, плелся Вал Найра. Я был как в тумане и едва расслышал слова Гюзана.

— Итак, Ровик, что теперь? Готов ли ты вернуться?

— Да, — глухо промолвил капитан. — Меня больше ничто здесь не держит.

Гюзан исподлобья взглянул на него. Он становился все подозрительнее.

— Почему ты бросил свою тележку? Что ты оставил там?

— Припасы. Идем!

Вал Найра посмотрел на смертоносные наконечники наших пик. Несколько раз провел языком по пересохшим губам и с трудом выговорил:

— О чем вы? Зачем оставлять там продовольствие? Все равно оно испортится, пока придет время... время...

Он встретил взгляд Ровика и пошатнулся. Кровь отхлынула от его лица.

— Что ты сделал? — прошептал он.

Вдруг Ровик поднял незанятую шпагой руку и закрыл лицо.

— Я сделал то, что должен был сделать, — хрипло сказал он. — Дочерь божья, прости меня.

Человек со звезды еще мгновение смотрел на нас. Затем повернулся и побежал. Он пронесся мимо пораженных воинов и, достигнув покрытой пеплом горы, стал подниматься к кораблю.

— Назад! — закричал Ровик. — Глупец, ты никогда не...

Он с трудом проглотил комок в горле. Долго следил, не отрывая взгляда, за одиноким человечком, который, спотыкаясь, бежал к Прекрасному на склоне огнедышащей горы. Потом капитан опустил руку со шпагой.

— Может, так лучше, — произнес он. И это прозвучало, как благословение.

Гюзан поднял свою шпагу. В чешуйчатых кожаных доспехах, с перьями на голове, он выглядел не менее величественно, чем одетый сталью Ровик.

— Говори, что ты наделал, — прорычал он. — Или я сейчас убью тебя.

На наши мушкеты он даже не взглянул. У него тоже была своя мечта. И он тоже увидел, как ей пришел конец, когда взорвался корабль.

Даже такой сверхтвердый корпус не выдержал одновременного взрыва стольких бочонков пороха, размещенных во всех его концах. Раздался оглушающий треск, бросивший меня на колени, и корпус раскололся. По склонам горы полетели раскаленные добела куски металла. Один из них ударился в валун и разбил его вдребезги. Вал Найра исчез, верно, он погиб мгновенно и, к счастью, не мог увидеть того, что случилось. В конечном счете господь был к нему милосерден. Сквозь пламя и дым, в таком громе, как если бы наступил день Страшного суда, я увидел падение корабля. Он рухнул вниз, по склону, разбрасывая свои изуродованные внутренности. И тут зарычала сама гора. Склон ее пополз вслед за остатками корабля, погребя их под собой. Пыль заволокла небо.

Больше я ничего не могу вспомнить.

Хисагази закричали и бросились бежать. Они, видимо, решили, что ад и небо обрушились на землю. Но Гюзан не побежал. Когда пыль заволокла и нас, и могилу корабля, и увенчанный снегами кратер вулкана, он ринулся на Ровика. Один из наших матросов вскинул было мушкет, но Этиен пригнул дуло книзу. Мы стояли и смотрели на поединок этих двоих. Они бились на содрогавшейся, покрытой пеплом земле, а мы всей душой понимали — у них есть на это право. Их клинки скрещивались звеня и высекали искры. Ровик оказался более искусным бойцом. В конце концов он пронзил своей шпагой горло Гюзану.

Мы достойно похоронили правителя острова Ярзик и пустились через джунгли в обратный путь.

В ту же ночь, опомнившись, воины хисагази атаковали нас. Пришлось пустить в ход мушкеты, но больше всего поработали наши шпаги и пики. Так или иначе мы пробились сквозь их ряды, потому что другого пути к морю у нас не было.

Они оставили нас в покое, но выслали вперед гонцов с известием о событиях. Когда мы достигли

Никума, Искилип бросил против нас все свои силы. Одни отряды штурмовали «Золотого скакуна», другие поджидали нас в засаде, чтобы не допустить к кораблю. Мы снова построились в каре. Так что сколько бы их там ни было, биться с нами одновременно могли человек двадцать, не больше. Все же мы оставили шесть хороших парней на залитых кровью грязных улицах. Когда команда, ждавшая нас на каравелле, увидела, что Ровик возвращается, она принялась обстреливать город из пушек. Тростниковые крыши легко загорались, и это внесло такое смятение в ряды противника, что отряд, совершивший вылазку с корабля, смог соединиться с нами. Общими силами мы прорвались к причалу, взошли на борт и выбрали якорь.

Взбешенные хисагази отважно подвели свои челны к корпусу нашего корабля так, чтобы очутиться в мертвом пространстве, вне пределов орудийного огня. Они взбирались на плечи друг другу, пытаясь дотянуться до лееров. Одному отряду это удалось, противник оказался на палубе, и мы смогли сбросить его в море только после ожесточенной схватки. Тогда-то мне и перебили ключицу, которая мучит меня по сей день.

В конце концов мы все-таки выбрались из фьорда. Дул свежий восточный ветер. Мы подняли все паруса и скоро оставили позади наших врагов. Затем пересчитали убитых, перевязали раны и улеглись спать.

На рассвете, разбуженный болью в плече и еще более сильной болью в душе, я поднялся на квартердек. Небо было покрыто облаками. Ветер усилился. До самого горизонта, затянутого серыми тучами, катились холодные зеленые волны с белыми гребнями. Корпус корабля стонал, такелаж гудел. Целый час я простоял, глядя назад, и прохладный ветер успокаивал боль.

Потом я услышал за собой шаги. Не оборачиваясь, я понял, что это Ровик. Он долго стоял рядом с непокрытой головой. Я вдруг увидел седину, пробившуюся в его волосах.

Наконец, все еще не глядя на меня и щуря глаза, слезившиеся от ветра, Ровик заговорил:

— В тот день я все объяснил Фроду. Он ужаснулся, но признал, что я прав. А с тобой он говорил об этом?

— Нет, — сказал я.

Ровик кивнул.

— Никто из нас не станет много говорить об этом.

Мы замолчали. Потом он заговорил вновь:

— Я боялся не того, что Гюзан или кто другой захватит корабль, чтобы владычествовать над миром. Мы, монталирцы, всегда справимся с такими проходимцами. Не боялся я и обитателей рая. Этот бедный старик говорил правду. Они не нанесли бы нам вреда... нарочно... Привезли бы с собой ценные подарки, открыли бы нам свои тайны, дали бы возможность побывать на всех своих звездах.

— Тогда зачем?.. — с трудом выговорил я.

— Когда-нибудь последователи Фрода разгадают загадки Вселенной, — сказал он. — Когда-нибудь наши потомки построят собственный корабль и поведут его навстречу судьбе, которую избрали.

Брызги обдавали нас, волосы стали влажными. На губах я почувствовал вкус соли.

— А пока что, — сказал Ровик, — сами будем ходить по морям нашего мира, сами взбираться на его горы, сами составлять карты и покорять природу, стараясь постичь ее. Сами, понимаешь, Жиан? И всего этого лишил бы нас корабль.

Тут я, наконец, разрыдался. Он положил руку на мое здоровое плечо и еще немного постоял рядом. А «Золотой скакун» шел под всеми парусами, держа курс на запад.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕЛЬ ВЫСШАЯ МОЯ — ЧТОБ НАКАЗАНЬЕ ПРЕСТУПЛЕНЬЮ СТАЛО РАВНЫМ (*Пер. С. Васильевой*) 5
ЕУТОПИЯ (*Пер. Б. Александрова*) 18
БЕСКОНЕЧНАЯ ИГРА (*Пер. Б. Антонова*) 42
НЕТ МИРА С КОРОЛЯМИ (*Пер. С. Андреева*) 56
СЕСТРА ЗЕМЛИ (*Пер. Н. Галь*) 110
СОКРОВИЩА МАРСИАНСКОЙ КОРОНЫ (*Пер. К. Сенина*) 163
УБИТЬ МАРСИАНИНА (*Пер. А. Бородоевского*) 185
ЗОВИТЕ МЕНЯ ДЖО (*Пер. А. Бородоевского*) 204
ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ (*Пер. А. Бородоевского*) 251
ЗЕЛЕНАЯ РУКА (*Пер. В. Вебера*) 270
ЦАРИЦА ВЕТРОВ И ТЬМЫ (*Пер. А. Корженевского*) . . 293
ДЕНЬ ПРИЧАСТИЯ (*Пер. С. Топорова*) 353
ЗАДЕРЖКА В РАЗВИТИИ (*Пер. В. Вебера*) 408
ДАЛЕКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ (*Пер. В. Вебера*) 421
МАРОДЕР (*Пер. В. Вебера*) 435
БЫТЬ ТРУСОМ (*Пер. В. Иванова*) 470
ЛАКОМЫЙ КУСОК (*Пер. М. Дронова*) 498
САМОЕ ДОЛГОЕ ПЛАВАНИЕ (*Пер. В. Голанта*) . . . 533

Литературно-художественное
издание

Перевод
с английского

Пол Андерсон

**ЦАРИЦА ВЕТРОВ
И ТЬМЫ**

Ответственный редактор *Ольга Солохина*
Художник *Владимир Бедин*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Верстка *Нины Грибещенко*
Корректоры *Галина Горянова, Галина Якушева*

Подписано к печати с оригинала-макета 27.05.93.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,2. Тираж 200 000 экз. Изд. № 206. Заказ № 384

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18

Отпечатано с оригинал-макета в типографии им. Володарского
Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.